АКАДЕМИЯ НАУК
СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК

С. П. ОБНОРСКИЙ

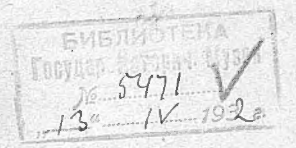
ИМЕННОЕ СКЛОНЕНИЕ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

ВЫПУСК 2

МНОЖЕСТВЕННОЕ ЧИСЛО

ЛЕНИНГРАД
ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
1931

Напечатано по распоряжению Академии Наук СССР
26 ноября 1931 г.
Непременный Секретарь академик *В. Волгин*

Редактор издания академик Н. С. Державин

Технический редактор Л. С. Ляпунова. Ученый корректор Г. И. Кузнецова

Начато набором в марте 1931 г. — Подписано к печати 26 ноября 1931 г.

VI + 410 стр. — 26 4/8 печ. л. — 32 тыс. печ. зн. — Тираж 650
Ленинградский Областлит № 8446. — Заказ № 83.
Типография Академии Наук СССР. В. О., 9 линия, 12

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящий 2-й выпуск исследования «Именное склонение в современном русском языке» печатается без существенных изменений в том виде, в каком работа была представлена в рукописи еще в 1926 году. Необходимость сохранить преемственность с 1-м выпуском труда (напечатан в 1927 году в Сб. ОРЯС, т. 100, № 3) препятствовала какой бы то ни было коренной ревизии настоящей второй его части. Не представилось возможным в частности расширение материальной базы исследования за счет использования данных современной в собственном смысле литературной речи: включение в оборот исследования и трактовка этого материала создали бы неминуемый разнобой настоящего выпуска с ранее выпущенной первой половиной труда. В настоящий 2-й выпуск оказалось возможным включение лишь диалектологических данных, обнародованных за последние годы. В результате исследование в целом должно отображать явления именной морфологии современного русского языка в широком понимании понятия «современности». Современный русский язык в собственном смысле, язык революционной поры, обнаруживает сильные сдвиги во всех его сторонах, более заметные в лексике и стиле, но ощутимые и в морфологической области, и в синтаксисе, и даже в чисто фонетической стороне речи. Но понятно, что научное оправдание этих сдвигов было бы достигнуто лишь в условиях сравнения, как противостоящих величин, систем предреволюционной и революционной речи. Автор надеется, что настоящий труд, подводящий итоги нашим знаниям об именной русской морфологии предреволюционной поры, послужит

необходимой базой, долженствующей облегчить изучение морфологической системы современного русского языка в собственном смысле.

В заключение считаю долгом выразить глубокую признательность Академии Наук в лице ее Отделения общественных наук, обеспечившего в общих трудных условиях печатания издание настоящего выпуска исследования.

С. Обнорский

Именительный падеж

Флексия именительного падежа мн. числа была в старом языке особенно разнообразна. У основ на *-о окончанием служило *-и*, у тех же основ в среднем роде *-а*, далее окончаниями именительного падежа были: *-ове* у основ на *-u, *-иje* (-иѥ) у основ на *-i муж. рода, *-и* у тех же основ в ж. роде, *-ы* и *-ѣ* у основ на *-а — первое окончание в твердом, второе — в мягком различии, наконец, в основах на согласную у имен ср. рода окончанием служило *-а*, у прочих существительных *-е*. В течение исторической жизни русского языка произошло общее вытеснение во мн. числе окончаний именительного падежа окончаниями винительного падежа. Побуждение к этому последнему морфологическому процессу лежало в одинаковости флексии в именительном и в винительном падежах в ряде численно особенно богатых именных категорий, напр. у основ на *-а (*жены*, *землѣ*), в именах ж. рода на *-i (*кости*), наконец, у всех существительных ср. рода (*села, имена* и проч.). В результате этого перенесения в именительный падеж окончаний винительного падежа произошло некоторое упрощение в системе флексии именительной формы. Именно, у основ на *-о, *-u, *-а оказалось одинаковое окончание *-ы* (*рабы*, *волы*, *жены*), у имен на *-jo муж. рода и на *-ja — окончание *-ѣ*, позднее по аналогии с твердым различием заменившееся через *-и* (*кони*, *земли*), в среднем роде по прежнему флексия сохранялась в виде *-а* (*села*, *поля*), во всех же прочих существительных окончанием

оказалось *-и* (*гости, кости*). Сказанное в существенных чертах определяет основную, сложившуюся из старой системы склонения, флексию именительной формы в современном языке: в I типе *-ы*, *-и* (*рабы, кони, волки*), во II типе *-а* (*села, поля*), в III типе *-ы*, *-и* (*жены, земли, руки*), в IV типе *-и* (*кости*), в прочих разновидностях либо *-и* — в словах муж. и ж. рода (*пути, дочери*), либо *-а* у существительных ср. рода (*имена, чудеса, козлята*). Фактически, однако, современный язык характеризуется не только приведенной системой окончаний, оправдывающейся из старых норм языка, но содержит, кроме того, в I типе и диалектически в III и IV типе новые образования на *-á*, в разных типах формы на *-ья* (-ja), наконец, ряд иных разновидностей падежной формы, отчасти как сохранившиеся остатки древнейшей системы склонения, отчасти как новые продукты морфологической эволюции языка.

Наиболее важным, имея в виду широту распространения соответственных форм, и вместе с тем наиболее трудным для разрешения и сложным вопросом во флексии именительного мн. служит вопрос об образовании форм на *-á*. Собственно, общее происхождение этих форм с точки зрения истории языка не вызывает сомнений. Происхождение этих форм в единогласном освещении историков языка (напр. Собол. 218, Шахм. Оч. совр. рус. лит. яз. 110, Дурново Оч. II, 50 — 51, и др.) связывается с заменой старых окончаний им. мн. *-ы*, *-и* (т. е. по происхождению вин. мн.) из формы им.-вин. двойственного числа тех же основ на *-о. В качестве сопутствующих факторов, закреплявших окончание двойственной формы *-а* в новой функции, относившейся к обозначению множественности, служили старые собирательные на *-а* (напр. господа, сторожа, братья), с которыми, между прочим, согласуемые слова обычно в старом языке употреблялись не в единственном, а во множественном числе, и которые позднée перешли из категории имен собирательных в категорию существительных с чистым значением множественности (ср. современные *господá, сторожá, брáтья*, как формы им. *мн.*

числа).[1] Это общее разрешение вопроса о возникновении новых форм на *-а* представляется, однако, недостаточным. Оно было бы достаточным, если бы эти новообразования на *-а* составляли выдержанный тип в именном склонении, если бы они принадлежали цельной категории имен существительных. Фактически, однако, новые формы на *-а* принадлежат не цельной категории имен с старыми основами на *-о, а лишь ее части, в другой же ее части продолжают сохраняться старые окончания (по происхождению вин. мн.) *-ы*, *-и*. Вообще картина употребления в современном русском языке форм на *-á* очень пестрая. В народном языке употребление их шире, чем в литературном языке; впрочем, и в диалектах употребление этих форм весьма неровное, напр. в южновеликорусском наблюдается в одних говорах употребление форм более широкое, чем в литературном языке, в других говорах, наоборот, замечается стремление к преимущественному употреблению старых форм на *-ы*, *-и*, в параллель к соответственным литературным формам на *-а*. В самом литературном языке формы на *-а* сравнительно поздни по происхождению. Судя по памятникам письменности, они идут всего лишь с конца XV, даже с XVI века (см. Собол., Шахм., Дурново, назв. соч.), при чем выступают крайне редко до самого XIX века. Ср. напр., единичную форму *города* из Домостроя (по сп. XVI в. Общ. Ист. и Др. Росс.), единичную же форму *лѣса* из Уложения

[1] Н. Н. Дурново (Очерк ист. рус. яз. 282—3) выставляет еще в качестве факторов, содействовавших закреплению в языке данных форм на *-а*, два обстоятельства: 1) влияние окончания им. мн. *-а* у имен ср. рода, 2) возможность образования на фонетической почве форм на *-а* от слов типа *учитель*, *писарь*, звучавших в им. мн. *учителе*, *писаре*, откуда с перенесением ударения на окончание — *учителя́*, *писаря́* (ср. переход *есме*, *мене* в *есмя*, *меня*). Однако, последние слова, как ненародные, вряд ли могли получить значение воздействующей категории на иные группы слов; кроме того, приведенные формы типа *учителе*, *писаре* очень рано были заменены новообразованиями на *-и* (по основам на *-о). Что касается влияния форм ср. рода на *-а*, то оно теоретически и лишь в диалектическом масштабе возможно, хотя неясны оставались бы при этом предположении ближайшие причины такового влияния. Ср. в южновеликорусских говорах, утрачивающих средний род, совпадение последнего с женским, но не с мужеским родом.

Ал. Мих. (VII, 23). У Кантемира находятся лишь им. мн. *глаза*, *леса*, *брега*, *края*, *рога*, и рядом — *краи*, *роги*, *городы*, *веки*, *учители* и др. (РФВ. 69, 53 и 59). Ломоносов в своей грамматике (§§ 152, 195) говорит о формах, употребительных лишь с окончанием -*а*, только для трех слов — *рог*, *бок*, *глаз* (им. мн. *рогá*, *бокá*, *глазá*), в большинстве прочих имен существительных в его время возможно было двоякое употребление форм — на -*ы*, -*и* и на -*а*, напр. *бéреги* и *берегá*, *лýги* и *лугá*, *лéсы* и *лесá*, *óстровы* и *островá*, *снéги* и *снегá*, *стрýги* и *стругá*, *кóлоколы* и *колоколá*, или же — только образования на -*ы*, -*и*: *сóколы*, *пóводы*, *я́кори*. От Ломоносовской грамматики до Востоковской прошло 75 лет. За этот период времени формы на -*а* сделали значительные завоевания. Востоков дает уже целый перечень слов (около 70), могущих принимать рядом с окончанием -*ы*, -*и* также -*а*, или принимающих только одно окончание -*а*. Характерно, что в этом перечне около половины примеров падает на заимствованные слова. Этот факт свидетельствует о сильном морфологизующем значении окончания -*а*, как окончания для именительного мн. туземных, русских слов; только это предположение делает понятной широкую воздействующую силу данных форм на -*а* на категорию заимствованных слов. При всем том, однако, и в перечне Востокова содержится большое число колеблющихся форм имен существительных — и на -*ы*, -*и*, и на -*а*, часть из которых для фазы современной речи уже не существует в виде форм колеблющихся. Ср. у Востокова — *дóмы* и *домá*, *рóги* и *рогá*, *снéги* и *снегá*, *вéки* и *векá*, *вéчеры* и *вечерá*, *пóвары* и *поварá*, *óткупы* и *откупá*, *пóясы* и *поясá*, *пóтрохи* и *пóтрохá*; в современном языке возможны уже лишь варианты форм от этих слов с окончанием -*а* (современное «в кои *веки*» — архаическая формула церковнославянского происхождения). Востоков закрепил в своей грамматике нормы Пушкинской речи. И действительно, согласно Востокову, Пушкин дает параллельные формы *рóги* и *рогá*, *снéги* и *снегá*, *гóды* и *годá*, *дóмы* и *домá*, а в ряде слов употребляет только образования на -*а*: *берегá*, *лесá*, *островá* и др.

Но Пушкин и несколько далее двинулся от норм Востоковской грамматики: он дает не только форму им. мн. *гро́бы,* согласную с нормой Востокова, но также и *гроба́*, не только *во́лосы,* но и *волоса́*, и без колебания употребляет формы на *-а́* в случаях — *паруса́*, *мастера́* (Будде. Оч. 92). Мы имеем перечень слов, образующих форму им. мн. на *-а́*, и для современной стадии литературной речи, т. е. отделяющейся от эпохи Востокова-Пушкина промежутком в 80 лет. Таковы два свода соответственного материала, имеющиеся с одной стороны у Чернышева (см. его Прав. и чист. 52—68), с другой стороны в статье L. Beaulieux «L'extension du pluriel masculin en *-á*, *-я́* en russe moderne» (Mém. de la Soc. de Linguistique de Paris, 1913, т. XIII, 3, 201—218): они обнимают уже — первый около 150, второй — 200 слов, при чем и здесь и там лишь половину перечней составляют слова русские по происхождению, все же остальные данные с формами на *-а́* падают на слова заимствованные. Таким образом, от Ломоносова до Востокова, от Востокова до нашего времени, и в наши дни, идет очевидный рост форм на *-а* за счет старых форм на *-ы*, *-и*, или окончательное возобладание форм на *-а* над старым колебанием форм на *-ы*, *-и* и на *-а*. К этой картине общего распространения и роста форм на *-а* в великорусском и в литературном русском языке следует прибавить, что вообще данные формы, как известно, являются типическою принадлежностью именно великорусского наречия. Ни белорусский, ни украинский язык их не знает. Если диалектически в украинском они и встречаются, то в совершенно единичных фактах. Ср. диал. укр. *ву́са* (с перенесенным ударением из первоначальной формы **вуса́*, т. е. из формы им.-вин. дв. числа от *усъ*), *рука́ва*, *повода́* (Собол. 218; Шахм. III, 503; Ztschr. für sl. Ph. II, 62), также угрор. *пе́рста* (Верхр. Знад. I. 65).[1]

В литературе предмета вопрос о происхождении форм на *-а* и их соотношении с формами на *-ы*, *-и* имеет единственного

[1] Формы *хлїба́, города́* у Шевченко (*хлїба́* зійшли II, 11; пала́ють се́ла, *города́* II, 73) должны считаться великоруссизмами.

исследователя в лице А. А. Шахматова.[1] К сожалению, мысли его по данному вопросу не получили окончательной формы, не имеются в совершенном, печатном виде. Они содержатся именно в литографированных курсах его по истории русского языка (III, 502 и сл.), также в Очерке совр. рус. лит. яз. (изд. 1925 г. стр. 107 и сл.), — в курсах, читанных приблизительно в одно время (1910-ые годы). Действительно, содержание соответственных глав и в Курсе и в Очерке очень близко одно к другому. А. А. Шахматов связывает общее происхождение форм на *-а* с утратой именами на *-о категории двойственности. Однако, двойственные формы им.-вин. на *-а* от слов с неподвижным (как на основе, так и на окончании) ударением бесследно исчезли, совпав с формой родительного ед. числа и функционально слившись с нею. И только формы им.-вин. дв. на *-á* от слов с подвижным типом ударения, утратив значение двойственности, получили новую функцию множественности и стали новыми формами именительного *мн.* на *-á*. Теоретически все слова с подвижным ударением должны давать формы им. мн. на *-á*. Фактически имеются ряды соответственных слов, представляющих в им. мн. формы на *-ы*, *-и*, при том и с ударением на основе, и с ударением на окончании. Первые случаи отклонений (формы на неударяемые *-ы*, *-и*) объясняются как церковнославянизмы (напр. *гро́бы*, *гро́мы*, *до́лы*, *до́мы* и т. д.) или как формы, происшедшие из старых винительных мн. на *-ы*, но с сохранением места ударения из старейших форм *им.* мн. на *-и* (*во́лки*, *бо́ги*, *бе́сы*, *тру́сы* и др., *во́лосы*, *зу́бы* и пр.). Вторые случаи отступлений (формы им. мн. на ударяемые *-ы́*, *-и́*) объясняются из значений ряда имен существительных, не допускавших употребления в двойственном числе (*меды́*, *чаи́*, *шелки́* и т. д.), или из книжного происхождения

[1] Данная тема, между прочим, была предметом интересов А. А. Шахматова с самой ранней поры его научной деятельности: на эту тему была им читана пробная лекция на звание приват-доцента Московского Университета в 1891 году. К сожалению, следов от этого чтения А. А. Шахматова не сохранилось.

некоторых слов (*шкапы́, балы́, паны́, раи́, слои́*), или, наконец, из предположения отражения в данном ударяемом *-ы́* старого окончания им.-вин. дв. числа от основ на *-u (*сады́, чины́, миры́, пиры́, дары́, валы́, боры́, станы́, верхи́, низы́, зады́*). Изложенная система А. А. Шахматова, рисующаяся цельным, красивым и стройным в своих частях научным построением, на которые таким великим мастером был покойный ученый,[1] имеет большое значение по главному принципу, положенному в основание объяснения интересующих форм. Этот принцип — учет акцентологического момента, сыгравшего необходимую свою роль в образовании данных форм. Впрочем, соответственные мысли мельком были выражены и ранее, именно проф. Кульбакиным в его «Заметках» (Изв. 1906, 4, 253 и сл.). Однако, при ближайшем рассмотрении предложенного объяснения Шахматова рождается ряд вопросов. Так, в числе приводимых Шахматовым слов, как слов с неподвижным типом ударения и образующих соответственно форму им. мн. на *-ы*, оказываются некоторые примеры такие, от которых известно образование местного ед. на *-у*, т. е. относительно них следует думать, что эти имена существительные были подвижного типа в отношении ударения. Ср. при им. мн. *столбы, посты, дво́ры, суды* и др. отмеченные выше, отчасти литературные, отчасти диалектические формы м. ед. *столбу́, посту́, двору́, суду́*. Можно далее было бы оспаривать значение семасиологического момента как начала, противоборствовавшего проникновению флексии *-а*, в ряде слов, как *весы́, переды́* и др. В отношении группы отклонений, как *сады́* и т. д., в которых усматривается отражение старой формы вин. мн. основ на *-u, следует заметить, что фактически о многих словах этой группы нет иных подтверждающих данных для предположения об исконной принадлежности этих слов к категории имен на *-u, и т. д. Главное же затруднение в принятии полностью объяснения А. А. Шахматова заключается в недостаточности материала, на

[1] Ср. по поводу этого построения А. А. Шахматова общую заметку Л. В. Щербы в Сборнике памяти Шахматова (Изв. XXV, 96 и сл.).

основе которого построена вся система. Этот материал недостаточен, во первых, количественно, во-вторых, потому, что он относится лишь к данным литературного языка. Между тем, конечно, цельное построение системы и объяснение данных форм должно опираться на фактический материал, относящийся ко всему великорусскому языку в его целом, и, прежде всего, должны быть учтены соответственные свидетельства диалектов. В предлагаемом ниже соответственном материале имен существительных, от которых образуются формы им. мн. на *-á*, выделяются односложные имена от многосложных, равным образом особо указываются категории заимствованных слов.

Односложные имена существительные — им. мн. на *-á*.

1. *Берегъ* (серб. бр̏jег): *брега* Кантем. Разн. ст. IV, 187; Финского залива *берега* описывал Ломон. IV, 346 (ср. у него же *бреги* I, 150, *береги* II, 378, 379); *берега*, о *берега* Радищ. I, 59. II, 388, Бат., Пушк., Тург., Чех.; — во эты *берега* Петроз. (Барс. I, 92) Тотем. (Брок 120) Руз. (Дурново 125); ср. *берега* и *береги* Черепов. (Ерем. 30); ср. *береги* Новгор. (Сол. 9) вы крутые *береги*! Духовщ. (Шейн I, 213) *биряú* Брян. (Тр. МДК. III, 161) Трубч. (ib. X, 112) *бéреги* Бежецк. (Еремин, 39) Енис. (Селищ. 84); — ср. *бережкá* Кадник. (Ж. С. V, 1, 88) Белоз. (Бр. Сокол. 463) Черепов. (Э. О. 1897, 2, 107) Казан. г. (ib. 1907, 1—2, 121) Брян. (Будде 82) Малоарх. (Кир. X, 214) Минус. и Канск. (Ж. С. XIII, 3, 326). — 2. *Бой* (серб. бо̑j бо̏jа): *боя́* (Слов. Акад.), — Перм. (С. Обнорский). — 3. *Бокъ* (серб. бо̑к бо̏ка): дорога замучила мои *бока*. Радищ. I, 53; подпершись в *бока*, ругнули па все *бока*. Гог. Сороч. ярм. I, V, Веч. нак. Ив. Куп., Лейк., Дост., — ср. подпершись обеими руками в *боки* Гог. ib., подпер *боки* руками Одоевск. Необ. дом, подпер руки в *боки* Лейк. После спект., я даже *боки* рвал со смеху Купр. Олеся; — *бокá* Руз. (Дурново); ср. *бокá* и *бóки* Черепов. (Ерем. 30) Курск. г. (Хал. 13); ср. *бóки* Каргоп. (Рыбн. III, 194) Лифл. г. (РФВ. 64, 307) Трубч. (Тр. МДК. X, 112) Дон. (Савел. 126), *бакú* и *бакэ́* Псков. р. (ИРЯС III, 590), на оба *бакú*, на *бакú* Смол. (Добров. 35) *баки* йиму забили Ворон. (Дикар. 72); — ср.

да ён по́ *боци* кладет палицу военную Петроз. (Гильф. 590); — ср. *бочка* те у тура да рыта бархату Каргоп. (ib. 1327). — 4. *Боръ* (серб. бо̑р бо̏ра): *бора́* Шенк. (Манс. 109) Пуд. (id. 157) Жиздр. (РФВ. 48, 323); — ср. *бары́* Ельнин. (Тр. МДК. V, 18). — 5. *Боровъ* (серб. бра̑в): кормные *борова* Радищ. II, 256; — *борова́* Устюж. (пр. 28) Великол. (Шейн I, 302). — 6. *Бродъ* (серб. бро̑д бро̏да): ср. *брода́* и *бро́ды* Костр. (Виногр. 70); — ср. *брады́* Мещов. (Черныш. 148) Су́дж. (Резан. 219). — 7. *Бѣгъ* (серб. бѝјег): *бега́* общелит. (Черныш. 51). — 8. *Вередъ* (серб. врѝјед): *вереда* у меня на спине садятся. Лейк. В тракт.; — *вереда́* Никол. (Манс. 213). — 9. *Вьрхъ* (серб. вр̑х вр̏ха): один (из певчих) *верха* берет Лейк. Похор., оглядывали *верха* (церкви) Шмелев, Лихор.; — со хоро́м *верха* сорывали Данков. (Кир. X, 4); — ср. *верьхи* дерев Ломон. I, 5, на *верхи* возов Акс. Сем. хр. 18, берез озябнувших *верхи* Н. Мешков, Ночь ледох.; — *верхи* бы (теремов) со верхамы совивалися Онеж. (Гильф. 174) Кирил. (Бр. Сокол. 260) Звенигор. (Кир. X, 4). — 10. *Возъ* (серб. во̑з во̏за): на *воза* Радищ. Пис. о кит. т., Болот. Зап. IV, 10, Акс. Дет. г. 272, Л. Тлст. В. и м. III, ч. II, гл. 4, М. Горьк. Женщина, Телешов, Косцы; — под *воза* Кем. (Ончук. Ск. 153) Черепов. (Смирн. I, 326) Котельн. (Зел. Ск. 153, 232) Уржум. (ib. 363) Екатеринб. (ib. 191, 351) Казан. (Будде, Сб. Форт. 179) Перм. (С. Обнорский) Руз. (Дурново) Ряз. г. (РФВ. 28, 24) Ворон. г. (Филат. 178) Верхнеуд. (сем. говв., Селищ. Заб. ст. 68); — ср. те сносили на *возы* мешки с провиантом Гог. Тар. Б. IV. — 11. *Волокъ* (серб. вла̑к): *волока́* Вятск. г. (Васнец.) Кашин. (plur., *волока́, волок* = роспуски, дроги, Смирн. 18). — 12. *Волосъ* (серб. вла̑с): златые стелешь ли *власа* Капн. Гимн к солнцу, *волоса* Жук. Ахилл, *волоса* и *волосы* (*власы*) Бат., Пушк., Гог., Гонч., растрепанны *власы* Сумарок. Агнеса (VIII, 8), *волосы* Лейк. Апр. VII, Тург. Руд. I; — *волоса́* Повен. (Гильф. 68, 126) Лифл. г. (Бобров 392) Моск. (Сб. II. Отд. 75, 2, 41) Енотаев. (МАН. 10) Медын. (пр. 263) Мещов. (Черныш. 148) Зарайск. (Петр. 10) Обоян. (Резан. Матер. 37) Судж. (Резан. 246), ср. *волоса* и *волосы* Шенк. (Манс. 109) Петроз. (Барс. I, 150, Гильф. 852) Костр. (за *во́лосы*, пр. 264; *волосы*

и *волоса,* Виногр. 71) Руз. (Дурново) Цивил. (пр. 143), ср. *волосы* Пуд. (Гильф. 365) Кашин. (*за́ волосы,* Смирн. 19) Новосил. (пр. 77) Орл.-Вят. (пр. 37) Великол. (пр. 45) Холм. (Тр. МДК. III, 54) Мокш. (пр. 232, 1) Кубан. (Ж. С. XIII, 3, 359), *волосы́* Ельнин. (Тр. МДК. X, 60) Чембар. (пр. 232, 1). — 13. *Воронъ* (серб. вра̑н): *ворона́* Пуд. (Манс. 157). — 14. *Воротъ* (серб. вра̑т): отрепались *ворота́* рубашек Бун. Дер. III. — 15. *Ворохъ*: *вороха́* хлеба Гл. Усп. 258, Лейк. В лавке, М. Горьк. Ярм. в. Г.; — *вороха́* Шадр. (С. Обнорский) Руз. (Дурново); — ср. *ворохи́* Жиздр. (Ник.). — 16. *Воскъ* (серб. во̏сак во̏ска): меды вздешевели, а *воска́* в цене держатся Ростов. (Волоцк. 10). — 17. *Вѣкъ* (серб. вѝјек): ср. *века* и *веки* Бат., Гог., Лерм.; *веки* Кантем. (3 сл.), Ломон. (5 сл.), Держ. На нов. 1790, Бат. Нечто о поэте, Крыл. Пр. и река, Барат. Пиры, Некр. I, 232; — и я на *веки́* с ним, горюшица, прощалася Петроз. (Барс. II, 65). — 18. *Вѣсъ* (серб. вѝјес): *веса́* (инструмент) Костр. г. (Еремин, 7) Сарапул. и Охан. (С. Обнорский) Моск. (Черныш. 23). — 19. *Вѣтръ* (серб. вје̏тар): *ветра,* дожди, жары и холода Барат. Посл. смерть; — *ветра́* Пуд. (Манс. 154) Никол. (id. 213) Заонеж. (Барс. II, 329) Яросл. (РФВ. 24, 39) Казан. г. (дер. Белая, ib. 71, 8) вы сповейте *ветра* буйные Судогод. (Э. О. 1911, 3—4, 192) Шадр. (С. Обнорский) Касим. (пр. 111, а) Нижнеуд. (Вин. и Черных, 12) падымалися буйны *витяра́* Щигр. (РФВ. 4, 106); — ср. *ветра́* и *ве́тры* Костр. (Виногр. 71); ср. *ветра́* и *ветры́* Устюж. (пр. 28). — 20 *Глазъ*: *глаза* Кантем., Бат., Тург., Гонч.; — *глаза́* Тотем. (Брок 120) Кадник. (пр. 25) Вытег. (пр. 22) Макар. (пр. 56) Яран. (пр. 59) Руз. (Дурново) Цивил. (пр. 143) Жиздр. (Ник.) Боровск. (Тр. МДК. X, 71) Малояросл. (ib. 41) Медын. (ib. 78) Белев. (ib. 64) Ефрем. (ib. 67) Сапожк. (ib. 55) Белгор. (ib. 76) Судж. (Резан. 246);[1] — ср. *глаза́* и *гла́зы* Черепов. (Ерем. 30); — ср. зобъ полонъ, а *глазы* голодны Посл. XVII в. (Сим. 1099), ясные *глазы* не светлы Чулк. I, 210, а *глазы* у ней такие сердитые Чех. В овраге V, — а *глазы* как ясного сокола Петроз. (Гильф. 624) Новгор. г. (Новг. Сб., IV, 2, 13)

---

[1] Ср.: *глаза* Каб. служ. 1689 г. (А. Кал. II, 38)

Белоз. (Бр. Сокол. 7, 33, 77, 113, 445) Новгор. (Сол. 8) Валд. (Безс. VI, 274) Пошех. (МАН. 171) Слобод. (пр. 120) Чердын. (пр. 258) Псков. г. (Смирн. I, 364) Порхов. (ib. 349) Псков. (ib. 352, 354) Холм. (пр. 54) Бельск. (Смирн. II, 541) Путивл. (РФВ. 76, 290), *гла́зы* — Сольвыч. (пр. 193) Тотем. (пр. 201) Белоз. (пр. 184, 191) Кологр. (пр. 58) Новгор. (пр. 23) Малмыж. (пр. 79) Гдов. (пр. 11) Лифл. г. (РФВ 64, 307) Великол. (пр. 45) Остров. (пр. 33) Холм. (Тр. МДК. III, 54) Порхов. (РФВ. 76, 289) Псков. г. (Доп. к Оп.) Опоч. (Оп. обл. слов.) Стариц. (РФВ. 75, 256) Осташ. (Доп. к Оп.) Старор. (Тр. МДК. II, 13) Весьегон. (ib. III, 136) Бельск. (ib. X, 6) Вязем. (ib. 12) Ельнин. (ib. 60) Мосал. (ib. 39) Дорогоб. (Смирн. II, 567) Краснин. и Росл. (Добров. 127) Жиздр. (Ник.; Тр. МДК. III, 82) Дмитр.-Кур. (пр. 236) Вост. Сибир. (Селищ. 135), ср. и ко мни во́ *глазы* родитель не поглядыват Петроз. (Барс. II, 43), ср. *гла́зы* и *глазы́* Холм. (РФВ. 76, 283, 288), ср. *глазы́* Чембар. (пр. 229) Красносл. (Тр. МДК. X, 47) Брян. (ib. II, 160) Кубан. (ib. X, 23); — ср. во лбе сидят *глазка* Орл.-Вят. (пр. 93) нагледились мои *глазка* Никол. (Ж. С. XIX, 3, 270) *глазка* тонут во слезах Тобол. (Лопарев 128). — 21. *Годъ* (серб. го̏д го̏да): в *года* волшебной старины и др. Лерм., — Руз. (Дурново) Судж. (Резан. 246) Ворон. г. (Филат.); ср. *года* и *годы* Тург., — Устюж. (пр. 28) Черепов. (Ерем. 30) Котельн. (пр. 46); ср. снова протекли долгие *годы* Одоевск. Рус. ночи V; ср. за прошлые *годы́* Пуд. (Гильф. 263) *гады́* Смол. г. (Добров. 131). — 22. *Голодъ* (серб. гла̑д): неурожаи, *голода* пошли М. Горьк. Матв. Кожем. II (т. XIII, 276), — *голода́* Шадр. (С. Обнорский). — 23. *Голосъ* (серб. гла̑с): *голоса* Радищ. I, 52, Акс., Гонч., Дост., Чех., — Руз. (Дурново); ср. и *гласа* гласит архангельски Гжат. (Безс. I, 423). — 24. *Гърбъ* (ср. гр̏ба, ж. рода): *горба́* Екатеринб. (Зел. Ск. 25, 27, 205). — 25. *Городъ* (серб. гра̑д): *города* Радищ. II, 183, — Черепов. (Ерем. 30) Котельн. (пр. 46) Руз. (Дурново) Порхов. (РФВ. 76, 289) Жиздр. (Тр. МДК. III, 82) Козельск. (ib. X, 73) Медын. (ib. 78) Белев. (ib. 64) Ефрем. (ib. 67) Данков. (ib. 57) Белгор. (ib. 76); — ср. *городы* Котош. 20, 85, П. и бум. П. В. I, 462, Кантем. VII, 108, — Онеж.

(Кир. III, 64) Слобод. (Тр. МДК. XI, 127) Уральск. (ib. VIII, 123) Торопец. (пр. 233) Холм. (Тр. МДК. III, 54; РФВ. 76, 283, 288). Кубан. (Тр. МДК. X, 23). — 26. *Гърнъ*: *горна́*. Новоторж. (РФВ. 75, 250). — 26 а. *Гробъ* (серб. гро̏б гро̀ба): *гроба́* Пушк. М. вс. I, Лерм. 30 июля 1830, Козл. Безумная XIV, Некр. III, 261, М. Горьк. Малова, — Казан. (Сб. Форт. 179) Моск. (Черныш. 99) Руз. (Дурново) Егорьев. (Сб. II Отд. 95, 1, 104; Шахм. 215); — *гро́бы* Жук. Пев. во ст., Пушк. Чернь, Огар. Из Фауста; *гробы́* Кологр. (пр. 58). — 27. *Громъ* (серб. гро̑м гро̀ма): *грома́* Тотем. (пр. 203). — 28. *Дворъ* (серб. два̑р дво̀ра): понастроили *двора́*, пъстоялыи *двора́* Устюж. (пр. 28) Тихв. (С. Обнорский) Кологр. (пр. 58) Казан. (Сб. Фортун. 179). — 29. *Дъждь* (серб. да̑жд да̏жда): *дажжа́* хърашй Мцен. (Будде 54, 63) Касим. (id., К ист. 335) Обоян. (РФВ. 38, 135) Корочан. (Хал. 148); ср. *дажжа́* собират. Коротояк. и Ворон. (Ж. С. XV, 1, 104). — 30. *Дългъ* (серб. ду̑г): *далħа́* Ряз. г. (РФВ. 28, 111). — 31. *Домъ* (серб. до̑м до̏ма): *дома* Радищ. II, 248, — с тучи добрыи *дома* да пошатались Петроз. (Барс. I, 247) Тотем. (Брок 120) Устюж. (пр. 28) Руз. (Дурново) Боровск. (Тр. МДК. X, 71) Козельск. (ib. 73) Малояросл. (ib. 41) Ефрем. (ib. 67) Новосил. (пр. 77) Зарайск. (Петр. 39) Михайл. (Тр. МДК. X, 52) Сапожк. (ib. 55) Белгор. (ib. 76) Путивл. (РФВ. 76, 290) Верхнеуд. (Селищ. Заб. ст. 58); — ср. *дома* и *домы* Гог. I, 104—107, — Красноуф. (Шейн I, 350) Цивил. (пр. 143); *дома́* и *домы́* Костр. (также — *до́мы*, Виногр. 71) Холм. (РФВ. 76, 283, 288) Мещов. (ib. 75, 244) Ельнин. (Тр. МДК. X, 60) Белев. (ib. 64) Ворон. г. (Филат.); ср. *домы* Фонв. Письма (Соч. 893), Держ. I, 264, Одоевск., Гонч., — Кадник. (Смирн. I, 191) Кирил. (Бр. Сокол. 285) Валд. (Безс. VI, 274) Твер. г. (Кир. VI, 20) Мокш. (пр. 232, 1) Малоарх. (Кир. X, 21) Енис. (Селищ. 84), *до́мы* — Бат. I, 125, Озер. Эд. в Аф. III, 2, В. Пушк. К Дашкову, Пушк. Бор. Год., Крыл. Муха и пч., — Петроз. (пр. 30) Сольвыч. (пр. 193) Малмыж. (пр. 79) Кубан. (Науменко), *до́мы* и *домы́* Шенк. (Манс. 109), *домы́* — *Домы,* сады распространенны Покинешь ты, оставя свет Капн. Совет, — Мышк. (пр. 78) Ардат. (иногда, Тр. МДК. III, 90) Стариц. (РФВ. 75, 256) Холм. (ib. 283, 288; Тр. МДК. III, 54)

Порхов. (РФВ, 75, 289) Моск. (Черныш. 23, 169) Жиздр. (Тр. МДК. III, 82) Козельск. (редко, РФВ. 75, 262) Мещов. (пр. 41, 1, 267; Черныш. 148, 161) Мосал. (Тр. МДК. V, 19) Малояросл. (ib. X, 41) Медын. (ib. 78) Бельск. (ib. 6) Грайвор. (пр. 279) Обоян. (РФВ. 38, 115) Судж. (Резан. 219, 246) Кубан. (Тр. МДК. X, 23) Терск. (РФВ. 44, 77); — ср. *домка́* Судз. (Черныш. 19). — 32. *Дубъ* (серб. ду̑б): *дуба́* Слобод. (пр. 120). — 33. *Духъ* (серб. ду̑х): понесли-то *духа́ духа* анисовы Ю.-З. Том. (Э. С. VI, 75). — 34. *Дѣдъ* (серб. дје̏д): как *деда́* наши говорили Терск. (Караул. 5, 21); — ср. *деды́* (*дяды́*) Боров. (Черныш. 282) Мещов. (id. 148) Крапив. (Изв. III, 1292) Судж. (Резан. 219). — 35. *Желобъ* (серб. жлије̑б): *жълаба* Руз. (Дурново). — 36. *Жиръ* (серб. жи̑р): *жира́* Енис. (Селищ. 83) Колым. (= фляги с жиром, Богор. 10). — 37. *Жохъ*: ср. *жаха́* и *жахи́* Руз. (Дурново, РФВ. 44, 180 и 47, 125). — 38. *Жукъ* (ср. серб. жу̏ка, ж. рода): *жука́* Тобол. г. (пр. 21) Ишим. Кург. Тар. (Селищ. 278). — 39. *Звонъ* (ср. серб. зво̏но): *звона́* Тотем. (пр. 203). — 40. *Зобъ*: а куры забьют себе *зоба*, замелькали красивые *зоба* тонконогих малиновок М. Горьк. Матв. Кожем. I — II. — 41. *Колобъ*: *колоба́* и *ко́лобы* Костр. (Виногр. 71). — 42. *Ключь* (серб. кљу̑ч кљу̀ча); *ключа́* кипят Енис. (Селищ. 83). — 43. *Кърмъ*: дочерна выглодала скотина *корма̀* Бун. Игнат, II, — *карма́* падарожы стали Моск. (Черныш. 169) Терск. (Караул. 21); — ср. *кормы́* Некр. III, 223. — 44. *Коробъ*: прислуга вносила *короба*, узелки и мешки Лейк. Хр. нев. I, — Пуд. (Манс. 157) Сольвыч. (пр. 193). — 45. *Край* (серб. кра̑ј кра̏ја): *края* сей картины Радищ. II, 385, в чужие *края* Пушк. IV, 346, — Черепов. (Ерем. 30) Руз. (Дурново); ср. *края* и *краи* П. и бум. П. В. V, 262 (*края* корабля) VI, 139 (въ наши *краи*), Кантем. VI, 139 и V, 62, Ломон. (*края* V, 120 bis, *краи* V, 115), Бат. (*края* I, 96, 180 и др., *краи* III, 287, 568, 579), Лерм. (*краи* — в письмах, *края* — в худож. произведениях, Лобов, Архаизмы, 99), Одоевск. (*края* III, 6, *краи* II, 332, 359); ср. *край* Княжн. Мужья I, 1, Крыл. Пч. и мухи, Дост. 315. — Костр. г. (Еремин, 7) Бежецк. (id. 35). — 46. *Крьстъ* (серб. кр̑ст кр̏ста): из того корения из плакунова || вырезают у нас в Руси *креста* чудные

Варенц. 27. — 47. *Кругъ* (серб. кру̑г): у̑ празьник *круħа* зъвядуть Мцен. (Будде 48); ср. *круги́* Жиздр. (Ник.). — 48. *Кубъ*: перегонные *куба* (Ж. М. Н. Пр. 1914, авг. 134). — 49. *Куль*: *куля́* Пуд. (Манс. 157). — 50. *Кустъ*: *куста́* Никол. (пр. 266). Тотем. (пр. 192, 203) Кадник. (пр. 25) все рокитовы *куста́* Кирил. (Бр. Сокол. 404) Устюж. (пр. 202) Орл.-Вят. (пр. 42) Яран. (пр. 59) Ирбит. (пр. 204) Чердын. (*куста* и *кусья*, пр. 258) Бувн. (пр. 57) вы *куста* ли мои, кусточки Симб. г. (Кир. VII, пр. 156, 157) Нижнеуд. (Вин. и Черных, 12); ср. *кустя́* Терск. (Караул. 21); — ср. *ку́сты* Грязов. (пр. 36) Кирил. (Бр. Сокол. 279) Костр. (редко при — *кусты́*, Виногр. 74). — 51. *Ловъ* (серб. ло̑в ло̏ва): *лова́* = рыбол. снаряд Чухлом. (Ж. С. IX, 3, 344). — 52. *Логъ* (серб. ло̑г ло̏га): там где *лога* сходились, блестел под солнцем пруд Бун. Дер. III. — 53. *Ломъ* (серб. ло̑м): взели лопаты да *лома́* Вят. (Зел. Ск. 313). — 54. *Лугъ* (серб. лу̑г): *луга* Радищ. I, 150, Бат. (часто), — Тотем. (Брок 120) Руз. (Дурново) Жиздр. (Ник.) Зарайск. (Петр. 39) Судж. (Резан. 246); ср. *луга* и *луги* Цивил. (пр. 143); ср. *луги* болоты водой поняло Чулк. I, 438, — *луги* Жиздр. (Тр. МДК. III, 82) Мокш. (пр. 232, 1) Елецк. (пр. 111); ср. *луги́* Брян. (пр. 259) Грайвор. (пр. 279) Путивл. (Хал. 86, 133, 143) Кубан. (Науменко) Терск. (РФВ. 44, 77) Тобол. г. (пр. 21) Ишим. Курган. Тар. (Селищ. 278); — ср. *лужка* зеленые Шенк. (Ист. 215) Онеж. (Ист. 176; Гильф. 1218) Петроз. (Ист. 80) Кадник. (Ж. С. V, I, 88) Костр. (Виногр. 90) Жиздр. (Тр. МДК. III, 83) Малоарх. (Кир. X, 214) Щигр. (РФВ. 4, 110). — 55. *Льнъ* (серб. ла̏н): *льна* Устюж. (пр. 28). — 56. *Лукъ* (серб. лу̑к): да ружья *лука* испроломаны, по сторонам *лука* испрометаны Онеж. (Гильф. 1094). — 57. *Лѣсъ* (серб. ли̏јес): *лѣса* готовить на Воронежѣ Гр. указн. 1696 г. по совр. сп. (А. Кал. I, 371) Улож. А. М. VII, 23, Кантем. V, 70, Бат. (часто), — Тотем. (Брок 120) Руз. (Дурново) Порхов. (РФВ. 76, 289) Холм. (Тр. МДК. III, 54) Ржев. (РФВ. 75, 254) Жиздр. (Ник.; Тр. МДК. III, 82) Боровск. (ib. X, 71) Козельск. (ib. 73) Малояросл. (ib. 71) Красносл. (ib. 47) Ефрем. (ib. 67) Михайл. (ib. 52) Ряжск. (ib. 53) Сапожк. (ib. 55) Белгор. (ib. 76) Путивл. (РФВ. 76, 290) Судж. (Резан. 246) Зарайск. (Петр. 39); ср. *леса́*

и *лéсы* Ломон. I, 157, 265, — Цивил. (пр. 143); ср. *лесы* Арханг. г. (Марк. 51) стали *лесы* по старому ib. (Варенц. 98) темны *лéсы* к земле преклонилися Шенк. (Кир. I, 84) Олон. г. (Садовн. 146) через те *лéсы* темные Звенигор. (Безс. I, 533) Моск. (ib. 260) Карсун. (Кир. I, 41) Тороп. (пр. 233) Мокш. (пр. 232, 1) Малоарх. (Безс. I, 405) Колым. (Богор. 270); ср. *лесы́* — прожгли *лесы́* Сузд. (при обычном — *лесá*, Черныш. 19) Холм. (РФВ. 76, 283) Бельск. (Тр. МДК. X, 6) Медын. (ib. 78) Мосал. (ib. 39) Кубан. (ib. 23); *лесá* и *лесы́* Ельнин. (ib. 60) Белев. (ib. 64); — ср. есь *лескá*-та Моск. (Сб. II Отд., 75, 2, 41). — 58. *Медъ* (серб. мȇд мȅда): *меда* сладкие Пуд. (Рыбн. I, 282); — ср. девушки *меды* ставили Чулк. I, 226, какие *меды*, какие квасы варились Гонч. Обл. I, 9, — Петроз. (Гильф. 632) Пуд. (ib. 384) Ростов. (Волоцк. 10) *меды*-вины все распропила Орл. г. (Кир. VII, 34). — 59. *Мозгъ* (серб. мȍзак мȍзга): у него плохо *мозгá* работают Глазов. (пр. 7) Перм. (С. Обнорский). — 60. *Молотъ* (серб. млȃт): *молотá* (Beaulieux). — 61. *Морокъ* (серб. мрȃк): *морокá* (= облака) Шенк. (Манс. 109) Верхнеуд. (сем. говв., Селищ. Заб. ст. 64). — 62. *Мостъ* (серб. мȏст мȍста): на *моста* калиновые Сольвыч. (Ж. С. VI, 1, 82, 84) Ром.-Борисогл. (Кузн. 4, 12) Вят. (С. Обнорский) Котельн. (id.; пр. 46) Малмыж. (пр. 105) Нолин. (Колос. Зам. 274) Орл.-Вят. (пр. 37) Шадр. (Перм. Сб. II, 2, 175) Сузд. (Черныш. 19) Звенигор. (id. 147) Егорьев. (Шахм. 215, ср. здесь же — тв. ед. *мóстам*); ср. *мостá* и *мосты́* П. и бум. П. В. III, 95, 345, — Устюж. (пр. 28). — 63. *Мъхъ*: *мха*, болота перескакивать Кирил. (Бр. Сокол. 252) *махá* горять Смол. г. (Добров. 403); ср. *махá* и *махи́* Смол. (ib. 419). — 64. *Мысъ*: желтые, пологие *мыса* М. Горьк. Три дня. — 65. *Мѣхъ* (серб. мȉјех): собольи *меха* Радищ. II, 231; — ср. и *мехи* раздувают... пламя, стихи, которые в *мехи* бог ветров собирает Бат. I, 283 II, 268, разной величины *мехи* Одоевск. Рус. ночи VIII. — 66. *Низъ* (ср. серб. нȋз, ж. рода): *низá* Костр. (Виногр. 67). — 67. *Носъ* (серб. нȏс нȍса): *носá* Казан. (Сборн. Форт. 179), баржи, *носа* свои пестрые подняв, весело бегут по синей-то реке М. Горьк. Матв. Кожем. I, — Илим. (Черных, 12). — 68. *Поромъ* (серб. прȃм): *паромá* Терск. (Караул.

21). — 69. *Передъ* (серб. adv. прије̏д): *передá* (обуви) Перм. г. (Доп. к Оп). — 70. *Плотъ* (серб. пло̑т пло̏та): *плотá* Тотем. (пр. 192). — 71. *Полъ*: *пола* да дубовые Онеж. (Колос. Обз. 213) Никол. (Манс. 213) Устюж. (пр. 202) Нолин. (пр. 68; Зел. Ск. 244) Сарапул. (С. Обнорский) Уржум. (Зел. Ск. 361) Екатеринб. (ib. 249) Камышл. (пр. 89) Перм. (С. Обнорский) Казан. (Сб. Форт. 179). — 72. *Пълкъ* (серб. пу̑к): што за такие *полкá* стоят Вят. (Зел. Ск. 315; здесь же род. ед. *полкá*). — 73. *Полонъ* (серб. пли̏јен): *полона* сидят да всё рассейские Петроз. (Гильф. 479). — 74. *Порохъ* (серб. пра̑х пра̏ха, но чеш. prach): в мирное время эти *пороха* изготовлялись не в таких количествах. Допрос Колчака, 1925, стр. 46. — 75. *Разъ* (серб. ра̑з): как и в прежние *раза*, она говорила себе... Л. Тлст. А. Кар. I, 4, — Кологр. (пр. 58) Екатеринб. (С. Обнорский) ва все *разá* Моск. (Черныш. 169); — ср. *разá* и *разы́* (колебание у Л. Тлст., Лобов, Из ист. 138), — Черепов. (Ерем. 28). — 76. *Рогъ* (серб. ро̑г ро̏га): выхухоль, лапы песцов, *рога* Радищ. Пис. о кит. т., Бат., Тург., Бун., — Руз. (Дурново) Судж. (Резан. 246); ср. *рогá* и *рóги* Кантем. (*рога* V, 14, *роги* V, 157, 549 и др.), — Черепов. (Ерем. 30) Курск. г. (Хол. 13); ср. *рóги* Держ. II, 79, Сумарок. VIII, 182, Пушк. Торж. Вакха, Гог. Проп. гр., — Петроз. (пр. 13) Новгор. г. (Шейн I, 29) Псков. р. (ИРЯС III, 590) Жиздр. (Пик.) Алексин. (Кир. II, 2); — ср. курячьи титьки, свиньи *рожкá* (присл.) Шенк. (Оп. обл. слов. 199) Кадник. (Смирн. I, 216) *рожка* те у тура да позолоченые Каргоп. (Гильф. 1327), я охочь в *рожка* поигрывать Пуд. (Рыбн. II, 299) Петроз. (Ончук. Ск. 323) Белоз. и Кирил. (Бр. Сокол. 527). — 77. *Ростъ*: *ростá* Тотем. (пр. 203). — 78. *Ръть*: *ротá* Енис. (Селищ. 83) Колым. (Богор. 10). — 79. *Рядъ* (серб. ре̑д): *рядá* Барнаул. (С. Обнорский). — 80. *Садъ* (серб. са̑д): он здесь поит *сада* и нивы Вяз. Меран (XII, 117), — *садá* Слобод. (пр. 120) Вятск. г. (Шейн I, 144). — 81. *Скотъ* (серб. ско̏т): *скотá* Тотем. (пр. 192) оне и *скота* ведут Шадр. (Перм. сб. II, 2, 180). — 82. *Слой*: *слоя́* (Beaulieux). — 83. *Слѣдъ* (серб. сли̏јед): *слядá* Илим. (Черных, 12). — 84. *Снѣгъ* (серб. сни̏јег): *снега* Бат., Лерм., — Черепов. (Ерем. 20) Шадр. (С. Обнор-

ский) Судж. (Резан. 246) Тульск. г. (Кир. V, 172) Дон. (Савел. 143); — ср. *снеги* Волог. (Шейн I, 262) Сарат. г. (Кир. VIII, 286) Великол. (Шейн I, 332), *сне́ги* Тотем. (Брок 23, 120), *снеги́* Кашин. (Смирн. 84) Мещов. (Черныш. 161) Корочан. (Хал. 148) Путивл. (ib. 186) Тобол. г. (пр. 21). — 85. *Станъ* (серб. ста̑н): рыба у́шла да во глубокий *стана́* Повен. (Гильф. 112) Моск. (Сб. II Отд. 75, 2, 40); — ср. в глубокий *станы* Пуд. (Гильф. 226, 296). — 86. *Стебль*: *стибиля́* Руз. (РФВ. 47, 125 и 44, 195). — 87. *Стогъ* (серб. сто̑г сто̀га): во *стога* сенцо кладут Кир. VIII, 264, Шадр. (С. Обнорский) Чебокс. (Магн. 26) Владим. (Смирн. I, 475) Юрьев. (Черныш. 14) Самар. (Смирн. II, 697) Смол. (Шейн I, 374); ср. *стога* и *стоги* М. Горьк. (*стога* сена, М. Кожем. II, *стоги* сена, Трое); ср. *стоги* Петроз. (покладут крестьяне *стоги*, Гильф. 689); ср. *стоги́* Верейск. (Изв. X, 2, 370). — 88. *Стълбъ* (серб. сту̑б сту́ба): на разные *столба* Повен. (Ончук. Ск. 413) *сталба́* Егорьев. (Шахм. 215). — 89. *Стругъ* (серб. стру̑г): *струга* Л. Тлст. (по Черныш. Прав. 60); ср. *струга* и *струги* К. Дан. 45; — ср. *стружка* легкии Кир. I, 90. — 90. *Судъ* (серб. су̑д су́да): *суда́* были Петроз. (Ончук. Ск. 297) Устюж. (пр. 202). — 91. *Токъ*: *тока* Акс. (по Черныш. 60); ср. *тока́* и *то́ки* Черепов. (Ерем. 30). — 92. *Толокъ (серб. тла̑к): *толока́* — толоко́в (= сани с короткими полозьями) Арханг. г. (Доп. к Оп.). — 93. *Търгъ* (серб. тр̑г): *тарһа́* Ряз. г. (РФВ. 28, 141). — 94. *Торокъ* (серб. тра̑к): разве жену возму в *торока* Пушк. Письма III, 301, — нагружал *торока* — ты золотой казны Онеж. (Гильф. 1107) в *торока* Петроз. (Ончук. Ск. 298) Шенк. (Кир. I, 48) Онеж. (Гильф. 1057) Яросл. г. (Тр. Яросл. Пед. И. II, 3, 194) Усол. (Оп. обл. слов.) Симб. (в *корока*, Кир. I, пр. 3) Иркут. и Якут. г. (Оп. обл. слов.); в *торока* и в *тороки* Симб. г. (Кир. I, 28, 33); ср. в *тороки* Пуд. (Рыбн. III, 72, 115 IV, 8) Нижегор. г. (во *ка́раки*, Кир. I, 37) Барнаул. (Тих. и Милл. 151). — 95. *Трудъ* (серб. тру̑д тру́да): *труда́* Устюж. (пр. 28). — 96. *Тылъ*: месяц по *тыла́* Муром. (Колос. Зам. 312). — 97. *Хлѣбъ* (серб. хљѐб): *хлеба́* (травы) Радищ. II, 252, она вынула из печи *хлеба* Лерм. Вадим, на дешевые *хлеба* Тург. Дв. гн. XIII, Лейк. Кус.

хл. I, Бун. Вес дв. I, — Шадр. (С. Обнорский); ср. *хлебá* (= травы) и *хлéбы* (= печеный хлеб) Черепов. (Ерем. 30) Руз. (Дурново). — 98. *Хлѣвъ* (серб. хлијев): в *хлева* Фонв. Пед. IV, 7, теплые *хлева*. Э. С. I, 10, — Устюж. (пр. 28); — ср. *хлевы* Акс. Дет. г. 73, Сем. хр. 18, — *хлевы́* Котельн. (Тр. Вят. Пед. И. III, 53). — 99. *Ходъ* (серб. хо̑д хо̏да): *ходá* (Beaulieux). — 100. *Хълмъ* (серб. ху̑м ху́ма): с хóлма нá *хо̀лма* скакающи Белоз. (Бр. Сокол. 340); — ср. поезжайте, бояры, на высоки *холомя* Арханг. (Ж. С. XIII, 3, 500). — 101. *Холодъ* (серб. хла̑д): *холодá* Шадр. (С. Обнорский) Руз. (Дурново); — ср. *халоды́* Ельнин. (Тр. МДК. V, 18). — 102. *Цвѣтъ* (серб. цвијет): *цвета* Некр. I, 305, Гонч. Обр. I, 15; — ср. разные *цветы*, все чистые *цветы* Ломон. IV, 278, 281, на всевозможные *цветы* Венев. Утро, полдень... (II, 34). — 103. *Цѣпъ* (серб. цијеп): *цепá* (Beaulieux). — 104. **Черезъ*: *черезá* — черезóв (= весы Наровч., Сарат. и Симб. гг. (Оп. обл. слов.). — 105. *Черепъ* (серб. цријеп): *черепа* убитых тлели Лерм. Олег, М. Горьк. Ледоход, Чех. На пути, 151; — да *черепы* в шлемах косматых Подолинск. Дев.-гора. — 106. *Шелепъ*: *шелепá* (Beaulieux, по Востокову). — 107. *Царь* (серб. ца̏р): то со той поры *царя*-бояре || на соймище собиралися Сызран. (Безс. I, 516). — Сюда же можно еще присоединить несколько примеров с односложными темами, образовавшимися (после выпадения у них в префиксе ъ) из старых двусложных: 108. *Слогъ*: *слогá* Черныш. 59. — 109. *Срокъ* (серб. ср̑ок ро̏ка): *срокá* Барнаул. (С. Обнорский). — 110. *Сходъ*: *сходá* Камышл. (пр. 89) Перм. (С. Обнорский). — 111. *Счетъ*: *счетá* — в торговом языке (в отличие от — *счéты*, прибор для счисления) Ф. З. 1878, 1, 28—29, *счета* твои — в будни сведешь М. Горьк. М. Кожем. I (т. XII, 229), — *щетá* — щетóв Верхотиш. (Доп. к Оп.).

Приведенный материал, содержащий формы на *-а* от односложных, русских по своему происхождению, имен существительных, должен иметь основное значение для суждений о происхождении названных форм. Действительно, анализируя материал, можно отметить ряд существенных его общих особенностей. Во-первых, в перечне почти отсут-

ствуют формы на *-а* от слов, принадлежащих к категории одушевленных имен существительных. К этой категории относятся в перечне лишь формы *боровá, воронá, дедá, жукá* и *царя́*. Можно здесь упомянуть еще о двух соответственных примерах, не оговоренных в перечне: это — общелитературные формы *господá* (напр. Пушк. Егип. ночи) и *сторожá* (напр. Гог. Тар. Б. V, и др., в народном языке — Руз., Дурново; Заонеж., Барс. I, 31; Петроз., Ончук. Ск. 209, Гильф. 794; Онеж., Ончук. Ск. 504; — ср. товарыщі, целовальники и *сторожі* Котош. 136, немые *сторожи* гробов Лерм. Демон, вар., трое *стóрожей* Пушк. I, 372, в народном языке — у ворот-то стоят грозные *сторожи* Симб. г., Кир. VII, пр. 157, ср. строго стоят *сторожи́* Бельск., Смирн. II, 523). Но это — особые образования. Они возникли из старых собирательных *господа, сторожа* путем перенесения на них значения множественности, ср. собират. *братья*, давшее им. мн. *братья*.[1] Итак, оставляя в стороне последние два образования и обращаясь к приведенным прочим пяти примерам с формами на *-а* от одушевленных имен существительных, мы видим, что лишь первый из них (*боровá*) известен в литературном употреблении, все же прочие примеры принадлежат народному языку, являясь в нем при этом на ограниченной диалектической почве. Характерно наличие большей части этих форм вне чистой северновеликорусской территории, вообще правильнее сохраняющей старые отношения в кругу употребления интересующих форм; характерно образование в полосе смешанных говоров (Сызранский у.) формы *царя́*, от существительного с неподвижным ударением на окончании, где, как будет видно ниже, для древней поры не должно было бы ожидать появления данного новообразования. Все это свидетельствует о том, что в данных формах

[1] Между прочим, слово *сторожа* уже в старом языке засвидетельствовано с ударяемостью на окончании, ср. написания *стражá, стражю́* в Чуд. Н. Завете 1383 г. (Дурново. Оч. II, 52, прим.); таким образом с переходом слова из категории собирательных имен в категорию существительных множественного значения форма *стражá, сторожá* внешне полностью совпала с интересующими здесь новообразованиями на *-á*.

перед нами не исконные образования, а вторично возникшие в разных местах великорусской территории, в каждом по своим особым ближайшим причинам. На северновеликорусской территории отмечены лишь две соответственные формы — *боровá* в Устюжском у. Новгородской губ. и *воронá* в Пудожском у. Олонецкой губ. Первая форма легко объясняется как закономерная форма от слова *боровъ* в старом его собирательном значении: др.-рус. и старослав. *бравъ* = скотина, серб. брâв, чеш. brav, слов. brav = мелкий скот. Ср. сходное закономерное образование от слова *скотъ* формы им. мн. *скотá*. Вторая форма — *воронá* — вообще стоит особняком за своей единичностью и неясна по происхождению. В конечном результате таким образом можно сделать общее предположение, что в эпоху действия морфологического закона об образовании им. мн. на *-á* категория одушевленных имен существительных, будучи обособленной семасиологически, осталась вне сферы действия этого закона. Это предположение с удовлетворительностью объясняет спорадичность диалектических форм на *-á* от одушевленных имен существительных в приведенном перечне, оно согласуется и с чертой литературного языка, которому совершенно чужды этого рода образования. Однако, данное положение наталкивается на противоречие в фактах употребления форм на *-á* от одушевленных имен существительных более чем односложных, равным образом от слов заимствованных. Последнюю категорию фактов легко отвести: формы на *-а* от иноземных слов явно вторичны по происхождению и вообще по свидетельствам источников поздни по своему появлению и по распространению в языке. Но при ближайшем рассмотрении непосредственного материала то же приходится сказать и о русских по происхождению многосложных словах из категории одушевленных имен существительных, дающих формы им. мн. на *-á*.

Ср. подходящие факты: *жеров*: *жеровá* в обл. языке (Слов. Акад.); — *конюх*: *конюха* сидят крепко Жук. Ск. о Ив.-цар., Лейк. Перед пох. чв., А. Н. Тлст. Хр. бар., — Онеж. (Смирн. I, 60).

Черепов. (ib. 314) Екатеринб. (Зел. Ск. 220) Обоян. (Резан. Матер. 47); *кочет*: яростно споря друг с другом поют *кочета* М. Горьк. Лето, Ремизов, Скоморош., — Яросл. г. (Доп. к Слов. Якушк. 112) Сарат. г. (М. и К. 110) Ветлуж. (Н. Тлст. Заволж. оч. 82) Меленк. (пр. 247) Самар. г. (РФВ 41, 56) Терск. (Караул. 21), ср. *кочетá* = петли у ворот Вятск. г. (Васнец.) забивайте вы *кочета* еловые Кир. VI, 40, ср. adv. в *кочета* (= в полночь). Нерех. (Оп. обл. слов.); ср. *кочеты́* Чебокс. (МАН. 65) Щигр. (Хал. 110); *овод*: летают осы, пчелы, *овода* Лейк. Летн. сц., ср. *овады* и *овадá* Пуд. (Манс. 157, 169), ср. ее осаждают *оводы* М. Горьк. Ярм. в Г.; ср. *авады́* Смол. г. (Добров. 519); — *паут*: *паутá* Вят., Орл.-Вят. (Тр. Вят. Пед. И. III, 33); — *перепел*: звонко били *перепела* в полях Акс. Сем. хр. 35, Гонч. Обр. II, 16, М. Горьк. Скуки ради, Бун. Суход.; ср. знать к нашей перепёлке *перепёлы* прилётали Курмыш. (Варш. Ун. Изв. 1914, 7, 123); — *повар*: *повара* Бат. III, 477, Некр. I, 46. М. Горьк. На дне IV, — Орл.-Вят. (пр. 63) Меленк. (пр. 247) Покров. (пр. 244) Остров. (пр. 23); ср. *повары* Холмог. (редко, пр. 50) Олон. (пр. 29) Петроз. (пр. 30) Грязов. (пр. 36) Ярен. (пр. 194) Устюж. (пр. 199) Макар. (пр. 56) Малмыж. (пр. 79) Орл.-Вят. (пр. 37, 42) Котельн. (пр. 35) Слобод. (пр. 120); — *прасол*: мелкие торговцы *прасола*... выработали для себя совершенно особый разговорный язык. Краснопевцев. Оч. г. Одоева, 61; — *пристав* (серб. при̏став): недавно произведенного в *пристава* М. Горьк. Трое, — Руз. (Дурново); — *соболь*: все это богатство, золото и деньги, *соболя* и шелковые материи, отнято было у него Киев. Ун. Изв. 1875, 9, 675; — *сокол* (серб. со̀ко̄ сокòла): *соколá* Порхов. (РФВ. 77, 156); ср. *соколы* Онеж. (Гильф. 1061) Карсун. (Шейн I, 242); — *стрепет*: *стрепета* С. Акс. Сем. хр. 17; — *тетерев*: *тетеревá* Руз. (Дурново) Звенигор. (Черныш. 147); *ястреб*: *ястреба* Гриб. III, 26, Акс. Сем. хр. 308, М. Горьк. Трое, — Руз. (Дурново); ср. в небе неподвижно стояли *ястребы* Гог. Тар. Б. II; ср. налитили вороны и *естребя* Кирил. (Бр. Сокол. 184); — имена на *-арь*: *лекаря* Бат. (6 сл., ср. *лекари* III, 233), Пушк. Письма I, 241, Лерм. Завещание, Гонч. Обр. I, 6, Лейк. Из зап. кн., — Котельн. (Зел. Ск. 207), ср.

лекари Симб. г. (Кир. VI, 66); проявлялися да новы *пахаря* Кирил. (Бр. Сокол. 488) Пуд. (Манс. 157); *пекаря* Черныш. 58; *писаря* встали и заложили перья за ухо Пушк. Дубр. II (ср.: равны мне *писари*, уланы, К товарищам), Чех. Кошм., Лейк. Перед в. пов., — Печор. (Ончук. Был. 129) Петроз. (Барс, I, 15 II, 72) Пуд. (Рыбн. III, 300) Кирил. (Бр. Сокол. 224) Старор. (Колос. Зам. 42) Судж. (Резан. 246), — ср. *писаря́* и *писари́* Руз. (Дурново), — ср. *писари́* Мещов. (пр. 41, 1); — имена на -*тель*: *служителя* Дост. 280, Черныш. 59; *смотрителя* (Beaulieux); все другие *учителя* Кантем. II, 42 (ср. *учители* ib. 80. Сат. IX, 144), в *учителя* не могу идти Пушк. Письма I, 76, Дост. 36, 67, Лейк. Уч. день, Ф. Соллог. X, — Руз. (Дурново), — ср. *учителя* и *учители* Акс. Сем. хр. 190, 219, 336, 371, *учители* Тург. О. и д. VI;[1] *законоучителя* Черныш. 60.

Все приведенные факты имеют свидетельства из литературных источников не ранее, как от начала XIX века. Очевидно, перед нами поздние вообще, аналогические образования. По некоторым из приведенных данных можно видеть, что на протяжении всего XIX века шла борьба в литературном языке за возобладание форм на -*а* от известных рядов имен существительных. Таковы, напр., имена на -*тель*, составляющие вообще церковнославянский по происхождению слой в русском языке: в них новые формы на -*а* более или менее закрепились лишь к современной стадии литературной речи. Ср. теперь уже устарелую форму им. мн. *учители*, которую, однако, употребляет Тургенев. С другой стороны, о форме *законоучителя*, отмеченной В. И. Чернышевым (в единичной выписке из журнала Школа и Жизнь за 1912 г.), можно сказать, что она не получила полного закрепления в языке. То же можно отметить и в отношении ряда иных имен существительных в перечне, допускающих

---

[1] Впрочем, у Тург. в Дн. лишн. чел. (напечатан в 1850 году) встречаются обе формы *учи́тели* и *учителя́*, см. Haertel, Arch. f. slav. Phil. B. 34. Приведенная единичная форма *учителя*, извлеченная из Кантемира, вызывает сомнение и требовала бы проверки: не содержится ли здесь недосмотр издания.

до сей поры в литературном языке двойственность формы им. мн.— на *-ы*, *-и* и на *-а*, ср. *óводы* и *оводá*, *прáсолы* и *прасолá*, *сóколы* и *соколá* и мн. др., отмеченные в результате проверки на живом литературном произношении у Beaulieux. Обращает на себя внимание в перечне имя существительное *повар*: им. мн. от него в современном литературном языке — *поварá*, форма, свидетельствуемая от начала XIX века, в народной же речи в большинстве показаний до сей поры держится форма *пóвары*. В народный язык слово проникло из литературного языка и, конечно, в бывшей ему свойственной форме, т. е. еще в форме на *-ы*. Но эта форма, уступившая уже в литературной речи новому образованию — *поварá*, держится еще в народном языке, так как до него не дошло еще новое литературное соответственное образование на *-а*, очевидно, как образование совсем недавней поры. Итак, во всех приведенных фактах с формами на *-а* от одушевленных имен существительных следует видеть факты вторичные, позднего происхождения; в них нет поэтому противоречия с выставленным положением о первоначальном действии закона об образовании им. мн. на *-á* лишь вне категории одушевленных имен существительных.

Во-вторых, важной чертой в приведенном выше перечне форм на *-а* от односложных имен существительных служит то, что данные формы не возможны от слов с неподвижным ударением на окончании (как и на основе). Правда, и здесь следует сделать оговорку, относящуюся к кажущимся исключениям от этой нормы. Если исходить из нормы литературной речи, то таковыми исключениями в перечне должны быть признаны формы на *-а* от слов — *дворъ, дъждь, ключь, крьстъ, куль, кустъ, плотъ, пълкъ, скотъ, стълбъ, судъ, трудъ*, также от оговоренных ранее — *жукъ, царь*. Ср. от всех этих слов род. ед. на ударяемое *-á*: *дворá, дождя́, ключá* и т. д. О позднейшем, диалектическом происхождении форм им. мн. *жукá, царя́* замечено выше, их можно поэтому здесь оставить без рассмотрения. В прочей группе слов следует прежде всего отметить ряд слов, которые, по свидетель-

ству сербского языка, имели старое ударение не на флексии а на основе, ударение к тому же подвижного типа. Слова эти — *дъждь, плотъ, пълкъ, скотъ* (ср. также диал. русское *скот* — род. *скóта*): серб. да̑жд — да̏жда, пло̑т — пло̏та, пу̑к — пу̑ка, ско̑т — ско̏та. Наконечное ударение этих слов в литературном русском языке является таким образом не первоначальным, а позднейшим по происхождению. Из остающихся слов некоторые, действительно, в согласии с сербским языком говорят о старом в них наконечном ударении: ср. *дворъ, ключь, кръстъ, стълбъ, судъ, трудъ* и серб. род. ед. двòра, кљу́ча, кр̀ста, сту́ба, су́да, тру́да. Но все эти слова дают в русском не только диалектические формы им. мн. на *-а*, но также диалектические формы местного ед. на *-у*, о чем была в своем месте речь выше. Следовательно, мы должны думать о существовании в прошлом диалектических вариантов этих слов с ударяемостью именно на основе, а не на флексии. Наличие таких диалектических вариантов слов и узаконило появление в русском как форм местного ед. на *-у*, так и форм им. мн. на *-а*. Ср. действительно от некоторых из этих слов сохранившиеся диалектические формы с ударением на основе, напр. двор — *двóра*, суд — *сýда*, столб — *стóлба* и др. Точно также неизвестное по славянским параллелям существительное *кустъ*, имеющее в современном литературном произношении лишь формы с наконечным ударением (*куст-кустá*), несомненно существовало диалектически в варианте с ударением на основе: этот вариант оправдывает довольно широкую распространенность формы м. ед. *кустý*, известной и в литературной речи, а также и формы им. мн. *кустá*; ср. ведущую к форме слова с ударением на основе диалектическую разновидность им. мн. *кýсты*. В результате из группы отмеченных отклонений остается лишь слово *куль*, от которого из Пудожского у. Олонецкой губ. отмечена форма им. мн. *куля́*. Слово это однако не вполне ясно по своему происхождению, ср. Преобр. I, 410. Если оно представляет собою заимствование, то, как думает Преображенский, оно прошло через посредство польского kul.

То-есть слово первоначально имело ударение не наконечное, откуда и оправдывалось бы появление в им. мн. *кулѧ́*, между прочим уже в несколько позднейшую эпоху, как и в иных заимствованиях, о чем ниже. В связи с рассматриваемой группой отклонений от выставленного общего положения можно еще отметить формы на *-а* от существительных *льнъ, мъхъ, рътъ*, содержавших в корневой части глухие, подлежавшие исчезновению в косвенных падежах ед. числа и во всем мн. числе. Но и образование от этих слов форм им. мн. на *-а* (*льна, мха* и *моха, рота*) должно быть тесно связываемо с нормальными от них формами местного ед. на *-у*. Отличие между теми и другими формами лишь в том, что формы м. ед. на *-у* от этого типа слов получили очень широкое распространение в языке, между прочим усвоились и литературной речью, формы же им. мн. на *-а* ограничены лишь образованиями от отмеченных трех слов и вообще имеют значение редких диалектических форм. Может быть, в этом содержится указание на позднюю вообще пору их сложения в языке. Соотношение во многих словах форм род.-м. на *-у* и им. мн. на *-а* (род. *бе́регу*, м. на *берегу́*: им. мн. *берега́* и под.) могло вызвать в данной группе слов, как относительно поздние новообразования, формы им. мн. *льна, мха* — *моха, рота*, так как в род.-местном от них были нормальны старейшие по сложению формы на *-у*: *льну, мху* и *моху, рту* и *роту*. Впрочем, о форме им. мн. *льна* см. еще ниже.

В-третьих, особенно важной чертой приведенного материала с формами на *-а* от односложных имен существительных служит при ударяемости не окончания их, а основы, подвижный характер самого ударения, т. е. возможность образования этих форм лишь от слов, носивших ударение на основе, если при этом в основе содержались исконные краткие или нисходяще-долгие гласные. На этот момент, как об этом замечено выше, гипотетически обратил внимание Кульбакин; этому моменту уделил большое внимание, но все же не абсолютное, А. А. Шахматов. Между тем именно этот акцентологический момент имел,

видимо, решающее и определяющее значение в появлении новообразований им. мн. на *-а*. Об этом очень красноречиво свидетельствуют данные перечня. В нем содержится круглой цыфрой 100 слов, дающих образования им. мн. на *-а*. Не все эти слова акцентологически документированы. Не документированы из них, т. е. не имеют твердых параллелей из иных славянских языков, всего 18 слов: *глазъ, гърбъ, гърнъ, жохъ, зобъ, колобъ, коробъ, кубъ, куль, кустъ, мъхъ, мысъ, ростъ, рътъ, слой, стебль, тонъ, тылъ, черезъ*. Правда, для ряда слов здесь можно с несомненностью утверждать исконный нисходящий характер гласного основы: ср. примеры с полногласными сочетаниями — *кóлобъ, кóробъ, чéрезъ, шéлепъ,* также *ростъ*; ср. в отношении прочих слов возможность почти от всех из них образований местного ед. на *-у*. В составе прочих 87 слов, для которых приведены инославянские параллели, главным образом из сербского языка, отпадают 11 слов, оговоренных выше, слов, имеющих в показаниях сербского языка наконечное ударение. Эти слова — *върхъ, гробъ, громъ, дворъ, ключь, кръстъ, стогъ, стълбъ, судъ, трудъ, хълмъ*. За вычетом всех этих слов остается еще 76 слов. Оказывается, что среди них в 69 примерах по свидетельству сербского языка фиксируется нисходящий характер интонации на гласном основы. Таковы именно следующие имена существительные: *берегъ, бой, бокъ, боръ, боровъ, бродъ, бѣгъ, вередъ, возъ, волокъ, волосъ, воронъ, воротъ, ворохъ, воскъ, вѣкъ, вѣсъ, годъ, голодъ, голосъ, городъ, дъждь, дългъ, домъ, дубъ, духъ, желобъ, жиръ, звонъ, кърмъ, кругъ, ловъ, логъ, ломъ, лугъ, лукъ, льнъ, лѣсъ, медъ, мозгъ, молотъ, морокъ, мостъ, мѣхъ, низъ, носъ, передъ, плотъ, полъ, полонъ* (со вторично перенесенным ударением на русской почве), *порохъ, пълкъ, разъ, родъ, рядъ, садъ, скотъ, слѣдъ, снѣгъ, станъ, стругъ, толокъ, торокъ, тълкъ, ходъ, холодъ, цвѣтъ, цѣпъ, черепъ*. Эти данные настолько показательны, что делают несомненной правильность формулированного общего положения о наличии нисходящего ударения на основе слов, как главном условии появления новообразований им. мн. на *-а*. Если

далее обратиться к случаям нарушения этой акцентологической нормы, то нельзя не подчеркнуть крайнюю их незначительность. Сюда принадлежат именно формы на *-а* от слов — *вѣтръ, край, поромъ, хлѣбъ*, также от — *дѣдъ, жукъ*, ср. еще сходное образование от *царь*. Но о последних трех случаях сказано уже выше, как о формах, выросших на позднейшей диалектической почве. Вопрос встает таким образом лишь об образованиях на *-а* от четырех слов — *вѣтръ, край, поромъ, хлѣбъ*. По свидетельству иных славянских языков здесь было исконно восходящее ударение на основе: серб. вје̏тар, слов. vȇtъr; серб. кра̑ј кра̏ја, слов. krȁj krȃja (чеш. kraj); серб. пра̏м, слов. prȃm; серб. хље̏б, слов. hlȅb hlέba. Приведенные русские формы на *-а* от этих слов являются таким образом действительным нарушением выставленного закона. Все эти случаи однако при ближайшем рассмотрении поддаются легкому объяснению. Из приведенных слов три примера, именно формы *ветра́, края́, хлеба́*, свойственны и народной, и литературной речи, форма же *парома́* свидетельствуется лишь одним диалектическим показанием из Терской области. Но среди соответственного материала из Терской области (Караул. 21) как раз оказывается сравнительно значительное количество форм на *-а*, при чем по преимуществу от двусложных основ, ср. здесь им. мн. *чиблука́, войлока́, вентера́, чубука́, кочета́, парома́, обруча́, кореня́* и др.; между прочим, единственная, выше отмеченная, форма им. мн. *деда́* (имя существительное одушевленное) принадлежит также именно данной Терской области. Вполне понятно поэтому, что, как явно вторичными по происхождению являются перечисленные Терские формы на *-а* от большинства слов, в частности от заимствований, также форма *деда́*, такой же вторичной формой должно быть признано и образование *парома́*, которое аналогически легко могло сложиться по образцу прочих отмеченных Терских форм на *-а*, как раз представляемых почти сплошь двусложными темами. Далее, известная и в литературном языке форма им. мн. *хлеба́* употребляется рядом с закономерной акцентологически формой *хле́бы*, при чем это

различие форм соединяется с различием значения: *хлеба́* употребляется лишь в значении злаков, *хлѣ́бы* только в значении испеченного хлеба. Но первое из отмеченных значений слова является несомненно вторичным по происхождению, так как основным его значением было одно, именно значение известного готового продукта, употребляемого в пищу. Естественно заключить отсюда, что именно в связи с обозначившейся диференциацией в значении слова произошла диференциация и в форме им. мн. числа, и к исконной форме *хлѣ́бы* явилась параллель *хлеба́*, вторичная форма, созданная для обслуживания нового сложившегося оттенка в значении слова. Что касается, наконец, остающихся двух форм — *края́* и *ветра́*, то образование их следует поставить в связь с наличностью от этих же слов и форм род.-м. на *-у*: *кра́ю — краю́, ве́тру — ветру́*. О последних формах была уже речь в своем месте выше. И формы род.-м. от этих слов на *-у*, и формы им. мн. на *-а* требуют предположения о существовании исконно в русском акцентологической разновидности их, именно как слов с нисходящим типом ударения на их основе; ср. приведенные выше факты перенесения ударения с этих имен существительных на предлоги. Итак все немногие данные с признаками отклонений от выставленного закона вполне устраняются, и закон тем очевиднее закрепляется во всем реальном своем значении. Значение выставленного закона можно еще подкрепить материалом, относящимся к образованиям им. мн. на *-а* от тем более, чем односложных. Здесь при этом важны лишь данные на *-а* от имен существительных неодушевленных, так как эти же формы от одушевленных имен, согласно со сказанным выше, позднейшего вообще сложения, той поры, когда формулированный акцентологический закон образования форм на *-а* от категории неодушевленных существительных уже прекратил свое действие.

Имена существительные с темами более, чем в один слог, — им. мн. на *-а́*. 1. *Вертел: вертела́* (Beaulieux). — 2. *Вечер* (серб. вече̑ ве̏чера): в долгие зимние *вечера* Радищ. I, 111, Бат., Пушк.,

Лерм., Одоевск., Некр., Дост., — Тотем. (Брок 120) Руз. (Дурново). — 3. *Воздух*: Как повеют ветры буйные, Пойдут *воздуха* по погребам Петроз. (Рыбн. I, 287) *воздуха́* Пуд. (Манс. 157). — 4. *Выбор*: *выбора́* Перм. и Шадр. (С. Обнорский) Нижнеуд. (Вин. и Черных, 12) — 5. *Выгон: выгона́* Холмогор. (пр. 50) Никол. (Манс. 213). — 6. *Выход*: *выхода́* Котельн. (Зел. Ск. 192). — 7. *Желуд: желуда́* в обл. языке (Слов. Акад.). — 8. *Жеребей* (ср. серб. ждри̏јеб): а и рештя *жеребья* вы валжены К. Дан. 144, *жеребья* то вынимали Шенк. (пр. 235) *жеребья́* Тотем. (РФВ. 18, 239) братцы *же́ребья* метали Старор. (Колос. Зам. 42) Сызран. (Безс. I, 516), ср. бросили *жереба* Смол. г. (при им. ед. *жерёб*, Добров. 220); ср. *жеребья* и *жеребьи* Онеж. (Гильф. 1279—80) Петроз. (ib. 739; Безс. I, 508) Пуд. (Гильф. 393); ср. *жеребьи* Чулк. I, 201, Онеж. (Безс. I, 511) Повен. (Кир. V, 35). — 9. *Жернов:* и *жернова* смололись Гр. указная 1688 г. (А. Кал. I, 360) Кирил. (Бр. Сокол. 295) Устюж. (пр. 28) Руз. (Дурново); ср. *жерновка* Пошех. (здесь же — *жерновки*, Смирн., I, 460—61). — 10. *Завор*: пойду перекрестясь... из ворот в ворота, из завор в *завора* Каргоп. (Колос. Зам. 182). — 11. *Завес* (серб. за̏вјес): Внезапу у одра раскрылись *завеса* (р. *небеса́*) В. Майк. Игр. ломб. II, 39. — 12. *Закром*: в *закрома* ссыпати Смол. (Шейн I, 374). — 13. *Замет* (серб. *за̏мет*): дубовые *замета́* (= бревенчатая ограда) Смол. г. (Добров. 243). — 14. *Запах: запаха́* Пуд. (Манс. 157). — 15. *Колодец*: Как приутихли ветры буйные, Нашла я эти *колодца* студеные Петроз. (Ж. С. III, 2, 231). — 16. *Кузов: кузова́* Белоз. (Бр. Сокол. 78) Вятск. г. (Братчина I, 273). — 17. *Лемег*: *лемега́* — го́в (телега у ломовых извозчиков) Псков. (Доп. к Оп.). — 18. *Месяц* (серб. мје̏сец): на целые *месяца* исчезая из дома, возвращался к жене избитый М. Горьк. Трое, — Шенк. (Манс. 109) Грязов. (Тр. МДК. III, 77) Устюж. (пр. 28) Костр. (рядом — *ме́сяцы*, Виногр. 74) Казан. (Сб. Форт. 179) Обоян. (РФВ. 38, 115); ср. *ме́сяцы* Петроз. (пр. 30). — 19. *Напуск*: *напуска́* (= полотнища сети) Колым. (Богор. 88). — 20. *Невод:* впереди закинуты сети и другие *невода* Болот. Зап. II, 8, Радищ. II, 385, Гог., Тург., М. Горьк., —

Ладьте-тко *нéвода* шелкóвыи Повен. (Гильф. 112) Ай Горе вслед да *неводá* несет Онеж. (ib. 886, 1160) Волог. (Тр. МДК. XI, 79) Белоз. (Бр. Сокол. 329) Шадр. (Перм. Сб. II, 2, 181) Покров. (пр. 10) Щигр. (Хал. 112); ср. *неводка* Пуд. (Рыбн. I, 22). — 21. *Недуг*: *недуга* разгоняет Тульск. г. (Майк. Закл. 490). — 22. *Обод*: *ободá* (Beaulieux). — 23. *Образ* (серб. ȍбраз): *образá* Гог. Ночь перед Р., Акс. Дет. г. 8, Лейк., Гонч., Печор. (Ончук. Ск. 122) Руз. (Дурново); — ср. *образы́* Тобол. г. (пр. 21) Ишим, Кург., Тар. (Селищ. 278). — 24. *Обруч* (серб. ȍбрӯч): железные *обруця* Белоз. (Бр. Сокол. 64) *выбручá* Мещов. (Черныш. 148) *обручá* Терск. (Караул. 24), ср. в Костр. — *обручá* и *обру́чья* (пр. 264), *обручá* и *óбручи* (Виногр. 74); ср. *обру́чи* с гроба лопнули Тобол. г. (Смирн. II, 840). — 25. *Окорок*: *окорокá* Лейк. Ямская, — Руз. (Дурново); ср. *акаракú* Жиздр. (Ник.); — ср. *окорочкá* Петрогр. (С. Обнорский). — 26. *Округ*: *округá* (Черныш. 57). — 27. *Омут*: тихие заводи и *омута* М. Горьк. Три дня, М. Кожем. I, — Шадр. (Перм. Сб. I, 2, 126) Ветлуж. (Н. Тлст. Заволж. оч. 83) в *омута* глубокие Сарат. г. (Кир. VIII, 163; М. и К. 30) *аматá* Зарайск. (Петр. 39) Белев. (Изв. III, 832). — 28. *Опру́г*: *опругá* (шпангоуты карбаса) Колым. (Богор. 98). — 29. *Остов*: *остовá* Холмогор. (пр. 50). — 30. *Остров* (ср. серб. ȍстрво, ср. рода): *острова* Радищ. Зап. пут. в Сиб., Гог. Жизнь, — в *острова* да незнакомые Петроз. (Барс. I, 92); ср. *островы* Симб. г. (Кир. V, 161) Уральск. (Пассек IV, см. 10). — 31. *Осéк*: ушли на *осекá* (= на огород) работать Черепов. (Герасим. 62). — 32. *Отвод*: пойду я из дверей в двери, из ворот в ворота, в *отвода*, в заворы Кадник. (пр. 25) на широкую улицу *отводá* отворяли Тотем. (Э. О. 1900, 2, 102). — 33. *Откуп*: *откупá* Крыл. Форт. и н. Гонч. Обл. I, 4, Обр. I, 4, Шумахер, Свежо пред. — 34. *Отпуск*: *отпускá* Пуд. (Манс. 157). — 35. *Отруб*: *отруба* Черныш. Прав. 58. — 36. *Палец*: *пальцá* ушиб. Черепов. (Герас. 10). — 37. *Пластырь*: *пластырá* Грязов. (Тр. МДК. III, 77). — 38. *Повод* (серб. пȍвод): *повода* шелковы Жук. Светл., В. Пушк. Каб. путеш., Крыл., Гог., Лерм., Чех., — за шелковы *повода* Печор. (Ончук. Был. 201) Петроз. (Рыбн. III, 10) Онеж. (Гильф. 1061,

1099) Устюж. (пр. 28) Сарат. г. (М. и К. 80) Уфим. (Безс. I, 525) Белев. (Кир. X, 90); ср. за *повода* и за *поводы* Петроз. (Рыбн. III, 198 — 9), ср. узды-*поводы* у них де были сорочинские Пуд. (ib. 120) Петроз. (Гильф. 695), ср. в *поводы́* ведут Кир. IX, доп. XVII. — 39. *Погреб* (серб. пòгреб): *погреба* Бат. II, 20, Пушк. V, 378 Письма I, 148, Лейк., М. Горьк., — посадили в *погреба* глубокие К. Дан. 108, Печор. (Ончук. Ск. 33) Шенк. (пр. 235) Петроз. (Ист. 28; Барс. I, 18) Кадник. (пр. 25) Тотем. (пр. 192) Макар. (пр. 56) Орл.-Вят. (пр. 63) Слобод. (пр. 141) Яран. (пр. 59) Шадр. (С. Обнорский) Меленк. (пр. 247) Покров. (пр. 244) Боров. (Черныш. 275) Верейск. (id. 129) Руз. (Дурново) Алатыр. (пр. 32) Алтай (Кир. I, 67); ср. *погреба́* и *по́гребы* Олон. (пр. 29) Костр. (Виногр. 76) Сибир. (Пам. влр. нар. 128); ср. *по́гребы* Пуд. (Гильф. 249) Петроз. (ib. 495) Тотем. (Брок 120) Котельн. (пр. 33) Великол. (пр. 45), *погребы* (без означения ударения) — Арханг. г. (Варенц. 96) Петроз. (пр. 30; Гильф. 668) Грязов. (пр. 36) Ярен. (пр. 194) Галич. (пр. 55) Орл.-Вят. (пр. 42) Кадник. (пр. 26) Новгор. (пр. 20) Устюж. (пр. 195, 199), ср. *погребы́* Остров. (пр. 33) Краснин. (Безс. I, 500). — 40. *Полог*: *пологá* (Beaulieux), — Котельн. (Тр. Вят. Пед. И. III, 53). — 41. *Постав* (серб. пòстав): *постава́* Холмогор. (пр. 50). — 42. *Потрох*: были изжарены прежде одни *потроха́* Жук Одисс. XX, 252, Крыл. Сн. и кур., Лейк. В Мих. скв., — Вытегор. (пр. 22) Руз. (Дурново); ср. *потрухи* человечьи валяютца Остров. (Смирн. I, 343), *патрахи́* Жиздр. (Ник.) — 43. *Поезд*: *поезда́* Чех. Безн. гость (у него же в словах Агафьи: я знаю, когда *поезды* ходят, Чех. Агафья), — Руз. (Дурново). — 44. *Пояс* (серб. пȍја̑с): шелковые *пояса* Радищ. II, 225, — Арханг. г. (Варенц. 48) Шенк. (пр. 285) Кадник. (пр. 25) Белоз. (Бр. Сокол. 342) Котельн. (пр. 46) Шадр. (С. Обнорский) Буин. (пр. 57) Орл. г. (Кир. IX, 82) Судж. (Резан. 246), *по́яса* при *поя́сья* Петроз. (пр. 34); ср. *пояса́* и *по́ясы* Костр. (Виногр. 75) Руз. (Дурново) Цивил. (пр. 143) Мцен. (пр. 188); ср. *по́ясы* Холмогор. (пр. 50, 54) Олон. (пр. 29) Грязов. (пр. 36) Кадник (пр. 26) Сольвыч. (пр. 193) Тотем. (пр. 198) Ярен. (пр. 194) Новгор. (Сол. 23) Устюж. (пр. 199) Макар. (пр. 56) Мал-

мыж. (пр. 79) Орл.-Вят. (пр. 42) Котельн. (пр. 35) Яран. (пр. 59) Мокш. (пр. 232, 1) Новосил. (пр. 77) Кубан. (Науменко); ср. *поясы́* Остров. (пр. 33) Чембар. (пр. 229) Грайвор. (пр. 279) Бирск. (пр. 112). — 45. *Приговор*: *приговора́* Холмогор. (пр. 50) Шенк. (пр. 235) Вытегор. (пр. 22) Петроз. (пр. 30, 34) Грязов. (пр. 36) Кадник. (пр. 25) Никол. (пр. 266) Тотем. (пр. 198, 192, 201) Сольвыч. (пр. 193) Ярен. (пр. 194) Белоз. (пр. 166; Тр. МДК II, 60) Новгор. (пр. 20) Устюж. (пр. 195, 202) Галич. (пр. 55) Макар. (пр. 56) Солигал. (Ж. С. VII, 3, 458) Чухлом. (ib. IX, 3, 344) Костр. (*при́говоры* и *приговора́*, Виногр. 76) Котельн. (пр. 35, 46) Малмыж. (пр. 79) Нолин. (пр. 52; по пр. 68 «иногда») Орл.-Вят. (пр. 37, 42, 63) Слобод. (пр. 141) Кунгур. (пр. 134) Шадр. (С. Обнорский) Муром. (пр. 100) Остров. (пр. 33) Холм. (пр. 54) Зубцов. (р е д к о, рядом — *при́говоры* и *пригово́ры*, пр. 60) Кашин. (Смирн. 84) Моск. (Черныш. 169) Алатыр. (пр. 32) Инсар. (пр. 231) Мокш. (пр. 232, 4) Чембар. (пр. 228) Медын. (пр. 263) Мещов. (пр. 267; Черныш. 161) Егорьев. (рядом — *пригово́ры*, пр. 133, 1) Дмитр.-Кур. (id., пр. 125) Судж. (Резан. 246) Нижнеуд. (Вин. и Черных, 12). — 46. *Прииск*: *прииска́* Черныш. 59, Селищ. Заб. ст. 10. — 47. *Провод*: *провода́* Черныш. 59. — 48. *Промысл* (серб. про̏мисао): *промысла* Кривошапк. I, 18, — Енис. (ib. II, 57) Барнаул. (С. Обнорский). — 49. *Пропуск*: *пропуска́* (= вид повозки) Вят. (Зел. Ск. 313). — 50. *Роспуск*: *роспуска́* (= дровни) Яросл. г. (Тр. Яросл. Пед. И. II, 3, 181). — 51. *Рукав* (серб. ру̏ка̑в — рука́ва): пишу спустя *рукава* Пушк. Письма I, 84, Чех. Мечты. — Черепов. (Ерем. 30) Руз. (Дурново) Цивил. (пр. 143) Жиздр. (Ник.) Козельск. (Тр. МДК. X, 73) Малоярсл. (ib. 71) Белев. (ib. 64) Ефрем. (ib. 67) Сапожк. (ib. 55) Белгор. (ib. 76) Судж. (Резан. 246) Путивл. (РФВ. 76, 290); — ср. *рукавы́* Опоч. (*рыкавы́*, Тр. МДК. II, 23) Холм. (ib. III, 54; РФВ. 76, 283, 288) Порхов. (ib. 289) Старщ. (ib. 256) Смол. г. (Добров. 8) Бельск. (Тр. МДК. X, 6) Ельнин. (ib. 60) Красносл. (ib. 47; здесь же *рукава́* = род кофты) Медын. (ib. 78) Мосал. (ib. 39) Жиздр. (ib. III, 82) Скопин. (ib. 65). — 52. *Сговор*: приглашали только по нужде, на свадьбы, *сго-*

вора, на именины. М. Горьк. М. Кожем. II (т. XIII, 286). — 53. *Ситец*: *ситцá* Казан. (Сб. Форт. 179) Нижнеуд. (Вин. и Черных, 25). — 54. *Сумет*: *сумётá* Шенк. (Манс. 109). — 55. *Сустав*: *суставá* (Beaulieux). — 56. *Северик*: *сивирикá* Пуд. (Манс. 157). — 57. *Тополь*: *тополя́* М. Горьк. Ярм. на Г., Женщина, Бун. Дер. II. — 58. *Уговор*: *уговорá* Котельн. (пр. 46). — 59. *Уповод*: *уповодá* (мера времени) Черепов. (Ерем. 30). — 60. *Хлопот*: *хлопотá* Мещов. (пр. 267; Черныш. 13, 162) Мцен. (пр. 188) Дмитр.-Кур. (пр. 236) Судж. (Резан. 249). — 61. *Хобот*: крылья орловы, *хобота* слоновы Э. С. VI, 67, Олон. г. (Кир. II, 24) Повен. (Рыбн. III, 62); ср. *хоботы*-ты мечет по змеиному Онеж. (Гильф. 173) Арханг. г. (Марк. I, 59). — 62. *Чобот*: *чобота* обула на босу ногу Онеж. (Гильф. 981; ср. здесь же — *чеботы* обула на босу ногу).

Не входя в ближайшее рассмотрение этого материала, должно заметить, что вообще он в большей своей части является закономерным с акцентологической точки зрения. Ср. формы местного ед. на *-у* от многих слов данного перечня, ср. с другой стороны ударяемость в большинстве примеров на начальном слоге, обычно — на префиксе, т. е. явление аналогичное переносу ударения на предлоги с простых тем соответственных слов, не осложненных префиксами. Есть, конечно, в перечне некоторые формы позднейшего, аналогического происхождения, но с точностью установить их для отдельных диалектов невозможно. Ср. во всяком случае, как вторичные формы на *-а*, случаи — *воздухá*, *образá*, *недугá* (церковнославянизмы), *ситцá* (слово с неподвижным типом ударения на корне, к тому же с восходящим характером коренного гласного) и др. Во многих примерах (во всех?) с формами на *-а* от слов с кажущимся неподвижным ударением на срединном слоге, такой тип ударяемости может считаться вторичным по происхождению. Ср. им. мн. *заворá* при им. ед. *завóр*, но и *зáвор* (Слов. Акад.), также при им. мн. *завесá* — колебание в ед. числе *зáвес* и *завéс* (материал дан выше), при им. мн. *заметá* — ед. ч. *замёт*

(ср. укр. *замéт* и *замíт*) и *зáмет* (Слов. Акад.); можно думать поэтому, что и именительные мн. *опругá*, *осекá*, *поставá*, *суставá*, *сметá*, *уговорá* произошли из исконных форм ед. числа *óпруг*, *óсек*, *пóстав* и *сýстав* (ср. *óстов*, *прíстав*), *сýмет*, *ýговор*, каковые формы в позднейшую эпоху дали варианты с иным ударением — *опрýг*, *осéк* и т. д. Заслуживает также замечания форма *рукавá*, от слова, звучащего с неподвижным ударением на окончании. Однако эта форма должна быть связываема с известной диалектически формой местного ед. *рукавý*, и в этом смысле форму можно считать акцентологически закономерной. Ср. об этом Ztschr. f. slav. Ph. II, 66—67. Не относя таким образом форму им. мн. *рукавá* к числу образований на *-а* от слов с наконечным ударением, должно все-же указать на то, что диалектически встречаются примеры подобных форм на *-а*. Но, как и отмеченные выше аналогичные факты с односложными темами, так и соответственные формы на *-а* от имен с основами более, чем в один слог, должны считаться позднейшими образованиями. Сюда принадлежат немногочисленные примеры а) от имен существительных неодушевленных — *овес*: *овсá* (рядом — *овсы́*) Устюж. (пр. 28) Слобод. (Тр. МДК. XI, 130); — *песок*: *пескá* (рядом — *пески́*) ibid.; — *ручей*: унесла меня лиса, за тёмны леса, за пригрубы *ручья* Печор. (Ончук. Ск. 100), *ручья́* бегут Илим. (Черных 12; здесь ед. ч. *рýчей*), ср. розольютцы быстры рицьки, || все мелкие да *руцейкá* Белоз. (Бр. Сокол. 404);

б) от одушевленных имен существительных — *воробей*: *воробья* налетели Егорьев. (пр. 133, 1); — *комар*: *комарá* Весьегон. (Тр. МДК. II, 158); — *осетр*: *осетрá* Белоз. (ib. III, 60) Тобол. г. (пр. 21) Ишим. Курган. Тар. (Селищ. 278); — *пастух*: *пастухá* Енис. (id. 83); — *соловей*: *соловья* сидят — вычищаются Орловск. г. (Кир. VII, пр. 35); — *шурьяк*: *шурьякá* Мещов. (пр. 41, 1).

Второй ряд примеров должен быть полностью объединен с приведенными выше формами на *-а* от одушевленных имен существительных, в том смысле, что они должны также считаться образованиями позднейшего сложения, хотя отдельные

ских словах (с дву- и многосложными темами), находились в ближайшей взаимной хронологической связи.

Многосложные заимствования, могущие образовать форму им. мн. на *-а*:

1. *Адрес*: *адреса́* Черныш. 53; ср. *адресы* у Чернышевского и Л. Тлст. (Лобов, К ист. 189, 137);—2. *Актер*: пришли мы, сели, а уж итальянские эти самые *актера* действуют. Горбун. 290;—3. *Ангел*: *андела́* Шенк. (Манс. 109);—4. *Аптекарь*: *аптекаря* Некр. IV, 106;—5. *Арбуз*: *арбуза́* Моск. (Beaulieux);—6. *Ассесор*: и не ползу в *ассесора* Пушк. К товар. 1817;—7. *Барин*: *барина́* Пуд. (Манс. 157);—8. *Баркас*: *баркаса́* Шенк. (id. 109);—9. *Бензель*: *бензеля́* Черныш. 54;—10. *Библиотекарь*: *библиотекаря́* (Beaulieux);—11. *Бондарь*: *бондаря́* (Слов. Акад.);—12. *Боцман*: *боцмана́* Черныш. 54;—13. *Бурав*: *бурава́* в диал. языке (Дурново, Оч. 283);—14. *Буфер*: *буфера* Ч. 54;—15. *Вальдшнеп*: *вальшнепа́* Звенигор. (id. 147);—16. *Вексель*: *векселя́* (id. Прав. 54),—Руз. (Дурново);—17. *Вензель*: *вензеля* Гог. Театр. разъезд;—18. *Вентерь*: *вентеря́* (= мережа) Дон. (Сол. 27), ср. *вентера́* Терск. (Караул. 21);—19. *Войлок*: *войлока́* ibid.;—20. *Вымпел*: *вымпела́* (Слов. Акад.);—21. *Веер*: *веера́* Чех. Кошмар, 258;—22. *Грабарь*: *грабаря́* Дорогоб. (Смирн. II, 556);—23. *Дупель*: *дупеля́* (Ч. 55);—24. *Госпиталь*: *шпиталя́* Моск. (id. 162);—25. *Директор*: *директора́* общелит.,—ср. *директоры* Некр. III, 378, Лейк. Наши пит. X;—26. *Дискант*: невнятно и взвизгивающе взвизгивали *дисканта* М. Горьк. М. Кожем. II;—27. *Доктор*: *доктора* Пушк. IV, 360, Акс., Дост., Ф. Соллог.,—*дохтура* Петроз. (Барс. I, 250) Тотем. (Брок 120) Черепов. (Ерем. 30) *дъктара* Руз. (Дурново), ср. *дохтаря́* Смол. (Добров. 175) *дохтуря́* Скопин. (РФВ. 27, 261),—ср. помогли бы искусные *докторы* Трутень 1769, л. 9, разны *дохтуры* Ардат. (Кир. VI, 78),—ср. *дактары́* Егорьев. (Шахм. 215), *дактари́* Краснин. (Добров. 175);—28. *Дрягиль*: *драгиля́* (Слов. Акад.);—29. *Дьявол*: *дьявола́* Шенк. (Манс. 109) Пуд. (id. 157) Вытегор. (пр. 22) Шадр. (Перм. Сб. II, 2, 177),—ср. *дъивалы́* Смол. г. (Добров.

197); — 30. *Дьякон*: *дьяконá* Вытегор. (пр. 22) Устюж. (пр. 28) Углич (Тр. МДК. II, 110), — ср. *дьяконы* Сызран. (Кир. V, 174); — 31. *Дюбель*: *дюбеля́* (Beaulieux); — 32. *Егерь*: а *егеря* бегом — гнались за неприятелем Дн. Вульфа 177, — Самар. г. (Кир. X. 476) Руз. (Дурново), — ср. *егери* Бат. III, 21; — 33. *Жемчуг*: в этих морях есть свои *жемчуга* Бальм. Земля (V, 140), Н. Мешков, Святки, — *жемчугá* и *жéмчуги* Костр. (Виногр. 72); — 34. *Идол*: *идолá* Ч. 57; — 35. *Инспектор*: *инспекторá* общелит., — ср. в *инспекторы* попадешь Ф. Соллог. I, II; — 36. *Кавалер*: *кавалерá* Костр. (рядом — *кавалéры*. Виногр. 72) Медын. (пр. 263) Мещов. (пр. 41, 1); — 37 **Кандал*: вот за эфтики дела || посадили в *кандала* Вятск. г. (Васнец. 356) Руз.(Дурново); — 38. *Карбас*: собирал всех на суда || на мелкие *карбасá* Шенк. (Кир. X, 19); — 39. *Квартал*: *кварталá* Шенк. (Манс. 109); — 40. *Иней*: *инея́* бывают кажный гот Илим. (Черных, 9) Нижнеуд. (Вин. и Черных, 25); — 41. *Кивер*: равны мне каски, *кивера* Пушк. К товар. 1817, Лерм., — Петроз. (Барс. II, 235); — 42. *Кивес*: *кивесá* (Beaulieux); — 43. *Китель*: *кителя́* (Ч. 58); — 44. *Клапан*: *клапанá* (Beaulieux); — 45. *Клевер*: многие уехали на *клеверá* Бун. Дер. III, — Руз. (Дурново) Нижегор. (Изв. Нижег. У. II, 359); — 46. *Колер*: *колера* (Ч. 56); — 47. *Кливер*: *кливерá* (Beaulieux); — 48. *Клинкер*: *клинкерá* (id.); — 49. *Колчан*: кладывал те луки во налучники, || калены стрелы во *колчана* Пуд. (Рыбн. II, 22, 160); — 50. *Кондитер*: *кондитерá* (Beaulieux); — 51. *Кондуктор*: *кондуктора* М. Горьк. Скуки ради, Бун. Сверчок, — ср. *кондуктора* и *кондукторы* Лейк. В ваг. III кл., ср. *кондукторы* Дост. 280; — 52. *Консул*: *консула* (Ч. 56); — 53. *Корпус*: *корпуса* Пушк. О нар. восп., Тург. Накан. III, М. Горьк. М. Кожем. II; — 54. *Кредитор*: *кредиторá* (Beaulieux); — 55. *Крейсер*: *крейсера* (Ч. 56). — 56. *Крендель*: я не Спиноза какой-нибудь, чтобы выделывать ногами *кренделя* Чех. Свадьба, — *криньдиля́* расписувайить Ворон. (Дикар. 146); — 57. *Купол*: горят золотом *купола* соборного храма Шевырев, Поездка I, 83, Лейк. Бирж. арт. VI, — *куппалá* Руз. (Дурново); — 58. *Купор*: за ними взапуски гоняются артельные старосты, *купора* и экспедиторы

Лейк. Биржж. арт. VI; — 59. *Кучер*: *кучера* Бат. II, 27 (ср. в *кучёры* III, 291), Пушк. IV, 361, Гонч., Дост., Лейк., Л. Тлст., — Тотем. (Брок 120) Черепов. (Ерем. 30) Руз. (Дурново) Сарат. г. (Кир. V, 85) Обоян. (Резан. Матер. 48) Щигр. (Хал. 66); — 60. *Ла́баз* (= подмостки): *лабаза́* Яросл. г. (Тр. Яросл. Пед. И. II, 3, 134); — 61. *Лагерь*: *лъгаря́* и *лъгари́* Руз. (Дурново); — 62. *Лацкан*: *лацкана́* (Beaulieux); — 63. *Леер*: *леера* (Ч. 57); — 64. *Лектор*: *лектора* (ib.); — 65. *Лисель*: *лиселя* Гонч. Фр. Палл.; — 66. *Лихтер*: *лихтера* (Ч. 57); — 67. *Лоцман*: *лоцмана* Радищ. II, 388; — 68. *Маклер*: есть *маклера* для разных сделок Вяз. Байрон (XII, 62); — 69. *Маляр*: *маляра́* Судз. (Черныш. 25) Моск. (С. Обнорский); — 70. *Мастер*: *мастера* Бат. II, 20, Гонч., Дост. — Руз. (Дурново) Петроз. (Гильф. 716), — ср. *мастера* и *мастеры* Повен. (ib. 123); ср. *мастеры* Ардат. (Кир. VI, 78) Сызран. (ib. VIII, 9) Симб. г. (ib. V, 145, 167); — 71. *Ниппель*: *ниппеля́* (Beaulieux); — 72. *Номер* (нумер): *нумера* (журнала) Бат. III, 142, Некр. I, 120, и *нумера* поставила Дост. 119, — поступил в *номера́* Вят. (Зел. Ск. 317); — 73. *Норот*: *норота* (Ч. 57); — 74. *Обшлаг*: *обшлага* Ломон. IV, 245, Гог. Тар. Б. X, — за *ошлага́* дьет Екатеринб. (Зел. Ск. 179); — 75. *Оратор*: *оратора* (Ч. 58); — 76. *Орден*: *ордена* Гог. О ср. веках, Крыл. Осел; — 77. *Ордер*: *ордера* (Ч. 58); — 78. *Офицер*: *офицера́* Новгор. (пр. 20) Галич. (пр. 55) Котельн. (Зел. Ск. 6) Медын. (пр. 263) Нежнеуд. (Вин. и Черных, 12), — *офицера́* и *офицёры* Костр. (Виногр. 75) Судж. (Резан. 219), — ср. *офицеры* Бат. I, 330 II, 255, 307; — 79. *Парус*: *паруса* Лерм., Гонч., Дост., — Онеж. (Кир. II, 62) Петроз. (Барс. I, 262) Пуд. (Гильф. 283), — ср. *паруса* и *парусы* Печор. (Ончук. Ск. 63 и Был. 146, 273), ср. *парусы* Ломон. III, 136, род. мн. *па́русов* Пушк. I, 264, — *парусы́* Арханг. г. (Кир. V, 93); — 80. *Паспорт*: строго требовали *паспорта* Вяз. Стар. зап. кн. IX, 164, а *пашпорта*? Лейк. Кус. хл. VIII, — Моск. (Черныш., Изв. XIII, 174), — ср. *паспорты* Чернышевск., Помял. (Лобов, Из ист. 189), Остр. На вс. мудр. III, 2, Гонч. Обл. I, 3, Дост. 373, Лейк. Свад. стол; ср. колебание у Л. Толст. — *паспорты* (о дипломатических

документах) В. и м. и *паспорта* Воскресение (Лобов, Из ист. 138);— 81. *Пепус*: *пепуса* Шенк. (Манс. 109); — 82. *Пойнтер*: *пойнтера* (Ч. 58); — 83. *Провизор*: *провизорá* (Beaulieux); — 84. *Пролог*: а если скука пристегнет, *пролога* читаю М. Горьк. М. Кожем. II (т. XIII, 310); — 85. *Профессор*: *профессора* Гог. Вий, Лейк., Ф. Соллог., — ср. *профессоры* Грпб. Г. от у. III, 21; — 86. *Пудель*: *пуделя́* (Beaulieux); — 87. *Редактор*: *редактора* (Ч. 59); — 88. *Рекрут*: уже *рекрута* гулять начали М. Горьк. Испов., Горбун. 107, — *лекрутá* Онеж. (пр. 41) *некрутá* Каргоп. (МАН. 120) Петроз. (Барс. II, 14, 17) Белоз. (Бр. Сокол. 509) Новгор. (Э. О. 1905, 2 — 3, 213) Устюж. (*лекрутá*, РФВ. 18, 220) Черепов. (*некрутá*, Герасим. 58) Яросл. (РФВ. 24, 61) Охан. (Серебренников, Стар. св. п.) Покров. (пр. 10) Луж. (Э. О. 1905, 2—3, 212) Руз. (Дурново) Курмыш. (Варш. Ун. Изв. 1914, IX, 144); — 89. *Ректор*: *ректорá* (Востоков, Beaulieux); — 90. *Ротмистр*: *ротмистрá* (Грот, Beaulieux); — 91. *Румпель*: *румпеля́* (Beaulieux); — 92. *Рупор*: *рупорá* (Грот, Beaulieux); — 93. *Сектор*: *секторá* (Beaulieux); — 94. *Сеттер*: *сеттерá* (id.); — 95. *Скульптор*: *скульптора* (id.); — 96. *Слесарь*: *слесаря* там... сапожники и прочие рабочие люди М. Горьк. На дне IV, — Повен. (Кир. V, 39) Моск. (С. Обнорский); — 97. *Соус*: *соусá* (Beaulieux); — 98. *Таган*: *тагана* Домостр. (Собол. 221); — 99. *Тендер*: *тендерá* (Beaulieux); — 100. *Тенор*: *тенора* Гог. Мерт. д. III, Ч. 54; — 101. *Тигель*: *тигеля́* (Beaulieux); — 102. *Торбаз*: *торбазá* (= обувь из оленьей шкуры) Амур. (Карпов), ср. *торбаса* (Ч. 60); — 103. *Тормоз*: *тормоза* не держали и карета катилась Акс. Дет. г. 437, — Руз. (Дурново); — 104. *Торос*: *торосá* (= льдины на море) Заонеж. (Барс. II, 332) Сибир. (МАН. I, 63) Колым. (Богор. 143), — ср. *торосá* и *тóросы* Арханг. г., Оренб. г., Камч. (Оп. обл. слов.); — 105. *Терем* (серб. трȉјем): *терема* Бат. II, 48, 56, — К. Дан. 27, 151, Петроз. (Барс. I, 171 II, 23; Ончук. Ск. 209, 304) Повен. (Гильф. 120) Пуд. (ib. 267) Руз. (Дурново) Симб. (Кир. I, пр. 8), — ср. стоят *теремы* высокие Каргоп. (Гильф. 1301) Повен. и Пуд. (ib. 64, 195, 239); — 106. *Топор*: *топорá* Муром. (пр.

100);—107. *Траур*: надеваю я, горюшица, *троура* на себя черные Заонеж. (Барс. II, 93);—108. *Трактир*: тут есь кабаки, *трахтира*, заведенья Кирил. (Бр. Сокол. 121);—109. *Туес*: *туеса́* Шадр. (С. Обнорский) *туяса́* Ю. Сибир. (МАН. 175);—110. *Узден*: как садились мои *узденя*-князья на черные стулья Терск. (Панкр. 52);—111. *Унтер*: *ундера* Лейк. У биржи,—Онеж. (Смирн. I, 90);—112. *Фа́ртук: фартука́* Пошех.-Волод. (Тр. Яросл. Пед. И. II, 3, 47);—113. *Фельдъегерь*: *фельдъегеря* Гог. Рев. IV, 9;—114. *Фельдфебель*: *фельдфебеля́* (Beaulieux):—115. *Фельдшер*: *фельдшера* Лейк. Апр. I,—*вершала́* Петроз. (Барс. II, 13) *фершала́* Моск. (Черныш. 48) *фиршала́* Руз. (Дурново) *фершела* Сергач. (Нижег. Сб. I, 2, 223);—116. *Фитиль*: *фитиля́* Петрогр. и Перм. (С. Обнорский);—117. *Флагман*: *флагмана́* (Востоков, Beaulieux);—118. *Флигель*: *флигеля* Гог. Жен. I, 20;—119. *Флюгер*: *флюгера* Лерм. Сашка, М. Горьк. Сказки,—*флюгара* Онеж. (Кир. II, 63) Петроз. (Гильф. 624);—120. *Фурман*: *фурмана́* (Beaulieux);—121. *Фухтель*: *фухтеля́* (id.);—122. *Хиус*: *хиуса́* (= встречные ветры) Колым. (Богор. 151);—123. *Хутор*: справа и слева *хутора* Гриб. III, 76, Пушк. Полт. I, Гог., Бун.,—*кутора́* Спасск. (МАН. 60);—124. *Цензор*: *цензора* Гог. Вий,—*цензоры* Бат. III, 33;—125. *Цоколь*: *цоколя́* (Beaulieux);—126. *Шабер*: *шабера́* (id.);—127. *Шафер*: *шафера* Лейк. Апр. IV,—Чердын. (Перм. Сб. II, 2, 146),—ср. *шафера* и *ша́феры* Ф. Соллог. XXIII;—128. *Шенкель*: взял коня в *шенкеля* Тург. Дв. гн. III;—129. *Шкипер*: *шкипера* Гонч. Фр. Палл., ср. *шкиперя* Пуд. (Рыбн. III, 300);—130. *Шомпол*: *шомпола* железные Кирил. (Бр. Сокол. 316), ср. *шомпура*-то у них все железны Арханг. г. (МАН. 4);—131. *Штабель*: жерди, тес (от балаганов) складывают в *штабеля* М. Горьк. Детство XIII;—132. *Штемпель*: *штемпеля* Лейк. Бирж. арт. VI;—133. *Штепсель*: *штепселя́* (Beaulieux);—134. *Штопор*: *штопора́* Муром. (пр. 100);—135. *Штурман*: *штурмана* Гонч. Фр. Палл.;—136. *Штуцер*: *штуцера* (Beaulieux);—137. *Шулер*: *шулера* М. Горьк. На дне III, М. Кожем. I, Чех. Пустой сл.;—138. *Экзамен*: *экзамена́* Дмитр.-Кур. (пр. 236)

Дон. (Сол. 10); — 139. *Юнкер*: *юнкера* Гонч. Обр. I, 13; — 140. *Якорь*: подняв *якоря* на восходе солнца, пошли бечевою Радищ. I, 387, — Онеж. (Смирн. I, 32) Печор. (Ончук. Ск. 131; Был. 154, 266, ср. *якори* ib. 273) Кирил. (Бр. Сокол. 120); — 141. *Ярус*: спустил все *яруса* Кол. (Ончук. Ск. 466); — 142. *Ящик*: *яссыка́* Енис. (Селищ. 83).

Этот список двусложных и многосложных заимствованных имен существительных, могущих образовать форму им. мн. на *-а*, не исчерпывает фактического наличия их в языке, тем более, что контингент таких слов перманентно растет в живой речи. Можно, напр., еще указать на подобные данные с формами на *-а* из перечней Востокова или Грота (Фил. разыск. I, 442 и сл.), в которых приводятся в группе соответственных слов имена существительные — *катер, мичман, фактор* у Востокова, или *грифель, циркуль, вахтер, ефрейтор, гетман* у Грота, при чем и тот и другой заключает свой перечень словами «и др.»[1]

Всматриваясь в состав приведенного перечня, можно видеть, что половина слов в нем принадлежит категории одушевленных имен существительных. По внешнему виду это в большинстве случаев слова на *-р, -рь* (46 примеров, т. е. две трети всего количества слов данной группы), или на *-н* (12 слов), или на *-л, -ль* (8 примеров), — иные остающиеся случаи (в роде — *вальдшнепа́, дисканта́, рекрута́*) единичны. В отношении ударения в подавляющем большинстве слова́ в ед. числе характеризуются ударяемостью на начальном слоге обычно двусложной темы. Отклонениями служат из слов с двусложной темой — *актер, арбуз, бурав* (?), *вальдшнеп, дискант, квартал, колчан, маляр, обшлаг, скульптор, таган, топор, трактир, узден, фитиль*, из слов с трехсложной основой случаи с нередкой ударяемостью на срединном слоге — ср. *аптекарь, ассесор, библиотекарь, директор, инспектор, кондитер, кондуктор, оратор, провизор, профессор, редактор, фельдфебель, экзамен*, и лишь в трех сло-

[1] Укажу на диалектическую форму им. мн. *литера́* от ед. *литер*, по муж. роду: золотые *литера́* Шенк. (Манс. 109) Каргоп. (Колос. Зам. 199).

братя, братья, Добров. 39) Ельнин.[1] (ib.) Пореч. (ib.) Клин. (Черныш. 15) Моск. (id. 21, 40, 156) Семен. (пр. 118) Самар. (пр. 40) Алатыр. (пр. 32) Буин. (пр. 57) Оренб. (РФВ. 56, 239) Жиздр. (Ник. 329) Медын. (пр. 263) Мещов. (Черныш. 148) Зарайск. (Тр. МДК. III, 18) Касим. (пр. 111, а, 47), ср. *братя́* Терск. (Караул. 21); — ср. *браты* — *братов*: Здравствуйте, *браты*! М. Горьк. Мак. Чудра, Исповедь, — Со *братами* и с сестрами Чулк. I, 597, семь *братов* К. Дан. 32, 153, *братов* Э. С. VI, 83, — Печор. (Ончук. Ск. 82, 129) Шенк. (Кир. II, 68) Онеж. (Гильф. 1228) Олон. г. (Олон. Сб. I, 2, 84) Вельск. (Смирн. I, 161, 183) Грязов. (Тр. МДК. III, 77) Кирил. (Бр. Сокол. 279) Екатеринб. (Зел. Ск. 19, 55) *брато́ф* Владим. (Черныш. 30) *бра́тоф* и *брато́ф* Клин. (id. 20, 28) *бра́тоф* Моск. (id. 184) *браты́* Жиздр. (Ник. 389) *браты́, брато́в* Мещов. (пр. 267; Черныш. 161, 172) *брато́у* Брян. (Будде 85) *братов* Севск. (Шейн I, 364) *браты́* Грайвор. (пр. 279) *браты* Дмитр.-Кур. (пр. 236) *браты́* Обоян. (РФВ. 38, 115) Ворон. г. (Филат. 178) Ворон. (Дикар. 73) *браты́* Кубан. (Ж. С. XIII, 3, 359) *брато́ф* Нижнеуд. (Черных 353).[2] — 3. *Ворон* (серб. вра̑н): *воронья,* чуя кровь, нетерпеливо каркая перелетали на березах Л. Тлст. В. и м. III, ч. 2, гл. 36, От ней I, 6. — 4. *Друг* (серб. дру̑г): зъ *друзьями* Котош. 219 об, — Онеж. (пр. 41) Черепов. (Ерем. 31) Яран. (пр. 59) Макар. (пр. 56) Остров. (пр. 33),[3] — ср. *дружья* Арханг. (Ист. 129) Шенк. (ib. 139) Онеж. (ib. 130; Гильф. 993) Печор. (Ончук. Был. 184) Каргоп. (пр. 106) Петроз. (Барс. II, 3) Петроз. и Повен. (Безс. VI, 271) Повен.[4] (Кир. V, 35) Сольвыч. (пр. 193) Белоз. (Бр. Сокол. 400, 401, 470; Тр. МДК. II, 61; пр. 162) Устюж. (пр. 195) Верхотиш. (*дружья́* = любовники, Оп. обл. слов.) Малмыж. (пр. 103) Орл.-Вят. (пр. 42) Слобод. (пр. 65) Соликам. (пр. 207) Чердын. (пр. 258) Казан. (Варенц. 187) Моск. г. (Безс. I, 53) Семен. (пр. 118) Пореч.

---

1 Здесь же — *браты* (ib.).

2 Ср.: 12 *братовъ* явка 1592 г. (Арх. Строева I, 685).

3 Ср. *друзья* как nomen coll.: Червосточье (= точащие черви) — то *друзья* моя. Новгор. (Безс. VI, 328).

4 Здесь же им. мн. *дружи*-братья (Кир. V, 34—35; Рыбн. III, 241).

(Добров. 188) Гжат. (ib.; Безс. VI, 307) Сызр. (ib. 211) Петров.-Сарат. (М. Сокол. Был. 21) Жиздр. (Ник.) Мещов. (пр. 41, 1) Венев. (Тр. МДК. I, 94) Болх. (Безс. I, 156) Елецк. (пр. 111) Ранепб. (Безс. VI, 285) Обоян. (РФВ. 38, 129) Обоян. и Судж. (ib. 21, 111) Щигр. (ib. 10, 175) Ворон. г. (Филат.) Землян. и Задон. (Трост. 31) Тюмен. (пр. 27); — ср. *други, недруги* Кантем. I, 125 II, 128 V, 7, 446 (у него же — род. *недрузей* I, 129) Ломон. (род. *другов, недругов* I, 16 II, 135, 215 III, 322 IV, 159, 289), не так ли резвые *други* бурной и вольной юности теряются по свету Гог. Сор. ярм., лучше ста рублев сто *другов* Снегир. 212, — *други* Кунгур. (пр. 134), ср. *другí*, род. *другóў* Смол. (Добров. 187). — 5. *Зверь* (ср. серб. звиjер, ж. рода): все *зверья* земные Повен. (Безс. I, 290) люты *зверья*, род. *зверьев* Пуд. (Рыбн. II, 180; Гильф. 227) Онеж. (ib. 1188: род. *зверьёв*; ср. здесь же — им. *звери*, род. *зверей*) *зверья* лютые Можайск. (Безс. I, 206) Серпух. (ib. 271, 273) Моск. г. (ib. 275) Звенигор. (ib. 321; здесь же дат. *зверям*) Карсун. (Кир. I, 40) Сызр. (Безс. V, 206) Одоев. (ib. I, 630 V, 400) Тульск. г. (ib. I, 280) Орл. (ib. 307, 437), ср. *зве́рья* Ворон. г. (Филат.) Новохопер. (ib.), ср. *зверья́* Екатеринб. (Зел. Ск. 207) Звенигор. (Черныш., Изв. XIII, 157) Дмитр.-Кур. (Э. О. 1901, 3, 43—44) Обоян. (РФВ. 38, 115 и 137). — 6. *Зять* (серб. зе̑т): *зятья́* Болот. Зап. I, 12, Жук. Одисс. III, 387, Лерм. Menschen III, 4, Л. Тлст. А. Кар. VI, 2, Некр. Кому VII, — К. Дан. 178, Петроз. (Ист. 74) Пуд. (Манс. 152) Кадник. (Смирн. I, 205) Шенк. (Манс. 109) Белоз. (Бр. Сокол. 210, 489; Колос. Зам. 24) Красноуф. (пр. 154) Владим. (Черныш. 31) Шуйск. (Шейн I, 254) род. *зятьёў* Ельнин. (Добров. 290) Клин. (Черныш. 84) Балахн. (Ж. С. XX, 1, 38) Семен. (пр. 118) Симб. г. (Кир. I, 28) Инсар. (пр. 231) Чембар. (пр. 228) Сердоб. (Уч. Зап. Сар. У. VI, 3, 354) Медын. (пр. 263) Мещов. (пр. 150) Новосил. (пр. 77) Данков. (Шейн I, 253) Зарайск. (ib. 255) Судж. (Резан. 219) Дон. (Сол. 21); — ср. ў *зяти* наступил Ельнин. (Добров. 290) *зятí* Грайвор. (пр. 279) Дмитр.-Кур. (пр. 236).[1] — 7. *Князь* (серб. кне̑з): *князья́* общелит. (напр.

[1] Ср.: *зятьямъ* моимъ Память 1697 г. (А. Кал. II, 676).

Котош. 57 об), — Онеж. (Гильф. 1106, 1237) всии *князьи* вси бояра Петроз. и Повен. (Безс. I, 167) Красноуф. (пр. 154) Шадр. (Перм. Сб. I, 2, 124; ср. здесь же — *князи*, бояра и дьяки) Звенигор. (Кир. VI, 102) Сызр. (Безс. I, 323) Петров.-Сарат. (М. Сокол. Был. 6) Тульск. (Кир. VIII, 45), — ср. *князя* Онеж. (Гильф. 953) Печор. (Ончук. Был. 232) Каргоп. (Гильф. 1320) Судж. (Хал. 237, 253); — ср. *княжья* Арханг. г. (Марк. 24; здесь же — *князья*), дат. *княжзям* Петроз. (Рыбн. III, 378); — ср. *князи*: Цари с *князями* мимоходят Ломон. I, 69, Лебеди на море *князи* Чулк. I, 237, — Арханг. г. (Майк. Закл. 563) Шенк. (Кир. II, 67, 83) Петроз. (Безс. I, 508; Гильф. 174; Рыбн. II, 71) Пуд. (id. 294; III, 70, 113; Гильф. 316) Осташ. (Кир. VII, 7) всем *князям* боярам Льгов. (Хал. 265); — 8. *Муж* (серб. му̑ж): *мужья, мужьями* Котош. 51, 139 об, Радищ. Завещ., — Шенк. (Манс. 109) Черепов. (Ерем. 31) А где девки? — За *мужья*, за *мужьёв* ушли Вязник. и Горохов. (Э. О. 1916, 1—2, 119—120) Судж. (Резан. 219) род. *мужьёў* Жиздр. (Ник.). — 9. *Сват* (серб. сва̏т): На этой свадьбе все мы *сватья* Вяз. IV, 216, — Чухлом. (пр. 62) Чебокс. (Магн. 77) Петров.-Сарат. (М. Сокол. Был. 3), ср. *сватья́* Покров. (пр. 10, 244) Макар. (пр. 56) Карсун. (пр. 67) Лукоян. (Ж. С. XX, 1, 33) Оренб. (РФВ. 56, 240) Медын. (пр. 263) Терск. (Караул. 21); — ср. *сваты* с правдою не ездят (посл. XVII в., Симони, 2111), дат. *сватам* Петроз. (Тих. и Милл. 123) Чердын. (Перм. Сб. I, 2, 35) Балахн. (Смирн. I, 446) Остров. (Ж. С. XXI, 1, 88) Минус. (Тих. и Милл. 91) Колым. (Богор. 266), *сва́ты* Брян. (Будде 84), *сва́ты* и *сваты́* Костром. (Виногр. 72), *сваты́* Моск. (Черныш. 102) Остров. (пр. 33) Бельск. (Смирн. II, 509) Мещов. (*сваты́, свато́в*, рядом — с *сва́тами*, Черныш. 71, 74) Судж. (Резан. 247) Кубан. (Ж. С. XIII, 3, 359). — 10. *Сын* (серб. си̑н): *сынья́* Мещов. (пр. 150) Мосал. (Шахм. III, 508) род. *сынјо́ф* Егорьев. (id. 215) Мцен. (пр. 188) сколька *сыньёф*-та жынила Касим. (Будде, К ист. 361) *сынья́* (при род. *сыновьёв*) Дон. (пр. 42, 2). — 11. *Тать*: *Татьи* вы разбойники Шадр. (Перм. Сб. II, 2, 166; здесь же — им. мн. *тати*, род. *татей*), *Татьи́* все пойдут во великей страх Сызр. (Безс. V, 206), дат. *татьям* ib. (ib.) Гжат. (ib. 199). —

12. *Холоп*: *холопья* Кантем. I, 553, Фонв. Письма к родным 1784, Пушк. Е. О. VII, 47, Бор. Год., Егип. н., Ист. пуг. б. VIII, Письма II, 351, Гог. Тар. Б. I, Майская ночь. — 13. *Деверь*: *деверья* журливы, золовки мутливы Снегир. 499, Бун. Дер. I, — Холмог. (Ист. 114) Шенк. (ib. 121, 155) как *деверья* говорят Олон. г. (Доп. к Оп.) с берега *деверья* дивуются Вытегор. (Э. С. VI, 101) Волог. (Шейн I, 222) Сольвыч. (Ж. С. VI, 1, 78) Белоз. (Бр. Сокол. 434) Кирил. (ib. 433; Шейн I, 241) Нолин. (пр. 68) Чердын. (Перм. Сб. I, 2, 56, 81 II, 2, 142) Шуйск. (Шейн I, 157) Чебокс. (Магн. 73, 132, 139) Лифл. г. (РФВ. 64, 309) Валд. (Шейн I, 212) Бунн. (ib. 242) Сарат. г. (М. и К. 54) Сердоб. (Уч. Зап. Сар. У. VI, 3, 354) Терск. (Тер. Сб. II, 136) Енис. (Кривошапк. I, 110), ср. это братья твои *де́верья* Енис. (ib. 57), ср. Ни *деве́рьям*, ни золовкам Каргоп. (Колос. Зам. 150) *деве́рья* Тотем. (Брок 121) *Деве́рья* со золовушкам ib. (Ж. С. VI, 2, 235) А я ко *деве́рьям* Псков. г. (Шейн. I, 106) *деве́рья* Ливен. (Slavia VI, 473) Путивл. (Хал. 176) Судж. (Дурново, Диал. раз. I, 83) Тобол. г. (пр. 21), ср. *Деверья́*, зятья Поклонилися Некр. Кому на Р. VII, — Есть-то это *деверья́* названыи Онеж. (Гильф. 199) *деверья́* Шенк. (Манс. 109) *деверьёф* назову́ бра́тцами Моск. (Сб. II Отд. 75, 2, 113) *деверья́* Терск. (Караул. 21);[1] — ср. дат. *ди́вирям* Новосил. (Будде 21) к *деверям* пришла к золовкам Валд. (Колос. Зам. 46) Минус. и Канск. (Ж. С. XIII, 3, 347). — 14. *Кобель*: А деверья, как *кобелья*, по подлавичью лежат Терск. (Тер. Сб. II, 114); — ср. *кобели́* Симб. г. (Кир. VII, 50). — 15. *Кочет*: *коча́тья* у крыши сгнили Костром. (пр. 264) род *коцотьёв* (при им. мн. *коцота́*) Меленк. (пр. 247) *кацадья́* Егорьев. (Шахм. 215) *кочетья* (при *кочета*) Самар. г. (РФВ. 41, 56) *кочетья́* Рязанск. г. (Ж. С. VIII, 2, 214). — 16. *Медведь* (серб. мѐдвјед): *медведья́* Терск. (РФВ. 44, 77). — 17. *Окунь*: *оку́нья* Костром. (пр. 264) Солигал. (Ж. С. VII, 3, 458) род. *окуньёв* Нолин. (пр. 52) им. мн. *акунья́* Моск. (Черныш., Изв. XIII, 169) Мещов. (пр. 267). — 18. *Сокол* (серб. со̏ко-со̏кола): *соко́лья* им. мн. — «народная» форма по Черныш. Прав. —

[1] Ср. дат. *деверьямъ*, тв. *съ деверьями* Гр. 1696 г. (А. Кал. II, 740 III, 118).

19. *Шурин* (серб. шӯрин): *шу́рья* (Восток. 36) к *шурьям* Ломон. V, 350, — *шурья* Шенк. (Ист. 119; Ж. С. XIII, 3, 506) ко *шурьям* Вытегор. (Пам. влр. н. 93) Вельск. (Э. С. V, 49) Волог. (Шейн I, 222) Кирил. (Бр. Сокол. 387, 432) Псков. (Шейн I, 223) Петров.-Сарат. (М. Сокол. Влр. свад. п. 10) Зарайск. (id. Был. 17) Обоян. (РФВ. 38, 145) Ю.-З. Том. (Э. С. VI, 94), ср. Хочу, чтоб меня поминали добром || *шурья́* Константин да Василий А. Тлст. П. о пох. Влад., — *шурья́* Шенк. (Манс. 109) Черепов. (Ерем. 31) Щигр. (РФВ. 2, 256, 261);[1] ср. *шурьев* и *шуринов* К. Дан. 13, 14, *шурины* несут дары мне пивом и вином Холмог. (пр. 50). — 20. *Писарь*: *писарья* Дон. (Сол. 10). — 21. *Учитель*: *учителья* ibid. — 22. *Дядя*: *дядья, дядьямъ, з дядьями* Улож. А. М. II, 9 X, 246 XVII, 4, род. *дядьев* Фонв. Письмо к родным 1777, Болот. Зап. I, 3, дат. *дядьям* Гог. Рев. IV, 11, к весне *дядья* разделились М. Горьк. Детство I, V, Три дня, — У меня *дедья* храбрые, тетки хорошие Арханг. г. (Майк. Закл. 543, из стар. ркп.) Кадник. (Смирн. I, 226) к *дядьям* Черепов. (Барс. II, 281), ср. Вся *дя́дьёв*, тетушек и бабушек ватага Крыл. Лентяй II, 1, им. мн. *дя́дьи* Барнаул. (Селищ. 83), ср. колебание в Кирил. — *де́дья* (Бр. Сокол. 220, 246) и *дедья́м* (Тр. МДК. II, 163), ср. *дядья́, дядья́м* Моск. (Черныш. 56) Лукоян. (Тр. МДК. II, 143); — ср. о двух *дядя́х* Вяз. Стар. зап. кн. (VIII, 272) к *дядям* и теткам с поздравленьем Бара́т. Цыганка, *дяди* мои Акс. Дет. г. 117, — *дяди* Белоз. (Колос. Зам. 70) *дяди*, к *дядям* Екатеринб. (Зел. Ск. 32—33) *дяди* Моск. (Сб. II Отд. 75, 2, 41) дат. *дядим*, тв. *дядими* Жиздр. (Ник.) з *дядеми* Зарайск. (Петр. 10) к *дядям* Тобол. г. (Смирн. II, 839).[2] — 23. *Дочь*: *дочерья́* Крапив. (Изв. III, 852). — 24. *Мать*: *матерья́* (рядом — *ма́тири*) Зарайск. (Петр. 41). — 25. *Моль*: дат. *мольям* Кантем. Письмо II, 49.

---

[1] Ср.: *шурьямъ* своимъ, съ *шурьями* своими Росп. 1692 и 1692—3 г. (А. Кал. III, 148, 149).

[2] Ср. своихъ *дядь* Пр. гр. 1508 г. (Арх. Строева I, 133), *дядимъ* и братьямъ Дух. 1691 г. (А. Кал. 566—7); — отцы ихъ и *дядья* и братья Пр. гр. 1584 г. (Арх. Строева I, 613), а *дядья* де его родные въ Касимовѣ Гр. указная 1681 г. (А. Кал. I, 323, 325).

Уже в старом языке известны, как собирательные, склонявшиеся по системе ед. числа, имена существительные — братьѧ, зѧтьѧ, кънѧжьѧ (также — кънѧзьѧ), шурьѧ, дѧдьѧ;[1] существовало, повидимому, как собирательное имя, и существительное дружьѧ (друзьѧ), судя по широко сохранившейся в народном языке форме *дружья*.[2] Эта категория слов, с потерей у них значения собирательности, синтактически явилась в новой роли форм уже именительного мн. числа от соответственных единственных братъ, зѧть, кънѧзь, шуринъ, дѧдѧ, другъ и послужила основным источником подобных новообразований в иных словах. Все перечисленные слова, как братьѧ, зѧтьѧ и т. д., как видно, относятся к именам одушевленным. Поэтому древнейшее распространение новой флексии им. мн. числа *-ья*, следует думать, было ограничено категорией одушевленных имен существительных. На позднейшей диалектической почве, и именно лишь в пределах южновеликорусских говоров, произошло распространение этой флексии на имена ж. рода *мать*, *дочь*,[3] также — вытеснение ею старого окончания *-ове* (*овя*) в некоторых именах (ср. им. мн. *сынья*), наконец, расширение ее в группе заимствованных слов, напр. в церковнославянизмах — *писарья*, *учителья* (об иных заимствованиях см. ниже). Ударение нередко колеблется, напр. в случаях от односложных основ — *бра́тья* и *братья́*, *сва́тья* и *сватья́*, *дя́дья* и *дядья́*, *звѐрья* и *зверья́*,

---

[1] См. Словарь Срезневского; ср. еще — з *дядьею* в Гр. 1584 г. (Арх. Строева I, 614).

[2] Первоначальные собирательные дружьѧ, кънѧжьѧ с переходом в категорию имен со значением множественности подпали влиянию старых форм им. мн. кънѧзи, друзи и привели к новым формам друзьѧ, кънѧзьѧ, как уже формам именительного мн. числа. Впрочем, на слове кънѧжьѧ влияние формы кънѧзи (им. мн.) сказалось рано, когда слово еще имело значение имени собирательного, — ср. собир. кънѧзьѧ в Лавр. сп. летописи (Слов. Срезневского).

[3] Имя существительное *моль*, теперь ж. рода, в старом языке было рода мужеского; отсюда раннее образование от него формы им. мн. на *-ья*.

шу́рья и *шурья́*; в некоторых случаях оно неясно, ср. *воронья*, *татья* и др. Несомненно в случаях с колебанием ударения сказалось взаимное влияние одних слов на другие; А. А. Шахматов, кроме того, в отношении форм *братья*, *зятья* думает, что различие их ударения восходит к старой поре, когда эти слова были именами собирательными, т. е. являлись в формах ед. числа (Оч. совр. рус. лит. яз. 118). Во всяком случае должны иметь значение факты устойчивого ударения в словах с одной стороны — *холо́пья*, ср. еще постоянное в литературном языке *бра́тья*, также — *сва́тья*, с другой стороны в формах — *друзья́*; *князья́*, *мужья́*, *зятья́*. В первом ряде исконное ударение на основе было восходяще-долгим (ср. также серб. бра̏ћа), во втором ряде — нисходяще-долгим. Поэтому можно считать закономерным ударение в *сынья́*, от *во́рон* — *воронья́*, от *шурин* — *шурья́* (при вторичном — *шу́рья*), от *зверь* — *зверья́* (при вторичном — *звѐрья*) Слова *дядя*, *тать*, как слова с неподвижным характером ударения, должны были звучать в им. мн. в виде *дя́дья*, *та́тья*.

Следует еще отметить, что приведенные формы на *-ья*, почти все еще в недавнее время употреблялись рядом с формами на *-ы*, *-и*. Ср. свидетельство Востокова об употреблении форм *други*, *мужи*, *князи*, *зяти*, *сыны* «в важной речи или в переносном значении» (Гр. 33). В современной стадии литературного языка из этих слов форма *князи* уже совершенно не употребляется. Кроме того, в отличие от народного языка, в литературной речи в соответствии с единственным *брат* во множественном возможна лишь форма на *-ья* (*братья*). Замечательно, что сложенное слово «*собрат*» обычно не дает в им. мн. образования на *-ья* (ср.: даже *собраты* по ремеслу дивились его ловкости, Лейк. Расск. о хор. л. V; в связи с другими своими *собратами*, Лавровский, О яз. сев. рус. лет. 2), — обстоятельство, в старое время отмеченное и вызвавшее упрек по поводу этой нелогичности языка (см. статью Николича в Ф. З. 1878, 1, 28). Но это слово, как слово книжного происхождения (церковносла-

вянизм), вполне последовательно долгое время сохраняло старейшие, т. е. сходные с церковнославянскими, формы мн. числа. Однако широкая употребительность слова в разговорной речи, его бо́льшее «обрусение» сделали возможным и употребление новой формы им. мн. на *-ья* (под влиянием слова *братья*), каковая форма (*собра́тья*) в приближении к современной стадии речи начинает приобретать права литературного гражданства. Ср. ее напр. у Некр. — *Собратья* надо мной трунят (III, 550). Любопытно также отмеченное в перечне колебание мн. числа от *друг*, *недруг* у Кантемира: постоянное *други*, *недруги*, но род. *недрузей*. В современном языке от слова *недруг*, как слова книжного происхождения, возможно только образование мн. числа архаического вида — *недруги*, *недругов* (напр. у Пушк. III, 115, 492). Последний тип образований, т. е. старейшие формы им. мн. на *-ы*, *-и*, и в ряде иных случаев оказывается в живом народном употреблении в отличие от литературного языка, дающего соответственно формы на *-ья*. Эти формы областной речи редки в употреблении в черте северновеликорусских говоров (большинство приведенного отсюда материала относится к песенной или сказочной речи и должно считаться наследием архаического происхождения), но они обычны в полосе западных и юго-западных южновеликорусских говоров, являясь при этом обычно с характерным ударением на окончании. Ср. особенно формы — *браты́*, *други́*, *сваты́*, *зяти́*. Объяснение этих форм должно быть объединено с данным выше объяснением аналогичных форм на *-ы́*, *-и́* в соответствии с ожидаемыми формами на *-а́* (в случаях, как — *береги́*, *боки́*, *броды́*, *ворохи́* и т. д.). Ср. одинаковость территориального распространения одного и другого ряда означенных форм.

В закреплении и дальнейшем развитии новых форм им. мн. на *-ья* сыграли роль не только отмеченные ряды собирательных имен, явившихся с утратою ими собирательности формами им. мн. числа, но кроме того судьба форм им. мн. 1) от старых основ на *-i, 2) от старых основ на *-u.

Имена существительные с основами на *-і звучали первоначально в им. мн. на -иѥ (-ьѥ). В дальнейшем однако, в связи с общим вытеснением во мн. числе форм именительного падежа формами винительного, флексия -иѥ этих имен оказалась замененной через *-и*: *гости*, *люди*. Диалектически однако от отдельных слов могли сохраняться и старые формы на -иѥ (-ьѥ), при чем последнее окончание фонетически подлежало изменению в *-ья*. Так должны были возникнуть формально новые образования от основ на *-і — образования на *-ья*. Между прочим, в приведенном уже материале одушевленных имен на *-ья* можно усматривать в отдельных примерах, помимо общего влияния на них старой категории собирательных существительных, также отражение старой соответственной их формы им. мн. на -иѥ, но именно лишь от первоначальных имен с основами на *-і. Ср. формы *зверья*, *зятья*, *медведья*, *татья*, с вероятностью также — *деверья* и *молья*. В областном языке сохраняются еще от иных слов формы на *-ья*, могущие объясняться именно в связи с предположением отражения в них старого окончания им. мн. -иѥ от основ на *-і. Таковы: *гвоздь*: *гвóздья*[1] Остров. (пр. 33; рядом употр. — *гвозды́*) Твер. (Черныш. 8), ср. на *гвоздья́* полуженые Тотем. (Э. О. 1900, 2, 86) Петроз. (пр. 13), ср. *гвоздья* (без обозначения ударения) Олон. г. (Рыбн. I, 234) Петроз. (ib. II, 78; Гильф. 816) Повен. (Рыбн. IV, 72, 234; Гильф. 65, 188) Пуд. (id. 320) Луж. (Безс. VI, 176) Орл. (id. I, 435) Алатыр. (пр. 32), — как диалектизм, форма встречается у Тург. (X, 547), см. Haertel, Arch. f. slav. Ph. Bd. 34;[2] — *груздь*: *груздья* Нижнедев. (АГО. IX, 16); — *гусь*: *гусья* заблудущие Олон. (Колос. Обз. 211, по Гильф.); — *ноготь* (серб. нȍкат): *нокóтья* Тотем. (Брок 121); — *пень* (серб. пȁњ пȁња): Дуй по *пеньям* — чорт в санях Снегир. 482, из *пеньев*, по *пеньям* Некр. III, 164, 307, мужыки были коренастые, бородатые, точно *пенья*, обросшие мохом. М. Горьк. Матв. Кожем. I, — *пенья* Петроз. (Гильф. 796) Повен. (ib. 154) Валд. (Майк. Закл.

[1] Ср. серб. собират. гво̏жђе.

[2] Ср. им. мн. *гвоздья*, дат. *гвоздьямъ* в Подр. 1673 г. (А. Кал. II, 773).

459, 472) Кирил. (Бр. Сокол. 124, 530) Шадр. (Перм. Сб. II, 2, 173) Козмодем. (МАН. 56) Нижегор. (ib. 100) Бельск. (Смирн. II, 532) Дорогоб. (ib. 538) Брян. (*пенния*, Тр. МДК. III, 157) Колым. (Богор. 328);[1] — *путь* (серб. пу̑т пу́та): *путья́* (рядом с — *пута́*) Руз. (РФВ. 47, 125); — *угль* (серб. у̏гаљ у̏гља): *уголья* Тург. Дв. гн. 43, Гонч., *уголья* и *угли* Лейк., Бун., *угли* Ломон. IV, 422 V, 29, Некр. III, 352, М. Горьк. Ошибка, — *у́голья* Белоз. (Бр. Сокол. 23) Клин. (Черныш. 16) Моск. (id. 56) Смол. г. (Добров. 927) Ворон. г. (Филат.), ср. *угóлья* Котельн. (Зел. Ск. 64) Цивил. (пр. 143), ср. *уга́лья* Мосал. (РФВ. 38, 192) Мещов. (пр. 150; Черныш. 150) Брян. (пр. 259) Дмитр.-Кур. (пр. 236), ср. *угалья́* Мокш. (пр. 232, 1), — ср. род. мн. *углей* Медын. (МАН. 70), *óгуль*, мн. *агулú*, род. *агуле́й* Обоян. (РФВ. 38, 97).

✓ Имена существительные с основами на *-u оканчивались первоначально в им. мн. на *-ове*. Это окончание, сохранившееся в украинском, особенно в западноукраинских говорах (см. работы Верхратского), также в белорусском (Карский II, 2, 185), в литературном русском языке в непосредственном своем виде отсутствует. Неизвестно оно также и областной великорусской речи как флексия живая. Здесь именно, и преимущественно на территории Севера, имеются соответственные формы на *-ове* от отдельных слов, но все эти данные принадлежат песенному языку, являясь традиционными архаизмами речи. Ср.: берет... *дарове* дороги Пуд. (Рыбн. III, 299);[2] *панове* К. Дан. 58, 60, Пуд. (Рыбн. I, 429); — *татарове* К. Дан. 121, Беломор. (Кир. V, 97) Шенк. (ib. II, 88) Онеж. (Гильф. 1152, 1179) Петроз. (Рыбн. III, 241) Повен. (ib. 108) Пуд. (ib. I, 46);[3] — *уланове* Онеж. (Кир. III, 43)[4] Пуд. (Рыбн. III, 296). Можно указать еще на отго-

---

[1] Ср. под влиянием *пенья* от *пень*, м. рода, тв. мн. с *пеньями* от *пеня*, ж. рода Клин. (Черныш. 16).

[2] Видимо, старая форма им. мн. *дарове* (от *дар*) содержится также в наречном сочетании — *даровье́* (= напрасно) Волог. (МДК XI, 74).

[3] Ср.: *татарове* в гр. 1470 г. (Арх. Строева I, 34).

[4] Здесь же имеется любопытное новообразование ед. числа — *улановин*, обязанное формам мн. числа на *-ове* (Ib. 50).

лосок подобных форм в пословице: *Данила в рове испугалися львове* (Лавровский. О яз. сев. рус. лет. 118). Однако окончание *-ове*, утратившись в собственном своем виде, сохранилось в посредственной форме, именно в результате фонетического изменения в нем конечного *е* в направлении к *а*. При полном осуществлении фонетического процесса *-ове* подлежало переходу и действительно диалектически перешло в *-овя*. Но был и иной путь изменения конечного *е* в этой флексии. Процесс изменения *е* в *а*, начавшись, дошел до половины пути — *е* изменилось в *ä*, а далее последовало диалектическое отвердение предшествующего согласного, вызвавшее переход *-овä* в *-ова*. Последнее течение процесса вызвано было нефонетическими причинами: на данных образованиях отразили свое влияние отчасти старые формы род. мн. от них же (на *-ов*), отчасти некоторые собирательные на *-а*, или особенно на *-ва*, как — *татара*, *татарва*, *литва* и под.[1] И та и другая разновидности форм также сохранились до нас как в показаниях старых памятников, так и в свидетельствах современных диалектов. Ср. формы на *-ва* (*-ова*, а по аналогии с ними также на *-ева*): *бокова* (корабля) выведены в ём да по турецкому Онеж. (Гильф. 173); — *боярева* в песенн. 1786, 1796 гг. (Кир. VI, 87, 89 VIII, 62); — *дарова* (*дарева*): а этыи *дарова* князю полюбилисе Онеж. (Гильф. 953), дарил им честны *дарева* Повен. (ib. 61; Рыбн. IV, 70); — милы *зятева* мои Петроз. (Ончук. Ск. 212); — *кумóва* Кирил. (пр. 152); — *льневá* Новгор. (Колос. Зам. 24) Тихв. (Тр. МДК. II, 121, 122); — *ржевá* Новгор. (Колос., ib.); — *сватовá* Пинеж. (МДК XI, 8) Петроз. (Гильф. 844; Безс. I, 508) *сватовá*, дат. *сватовáм* Повен. (Ончук. Ск. 347) Ярен. (пр. 194) Новгор. (пр. 20), ср. *свáтова* Кирил. (пр. 152); — *свекрова* Кем. (пр. 104); — *сыновá* Пинеж. (МДК XI, 8), вси эты *сыновá* выросли Петроз. (Ончук. Ск. 220, 253; пр. 34; Гильф. 844; Рыбн. II, 304) *сынова*, дат. любезным *сыновам* Повен. (Ончук.

---

[1] Влияние собирательных естественно могло идти из случаев, в роде — *Мордва*-то завалились хлебом-то Инсар. (пр. 231), с согласованием по мн. числу (ср. сходный материал ниже).

Ск. 428) Новгор. (пр. 20); — *татарова* Онеж., Петроз., Повен., Пуд. (Гильф. 20, 100, 103, 337, 707, 953; Рыбн. III, 212), *татарева* Онеж., Петроз., Пуд. (Гильф. 182, 238, 246, 306, 742) злы *татаревы* Тульск. г. (Кир. VII, пр. 135); — *царева* Сычев. (Добров. 971). Здесь же должно отметить литературную форму им. мн. *хозяева.*

В приведенных примерах только форма *сынова́* ведет к старым им. мн. на *-ове*, все же прочие примеры являются позднейшими аналогическими образованиями, выросшими по образцу исконных форм на *-ове* в роде *сынове.* Окончание *-ове*, откуда *-ова*, очевидно являлось особенно ярким с морфологической стороны: только это объясняет широкое его распространение. Оно действительно зашло и в имена на *-о, и в имена на *-jo (*царева*), и в основы на *-i (*зятева*), оно коснулось даже слов ж. рода — такого рода формы от *рожь* — *ржева́*, от *свекровь* (стар. *свекры*) — *свекрова.*[1] Следует при этом заметить, что форма *ржева́* указывается Колосовым как nomen collectivum, при чем Колосов видит в ней аналогическое образование к *льнева.* Последнее имя существительное также у Колосова означено как имя собирательное, но слово в данной форме отмечается и как им. мн. числа (из Тихвинского у. Новгор. губ.). Во всяком случае можно думать об образовании этих последних форм (*льнева, ржева*) по образцу приведенных прочих форм, имеющих *-ова* в конечном итоге из окончания *-ове*, как окончания старых основ на *-u.

Второй результат изменения первоначального *-ове*, именно — *-овя*, редок в показаниях современных диалектов: *сватовя́* Петроз. (пр. 30); — *татаровя* Арханг. (Марк. 53; Кир. IV, 33) Онеж. (Гильф. 1192; здесь же — *татаровья*). Аналогичные формы встречаются в старых песенных записях, напр. у Кирши Дан. (в чередовании с формами на *-ове* и на *-овья*) — *панове* и *пановя, уланове* и *улановя*, также — *улановья* (К. Дан. 58, 60),

[1] Сюда же можно присоединить форму *жиловы* вм. *жилова* (от ед. ч. *жила*): Гнется татарин не ломится || На *жиловы* татарин подавается. Онеж. (Гильф. 930).

ср. еще в рукоп. былине, записи XVIII в., — *улановя* (Тих. и Милл. 64). Особенно знаменательно наличие этих форм в более старое время, в частности в памятниках литературного языка до Петровской эпохи включительно. Ср.: двумъ *сыновямъ* Росп. 1665—1666 г. (А. Кал. III, 206) взяли его *татаровя* Докум. 1622 и 1678 гг. (ib. 52, 323), *татаровя* Улож. А. М. XIV, 2 XVI, 41, 44, Котош. 127, 137, П. и бум. П. В. I, 373.[1] Редкость данных форм на *-овя* в современной стадии речи и рост их в приближении к старому времени делает очевидным, что именно эта разновидность старой флексии *-ове* явилась ближайшей ступенью к новому ее типу — к формам на *-овья (-евья)*. Трудно сказать, был ли этот переход *-овя (-евя)* в *-овья (-евья)* чисто фонетическим; вероятнее думать, что здесь сказалось влияние иных выше перечисленных образований на *-ья*. В литературном языке к этому новому типу образований принадлежат формы *кумовья*, *сыновья*, *зятевья* (Восток. 33; Шахм. Оч. 120); в народном употреблении круг соответственных новообразований значительно шире: Убил сорок *бояровей* Онеж. (Гильф. 931); — *братовья́* Шенк. (Манс. 109) Волог. (Сб. II Отд. 99, 2, 52) Грязов. (Тр. МДК. III, 77) Кадник. (Смирн. I, 205) Никол. (пр. 266; Манс. 213) Тотем. (Брок 121) Кирил. (Бр. Сокол. 170) Новгор. (РФВ. 40, 101) Устюж. (С. Обнорский) Черепов. (Ерем. 31) Буйск. (пр. 18) Пошех. (род. *братовей*, Ж. С. VI, 2, 233) Котельн. (ib. XXI, 2, 274; Зел. Ск. 57, 209) Нолин. (пр. 52; Колос. Зам. 274) Екатеринб. (Зел. Ск. 219) Шадр. (С. Обнорский) Луж. (РФВ. 40, 110) Весьегон. (Тр. МДК. II, 158) Барнаул. (Селищ. 83) Бирск. (С. Обнорский) Енис. (род. *братовьев*, Кривошапк. I, 119) Колым. (Богор. 10); — *вороно́вья* (рядом — *вараны́*, *вараньё*) Смол. г. (Добров. 58); — *гадо́вья* Повен. (Ончук. Ск. 448); — *гнетяу́я* (от *гнёт* = толстое бревно) Смол г. (Добров. 129); — *даровья* Петроз.

[1] Интересно в старом языке изменение по внешней ассоциативной связи первоначальной формы им. мн. *рыболови* через *рыболове*, откуда далее — *рыболовя*. Ср. последнюю форму в гр. 1615 г. (А. Кал. I, 133); форма *рыболове* читается в гр. 1423 г. (ib. 129). Отмечу еще здесь формы на *-овя* от слов ср. рода: *крылцовя*, *стекловя* Богородиц. (АГО. XLII, 28).

(Рыбн. I, 154, 259) Онеж. (Гильф. 1244) Каргоп. (Рыбн. II, 6) Пуд. (ib. I, 64, 341 II, 274 III, 18, 216); — *дярно́уя* Смол. г. (от *дярён,* Добров. 166); — не имей сто рублей, имей сто *друговей* Шенк. (Манс. 109); — *дружовья* Кирил. (пр. 170); — *друзевья́* Костром. (пр. 264), ср. *друж(з)евья* Кинеш. (пр. 66)); — *дедо́вья* Крапив. (РФВ. 4, 253) Малоарх. (Безс. IV, 241); — *дядевья,* род. *дядевей* Повен. (Рыбн. III, 374) Луж. (РФВ. 40, 110); — *зятевья́* обще-лит., — Онеж. (Кир. IV, 75) Печор. (Ончук. Был. 195, 196, 227) Олон. (*зя́тевья,* Ж. С. III, 1, 133) Петроз. (Ончук. Ск. 208; Гильф. 441; Рыбн. I, 57) Пуд. (Гильф. 333) Грязов. (Тр. МДК. III, 77) Никол. (пр. 266; Манс. 213) Кадник. (Смирн. I, 205, 207) Тотем. (Брок 121) Кирил. (Бр. Сокол. 161—172) Пошех.-Волод. (Тр. Яросл. Пед. И. II, 3, 47) Нолин. (Зел. Ск. 270) Яран. (Зел. 136) Екатеринб. (id. Ск. 16, 63, 212) Красноуф. (Шейн I, 348) Мышк. (пр. 78) Луж. (Кар., РФВ. 40; Кир. I, 59, 62) Смол. г. (Шейн I, 256) Нижег. г. (Павлово, Пам. влр. н. 50, 56) Барнаул. (Селищ. 83); — *кумовья́* общелит. (напр. Крыл. Кр. в беде, Некр. III, 281, Лейк. Хр. нев. X), — Сольвыч. (пр. 193) Вятск. г. (Васнец. 123) Екатеринб. (Зел., Ск. 152) Шадр. (С. Обнорский) Барнаул. (Селищ. 83) Судж. (Хал. 244) Нижнеуд. (Вин. и Черных, 12); — *кусто́вья* Петроз. (пр. 30); — *кучевья* Гдов. (пр. 11); — *луговья* Пуд. (Рыбн. I, 216 III, 178); — *мужевья́* Кем. (Ончук. Ск. 166) Онеж. (Смирн. I, 86) Шенк. (Манс. 109) Петроз. (Барс. I, 178, 230, 272; Гильф. 441, 689; Рыбн. I, 57) Грязов. (Тр. МДК. III, 77) Кадник. (Смирн. I, 206) Никол. (пр. 266) Тотем. (Брок 121; Ж. С. XXI, 2, 236) Кирил. (Бр. Сокол. 153) Костром. (пр. 264) Солигал. (Ж. С. VII, 3, 458) Чухлом. (ib. IX, 3, 344) Вят. (Колос. Зам. 260) Екатеринб. (Зел. Ск. 180) Перм. (С. Обнорский) Соликам. (МАН. 137) Барнаул. (Селищ. 83) Колым. (Богор. 10, 197), ср. *му́жевья* Олон. (Ж. С. III, 1, 133, по был. Рябинина), ср. *мужа́вья* Яросл. г. (Якушк.) *мужоуя, мужёвья* Смол. г. (Добров. 421); — *пановья* Пуд. (Рыбн. II, 326) Онеж. (Гильф. 985); — *пене́вья* Ельнин. (Добров. 578); — *платовья* Кологр. (по сообщ. Е. Соколовой); — *пузо́вья* Лифл. г. (Бобров, 392; РФВ. 64, 307); — *путевья* шел-

ковыя (вяжите) Петроз. (Гильф. 553; Рыбн. I, 3) Пуд. (ib. 7), — ср. во тые *пута* шолковыя Пуд. (ib. III, 291); — *раќовья* Пореч. (Добров. 779); — *ратовья*: Скакали они три разу о *ратовья* Пуд. (Гильф. 293), — ср. *ратовьё* до девяти сажен Онеж. (ib. 1245); — *сватовья́* — Знакомых да *сватовей* у него чуть не целый уезд Салт. I, 19, — Онеж. (пр. 41) Пинеж. (Ж. С. XIII, 3, 503) Петроз. (Рыбн. IV, 144) Повен. (Ончук. Ск. 347) Пуд. (Безс. I, 506; Рыбн. IV, 60) Кадник. (пр. 25) Сольвыч. (Ж. С. VI, 1, 93) Кирил. (Бр. Сокол. 242) Устюж. (пр. 28) Буйск. (род. *сватове́й* при им. *сватовьё*, пр. 18) Кинеш. (пр. 66) Ром.-Борисогл. (Кузн. 14) Котельн. (Шейн I, 330) Нолин. (пр. 52) Орл.-Вят. (пр. 63) Слобод. (пр. 141) Екатеринб. (Зел. Ск. 39) Шадр. (С. Обнорский) Лифл. г. (Бобров, ib; РФВ. 64, 307) Епифан. (Шейн I, 158) Новосил. (Будде 31) Щигр. (РФВ. II, 70) Сибир. (Зам. о Сиб., СПб. 1837, с. 107) Барнаул. (Селищ. 83) Нижнеуд. (Вин. и Черных, 12) Колым. (Богор. 228); — *снопо́вья* Смол. г. (рядом — *сно́пья*, Добров. 852); — *суседо́вья* Ростов. (Волоцк. 91); — *сыновья́* общелит. (напр. Котош. 138^{об}, Болот. Зап. I, 2, и др.); — ср. двумъ *сынамъ* П. и бум. П. В. V, 13, *сыны*, *сынами* Ломон. IV, 368 V, 277, 330, имев четырех *сынов* Фонв. Пис. Елагину 1769, Держ. I, 158, 201 II, 11 (ср. *сыновьям* II, 13), Бат. На разв., Пушк. Восп. в Ц. С., Дон, Ост. автоб., Гог. Тар, Б. II, Язык. Павловой, Одоевск. Рус. ночи I, Некр. III, 118, 119, Салт. II, 238, — *сынам* Онеж. (Кир. IV, 75) 9 *сынов* Петроз., Повен., Пуд. (ib. III, 102, 340 IV, 10, 45, 100; Гильф, 121, 149, 554, 1265) Каргоп. (Гильф. 1311) Вельск. (Смирн. I, 161) Черепов. (ib. 323) Костр. (рядом — *сыновья*, Виногр. 77) Бежецк. (Еремин, 36) Остров. (пр. 33) Бельск. (Смирн. II, 532) Дорогоб. (ib. 564) Гжат. (Безс. I, 632) Смол. (Добров. 896) Моск. (Безс. I, 641) Сергач. (Нижег. Сб. I, 2, 223) Симб. (Кир. I, 92) Сызр. (Безс. I, 636) Карсун. (пр. 67) Цивил. (рядом — *сыновья*, пр. 143) Оренб. (РФВ. 56, 240) Медын. (род. *сыно́в*, пр. 263) Мещов. (пр. 267; Черныш. 144, 161, 172) Зарайск. (М. Сокол. Был. 16) Грайвор. (пр. 279) Дмитр.-Кур. (пр. 236) Обоян. (Резан. Матер. 66) Судж. (id. 246) Ворон. и Коротояк. (Ж. С. XV, 1, 104) Дон. (Харузин I, 73) Кубан.

(Науменко) Енис. (Селищ. 87); — *татаровья* Лерм. П. про к. Калашн., — Арханг. (Кир. IV, 45) Петроз. (Рыбн. I, 155, 460; Гильф. 563; Тих. и Милл. 129) Пуд. (Рыбн. I, 90 III, 37) Нижег. г. (Кир. I, 38 II, 92), ср. *татаревья* Пуд. (Рыбн. III, 220) Новолад. (Тих. и Милл. 275; здесь же — *татаревя*, ter) Петроз. (род. *татаревъев*, Гильф. 705) Пуд. (род. *татаревей*, ib. 246, 279); — *тетеревья́* Черныш. Прав. 114; — *тоневья* шелковыя (вяжите) Пуд. (Рыбн. I, 7, от *тони* = сети); — *улановья* К. Дан. 39, 59, 132, Онеж. (Гильф. 903, 985, 1216) Каргоп. (ib. 1315) Терск. (Панкр. 83); — *хозя́вья* и *хозявья́* Ворон. г. (Филат.); — *шуровья* Шенк. (Манс. 109) Грязов. (Тр. МДК. III, 77) Тотем. (Брок 121), ср. *шуревья* Заонеж. (Рыбн. IV, 298).

Флексия *-овья*, как видно, преобладает в именах одушевленных. Но она была известна с древней поры и у неодушевленных имен существительных. Ср. древне-русские собирательные коустовиѥ, сноповиѥ: они должны были дать формы им. мн. *кустовья*, *сноповья*, и действительно эти формы, как видно из перечня, фактически сохранились в областном языке. Однако в части приведенного материала с формами на *-овья* от неодушевленных имен существительных эта флексия несомненного позднейшего диалектического происхождения. Ср. наличие флексии у имен существительных ж. рода (*кучевья*, *тоневья*) и даже ср. рода (*пузовья*, *путевья*). О вторичности происхождения некоторых форм свидетельствует также употребление рядом с *-овья* разновидности флексии *-евья*, ср. *гнетевья* от *гнёт*, *путевья* от *путо*. Формы *татаровья* при *татаревья* обязаны перекрестному влиянию ед. ч. *татарин* при диал. *татар*, также собирательного *татара*. Колебание форм *друговья* и *дружевья*, даже *друзевья*, отражает различные моменты первоначального сложения и последующих аналогических изменений формы им. мн. от слова *друг*, создавшейся согласно с рассматриваемым типом новообразований. Едва ли не старейшею из всех этих форм является разновидность *друзевья*, напротив, позднейшею — форма *друговья*. Впрочем, если не вести

происхождение формы *друзевья* ко времени существования в языке старого именительного мн. *друзи*, то ее пришлось бы объяснять поздним подновлением старейшей формы *дружья*, обязанным влиянию литературной формы *друзья*. Вопрос об ударяемости данного типа форм неясен в виду недостаточной отчетливости многих из приведенных данных в отношения места ударения. Повидимому, старые акцентные отношения во многих случаях сменились новыми в условиях влияния одних форм на другие. Ср. выдержанное наконечное ударение в *мужевья́*, *зятевья́*, *кумовья́*, *шуровья́*, *сыновья́* при им. ед. в сербском му̑ж, зе̑т, ку̑м, шу̑рин, си̑н, с другой стороны то же место ударения в *сватовья́*, *братовья́*, при им. ед. в сербском сва̏т, бра̏т. Важною чертой приведенного материала служит почти исключительное употребление форм на *-овья* от одушевленных имен существительных лишь в границах северновеликорусских говоров и почти полное их отсутствие в южновеликорусском. Ср. особенно *братовья*, *зятевья*, *мужевья*, *сыновья*,— формы, отсутствующие в южновеликорусской речи. С другой стороны формы типа *сыны*, *сынов* и под., употребляясь в книжной речи при особом «высоком» стиле, в южновеликорусском служат нормальными эквивалентами северновеликорусских форм типа *сыновья*, *сыновей* и т. д.

Наличие в языке всех отмеченных рядов новых форм им. мн. на *-ья*, как обязанных утрате первоначальных собирательных имен существительных, так и появившихся из старых форм им. мн. по основам на *-i или на *-u, объясняет особенно широкое развитие форм на *-ья*, наблюдаемое в категории неодушевленных имен, не только мужеского, но и среднего, и даже женского рода. Следующие имена существительные муж. рода, из группы неодушевленных, знают образование формы им. мн. на *-ья*: 1. *Брус* (серб. бру̑с): *бру́сья* Моск. (Черныш. 23, 56) Верейск. (Изв. X, 2, 370) Можайск. (Безс. I, 497 IV, 239) Малоарх. (ib. IV, 241) Порх. или Псков. (пр. 175).— 2. *Волос* (серб. вла̑с): за *волосья* Лейк. Ямская, Горбун. 133, М. Горьк. Трое,

Матв. Кожем. II, любил он *волосьями* моими играть Id. Детство V, XI, — Петроз. (пр. 30) Никол. (пр. 266) Белоз. (Тр. МДК. II, 61; Бр. Сокол. 75, 113) Черепов. (Смирн. I, 316) Костр. (пр. 264) Кашин. (Смирн. 84) Псков. г. (Ж. С. XXI, 2, 300) Солигал. (ib. VII, 3, 457) Сердоб. (Уч. Зап. Сар. У. VI, 3, 354) Калуж. г. (Неделино, АГО. XV, 26) Мещов. (пр. 267; Черныш. 161) Курск. г. (Садовн. 155) Верхоян. (Худяк. 289) В. Сибир. (Селищ. 83) Нижнеуд. и Тунк. (Вин. 16; Вин. и Черных, 12); ср. *волосы* и *волосья* Ив.-Возн. г. (Тейк. у., МДК XI, 132). — 3. *Вяз* (серб. вȇз): Сани дубо́вые, *ве́зья* везо́вые Слобод. (Зел. 31) *вязья, вязьями* Перм., Охан, Соликам. (Смирн. II, 750—1) а вы дубья да *вязья* повырубите Онеж. (Гильф. 953) Псков. или Порх. (пр. 175) Брян. (Тихан. 41). — 4. *Глаз*: *гла́зья* Олон. г. (Оп. обл. слов. 9) Заон. (пр. 34) Вятск. г. (МАН. 44). — 5. *Гнет; гнётья* (= подгнеты) Осташ. и Псковск. г. (Доп. к Оп.). — 6. *Год* (серб. го̑д го̏да): *годья?* — ср. род. мн. (рабенык) двух *гдди́й* Смол. г. (Добров. 130) — 7. *Грозд* (серб. гро̑зд, собират. гро̑жђе): *гроздья* калины, висели тяжелые *гроздья* пахучей черной смородины М. Горьк. Матв. Кожем. I (ср. здесь же: *грозди* калины, ср. *гроздями,* Исповедь). — 8. *Двор* (серб. дво̑р дво̀ра): им. мн. *дворьи* Муром. (пр. 100). — 9. *Дрюк*: Сострянаны они (балаг. театры) из *дрючьев,* плохих, мокрых, слизких досок и лохмотьев Чех. Ярмарка. — 10. *Дуб* (серб. ду̑б, собират. ду̑бље): И *дубья* древние тобою стали новы Сумарок. Сильванира (VIII, 103), — правой рукой *дубья* рвет. Печор. (Ончук. Ск. 83, 222) Онеж. (Гильф. 953, 978, 1170) Петроз. (Безс. I, 499) Повен. (Рыбн. I, 330 II, 330 III, 19, 105; Гильф. 11) Пуд. (Рыбн. III, 115 IV, 10; Гильф. 227, 297) Тихв. (Смирн. I, 287) Чебокс. (Магн. 109) Уральск. (Тих. и Милл. 67) Цивил. (пр. 143) Орл. (Безс. I, 448) Сибир. (Селищ. 83). — 11. *Желоб* (серб. ждли̏јеб): льет в *желобья* вода Держ. IV, 605, — Крыша зелезная, || *Желобья* медные Вят. (Колос. Зам. 263). — 12. *Зуб* (серб. зу̑б): деревянные *зубья* Радищ. Оп. м. влад., в мещанском жаргоне — крепки эти фарфоровые *зубья* будут? Лейк. Вст. зубы, Заговорщ., — У них *зубья* поломалися Петроз. (Безс. I, 498) Тотем. (Брок 121) Ека-

 терииб. (Безс. I, 476) Моск. г. (ib. 394) Можайск. (ib. 495) Краснин. (ib. 500) Сызр. (ib. 411) Одоев. (ib. 398) Малоарх. (ib. 459) Астрах. г. (ib. 486). — 13. *Клин* (серб. кли̏н): *клинья* Кантем. II, 173, Пушк. Ист. Пуг. б. VIII, — А били *клиньями* дубовыми Петроз. (Гильф. 572) Екатеринб. (Зел. Ск. 178). — 14. *Клок*: *клочья* Некр., Дост., Лейк., М. Горьк., Чех., — ср. снег валит *клоками* Жук. Светлана, Дн. Вульфа 55. — 15. *Клуб*: *клубья* общелит., — ср. порою видны черные *клубы* дыма М. Горьк. Губин, визг точильных камней, сыплющих огненные *клубы* Глаголев, Зап. рус. пут. I, 20 (СПб. 1837). — 16. *Ключ* (серб. кљу̑ч кљу́ча): им. мн. *ключьи* Сарат. (Тр. МДК. III, 24). — 17. *Кнут*: *кнутьями* Дост. 96, *кнутьев* Гл. Усп. 15, — *кну́тья* Костр. (пр. 264) берет Федька *кнутья* в руку Сарат., Самар., Сибир. (Кир. X, 117), — ср. слышались... удары извощичьих *кнутов* о спины кляч Лейк. Кус. хл. I, — со вострыми *кнутами* Тобол. (Майк. Закл. 492). — 18. *Колоб*: *коло́бья* Черепов. (Герасим. 48) Костр. (Виногр. 73), ср. *ко́лобья* Макарьев. (пр. 56). — 19. *Колос* (серб. кла̑с): *колосья* Лерм. Черкесы, — Колым. (Богор. 10), ср. *колосья́* Дмитров. (Изв. V, 2, пр. 2). — 20. *Кол* (серб. ко̏л, также ко̏ло, ср. рода): не хватило в плетне *кольев* Бун. Дер. I, — *колья* жердьё подбирае Онеж. (Гильф. 1276) Петроз. (пр. 13) Макар. (пр. 56) Меленк. (пр. 247) Покров. (пр. 10) Остров. (пр. 33). — 21. *Ком*: *комья* земли М. Горьк., Лейк., Бун., — ср. *комы́* земли Клин. (Черныш. 22) сиди-ка дома, да ешь *комы* Козмодем. (МАН. 56). — 22. *Короб*: в сундукѣхъ и в *коробьяхъ* Домостр. XXXI, 27 (ср. в *коробѣ* LI, 31), *коробья* из тонкой гнутой осины Гог. Мерт. д. VI, — *ко́робья* Макар. (пр. 56) Шадр. (С. Обнорский). — 23. *Крюк*: Дверь часовни с заржавленными *крючьями* была наглухо забита досками. Чех. Неп. победа II, — *крючья* золоченые Валд. (Кир. V, 148) Сарат. (Варенц. 71) Кубан. (= особая рыбол. снасть, РФВ. 68, 400), — ср. у дверей *крю́ки* перемяла Арханг. г. (Марк. 125), накидывать *крю́ки* Яросл. (Изв. Лгр. Пед. И. I, 145), ср. еще с последним типом ударения форму *крю́чки* (при — *крючки́*) в Костр. (Виногр. 74). — 24. *Кряж*: из тех древ *кряжья* рублены Казан. и Нижег. гг. (Безс. IV, 242) Терск. (Караул. 21). — 25. *Куб*:

наставил *кубья* по одному кубу на каждый воз Вельск. (Смирн. I, 150). — 26. *Куст*: за тыя за *кустья* завалялися Пуд. (Гильф. 336) на меўкие *ку́сья* Кирил. (Бр. Сокол. 255) *кусья* Яран. (пр. 59) Чердын. (пр. 28) Тунк. (*кусся*, Вин. 16) *ку́стья* Симб. (Мотовил. 11), ср. *кусья́* Казан. (РФВ. 32, 101) Уральск. (В. М. Сборн. 35), ср. *кустя́* Терск. (Караул. 21). — 27. *Лист* (серб. ли̏ст): *листья* Держ. I, 156, — прутья-*лисья* у березки серебреныя Печор. (Ончук. Ск. 326) Остров. (пр. 33), — ср. *Листами* увенчаешь ле́сы Ломон. II, 260 III, 123, Жук. Вадим, Пушк. Станц. см., Полт. II, На углу..., Подолинск. Див и Пери XI, XVII.[1] — 28. *Луб* (серб. лу̑б): *лу́бья* Ельнин. (Добров. 382). — 29. *Луг* (серб. лу̑г): *лужья́*, Нижнеуд. (Вин. и Черных, 12), ср. *лузья*, болота разольются Салт. I, 128, — по *лузьям* по борам Сольвыч. (Ж. С. VI, 1, 89) фсе *лузья́* и боло́та перепрыгав (т. е. лужи, РФВ. 18, 239) идите в частые и густые камыши и *лузья* и болота Тобол. г. (Майк. Закл. 546, по стар. ркп.); — ср. в зелены *лузя* Шенк. (пр. 236) через *лузя* и болота Каргоп. (Колос. Зам. 121) через *лузя* дыбучие Арханг. (Кир. IV, 39) а у *лузях* на кали́ня Росл. (Добров. 307) зелеными *лузями* Симб. г. (Кир. VIII, 43, 75), — ср. *лузи* зазеленели Шенк. (пр. 235) все *лузи*-болота разольются Одоев. (Безс. I, 209) со *лузей* озер поднималися Чулк. I, 204, *лузи* зеленые Тотем. (Э. О. 1900, 2, 86) Моск. (Безс. I, 234) Брян. (Тихан. 199, из песни).[2] —

---

[1] См. еще сходный материал на употребление форм *листы* и *листья* в языке писателей XIX в. в статьях Лобова, Архаизмы, 100, Из ист. 128, 171.

[2] Образование им. мн. *лузья* формально можно было бы вести от ед. *луг* и от *лузь*, ж. рода, т. е. с перенесением в соответственный материал ниже. Ср. *лузь*, *лузи* = а) замерзшая лужа, обледеневшая дорога Осташ. и Псковск. г. (Доп. к Оп.); б) луг Владим. г. (Оп. обл. слов.); в) озерко. Рязан. г. (ib.); *лу́зи*, *лузей*, мн. = низкое место, покрытое лесом Ворон. г. (ib.); ср. сходный иной материал у Г. А. Ильинского (РФВ. 60, 203); отмечу слово в этой форме, но с неясным значением, из песни: Он посек березу при пути, Покосил мядыню при *лузи* Великол. (М. Семевский, Ист.-этн. зам. о В. Луках, СПб. 1857, с. 166; здесь же отмечается мн. *лузи*, во *лузях* = луга, во лугах). Однако широкая распространенность формы *лузья*, не ограничивающейся территориально одной областью крайнего Севера (где типичны формы на -*ъя* от имен ж. рода IV типа), заставляют смотреть на нее как на форму мн. числа от ед. *луг*, муж. рода. К данным в перечне формам им. мн. *лузи*, являющимся, очевидно, судя по принадлежности

30. *Лук* (серб. лу̑к): *лукья́* Терск. (Караул. 21). — 31. *Луч* (серб. лу̑ч лу́ча): праси у атца платья соньца сы *лучьями* Балаш. (Смирн. II, 684). — 32. *По́лоз* (серб. пла̑з, чеш. plaz): *поло́зья* Перм. Сашка, Гл. Усп. 133, — Моск. (Черныш. 23) Сибир. (Селищ. 83), ср. *поло́зья* и *полозья́* Бунн. (пр. 57), ср. *полозья́* Муром. (пр. 100) Касим. (Будде К ист. 348) Терск. (= деревянные коньки, РФВ. 43, 103); — ср. наши сани с *полозами* Посл. XVIII в. (Сим. 1050). — 33. *Прут* (серб. пру̑т): *прутья* Лейк., — *прутья* оловяныи Повен. и Пуд. (Гильф. 57, 268) Новгор. и Перм. гг. (Безс. V, 241); — ср. *прутов* железных Алексин. (Майк. Закл. 747). — 34. *След* (серб. сли̏јед): *сле́дья* Нижнеуд. (Вин. и Черных, 12). — 35. *Сноп* (серб. сно̏п сно̀па, собират. сно̑пље): *сно́пья* Петроз. (пр. 30) Никол. (пр. 266) Смол. г. (Добров. 852), — ср. *снопо́вья*. Смол. г. (ib.). — 36. *Стог* (серб. сто̑г сто̀га): *стожья* Черепов. (Герасим. 41). — 37. **Струк* (серб. стру̑к): *стручья* Гог. Пов. о том, как посс. I, М. Горьк. Женщ. — 38. *Струп* (серб. стру̑п): *струпья* общелит. — 39. *Сук*: *сучья* Тург., Бун., — Минус. (Кир. IV, пр. 28), ср. *сукья́* Терск. (Караул. 21); — ср. а *суки* дерев так и трещали Пушк. Марко Якуб. — 40. *Тул*: *тулья* картуза и чуйка были осыпаны мелким серебром изморози М. Горьк. Матв. Кожем. II. — 41. *Тын* (серб. ти̏н): У Иванова двара́ Зиле́зныя *тынья́* Касим. (Будде, К ист. 368). — 42. *Хвост*: что ременной гуж о семи *хвостьев* Красноуф. (Шейн I, 357). — 43. **Хлоп*: *хлопья* снега Чех. На пути, 140. — 44. *Хлыст*: в его руках они, как *хлыстья*, гнулись Жук. Руст. и Зор. II. — 45. *Цев*: у палок *цевья* отломалися Шенк. (Кир. I, 50) *чи́вья* Архангел. (ib. IV, 11). — 46. *Чан*: *чанья́* Терск. (Караул. 21). — 47. *Черен*: *чере́нья* Держ. II, 103, П. и бум. П. В. III, 323, К. Дан. 40, — Сызр. (Кир. I, 18, 20) Судж. (Хал. 232). — 48. *Череп* (серб. цри̏јеп): *Черепья* чаши сей все брызнули в окошки В. Майк. Елисей I, 170, *Черепья*, кости им подобных Не суть ли их венец и слава? Держ. I, 304 III, 167, Гог. Две гл. из малор. пов., —

их исключительно песенной речи архаическими образованиями от *луг*, муж. рода, можно еще присоединить одно свидетельство из древнего языка: съ *лузи* и съ лѣсы и со всякимъ угодьемъ Купчая 1589—1590 г. (А. Кал. II, 366).

на мелки *черепья* розлетелась Петроз. (Ончук. Ск. 214) Елабуж. (Зел. Ск. 379). — 49. *Воздух* (серб. ва̏зду̑х): поднимусь на *воздýсья* Малоарх. (Смирн. II, 650). — 50. *Кóзень* (и *козóн*): *козéнья* (и *кóзни* = бабки) Яросл. г. (Тр. Яросл. Пед. И. II, 3, 127). — 51. *Кармáн*: *кармáнья* Нижнеуд. (Вин. и Черных, 12). — 52. *Кочан* (серб. ко̀ча̑н кочáна): в хваленой капусте много гнилых *кочаньев* Снегир. 58, *кочáнья* Дорогоб. (Смирн. II, 562) Смол. г. (Добров. 353) Обоян. (РФВ. 38, 131). — 53. *Кузов*: *кузовья* Акс. Сем. хр. 289, 390, 393 (здесь же — с *кузовами*), — *кузовья* на плечи, да и побежим Тотем. (Ж. С. XXI, 2, 252) Ветлуж. (Н. Тлст. Заволж. оч. 94). — 54. *Лепест*: прирвали его в *лепéсья* Онеж. (Смирн. I, 76). — 55. *Лохмот*: *лохмотья* общелит., — ср. *лахматы́* Ворон. (Дикар. 119). — 56. *Мозоль*: *музóлья* Старооск. (Солод. 74). — 57. *Наплав*: *наплáвья* Тобол. (Лопарев, Самарово). — 58. *Обод* (серб. о̏бод): *ободья* колес Гог. Рим, Тар. Б. IV, Некр. III, 44, Тунк. (Вин. 16). — 59. *Обруч* (серб. о̏бру̑ч): *обрýчья* кедровы Чулк. I, 622, Кирил. (Бр. Сокол. 469) Костр. (Виногр. 74) Солигал. (Ж. С. VII, 3, 458) Котельн. (Зел. Ск. 138) Яран. (Смирн. I, 425) Мещов. (*вабрýчья*, пр. 267). — 60. *Огуз*: *огузья* Росл. (Оп. обл. слов.). — 61. *Омут*: тут глыбь, *омутья* Замятин, Кряжи. — 62. *Остров* (серб. о̏стрво): стали разбойники ставиться *островьями* Пуд. (Рыбн. III, 41). — 63. **Отрост*: от суха дуба *отростьев* нет Терск. (Терск. Сб. I, 122). — 64. **Охлоп*: *охлопья* Гог. Тар. Б. IV (первон. ред.). — 65. *Пестерь*: *пестерья* Солигал. (Ж. С. VII, 3, 458). — 166. *Повод* (серб. по̀вод): *повóдья* Пушк. Пут. в Арзр. III, IV, Лерм., Некр., Подолинск., Тург., Чех., — *поводья* шелковые Петроз. (Рыбн. III, 212) Вят. (Зел. Ск. 340). — 67. *Пояс* (серб. по̏ја̑с): *поесья* шелковыя К. Дан. 19, *поя́сья* (*поéсья*) Петроз. (пр. 34) Пуд. (Манс. 149) Кинеш. (пр. 66) Костр. (пр. 44; Виногр. 75) Солигал. (Ж. С. VII, 3, 458) Чухлом. (пр. 62) Вятск. г. (Братчина I, 270) Слобод. (пр. 141) Соликам. (пр. 179) Шадр. (С. Обнорский) Меленк. (пр. 247) Казан. (МАН. 52) Семен. (пр. 118) Алатыр. (пр. 32) Тобол. (пр. 43) Нижнеуд. (Вин. и Черных, 12) Колым. (Богор. 10), ср. *поясья́* Муром. (пр. 100) Терск. (Караул. 21). — 68. *Пузырь*: все

беси в воду, а *пузырья* в верх Снегир. 44. — 69. *Рукав* (серб. ру́ка̑в рука́ва): с *рука́вьями* Моск. (Черныш. 23). — 70. **Смет*: По *сметьям* собака волочилася Костью собака подавилася Колым. (Богор. 184). — 71. *Стакан*: *стака́нья* Моск. (Черныш. 23) Зарайск. (Петр. 38) Касим. (пр. 109, 1) Ворон. г. (Филат.) Сибир. (Селищ. 83). — 72. *Сузем*: в дальныя *суземья* Тобол. г. (Майк. Закл. 546, из стар. ркп.). — 73. *Ухват*: *ухва́тья* Моск. (Черныш. 23). — 74. *Уша́т*: *у́ша́тья* Нижнеуд. (Вин. и Черных, 12). — 75. *Хобот*: *хобо́тья* (= мякина, пустые колосья) Смол. г. (Добров. 952) Обоян. (МАН. 93), — ср. аб двянатцати *хо́батяф* Скопин. (Э. О. 1894, 1, 148).

Отдельно следует отметить имена на *-ен*: 76. *Камень* (серб. ка̏ме̑н, собират. ка̀ме̑ње): сквозь *ка́менья* Ломон. II, 274, Лежат *каменья* самоцветныя Чулк. I, 424, Держ. I, 266 II, 205, Но уж дробит *каме́нья* молот. Пушк. Е. О. (отр. из пут.), Пут. в Арзр. I, III (ср. у него же — *камни, камней* ib. I, IV, Письмо к брату 1820), Одоевск. Рус. ночи IV, VII, Дост. 374, Купр. Олеся, — *каменьев* драгоценных Повен. (Гильф. 92) Петроз. (пр. 30) Пуд. (Гильф. 237) Новгор. (Безс. VI, 328) Солигал. (Ж. С. VII, 3, 458) Самар. г. (Шейн I, 259) Краснин. (Безс. I, 501), *ка́менья* Холмог. (пр. 50) Белоз. (пр. 166) Слобод. (пр. 65) Остров. (пр. 39) *ка́менья*, род. *каме́ньев* Макар. (пр. 56), *каме́нья* Петроз. (Ончук. Ск. 231) Тотем. (Брок 121) Кинеш. (пр. 66) Нолин. (пр. 52) Холм. (пр. 54), *каменья́*, род. *каменьёв* Яран. (пр. 59); — ср. *камни, камней* Чех. Мечты, М. Горьк. Детство V. — 77. *Корень* (серб. ко̏риjен, собир. ко̀риjење): С великим шумом огнь *коренья* древ палил Ломон. II, 256, — *коренья* Петроз. (пр. 30; Гильф. 436) Пуд. (ib. 369) Уральск. (Тих. и Милл. 278) Болх. (Безс. VI, 103) Малоарх. (ib. 110) что без *кореньев* Ряз., Тульск. г. (Э. С. VI, 16, 63) *коре́нья* Тотем. (Брок 121); ср. *кореня́* Терск. (Караул. 21). — 78. *Кремень* (серб. кре̏ме̑н, собир. крѐме̑ње): *кременья* Солигал. и Тотем. (Шейн I, 159) Ворон. (Дикар. 228) *Кременья* и шомполы повыдергал (у ружья) К. Дан. 21. — 79. *Перстень* (серб. пр̏сте̑н): За злаченые *перстенья* прижимала Колым. (Богор. 240). — 80. *Ремень* (серб. ре̏ме̑н, собир.

рȅмȅње): *ременья* не дерут круг гуменья Снегир. 353, *ремéнья* Тотем. (Брок 121). — 81. *Рожéнь*: *рожéньи* (= рожки) Колым. (Богор. 125). — 82. *Ступень*: за *ступенья* бросӯ Петроз. (Ончук. Ск. 223). Ср. еще здесь же аналогичные образования от имен существительных ж. рода: 83. **Знамень*: Увидел он там три *знаменья* Онеж. (Гильф. 1152).[1] — 84. *Печень*: Отпорол сердце со *печéньями* Моск. г. (Безс. I, 531).

Приведенный материал можно еще дополнить из перечней Востокова и Чернышева следующими словами: *кус* (ср. серб. кӯс) — мн. *кýсья* (Восток.; по Черныш. форма *кусья* свойственна стар. языку), *волдырь*, *пупырь* — мн. *волдырья*, *пупырья* (Восток.).

Анализируя весь этот материал, следует отметить, что он оказывается удивительным образом цельным акцентологически. Если взять факты только с односложными темами, в них оказываются почти всюду образования на *-ья* лишь от таких тем, которые исконно имели ударение подвижного типа, т. е. в которых содержались под ударением коренные гласные либо краткие, либо нисходяще-долгие. В перечне даны сербские параллели слов. Из них видно, что во всем перечне односложных слов оказывается лишь семь примеров, отклоняющихся от означенного типа ударения. Это: *клин* — серб. кли̑н, *тын* — серб. ти̑н и *двор*, *ключ*, *стог*, *сноп*, *луч*, по свидетельству сербского языка (штокавщины) имевшие ударение на окончании — род. двȍра, кљу́ча, стȍга, снȍпа, лу́ча. Но о первых пяти словах была выше неоднократно речь, как о таких словах, в которых следует предполагать наличие диалектически в прошлом ударяемости основы при нисходящем характере ее гласного. Таким образом только имена существительные *сноп*, *луч*, звучащие в русском одинаково с сербским языком (ср. род. ед. *снопá*, *лучá* — серб. снȍпа, лу́ча), содержат единичные отклонения от отмеченной нормы. Ничто не мешает в этом отношении видеть в диалектических

[1] Здесь же д. мн. *знаменям* (Приехал ко тем ко трем ко *знаменям*), т. е., очевидно, = *знаменьям*.

формах (к тому же спорадических) *лу́чья*, *сно́пья* образования аналогические, и в частности в отношении последнего примера именно образование, обязанное влиянию формы им. мн. *сноповья*, которая возникла непосредственно из собирательного *сноповье* (ср. др.-рус. с н о п о в и ѥ). Это акцентологическое единство, относящееся к прошлому, свидетельствуется и поразительным однообразием ударения в приведенном материале с формами на *-ья*, как отражающем современную стадию речи. В односложных словах всюду оказывается ударение на основе, в случаях с полногласным сочетанием в основе — ударение на втором слоге этого сочетания, в двусложных словах также ударение на втором слоге: ср. *воло́сья*, *коло́сья*, *коло́бья*, *поло́зья*, *чере́нья*, *чере́пья*, — *каме́нья*, *коре́нья*, *реме́нья*, *креме́нья*, — *обо́дья*, *обру́чья*, *поя́сья* и т. д. Отклонения есть, но они ничтожны по количеству и либо диалектического значения, либо возникли в особых условиях ритмической речи. Ср. *каме́нья*, *ка́менья*, и — *каменья́*; ср. южновеликорусские *чанья́*, *тынья́*, *поясья́* и др. под.; ср. *же́лоб*, *ко́роб*, откуда *же́лобья*, *ко́робья* и т. под. Итак формы им. мн. на *-ья* возможны были фонетически только от слов с подвижным характером ударения на основе. Но эта акцентологическая норма — та самая, которая имела свое основное значение и в новообразованных формах родительного-местного на *-у*, и в новообразованиях именительного мн. на *-а*. Вот почему круг слов, перечисленный здесь, в перечне образований на *-ья*, в известных частях повторялся выше — в перечнях слов, образующих формы родительного-местного на *-у*, в материалах, относящихся к образованию именительного мн. на *-а*. Фактически, действительно, кроме указанного слова *сноп*, также *луч*, от всех прочих известны либо образования род.-м. на *-у*, либо формы им. мн. на *-а*. Особенно важно, конечно, соотношение форм именительного мн. на *-а* и на *-ья*. Сравнивая подходящий материал тех и других форм, можно видеть, что есть слова, знающие только формы им. мн. на *-а*, есть слова, употребляющие в этой форме только или преимущественно *-ья*,

имеются, наконец, случаи с колебанием того и другого окончания. Первый круг слов очень большой: *берегá, бокá, борá, боровá, бродá, бегá, вередá, верхá, возá* и т. д. Преимущественно *-ья* встречается у следующих имен существительных: *брус, вяз, гнет, грозд, дрюк, зуб, клин, клок, клуб, кнут, колос, кол, ком, крюк, кряж, кус, лист, луб, (луч), полоз, прут, сноп, *струк, струп, сук, тул, тын, хвост, *хлоп, хлыст, цев, чан, черен; кочан, лепест, лохмот, мозоль, наплав, обод, огуз, *отрост, *охлоп, пестерь, пузырь, пупырь, волдырь, (*смет), сузем*. Колеблются в употреблении окончаний *-а* и *-ья* имена существительные: *волос, глаз, (год), дуб, желоб, ключ, колоб, короб, куб, куст, (луг, лук), стог, череп; воздух, кузов, обруч, омут, остров, повод, пояс, рукав, хобот*. Почему, следует поставить вопрос, слова, бывшие в одинаковых акцентологических условиях и долженствовавшие заменить старую флексию *-ы, -и* путем новообразования, в одних случаях дали новые формы на *-а* в других — на *-ья*? Очевидно, помимо фонетического фактора (т. е. акцентологического), требовавшего новообразования, были в языке на лицо еще какие-то факторы, приведшие к разным результатам, к двум разным типам новых форм. Этим побочным фактором был, надо думать, семасиологический момент. Если посмотреть на круг форм, употребляющихся только с окончанием *-ья*, можно видеть, что всем этим словам присущ особый оттенок в значении, отсутствующий в формах на *-а*. Это именно представление не множественности, а известной совокупности предметов, мыслимой как неделимое целое. Таково значение форм в роде *брусья, вязья, гроздья* и т. д. Напротив, формы на *-а* являются именно формами собственно множественного числа, связываясь с представлением чистой множественности, как известной совокупности мыслимых в отдельности предметов. Ср. *берегá, боровá, возá, домá, городá* и под. Довольно еще отчетливо различие одних и других форм чувствуется в некоторых словах с колебанием форм на *-а* и на *-ья*. Ср. *дубá* = сумма отдельных дубов, но *дýбья* = совокупность дубов как

неразлагающегося целого, ср. *колобá* и *колóбья*, *коробá* и *корóбья*, *кустá* и *кýстья*, *стогá* и *стóжья* и др. Понятно, что во многих словах это различие оттенков значения успело стереться, ср. *волосá* и *волóсья* и под. Можно привести еще одно фактическое доказательство правильности этого предположения о происхождении одних и других форм. Для ряда примеров, и почти исключительно из группы слов, знающих только флексию *-ья*, можно указать в старом языке их предков в виде собирательных имен на -и к. Ср. древне-русские г р о з д и к, к л и н и к, к о л и к, л и с т (в) и к, л о у б и к, (л о у ч и к), п р о у т и к, ц ѣ в и к, также д о у б и к, с т о ж и к, а из многосложных к а м е н и к, к о р е н и к; ср. еще упомянутые уже к о у с т о в и к, с н о п о в и к. Эти имена существительные, став формами им. мн. на *-ья*, осложнили новое приобретенное ими значение множественности оттенком, вынесенным из прежней их собирательности. Отсюда в дальнейшем резкое разграничение флексии *-ья* и *-а*, или возможность от известных рядов слов образования и форм на *-а* с чистой множественностью, и форм на *-ья* с множественностью, осложненной оттенком старой собирательности. Конечно, не весь материал с формами на *-ья* оправдывает высказанное предположение. Есть факты узкого территориального распространения, о которых можно с уверенностью думать, что они вторично и в позднюю пору появились на диалектической почве. Ср. формы *рукáвья*, *ухвáтья*, *лýкья* и др. (особенно из Терской и Колымской области). Кроме того в отношении единичных примеров можно высказать предположение об особом их происхождении. Форма *глáзья* трудно мирится с предположением о старой собирательности. На эту форму можно смотреть как на форму, обязанную старой связи слова с именами на *-i; ср. диалектические формы от этого слова дат., тв., м. мн. *глазём*, *глазьми́*, *глазёх* (о чем ниже). Форма *мозóлья* также могла принадлежать к основам на *-i.

Имена существительные ср. рода, образующие форму им. мн. на *-ья*:

1. *Блю́до* (серб. бљу̏до): *блю́дья* Онеж. (Ончук. Ск. 584) Печор. (ib. 136) Пуд. (Манс. 159) Екатеринб. (Зел. Ск. 233) Шадр. (Перм. Сб. II, 2, 178) Самар. г. (РФВ 41, 37). — 2. *Болоно́*: *боло́нья* (= опухоли) Черепов. (Герасим. 21). — 3. *Бревно́* (серб. бр̏вно): *бреве́нья* и *берве́нья* Брян. (Тихан. 39; здесь им. ед. *берно́* и *бервяно́*). — 4. *Волокно́* (серб. вла́кно): *валако́нья* Смол. г. (Добров. 50). — 5. **Вешало*: *вешалья* Пуд. (Шахм. III, 512). — 6. *Гнездо́* (серб. гнијѐздо): *гнёздья* Осташ. и Псковск. г. (Доп. к Оп.). — 7. *Гумно́* (серб. гу́мно): *гуве́нья* Псковск. г. (ib.). — 8. *Де́рево* (серб. дри̏јево): *дере́вья* общелит., — ср. колебание — послано... нѣсколько возовъ *деревъ* и — когда оныя *деревья* въ Дубну привезены будутъ... П. и бум. П. В. V, 151, Сумарок. (*древа, древ, дерев* VIII, 20—31; *деревья* ib. 33, 243), Капн. (*древа* Суетн. жизни; с *деревьев* Утеш. в гор.), Жук. (*дерев, деревах* Моя богиня, Желание; *деревья* Пев. во ст.), Дельв. (*дерев* Идиллия; *деревьев* Цефиз), Гог. (*дерева, дерев* Ганц Кюх. I, Гл. из ист. ром., Веч. нак. Ив. Куп.; *деревья* Ганц Кюх. VII), Одоевск. (*дерева* Салам. I; *деревьев* Необ. дом), Акс. (*дерев* Дет. г. 10, 31; *деревья, деревьев* ib. 35, 151), Л. Тлст. (*дерев* В. и м. IV, ч. 3, гл. 10, Нет в мире винов., Х. Мур.; *деревьев* В. и м. ib. гл. 11), — *дерева́* и *дере́вья* Руз. (Дурново), *древа́. дерева́* и *деревья́* Мещов. (пр. 41, 1); ср. *древа, дерева* Фонв. (*древа* К Бат-ву, *дерев* Из перв. загр. пут.), Бат. (*дерев* Отр. из пис. рус. оф.), Вяз. (*дерев* Стар. зап. кн. IX, 179) Пушк. (*дерев* Гроб юноши 1821, В нач. жизни 1830, Е. О. V, 15, Марко Якуб., Метель, Дубр. V), Барат. (*дерева* Я посетил тебя), Язык. (*дерева, дерев* День нен., Стр. случай), Лерм. (*дерева, дерев* I, 20, 23, 29 и т. д. 18 сл.), Подолинск. (*дерева, дерев* Див и Пери V, Утомл., Жизнь, ср. *древа* Борский I, 4), А. Тлст. (*дерев* Слепой V, Уж ласт.), Гонч. (*дерев* Обл. I, 9), Бун. (*дерева* Зах. Вор.), Телешов (*дерев* Черною ночью), — з *дерев* вершины попадали К. Дан. 94, *дерева*-то виноградны Новгор. г. (Новг. Сб. IV, 2, 23) *дерев, деревам* Орл.-Вят. (Смирн. I, 379) *дерева* Горбат. (МАН. 106) Тамб. г. (Оп. обл. слов.) на *деревах* Колым. (Богор. 316), с *дерёф* Егорьев. (Трост. 99), — стали *дерева́* подсыхать Кирил. (Бр. Сокол. 265) давай *дерева́* ло-

мать Бельск. (Смирн. II, 507) Смол. г. (Добров. 165, при им. ед. *дерево́* Обоян. (РФВ. 38, 115) Семен. (Изв. Нижег. У. II, 353), — *дерёва* Пошех. (МАН. 170), ср. *дерёва* = клещи у хомута Перм. и Сибир. (ib. 193), — ср. насадил бы *дряв* лавровых Пошех. (Шейн I, 191). — 9. *Дно* (серб. дно̏): *донья* (Восток.; по Черныш. — редко), У бочек с вином выбиваются *донья* Купр. Поед. XIV, — Смол. г. (Добров. 170); ср.: там кормы, *дна* судов рассыпаны, разбиты Ломон. II, 208, — взял колышок, *дна́* (у горшков) проколотил, навалил на плецько и пошол Онеж. (Смирн. I, 122);[1] ср. *дны* (Восток. 35), — Новгор. (Сол. 8) Смол. г. (*дны* и *донья*, в им. ед. также колебание — *дно* и *до́на*, Добров. 170); ср.: с двумя плоскими *днами* Э. С. V, 98. — 10. *Звено́*: *звенья* цепей слабо брякали М. Горьк. Ф. Горд. IX. — 11. *Кру́жево*: *кружовья* Касим. (пр. 109, 1). — 12. *Крыло́* (серб. кри̏ло): *крылья* общелит., — ср. колебание у Кантем. (*крылья* Сат. II, 318; *крыла* Разн. ст. IV, 111), Ломон. (*крыльях* I, 166; *крыла́* I, 164 II, 288 III, 450, *крыл* I, 157, 169, 241, на *кры́лах* I, 163), Жук. (*крыльями* Узн. к мот.; *крыл* Ив. жур., с *крыла́ми* Желание), Подолинск. (*крылья* Див и Пери XII; *кры́ла* ib. V, VII, кри̏лы ib. XII, XXX, Ночь, *крыл* и *крил* Д. и П. XII, Нищий, ср. *крылий* Душа порою), Брюс. (*крыл* Искушение, ср. *крылий* Зимн. дымы, В пустыне, вар.); ср. *крыла* — со обоихъ *крылъ* присовокупитися П. и бум. П. В. VI, 64, без *крыл* летит, на небо *крыл* нет Снегир. 245, Э. С. VI, 112, в тени их *крыл* могучих Озер. Каменскому, без *крыл* Вяз. III, 443 XII, 124, *крыл, крылами* Пушк. Восп. в Ц. С. 1815, Посл. к Галичу 1815, Ск. о ц. Салт., от *крыл* Гог. Вий, без *крыл* Крыл. Орел и паук, на *крыла́х* Лерм. Азраил, Х.-Абрек, *крила́* Козл. Эрминия, что ласточка без *крыл* Некр. III, 64, на *крылах* Тург. Руд. VI, между *крыл* Леск. II, *крыл* Муйжель Вне жизни IV, — на те на *крыла* лебединыи Петроз. (Гильф. 512), *крылами* Арзамас. (Нижег. Сб. II, 358) Сибир. (Зап. и зам. о Спб., СПб., 1837, с. 128). — 13. *Мы́ло* (серб. ми̏ло): По белу лицу — *мылья* Вытегорскія Петроз. (Барс. I, 83). — 14. *Око* (серб. о̏ко): *очьи* у меня

[1] Ср. у Котл.: И *дна* изъ діжокъ вибивала Вирг. Ен. 159.

ясного сокола Петроз. (Ончук. Ск. 203). — 15. *Перó* (серб. пѐро, собир. пȅрје): *пéрья* общелит. (напр. Кантем Сат. IV, 69, Прочь *перья* и бумага Чулк. I, 158), — Петроз. и Пуд. (Гильф. 386, 532, 628, 701) Екатеринб. (Зел. Ск. 214); ср.: Лебединые *пера* да притупилися Петроз. (Барс. I, 15) гусиные *пéра* Смол. (Добров. 596) Легки шляпы со *перáми* Звенигор. (Кнр. IX, 175). — 16. *Плечó* (серб. плѐће): на *плéчьях* Кашин. (Смирн. 89). — 17. *Сúло*: *силья* Шенк. (Майк. Закл. 544) Повен. (Ончук. Ск. 453; ср. здесь же — положил он щуку в *сило*) висячие *силья* Тобол. г. (Майк. Закл. 546). — 18. *Сито* (серб. сȉто): *сúтья* Нижнеуд. (Вин. и Черных, 12). — 19. *Черево* (серб. прӣјѐво): *черéвья* (= внутренности животного) Брян. (при *черéвы*, Тихан. 92). — 20. *Шúло* (серб. шȉло): *шилья* (Восток.), как сапожнику не иметь *шильев* Акс. Сем. хр. 526, Убрал щетинки, и концы и *шилья* Л. Тлст. Где любовь, Лицо — желтое, а глаза точно *шилья* М. Горьк. Калинин (XIX, 335), — Хватали оне *шилья* сапожныя К. Дан. 143, У меня есте́ *шилья* вострыя Вытегор. (Рыбн. II, 258) *шилья*, на *шильях* Тотем. (Ж. С. XXI, 2, 248); ср. 150000 *шилъ* по образцу П. и бум. П. В. III, 323. — 21. *Колéно* (серб. кȍљено): *колéнья* (Восток. 34). — 22. *Колесо*: *колéсья* (калёсся) Тунк. (Вин. 16). — 23. *Озеро* (серб. јȅзеро): *озёрья* Тунк. (Вин. 16) *озéрья* Колым. (Богор. 10). — 24. *Полéно*: *полéнья* общелит. (напр. Леск., Гл. Усп., Чех., М. Горьк.), — Петроз. (Ончук. Ск. 233) Кирил. (Бр. Сокол. 522) Костр. (пр. 264) Екатеринб. (Зел. Ск. 164); ср. род. мн. *полен* Э. С. VI, 39, колько *полен* Никол. (МАП. 32) охапку *полен* Белоз. (Бр. Сокол. 520). — 25. *Решетó*: *решатья* Петроз. (Шахм. II, 643).

Ближайшие причины распространения в этой категории слов ср. рода окончания *-ья* сложны. В древнем языке из соответственных собирательных известны лишь деревиѥ, периѥ и полѣниѥ, к которым и должны быть возведены современные *перья, деревья, поленья*. Отчасти влияние (по внешнему созвучию) последней формы, отчасти отражение старой формы им. дв. от слова *колѣно* (*колѣнѣ*) послужило причиной новообразования в им. мн.

коленья, получившего употребление лишь в специфическом значении (Восток.). Точно также старое *крылѣ*, как именительный дв. числа, сказалось на новообразовании *крылья*; ср. в старом языке употребление этого слова преимущественно в формах дв. числа. Подобное объяснение возможно и для форм *очья*, *плечья* (из старых форм дв. числа *очи*, *плечи*). Большинство остальных приведенных форм, остается предполагать, возникло аналогическим путем по образцу прочей совокупности форм на *-ья*. С этим предположением согласуется то обстоятельство, что по своему общему значению приведенные формы совпадают с соответственными формами на *-ья* от имен муж. рода. Ср. *бо́лонья*, *бревéнья*, *волокóнья*, *гнéздья* и т. д.; формы *гумéнья*, *озéрья* имеют, повидимому, значение пространственное; неясно — *блю́дья*. Форма *решáтья* — пóзднее аналогическое образование (ср. выше диалектические *ухвáтья* и под.). Достойно замечания соотношение форм *шилья* и *шила*: последняя форма имеет значение чистой множественности (совокупности известных единиц), ср. ее употребление после количественного имени (числительного); то же можно наблюдать в взаимном употреблении форм *поленья* и род. мн. *полен*. Ударение во всех словах однородно: на начальном слоге у двусложных форм, на срединном у трехсложных; отклонения единичны и позднейшего (аналогического) происхождения, ср. диал. *деревья́* под влиянием *деревá*.

Подобно окончанию им. мн. *-а*, которое, появившись в именах муж. рода, в дальнейшем по аналогии распространилось на слова ж. рода, также и окончание *-ья*, наблюдаемое у имен ж. рода, должно считаться здесь вторичным по происхождению, возникшим и распространившимся под влиянием соответственных форм у имен муж. и отчасти ср. рода. В этом убеждает и непосредственный материал форм на *-ья*, являющийся почти исключительно материалом диалектического характера. Из имен ж. рода III типа единственное слово, допускающее в литературном употреблении форму им. мн. на *-ья*, есть слово *дыра*; из слов IV типа Востоков приводит одну подобную форму —

щёлья, которая у Чернышева признана неупотребительной, сам же Чернышев (Прав. 109) дает еще одну форму — *жердья*, документируя ее одной выпиской из газетного источника. Очевидно, на все приведенные формы следует смотреть как на формы нормальные, но нормальные для областной речи, откуда они начали просачиваться в литературное употребление.

Имена существительные ж. рода, образующие форму им. мн. на *-ья*: а) существительные III типа в склонении.

1. *Береза* (серб. брȅза): *берёзья* Петроз. (пр. 30) Великол. (Ж. С. XIII, 1, 88). — 2. *Брыла*: *брылья* Брян. (пр. 259). — 3. *Вила* (ср. серб. вȉле, мн.): А што у нас крылья, То у них *вилья* Тимск. (Шейн I, 289). — 4. *Вица*: *ви́чья* (= мелкий березняк или ивняк) Олон. г. (Доп. к Оп.). — 5. *Глыза*: *глызья* на́ полосы (= глыбы земли) Петроз. (Пономарев 25) Новгор. (РФВ. 40, 103). — 6. *Голова* (серб. гла̏ва): *голо́вья* Колым. (Богор. 10). — 7. *Гора* (серб. го̀ра): *го́рья* Петроз. (Шахм. III, 513) Гдов. (пр. 11). — 8. *Гряда* (серб. гре́да): в *грядьях* Петроз. (пр. 30). — 9. *Гуня* (ср. серб. гу̏њ): И уж как *гунья*-ты на них да сорочинскии Онеж. (Гильф. 212). — 10. *Дыра* (серб. дȉра): *ды́рья* Салт. II, 181, Дост. 461, М. Горьк. Мак. Чудра, — Кашин. (Смирн. 87) Колым. (Богор. 327). — 11. *Жила* (серб. жȉла): *жилья* Петроз. (Ончук. Ск. 332; Тих. и Милл. 46; Шахм. III, 513) Онеж. (Гильф. 168, 908, 945, 1156, 1182, 1208). — 12. *Искра* (серб. ȉскра): За морем дуб горит, Оттуда *искорья* Псков. г. (Садовн. 267). — 13. *Клюха*: А *клюшья* у калек-тых рыбья кость Петроз. (Гильф. 569; здесь же тв. мн. *клюхамы*). — 14. *Колода* (серб. кла̏да): *колодья* Онеж. (Гильф. 1054, 1268) Пуд. (Рыбн. I, 330 III, 52). — 15. *Кора* (серб. ко̏ра): *корья* (от винограда) бросает дружку на кровать Колым. (Богор. 266). — 16. *Куча*: большии *кучья* он наловил Петроз. (Ончук. Ск. 242). — 17. *Луда*: А миряйте-ко *лудья* морски-то эты Пуд. (Гильф. 284; Шахм. III, 513). — 18. *Лужа*: в *лужьях* Петроз. (Шахм. ib.). — 19. *Нива* (серб. њȉва): *нивья* ib. (пр. 30) Вытегор. (пр. 32) Заон. (пр. 34; Барс. II, 325). — 20. *Пила* (серб. пȉла): Выпала *пилья* железныя Вытегор. (Рыбн. II,

37). — 21. *Полоса* (серб. пла̏са): в *полосьях* Петроз. (пр. 30). — 22. *Риза* (серб. ри̏за): *ризья* Смол. г. (Добров. 794). — 23. *Рука* (серб. ру̏ка): *ручья* В. Сибир. (Селищ. 83). — 24. *Сила* (серб. си̏ла): И *силья* наши, именья и богатество Луж. (Безс. V, 229). — 25. *Скула*: *скýлья* Брян. (пр. 259), *скульá* Терск. (РФВ. 44, 77). — 26. *Сосна*: *сосóнья* Петроз. (Шахм. III, 513) чéрез *сасóнья* чáстае Великол. (Ж. С. VIII, 1, 88). — 27. *Ступа* (серб. сту̏па): А как *ступьями* (лошадиными) земля да проворочена Повен. (Гильф. 36: в издании опечатка — *стульями*). — 28. *Трава* (серб. трáва): *трáвьев* нет Петроз. (пр. 30; Шахм. ib.). — 29. *Шкура*: скинули свои *шкурья* на ступенях да стали добрыми молодцами Повен. (Ончук. Ск. 418). — 30. *Шуба*: *шубья* Пуд. (Шахм. ib.). — 31. *Щепа*: Альни стол в *щепья* приломается Петроз. (Рыбн. II, 43) *щéпья* Моск. (Черныш. 23) *щепьá* Петроз. и Повен. (Ончук. Ск. 242, 438), ср. *щáпья* Пуд. (Шахм. ib.). — 32. *Яма* (серб. ја̏ма): *ямья* Петроз. (пр. 30) Заон. (пр. 34) Вытег. (пр. 32) Гдов. (пр. 11). — 33. *Вишня*: *вúшьнья* Моск. (Сб. II, Отд. 75, 2, 41). — 34. *Лопата* (серб. ло̀пата): *лопатья* Петроз. (пр. 30). — 35. *Поляна*: *поляньв* Петроз. (Шахм. ib.). — 36. *Постеля* (серб. по̀стеља): *постельев* много Петроз. (Ончук. Ск. 323; Шахм. ib.: *пустелья*). — 37. *Тетива*: *тетевья* (= сети) Заонеж. (Барс. I, слов. XVIII). — Ср. особенно в именах на *-ина*: *глазúнья* Вытегор. (= глаза, пр. 22); — *деревинья* Петроз. (Шахм. ib.); — *дядúнья* Пуд. (ib.); — И роспаялися перстни его *жуковенья* Петроз. (Барс. II, 66; Гильф. 761) Повен. (ib. 69, 114); — *ивинья* Петроз. (пр. 30); — эты *коржинья* подзолоченыи (= скрепа для судна) Пуд. (Гильф. 283); — он росшиб же дуб да весь по *ластиньям* Повен. и Петроз. (ib. 37, 749, 803); — *лединья* Петроз. (Шахм. ib.); — вылетели двери со *липеньями* (*липиньямы*) Пуд. (Рыбн. III, 43, 337) — от им. ед. *лúпина*; — А *мостинья*-то вси да зыблются Повен. (Гильф. 139); — *мостовицинья* Пуд. (Шахм. ib.); — *овицинья* Пуд. (ib.); — Что повылетят вон двери с *ободвериньями* Петроз. (Рыбн. II, 75); — *осúнья* Петроз. (пр. 30); — А *тыниньа*-ты вси вон сыплются Повен. (Гильф. 139).

б) существительные IV типа в склонении:

1. *Власть* (серб. вла̑ст): судьям-*власьям* немилостивым Петроз. (Безс. V, 184). — 2. *Ветвь*: А ветир *ве́тья* ло́мить Орл. (Будде 42). — 3. *Грудь*: в *грудьях* Пуд. (Шахм. ib.). — 4. *Жердь*: тв. *жердьямы* Вытегор. (пр. 22). — 5. *Затрясь*: по зеленым по *затресьям* Пуд. (Гильф. 261). — 6. *Корь* (?): в *карьях* Петроз. (пр. 30). — 7. *Кость* (серб. ко̑ст ко̏сти): кроме становых *костьёв* Онеж. (Гильф. 1274) утром пришла *костья* убрать Заонеж. (Рыбн. IV, 237) одни *косья* Повен. (Ончук. Ск. 412) Петроз. (Барс. I, 258) *косья́*, *косьёв* ib. (Ончук. Ск. 258, 315) Печор. (id Был. 75). — 8. *Ночь* (серб. но̑ħ, но̏ħи): *ночьи* Сарат. (Тр. МДК. III, 24), — 9. *Оброть*: *обро́тья* Бельск. (Смирн. II, 508) Смол. (Добров. 510). — 10. *Печь* (серб. пе̑ħ пе̏ħи): *печьи* Сарат. (Тр. МДК. III, 24). — 11. *Соль* (серб. со̑ со̏ли): *со́льев* полка верховата Орл.-Вят. (Зел. 148). — 12. *Щель*: *щелья* Онеж. (Гильф. 8) Пуд. (id. 283) Печор. (Ончук. Был. 210) *ще́лья* = жабры у рыбы Усол. (Оп. обл. слов.), ср. род. мн. *щильев* Заонеж. (Рыбн. IV, 219).

Большинство этих форм, как видно, принадлежит ограниченной северновеликорусской территории, именно — части Олонецкой губ. Известно, что здесь же широко распространены рядом с этими формами на *-ья* соответственные собирательные имена на *-ье*, при чем эти последние могли бы быть указаны в качестве параллелей для большинства приведенных слов с формами на *-ья*. Неясно однако, насколько между теми и другими образованиями существовала в прошлом непосредственная преемственность: собирательные формы на *-ье* свойственны и иным различным частям как северновеликорусской, так и южновеликорусской территории, где однако не выработались отмеченные формы им. мн. на *-ья*, хотя здесь и встречаются те же формы на *-ья* от других рядов существительных муж. и ср. рода. В отношении одного и другого типа форм, оставляя открытым вопрос о ближайшем их взаимоотношении, можно сказать лишь, что оба они — и собирательные на *-ье*,

и формы им. мн. на *-ья* — представляют вторичные, поздние типы новообразований.

В заключение следует остановиться на заимствованных словах, могущих образовать форму им. мн. на *-ья*. О некоторых из них, древней поры заимствованиях, было замечено выше. Из позднейших заимствований в литературном языке только слово *стул* образует форму им. мн. *стулья* (в народном употреблении известна эта же форма, напр. в Повен., Гильф. 114, Пуд., ib. 318, Тотем., Брок 121, Петроз., пр. 13, Макар., пр. 57, Меленк., пр. 247, Остров., пр. 33, — но встречается и форма *стулы* Зарайск.[1] Петр. 40, ва тех *стулах* Щигр., РФВ. 3, 131). Весь прочий материал принадлежит диалектам, в некоторых из них (напр. в Сибири) составляя довольно широкий тип образований. Ср. в Онежском у. Арханг. губ. — Да оны были *кулья* весу да девяносто пуд (Гильф. 1170), кибас — *кибáсья* (= камень, привязанный к неводу, Оп. обл. слов.); Шенк. — *кибáсья* (МАП. 8); — Олон. губ. Петроз. у. — *райдинья* (пр. 30) *я́щицья* (Тих. и Милл. 166); — Волог. губ. Вельск. у. — *мериньями* (при им. мн. *мерины*, Смирн. I, 147—148); — Костр. губ. Буйск. и Солигал. уу. — *крендéлья* (Ж. С. V, 3, 411 и VII, 3, 458); Ветлуж. — *чурбанья*, *чурбаньев* (Н. Тлст. Заволж. оч. 86); — Яросл. г. Яросл. у. — *якóрья* (при *якоря́*) (Изв. Лгр. Пед. И. I, 141); — Псков. г. Великол. у. — *палатья* (Шейн I, 332); — Твер. г. Новоторж. у. — *батожьями* (ib. 165); — Моск. г. Верейск. у. — *палатьи* (Изв. X, 2, 370); Моск. — *таракáнья*, *козырья́* (Черныш. 56; Сб. II Отд. 75, 2, 41); — Сарат. г. Сарат. у. — Два сильные могучие *богатырья* соезжалися (Кир. II, 17); — Пенз. г. Инсар., Мокш.[2] и Чембар. уу. — *тараканья* (пр. 230, 2, 231, 228, 229); — Калуж. г. Жиздр. и Мещов. уу. — id. (РФВ. 49, 323; пр. 150); Мосал. — род. мн. *лошадьёв* (АГО. XV, 30); Орловск. г.

---

[1] Здесь в ед. числе — форма *стуло*, по ср. роду.

[2] Здесь же согласно пр. 232, 1 — *тараканы́*, но косвенные падежи — *тараканьёв*, — *ньям*. Ср. то же в Цивил. у. Казанской губ. — *тыраканы́*, но в род. *тыраканыф* и *тыраканьиф* (пр. 143).

Елецк. у. — *тараканья* (пр. 111); — Рязан. г. — id. (РФВ. 28, 25); — Ворон. г. — id. (ib. 39, 178); — Дон. обл. — *юнкерья, якорья* (Сол. 10); — Терск. обл. — *лошадья́, юнкерья́* (Караул. 21; РФВ. 44, 78); — Сибир. — *торосья, туясья* (МАН. I, 63; Зап. и зам. о Спб., СПб. 1837, с. 151); Тобол. г. — *алмазьев* не приму, *кибáсья* (Лопар. Самар. 127) *туесья* (Ж. С. IX, 4, 513); Ю.-З. Том. — *туя́сья* (Э. С. VI, 27); Иркут. г. — *торóсья* (Оп. обл. слов.); Енис. — *туязья* (Кривошапк. II, пр. 61); Камч. — *туя́сья* (МАН. 182); Колым. — *туя́сья, голáсья, карбáсья, чау́тья, аýтья, калту́сья, каму́сья, лабáзья, тары́нья, тóрóсья, щоку́рья, якóрья* (Богор.).

Из этого материала форма *батожья* согласно Востокову возможна и в литературном употреблении. Кроме того, Востоков же отмечает образование им. мн. на *-ья* от имени существительного *копыл* (*копылья*). У М. Горького встречается форма *якорья*, но в речи, не принадлежащей непосредственно автору (см. Челкаш I).

Все изложенное об образовании форм им. мн. на *-ья* можно в заключение резюмировать в следующем виде:

1. В истории сложения форм им. мн. на *-ья* следует обособить появление образований на *-ья* у имен *муж.* рода от соответственных образований от имен *ср.* и *ж.* рода.

2. В именах муж. рода формы на *-ья* первоначально получились из собирательных имен на -ıьа и оказались соответственной принадлежностью лишь одушевленных имен существительных. Расширившись позднée, в связи с утратой склонения по типам старых основ на *-ĭ и на *-ŭ, за счет старых форм им. мн. на -ıѥ и -ове, флексия *-ья* стала вообще характерной для категории одушевленных имен существительных, — ср. невозможность у них образований им. мн. на *-á*, ср. с другой стороны проникновение флексии *-ья* в категорию одушевленных имен с старыми основами на *-а (*дядья*) и даже на *-ĭ ж. рода (*матерья, дочерья*).

3. Неодушевленные имена существительные муж. рода получили новые формы на *-ъя*, под основным влиянием старых собирательных на -ик, одновременно с появлением новообразований им. мн. на *-á*. И здесь и там в основе явления лежали акцентологические причины: только имена подвижного типа в отношении ударения, т. е. содержавшие в основе краткие или нисходяще-долгие ударяемые гласные, подверглись новообразованию и получили новую флексию — *á* для выражения чистой множественности, *-ъя* для обозначения множественности с осложнением ее оттенком собирательности.

4. Под влиянием новых сложившихся форм на *-ъя* от существительных муж. рода флексия *-ъя* в дальнейшем этапе ее распространения стала проникать в имена ср. рода, при чем и здесь побудительным фактором к распространению новой флексии послужило наличие собирательных имен на -ик, фонетически долженствовавших дать формы на *-ъя*.

5. Позднейшим и протекавшим в рамках диалектического явления было распространение флексии *-ъя* у имен ж. рода, как на *-а (преимущественно северновеликорусское явление), так даже на *-i (почти исключительно северновеликорусское явление). Рост этих форм на *-ъя* шел одновременно с образованиями на *-ъя* от заимствованных слов (муж. рода) и обязан был общему влиянию прочих сложившихся в языке форм на *-ъя* от имен муж. и ср. рода.

6. В согласии с последним пунктом одинокие литературные формы на *-ъя* (в роде *дырья*, или *жердья*, *щелья*, или также в заимствованиях — *стулья*, *якорья*, *батожья*) должны быть рассматриваемы как вкравшиеся в литературную речь диалектизмы.

Имена существительные муж. рода (I тип) в твердом различии, помимо старых форм на *-ы* (по происхождению вин. мн.), помимо рассмотренных новообразований на *-á* и *-ъя*, представляют единичные примеры форм с сохранением исконного

окончания именительного мн. *-и*. Таковы — следующие примеры:

1. *Ангели* — *ангели* спустятся на земь с небеси М. Горьк. Хозяин, *ангели* в Китаях, короли в Литвах Садовн. 21, залетали к ёму тогды *аньгели* Арханг. г. (Марк. 17) *Ангели* хранители! Каргоп. (Кораблев 71) *андили* с тобой, все хранители с тобой Кадник. (Ж. С. XIII, 1, 203) *ангели* с вами Кирил. (Бр. Сокол. 286, 331, 385) Черепов. (Герасим. 10) *аньели* Костр. (рядом — *ангелы*, Виногр. 22), — ср. род. мн. двух *ангелей* Варенц. 143, и саслал яму гаспўоть тихих *ангалéй* Земл. и Задон. (Трост. 64). — 2. *Беси* — он (господь) их видит, а *беси* любят М. Горьк. Детство V, XI, все *беси* в воду, а пузырья в верх Снегир. 44, *биси* Шенк. (рядом — *бесы*, Манс. 109) Петроз. (Барс. I, 318) Пуд. (Манс. 157) *биси*, род. *бисей* Белоз. (Бр. Сокол. 11, 92) *беси* это, а не народ Лифл. г. (Бобров 394) Кунгур. (Смирн. II, 711) Мурсм. (пр. 100), ср. род. мн. *бесей* Варенц. 143, Кадник. (Смирн. I, 212), дат. *бесям* Курган. (ib. II, 811). — 3. *Бубни* (карт. масть) Курск. г. (Хал. 14), ср. *буби* Петроз. (Шахм. III, 350) Детскос. (С. Обнорский). — 4. *Волоси* — *валаси* на вас как камыш трава Ельнин. (Добров. 81) *волосú* постригла Кирил. (Бр. Сокол. 222). — 4. *Дьяволи* — явятся к тебе *дьяволи* Повен. (Ончук. Ск. 432) Сольвыч. (Майк. Закл. 477). — 5. *Кочети* — *кочети* запели Чебокс. (Магн. 127) *кочóти* Семен. (Изв. Нижег. У. II, 339). — 6. *Крести* (карт. масть) Петроз. (Шахм. III, 350) Детскос. (С. Обнорский) Любим. (Доп. к Слов. Якушк.) Курск. г. (Хал. 14), *хрéсти*. Новгор. (Сол. 57); ср. *крестú*. Симб. (Мотов. 24). — 7. *Льни*, род. *льней* Пуд. (Манс. 155, 166) Мышк. (пр. 78) Кирил. (Бр. Сокол. 361) Мосал. (Шахм. III, 350). — 8. *Попи* — неученого и в *попи* не ставят Новгор. г. (Новгор. Сб. IV, 2, 9) Пуд. (Манс. 157). — 9. *Пояси* — *паяси* при *пъясá* Руз. (РФВ. 47, 125). — 10. *Протори* — а за *протори* его сбирати ему съ проѣзжихъ людей мостовщину Улож. А. М. IX, 16, чтобъ... *протори* не пропали П. и бум. П. В. II, 197, ср. род. мн. — трудовъ и *проторей* къ тому не пощадить Перв. Рус. Вед. 206, местн. мн. — а ихъ на своихъ *проторя́хъ* держать хотѣлъ ib.

210.[1] — 11. *Раби* — То видели *раби* и воины со мною Ломон. I, 264 IV, 388, а мы *раби* сво (бога) Фонв. Бриг. I, 1. — 12. *Серафими* Курган. 649 (ср. здесь же — *херувимы*, с. 662). — 13. *Со́седи* обще-лит., — Белоз. (Тр. МДК. II, 56) Череповец. (Барс. I, 59) Котельн. (пр. 46) Мышк. (пр. 78) Чебокс. (Магн. 139) Руз. (Дурново) Малоарх. (Кир. II, 65) Новосил. (пр. 77) Касим. (пр. 47) Грайвор. (пр. 279) Дмитр.-Кур. (пр. 236) Старооск. (Солод. II, 74);[2] колебание — *соседи, ей, ям* и *соседы, ов, ам* Ломон. (*соседи* II, 9, 207 IV, 99, 373 при 16 случаях *соседы, ов, ам*) Фонв. Нед. I, 3 Бриг. I, 9, Чулк. I, 447, 465, Вяз. (*соседями* IV, 277, *соседов* II, 75 IV, 277), Пушк. (*со́седи* 5 сл., *соседы* 9 сл.), — Шенк. (Манс. 109) Петроз. (Барс. I, 6, 7 и мн. др.) Пуд. (ib. 47, 57; Манс. 157) Тотем. (*суседи*, род. *суседей* и *суседов*, Брок. 121) Зарайск. (Петр. 38); ср. много *соседов*, да мало обедов Снегир. 227, *соседах* Кантем. Разн. ст. IV, 180, Держ. I, 29 IV, 274, Капн. Богат. соседу, Обуховка, Жук. Одиссея XXIII, 135, В. Пушк. Каб. путеш., Язык. Жар-пт., Встр. нов. г., Гог. О ср. веках, — *суседы*, к *суседам* Онеж. (Ончук. Ск. 506, 557) *сусёды* Петроз. (Ист. 17) *суседов* Грязов. (Тр. МДК. III, 77) Владим. (Черныш. 30) Муром. (МАН. 21) Луж. (РФВ. 40, 10) Богородиц. (Изв. III, 889) Царев. (РФВ. 63, 121) Скопин. (ib. 28, 78) Дон. (пр. 42, 2) Терск. (Караул. 20) Колым. (Богор. 138); — ср. белор. *суседзи* при *суседы* (Карский II, 2, 179), в укр. — до *сосід* Кв. I, 5, *сусїди*, до *сусїдів*, *сусїдам* Шевч. I, 144, 233, 366. — 14. *Тарака́ни* Руз. (РФВ. 47, 126). — 15. *Тетереви*, род. *тетере́вей* Кадник. (пр. 25). — 16. *Усови* порют (о сильной колоти в груди)

---

[1] Ср. данные из языка старых актов: *протори* и убытки Гр. 1678, 1687, 1699 гг. (А. Кал. I, 701 II, 16 III, 430), род. *проторей* Гр. 1646, 1699 г. (ib. I, 655 II, 506); рядом — ни въ какіе *проторы* Гр. 1478, 1479, 1693 гг. (ib. I, 79 II, 546, 805), убытки, *проторы* по своей сказкѣ Гр. 1693 г. (ib. II, 805), род. мн. *проторъ*... и убытка не учинить Наемная 1700 г. (ib. II, 519). В ед. числе слово имеет троякую форму: а) *проторь* — и *протори* и убытковъ не доведу Гр. 1687 г. (ib., III 430), б) *проторъ* — ни въ которой *проторъ* Гр. 1441—42 г. (ib. I, 96), в) *протора* — искалъ я на немъ *проторы* и убытковъ Дело судное 1646 г. (ib. 657). Ср. еще тв. мн. *проторми* Гр. 1696, 1700 гг. (ib. II, 502, 519), Л. и бум. П. В. II, 196.

[2] Ср.: *сосѣдямъ, сосѣдяхъ* Распр о краже 1698 г. (А. Кал. III, 278, 285).

Твер. (ЭС I, 178). — 17. *Холопи* Котош. 22, II. и бум. П. В. I, 30, я *холопям* потакать не намерена Фонв. Недор. I, 3 II, 5, а чиновники — *холопи* сатаны М. Горьк. Детство VII, ср. в гр. 1680 г. — бьютъ челомъ *холопи* твои (А. Кал. I, 567), дат. мн. *холопям* в рукоп. былине XVIII в. (Тих. и Милл. 52), — Ой вы, верные *холопи* неподкупные Енис. (Кривошапк. II, 121) Мещов. (пр. 267), колебание — *холопи* при род. мн. *холоповъ* Дух. гр. 1506 г. (Арх. Строева I, 129) *холопи, ей* и — *холопы* Улож. А. М. XX, 2, 9, 10, 25, 87, тв. *холопями* при род. *холопов* Пушк. V, 44 VI, 308 при IV, 123 (ср. у Пушк. также — *холопья, холопьев*); ср. *холопы* Акс. Сем. хр. 87, — воробьи — боярьски *холопы* Архапг. г. (Марк. 19) Онеж. (Гильф. 1232, 1276) Петроз. (Ист. 74) Пуд. (Гильф. 331) Каргоп. (Колос. Зам. 163) Судж. (Резан. 246). — 18. *Черти* общелит., — Тотем. (Брок 121) Руз. (Дурново) Зарайск. (Петр. 38); *черти́*. Мещов. (Ч. 19), колебание — *черти* и *черти́* Судж. (последняя форма в редком употреблении, Резан. 246) Дон. (пр. 42, 2,), ср. в белор. *че́рци* при *чарты́* (Карский II, 2, 179). — Ср. еще в заимствовании: 19. *биле́ти* купит Сердоб. (Уч. Зап. Сар. У. VI, 3, 354).

В данном материале следует различать несколько слоев форм, неодинаковых по условиям и по времени своего происхождения. Прежде всего выделяется ряд старых форм на *-и* от имен с исконными основами на *-o. Они являются уцелевшими архаизмами в языке. Ср. свидетельства о них обычно из песенного языка, или из пословиц. Сюда принадлежат формы — *ангели, беси, волоси, дьяволи, кочети, попи, раби, серафими, усови*. Все эти слова, за исключением одного — *волоси*, и в лексическом смысле осознаются как церковнославянизмы. В некоторых случаях форма им. мн. на *-и*, как привычная форма старой книжной речи, повела к новому типу склонения в прочих падежах мн. числа (ср. род. мн. *ангелей, бесей* и т. д.), а отсюда появление новой разновидности основы и в ед. числе, ср. — *ангель*. Далее должна быть обособлена форма *льни*, как возникшая на фонетической почве из *льны* (смягчение *н* в процессе прогрессивной

ассимиляции под влиянием предшествующего мягкого *л*), ср. подобные формы и в ед. числе — *льдя*, *льню* и под. Отдельную группу слов с формой им. мн. на *-и* составляют наименования карточных мастей — *кресты*, *бубни* (по Шахм. также *вини*, но это последнее слово — заимствованное с мягким *н*). Они несомненного вторичного, аналогического происхождения. Так формы мн. числа *ви́ни — вине́й, тре́фи — трефе́й, че́рви — черве́й* вызвали аналогичный ряд форм *кре́сти — кресте́й, бу́бни — бубне́й* (или *бу́би — бубе́й*, напр. в Любим., Доп. к Слов. Якушк.), даже *пи́ки — пике́й*. Рядом известны и иные формы по ж. роду: *че́рва*, мн. *че́рвы — черв, бу́бна*, мн. *бу́бны — бубён*,[1] отсюда и *трефа*, мн. *трефы — треф*.[2] Что в форме им. мн. *кре́сти* не архаическое образование на *-и*, т. е. не старая форма им. мн. от *кръстъ*, свидетельствуется ударением: это слово имело неподвижное ударение на флексии, и форма им. мн. должна была звучать *кресті́*. Отмеченные только в Рузском у. Моск. губ. формы им. мн. *поя́си, тарака́ни*[3] представляют собою образования, вторично возникшие из форм **поя́сья, *тарака́нья*. Об этом свидетельствует одинаковость ударения первой из отмеченных форм (*поя́си*) с предполагаемым ее источником (*поя́сья*, — ср. ед. *по́яс* и им. мн. *поясá*), наличие с другой стороны формы *тарака́нья* (им. мн.) как раз в Московской губ. (см. выше, стр. 97). Все прочие приведенные формы — *протори, тетереви, холопи, соседи, черти* — с вероятностью могут быть объясняемы предположением старой принадлежности этих слов к основам на *-і. В этом отношении, что касается первого слова, достаточно доказательным является самый материал, приведенный из старого

[1] Ср.: Из вин и из жлудей, из *бубен* и червей В. Майк. Игр. ломб. I, 8; в современной речи ударение, по аналогии с *черве́й, трефе́й*, на окончании — *бубён*. Между прочим, старое *бубен* в значении инструмента имеет во мн. числе нормальные формы — *бу́бны, бу́бнов*, напр.: Звук свирелей и *бубнов* сливался с глухими стонами страдальца. Одоевск. Тени праотцев.

[2] Под влиянием *червы, бубны, трефы* оказалась возможной и форма *вины*, ср. ее в Новгор. (Сол. 27), Симб. (Мотов. 18).

[3] Повидимому, подобного рода и форма *обеди* (вм. *ободья*) Ворон. г. (РФВ. 39, 178).

языка, ср. из него особенно формы им. ед. *проторь*, тв. мн. *протор(ъ)ми*. В форме *проторь*, ж. рода, слово отмечается в Вят. (Васнец.). О всех прочих словах предположение связи их с старыми основами на *-i высказано уже акад. Соболевским (Лекции, 198), который приводит сходный материал из иных славянских языков и, между прочим, для формы *тетереви* указывает на диалектическую форму им. ед. *тетеревь* (из Вологодской губ.). Можно было бы подобную параллель привести и для формы *холопи*—*холо́пь*, *пя́*, *пю́*, тв.-*пьём* Устюж. (РФВ. 18, 238), если бы только в этой форме была согласованность в ударении (ср. *холо́п*, с неподвижным ударением на основе, т. е. с исконно восходящим характером интонации на плавном сочетании); вторичность ударения в этой диалектической разновидности слова может указывать поэтому и на вторичность самого образования этого лексического варианта слова. По поводу формы *че́рти* и приведенной диалектической, великор. и белор., *черты́* следует отметить колебание в ударении: закономерность ударения на основе в *че́рти*, как форме им. мн. (ср. *го́сти*), перенос его на флексию в *черты́*, как форме вин. мн. по нормам основ на *-о (ср. *возы́* и под.). В дополнение к приведенным параллелям интересующих форм из белор. языка (в украинском они неизвестны) можно еще указать на им. мн. *го́ни* (рядом употребляется и *гоны*), см. Карский, ib.[1] Форма *билети* есть, видимо, лексическое новообразование.

Старые формы им. мн. на *-и* от основ муж. рода на заднenебную согласную, со смягчением последней, сохраняющиеся диалектически в украинском (напр. угрор. *вовцы*, *пастуси*, *барсуци*, *парібці*, *пауци* и под., Верхр. Знад. I, 63 II, 73), в великорусском исчезли бесследно. Они как явный архаизм речи лишь изредка попадаются в песенных текстах: *вразы* окаянны супостаты Звенигор. (Безс. IV, 129), а не черныя тут *облацы* попадали Пуд. (Гильф. 315) Гжат. (Безс. V, 200), все *языцы* ему поко-

[1] Сходный материал форм находится также в лужицком языке, см. Mucke, 320—321.

рилися Звенигор. (ib. I, 319). Ср. из старого литературного языка: и тѣ дьяки во *дьяцы* бываютъ пожалованы изъ дворянъ Московскихъ Котош. 37 об. Пример этот характерен; он свидетельствует, что уже в данную пору, в XVII веке, формы означенного типа имели значение форм традиционных, устарелых, — ср. в примере им. мн. *дьяки*, не *дьяци*, напротив в вин. м. — во *дьяцы* (вм. во *дьяки*). Можно отметить еще форму рассматриваемого типа из Кантемира — им. мн. *грешницы* (муж. рода): форма явно архаическая, употреблена Кантемиром не в сатирах (РФВ. 69, 53).[1]

В редких случаях это же окончание для им. мн. *-и* наблюдается у имен ж. рода III типа (твердого различия).[2] В литературном языке сюда принадлежит форма *слюни* (рядом и — *слюны*), род. *слюней* и т. д. Образование формы неясно. Быть может, она возникла фонетически в результате прогрессивной слоговой ассимиляции (мягкость слога *слю-* вызвала мягкость *-ни* на месте

---

[1] Эти формы, вместе с архаическими остатками двойств. числа — *руцѣ*, *нозѣ* (ср. у Кантемира — *нозе* Разн. стих. IV, 110), повели к закреплению и обобщению в соответственных группах слов новых тем на смягченные согласные (*з*, *ц*), от которых по общим нормам склонения образовывались различные падежные формы как множественного, так и единственного числа. Новообразования эти однако, как и исходные формы их архаического типа, т. е. формы им. мн. и дв. числа, являясь искусственными образованиями, чужды живой речи. Они, действительно, встречаются лишь в песенном языке: *руца* об *руцу* пойдут на суд Сызран. (Безс. V, 125); три *отроца* Моск. г. (ib. I, 393) Сызран. (ib. 408); А Матрёна яму с *руце́* пе́рстянь дае́ть Путивл. (Хал. 190); в *ручу* Ворон. г. (Филат. 277) за праваю *руцу*, на праваj *руце*, платком *ручи* завезала Егорьев. (Шахм. 216); в свои *ручи́* Петроз. (Рыбн. II, 120) на белые *руци* Сызран. (Безс. I, 239) *руцы* и *нози* приковали Орл. (ib. VI, 189) на *нози* зьнима́ла Арханг. г. (Марк. 14); с *руц* Звенигор. (Безс. IV, 129) от *облац* от небесных ib. (ib. I, 318) от *облыцев* Раненб. (ib. VI, 73); к *пустынницем* Сызр. (ib. V, 128); в *руцах* и в *нозях* Варенц. 123, в *ручах*, на *ручах* Валд. (Безс. IV, 120) Ворон. г. (Филат. 277) на *руцах* Болх. (Безс. IV, 124) в *руцех*, на *руцех* Петроз. (Гильф. 661) Тульск. г. (Безс. I, 279) Сызран. (ib. 327, 573); ср. еще выше (с. 83, прим.) тв. мн. с *лузи*. — Старая форма им. мн. от *человѣкъ* — *человѣци*, замененная формой *человѣки*, вообще в литературном языке вытеснена словом *люди*. Она однако сохранилась в пословице — все люди, все *человеки* Снегир. 44, Ворон. г. (Дикар. 97), и изредка употребляется у писателей в стихотворной речи до Батюшкова включительно. Ср.: их тежь роди́ли *человеки* Ломон. I, 153, Держ. III, 416, Бат. Отр. из Шилл. траг.

[2] Форма мн. числа *вежди* есть остаток дв. числа. См. Zeitschr. f. slav. Ph. II, 68.

первоначальной твердости *-ны*). Чернышев, Прав. 101, указывает на «старинное и народное *слюня*», но не приводит соответственных источников. Эту форму равным образом, если бы нашлись для нее фактические свидетельства, следовало бы считать таким же образованием, выросшим на почве слоговой ассимиляции, или же возсозданной формой к им. мн. *слюни*. Вторичность всех этих форм оправдывается единогласными свидетельствами как древне-русских памятников (др.-рус. слина), так и современных русских языков (великор. *слюна́*, белор. *слю́на*, укр. *сли́на*) и ряда иных славянских языков (см. Преобр. II, 332), говорящих лишь о форме слова с *н* непалатализованным.[1] Прочий немногочисленный подходящий материал принадлежит диалектам: им. мн. *войни*-ти Устюж. (РФВ. 18, 239); *струни* не зазвонят Повен. (Ончук. Ск. 313); *нерпи — нерпей* (от ед. *нерпа*) Колым. (Богор. 91); ср. еще от ед. *чухна* мн. *чухни*, в *чухнях* Детскос. (С. Обнорский). Весь этот материал принадлежит отчасти ненародным словам (первые два слова — церковнославянизмы), отчасти заимствованиям из чужеземных языков; поэтому в объяснении приведенных форм можно предполагать воздействие звуковой аналогии с иными словами, ср. *война* и *бойня* и под.[2]

В истории языка у имен на *-а и на *-о в мягком различии были известны формы на *-ѣ*. У слов ж. рода это окончание было исконным (*душѣ*); у имен муж. рода оно вторично возникло в эпоху общего перенесения во мн. числе окончания винительного падежа на место именительного: так появились формы им. мн. типа *конѣ*. Эти формы известны в настоящее время в белорусском языке, ср. здесь им. мн. *зямле́*, *жанце́* и под., также *сястрэ, званэ* и т. д. (Карский II, 2, 182; Дурново.

---

[1] Впрочем, ср. диал. *слюнь*, ж. рода. Вятск. г. (Зел. 146); эта форма однако вероятнее явилась новообразованием к им. мн. *слюни*. Такова же форма *слинь*, откуда мн. *сли́ни*, отмечаемая в Пошех.-Волод. (Тр. Яросл. Пед. И. II, 3, 46 и 48).

[2] Колебание plur. tantum *зебри* и *зебры* (см. материал в Слов. Акад.) неясно, как неясна и этимология слова. Материал Слов. Акад. можно еще увеличить формою *зебри* из Балаш. (Тр. МДК. III, 29).

Оч. II, 68). В великорусском языке этого типа формы сохранились в очень незначительном количестве. Собственно, здесь можно было бы указать лишь на единичные соответственные примеры из Кирилловского у. Новгородской губ.: *вереё* обломилисе, *мужьé* (Бр. Сокол. 378, 257).[1] Имеются еще примеры подобных форм, принадлежащих ограниченной территории (части Арханг., Олон., Новгор. губ.) и, кроме того, относящихся лишь к случаям с ударяемостью в словах не окончания, а основы. Ср. в Беломор. им. мн. *мамке*-то, высоке *комнате* (Изв. VII, 3, 33), в Олон. — кресты-*маковке*, *паличке* булатние, мелки *реченке*, *ребушке*, *паличе* (Ж. С. III, 1, 132), в Валд. — *ягодке* (Изв. XXIV, 1, 226). В этих формах всего вероятнее усматривать старые именительные мн. на *-и*, в фонетических условиях изменившееся в направлении большей открытости произношения. Эта черта широкого произношения конечного *-и* и отразилась в передаче его наблюдателями через *е* (собственно — через *ѣ*). Можно еще указать на факты подобного же рода: а) таково изображение конечного *-и* через *е* в им. мн. слов муж. рода — Отойдут от тебя вси ведь *дьяволе* Арханг. г. (Марк. 17 bis), На те ли на пустыя на *острове* ib. (ib. 38 bis); эти формы таким образом отвечают архаическим формам им. мн. *дьяволи*, *острови*, подобным приведенным выше — *ангели* и т. д. (стр. 100), но с открытым произношением конечного гласного; б) такова же форма вин. мн. от существительного *гость* (основа на *-i) — в *госте* пойдет (рядом им. мн. *гости*) Шенк. (Манс. 111). Есть ли форма *девькя* (= девки) Касим. (Будде) старое образование на *-ѣ*, т. е. предполагаемое **дъвкѣ*, как думает Дурново (Оч. ист. рус. яз. 215), трудно сказать с уверенностью. Отсутствие иных подобных форм в самом Касимовском у. и вообще редкость их в великорусском позволяет с бóльшим вероятием считать данную форму

---

1 Форма им. мн. *камарé* в песне — Ой солнушка на заре, Закусали мине *камаре* Ворон. г. (РФВ. 39, 178) может объясняться как обусловленная внешним складом мерной речи. Отмечаемая Соболевским (РФВ. 5, 30 по Нижег, Сб. III, 155) из Балахн. у. форма *коне* (*конѣ*), как форма им. мн. архаическая, из контекста неясна.

за старую форму им. мн. на *-и*, предполагая какие-то чисто фонетические изменения конечного неударяемого *-и* в этой форме.

Можно здесь же, наконец, оговорить разновидность формы им. мн. от имен существительных *сосед* и *холоп*. В соответствии с нормальной их формой *соседи, холопи* существовали в языке также формы *соседе, холопе*. На них обратил внимание акад. Шахматов и с полною убедительностью объяснил их как образования аналогические, обязанные влиянию старых форм им. мн. на *-ове, -ане* (Курс, III, 421, 510). Фактический материал этих форм в современном языке немногочисленный: *суседя* Мещов. (пр. 150) Мосал. (Шахм., ib.) Дмитр.-Кур. (при—*суседи*, пр. 125) Обоян. (МАН. 92) *холопя* Брян. (пр. 25). Данные из старого языка приведены у Шахматова (ib. 421). Отмечу из Чулкова: собаки борзые, *холопе* босые I, 435; у него же имеется вариант формы на *-я*: воробьи на море *холопя* I, 236 (ср. формы им. мн. на *-овя, -аня*).

Имена существительные ср. рода с древней поры имели в им.-вин. мн. окончание *-а*. В случае ударяемости формы на окончании формы держались и держатся до сей поры без изменений. Единственными здесь отклонениями служат — во-первых, форма *дны* от ед. *дно*, во-вторых, два слова — *очко́* и *ушко́*, образующие во мн. *очки́, ушки́*; впрочем, от последнего слова диалектически известна и форма *ушка*: за ушка́ Вельск. (Смирн. I, 171) Пуд. (Шахм. III, 86; Рыбн. III, 91) Кирил. (Шейн I, 125). Форма *дны* употребляется рядом с вариантами *дна* и *донья*[1] (см. материал выше, стр. 91) и, повидимому, позднего аналогического происхождения. Вопрос о происхождении форм *очки́, ушки́* несколько сложнее. Судя по форме род. мн. *очко́в, ушко́в*, можно бы думать о предках их в им. ед. *очек, ушек*, как именах *муж.* рода. Но такие формы неизвестны в языке.[2] Формы *очков, ушков* поэтому

---

[1] Отсюда, видимо, диал. новообразование в ед. числе — *до́на* Вязем. (Тр. МДК. X, 12).

[2] В. И. Чернышев, Прав. 84, говорит о существовании «народной» формы *очек*, муж. рода, но не приводит фактических соответственных свидетельств.

должны считаться аналогическими образованиями, получившими окончание *-ов* в связи с общим проникновением его в различные категории существительных, между прочим, и в имена ср. рода (о чем будет речь ниже). Итак формы им. мн. *очкѝ*, *ушкѝ*, повидимому, должны считаться формами им. мн. от *очкó*, *ушкó*, как имен *ср.* рода. Можно выставить предположение о непосредственном их образовании под влиянием безсуффиксной формы слов *очи*, *уши*, как формы дв. числа, без предположения о вытеснении ими первичных форм **очка*, **ушка*, быть может, никогда и не существовавших в языке. Подробнее о формах *очи*, *уши* см. в Zeitschr. f. slav. Ph. II, 72. Здесь можно отметить, что исконно эти формы были формами дв. числа от **очь*, **ушь*, как имен с основами на *-i ж. рода (ср. литовский язык; ср. старые образования род. м. дв. числа *очию*, *ушию*, как *костию*), к которым поэтому позднée сложились варианты по ср. роду (*око*, *ухо*). Кроме того, следует подчеркнуть вторичность современного ударения в *óчи*, *ýши* на первом слоге и первоначальность форм *очѝ*, *ушѝ*, как и в ед. числе **очь́*, **ушь́*. Все сказанное делает понятной и устойчивость формы им. мн. обоих слов на *-и* (*очки*, *ушки*), не на *-а*, и устойчивость у них ударяемости на окончании.[1] Ср., впрочем, о формах род. мн. *очкóв*, *ушкóв* ниже.

Существительные ср. рода с ударяемостью в им. мн. не окончания, а основы, подверглись в истории языка широкому воздействию со стороны прочих категорий имен муж. и ж. рода, характеризовавшихся вообще в данной форме наличностью одинаковой флексии (*возы*, *кони; жены*, *земли* из старейшей формы *землѣ; пути*, *кости*). Отсюда — проникновение окончания *-ы*, *-и* в имена ср. рода, но лишь с ударяемостью основы в данной форме: в случаях ударяемости окончания, т. е. первичного окончания им. мн. *-а*, понятно обеспечивалось сохранение этих последних форм на *-а*. Так при сохранении старых форм им. мн.

---

[1] С ударением на основе имеется одиночное показание: *вóчки* (= петли чулка) Краснин. (Добров. 91).

места́, *моря́* и под. явились новые формы *сёлы*, *о́кны*, *ру́жьи* и под. Хронология этого явления установлена в общем виде: в изображении Шахматова явление отнесено к эпохе «общевеликорусской» (Курс, III, 539; так же у Дурново. Оч. ист. р. яз., 285). Однако хронология может быть восстановлена несколько определительнее. В этом отношении следует иметь в виду отсутствие данного типа форм в украинском языке (здесь можно указать лишь на диалект. *яйцьі*, отмеченное в доливском говоре, Верхр. 66), но обычность их в белорусском (Карский II, 2, 187—188). По памятникам формы на *-ы, -и* выступают с XVI века: на *сьмены* Заемная 1571 г. (Арх. Строева I, 516), *яйцы* Запов. 1590 г. (ib. 673), *блю́ды* (рядом — *блю́да*) Домостр. 145, *селищи* и займища Акты 1616, 1691 гг. (А. Кал. I, 391 III, 150), *деревьи* годны Купчая 1657 г. (ib. II, 372), складсть (хлеб) въ *одоньи* Память 1684 г. (ib. 725), на всякие *угодьи* Выпись 1700 г. (ib. I, 42), ср. еще — три *коробьи* Выпись 1683 г. (ib. 53). Если эти данные письменных свидетельств уже документируют явление в XVI веке, можно думать, что в живом языке оно совершилось несколько ранее. О более раннем его происхождении говорит и факт наличия данных форм в белорусском языке, и судьба в великорусском им. мн. от слов ср. рода с основами на задненебный согласный. В последней категории имен существительных в современном литературном языке, а также в значительной части северновеликорусских и во всех южновеликорусских говорах, на месте старых форм им. мн. на *-а* оказываются лишь формы на *-и*. Ср. им. мн. *лыки*, *ве́ки*, *дре́вки*, яблоко — *я́блоки*, молоко — *моло́ки* (Смол., Добров. 416; Псков. г., Безс. VI, 171; из коровушек *молоки* я выкликивала Варенц. 145), через *мо́рюшки*-моря. Старор. (Колос., 42), эхо — *эхи* (Томны *эхи*! повторите Скромну жалобу мою Капн. Скр. призн. в любви), и проч. Еще Востоков, Гр. 35, заметил об этих формах, как о возникших из первоначальных *лыка*, *века* и проч. потому, что эти последние совпадали с соответственными формами родительного ед. числа. Но этого объяснения недостаточно. Формы

боло́та, *жа́ла*, *копы́та* и под. также звучали одинаково и в родительном ед. и в именительном мн., и перешли в *боло́ты*, *жа́лы*, *копы́ты*, — но такие же результаты оказались и в случаях в роде им. мн. *сёлы*, *гу́мны* и т. д., первоначальные формы которых *сёла*, *гу́мна* и проч. отличались от род. ед. *села́*, *гумна́* и т. д. Кроме того в обоих последних рядах слов в современном литературном языке форма звучит на *-а* (*болота*, *жала*, *копыта* и проч., *сёла*, *гу́мна* и т. д.), между тем в существительных с основой на задненебную именительный мн. обязателен на *-и*. Можно думать, что исходная эпоха проникновения в средний род новой флексии из муж. и ж. рода принадлежит времени, предшествовавшему переходу сочетаний *гы*, *кы*, *хы* в *ги*, *ки*, *хи*. Новообразованные формы им. мн. *боло́ты*, *сёлы* и под. в дальнейшем продолжали сохраняться без изменения, а благодаря их близости в произношении (в полосе акающих говоров, также в литературной речи) к старым формам на *-а* они легко впоследствии под влиянием книжной речи, школьных правил и под. стали заменяться последними формами на *-а*, и в современном письменном литературном языке могут считаться почти ими вытесненными. Что касается параллельных новообразований типа им. мн. *лыка*, *окошка* и под., уступивших место формам *окошкы*, *лыкы*, то последние с наступившим позднée общим переходом *гы*, *кы*, *хы* в *ги*, *ки*, *хи* изменились в формы *окошки*, *лыки*. Но эти последние формы настолько уже разнились чисто внешне и в произношении от их предков *окошка*, *лыка*, что с восстановлением в книжном языке форм *болота*, *сёла* (из *болоты*, *сёлы*) не могли уже быть сами восстановлены в своем первоначальном виде. Таким образом это соотношение современных форм им. мн. *болота*, *сёла* при *лыки*, вместе с фактами письменных свидетельств и показаний белорусского языка о формах на *-ы*, *-и*, позволяют самое явление считать по происхождению достаточно древним.

По поводу форм им. мн. типа *лыки* следует сделать несколько замечаний. В литературном языке есть несколько слов,

колеблющихся в образовании им. мн. то на -*а*, то на -*и*. Во всех их однако формы на -*а* выступают с ударением на флексии, напротив формы на -*и* отвечают ударяемости основы в данной форме. Слово *благо* имеет формы мн. числа *благá* при *бл́аги*. Ср. у Держ. — Сули мне *благи* все, дай скиптры царств земных, Темный (IV, 327), у Бат. — (счастье, здоровье и покой —) *благи*, о которых я только по наслышке знаю (III, 379), ни за какие *благи* Бун. Хор. жизнь, — Кашин. (Смирн. 6) Смол. г. (Добров. 22). Возможна в поэзии и форма *бл́ага*, с ударяемостью основы: Все *блага* рассыпая Обильною рукой Бат. К Ж-му, Пушк. II, 143, Лерм. I, 59, Некр. I, 205; но это — форма искусственного, книжного происхождения. Также слово *брюхо* имеет параллельные формы во мн. — *брюхá* и *брю́хи*. Ср. последнюю форму у А. Тлст: Все пред ним повалились на *брюхи*, Поток-богат. XII Слово *войско* в старом языке было неподвижным по ударению во всей системе склонения, как в ед., так и во мн. числе. Поэтому форма им. мн. должна была звучать *во́йски*. Ср. ее у Ломон. I, 206 V, 141, Сумарок. VIII, 205 IX, 172, В. Майк. Агриопа I, 2 IV, 2 (ср. здесь же тв. мн. с *войсками*, д. I, я. 2), Держ. I, 321, 200 IV, 51, 257, 382, Княж. На разб. египт., Озер. Яр. и Олег I, 2, Жук. Орл. дева, прол., Бат. Пуст. Петр... (ср. здесь же дат. мн. *во́йскам*). Современная форма им. мн. имеет ударение на окончании — *войскá*. Неясно, эта ли форма у Ломон. — сразились обои *войска* жестоко, Др. Росс. Ист. (V, 323), или здесь книжная форма, подобная отмеченной выше *бл́ага*; последнее вероятнее: ср. еще ранее, в Перв. Рус. Вед., колебание *во́йски* и *во́йска* (в П. и бум. П. В. встречается лишь *войски*, напр. I, 81 и др.). Выше говорилось о соответствии старой формы слова *облак*, по муж. роду, современному колебанию форм по муж. и ср. роду — *облак* и *облако*. Поэтому в им. мн. *облаки*, форме, свойственной и старому литературному языку, и современным говорам (см. материал выше, стр. 36), можно усматривать как правильное образование от *облако*, по ср. роду, так и соответственное образование от *облак*, муж. рода. Ср. *облаки*, за *облаки*, под *облаки* (*оболоки*) Чулк. I, 413, Онеж.

и Петроз. (Гильф. 435, 658, 740, 1047, 1125; Рыбн. III, 123) Ветлуж. (Шейн I, 243) *бóлаки, бля́ки, оббóлаки* Росл. и Смол. (Добров. 501), ср. под самые под *облаки* М. Горьк. Мещане I; рядом — от *облако*, ср. рода, форма *облакá* Чулк. I, 748, Черепов. (скрозь *оболокá*, пр, 268); ср. также (написания по старой орфографии): легкие *облачки* Лейк. Наши пит. V при — белыя тонкия *облачка* Ф. Солог... VII. Наконец, следует, видимо, предполагать, что современной форме им. мн. *дрéвки* от ед. *древкó* в старом литературном языке соответствовала форма с ударением на флексии, в связи с чем самая форма им. мн. должна была звучать не на *-и*, а на *-а*. Ср. эту именно форму (правда, без означения ударения) в П. и бум. П. В. — вели нынѣ заранѣе дѣлать *древка* (для копий) изъ сухова сосноваго или еловаго дерева V, 65 bis 69 bis.

По поводу форм им. мн. типа *лыки* следует сделать еще одну оговорку. Следует именно иметь в виду, что эти формы вытеснили их предков на *-а* не на всей великорусской территории, а лишь в северновеликорусском наречии, и здесь лишь в известных его частях.[1] В части же северновеликорусских говоров продолжали сохраняться старые формы на *-а*, как они существуют в них и в настоящее время. Ср. при литературной и южновеликорусской форме им. мн. *лы́ки* форму *лы́ка*, отмечаемую в Борович. (Ж. С. V, 3, 379), Устюж. (МАН. 34), Екатеринб. (Смирн. II, 739), Кунгур. (МАН. 131), Соликам. (Зел. Ск. 424), также — *óблака* Петроз. (Барс. I, 253). Особенно распространены этого типа формы в именах, осложненных суффиксом *-к*. Ср. примеры на суфф. *-к-* идут *облачка* оны да потихошеньку Петроз. (Барс. II, 114); *плечка* ib. (Гильф. 501, 526, 584;

[1] Формы типа *лыки* служат нормальными и характерными формами и для южновеликорусского наречия, но здесь происхождение их оказывается несколько иным, чем в северновеликорусском, и связывается с утратой в соответственной категории слов среднего рода и переходом его в женский род; поэтому здесь и формы типа *лыки*, и формы типа *копыты* имеют одинаковое происхождение, служа нормальными образованиями по III схеме склонения (от ед. числа *лыка, копыта*, по ж. роду).

Ончук. Ск. 213); *яичка* Каргоп. (*яиика,* Колос. Зам. 198) Белоз. (Бр. Сокол. 79) Кирил. (*еицька,* ib. 204) Соликам. (*йчка,* пр. 136); *коленка* Петроз. (Ончук. Ск. 233, 327; Гильф. 300, 622, 988, 1125) Пуд. (Рыбн. II, 330 IV, 15) Пошех.-Волод. (Тр. Яросл. Пед. И. II, 3, 47) Котлас. (Тр. Вят. Пед. И. III, 75) Екатеринб. (Зел. Ск. 160; ср. также — на *коленки* пал, ib.) Лихв. (Кир. VIII, 48); *братка* Егорьев. (Шахм. 215); *гуселка* Петроз. (Тих. и Милл. 208; Гильф. 497, 1030; ср. здесь же — *гуселки* яровчаты, с. 740) Пуд. (Кир. II, 128; Рыбн. II, 30 III, 192); *кудерка* Петроз. (Барс. II, 13) Пуд. (Рыбн. I, 82 II, 29; Гильф. 230, 689); *озерка* Петроз. и Повен. (ib. 122, 440), — ср. озера и *озерка* в Ввозной гр. 1643 г. (А. Кал. I, 70); *седелка* Пуд. (Гильф. 230, 245); *веретешка* Шенк. (Ончук. Ск. 189); *лубошка* Чебокс. (Магн. 79); *окошка* Онеж. (Смирн. I, 18) Печор. (Ончук. Ск. 4) Пуд. (Барс. I, 51; Рыбн. III, 92) Костр. (пр. 264) Котельн. (Зел. Ск. 93); *онучёшка, отопчёшка* Котельн. (ib. 91); *робетёшка* Нолин. (пр. 52); у них *копийка* присогнулись Каргоп. (Колос. Зам. 205); *робятка* Онеж. (Смирн. I, 68) Печор. (Ончук. Ск. 17) Пуд. (Кир. II, 129; Рыбн. III, 293) Тотем. (Ж. С. XXI, 2, 225) Кинеш. (*ребяткá,* МАН. 79). — Суфф. *-ик*: *воротика* Онеж. (Гильф. 1062); *плечика* Петроз. и Каргоп. (Рыбн. I, 170, 409 II, 201); А мне эти *устика* не надобно Онеж. (Гильф. 1264). — Суфф. *-енк*; молодые *вороненка* Печор. (Ончук. Ск. 22); *сапоженка* Петроз. (Барс. II, 22, 30; здесь же — *сапоженки,* стр. 31); *башмаченка* Пуд. (Гильф. 364); *робетенка* Никол. (Манс. 213) Кинеш. (МАН. 79). — Суфф. *-очк*: *глазеночка* Петроз. (Гильф. 530); *зерночка* Арханг. г. (Кир. V, 92); *колесочка* разломалися Петроз. (Рыбн. II, 73); *коленочка* Повен. (Гильф. 18, 1001, 1009); *мужичоночка* Онеж. (ib. 1170); *поросяточка* ib. (ib. 1132, 1266); *бревёшоцька* Шенк. (пр. 235).— Суфф. *-ечк*: *воротечка* Петроз. (Барс. I, 272; Рыбн. II, 28) Кадник. (Ж. С. XIII, 3, 369) Кирил. (Бр. Сокол. 378) Пошех. (Ж. С. VI, 2, 231) Солигал. (ib. VII, 3, 458); *врéмячка* Петроз. (Барс. II, 49); его *глазишоцка* поповские ib. (Гильф. 781, 825); *гульбищечка* ib. (Барс. I, 203); *колечка* ib. (id. 83, 104, 124); *копытечка* Пошех.-

Волод. (Тр. Яросл. Пед. И. II, 3, 47); *крылечка* Пуд. (Рыбн. II, 332); *местечка* вси позаняты ib. (ib. 334); *окошечка* Петроз. (Барс. I, 20, 100, 149, 157 II, 18; Ончук. Ск. 231, ср. здесь же — в *окошецьки* посмотрил) Печор. (id. Был. 383) Вытегор. (Рыбн. IV, 122) Повен. (Гильф. 23, 1063); *полотенечка* Петроз. (Барс. I, 68) Вытегор. (Рыбн. IV, 125); *пяличка* Чердын. (Перм. Сб. I, 2, 19); *румянечка* Олон. г. (Рыбн. III, 343); *седелечка* Сольвыч. (Ж. С. VI, 1, 83); *симечка* Пошех.-Волод. (Тр. Яросл. Пед. И. II, 3, 47); *словечка* Пошех. (ib.) Петроз. (Барс. II, 2); в шелковыя *уделичка* Белоз. (Бр. Сокол. 413); *судьишечка* Петроз. (Барс. II, 32). — Суфф. *-ишк*: *бобылишка* Петроз. (Рыбн. III, 329); *бревнишка* ib. (Барс. I, 95); *белилишка, румянишка* Повен. (Гильф. 76); *волосишка* распустил Белоз. (Колос. Зам. 63); *воронишка* летают Петроз. (Барс. I, 14); *воротишка* Вытегор. (Олон. Сб. I, 153); *дровишка* Охан. (С. Обнорский); *дровнишка* Петроз. (Ончук. Ск. 309); *делишка* Никол. (пр. 266) Белоз. (Тр. МДК. II, 60) Солигал. (Ж. С. VII, 3, 458); и стали *ершишка* лешшовых жен побиждать Печор. (Ончук. Ск. 2); *кудёрышка* Петроз. (Барс. II, 2; ср. *кудёрышки*, ib. 19); *лужишка* ib. (Рыбн. III, 11); *поросятишка* Козмодем. (Смирн. I, 435) Олон. г. (Оп. обл. слов); *ре́(о)бятишка* Петроз. (Ончук. Ск. 302) Никол. (пр. 266) Белоз. (Бр. Сокол. 78, 108; Тр. МДК, II, 60) Семен. (Ж. С. XV, 1, 44) Солигал. (ib. VII, 3, 458) Пошех.-Волод. (Тр. Яросл. Пед. И. II, 3, 47) Яросл. (РФВ. 24, 56) Перм. (С. Обнорский) Мамад. (МАН. 59); *читанишка* Кирил. (Бр. Сокол. 224); — ср. в языке древних актов: *домишка* 1697 г. (А. Кал. III, 342), *дѣтишка* 1641, 1690 гг. (ib. I, 588 III, 473—4), *крестьянишка* 1605, 1698—9 гг. (ib. III, 472, 488), *людишка* 1645—6, 1698—9 гг. (ib. 475, 488), *путишка* 1609 г. (ib. 75), *санишка* 1672 г. (ib. 466), *соболишка* 1651 г. (ib. 42). — Суфф. *-ушк*: *волосушка* Повен. (Гильф. 140); *глазушка* ib. (id. 84); *гуселушка* Петроз. (Ончук. Ск. 242) Кирил. (Бр. Сокол. 304); Чтобы *конюшка* у нас да были сменныи Повен. (Гильф. 81); *крылушка* ib. (id. 152) Петроз. (ib. 529); за *кудерушка* ib. (id. 529); *лесушка* ib. (Барс. I, 1, 72 II, 114,

139, 238, ср. здесь же — *лесушки*, II, 133); *морюшка* ib. (id. II, 157); на *плечушка* Обоян. (РФВ. 38, 122, ср. здесь же — *плечушки*, с. 129) Мещов. (Черныш. 101); *помялушка* Повен. (Гильф. 123); *робятушка* Онеж. (ib. 963, 1207, 1272) Белоз. (Бр. Сокол. 330) Кирил. (ib. 209, 219, 250); *крестьянушка* Онеж. (Гильф. 1272); *сердечушка* Петроз. (Барс. I, 10); *словечушка* ib. (id. I, 62 II, 28, 40, ср. здесь же — *словечушки* I, 63)· стоят *холодушка* Белоз. (Бр. Сокол. 509); *ествушка* Петроз. (Барс. I, 41, 105, 237; ср. *ествушки* I, 237). — Суфф. *-ышк*: *ведерышка* Соликам. (Зел. Ск. 373); *веселышка* Печор. (Ончук. Был. 305; Марк. 19) Петроз. (Барс. I, 253, ср. здесь же — *веселышки* I, 92) Повен. (Гильф. 93); *горлышка* Чердын. (Перм. Сб. I, 2, 58); *гуселышка* Онеж. (Кир. II, 113; Гильф. 163, 878, 950; ср. *гуселышки*, с. 608, 878) Петроз. (Барс. II, 268; Гильф. 756; Рыбн. I, 164; ср. *гуселышки*, Гильф. 850) Повен. (ib. 43, 72, 135, ср. 135; Кир. V, 39) Пуд. (Рыбн. II, 31 III, 83, 253, 298 IV, 34); *зернышка* Печор. (Ончук. Ск. 82); *крылышка* Онеж. (Смирн. I, 39) Петроз. (Барс. II, 29) Кадник. (Ж. С. XIII, 1, 194) Кирил. (Бр. Сокол. 120) Новгор. г. (Новг. Сб. I, 298) Котельн. (Зел. Ск. 215) Котлас. (Тр. Вят. Пед. И. III, 75); *кудерышка* Онеж. (Гильф. 1014, 1145, 1220, 1267) Кирил. (Бр. Сокол. 323); *озерышка* Петроз. (Барс. II, 112, 157); *перышка* Печор. (Ончук. Был. 81) Петроз. и Повен. (Гильф. 152); *помелышка* Арханг. г. (Марк. 65); *силышка* вы ладьте-тко шелковыи Повен. (Гильф. 112) Петроз. (ib. 552; Рыбн. I, 2); *солнышка* ib. (Рыбн. IV, 139; ср. *солнышки*, Барс. I, 190, 194) Кирил. (Бр. Сокол. 377); *стеколышка* Пуд. (Рыбн. IV, 15); *седелышка* Петроз. (Барс. I, 102; ср. Рыбн. III, 3) Пуд. (Гильф. 230, 245; Рыбн. III, 120; ср. Гильф. 230, 933, 1061).

Как видно, эти формы на *-ка* настолько обычны для известных областей Севера, что отсюда становится понятным захождение в них данной флексии и в имена муж., и в имена ж. рода, коль скоро они содержат в исходе суффиксальное *-к*. Ср. в представленном материале случаи в роде *санишка*, *шта-*

нишка и др., ср. еще: А вбиты *гвоздика* деревяные Онеж. (Гильф. 1110), Мощены *мостика* все сосновые ib. (ib.), *рекрутика* молóдыи Петроз. (Барс. II, 14), унылы *колокольчика* ib. (ib. II, 231), *деньжонка* Солигал. (Ж. С. VII, 3, 458). В соответствие со всеми приведенными и подобными им формами в литературном языке употребляются только формы на *-и*, напр. *окошки* Акс. Дет. г. 80, *блюдечки* Тург. Руд. IV, *колечки* Кантем. Сат. II, 148, *глазишки*-то зеленые М. Горьк. Детство IV, и т. под. Отклонения в этом отношении совершенно исключительны: *колечка* у Ломон. V, 101 — очевидно, оброненный Ломоносовым северновеликоруссизм; *стекольшка* у Гог. Мерт. д., XI (ср. дважды — *стеколушки, стеклышки* ib. X) — искусственная форма, явившаяся под общим книжным влиянием.

Итак данная морфологическая особенность, сохранение старых форм им. мн. на *-а* от существительных с основой на задненебную согласную, свойственна былинной речи Севера, т. е. Архангельской и Олонецкой губ.; имеются спорадические следы ее в Вологодской губ. (уу. Кадник., Никол., Сольвыч.); шире употребление ее, принадлежащее, что особенно существенно, живой речи, в Кирилловском и Белозерском уу. Новгородской г., в части Костромской и Вятской губ., в Пермской губ. Во Владимирско-Поволжской группе черта отсутствует полностью, также в большей части Новгородской губ. (в частности на ее западе). Странна редкость форм в Вологодской губ., также в значительной части Вятской г. Если предположить пóзднее исчезновение здесь этих форм, то о данной черте можно говорить как о типичной черте северо-востока северновеликорусской территории (собственно — Олонецкой и Вологодско-Вятской групп).

Переходя к прочим рядам имен существительных (с основой на иные, помимо задненебных, согласные), следует указать на широкую область распространения от них форм им. мн. на *-ы*, *-и* и в черте северновеликорусских, и в черте южновеликорусских говоров. Не приводя полностью самого фактического материала в виду его однообразия, можно ограничиться главным образом

указанием на границы, охваченные данным явлением. Данные формы им. мн. на *-ы, -и* наблюдаются в следующих местах: Арханг. губ. Арханг. у. — на *коленцы* (Кир. IV, 5); Кем. *-е́йцы* (Ончук. Ск. 158); Онеж. — *ествы*, на *коленци* (Гильф. 1213, 1219, 1268, ср. еще — *крестьяны*, с. 1232)[1] *хозяевы, крестьяны* (Рыбн. IV, 276); Шенк. — *рвбры* (пр. 235) *болоты, гнезды, лици* (при — *болота, гнезда*, Манс. 114). — Олон. г. Каргоп. у — *коленцы, гусельцы* (Гильф. 1305; Колос. Зам. 166); Олон. — *бревны, веслы, вороты* (пр. 29); Петроз. — *копьи* (Гильф. 564) *чернилы* (Безс. I, 148) *ествы* (Рыбн. III, 207 IV, 143) *щупалы; ествы, кудерцы, железы, вороты, ейцы* (Ончук. Был. 51, 146, 286, 348, 383, Ск. 34, 52, 249, ср. *колоко́лы* ib. 267); Повен. — *ествы* (Гильф. 32; Ист. 52), ср. *крестьяны* (Безс. I, 287); Пуд. — *ествы* (Гильф. 244, 364, ср. *ества*, с. 317) *чернилы* (Рыбн. II, 148) *стойлы* (ib. 95, 323; Гильф. 328; ср. *стойла*, Рыбн. II, 22). — Волог. г. Грязов. у. — годы и *леты* (Тр. МДК. III, 77); Тотем. — *гумны* (Э. О. 1900, 2, 100). — Новгор. г. Белоз. у. — *ядры, стеклы, полотенцы* (Бр. Сокол. 317, 337, 471); Валд. — не к лицу *белилы* (МАН. 113); Дем. — *телы, робяты* (Новг. Сб. III, 6, 7); Кирил. — *ребяты*, ср. *стремены* (Бр. Сокол. 422, 482); Новгор. — (Сол. 8; пр. 20; Майк. Закл. 536 — 7; РФВ. 40, 101); Старор. — *писемцы* (Э. О. 1905, 2—3, 179) *висняты* (Доп. к Оп.) *дро́вы* (Тр. МДК. III, 125); Устюж. — *болоты, вороты, веслы, бревны* (пр. 195, 199), но по пр. 28 не повсеместно. — Костр. г. Галич. у. — id. (пр. 55); Чухлом. — id. (МАН. 85; Ж. С. X, 3, 344). — Яросл. г. Ростов. у. — (РФВ. 65, 284, 290). — Вятск. г. — *яйцы* (Бод. де Курт. Отр. из лекций, 57) *бе́льмы, burка́лы, тенёты* (Васнец.); Елабуж. — *белилы, чернилы* (Э. С. VI, библ. 43); Котельн. — *вороты, болоты, кольцы* (иногда, пр. 35) *яйцы* (Зел. Ск. 191); Малмыж. — *вороты, болоты, бревны* (пр. 79; Майк. Закл. 488) *хозявы, братьи* (Сб. II Отд. 99, 2, 80); Нолин. — (пр. 68; Варенц.

---

[1] Ср. еще здесь же — *жиловы*, с. 930, т. е. *жиловья* = жилы.

104) *платьи* (Уч. Зап. Казан. Ун. 1896, 10, 32); Орл. — *вороты, ведерцы* (Смирн. I, 391—2); Слобод. — (пр. 48, 141; Смирн. I, 417); Яран. — (пр. 59, 101). — Перм. г. Екатеринб. у. — (пр. 113; Зел. Ск. 13, 40, 52 и т. д. — часто); Камышл. — *кольцы* (при — *кольца*, пр. 89). — Казан. г., дер. Белая — *гнезды, робяты* (РФВ. 71, 14); Казан. — (ib. 32, 83; Сб. Форт. 173; МАН. 52; пр. 92, 94; Смирн. I, 434); Цивил. — (пр. 143); Чебокс. — *веслы, пойлы, ребяты, ествы, ружьи* (Магн. 70, 103, 133, 152); Чистоп. — *яйцы* (МАН. 66). — Владим. г. Владим. у. — *корыты, яйцы, семены* (Черныш. 30); Меленк. — (пр. 247); Муром. — (пр. 93, 100); Покров. — (пр. 10, 244); Сузд. — *робяты, вороты, су́кны, гу́мны* (при — *гумны́*, Черныш. 19); Шуйск. — (пр. 19; Шейн I, 347). — Оренб. г. — *вороты* (РФВ. 56, 244). — Псков. г. — *мялы, колесы, жерняты, голеняты* (Доп. к Оп.); Великол. — (пр. 45); Новоторж. — *робяты* (Ручной дор. 79); Опоч. — *бельмы, семины* (Оп. обл. слов.); Остров. — (пр. 33); Порхов. — *бельмы, жерняты* (Доп. к Оп.), *яйцы* (Смирн. I, 350); Псков. — *бельмы, жерняты* (Доп. к Оп.); Тороп. — *воро́ты, сёлы, поле́ны* (пр. 233); Холм. — (пр. 54, 159). — Твер. г. Бежецк. у. — (Еремин, 31); Зубцов. — (пр. 60); Кашин. — (Смирн. 88); Осташ. — *мялы, колесы, ребяты, голеняты, явленяты* (Доп. к Оп.); Твер. — *брёвны* (Черныш. 9) *о́кны, сцióклы* (АГО. XLI, 46). — Ленингр. г. Луж. у. — *глазищи, стойлы* (Кир. I, 59—64). — Смол. г. Бельск. у. — *вороты* (Смирн. II, 541); Краснин. — *вороты, кадилы, блюды* (Безс. I, 61, 122, 130, ср. *блюда*, с. 129); Пореч. — *дро́вы* (Оп. обл. слов.). — Моск. г. Верейск. у. — *вороты* (Смирн. I, 497) *калёсы* (Черныш., Изв. XIII, 142); Клин. — *ведерцы* (Черныш. 79); Моск. — (id. 56; Кир. IX, 93). — Калуж. г. Жиздр. у. — *во́кны, стёклы* (РФВ. 43, 226 и 75, 235); Лихв. — *ядры* (Кир. VIII, 121); Медын. — *рёбры* (МАН. 71) *окны, селы, полотны, вороты, бревны, веслы* (пр. 263); Малояросл. — *вороты* (Шейн I, 229); Мещов. — (пр. 150, 267; Черныш. 9, 151, 162); Мосал. — *дро́вы* (Тр. МДК. V, 19). — Нижегор., г. Павлово — *стойлы, семины,*

копьи (Пам. влр. нар. 34, 51, 58); Ардат. — *семины* (Кир. VI, 80); Балахн. — *вороты* (Смирн. I, 452); Горбат. — *сёлы* (МАН. 106). — Самарск. г. Самар. у. — *яйцы* (Смирн. II, 698). — Симб. г. Симб. у. — *вороты* (Майк. Закл. 520) *хайлы, ядры, копьецы* (Кир. VI, 28 IX, 218); Алатыр. — (пр. 32); Буин. — (пр. 57); Курмыш. — *буркалы* (Варш. Ун. Изв. 1914, 9, 145). — Пенз. г. Инсар. у. — (пр. 231); Мокш. — (пр. 230, 2, 232, 1); Чембар. — (пр. 229). — Сарат. г. Петров. у. — (Кир. VI, 191 VIII, 158; М. Сокол. Влр. свад. п. 15, 24, 33, 59, Был. 14, 26; Э. О. 1916, 1—2, 76). — Тамб. г. Морш. у. — *болоты* (МАН. 164) *гумны, болоты* (АГО. XL, 31). — Тульск. г. Крапив. у. — *кольцы* (Изв. III, 1287); Малоарх. — *судны* (Безс. I, 334); Новосил. — (пр. 77; Шейн I, 179). — Орловск. г. Болх. у. — *кольцы* (Кир. V, 163); Брян. — (пр. 259; *дрóвы*, Тр. МДК. III, 157); Ливен. — (Slavia, VI, 476); Мцен. — *гумны, полотны, окны, селы, кольцы, болоты* (пр. 188) *яйцы, кольцы* (Будде 59, 63); Орл. — *рибяты* (id. 39) *череньицы* (Безс. I, 438). — Рязан. г. — (РФВ. 28, 25); Данков. — *стекольцы* (Кир. X, 4); Егорьев. — (Шахм. 215; Трост. 76, 80, 87, 116; Смирн. II, 613); Касим. — *яйцы* (Будде, К ист. 334) *гумны, окны, селы, кольцы, болоты* (пр. 111, а); Зарайск. — (Петр. 15, 39, 41); Спасск. — *робяты, колесы* (МАН. 61) *семены, емены* (ib.). — Курск. г. Дмитр. у. — (пр. 125); Обоян. — (МАН. 90, 91, 95); Путивл. — *вóкны, стёклы* (РФВ. 76, 290—1) *письмы* (ib. 16, 227); Старооск. — ва *жалезы* скавати (Солод. 120); Судж. — (Резан. 219, 246); Щигр. — (Хал. 56 и др. — часто). — Ворон. г. Бобров., Ворон., Землян., Коротояк., Нижнедев. уу. — (Филатов, РФВ. 37, 175 и 39, 179); Бобров. — *письмы, ребяты* (Ворон. Юб. Сб. I, 605—6); Ворон. — (Дикар. 99, 128, 192, 196, 246); Задон. — *вёдры* (Трост. 132); Коротояк. и Ворон. — *окны, веслы* (Ж. С. XV, 1, 104); Павлов. — *чирёвы* (Доп. к Оп). — Дон. обл. — (пр. 42, 2; МАН. 47; Савел. 162). — Терск. обл. — (Караул. 23, 24; Тер. Сб. II, 121, 141). — Сибир. — *ествы* (Зап. и зам. о Сиб. 96; Тих. и Милл. 95) *вороты, черёвы* (Южн. Сибир., МАН. 175); Акмол. — *вёдры, седлы* (пр. 75);

Барнаул. — *коленцы* (Тих. и Милл. 195); Тобол. окр. — (пр. 21; Смирн. II, 882); Тюмен. — *вороты, веслы* (пр. 27); Минус. и Канск. — *вороты* (Ж. С. XIII, 3, 342); Енис. — *веслы* (Кривошапк. I, 73) *болоты* (Майк. Закл. 449) *робяты* (Селищ. 84); Верхнеуд. — (ib.), Нижнеуд. — *вароты, ребяты* (Вин. 16) *перилы, калёсы* (Черных 378); Колым. — *вороты* (Богор. 250).

Анализируя весь предложенный материал, получаем чрезвычайно важное заключение для характеристики северновеликорусского наречия. Здесь данные формы оказываются очень редкими в тех же приблизительно районах, в которых преобладает флексия *-а* у имен ср. рода с основой на задненебную согласную, т. е. в Олонецком крае, в Вологодской губ., в Вятской, части Костромской, части Новгородской и в Пермской губ. Сгущение форм на *-ы*, *-и* в известных частях Новгородской, Вятской и Пермской губ. соответствует поредению или полному отсутствию в соответственных районах форм на -а от имен с основами на задненебные согласные, срвн. особенно сравнительные данные одних и других форм по Белозерскому, Кирилловскому и Устюжскому уу. Новгородской губ., Малмыжскому, Слободскому и Яранскому уу. Вятской губ., Екатеринбургскому у. Пермской губ. Это обстоятельство, конечно, не случайное. Приведенными данными тем красноречивее подтверждается особенность Олонецкого края вместе с Вологодско-Вятской областью, состоящая в том, что эти районы оказались вне территории, где произошла замена старой флексии им. мн. *-а* посредством новой флексии *-ы*, *-и*. Поэтому здесь так широки в употреблении исконные формы на *-а* как у существительных с основой на задненебную согласную, так и у иных рядов имен существительных ср. рода. Характерно отсутствие форм на *-ы*, *-и* в Вологодском крае, — но именно здесь выше предположена бóльшая распространенность форм на *-а* от основ на задненебную согласную.

Что касается прочих районов употребления форм на *-ы*, *-и*, то следует подчеркнуть широкую их распространенность

в полосе переходных и смешанных говоров (губ. Псковская и Тверская, Московская, Егорьевский у. Рязанской губ., длинная линия Поволжья); отсюда становится понятной и наличность этих форм в прилегающих к очерченной полосе областях с севера, особенно во Владимирской губ., Казанской и др. На территории собственно южновеликорусской формы особенно типичны для Мещовского у. Калужской губ., Новосильского у. Тульской губ., Брянского у. Орловской губ., для части Курской губ. (уу. Обоянский, Суджанский, Дмитриевский, Щигровский), для Воронежской губ., Донской и Терской области. В рязанском крае только Зарайский уезд знает эти формы в широком употреблении. Сибирь, за исключением семейских говоров (Верхнеуд. у.), по происхождению южновеликорусских, вообще употребляет формы редко. Ср. у Кирши Данилова только один подобный случай, и то сомнительный, — на *семены*, с. 39.

В литературном языке формы на *-ы*, *-и* должны ожидаться чисто теоретически: наличие их требуется южновеликорусской, московской в частности, исторической основой литературной речи. Формы, действительно, здесь имеются и содержатся в большом числе, представляя вместе с тем картину большой сложности. В этом отношении изучение литературного языка по данной черте имеет большую важность и интерес: по данной особенности вскрываются и определяются известные течения в развитии литературного языка последнего времени. Обозрение соответственного фактического материала должно быть естественно хронологическим: Котош. — *государствы*, л. 57 (ср. *государства*, л. 57 об, 58); — П. и бум. П. В. — *болоты*, *бревны*, *вароты* (VI, 171), *деревьи* (ib. 35), *колесы, копьи, писаніи, письмы* (I, 17, ср. *письма* ib. 35), *ситы, сукны, сѣдлы, точилы, теслы* (III, 238), *ядры*, *ярмы*;[1] — Кантем. — *леты* Сат. I, 174 (при 9 сл. *лета*), *чреслы* Сат. V, 7;[2] — Ломоп. — не соответ-

---

[1] Здесь же формы *войски* (V, 148), *облаки* (ib. 167), о которых см. выше.

[2] Здесь же единично *правы* в рифме с *нравы* Сат. IV, 47, ср. обычное *права* Сат. I, 145 II, 299 IX, 168.

ствует ли Царь морской Нептуну, *чуды* его тритонам? Др. Росс. Ист. (V, 335); — Сумарок. — *вороты, гнезды* (р. *звезды*), *леты* (р. *советы*), *чернилы, чувствы, мученьи, сокровищи*; — В. Майк. — *житы, недры, окны*; — Капн. — *колены* (р. *члены*), *леты, румяны, царствы, чады, чернилы*; — Княжн. — *блюды, веслы, вороты, лицы* (р. *птицы*), *чудовищи*; — Озер. — *правы* Яр. и Олег III, 4 (ср. трижды в рифмах с *правы, отравы, расправы* — Дм. Дон. II, 1, III, 2, Яр. и Ол. III, 3; ср. *правá* Дм. Дон. II, 2); — Судовщ. — *прáвы* Несл. д. II, 3 (ср. *правá*, Оп. иск. XVII), *пузы* Несл. д. III, 15; — *Аблесим.* — *ребры* Сч. по жр. VIII, *жилищи* (р. *пищи*) Ск. I Кит.; — Держ. — *блюды, брашны* (р. *страшны*), *бревны, гумны, жалы, железы* (р. *слезы* I, 425 IV, 232), *заревы, зерцалы, знамены* (р. *стены, зеленый* II, 294 IV, 156), *крылы* (р. *силы* I, 90), *лицы* (III, 87, 321 IV, 338, 501 — все случаи на концах стихов), *леты* (III, 187, 337 — на концах стихов), *перлы* (IV, 374 bis, ср. *перла* I, 167), *правы, пузы* (I, 175), *пятны* (р. *невероятны* IV, 201), *ребяты* (I, 490 III, 418 — оба случая в р.: *солдаты*), *светилы* (р. *могилы* II, 417), *селы, солнцы* (I, 131, 149, 193, 370 II, 340, 407 III, 101 131 — ср. у Ломон.: Несчетны *солнца* там горят I, 109), *тенеты, черёвы, чуды, ядры, листьи* (р. *птичьи* I, 156), *поприщи*; — Фонв. — *блюды, бельмы, креслы, леты, правилы, правы, чудовищи, блаженствы, обстоятельствы* bis, *свирепствы, таинствы, достоинствы, известии, объятии*, мои *попечении, наставлении, нещастии, страдании, мученьи, желании, подозрении, веселии, старании*; — Болот. — *долоты, дулы, куревы, письмы, тенеты* (I, 127, 133, ср. *тенета* ib. 127), *чернилы, яйцы, ручательствы, обстоятельствы, вороты, леты, селы* и др. (Лобов, Из ист. 172); — Радищ. — *болоты, белилы, письмы, полотенцы, правилы, чернилы, чувствы* (дважды I, 119, 121, ср. *чувства* ib. 119), *яствы, гонении, сложении, разделении, селении*; — Чулк. — *бедствы, ведры, веслы, вороты, знамены, перилы, полотны, робяты, тениоты, чувствы*; — Трутень — *румяны, белилы, сурмилы, умываньи* (л. 24); — Карамз. — *светилы, зерцалы* (оба случая на концах

стихов I, 185, 208), *вороты, яйцы, румяны, чучелы* (II, 18, 25, 61 и др.); — Жук. — *жалы, знамены, кадилы* (р. *могилы*), *крилы* (р. *силы*), *леты* (трижды, все случаи в рифмах: *обеты, поэты*), *светилы, паникадилы, перилы, селы* (4 сл. в рифмах: *Филомелы, запустелы, долы, стрелы*; ср. *села* Пев. во ст.), *солнцы* (дважды, Аббад.); — Бат. — *брагины, вины* (р. *апельсины*, К Ж-му), *гнезды* (р. *звезды*, Мои пен.), *кадилы* (р. *силы*, Переход через Р.), *креслы, лицы* (р. *столицы*, Шаликову), *окны, перилы, стойлы, ядры, яствы*; — В. Пушк. — *яйцы* (Стар. и бог. истина); — Вяз. — *жалы* (р. *журналы* III, 122), *румяны* (ib. 151), *яйцы* (в прозе, Лобов, Из ист. 172); — Гриб. — *белилы* (р. *милы*, Г. от у. II, 12), *вороты, леты* (р. *приметы*, ib. III, 14), *окны, перилы, письмы, ребяты* (р. *святы*, ib. III, 3), *фортепьяны* (Мол. супр. I), *чернилы, яствы* (ср. рифму: *приятства*, Письмо из Бр.-Лит. 1814), *зельи* (Г. от у. I, 2, муз. сп.), *подмастерьи* (р. в *безверьи*, ib. III, 21); — Дельв. — *колены* (р. *Камены*, Музам), *леты* (р. *поэты*, Романс); — Пушк. — *белилы, веслы, вороты* (р. *заботы*, Подр. дней, 1827), *жалы* (р. *малы*, Ушаковой, 1829), *железы* (р. *слезы*, Ода вольн., 1820; Кавк. пл. II, 1821; Ист. с. Гор.), *знамены* (р. *Беллоны*, Орлову, 1819; ср. *знамена*, Война, 1821), *колесы, копыты* (р. *омыты*, Опричн., 1828), *крылы* (р. *могилы*, Мечтат., 1815), *леты* (трижды в рифмах: *приметы, обеты, лорнеты*, Прим., 1822; К Языкову, 1824; Е. О. VII, 50), *письмы, ребяты, стойлы, челы, чернилы* (р. *могилы*, К др. стих., 1814); — Гог. — *монисты* (Майск. ночь I, V; ср. ед. число: на шее *монисто*, Ночь перед Р.), *перилы, сушилы, солнцы* (Мерт. д. VII), *гумны, сукны, кресла* (Лобов, Из ист. 128); — Язык. — *вины, перилы, крылы* (р. *силы*, Мое уед.), *железы* (в конце стиха, Песнь барда); — Подолинск. — *вороты, крилы, селы, леты* (р. *раздетый*, Чарод. весы), *солнцы* (Нищий); — Козл. — *лицы* (дважды в рифмах: *денницы, девицы*, Пилигр., Сел. сиротка); — Барат. — *блюды* (р. *груды*, Пиры), *леты* (р. *приметы*, Любви прим.), *лицы* (р. *столицы*, Тел. и Макар); — Вульф — *колесы, лицы* (дважды, ср. *лица*, с. 29, 160); — Лерм. — *бельмы, вины* (дважды в рифмах: *судьбины*,

долины, Арсеньеву, Демон), *знамены* (р. *батальоны*, Спор), *леты* (4 сл. все в рифмах: *согретый*, *корсеты*, *эполеты*, *поэты*, Измбей, Сашка, Маскар. I), *паникадилы* (р. *могилы*, В Воскресенске), *перилы* (р. *силы*, *унылы*, Баллада, 1832, Сашка), *румяны* (р. *обманы*, Поэт); — Крыл. — *гнезды*, *копыты*, *полотны* (р. *негодны*, Паук и пч.), *утяты*, *цыпляты*, *ягняты* (р. *плоховаты*, Вороненок); — Ерш. — *кольцы* (дважды), *копыты* (р. *обиты*), *корыты*, *стойлы*; — Одоевск. — *дивы*, *монисты*, *румяны* (Кн. Мими; ср. *румяна*, Ск. о том, как...), *яйцы*; — Акс. — *белилы*, *румяны*, *коромыслы*; — Некр. — *вороты* (р. *работы*), *ребры* (в рифме), *паникадилы*, *глазищи*, *усищи*, *тернии*; — А. Тлст. — *копыты* (р. *не шути ты*, Чужое горе); — Тург. — птичьи *чучелы* (О. и д. XX); — Гонч. — держась за *перилы* (Обр. IV, гл. 9); — Лейк. — Тетенька, я за *вороты* выду, Наши пит. V, что так зря *горлы*-то драть? Апр. II, другому дураку хоть бы пес, да *яйцы* снес Рукоб. I, 2, А вот это всё ее *платьи*, Наши пит. VIII; — Дост. — *голчаты* (Бесы, 202); — Гл. Усп. — *перилы* (дважды, с. 17, 237), *ребяты* (с. 216); — Л. Тлст. — *болотцы* (Письма 1848—1910 гг., с. 15), *девчаты* (Дьявол XII), *перилы* (В. и м. I, 2, гл. 8); — М. Горьк. — эх-ма, люди добры, пожалейте ваши ручки, не ломайте мои *ребры* (Трое), *глазищи* (Лето), *козлищи* (ib.); — Чех. — *усищи*-то какие у паршака! (Кот).

В отношении приведенного материала следует прежде всего отметить слабое проявление форм на *-ы*, *-и* до Петровской эпохи (ср. между прочим, полное отсутствие этих форм в Улож. А. М.): в этом несомненно сказалась традиционная сила архаического правописания. Петровская эпоха является новой эпохой как в судьбах русской жизни вообще, так и в течении развития литературного языка. Прежний уклад литературного языка, тянувший к старине, обновляется, теснее связываясь с живою речью, ближе идя на встречу к течениям из народного языка, неуклонно стремившегося к проникновению в оборот литературной речи. Сам Петр Великий достаточно ярко отразил этот

новый этап в жизни литературного языка в различных отношениях, и в интересующем пункте в частности он не убоялся нарушить старую традицию письма введением в письменный оборот большого количества форм на *-ы*, *-и*, непосредственно взятых им из собственной живой речи, московской в своей основе. Не может далее не поразить факт полного отсутствия этих форм у Ломоносова (единственная у него форма *чуды*, быть может, есть образование от ед. *чуда*, как существительного ж. рода?) рядом с богатой наличностью их у Сумарокова. Сумароков был москвич, Ломоносов — яркий северянин. Перед нами таким образом чрезвычайно красочное указание на несомненность разнородных струй, направлявшихся в прошлом в литературный язык и руководивших его развитием. Эти разнородные, в своем существе диалектические, внедрения привносились в язык, в различных степенях и направлениях, и в последующее время различными писателями, особенно осложнив в результате самый состав языка. Но сам Ломоносов, не отражая в своих сочинениях форм на *-ы*, *-и*, конечно, опирался не только на свою собственную, холмогорскую речь, и в этом смысле в данной черте перед нами не только специфический диалектизм Ломоносова. Ломоносов, законодатель-грамматик, отразил несомненное наличие борьбы в его время различных течений за преобладание в литературном языке, течений именно двух — нового «северного» и старого «московского». Ломоносов явился защитником первого течения. Он оказался не одинок. Несколько позднее у другого грамматиста, у Барсова, мы видим такое же категорическое отношение к формам на *-ы*, *-ы*, которые признаются неправильными — «по деревенскому выговору» (т. е. по-московски). Ср. РФВ. 51, 149. Авторитет Ломоносова и Барсова несомненно сыграл свою роль. Не в том смысле, что согласно их грамматическим правилам формы на *-ы*, *-и* оказались изъяты из литературного употребления. Этого не произошло; произошел, напротив, весьма широкий рост этих форм под пером индивидуальных писателей.

Однако личный пример Ломоносова и его с Барсовым грамматические правила узаконили возможность употребления в литературном языке не одних «московских» форм на *-ы*, *-и*, но и форм на *-а*, по крайней мере для писателей северян по происхождению, знавших мало или вовсе не знавших в своем языке подобных форм на *-ы*, *-и*. Это обстоятельство ярко свидетельствуется приведенным материалом. Ряд писателей, очевидно, не имевших в собственной живой речи форм на *-ы*,*- и*, употребляют почти исключительно лишь формы на *-а*. Таковы, напр., Вяземский, Дельвиг, Баратынский, Языков, Некрасов и др. Напротив, ряд писателей южновеликоруссов, или смежных с южновеликорусскою территорией областей, где в живой речи посейчас употребляются данные формы на *-ы*, *-и*, отражают с особенной широтой их в своих произведениях. Ср. в особенности Фонвизина, Державина, Жуковского, Пушкина, москвичей Грибоедова и Лермонтова и др. С половины прошлого века формы на *-ы*, *-и* идут в литературном употреблении заметно на убыль. И причина этого не только во влиянии грамматик, вообще игнорировавших существование этих форм в языке (как, между прочим, и форм родительного-местного на *-у*), но и в несомненном общем проникновении северновеликорусской стихии в «московские» устои прежней литературной речи. Поэтому в современном литературном языке данные формы вообще отсутствуют, а если встречаются, то являются либо редкими диалектизмами (напр. у Тургенева, Л. Толстого и др.), либо принадлежат стилизованной (просто) народной речи (напр. у Лейкина, Чехова, М. Горького и под.).

Рассмотренные формы им. мн. на *-ы*, *-и*, закономерные, как указано, лишь от имен существительных с ударением не на окончании, в диалектическом употреблении оказали частичное воздействие на слова с неподвижною ударяемостью на флексии, вызвав у них появление соответственных форм на *-ы́*, *-и́* (ударяемые). Таковы следующие примеры: *Вины́*, мяды́ все павыпила Щигр. (РФВ. 10, 134—5); — им. мн. *гумны́* (при *гу́мны*)

Сузд. (Черныш. 25); — На козлах висят *кольцы́*, на кольцах котлы Иркут. г. (Ж. С. XXIII, 1, 57), Выломал да все злацёные *кольцы́* Белоз. (Бр. Сокол. 355); — А Галау́ню *капаты́* (т. е. копыта) — у яго уси клапаты́ (из песни) Смол. г. (Добров. 342); — Господа, снимайте ваши *пальты,* — сказал строго лакей Чех. Припадок II, — *пальты́* Моск. (Черныш. 41) Балахн. (Ж. С. XX, 1, 39) Семен. (Изв. Нижег. У. II, 359) Симб. (Мотов. 11), — ср. *по́льты* Мещов. (пр. 41, 1) Курск. г. (Хал. 6) Дон. (Сол. 5, 11), *па́льта* Холмогор. (пр. 50); — им. мн. *полі́* Ельинн. (в песне, Добров. 649); — *правы́* Егорьев. (Шахм. 215); — *салы́* (от *са́ло* = небольшой плот из бревен) Котельн. (Зел. 139); — *склы* Дон. (Сол. 10); — *сяны́* нынчи плахе́я Смол. г. (Добров. 899); — Ты распечатай да сахарные *усты́* Кирил. (Бр. Сокол. 396).[1] Собственно влияние форм им. мн. на неударяемые *-ы*, *-и* отразилось лишь на части приведенного материала; таковы формы — *пальты́* (ср. *по́льты*), *склы* (ср. *стёклы*), *правы́*, *сены́* и *усты́* (под общим влиянием прочих образований на неударяемые *-ы*, *-и*). Остальные примеры содержат перенесение ударения с основы на окончание в условиях ритмической речи. Есть следы данных форм и в литературном языке. Так слово *судно* имеет в им. мн. форму *суды́* при современной форме *суда́*. Однако, по своему происхождению эта последняя форма есть образование от первоначального имени существительного *судъ*, имени муж. рода (ср. *со-суд*). Как свидетельствует сербское су̑д су̑да, также чешское súd (с краткостью), слово имело исконную ударяемость на основе, при том нисходящего типа. Поэтому закономерной от него старой формой мн. числа была форма *суды́* (заменившая первоначальную форму им. мн. *су́ди*), которая сама должна была далее замениться новообразованием на *-а́* (*суда́*). Последняя форма соответствует современной литературной форме — *суда́* (ср. ее уже в Улож. А. М. IX, 13). Рядом сохранялась и ее предшественница — форма *суды* (ср. ее в Гр. 1699 г.,

---

[1] Сюда же, повидимому, относится мн. ч. *жерделі́* от ед. *жерделе́* (= название абрикос) Дон. (МАН. 47).

А. Кал. II, 738, в П. и бум. П. В. I, 11, 12 и др., в Перв. Рус. Вед. — с ударением из старой формы им. мн. — буде они пропустят *су́ды* его, с. 142, также в народной песне — И затопит *суды* гостиныя Мцен., Безс. I, 285). Таким образом форма *суды́* (при современном им. ед. *судно*) не принадлежит по существу к рассматриваемой группе фактов им. мн. на *-ы́*, *-и́* от имен ср. рода, засвидетельствованным приведенным выше диалектическим материалом. К ним все же и из литературного языка можно привести параллельные факты, но лишь в виде единичных форм. Таковы формы: *воровствы* в журн. Трутень 1769 г., л. 30; *мастерствы, торжествы* из Болотова (Лобов, Из ист. 172). Форма *мастерствы́,* между прочим, отмечена и в моск. диалекте (Черныш. 81).

Можно, наконец, в заключение еще привести диалектические формы им. мн. *сыновьи́* Меленк. (пр. 247) Обоян. (РФВ. 38, 115): окончание *-овья́* этой формы, ассоциируясь с подобным же окончанием в словах ср. рода на *-ье*, также в новообразованиях на *-ья*, оказалось замененным через *-овьи́* под влиянием отмеченных рядов форм им. мн. на неударяемые *-ы*, *-и* (в частности на *-ьи*). Ср. в Меленковском у. рядом с приведенной формой *сыновьи́* также им. мн. *бра́тьи, поя́сьи, ко́льи, сту́льи.*

Имена существительные на *-ин*, склонявшиеся в старом языке в ед. числе по основам на *-о, во мн. числе представляли иную основу, без осложнения ее суффиксом *-ин-*, и шли в склонении по категории имен на согласные. Согласно с этим форма им. мн. у них оканчивалась на *-е* (*бояре, горожане*). В современном литературном языке нормой служат эти же формы на *-е*. Рядом однако и в самом литературном языке, особенно же в говорах, существуют иные варианты этой формы, позволяющие думать, что нормальные литературные формы на *-е* сохраняются в языке как отзвук книжного влияния. В старом русском языке судьба этих форм на *-е* должна была совпасть с указанной выше судьбой флексии *-ове*. То-есть формы типа *бояре, горожане* должны были фонетически перейти в *бояря*, *горожаня* с одной стороны, или,

при сопутствующем аналогическом влиянии ряда прочих падежей, в которых конечный согласный основы являлся непалатальным (род. *бояръ, горожанъ*, дат. *бояромъ, горожаномъ*, вин. и тв. *бояры, горожаны*), в *бояра, горожана* с другой стороны. Кроме того, по свидетельству памятников (Шахм. III, 420), данные формы рано подверглись влиянию со стороны основ на *-о, еще в ту пору, когда у последних сохранялось первичное окончание в им. мн. *-и*,[1] в связи с чем явились новые образования им. мн. *бояри, горожани*. Последние же формы, в эпоху позднейшего общего замещения во мн. числе именительного падежа винительным, должны были таким образом замениться формами *бояры, горожаны*. Все указанные разновидности старых форм интересующей категории существительных частично сохранились до настоящего времени, отчасти в литературном языке, особенно же в диалектической речи. Для удобства рассмотрения материала образования на *-анин*, как особенно широко распространенные в языке, выделяются в особую группу. Помимо этой группы сюда принадлежат главным образом формы слова *боярин* (*барин*). Современный язык знает следующие разновидности формы им. мн. от этого имени существительного:

1) *бара* — Я знаю ведь, каковы *бара*! Княжн. Скупой VI, Лейк. Бирж. арт. X. В качестве литературной формы эта форма означается Востоковым (Гр. 35) и Буслаевым (Ист. гр. 229). В диалектах форма свойственна и с к л ю ч и т е л ь н о с е в е р н о - в е л и к о р у с с к и м говорам: Онеж. (пр. 41) Вытегор. (пр. 29) Петроз. (пр. 13, 30, 34; Пономарев, 15) Волог. (пр. 82) Грязов. (пр. 36) Кадник. (пр. 25, 26) Никол. (пр. 366) Сольвыч. (пр. 193) Тотем. (РФВ. 18, 239; Брок 121) Ярен. (пр. 194) Белоз. (Тр. МДК. II, 60) Кирил. (Бр. Сокол. 258) Устюж. (пр. 195) Черепов. (Ерем. 31) Полин. (пр. 52, 68) Малмыж. (пр. 79) Орл.-Вят. (пр. 37) Слобод. (пр. 141, 222) Шадр. (С. Обнорский) Весьегон. (Тр.

[1] Приведенные формы дат., вин., тв. *бояромъ, горожаномъ, бояры, горожаны*, явились под тем же воздействием первоначальных имен с основами на *-о.

МДК. II, 157). — Ср. *бояра* — Восток. и Бусл. (ibid), Живоп. 1772, л. 15, Трутень 1769, л. 14, Держ. IV, 117, 118, 144 (ср. *бояре* IV, 160), Чулк. I, 219, 236, 677, 679 (ср. *бояре*, с. 677), Бат. I, 92. В народном языке форма также почти исключительно известна из северновеликорусской области: Арханг. г. (Марк. I, 77; Кир. IV, 6; Майк. Закл. 563) Онеж. (Кир. III, 44; Ист. 19; Гильф. 165, 872 и др.) Печор. (Ончук. Ск. 70, 135, Был. 17, 30) Шенк. (Кир. II, 67, 83 III, 19; Ж. С. XIII, 3, 506) Уж вы *боя́ре-бо́яра* Каргоп. (Колос. Зам. 147; Рыбн. II, 9; Гильф. 1302) Петроз. (Ист. 57; Гильф. 316 и др.; Рыбн. II, 71 и др.) Повен. (Гильф. 125) Пуд. (Манс. 157; Рыбн. II, 288, 294 и др.) Вельск. (Э. С. V, 40; Смирн. I, 179) Волог. (Ж. С. VIII, 241) Никол. (Э. О. 1900, 2, 110) Сольвыч. (Ж. С. VI, 1, 81) Тотем. (РФВ. 18, 239) Борович. (Ж. С. V, 3, 450) Белоз. (*бо́яра* при — *боя́ре*, Колос. Зам. 24) Кирил. (*боя́ра*, Бр. Сокол. 264, 274) Устюж. (пр. 28) Варнав. (Э. О. 1909, 4, 102) Макар. (пр. 56) Котельн. (Э. С. V, 82; Шейн I, 330) Котлас. (Тр. Вят. Пед. И. III, 75) Нолин. (Варенц. 60) Яран. (Смирн. I, 424) Орл.-Вят. (пр. 63) Екатеринб. (Рыбн. II, 231) Красноуф. (Шейн I, 354, 357) Чердын. (РФВ. 6, 180; Перм. Сб. I, 2, 60) Шадр. (ib. 124) Казан. (Варенц. 62) Мамадыш. (МАН. 59) Великол. (Шейн I, 312) Холм. (пр. 54, 159) Моск. Кир. VIII, 64) Сызран. (Безс. I, 515) Дон. (Харузин I, 149) Тобол. г. (Майк. Закл. 572) Минус. и Канск. (Ж. С. XIII, 3, 323) Енис. (Селищ. 83) Колым. (Богор. 213); ср. постоянное *бояра* у Кирши Дан. 5, 11, 23 и т. д. — Ср. *боляра* Владим. г. (при *боляры*, Кир. VI, 55), также в рукоп. былине записи XVIII в. (Тих. и Милл. 32).

2) *баре* — Из мужиков в *баре* выводить, — глупо. Ф. Соллог. IX, — *баре* Солигал. (Ж. С. VII, 3, 458) *баре* и *баря* Буйск. (ib. V, 3, 411) *баре* Покров. (пр. 244) Нижегор. г. (Кир. VIII, 37). — Ср. *бояре* общелит. (Котош. 5 об, Чулк. I, 408), — *бояре* при *бояра* Онеж. (Гильф. 1099, 1100) Олон. (Ж. С. III, 1, 132) и др.; ср. *бари* Бугп. (пр. 57) Карсун. (пр. 67) Остров. (пр. 33) Мещов. (Черныш. 161; *бояри*, пр. 267) Ворон. (Дикар. 79).

3) *бари* — Скажи, как поживают твои *бари*? Княжн. Неуд. пример. II, 4. — Ср. *бояри* Онеж. (при *бояра*, Гильф. 731, 1059).[1]

4) *баря* — *баря* в долгах Снегир. 408, — *баря* Кинеш. (пр. 66) Котельн. (пр. 46) Малмыж. (пр. 103) *баря, барь, барям* и т. д. Кашин. (Смирн. 84) Тобол. г. (Майк. Закл. 572) Лихв. (Кир. IX, 419), — ср. *барям, в барях* Аблесим. Мельн. I, 11, — *барями* Владим. и Меленк. (МАН. 21, 22). — Ср. *бояря* — П. и бум. П. В. I, 228, знатные *бояря* Фонв. Посл. к сл. моим, Чулк. I, 430, 441, — *бояря* Пуд. (Рыбн. II, 294) Нижег. г. (Кир. II, 93 III, 32 V, 36 VII, 169) Жиздр. (РФВ. 49, 323) Обоян. (Э. С. V, 61) *баяря, баярям* Судж. (Хал. 252, 232; Резан. 319) Щигр. (РФВ. 3, 130, ср. здесь же дат. *ба́ярам*; Хал. 61; РФВ. 5, 260) Землян. и Задон. (Трост. 64) Алтай (Кир. I, 56) Томск. г. (Пам. вяр. н. 105);[2] ср. *боярья* Рязанск. г. (Чернышевка, Ж. С. IV, 2, 288).

5) *бары* — Яран. (пр. 59) Самар. (пр. 40) Тобол. г. (пр. 21) Медын. (пр. 263). — Ср. *бояры*[3] Держ. III, 45 IV, 385, Барат. Бал, — Арханг. (Ж. С. XIII, 3, 300) Петроз. (Гильф. 718, 872 и др.) Пуд. (Тих. и Милл. 14) Белоз. (Бр. Сокол. 407) Валд. (Кир. III, 2) Яросл. г. (Якушк.) Холм. (Ж. С. XXIII, 3, 315) Осташ. (Кир. VII, 7) Боровск. (ib. 24) Клин. (Черныш. 63) Моск. (id. 114) Руз. (Дурново) Нижегор. г. (Нижег. Сб. IV, 219) Алтай (Кир. I, 66) Барнаул. (Тих. и Милл. 5) Иркутск. г. (Ж. С. XXIII, 1, 63). — Ср. *боляры* (при *боляра*, Кир. VI, 55).

К означенному типу склонения принадлежат еще слова *татарин, болгарин*, только от них сохранились не все разновидности форм, отмеченных для имени существительного *боярин*. Известны: 1) старые формы на *-е*: *татаре* Ломон. V, 206, 275, 279, Чулк. I, 167, М. Горьк. Матв. Кожем. II, Бун. Дер. I, —

---

1 Подобного образования, видимо, форма *жйди* (= лесные черти). Колым. (Богор. 51) — от старого им. ед. **жидинъ?*

2 Ср. *бояря* в гр. 1433 г. (РФВ. 27, 179), 1479 г. (А. Кал. I, 79), 1546 г. (Арх. Строева I, 271), 1582 г. (ib. 585), 1611 и 1612 гг. (А. Кал. II, 528, 683; в посл. XVII в. — бочка стонетъ *бояря* пьютъ (Сим. 190), также в былинных записях XVIII в. (Тих. и Милл. 32, 47).

3 Ср. укр. *бояри*, напр., у Шевч. II, 94.

Петроз. (Гильф. 827) Костр. (Виногр. 57) Солигал. (Ж. С. VII, 3, 458) Ельнин. (Добров. 904) Мещов. (пр. 267; Черныш. 161 — *татáри*); *болгаре* Ломон. V, 304, 320.

2) Формы на *-а*, являющиеся типичными северновеликорусскими формами, известные и в литературном употреблении: *татара* никогда в Российских городах столицы не имели Ломон. V, 168, 206, 275, 279, Радищ. Зап. пут. в Сиб., Лейк. Сивая бор. I, М. Горьк. Хозяин, М. Кожем. II, — Онеж. (Гильф. 898, 929, 1283) Петроз. (ib. 454, 491, 539, 601) Повен. (ib. 101) Пуд. (ib. 241; Рыбн. II, 169, 294) Холмогор. (пр. 50) Шенк. (Манс. 110) Грязов. (Тр. МДК. III, 77) Тотем. (Брок 121) Пошех.-Волод. (Тр. Яросл. Пед. И. II, 3, 47) Котельн. (Зел. Ск. 136) Колым. (Богор. 195, 196), та же форма у Кирши Дан. 49, 87, 103, 107; *болгара* Холмогор. (пр. 50).

3) Формы на *-ы*, нередко чередующиеся с формами на *-а*: *татары* Рел. 1739 г. (Ломон. I, прим. 80; ср. здесь же *татара* в значении собирательного имени, с. 81), Чулк. I, 461, — Онеж. (Гильф. 1258) Петроз. (ib. 491, здесь же — *татара*) Черепов. (Ерем. 31) Руз. (Дурново) Остров. (пр. 38) Медын. (пр. 263) Судж. (Резан. 246), та же форма у Кирши Дан. 49, 107; *болгары* Ломон. V, 321.

По образцу этих имен на *-арин* стали склоняться и некоторые другие слова, не содержавшие суфф. *-ин*, но развившие в именительном мн. рядом с формами на *-ы* параллельные образования на *-а* и на *-е*. Сюда принадлежат некоторые имена существительные, содержащие в исходе основы плавный согласный, обыкновенно *р*, и являющиеся по значению или племенными названиями или наименованиями поселенцев известных местностей и под. Ср. 1) им. мн. *козаре* Ломон. V, 161, 317; *богатыре* Олон. (Ж. С. III, 1, 132); — 2) *янычара* и *янычары* Рел. 1739 г. (Ломон. Соч. I, прим. 80), *янычара* Курган. 670; *Холмогорá*, *Матигорá* Холмог. (пр. 50), *Ундозёра*, *Салмозёра* и *Ундозеры*, *Салмозеры* Пуд. (Манс. 157), *старосёла* Грязов. (Тр. МДК. III, 77). Последний тип форм (на *-а*) находится в очевидной связи

с старыми собирательными на *-а*, отчасти еще сохранившимися в значении собирательных имен, отчасти перешедшими в категорию имен со значением множественности, т. е. ставшими формами им. мн. числа. Ср. как собирательные *комара́, корела́* Весьегон. (Тр. МДК. II, 158), *черкаса́* Дон. (пр. 42, 2); в старом литературном языке — а будетъ на русьскихъ людехъ учнутъ искать *Литва*, или нѣмцы, или тата́ровя Улож. А. М. XIV, 2, татаровя и *мордва* ib. XVI, 41, а которые князи, и мурзы, и татаровя, и *мордва*, и *чювашa*, и *черемиса*, и вотяки крестилися ib. 44, татаровя и *чювашa* Котош. 137, всё *чювашa* Радищ. Дн. пут. из Спб. В данной форме слова могут являться и в значении множественном: *чувашa* хотя сто человѣкъ *сойдутся* всѣ вдругъ Посл. XVII в. (Сим. 2631), *мордва*-то *завалились* хлебом-то Инсар. (пр. 231), живущие на востоке (Яран.) уезда *черемиса* не *носят* сороку Зел. 83. Отсюда возникновение разновидности форм на *-ы, -и*, как *черемисы, чуваши* Радищ. Дн. пут. из Спб. (II, 382, 387), Зап. пут. в Спб., нагайцы и *черкасы*... никакого убытка да не наносятъ П. и бум. П. В. I, 373.

Совершенно одинакова с рассмотренными типами образований именительного мн. от имен на *-арин* картина соответственных форм на *-анин*. Нормальная (правописная) форма их оканчивается на *-ане*: *дворяне, крестьяне* Котош. 5 об, 187 об, ср. Ломон. Росс. Гр. § 192; *дворяне* Чулк. I, 236, *семьяне* Салт. II, 45, и под. Эта форма, очевидно, сохраняется из старины по книжной традиции. В народном языке она почти отсутствует, ср. редкие примеры этого типа форм в народном языке, напр. *крестьяне* (при — *крестьяна*) Олон. (пр. 29), *залешане* Пуд. (Рыбн. I, 76) и др. В народном языке обычны: а) в северновеликорусских говорах формы на *-ана: поежжана* Кем. (Ончук. Ск. 147) *горожана, дворяна, миряна, пинежана, кресьяна* Шенк. (Манс. 110; пр. 235; МАН. 8; Бусл. О препод. отеч. яз. 349) *новгородчана, граждана, заморяна, вавилоняна, киевляна, крестьяна, мещана, поселяна* Онеж. (Гильф. 215 и др.; Рыбн. III, 119) Печор. (Ончук. Был. 17 и др.; МДК XI, 21) Пинеж. (ib. 8) Вытегор. (пр. 22)

Каргоп. (Колос. Зам. 204) Олон. (пр. 29) Петроз. (Барс. I, 130 и др.; пр. 13, 30, 34; Ончук. Ск. 303; Рыбн. II, 252 III, 336; Тих. и Милл. 224; и др.) Повен. (Гильф. 29; Рыбн. IV, 76) *поволжана, миряна, двиняна, вагана* (ср. р. *Вага*) и др. Пуд. (Манс. 157; Рыбн. III, 262) Волог. (пр. 82) Грязов. (пр. 36; Тр. МДК. III, 77) Кадник. (пр. 25, 26) Никол. (пр. 266; Манс. 21 3 Сольвыч. (пр. 193; МДК XI, 108, 112; Ж. С. VI, 1, 81) Тотем. (пр. 198; Брок 121) Ярен. (пр. 194) *крестьяна, миряна, горожана, дворяна, мешшана, сваребьяна* Белоз. (Тр. МДК. II, 60; Бр. Сокол. 23, 351) Кирил. (ib. 188, 245, 286) Устюж. (пр. 28, 195, 199) Тихв. (Оп. обл. слов. 14) Черепов. (Ерем. 31) Буйск. (пр. 18; Ж. С. V, 3, 411) Варнав. (МДК XI, 177; Э. О. 1909, 4, 102) Кологр. (рядом формы на *-не*, пр. 61) Макар. (пр. 56; МДК XI, 172) Ром.-Борисогл. (Кузн. 7, 23) Солигал. (Ж. С. VII, 3, 458) Вят. (МДК XI, 119; Зел. Ск. 334) Глазов. (МДК XI, 120) Котельн. (ib. 177, 220; пр. 35, 46) Малмыж. (пр. 38, 79) Нолин. (пр. 52, 68) Орл.-Вят. (пр. 37, 63; МДК XI, 125) Слобод. (пр. 32, 141, 222; Зел. 75) Яран. (пр. 59) Пошех.-Волод. (Тр. Яросл. Пед. И. II, 3, 47) Рыбин. (Тр. МДК. II, 110) Охан. (С. Обнорский) Шадр. (id.; Перм. Сб. I, 2, 182) Кашин. (*мещана* и *мещаня* и проч., Смирн. 84) Твер. (*хрестьяна* при *мещаня* и проч., АГО. XLI, 46) Краснококш. (МДК XI, 150) Егорьев. (*крестьяна* при *крестьяны*, Шахм. 215) Брян. (стар., Тихан. 55) Сибир. (Даль LX) Акмол. (пр. 75) Барнаул. (С. Обнорский) Тобол. г. (пр. 21) Енис. (Селищ. 83) Нерч. (МАН. 181) Колым. (Богор. 10, 298, 334). Ср. у Кирши Дан. — *крестіяна, дворяна*, 79, 124. Формы известны из старого актового языка, ср. *крестьяна, прихожана* в грамотах 1669, 1679, 1683 гг (А. Кал. I, 531 III, 6, 199, 345, 491); не чужды были они и литературному языку: *колофоняна, хиана, саламиняна, смирняна, афинеана* (при — *афинеане*), *египтяна, россияна* у Ломон. III, 165, 229, 258 и др., *дворяна* Чулк. I, 701, *славяна* Держ. IV, 60 *дворяна* Ерш. II. Замечательно, что Ломоносов, рекомендовавший, как выше отмечено, в своей грамматике формы на *-ане*, в собственных произведениях дал такое большое количество форм на *-ана*.

Здесь яркая, отраженная Ломоносовым, живая его диалектическая черта. Об этих же оброненных диалектизмах свидетельствуют приведенные спорадические примеры форм на *-ана* из Державина и особенно из Ершова.

б) Формы на *-аня* свойственны преимущественно средневеликорусской полосе и южновеликорусским говорам: *крестьяня* Кинеш. (пр. 66) Костр. (пр. 44) Малмыж. (пр. 103) Сузд. и Юрьев. (Черныш. 8, 14, 19) Кашин. (Смирн. 84) Твер. (АГО. XLI, 46) *огаряня* Клин. (Безс. I, 200; Черныш. 31) Моск. (id. 41) Карсун. (пр. 67) Жиздр. (Ник.) Мещов. (Черныш. 73—74) Мцен. (Будде 47) Судж. (Резан. 227) Старооск. (Солод. 127) Щигр. (РФВ. 10, 124) Верхнеуд. (Селищ. Заб. стар. 58); ср. у К. Дан. *дворяня,* 22. Эти формы служили нормальными старыми формами, непосредственно происшедшими на фонетической почве из предков их, форм на *-ане* (ср. выше судьбу форм на *-ове,* давших нормальные образования на *-овя*).[1] Поэтому данный тип форм особенно широко свидетельствуется данными из древнего языка, ср. *горожаня* гр. 1488 г., *хрестьяня* грам. 1490, 1502, 1534 гг., *селчаня* гр. 1579 г. (Арх. Строева I, 74, 88, 104, 227, 586) и многочисленные иные подобные формы в актах позднейшей эпохи (А. Кал. I, 3, 9, 30, 35, 71, 259, 260, 261, 437 II, 52—56, 307, 520, 773, 786 III, 22, 330). Эти формы с другой стороны служили типичными южновеликорусскими формами. Поэтому они именно явились нормальными формами старого литературного языка: *дворяня, крестьяня* Улож. А. М. XVI, 68, 69 XIX, 9, *дворяня, поезжаня, гречаня* Котош. 8, 10, 59 об, 213, *крестьяня, мѣщаня, агличаня* П. и бум. П. В. I, 260, 395 IV, 259, 452 VI, 140, *аглнчаня, гражданя, сапѣжаня* Перв. Рус. Вед. 61, 66, 104. Данный тип форм однако с Петровской эпохой окончил свое существование как нормальных литературных форм, ср.

---

[1] Поэтому, как образования на *-овя* привели к формам на *-овья,* так с типом форм на *-аня* явился вариант форм на *-анья.* Ср. им. мн. *паяжжанья* Мещов. (Черныш. 69), род. *зелешанъев* Пуд. (Рыбн. I, 76); подобного характера отмеченное выше диалектическое — *болрья* (с. 132).

узаконение в качестве таковых начиная с Ломоносова образований книжного типа на *-ане*. И действительно, формы на *-аня* изредка встречаются еще после Ломоносова, но уже как индивидуальная черта отдельных писателей, как их диалектизмы, т. е. южновеликоруссизмы. Таково употребление форм у Сумарокова — *крестьяня, дворяня, славяня* (IX, 279, 314), Фонвизина — *дворяня* Бриг. I, 2, Радищева — *крестьяня*, Зап. пут. в Спб.[1]

в) Третья разновидность форм на *-ани* также чужда северновеликорусским говорам. Трудно сказать, являются ли все эти формы древними по происхождению, т. е. выросшими в условиях влияния старых основ на *-о. В виду ограниченности их распространения пределами лишь южновеликорусской территории (отчасти также полосы смешанных говоров), некоторые формы могут считаться происшедшими непосредственно из форм на *-аня*, с которыми фактически они нередко чередуются в употреблении. Ср. *крестьяни* Бунн. (пр. 57) *хрисьяни* Медын. (пр. 263) Мещов. (Черныш. 18, 161) Зарайск. (колебание форм на *-ни* и *-ня*, Петр. 38) Дмитр.-Кур. (Э. О. 1901, 3, 40) Судж. (колебание форм на *-ни* и *-ня*, Резан. 227, 246).

г) Формы на *-аны*: *поезжаны* Каргоп. (Колос. Зам. 152) *крестьяны* (также *-на*) Малмыж. (пр. 79) Покров. (пр. 244) Судогод. (МДК XI, 59) Чебокс. (Сб. Фортун. 174) Луж. (РФВ. 40, 110) Остров. (пр. 33) Холм. (пр. 54) Бронниц. (Изв. VIII, 1, 364) Руз. (рядом — *мищани*, Дурново) Егорьев. (рядом формы на *-на*, Шахм.) Самар. (пр. 40) Ю.-З. Том. (Э. С. VI, 74) Илим. (Черных, 12). Характерна принадлежность этого типа форм почти исключительно лишь средневеликорусской полосе. В этом отношении можно было бы их считать продуктом слияния исконных северновеликорусских

---

[1] От форм им. мн. на *-аня* дальнейшие косвенные падежи должны соответственно оканчиваться на *-ань*, *-аням* и т. д. Ср. подобное склонение в Кашин. (Смирн. 84), род. *мещань, дворянь*, дат. *мещанян* Мещов. (пр. 41, 1; ср. по Черныш. 161 — дат. *мяшшаням*, но — *пажжанам*, при им. *пыяжжаня*), род. *мишшань*, дат. *мишшаням* Судж. (Резан. 246), дат. *християнам* Крапив. (Изв. III, 1283; Дурново. Диал. раз. I, 98).

форм на *-ана* с южновеликорусскими новообразованиями (согласно пункту *в*) на *-ани*. Формы этого типа засвидетельствованы и для литературного языка, ср. *прихожаны* у Радищ. Пам. дакт. вит. Современный литературный язык, употребляя на письме архаические формы на *-ане*, в живом произношении пользуется именно этой разновидностью флексии *-аны*.

Подобно тому как к именам на *-арин* в образовании мн. числа примкнули некоторые имена на *-(а)р*, так с именами на *-анин* объединились некоторые имена существительные на *-ан*, получившие соответственно в им. мн. форму на *-ане*. Ср. у Ломоносова подобные формы — *алане* V, 275, 287, *роксолане* V, 275. В свое время Пушкин, Крит. зам. (т. V, 127), требовал разграничения форм им. мн. от слов на *-ар*, *-ан* с одной стороны и *-арин*, *-анин* с другой стороны, настаивая на обязательной флексии *-ы* в первой категории слов и *-е* во второй. Поэтому от имени существительного *цыган* он признавал лишь форму им. мн. *цыганы*. Живые нормы языка однако не вполне усвоили это требование теории. И в последующем литературном языке, и в народных говорах, повидимому, широко привилась форма *цыгане*. Ср. ее у Лермонтова (Брандт, Лекции 91), А. Толстого (Ночь перед прист.), Гл. Усп. 49 и др. В народной речи форма звучит в виде *цыгане* редко — Солигал. (Ж. С. VII, 3, 458), обычно же она оканчивается в северновеликорусском на *-ана* — *цыгана* Холмогор. (пр. 50) Орл.-Вят. (пр. 37, 42), в южновеликорусском на *-аня*, *-ани* — *цыгани* Мещов. (пр. 267; Черныш. 161) Ворон. (Дикар. 249), *цигани* и *цыганя* Судж. (Резан. 246), *цыганя* Тул. (РФВ. 10, 35) Старооск. (Солод.). Форма *цыганы* отмечена лишь в показании из Медын. (пр. 263).[1] Подобно слову *цыган* имя существительное *пан* дает аналогичное образование для им. мн.: Туто *пане* приезжали Тобол. г. (Лопар.

[1] Любопытно в угрорусском новообразование *циганйн*, *циганйна* и т. д. в ед. числе, при *цигáни*, *циган* (*циганув*, *циганів*) и т. д. во мн. числе (Верхр. Знад. I, 64).

Самар. 131). Ср. в польском языке им. мн. hiszpanie при ед. hiszpan (Брандт, Лекции 91).

К именам на *-ин* по внешнему виду принадлежит также слово *хозяин*, заимствование из тюркского языка (Berneker E. W. 400), причем неясно, есть ли элемент *-ин-* придаток русского словообразования, или слово целиком покрывается своим источником заимствования. Во всяком случае в образовании мн. числа слово следует туземным именам на *-ин*, отбрасывая этот последний элемент. Так в им. мн. должна была возникнуть форма **хозяе*, откуда фонетически ожидалась бы форма *хозяя* или, по аналогии с основами на *-о, форма *хозяи*. И одна и другая форма сохранились в диалектах, и именно в южновеликорусской области. Ср. *хозя́и* Пореч. и Зубцов. (Попов, Изв. XVIII, 271), Мещов. (пр. 41, 1), *хозяи* и *хозяя* Жиздр. (РФВ. 49, 323), дат. *хозяам* Касим. (Будде, К ист. 334, 162). Форма принадлежала ранее и литературному языку: ее еще знают Дмитриев (*Хозяям* клад был гость такой, см. Бусл. Гр. 230) и Пушкин (И царевна к ним сошла, Честь *хозяям* отдала, Ск. о м. цар.). Рядом возникло новообразование по старым основам на *-u — *хозяеве*, откуда с одной стороны *хозяева*, ср. современную общелитературную соответственную форму, с другой стороны *хозяевя*, ср. отмеченное выше (с. 78) дальнейшее образование от этой формы — *хозяевья*.

Следует, наконец, заметить, что диалектически встречается еще разновидность рассматриваемых форм, именно с сохранением в основе мн. числа суфф. *-ин* и с полным соответственным склонением слов по I типу. Подобные формы однако исключительно принадлежат песенному языку: дат. злым *татаринам* Чулк. I, 564, *шурины* несут дары мне пивом и вином Холмог. (пр. 50), *господины, барины, хозеины* Шенк. (Манс. 110) *татарины, татаринов* Онеж. (Гильф. 1165) Печор. (Ончук. Был. 55, 268, 363) Петроз. (Гильф. 701, 830; Тих. и Милл. 39) *татарины, боярины* Пуд. (Гильф. 337; Рыбн. I, 424 и др.) Владим. г. (Кир. VI, 161) Чердын. (Перм. Сб. I, 2, 98) Смол. (Добров. 904)

Нижегор. г. (Пам. влр. н. 63) Симб. г. (Кир. III, 31 VI, 110) Петров.-Сарат. (ib. VI, 129) *басурманинаф, татаринаф* Егорьев. (Шахм. 215) *хозяины* Брян. (Сб. II Отд. 99, 2, 16) *татаринов* Доп. (Савел. 137) *хозяины́* Кубан. (Ж. С. XIII, 3, 357) Барнаул. (Тих. и Милл. 140) Ю.-З. Том. (Э. С. VI, 93) Енис. (Э. О. 1915, 1—2, 93); ср. еще у К. Дан. — *шуринов, татаринов, бухаринов, черкашенинов,* 14, 15, 88.[1] По поводу данных форм можно указать и на обратное явление — новообразование в формах ед. числа, без осложнения суфф. *-ин-,* обязанное влиянию форм мн. числа, обычно не содержащих данного суффикса. Ср. им. ед. *болгар* Руз. (Дурново, РФВ. 47, 126) Смол. (Добров. 904), Что не князю, не *бо́яру* Колым. (Богор. 221), ср. ед. *басурман,* откуда в род. мн. *басурманов,* напр., у Фонв. Нед. III, 5, 6, Пушк. III, 486, 494.

Старые имена существительные на *-ent в формах ед. числа, как сказано об этом выше, сохранились в незначительных остатках. Кроме слова *дитя,* они в большинстве заменились новообразованиями муж. рода на *-енок,* ср. при старом *жеребя — жеребенок,* при старом *порося — поросенок* и под. Однако во мн. числе сохранялось старое образование форм по ср. роду с осложнением темы суффиксом *-ят-*. Ср. современные формы мн. *жеребята, поросята* и т. д. Наличие в ед. числе новообразованной темы этих слов на *-енк-* (в им. ед. *-енок*) естественно вызвало захождение этой темы и во мн. число с вытеснением ею старой темы мн. числа на *-ят-* и с направлением общего склонения по муж. роду (I тип). Явление это было диалектическим, но в качестве диалектической черты оно проникает в язык писателей. Ср. подходящий материал без разграничения в нем закономерных форм на *-ят-* от новых их вариантов на *-енк-*:

1. *Барчата* Горбун. 12; бочка стонет, *барчата* пьют Ряз. (Э. С. VI, 105). — 2. Ср.: от свиньи не родятся *бобренки,* а всё

[1] Любопытна форма род. мн. *татареней* Онеж. (Убил сорок *татареней,* Гильф. 931) — образование параллельное форме *татаровей,* т. е. предполагающее им. мн. *татариньл,* ср. *татаровья.*

поросенки Салт. I, 156 II, 79. — 3. Ср.: *бесенки* Черепов. (Смирн. I, 315) Кунгур. (ib. II, 741); ср. *бесенята* общелит. — 4. *Волчата* Чех. Белолобый, — *волчатам* Котельн. (Зел. Ск. 31); ср. *волченят* Крыл. Лань и дерв. Ср. *волчонки, волченков* Озер. Волки и овцы, — Кашин. (Смирн.). — 5. *Воробьята* Куприн, Как я был акт., Бун. Ночн. разг. IV. — 6. *Воронята* М. Горьк. Гор. Окуров, — Арханг. (Кир. IV, 47) Бельск. (Добров. 88). Ср. им. мн. *вороненка* Печор. (Ончук. Ск. 22), *вороненки, вороненков* Котельн. (Зел. Ск. 172, 269; Ж. С. XXI, 2, 277). — 7. *Галчата* Дост. 202, М. Горьк. М. Кожем. I, — Ляпшев. (Смирн. I, 437). Ср. *галчонки* Котлас. (Тр. Вят. Пед. И. III, 75). — 8. Род. мн. *гусят* Калуж. (Шейн I, 258). Ср. *гусенята* и *гусенёнки* Кашин. (Смирн. 84); ср. еще форму ед. ч. *гусененок*. Жиздр. (РФВ. 75, 236). — 9. Им. мн. *дитяты* Ворон. (Дикар. 145). Ср. *детенков* Снегир. 422, *дитёнкоф* Пуд. (Манс. 157). — 10. Ср.: всё *ершонки*, множество. Вельск. (Смирн. I, 165). — 11. Молодые *жандарята* Малоарх. (Кир. X, 18 bis). — 12. *Жеребята* общелит. Ср. род. *жеребят*, но при числительных *жеребенков* Судж. (Резан. 247) у кобылы хоть семь *жеребенков*, а ей свой хомут Снегир. 413, *жеребенки* Шенк. (Манс. 110; Ончук. Ск. 183) род. *жеребенков* Олон. (пр. 29) *жырибёнки* Пуд. (Манс. 157) род. *жеребенков* Кадник. (пр. 26) Никол. (пр. 266) Тотем. (пр. 201) Ярен. (пр. 194) Белоз. (пр. 166) 12 *жеребенков* Кирил. (Бр. Сокол. 124) род. *жеребенков* Новгор. (пр. 20) Устюж. (пр. 199) Кинеш. (пр. 66) Кологр. (нередко, пр. 61) Макар. (пр. 56) полтораста *жеребенков* Котельн. (Зел. Ск. 19) в лесу *жеребенки* ревут, род. *жеребенков* ib. (Э. С. V, 82; пр. 35) род. *жеребенков* Нолин. (пр. 52, 68) Орл.-Вят. (пр. 37) Яран. (пр. 59) Остров. (пр. 33) Холм. (пр. 54) *жирибёнки, -ёнкоф* Руз. (Лурпово) *жеребенков* Алатыр. (пр. 32) Карсун. (пр. 67) *жеребенки, жеребенков* Богородиц. (АГО. XLII, 28). — 13. Ср.: род. *жученков* Котельн. (Зел. Ск. 166). — 14. *Зайчата* М. Горьк. Исповедь. — 15. *Зверята* М. Горьк. Анекдот (Рус. Соврем. 1924, 3, 54), — Кирил. (Бр. Сокол. 468). — 16. *Змеята* Кирил. (Бр. Сокол. 368) Екатеринб. (Зел. Ск. 240). Ср. им. мн. *змеята* при-

род. *змеенков* в рукоп. былине XVII в. (Тих. и Милл. 30). — 17. *Козлята* общелит. Ср. *козлёнки* Печор. (Ончук. Ск. 133) Котельн. (Зел. Ск. 350). — 18. *Котята* общелит.; ср. *котиняты* распоўзлись Пореч. (Добров. 354) *кошенята* Ельнин. (ib.). Ср. род. *котенков* Пуд. (Манс. 157) Тобол. г. (пр. 21) им. мн. *котенки* (при им. ед. *котенко*) Ростов. (Волоцк. 10) *котёнки* Котлас. (Тр. Вят. Пед. И. III, 75); ср. еще им. ед. *котенёнок* Луж. (МДК XI, 183). — 19. Тв. мн. *коршунятами* Кир. VII, 1. — 20. Всё *курят* ел. Бун. Вес. двор II, — *куряты* Горбат. (МАН. 105). — 21. *Кутята* Кологр. (пр. 58). — 22. Род. мн. *ланят*, тв. *ланятами* Терск. (Папкр. 57). — 23. Ср. *лебедёнки* Колым. (Богор. 10). — 24. *Лисята* (Черныш. Прав. 71) и *лисенята* общелит. — 25. Тилят-*лисинят* (т. е. лосенят) стала паивать Смол. г. (Добров. 381). — 26. *Медвежата* и *медвежонки* общелит. (по Востокову, Гр. 29), — тв. *медвежатами* при дат. *медведёнкам* Котельн. (Зел. Ск. 31) *медвеженки* Нерч. (МАН. 181). — 27. *Мышата* М. Горьк. М. Кожем. I. — 28. *Негритята* раскупоривали полупудовые жестянки с австралийской солониной А. Тлст. Ибикус (Рус. Совр. 1924, 4, 18). — 29. *Орлята* Вельск. (Э. С. V, 48). — 30. Двое *поварят* разжигали печи А. Тлст. Ибикус (ibid.). Ср. *поваренки* Ерш. III. — 31. Тв. мн. *ослятами* Ю. Сибир. (Майк. Закл. 443). — 32. Им. мн. *пискляты* Пореч. и Смол. (= цыплята, Оп. обл. слов.). — 33. *Поросята* общелит. Ср.: дед чмокнул жену и двух своих, как сам он называл, *поросенков* Гог. Проп. гр., От свиньи родятся не бобренки, а всё *поросенки* Салт. I, 156 II, 79, — 90 *поросенков* Кадник. (Шейн I, 257) род. *поросенков* (также — *поросят*), с 12-тью *поросенкам* Белоз. (Бр. Сокол. 90, 103) двух *поросёнкоў* Кирил. (ib. 188) *поросенкам* Котельн. (Зел. Ск. 58) *поросенки* Котлас. (Тр. Вят. Пед. И. III, 75) Нерч. (МАН. 181). — 34. *Ребята* общелит., — Пуд. (при употреблении без числительных, Манс. 157) Руз. (Дурново). Ср.: Когда *рабенков* мне 12 в год родит Сумарок. Епигр. 52 (IX, 123) вся деревня сбежалась, *ребенки* плачут Гог. Мерт. д. IX, — *ребенки*, *ребенков* Шенк. (Манс. 110) род. *ребенков* Кадник. (пр. 26) Никол. (Манс.

214) Тотем. (пр. 198, 201) Ярен. (пр. 194) все *робёнки* на одно лицё Белоз. (Бр. Сокол. 114) род. *робенков* Новгор. (пр. 20) Устюж. (пр. 199) Кинеш. (пр. 66) Кологр. (нередко, пр. 61) Костр. (пр. 264) Макар. (пр. 56) *робенки, робенкоф* Пошех.-Волод. (Тр. Яросл. Пед. И. II, 3, 46) Вятск. г. (Зел. 136; Васнец. 36) *ребенков* Котельн. (пр. 35) Малмыж. (пр. 79) Нолин. (пр. 52, 68) Орл.-Вят. (пр. 37) Слобод. (пр. 141) Яран. (пр. 59, 101) Красноуф. (пр. 137) Остров. (пр. 33) Алатыр. (пр. 32) Мещов. (пр. 267) Судж. (Резан. 247), ср. у К. Дан. — еще мне *робенки* кочай, 176; ср. *ро(е)бетенки, робетёнок* Никол. (Манс. 213) Смол. г. (Добров. 789). — 35. Дат. мн. своим *соколятам* Минус. и Канск. (Ж. С. XIII, 3, 347). — 36. Им. мн. малы *татарчаты* Самарск. г. (Шейн I, 300). Ср.: а будетъ кто... татаръ и *татарченковъ* учнетъ у кого крастп... Улож. А. М. XX, 118, — *татарченки* Симб. г. (Кир. VII, 52) Петров.-Сарат. (М. Сокол. Был. 9). — 37. *Телята* общелит., — *тилята* Руз. (Дурново) Судж. (Резан. 246). Ср.: Поди и около *теленков* хлопочи Капн. Ябеда III, 1, — *теленки* Шенк. (Манс. 110) Пуд. (id. 157) род. *теленков* Кадник. (пр. 26) Белоз. (пр. 166) Солигал. (Ж. С. VII, 3, 459) *телёнки* Котлас. (Тр. Вят. Пед. И. III, 75) *теленки, теленков* Котельн. (ib.; Ж. С. XX, 2, 275; Зел. Ск. 221) Кашин. (Смирн. 84) род. *тилёнков* Карсун. (пр. 67) у меня всё *теленки* поюнки Рыл. (Оп. обл. слов.). — 38. *Утята* Пушк. Отр. неок. пов. II. Ср. 70 *утенков* Кадник. (Шейн I, 257), ср. *утёнки* и *утенёнки* Кашин. (Смирн. 84). — 39. Маленькие *цыганята* бродили в другой комнате Гл. Усп. 52. Ср. *цыганёнки* Котельн. (Зел. Ск. 165). — 40. *Цыплята* общелит. Ср.: в каждом яйце по семи *цыпленков* Садовн. 249, в назме потом восемь *цыпленков* увязло (речь мужика Андрея) А. Н. Тлст. Овражки, — 100 *цырлёнкоў* Кирил. (Бр. Сокол. 204) *цыпленки* Руз. (Дурново) 7 *цыпленков* Самар. (Смирн. II, 696) 70 *цыпленков* Псков. (Шейн I, 154) *цыпленки* Колым. (Богор. 10) им. мн. *цыпленки* (при им. ед. *цыпленко*) Ростов. (Волоцк. 10). — 41. *Чертята* Кирил. (Бр. Сокол. 157) Елабуж. (Зел. Ск. 387) Кунгур. (Смирн. II, 744); ср. *чертенята* общелит., — Руз. (Дурново) переписал всех *чертенят*, рядом —

чертята, с *чертятами* Екатеринб. (Зел. Ск. 240, 247, 249); ср. и в смирненьком *чертятки* водятся Молож. (Э. С. I, 169). Ср. род. *чертенков* при им. мн. *чертята* Котельн. (Зел. Ск. 28) у семи *чертенков* не взведешь детенков Снегир. 422, *чертенки* Черепов. (Смирн. I, 315: пока *чертенки*, т. е. двое их, бегали...) Вят. (Зел. 178). — 42. Ср.: трех *шшучинят* Обоян. (Резан. Матер. 68). — 43. *Ягнята* общелит., — Устюж. (пр. 195). Ср. двух *егнёнкоф* Никол. (Манс. 213) *ягнёнки* Кашин. (Смирн. 84) Нерч. (МАН. 181).

К рассматриваемой категории имен существительных принадлежит еще существительное, явившееся новообразованием за утратой старого **щеня*. Соответственное новообразование получилось в двух разновидностях — в литературной и народной форме *щенок* и в известной лишь в народном языке форме *щененок*.[1] От последней формы им. мн. закономерно должен звучать *щенята*, от первой формы — *щенки*. В результате в языке, как литературном, так и живом народном, наблюдается колебание обеих форм. Кроме того в круг этих чередующихся в употреблении форм вошло еще диалектическое новообразование — *щененки*. Ср. в литературном языке *щенки* (напр. Пушк. Утопл.) и *щенята* (напр. М. Горьк. Кладбище), то же колебание в говорах — *щенки* и *щенята* Кадник. (пр. 25) Кологр. (пр. 61) Чухлом. (Ж. С. IX, 3, 344) Муром. (пр. 93) Руз. (Дурново) Брянск. (пр. 259). Только форма *щенки* отмечена в Шенк. (Манс. 110) Полин. (пр. 52) Яран. (пр. 59) Холм. (пр. 54) Карсун. (пр. 67) Медын. (пр. 263) Мещов. (пр. 267; Черныш. 161). Напротив, только форма *щенята* указывается в Петроз. (пр. 30) Грязов. (пр. 36) Кадник. (пр. 26) Тотем. (пр. 198) Кирил. (пр. 152) Макар. (пр. 56) Нолин. (пр. 68) Слобод. (пр. 120) Шадр. (С. Обнорский) Остров. (пр. 33) Судж. (Резан. 246), ср. еще форму *щенятя* Костр. (пр. 44). Иного характера колебание форм в Пуд., где в положении после числительных употребляется форма *шчинёнки*,

[1] Ср.: *котенёнок*, *щенёнок* Луж. (Тр. МДК XI, 183).

иначе — *шчинята* (Манс. 157). Ср. еще колебание *щенки* и *щенёнки* в Кашин. (Смирн. 84). Формы *щененки, щененков* отмечены еще в Устюж. (пр. 199) Тобол. г. (пр. 21).

Имя существительное *опёнок*, из категории неодушевленных имен, имеющее суффиксальным элементом не *-енок*, а лишь *-ок* (*о-пен-ок*), в литературном языке и в значительной части говоров образует нормально форму им. мн. *опенки*. Ср.: *опенки* солили Некр. III, 307, а мы с тобой, как *опенки* на дупле, сидим рядком, и ни с места Тург. О. и д. XXI, на сковороде караси с свежепросольными *опенками* Гог. Две гл. из малор. пов. II, — *опёнки* Петроз. (пр. 30) Грязов. (пр. 36) Кадник. (пр. 25, 26) Тотем. (пр. 198) Ярен. (пр. 194) Перел. (МАН. 82) Пошех. (ib. 171) Нолин. (пр. 52, 68) Яран. (пр. 59) Остров. (пр. 33) Боров. (Черныш., Изв. XIII, 282) Моск. (id. 59; Шейн I, 283) Руз. (Дурново) Карсун. (пр. 69) Медын. (пр. 263) Мещов. (пр. 267; Черныш. 161) Новосил. (Будде 29) Судж. (Резан. 246). Однако по внешней близости этого слова к именам на *-енок* (из категории одушевленных существительных), образующим форму мн. числа на *-ата*, от него диалектически явилась новая форма на *-ата* — *опята*: Костр. (пр. 44) Вятск. г. (Васнец. 179) Слобод. (пр. 120) Уржум. (Магн. 42) Владим. г. (Доп. к Оп.) Владим. и Переясл. (МАН. 23, 24). Ср. эту форму у М. Горького (в речи, не принадлежащей автору): рано *опята* пошли — мало будет гриба! В людях III. Изредка обе формы колеблются в употреблении: в Кологр. (пр. 61) Чухлом. (Ж. С. IX, 3, 344) Шадр. (*опёнки*, Перм. Сб. I, 4, 37; *опята*, пр. 211; *опята* при редком *опёнки*, С. Обнорский) Муром. (*опёнки*, пр. 93; *опяты*, пр. 100).

Подобным же образом от слова *маслёнок*, неодушевленного имени существительного, явилась форма *маслята*: Петергоф. (С. Обнорский) Егорьев. (Черныш. 11). Ср. у М. Горького: червивые *маслята*, примерно, могут спортить и крепкий белый гриб, М. Кожем. I. Ср. еще диалектические формы — *жыворáта* при редком *жыворóнки* (= жаворонки) Костр. (Виногр. 71), *шпитáты* (от *шпитóнок* = вспитонок) Руз. (Дурново).

Аналогия всех приведенных форм вызвала еще новообразования: 1) в имени существительном ж. рода — *девча́ты*, *девченяты* Осташ. и Псков. г. (Доп. к Оп.), ср. отношение *волченки — волчата — волченята*, *чертенки — чертята — чертенята*, откуда при *девченки — девчата, девченята*; 2) в неодушевленном имени существительном, употребительном только во мн. числе; — *деньжонки*, к которому образовался новый вариант — *деньжата*. Ср. употребление одной и другой формы у М. Горького: А мне бы не сегодня-завтра *деньжонок* надобно получить из губернии, Гор. Окуров; *деньжонки* были, женился, М. Кожем. II; отдал им некоторые *деньжонки*, сот пяток, Лето; — то же в областной речи: нет-ле *деньжат*? Вятск. г. (Зел. 47), *деньжонки*, *деньжонок* Белоз. (Бр. Сокол. 91) Мещов. (пр. 41, 1).

Наконец, следует упомянуть о литературной форме мн. числа от существительного *внук — внучата* (с колеблющимся ударением *вну́чата* и *внуча́та* форма известна и в народном языке, см. ниже). Данная форма по своему происхождению должна выводиться не из ед. *внук*, а от уменьшительной формы слова **внученок* (ср. старое *внуча*).

Итак в литературном языке выступают как нормальные лишь формы на *-ата*, иногда, от отдельных слов, под ближайшим влиянием ед. числа на *ен -ок*, формы на *-енята* (*бесенята*, *гусенята*, *волченята*, *лисенята*, *чертенята* и нек. др.). Те немногие факты, которые говорят о принадлежности литературному языку форм на *-енки*, или относятся к пословичным элементам литературной речи, или принадлежат стилизованной на народный лад речи, или отражают случайные диалектизмы, проникшие в язык отдельных писателей. В народном языке, напротив, формы на *-енки* являются широкими по употреблению, но замечательно, что и здесь формы почти исключительно характеризуются данными из северновеликорусских областей или из пограничной полосы средневеликорусской территории. В южновеликорусском из этих форм отмечено лишь единичное *телёнки* в Рыльском у. Курской губ., и в Суджан-

ском у. той же губ. указаны — форма *ребёнки* и колебание форм *жеребята* при *жеребёнки*. Последнее обстоятельство, характеризующее южновеликорусскую речь, не случайное. С этой чертой южновеликорусского языка следует сопоставить отсутствие подобных форм в белорусском языке.[1] Любопытно указание наблюдателей с двух противоположных концов великорусской территории, относящееся к взаимному употреблению форм на *-ата* и на *-енки*. Таково с одной стороны свéдение из Пудожского у. Олонецкой губ., с другой стороны — из Суджанского у. Курской губ. Оба они гласят одно и то же. Наблюдателями именно указывается, что, при обычном в названных районах употреблении форм на *-ата*, лишь в положении после числительных, при счете, употребляются формы на *-енки*. Это наблюдение дает ключ к пониманию самого происхождения последнего типа образований. Они, очевидно, вообще позднего происхождения и возникли на почве диференциации, на почве стремления в языке особыми формальными признаками обозначить чистую множественность, как сумму конкретных единичных предметов, как делимую на части совокупность. В этом стремлении языка к формам на *-ата*, соединившимся с представлением неделимой множественности, сплошной массы предметов, воссоздались новые формы — формы на *-енки*. Это происхождение форм на *-енки* не было исключительным для отмеченных частных районов севера и юга великорусской территории. Таково было общее происхождение этих форм. Об этом свидетельствует большое количество указаний в приведенном материале, согласно которым формы данного типа выступают именно в сочетании с числительными. Кроме того, почти сплошь отмечаемые в источниках формы данного типа лишь для родительного падежа подсказывают предположение, что и здесь должно мыслить употребляемость данных форм на *-енков* именно после числительных.

---

[1] Отсутствуют. эти формы и в украинском языке.

Имена существительные с основами на *-en образуют в литературном языке формы им. мн., с сохранением суфф. *-ен-*, либо по II типу — слова ср. рода, либо по IV типу — прочие имена существительные. Ср. *имена* и под.; *камни* и проч.[1] То же наблюдается в народном языке, при чем здесь, в словах ср. рода, суффикс нередко по аналогии с формой им. ед. числа имеет вид *-ян-* (вм. *-ен-*).[2] Ср. *бремена, знамена* и *-яна* Холмогор. (пр. 50) *имена́, времена́, пламена́, пасмена́* Шенк. (Манс. 114) *вримяна́, симяна́, стримяна́* Пуд. (id. 145) *имяна, времяна* Тотем. (Брок 123) *времяна́* Устюж. (пр. 28) *симяна* Черепов. (Э. О. 1905, 2—3, 219) *си́мяна* Владим. и Ковров. (Тр. МДК. I, 56) *имяна* и проч., *симяна́* при *се́мьны* Руз. (РФВ. 47, 138); и *камени* все распадутся Сызран. (Безс. V, 89). Как сказано об этом выше, имена существительные данной категории подверглись диалектически многочисленным новообразованиям. В соответствии с этим именительный мн. от них может звучать различно. Так при новообразованной форме ед. числа на *-ена* мн. число звучит соответственно согласно III типу на *-ены*: А *стре́мены* кладите булатния Пуд. (Рыбн. II, 96 IV, 8); от исходных форм в ед. числе на *-ень* (с колебанием в роде) мн. число соответственно образуется на *-ени*: оборвались то *стремени* булатнии Петроз. (Гильф. 683), а спросите у ево про роды, про *племени* Вельск. (Смирн. I, 156). Особенно широким по распространению служит тип склонения рассматриваемой категории существительных с опущением в основе суффиксального элемента *-ен-*. При сохранении в данном типе новообразований старой категории рода (т. е. среднего), склонение соответственных имен существительных в ед. числе следует II типу. Таковым оно является и во мн. числе, согласно с чем им. мн. от этих существительных оканчивается на *-а*,

---

[1] В соответствии со сказанным от существительного *пламя*, ср. рода, им. мн. звучит в виде *пламена*, ср. — Солнце зажгло алые *пламена*, Замятин, Инок Эразм (Рус. Соврем. 1924, 4, 49).

[2] Ср. в старом языке: *знамяна* Отв. гр. 1482 г. по сп. XVII в. (Арх. Строева I, 55) *имяна* Уст. гр. 1552 г. (ib. 354). Ср. у Пушкина: Благодарю тебя, что ты переждешь свои *времяны*, Письмо к жене (III, 116)

имеющее при этом всегда на себе ударение.[1] Ср.: пустить телушку на *племя́* Черепов. (Ерем. 34) Владим. г. (МАН. 16) таке были *время́* Владим. (Черныш. 30) Муром. (пр. 100) сухие *время́* Юрьев. (id. 14) *симя́* ильняны́ пропали Казан. (Сб. Фортун. 169) ненасныи *время* Буин. (пр. 57) *время́*-то были попростее Нижегор. г. (Доп. к Оп.) Горбат. (МАН. 106) Забелелися знамена—*знамя* царския Симб. г. (Кир. IX, 253) *время́*-то ноне пошли строгие Твер. (АГО. XLI, 46) на *плимя́* Смол. г. (Добров. 603) *темя́, племя́, семя́* (и *семена́*) Сердоб. (Уч. Зап. Сар. У. VI, 354) *семя́* Рязан. г. (РФВ. 28, 25). Как диалектизм подобная форма от существительного *вымя* употреблена С. Аксаковым: Раздобрели тощие, зимние стада коров, полны питательной влагой *вымя* и сосцы их, Сем. хр. 24. С другой стороны с изменением рода в рассматриваемом типе новообразований (среднего на женский) склонение существительных и в ед., и во мн. числе следует основному III типу. Ср.: на перед пошли *знами* царския Симб. г. (Кир. IX, доп. IX). Обе отмеченные разновидности в склонении имен с основами на *-en наблюдаются и в существительных с исконными основами на *ent. Ср.: оне сами *детя* маленьки Чердын. (Перм. Сб. I, 2, 74, 75).[2] По III типу, т. е. как имена существительные ж. рода, образованы формы им. мн. *кури, вути* Путивл. (Хал. 122, 157), от которых далее род. мн. *курей, вутей* и т. д. (о чем ниже).[3]

Родительный падеж

Образования род. мн. в старом языке составляли в совокупности относительно несложную систему. Родительный мн. в именах на *-о, муж. и ср. рода, в именах на *-а, также в основах

[1] То же в белорусском: *имё́на* при *имя́* (Карский II, 2, 246).

[2] Форма *робя* вм. *робята* (ср. ее в Новгор., Сол. 8, Пошех., МАН. 169, Молож. ib. 167, Соликам. ib. 187) в виду употребления ее лишь в обращении должна считаться звательной формой, образовавшейся с утратой цельного конечного слога, см. иные подобные случаи образования зват. формы в Zeitschr. f. slav. Phil. I, 110, прим.

[3] Отмечу диалектические формы мн. числа *зёрънета, зёрънет* и т. д. при ед. числе *зёрно́* в Черепов. (Ерем. 32), *зёрията, зёрият* Пошех.-Волод. (Тр. Яросл. Пед. И. II, 3, 46).

на согласные, после эпохи падения глухих оказался совпавшим с чистой основой этих рядов существительных, не содержа таким образом никаких положительных формальных признаков для характеристики падежной формы (ср. род. мн. *раб, конь, сел, поль, жен, душь, ден, церков, матер, имен* и под.); только в именах на *-u соответственным окончанием явилось *-ов* и в именах на *-i, муж. и ж. рода, — окончание *-ej* (из древнейшего *-ии*, т. е. **-ъјъ*). Эта простая первоначальная система форм род. мн. с ранней поры начала осложняться. Так, флексия *-ов* из старых основ на *-u, в связи с утратой этой категории склонения, стала переходить к именам существительным с первоначальными основами на *-o; флексия *-ej*, в связи с переходом почти всех имен существительных с основами на **-i* муж. рода в категорию имен на *-o, начала распространяться и в кругу имен существительных этой последней категории (т. е. имен на *-jo). Старая простая система форм род. мн. значительно таким образом осложнилась, и неминуемо должно было последовать дальнейшее ее заслонение и разрушение, вызывая в свою очередь ряды дальнейших аналогичных новообразований, ряды новых вариантов формы в отдельных классах имен существительных. Так, за постепенной утратой, как особой категории склонения, категории имен существительных муж. рода с основами на *-i, окончание род. мн. *-ej* осталось и явилось типичным в именах ж. рода (*костеј*); отсюда становится понятным раннее его проникновение в группы имен существительных ж. рода с исконными основами на согласные (*церквеј, матереј*) и позднейшее распространение в категории имен на *-a (т. е. на *-ja). С другой стороны окончание *-ов*, оказавшееся типичным окончанием для имен существительных муж. рода, с ранней поры стало распространяться на мягкую разновидность имен на *-o (т. е. на имена с основами на *-jo), в связи с чем возник новый вариант самой флексии *-ев*; естественно было распространение этой флексии *-ев* и в пределы имен муж. рода с старыми основами на *-i. В языке создалось в результате известное взаимное противопоставление

обоих окончаний *-ов* и *-ej*, как окончаний, вообще ярко характеризующих самую форму род. падежа. В различных диалектических группах это противопоставление получало свою особую окраску. В одних группах окончание *-ов* рисовалось типичною флексией данной формы для всех вообще имен существительных муж. рода при — окончании *-ej*, как таком же ярком окончании для имен ж. рода, и нуле флексии, как признаке формы для имен ср. рода. В других диалектических группах представление об окончании *-ej* связывалось с характерностью этой флексии вообще для существительных с основами на палатальные согласные. В иных, и численно широких, группах выдавалось вообще лишь окончание *-ов* (*-ев*), как особенно типичное окончание для формы. Понятно, что все это должно было в итоге вызвать борьбу за возобладание одной флексии над другой. Мы видим действительно, как с одной стороны флексия *-ej*, первоначально принадлежавшая лишь именам с основами на *-i, проникает к именам ж. рода на -ja, к именам муж. рода на -jo, но она идет и далее, затрогивая и существительные ср. рода на -jo, диалектически охватывая и группы слов, принадлежащих к твердому различию, преимущественно у имен на **-a*, но изредка даже у имен на *-o. С другой стороны флексия *-ов*, проникнув из твердого различия имен муж. рода в мягкое и дав здесь соответственно новый вариант *-ев*, получает в дальнейшем распространение во всех вообще классах имен существительных как среднего, так и женского рода, независимо от того, какова была исконная их принадлежность в отношении категории склонения. Это неуклонное стремление к расширению сферы соотносительного употребления одной и другой флексии характеризует язык с древней поры. Борьба одной флексии с другой, в частности полное возобладание одной из них, именно окончания *-ов* (*-ев*), над другой в известных диалектических группах, составляет явление позднейших эпох в жизни отдельных русских наречий. Собственно этот морфологический процесс не закончился и принадлежит, как живое явление, и современной стадии русской

диалектической речи. В этом смысле, очевидно, более широкие и отчетливые результаты явления вскроются лишь в будущем языка.

Общей нормой родительного мн. для современного литературного языка служит следующая флексия: *-ов* у существительных муж. рода твердого различия (*столов, купцов*), *-ов* и *-ев* (в зависимости от ударяемости слова) у существительных с основой на *-j-* (*бојов, обычаев*), *-еј* у имен мягкого различия (с основами на мягкие согласные, также на *ш, ж*, напр. *конеј, ножеј*); нуль флексии у существительных ср. рода твердого различия, *-еј* — в мягком различии, нуль флексии или окончание *-ев* у имен с основой на *-j-* (*сел, топорищ, полеј, кушаниј* или *кушаньев*); нуль флексии у имен ж. рода III типа при редком *-еј* в мягком различии, это же окончание *-еј* у имен ж. рода IV типа (*жен, свечеј, костеј*); в прочих разновидностях — нуль флексии у имен ср. рода, *-еј* у прочих имен существительных (*племён, матереј, церквеј* и др.). Эта норма, однако, фактически, как в литературном языке, так особенно в диалектах, значительно разнообразится или в частях видоизменяется.

У имен существительных муж. рода в твердом различии (тип I а) в родительном мн. может выступать чистая основа слова, с нулем флексии. В литературном языке соответственный материал оказывается относительно значительным. С точки зрения истории языка эти формы являются остатками старого строя языка, когда в данной категории имен существительных родительный мн. характеризовался вообще именно отсутствием специальной флексии за выпадением конечного ъ-ра, исконного признака данного падежа. Архаический характер этих форм род. мн., без всякой флексии, для ряда слов сознается непосредственным ощущением языка. Это имеет место прежде всего в отношении группы явно церковнославянских по происхождению слов, сохранявшихся поэтому, иногда в обособленном виде, иногда в сочетании с иными словами, именно в старой форме родительного мн., т. е. без окончания *-ов*. Таков следующий материал:

1. Въ день святыхъ *апостолъ* Петра и Павла пришли на рѣку Койсу. П. и бум. П. В. I, 96. — 2. *Вал* морских. Кантем. Сат. III, 34 (первонач. ред.). — 3. *Варвар*... сила Кантем. I, 313, от *ворвар,* противу *варвар* сих Фонв. Альз. II, 4, 5 (ср. здесь же — род. мн. *варваров*). — 4. С *запад* до *восток,* от *восток* до *запад.* Кантем. I, 298, 541. — 5. От *век, век* с двести Кантем. V, 586 III, 3 Песни II, IV. — 6. И *гад* морских подземный ход Пушк. Пророк., — вдруг ему напустили всяких *гад,* змей Онеж. (Смирн. 89). — 7. (Громы) от *глагол* пошли от господних Повен. (Безс. I, 287), от пустых *глагол* Раненб. (ib. VI, 70). — 8. *Грех* ради — присловье, напр.: чтоб *грех* ради чего не забыть Беломор. (Э. С. VI, смесь, 18) уж *грех* ради он поскользнулся бы! Шенк. (МАН. 8) Козельск. (по сообщ. А. Васильевой). — 9. Из *источник* извел быстры реки. Кантем. I, 308. — 10. От *конец* земли В. Майк. Подр. пс. 71, то же у Леск. (Черныш. 77), до *конец* вселенныя А Тлст. (ibid.), стучит, бренчит, сто *конец* бежит Э. С. VI, 79. — 11. Колико *крат* более признание наше было живее Радищ. Письмо к другу. — 12. Средь бурей жизни и *недуг* Бат. Воспом., — и от всякой скверности, нечистой совести и двенадцати *недуг* Валд. (Майк. Закл. 505). — 13. Злых *плевел* Кантем. Разн. ст. II, могла ли бы критика с такой свирепостью отделять зерна от *плевел* Гинцбург, О рус. стихосл. 44. — 14. Слез больше *поклон* кладет. Кантем. Сат. III, 30.[1] — 15. К защитнице своих *предел,* не зная никаких *предел,* из *предел,* до *предел* Российских, от *предел* Азийских Ломон. I, 61, 112 V, 201, 315, 337 (ср. здесь же — Взирает на своих *пределов* красоту II, 116, от киевских *пределов* V, 315), А там нет ни *предел,* ни брегов Радищ. Осьмн. стол. — 16. Грешных *раб* своих Сызран. (Безс. V, 145). — 17. Всѣхъ *сверстникъ* своихъ П. и бум. П. В. V, 284. — 18. Храбрых, буйных *сопостат,* от *сопостат* Ломон. II, 214, 248, 115 (ср. *сопостатов* IV, 263), В. Майк. 255, *супостат* Держ. I, 245 II, 302 III, 240 IV, 232. — 19. Ни *сосуд* сребряных. Кантем. I. 556. — 20. Воздвиг несчастья

[1] В примечании к стиху указано, что данная форма употреблена вм. должной — *поклонов.*

средь *чертог* Радищ. Вольность, — становились они да против *чертог* они ведь царскиих Онеж. (Гильф. 186). — 21. От *язык* благословенно В. Майк. Нодр. пс. 71, у нас все дванадесять *язык* перебывали Лейк. У театра.

Более сложен соответственный материал со словами, не принадлежащими собственно к числу церковнославянизмов. Здесь следует разграничить слова исконно русские от заимствований. К числу первых принадлежат следующие:

1. Куплено сала говяжья на свѣчи въ съѣзжую избу семь *безмѣнъ*, по десяти денегъ *безмѣнъ* Кн. расх. Тур. острога 1622—3 г. (А. Кал. II, 304 и др.), 12 *безмѣнъ* воску Проезжая 1609 г. (ib. III, 75), да масла 7 *безмѣнъ* Роспись 1666—7 г. (ib. 217 и др.). — 2. На снегу от *валенок* остались глубокие следы А. Н. Тлст. Хр. барин. — 3. Род. мн. *воло́с* общелит. (напр. Кантем. Сат. IV, 204 и т. д.); ср. *волосов* Ломон. II, 141 (также — *власов* I, 165, 168), В. Майк. Елисей I, 98, Фонв. Бриг. I, 1, Утр. Часы 1788 г. и др. (Будде, Оч. 90), Карамз. V, 90, у случая в затылке нет *волосов* Снегир. 423, — *волосов* Пинеж. (МАН. 6) Шенк. (Манс. 110) Тотем. (Э. О. 1900, 2, 86) Костр. (также — *воло́с* и *воло́съев*, Виногр. 70) пойти в драку не жалеть *волосов* Пошех. (Э. С. II, 70) Котельн. (Тр. Вят. Пед. И. III, 54) Орл.-Вят. (пр. 37) Лукоян. (Э. С. I, 37) Карсун. (АГО. XXXVII, 4) Рязан. г. (также — *воло́с*, РФВ. 28, 23) Брян. (стар., Тихан. 8) Ворон. (АГО. IX, 23); ср. *власов* Радищ. I, 122, Жук., Давыд., Бат., Дельв., Язык., Подолинск.[1] — 4. Род. мн. *глаз* общелит.;[2] ср.: Азовъ не о стѣ *глазовъ*, а Крымъ не кривъ Посл. XVII в. (Сим. 74 = Снегир. 3), *глазо́в* Холмогор. (пр. 50) *глазов* Шенк. (пр. 235) Петроз. (пр. 30) Волог. (пр. 82) Никол. (*глазо́в*, пр. 266; Манс. 206) Сольвыч. (пр. 193) Тотем. (пр. 201) Белоз. (*гла́зов*, пр. 162) Крестец. (пр. 160) Кинеш. (пр. 66) Макар. (пр. 56) Котельн. (пр. 46) Малмыж. (пр. 79) Слобод.

[1] В параллель к *во́лос* от существительного *ко́лос* неизвестна форма род. мн. *ко́лос*, а только *колосов* (оставляют на ниве несколько *колосов* ржи Э. С. I, 216, ср. *класов* у Ломон. III, 134 V, 3), и обычная современная форма *колосьев* (собственно от им. мн. *колосья*).

[2] Ср. диалектически в белор. род. мн. *глаз* (Шахм. II, 409).

(пр. 141) Яран. (пр. 59) обоих *гла́зов* Красноуф. (пр. 139) Пореч. и Зубцов. (*гла́зов*, Изв. XVIII, 3, 271), *глазов* Великол. (пр. 45) Холм. (пр. 54; Тр. МДК. III, 140) Лукоян. (Э. С. I, 37; *глазо́в*, Даль LVIII) *глазо́в* Медын. (пр. 263) Брян. (пр. 259) Рязан. г. (РФВ. 28, 25). — 5. Их замыслы как дым, Стремящийся из *горн* и бурей разносим Озер. Фингал II, 3. — 6. Невозможно есть своихъ *друхъ*... оставляти П. и бум. П. В. II, 86; ср.: не держи сто рублев держи сто *другов* Посл. XVII и XVIII в. (Сим. 985, 1404) сто *другов*, не имел... девети *другов* Печор. (Ончук. Был. 298, 347). — 7. Окна без *занавес* Гог. Невск. просп. — 8. Без *зуб*, с *зуб* Кантем. Сат. V, 573 VI, 119, без *зуб*, от *зуб* Держ. II, 87 III, 66, за недостатком *зуб* Княжн. Улисс и его сон., *зуб* во рте не было Болот. Зап. III, 10, от *зуб* Жук. Ск. о Ив.-цар., *зуб* уж нет Пушк. Дом. в Кол. XIV, не выпуская из *зуб* сигары Гл. Усп. 47, и (собака), лучше уложив около старых *зуб* липкие губы, затихла в блаженном спокойствии Л. Тлст. А. Кар. ч. I, гл. 27, женская лесть, хоть без *зуб*, да костьми съест Э. С. VI, 83 (= Снегир. 120), — *зуб* Петергоф. (пр. 5) от *зуб* Псковск. г. (Смирн. I, 362) писарю перо с рук и хлеб с *зуб* Дорогоб. (ib. II, 556) из *зуп* крофь Моск. (Черныш. 176) *зуп* (при *зубоф*) нет Руз. (Дурново) Шацк. (Изв. V, 928) Мещов. (Черныш. 162; снадобье для *зуб*, пр. 263) нет *зуб*, без *зуб*, трех *зуб* Рязан. г. (РФВ. 28, 25) Скопин. (Будде, К ист. 132) из *зуп* Курск. г. (Хал. 13) *зуп* нету Судж. (Резан. 247) Ворон. (Дикар. 124) страдаю от *зуб* Коротояк. (ИРЯС III, 569) Терск. (Караул.) Акмол. (пр. 75); ср. *зубов* Яран. (пр. 59) Великол. (пр. 45) Новосил. (пр. 77). — 9. Больши трехъ *мѣсецъ* Улож. А. М. XX, 16 (bis), — на 6 *месяц* хватит Черепов. (Ерем. 30). — 10. Род. мн. *носо́к*, — ср. *носко́в* Котельн. (Тр. Вят. Пед. И. III, 53). — 11. Без всяких *оттенок*, без малейших *оттенок* Лерм. Вадим II, XXIII; ср. *оттенков* Вяз. XI, 418 XII, 118 (у него же: И локоны... По плечикам сквозят *оттенкой* золотистой, XII, 228). — 12. Серьги... без *подвесок* Э. С. II, 18. — 13. *Подарак* много Тунк. (Вин. 16). — 14. Прочіе дѣла, особливо смотря *поступокъ* и оборотовъ непріятельскихъ, отправляйте... П. и бум. П. В. V, 92, Утр. Часы 1788 г. (Будде,

Оч. 116). — 15 Отъ непріятеля 19 *прапоръ* одержалъ Перв. Рус. Вед. 256. — 16. И записей и всякихъ *признакъ* досмотрѣть Данная 1679 г. (А. Кал. I, 480), отъ *признакъ* Николиныхъ... до Глинина ручья Кн. отказная 1697 г. (ib. II, 158). — 17. У *причал* корабельных Жук. Илиада II. — 18. Сѣры 16 *пудъ* П. и бум. П. В. II, 108, А нам бы зделали *пуд* тысячу вреда Сумарок. Цидулка (IX, 157), до 10 *пуд* Трутень 1769 г., л. 6, 12, Радищ. Пут. из Пет. (I, 93), сто *пуд* Чулк. I, 406, сколько *пуд*? Княжн. Скупой XII, десять *пуд* Судовщ. Несл. диво II, 15, Гриб. Г. от у. II, 2, пять, восемь *пуд* Пушк. Камч. дела, сорок, пять *пуд* Гог. Рев. III, 11, Выд. из карм. зап. кн., 12 *пуд* веса Акс. Дет. г. 162, как будто взвалил тысячи *пуд* себе на плечи Гонч. Обр. I, гл. 18,[1] — 40, 200 *пуд* Беломор. (Изв. VII, 3, 31) Шенк. (Кир. I, 48) Петроз. (Рыбн. I, 19; Ончук. Ск. 331) Вятск. г. (Васнец. 125) Соликам. (МАН. 137) Луж. (Кир. I, 62) Сузд. (Черныш. 21) Нижег. г. (Пам. влр. н. 54) *пут* при *пудоф* Жиздр. (Ник.) 15 *пуд* пеньки Новосил. (Э. С. II, 106), ср. у К. Дан. — палица в триста *пуд*, 19; ср. *пудо́в* Рыльск. (МАН. 95). — 19. Род. мн. *раз* общелит. (напр. Кантем. Сат. II, 53 III, 153 и т. д.),[2] — 6 *раз* Тотем. (Брок 120) пять *раз*, но без числительных — *разов* Руз. (Дурново); ср. на семь, говорит, *разов*, по щепоти на раз Л. Тлст. Вл. тьмы I, 10, я и то сколько *разов* видела это дело Бун. Хор. жизнь, мы тут горим три, много пять *разов* в год, М. Горьк. М. Кожем. I, — колько, вного *разо́ф* Черепов. (Ерем. 28) Котельн. (Тр. Вят. Пед. И. III, 53) Кашин. (Смирн. 90) 12 *разов* Псковск. г. (Ж. С. XXI, 2, 300) Мещов. (пр. 41, 1) Брян. (стар., Тихан. 8) десять *разов* Судж. (Резан. 247) *разов* по пяти Тимск. (Шейн I, 288) Коротояк. и Ворон. (иногда, Ж. С. XX, 1, 104) говорил несколько *разов* Новоросс. (МАН. 187). — 20. Без *рог* Держ. III, 418, Лейк. Самоеды, — без *рог* Шенк. (Манс. 110) Никол. (id. 213) Мещов.

[1] Ср.: хлѣба по шта *пудъ* Дух. 1691 г. (А. Кал. I, 567) 15, 20, 11 *пудъ* — гр. 1666 и 1669 гг. (ib. II, 2, 212) велѣно было имъ торговати десятью тысячи *пудъ* соли Жал. гр. 1556 г. (Арх. Строева I, 381). Ср. белор. 7 *пуд* (Карский II, 2, 189).

[2] Ср. пять *раз*, сто *раз* у гал. лемков (Верхр. 119).

(Черныш. 162) Судж. (Резан. 247);[1] ср.: Да только сам *рогов* таких же не минуешь Аблесим. Олень и бычок, А дяденька у них с рогами или без *рогов?* Лейк. Самоеды, — у тебя *рогов* нет Петров.-Сарат. (Э. О. 1915, 3—4, 81) *рагоў* нет, ня но́сють Касим. (Будде, К ист. 340). — 21. Стучат на палубе каблуки *сапог* М. Горьк. Едут, — *сапог* не ломает, чулок не марает Чебокс. (Магн. 148) Курмыш. (Варш. У. Изв. 1914, 9, 127) Егорьев. (*сабох*, пр. 133, 1) Щигр. (РФВ. II, 78) Ростов. (ib. 65, 290); колебание: от *сапог* его, ср. охотник до *сапогов*, красных *сапогов*, вместо прежних запачканных *сапогов* сафьянные красные Гог. Веч. на хут., пред., Мерт. д. VII, Веч нак. Ив. Куп., Тар. Б. I, — *сапог* и *сапогов* Руз. (Дурново) Ворон. (Дикар. 211); ср.: вопросъ что де босъ отвѣтъ *сапоговъ* нѣтъ Посл. XVII в. (Сим. 414), *сапоговъ* драгунскихъ 1730 паръ П. и бум. П. В. IV, 46, шарканье *сапогов* Лерм. Кн. Лиг. IX, без *сапогов* Некр. I, 70, А. Тлст. Богатырь, Дост. 596, Лейк. Апр. I, VIII, Ямская, — *сапогов* Холмогор. (пр. 50) Онеж. (Гильф. 1113) Шенк. (Манс. 110) Петроз. (Рыбн. III, 397; Ончук. Ск. 282) Повен. (ib. 348) Пуд. (Гильф. 333) Вельск. (Смирн. I, 135) Сольвыч. (пр. 193) Тотем. (Брок 39) Белоз. (Бр. Сокол. 42) Кирил. (ib. 185; Тр. МДК. II, 168) Черепов. (Барс. II, 281) Котельн. (Зел. Ск. 185) Орл.-Вят. (пр. 37) Слобод. (пр. 53, 222) Муром. (пр. 100) Псков. (Смирн. I, 362) Самар. (пр. 40) Мещов. (пр. 150) Мосал. (АГО. XV, 30); — ср. *сапожек* Пуд. (Рыбн. I, 281), *сапожков* Петроз. и Повен. (Гильф. 122, 783, 820). — 22. Восемь *скирд* Гог. Ночь перед Р. (у него же: Ведьма, в виде *скирды* сена, приехала к самым дверям хаты, Вий). — 23. Род. мн. *старожил* (Черныш. Прав. 74). — 24. Ты вывязывай из *торок* цветно платьице Алтай (Э. С. VI, 92). — 25. Фольфарк... занимает около 20 *уволок* земли Речь 1915, № 24, — ср. *волока́*, род. *воло́к* = роспуски, дроги Кашин. (Смирн. 18). — 26. Без ропота и без *укор* Вяз. III, 46 (у него же: Скажи мне, сколько слез *укоры*... III, 60), Я плакал без *укор* Давыд. О ты, смущенная. — 27. Затем, чтоб от *упрек* моих освободиться

---

[1] Ср. белор. *рог* (Карский ib.), буков. *рiг* (Верхр. Jagić-Festschr.).

Капн. Сганарев I, 6, без жалоб, без *упрек* Вяз. III, 35. — 28. Род. мн. *человек* общелит., — Судж. (Резан. 247); ср. II *человеков* и царей Держ. I, 88, 119 II, 406, Уничтожением быть хочешь *человеков* Княжн. Влад. и Яроп. IV, 5, Неблагодарнейших явясь из *человеков* Озер. Поликс. III, 1, каких *человеков* ты земли || Видел? Жук. Одисс. VIII, 573, запись дел духов и *человеков* Подолинск. Див и Пери, прим., будто они совсем безжалостны к скорбям и нуждам мирских *человеков* Леск. X, — *человеков* Никол. (пр. 266) Белоз. (пр. 162) Устюж. (пр. 199) Ярен. (пр. 194) Кинеш. (пр. 66) Кологр. (пр. 61) Макар. (также — *человек*, пр. 56) Котельн. (пр. 35) Нолин. (пр. 58) Слобод. (пр. 141) Яран. (пр. 59) Камышл. (пр. 89) Холм. (пр. 54) Алатыр. (чаще — *чьлэк*, пр. 32) Карсун. (пр. 67) Медын. (пр. 263) Мещов. (пр. 267).[1]

Известная часть данных в предложенном материале содержится лишь в свидетельствах старого литературного языка, и естественно соответственные формы должны приниматься поэтому за архаические остатки старины. Таковы формы род. мн. *безмен* (форма известна только из грамот), *горн, друг, месяц, прапор* (последние три примера принадлежат эпохе Петра В.). Однако только одна из этих форм, именно род. мн. *горн*, могла бы быть присоединена к данному выше перечню собственно церковнославянизмов; все прочие факты являются архаическими, но русскими по происхождению, образованиями. К ним можно причислить и форму род. мн. *рог*: как видно из примеров, она сохранилась в языке почти лишь в сочетании с предлогом без (без *рог*). Возможно думать, что этому сохранению архаической формы содействовала закрепленность формы в пословичной речи (ср. напр. *корова без рог*, поговорка). В ряде приведенных примеров далее следует усматривать старые закономерные формы род. мн. от соответственных вариантов имен существительных, не по мужескому, а по женскому роду. В отношении некоторых из этих имен существительных можно видеть, что и современной

[1] Ср. белор. *человек* (Шахм. III, 409).

речи свойственно колеблющееся образование их и по муж., и по ж. роду (см. соотв. материал выше), напр. *скирд* и *скирда*; в отношении иных слов в контексте оговорены случаи употребления их именно по женскому роду у отдельных авторов (ср. *оттенка, укора*), или выше дан соответственный материал из более широкого круга источников. К числу таких форм, которые ведут к старому колебанию в роде и следовательно объясняются из принадлежности в старом языке соответственных групп слов к именам ж. рода, должно отнести род. мн. *валенок, занавес, оттенок, подвесок, поступок, признак, скирд, укор, упрек*; может быть, такова же форма род. мн. *причал* (от ед. *причало*, ср. рода?). Большинство этих слов в современном литературном языке являются именами муж. рода, поэтому от них в современной речи употребительны лишь формы род. мн. на *-ов*. В связи с рассмотренным материалом форм, восходящих к старому колебанию основ соответственных групп имен существительных, следует еще отметить подобное колебание в род. мн. форм *облак* и *облаков, яблок* и *яблоков*. Выше говорилось о двойственной (а в диалектической речи даже тройственной) форме этих слов в именительном ед., как имен мужеского рода и среднего — *облак* и *облако, яблок* и *яблоко* (в диалектах также женского рода — *облака, яблока*). Первое из этих имен существительных с колебанием в роде являлось еще в древнем языке; в современном языке оно преимущественно (в литературной речи — исключительно) является в ср. роде. Поэтому в современном языке род. мн. от слова должен нормально звучать в виде *облак*. Между тем эта форма, бывшая еще в исключительном употреблении у Кантемира (Сат. III, 299, Песни II, III) и в преимущественном употреблении у Ломоносова (из *облак*, выше *облак*, от самых *облак*, до *облак* и др. I, 54, 87, 130, 195, 217 II, 91; ср. до *облаков*, выше *облаков*, коснувшись *облаков* — в поэзии I, 184, 186 II, 203, то же в прозе — III, 196 IV, 329),[1]

[1] Ср. им. ед. *облак*, по муж. роду, и у Кантемира (Сат. VIII, 313) и у Ломоносова (багровый *облак* I, 94; в прозе IV, 329 V, 166).

в дальнейшем постепенно из литературной речи исчезла, уступив место форме *облаков*, как образованию от первоначального ед. *облак*, по муж. роду. Что касается второго указанного слова, то при сохраняющейся до сей поры двойственности его в ед. числе (*яблок* и *яблоко*), понятна двойственность и формы род. мн. — *яблок* и *яблоков*; это колебание свойственно и народной речи (ср. напр. в Ростов., РФВ. 65, 290), преобладающей однако здесь формой служит форма на *-ов* (ср. в Пуд., Манс. 158; Кирил., Тр. МДК. 168; Устюж.,[1] пр. 28; Черепов.,[1] Ерем. 38; Котлас., Тр. Вят. Пед. И. III, 75; Мосал., АГО. XV, 30).[2] В результате таким образом живыми посейчас в языке формами род. мн. без окончания *-ов* служат следующие формы (от существительных, известных только в муж. роде) — род. мн. *волос, глаз, раз, сапог, старожил, уволок, человек,* также *зуб* и *пуд*, принимая во внимание их употребление в литературном языке еще во второй половине прошлого столетия. Из этих форм с колебанием употребляется в литературной речи форма *старожил* при *старожилов*, формы *зуб, пуд* в современной стадии речи, видимо, полностью уступили место формам на *-ов,* что касается прочих слов, они употребительны только в приведенной форме без флексии. Но характерно, что этим литературным формам *волос, глаз, раз, сапог, человек* отвечают в диалектах обычно формы на *-ов*. Повидимому, из этого соотношения форм следует сделать заключение о свойственных литературному языку родительных мн. *воло́с* и под. как об архаизмах, потому и уцелевших главным образом в литературной речи в отличие от народного языка, вообще менее подверженного влияниям традиционной речи и соответственно дающего новые образования от перечисленных слов, именно формы на *-ов*. В современном языковом ощущении однако архаичность этих форм, как *воло́с* и под., не сознается. Это

[1] Здесь в ед. числе отмечается форма слова по муж. роду — *яблок*.

[2] Из диалектической речи здесь может быть отмечена форма род. мн. *коло́кол* (кабы нам эстольке-то *коло́кол*, так и мы бы созвонили) в Костр. (рядом — *колоколо́у*, Виногр. 73); ср. им. ед. *колоколо́*.

должно иметь свои причины и объясняться из специфических условий, создавшихся еще в старую пору на самой русской почве для поддержания и дальнейшего сохранения в языке этих «архаических» форм. Из приведенного материала можно видеть, что в старом языке преимущественное употребление этих форм род. мн. без флексии было при счете, в положении отмеченных имен существительных после числительных или вообще после слов (местоимений, наречий) с количественным значением. Ср. формы род. мн. *безмен, месяц, прапор, пуд, раз, уволок*: все примеры этих форм относятся к выражению чистой множественности, все они находятся в положении после числительных. В языке, очевидно, на почве диференциации сложилась тенденция к сохранению старых форм без флексии в категории слов, употреблявшихся с указанными семантическими оттенками. Благодаря этой крепко создавшейся связи старых по происхождению форм (без флексии) с определенным, вновь зародившимся в языке, началом семантического порядка, эти формы, «архаические» по происхождению, получили значение новых живых форм, закрепились в языке и дожили до нашего времени. Ср. жизненность этого старого принципа в употреблении форм без флексии и в современной стадии речи: об ней свидетельствует наличность диалектической формы род. мн. *месяц* (в Черепов. у.), но лишь в сочетании с числительным — на *шесть месяц*, подобное употребление в Руз. у. формы *раз* после числительных, но *разов* в иных случаях, сохранение в современном литературном языке из числа форм без флексии лишь форм *раз, человек*, но именно как употребительных только после числительных или разделительных местоимений и количественных наречий. Можно думать, что такова же в общем причина и сохранения форм *волóс, глаз*: эти формы не оказались замещенными в литературной речи через *волосов, глазов* благодаря влиянию старой традиции (ср. в диалектах *волосов, глазов*); но в старом языке эти формы *волос, глаз* обозначали чистую множественность, так как в иных случаях употреблялась форма *волосьев* (от *волосья*)

с одной стороны, форма *глазу* (по системе двойств. числа) с другой стороны. Точно также в старом языке от слова *зуб* родительный мн. звучал *зуб*, когда имелось в виду обозначение чистой множественности, иначе — *зубьев*; от слова *пуд*, употреблявшегося вообще во мн. числе по преимуществу после числительных, должна была закрепиться в языке в род. мн. форма *пуд*. Отсюда долгое сохранение в литературном языке этих форм род. мн. *зуб*, *пуд*, уступивших место формам *зубов*, *пудов* лишь в самое недавнее время. Что касается формы *старожил*, то ее происхождение можно объяснять влиянием обычных форм род. мн. без флексии от слов со значением племенных названий и под. (о чем ниже). В заключение следует отметить характерное согласно приведенному перечню распространение формы *зуб* лишь в черте южновеликорусских говоров (между прочим, и в литературном употреблении преимущественно у писателей южновеликоруссов), напротив, — формы *человеков* лишь в области северновеликорусского наречия (и переходных говоров).

Следующую группу имен существительных, от которых образуется форма род. мн. без флексии составляют заимствованные слова как старой исторической поры, так и позднейшей эпохи заимствования. Ср.: 1. 11 *акр* Гонч. Фр. Палл. — 2. А в комнате уж и эполет и *аксельбант*, народу, как бобов на тарелке Гог. Мерт. д. X. — 3. Да съ суда пересуду по шти *алтынъ* по четыре денги Улож. А. М. X, 124, по 10 *алтынъ* П. и бум. П. В. IV, 453, насилу *алтын* за 30 достать можно Фонв. Бриг. I, 1, за 50 *алтын* Капн. Ябеда II, 1, — а не дадим тебе и трех *алтын* Олон. г. (Кир. VIII, 31), не было ни деньги, да вдруг пять *алтын* Ю.-З. Том. (Э. С. VI, 52).[1] — 4. Всюду были разбросаны... бумажки от конфет, корки *апельсин* М. Горьк. Ф. Горд. VIII. — 5. Средь вин, сластей и *аромат* Держ. I, 85 (ср. *ароматов* сладких II, 268),

[1] Ср. 16 *алтынъ* Кн. доз. 1684 г. (А. Кал. II, 61), 10 *алтынъ*, Выпись 1694 г. (ib. I, 19), но — казенныхъ *алтыновъ* не даютъ Жал. гр. 1489 г. (Арх. Строева I, 78).

К чему сих *аромат* и мирры сладкий дым Бат. Умир. Тасс; ср.: Ни вин моих, ни *ароматов* (не жалей) Пушк. Из Гор. — 6. Род. мн. *аршин* общелит. (напр., 8 тысячь *аршинъ* П. и бум. П. В. V, 81, и др.), — петь *аршын* Тотем. (Брок 120) Касим. (пр. 47); колебание *аршин* и *аршинов* Черепов. (Ерем. 30) Цивил. (пр. 143) Дмитр.-Кур. (пр. 125); ср.: в каждом (куске лент) по сороку одному российских *аршинов* Письмо Черкасского к Кантемиру (Майк. 165), *Аршинов* сто длина Некр. IV, 28, — *аршинов* Котельн. (Тр. Вят. Пед. И. III, 53) Казан. (пр. 94) Семен. (пр. 118) Мокш. (пр. 232, 1) Камышл. (пр. 89) Кашин. (Смирн. 90) Пореч. и Зубцов. (Изв. XVIII, 3, 271) Мещов. (пр. 150) Елецк. (пр. 111) Новосил. (пр. 77) Рязан. г. (РФВ. 28, 25) Егорьев. (пр. 133, 1) Грайвор. (пр. 279) Кубан. (Науменко) Терск. (Караул.).[1] — 7. Необъятное количество... вишень, груш и даже *бергамот* Акс. Дет. г. 395. — 8. *Бивак* французских Держ. III, 337, среди походов, *бивак* и жарких схваток Гог. Портр. II. — 9. Со связкой *брелок* Л. Тлст. Анна Кар. — 10. Род. мн. *гардемарин* (Черныш. 73). — 11. Яблонь, и груш, и *гранат* Жук. Одиссея VIII, 115. — 12. Вижу Русских *гренадер* перед Трояновой колонной Бат. I, 298, 1000 человек конных *гренадер*, он сменил наших конных *гренадер*, с одною ротою *гренадер* Пушк. Зап. бриг., Ист. Пуг. б. (ср. у него же — Первый ряд наших *гренадеров* лег на земь, Зап. бриг.). — 13. 9000 *гульденъ* Перв. Рус. Вед. 193. — 14. Эскадрон *гусар* летучих Давыд. Гус. пир, увидав *гусар* Л. Тлст. В. и м. III, ч. 1, гл. 15; колебание: два эскадрона *гусар*, но — с изумлением увидели *гусаров* Михельсона Пушк. Ист. Пуг. б. IV, VII; ср. 30 ротъ *гусаровъ* Перв. Рус. Вед. 220. — 15. Съ 250 человѣками *драгунъ* Рел. 1739 г. (Ломон. I, прим. 86) В. Майк. 254; колебание: безъ *драгунъ*, 1000 *драгунъ*, но — набрать въ полки... *драгуновъ* изъ казаковъ П. и бум. П. В. II, 13, 60 I, 457, триста с чем-то *драгун*, но — взять из Курляндии *драгунов*, через четырех *драгунов* Пушк. Зап. бриг.; ср. *драгу́нив* нанять Белгор. (Хал. 305).[2] — 16. Сколько же касается *епископ*,

[1] Ср. в белор. (диал.) *аршин* (Шахм. III, 409).

[2] Ср.: а велѣно *драгуновъ*... переписать Гр. 1668 г. (А. Кал. I, 587).

которые трактовали о соединении веры... Кантем. Письмо Прокоповичу (II, 462). — 17. Род. мн. *кадет* (Черныш. 73); ср.: на двух моих братов *кадетов* Письмо Кантемира к матери (Майк. 69), — *кадетов* Новгор. (Сол. 8). — 18. Разныхъ *калиберъ*, коихъ *калибръ* П. и бум. П. В. II, 164, 240; ср. которыхъ *калибровъ* ib. IV, 447. — 19. 37 паръ каменья изумрудовъ, вѣсомъ въ нихъ 180 *кратъ* Сговорная 1696 г. (А. Кал. III, 313). — 20. Род. мн. *кирасир* В. Майк 256, вслед за отрядом *кирасир* Пушк. Ист. Пуг. б. VIII, колеты *кирасир* мучные Лерм. Петерг. праздн. — 21. Меж *лавр* Княжн. Влад. II, 2 (ср. средь *лавров* Влад. и Яроп. I, 2), Хемн. 400, больше *лавр* пожато сей рукой, чем солнечных путей свершилось над тобой Озер. Яроп. и Олег III, 4 (ср. безсмертных *лавров* ожидаю, Подр. Лебрюну). — 22. Без *лафет.* Хемн. Письма, 55. — 23. Римских *легион.* В. Майк. 249. — 24. Пять *литр* серебра Ломон. V, 302. — 25. Ленивых *матрос* Гонч. Фр. Палл. (Черныш. 75). — 26. Под *мирт* ветвями Держ. III, 201, из *мирт* Капн. На всенар. обруч., под сенью *мирт* Жук. Уедин., Ахилл, Эпимесид; колебание: из свежих *мирт*, но — из *миртов* и лилей, под тенью *миртов* Бат. Эл. из Тиб., Тиб. Эл. XI, Отр. из элегии (ср. у него же им. ед. *мирт* душистый, Пленный); ср. из *миртов* молодых Пушк. Мечтатель, от *миртов* дышит аромат Лерм. Ангел см. — 27. Род. мн. *могикан* (Черныш. 74). — 28. Ни сосуд сребряных ни *мрамор.* Кантем. I, 356. — 29. *Нерв* трепет Держ. II, 344, от слабости моих *нерв* Карамз. Соч. II, 50 IV, 2. Письмо Тургеневу 1824 (Москвит. 1855, дек. 181), Гриб. Г. от у. IV, 10, Письмо Нащокина к Пушкину (II, 239), судорожное потрясение *нерв* Одоевск. Рус. ночи IV, С. Акс. Сем. хр. 535, Гонч. Обр., ч. III, гл. 6, 7, 10, 15, Л. Тлст. А. Кар. IV, гл. 18; колебание: орудие мысли, мозг, есть источник *нерв*, но — *нервов* Радищ. О чел., Жит. Ушак. (I, 12 II, 9, 69, 70); ср.: А все оттого, что во мне совсем этих самых *нервов* нет. Лейк. Прив. оспы. — 30. Всяк из *офицер.* Кантем. Сат. III, 91 (первон. ред.), Не я ли сильною рукою На плечи *офицер* надел (мундиры), Марин, Пар. на Подр. Иову (Ломон. I, прим. 482), ср. здесь же — и *офицеров* безобразных. — 31. Род. мн. *пассажыр*

Тунк. (Вин. 16). — 32. *Патрон* у нево не хватило Кирил. (Бр. Сокол. 118) Вят. (Зел. Ск. 315, 316). — 33. Без *перл*, меж *перл* Держ. III, 201 IV, 118 (ср.: она бы составила неоцененный *перл* Гог. Невский просп.). — 34. Прислонясь у колонн и *пилястр* Гог. Тар. Б. VI. — 35. *Пистолет* трое П. и бум. П. В. II, 164, пара *пистолет* Гонч. Алексей. — 36. Без *погон* (Черныш. 73); ср. без *погонов* Лейк. Пред праздн., Телешов, На тройках. — 37. Изъ *рейтаръ* Котош. 197[об], П. и бум. П. В. II, 7, 13, 1000 французскихъ *рейтаръ* Перв. Рус. Вед. 71 (колебание — *рейтаръ* и *рейтаровъ* у Котош. 194[об], 197).[1] — 38. Отдавать *рекрут* всякого рода Радищ. Оп. м. влад., толпы *рекрут* Гриб. О кав. рез., слухи о прибавке *рекрут* Гог. Две гл. из малор. пов. I; колебание: 4000 *рекрутъ* (bis), но — изъ *рекрутовъ*, 2000 *рекрутовъ* (bis), о дополнки *рекрутовъ* П. и бум. П. В. II, 316 III, 539, 541, 491, продажа *рекрут*, число *рекрут*, на одних *рекрут*, при приеме *рекрут*, но — Не стану их надменно браковать, Как *рекрутов* Пушк. Мысли на дор., Зап. бриг., Ист. Пуг. 6. III, Дом. в Кол. III; ср. *рекрутов* Пинеж. (МАН. 6) Шадр. (Перм. Сб. I, 2, 110). — 39. Для гвардейских *сапер* (Черныш. 73). — 40. В образе *сатир* Кантем. Предисл. к Сат., Сат. V, 55, В. Майк. Елисей, IV, 364. — 41. Род. мн. *солдат* общелит. (напр. Несколько *солдат* дезертировало Письмо М. Петрова к Кантемиру, Майк. 55; Рел. 1739 г., Ломон. I, прим. 81; и др.), — *солдат* Молож. (РФВ. I, 150) Касим. (пр. 47) *цалдан* Нижнеуд. (Черных 383); колебание: *солдат* и *солдатов* Котош. 150[об], 195, 197[об], П. и бум. П. В. II, 61, 88 IV, 322, 323, Ломон. I, 205 III, 206, 157, 167, 184 IV, 349 (по 4 случая), Веневит. Сц. из Эгм. (II, 110, 116), — Тотем. (Брок 120) Белоз. (Бр. Сокол. 45) Черепов. (Ерем. 30) Цивил. (пр. 143) Судж. (Резан. 247);[2] ср.: из *солдатов* много убито Перв. Рус. Вед. 183, они... напоминают театральных *солдатов* Вяз. Стар. зап. кн. (VIII, 88),

---

[1] Ср.: *рейтаръ* в грамм. 1676, 1681, 1691, 1698 гг. (А. Кал. I, 317 II, 537 III, 93).

[2] Ср.: 11 человѣкъ *салдатъ* Гр. 1670, 1698 гг. (А. Кал. II, 537 III, 327), *салдатъ* и *салдатовъ* Роспись 1667 — 8 г. (ib. 217, 219, 220).

вчера на параде *солдатов* смотрели Лейк. В день преп., — в народном языке повсеместно (Арханг., Олон., Волог., Новгор., Костр., Вят., Перм., Казан., Владим губб., Холм., Кашин., Пореч. и Зубцов., Семен., Карсун., Городищ., Мокш., Чембар., Медын., Мещов,, Егорьев., Зарайск., Спасск., Елецк., Новосил., Грайвор., Терск., Тобол.). — 42. Фунт *стерлинг* Гонч. Фр. Палл. (Черныш. 75). — 43. Теперь гром сабель, шпор, *султан* Грнб. Г. от у. II, 5, Тысячу скопит *талант*. Кантем. I, 431 (в примеч.: вм. *талантов*). — 44. Тысяча *туман*, по — два курура *томанов* Грнб. III, 61, 228, 273. — 45. Род. мн. *улан* Л. Тлст. В. и м. (Черныш. 73); ср.: увидели несколько отставших *уланов* Пушк. Пут. в Арзр. IV, стольких усатых *уланов* Гог. Неск. гл. из неок. нов. I, — панов-*уланов* стал поукивати Онеж. (Гильф. 167). — 46. От *фланг*. В. Майк. 256. — 47. Множество *фонтан*. Id. 245. — 48. Непріятельскихъ *фрегатъ*, 5 *фрегатъ*, 2-хъ *фрегатъ* П. и бум. П. В. II, 128, 173, III, 57 (здесь же — 2 *фрегата* II, 162), спуск *фрегат* Радищ. Дн. пут. из Спб.; ср.: празднество о взятьѣ 4 шведскихъ *фрегатовъ* Журн. Акад. Наук 1721 г. (Майк. 297; ср. колебание в роде у Кантемира — одну *фрегату*, три *фрегата*, ib. 253, 271). — 49. Вазы для *фрукт* М. Горьк. Ф. Горд. XI; ср.: за неимением в России *фруктов* Радищ. Пис. о кит. т., под тяжестью конфект, *фруктов* Лейк. Пресыщ. и гол. — 50. 180 *ѳутъ*, глубже восми *ѳутъ*, но — по пяти *ѳутовъ* П. и бум. П. В. II, 77 III, 50, 320. — 51. Грянули с *хор* музыканты А. Н. Тлст. Хр. барин. — 52. Я ни разу не натянул себе *чулок* на ноги Гонч. Обл. I, 8, — *чулок* Чердын. (Перм. Сб. I, 2, 30) Орл. (Будде 43); колебание — *чулок* и *чулко́ф* Руз. (Дурново) ср. 10 паръ *чулковъ* П. и бум. П. В. IV, 370, тогда *чулков* не носили Княжн. Неуд. примир. II, собрание (синих *чулков*) Вяз. Стар. зап. кн. IX, 174, — *чулков* Сольвыч. (пр. 193) Тотем. (Брок 39) Котельн. и Котлас. (Тр. Вят. Пед. И. III, 53 и 75) Слобод. (пр. 222) Перм. (С. Обнорский) Ростов. (РФВ. 65, 290) Чебокс. (Магн. 148) Курмыш. (Варш. Ун. Изв. 1914, 9, 127) Мещов. (пр. 41, 1) Щигр. (РФВ. 2, 78) Терск. (Караул. 21); — ср. он без *чул*, без сапог бежал Васильсур. (Нижег. Сб. III, 121). — 53. Кромѣ зарѣчной батареи

и Балковыхъ *шанецъ*... все негодно. П. и бум. П. В. III, 94, изъ *шанецъ* своихъ Перв. Рус. Вед. 123. — 54. Не полюбил я *эполет* Дельв. В альб. А. Н. В-ф, без *эполет* Гог. Невск. просп. (первон. ред.), Жен. I, 3, Мерт. д. II, 2 (здесь же колебание рода в ед. числе: толстый *эполет* Нев. пр.; у меня и на правом плече *эполета*, и на левом плече *эполета*, Зап. сумаш.), без *эполет* Лерм. Гер. н. вр. I, Акс. Сем. хр. 309, Л. Тлст. Х.-Мурат IX, В. и м. I, ч. III, гл. 2 (здесь же в ед. числе: *эполета*, с одною *эполетой*, В. и м. II, ч. 5, гл. 9); колебание — *эполет* и *эполетов* Н. Павлов, Три пов., с. 150, 353; ср. генеральских *эполетов*, тучных *эполетов* Вяз. III, 66, 128. — 55. Вчера храпел я у немцев при шуме, треске и грохоте *ямб* Грильпарцера Гриб. Письма (III, 162).

В образованиях данного ряда форм род. мн. без флексии отчасти сыграли роль те же причины, которые указаны и для приведенного выше перечня аналогичных фактов. Так, ряд примеров в предложенном материале относится к словам, означающим денежные единицы, или единицы веса, длины и под., к словам, употребляющимся обычно в сочетании с числительными. Как и в приведенных выше фактах этого рода, здесь естественно оказалась упрочившейся в употреблении форма род. мн. без флексии. Ср. родительные мн. *акр, алтын, аршин, гульден, карат, литр, стерлинг, талант, туман, фут,* также *пистолет* и *чулок,* — все эти примеры характеризуются употреблением именно в значении счетных единиц. Ср. показательные данные, относящиеся к имени существительному *алтын*: в соединении с числительным — форма род. мн. без флексии (*алтын*), но вне связи со счетностью это же слово в род. мн. дает форму *алтынов*. В известной части материала с колебанием в род. мн. форм на *-ов* или с нулем флексии отразилась двойственность самой основы отдельных имен существительных, т. е. двойственность их в форме ед. числа, как слов то муж., то ж. рода, ср. *фрегат* и *фрегата*, *эполет* и *эполета*, *мирт* и *мирта* и др. Большинство однако приведенного материала не входит в отмеченные категории и должно иметь какое-то особое объяснение.

Повидимому, употребление в остающейся группе фактов род. мн. без флексии должно объяснять недостаточной усвоенностью в языке соответственных рядов заимствований. Действительно, бо́льшее усвоение языком этих заимствований вводит их в нормы обычного склонения и дает в результате от них формы род. мн. на *-ов*. Так в народном языке почти исключительны образования от указанного круга имен существительных форм род. мн. на *-ов*, напр. *рекрутов*, *солдатов*, *чулков* и др.[1] Однако самый вопрос о причине, обусловившей возможность образования род. мн. без флексии от заимствованных слов не вполне ясен. В отношении ряда слов, употребляемых в род. мн. обычно со значением количества, как напр. в именах существительных *апельсин, бергамот, гранат, фрукт*, или *погон*, *аксельбант*, *патрон, пилястр* и под., или *гардемарин, гренадер* и т. д., можно думать об отражении на них в образовании формы род. мн. без флексии аналогичных форм от указанных слов типа *пуд, аршин* и под. В отношении ряда слов можно также думать об образовавшейся ассоциации их с именами на *-арин*, *-анин*: последние существительные звучали во мн. числе (в живом произношении литературного языка) в именительном падеже на *-ары*, *-аны* (*татары*, *горожаны*) при родительном на *-ар*, *-ан* (*татар, горожан*), — по аналогии с этими формами при им. мн. *гардемарины, гренадеры, гусары, драгуны* и под возникли формы род. мн. *гардемарин*, *гренадер* и т. д., каковой тип образований мог обобщиться в группе сходных по значению имен существительных (ср. род. мн. *кадет, матрос*, *офицер, рекрут*, *солдат*). Ближайшие причины образования формы род. мн. без флексии в остающейся группе заимствований (в словах, как — *брелок*,

---

[1] Этой усвоенностью в русской речи (франц.) слова *партизан* объясняется форма род. мн. от него на *-ов* (*партизанов* шпанских Письмо Кантемира к Щербатскому, Майк. 264; толпы турецких *партизанов*, Гриб. Письмо Булгарину). Ср. еще род. мн. *арабесков* (Разнообразные узоры из *арабесков* снеговых Вяз. XI, 183; у Вяземского же имеется — им. ед. живой *арабеск*, т. XII, 76, тв. ед. ярким *арабеском*, XI, 392).

лавр, нерв, легион, мрамор, фланг, фонтан, хор, шанец, ямб) не ясны.

Довольно устойчивую группу слов, образующих род. мн. без флексии, составляют существительные со значением племенных названий и др. Сохранение в этой группе слов форм архаического типа (без окончания *-ов*) должно объясняться отчасти влиянием старой группы собирательных, как *татара* — род. *татар*, отчасти ассоциацией слов на *-анин, -арин*, имевших также в род. мн. формы без флексии (*татарин, славянин*, — род. *татар, славян*). Бо́льшая «руссификация» этих существительных дает соответственные формы род. мн. на *-ов*. В литературном языке в данной группе слов наблюдается колебание форм род. мн. без флексии и форм на *-ов:*

1. Из *Алан*, переселение *Алан* Ломон. V, 288, 289 (также — *аланов*, ib. 287, 288.). — 2. От *арап*. Кантем. I, 28. — 3. Ср. род. мн. *Арнаутов* Пушк. Письма I, 24. — 4. Посылали *баскак* или зборщиков Ломон. V, 168. — 5. 300 *бахтиар* (Черныш. 73). — 6. Для *башкиръ* П. и бум. П. В. V, 87. — 7. Против Половцев и *Валах*, из Русских, Татар и *Волох* Молчановский, Оч. изв. о Подольской земле (Сб. соч. студ. У-та св. Влад. VIII, 49, 366). — 8. Собрал войско из *Варяг*, Славян и Чуди Ломон. V, 298, 300 (рядом — *Варягов*, ib. 292, 305). — 9. Несколько *грузин* сопровождали арбу Пушк. Пут. в Арзр. II, десятка два *грузин* и горцев Лерм. Гер. н. вр. I. — 10. (Гомер), Что древних *Еллин* мочь хвалил Ломон. I, 50. — 11. *Калмыкъ* унимай, тѣхъ всѣхъ твоихъ *Калмыкъ* велѣл тебѣ отдать безъ задержанія, Чугуевскихъ *Калмыкъ* 58 человѣкъ оставить П. и бум. П. В. I, 278 II, 9 III, 487 (ср. наредить ратныхъ людей, Татаръ, *Калмыковъ*, ib. II, 25), — *калмык* Чернояр. (РФВ. 70, 128).[1] — 12. Род. мн. *камчадал* и *камчадалов* Пушк. Камч. дела. — 13. Род. мн. *киргиз* (Черныш. 74). — 14. На самих *Козар* подвигая (завоевание) Ломон. V, 317 (ср.: после изгнания *Козаров*, ib. 165). — 15. Под влиянием напора *Куман* или Половцев,

---

[1] Ср.: 500 человѣкъ *калмыкъ* Сказка 1697 г. (А. Кал. III, 341).

Молчановский, 39.—16. Род. мн. у *латин.* Кантем. I, 520 (ср. *латинов,* ib. 517). — 17. Иногда, действительно, армяшки выдают себя за черкесов и за *лезгин* Куприн, Поедин. I. — 18. Род. мн. *монгол* (Черныш. 74). — 19. На Москвѣ у *Нѣмецъ* Котош. 115^{об}. — 20. Прописывал рецепт хирургус из *немчин* Дмитр. (Бусл. 230). — 21. Я нанял шесть быков и нескольких *осетин* Лерм. Гер. н. вр. I. — 22. Несет он в Киев дань Мятежных *Печенег* Озер. Яроп. и Ол. I, 3, Княжн. Владис. III, 3, самое имя *Печенег* исчезает из летописи сравнительно рано, Молчановский, 40. — 23. Род. мн. *поляк* Моск. (Черныш., Изв. XIII, 169) от *поляк* Черниск. (Кир. VII, 4). — 24. Ср. род. мн. *роксоланов* Ломон. V, 287, 288 (у него же — им. мн. *роксолане* ib. 275). — 25. Род. мн. *сарацын* (Восток. 30). — 26. Я злее всех *Сармат* Росславом поражен Княжн. Владис. I, 1, Держ. III, 370; колебание — *Сармат* и *Сарматов* у Ломон. I, 188 V, 248, 255, 256. — 27. Род. мн. *тунгус* (*тунгуз*) Черныш. 74. — 28. 50000 *турок* Рел. 1739 г. (Ломон. I, прим. 80), Веневит. Песнь Грека, — Ефрем. (Кир. X, 462); колебание — множество *Турокъ,* но — *Турковъ* побито, противъ *Турковъ* П. и бум. П. В. I, 83, 212 II, 152, *турок* и *турков* Перв. Рус. Вед. 44, 127, 184, против *Турок* и против *Турков* Гриб. III, 59, 239, 264, ср. по Пушк. (Крит. зам.) правильность обеих форм — *турок* и *турков,* у него же — много *турков?* Пут. в Арзр. III (в ед. ч. у Пушкина колебание: важный *турок,* но — за бедного *турку,* ib. IV; V), — *турок* и *турков* Барнаул. (Кир. I, 93); ср. *турков* Ломон. IV, 34 V, 188, Фонв. Письмо Панину 1777, Жук. Руст. и Зор. V, Вяз. IV, 355 X, 53 XII, 553, Дост. (Лобов, Из ист. 147), — я старых *турков* всех повырублю Нижегор. г. (Пам. влр. н. 60) Мещов. (пр. 41, 1). — 29. У *черемис* Радищ. Дн. пут. из Сиб., так обзывают русские *черемис* Зел. 83 (у него же им. мн. *черемиса*). — 30. *Черкасъ* немалое число П. и бум. П. В. II, 26 VI, 156, с появлением в наших письменных памятниках имени *Черкас* Чорные Клобуки давно уже вышли из памяти, Молчановский, 66. — 31. 20000 *янычар* Рел. 1739 г. (Ломон. I, прим. 80), достоин подвиг сей вас, *янычар* Султана Вяз. XI,

124. — 32. Сомневаюсь, чтобы у *Ятвяг* был такой воевода, Молчановский, 148.[1]

Распространение в данной группе слов двойственной формы род. мн., архаической формы без окончания и формы на *-ов*, вызвало, преимущественно в диалектической речи, подобное же колебание форм и у имен на *-анин*, *-арин*, т. е. и в них рядом с нормальными формами без флексии стали возникать формы на *-ов*. Ср.: ни *армянов*, ни купцов Терск. (Панкр. 101); — *болгаров* Ломон. V, 308, 323 (рядом — *болгар*, 321, 324); — *басурманов* тмы Жук. Воейкову, также у Фонв. и Пушк. (см. выше, с. 139, ср. из *басурман* Ардат. (РФВ. 1, 162); — *бояров* Печор. (Ончук. Был. 237) Шенк. (Кир. III, 9) Каргоп. (Рыбн. II, 14) Олон. (Ж. С. III, 1, 132) Петроз. (Рыбн. II, 60; Ист. 43; Гильф. 458, 614, 767, 830) Екатеринб. (Зел. Ск. 63) Чердын. (Перм. Сб. I, 2, 60, 70) Арзамас. (Нижег. Сб. II, 358) Барнаул. (Тих. и Милл. 77, 193); — *крестьянов* Зарайск. (Петр. 38); — *магометанов* Бирск. (С. Обнорский); — *мусульманов* Ручн. Дор. 1801, с. 2, — колебание у Гриб. III, 68, 82, ср. *мусульман* у Держ. IV, 266; — Кривой-то правду говорит насчет *мещанов* М. Горьк Гор. Окуров; — *персианов* Ворон. (АГО. IX, 23); — *поезжанов* Бирск. (С. Обнорский); — *прихожанов* Арзамас. (АГО. XXIII, 140); — *римлянов* Кантем. Сат. II, 157 (ср. Соч. I, 552); — *сваребьянов* Белоз. (Бр. Сокол. 351, 354); — *славянов* храбрых сила Дмитр. (Бусл. 230); — *татаров* Пуд. (Рыбн. II, 287) Смол. (Добров. 904) Зарайск. (Петр. 38), ср. *татар* Арханг. (Кир. IV, 45) Тотем. (при им. — *татара*, Брок 121); — *турчанов* (рядом — *турчан*) Онеж. (Гильф. 175, 176).

Впрочем, в возникновении этих форм на *-ов* могли иметь значение и некоторые другие аналогические воздействия. Так, именительные мн. данного типа слов на *-ы* (*татары*, *горожаны*, см. с. 137) естественно влекли к появлению в род. падеже форм на *-ов*, ср. *рабы* — *рабов*. Кроме того, от известных слов, как

---

1 Форма род. мн. *эфиоп* у Кантем. I, 312 согласно его примечанию вызвана метрическими условиями и употреблена вм. *эфиопов*.

об этом замечено выше, под влиянием форм мн. числа появились новообразования в ед. числе без осложнения основы суффиксом -*ин*-, ср. отмеченные выше *болгар, бояр* (с. 140), ср. еще — *басурман, мусульман* (напр., Ушел я во орду и стал вновь *музульман* Держ. Евпр. IV, 262, ты — *мусульман*, ib. 300); от этих новообразований ед. числа естественны формы мн. числа типа *мусульманы, мусульманов*. Наконец, можно еще указать на появившийся иной тип новообразований в рассматриваемой группе имен существительных, именно с проведением во всем склонении, т. е. и во мн. числе, основы, осложненной суффиксом -*ин*-. От этих новообразований формы мн. числа должны были звучать на -*ы*, и далее в родительном падеже на -*ов*, — отсюда побуждение к возникновению этих же форм на -*ы*, -*ов* у тех же имен существительных, но с параллельными основами, не осложненными суфиксом -*ин*-. Выше (с. 139) приведены формы им. мн. типа *болгарины* и под. Ср. еще подобные формы для род. падежа: *баринаф* Зарайск. (Петр. 38) *бояринов, татаринов* Пуд. (Рыбн. II, 27) Пинег. г. (Пам. втр. н. 63) Симб. г. (Кир. IV, 125) Петров.-Сарат. (ib. 129) *басурманинаф, татаринаф* Егорьев. (Шахм. 215) *татаринов* Онеж. (Гильф. 1165) Печор. (Ончук. 55 и др.) Петроз. (Гильф. 701) Владим. г. (Кир. VI, 161) Симб. г. (ib. III, 31) Дон. (Савел. 137) Енис. (Э. О. 1915, 1 — 2, 93) Барнаул. (Тих. и Милл. 140) 20 *крестьянинов* Муром. (пр. 100) *черкашенинов* Симб. г. (Кир. VI, 166; ср. у *черкашенина* ib. 163; ср. у *черкашенов* Владим. г., ib. 161), *бухаринов, черкашенинов, шуринов* К. Дап. 14, 51. Здесь следует отметить, что слово *цыган*, о котором сказано выше, в современном литературном языке имеет двоякую форму для род. мн. — *цыган* и *цыганов*; последняя форма (более правильная) может быть оправдана свидетельствами старшего периода языка: ср. *цыгановъ* Кн. переп. 1669 г. (А. Кал. II, 192), там теперь столько *цыганов*, что еще украдут тебя Гог. Гл. из ист. ром. Здесь же отмечу диалектическую форму род. мн. *господо́в*: Шенк. (Манс. 110) Лукоян. (Колос. Обз. 216) Скопин. (Будде 30) Краснояр. (Селищ. 84);

ср. подобное образование от *хозяева* — от двух *хозяевов* Л. Тлст. (Лобов, Из ист. 138), до́му *хозя́еваф* Моск. (Черныш. 179).[1]

Во всем приведенном выше материале форм род. мн. без флексии явление это в значительной мере выступает принадлежностью литературного языка, современного или старшего периода. Однако подобные формы могут еще быть указаны от отдельных групп существительных как формы, известные в исключительно диалектическом употреблении. Таковы следующие данные: без *башмо́к* Мещов. (пр. 41, 1) Брян. (Тихан. 25); — супротиф *берек*, коло *берек* Черепов. (Ерем. 30); — подле *бок* идут куфарочки Печор. (Ончук. Был. 129); — двух *братан* на свете вернее нет Арханг. г. (Садовн. 224); — бояр и думчих *энерал* Кирил. (Бр. Сокол. 265); — с трех *год*, 8-ми *год*, в 40 *год* Петроз. (Барс. I, 129, 315, 323; Рыбн. I, 1; Ончук. Ск. 254) пять, десять *год* Тихв. и Вышневол. (Оп. обл. слов.) пять *год* Казан. (пр. 94) сем *год* Ельнин. (Добров. 131) дисять *год* Лифл. г. (Бобров 394) 6 *год* Холм. (пр. 54) 30 *год* Луж. (РФВ. 40, 110) *гот* и *гадо́в* Жиздр. (РФВ. 49, 324) сем *гот* Мещов. (Черныш. 46),[2] — ср. *годов* 20 тому назад Л. Тлст. От ней все кач. II, 6, мы пять *годов* на этом деле Лейк. Мозоль, — *годов* Карсун. (Кир. I, 41), — ср. *годок* десяток Балаш. (Ж. С. XX, 1, 36), 20 *годышек* Петроз. (Барс. I, 130, здесь же — *годышков* I, 273 II, 187; ср. им. ед. *годышек*, род. долга *годышка* II, 18, 96); — ходят меж *двор* Шенк. (Манс. 110) Белоз. (Тр. МДК. II, 61); — род. мн. *дохтар* Бельск. (Добров. 175); — полетело из *дымолок* кирпицьё заморскоё Шенк. (Кир. I, 84); — род. мн. *ко́зён* Пуд. (Манс. 156) *ко́зон* Оренб., Сарат. г. (Слов. Акад.); — из за *лес* из за темныих Арханг. г. (Майк. Закл. 544, из стар. ркп.); — несколько *магазин* Кирил. (Бр. Сокол. 176; ср. здесь же — в особую *магазину*, с. 179) 12 хлебных *магази́н*

---

[1] Любопытна форма род. мн. (многа есь на сьвети богатых) *люд* Мещов. (пр. 267); ее, повидимому, следует вести от старого *людин* и под.

[2] Ср. тринадцати *годъ*, *годъ* въ двадцать, пяти *годъ*, осминадцати *годъ*, семинадцати *годъ* Кн. каб. 1598 г. (А. Кал. II, 119—121) пяти *годъ* и мн. др. Кн. Переп. 1669 г. (ib. 213). Эта же форма у Квітки: дванадцять *год* учився в дяка у школі II, 60.

Белоз. (ib. 54) 12 *магáзин* и — *магáзинов* Вят. (Зел. Ск. 309; ср. здесь же — в ту *магáзину,* с. 324); — из *мозог* твоих Валд. (Безс. VI, 101); — около *обрóз* Терск. (Караул. 21); — род. мн. *орех* Никол. (Манс. 213) с *орех* Сенпин. (Шейн I, 277, 278); — безъ клинья кафтанъ безъ *рукавъ* епанча Посл. XVII в. (Сим. 218);[1] — на три, четыре, восем *ряд* Петроз и Повен. (Барс. II, 134, 159; Рыбн. III, 372); — видно сбпу̂сё с наших *след* Тотем. (Ж. С. XXI, 2, 252); — я про всих (стала спрашивать) .. старопрежних *сусед* да спорядовых Петроз. (Барс. I, 148) у *сосед* Каспи. (Будде, К ист. 132),[2] — ср. много *соседов,* да мало обедов Снегир. 227, *соседов* Ломон. I, 26 V, 254, 292, 294, Капн. Богат. соседу, Вяз. II, 75 IV, 277, Пушк. Родосл. м. гер., Выстр., Гробовщ., Бар.-кр., Л. Тлст. (Лобов, Из ист. 138), — Грязов. (Тр. МДК. III, 77) Тотем. (Брок 121) Владим. (Черныш. 30); — во первом-то поле сто *суслон* Вят. (Колос. Зам. 256); — мой гусь возле *ус* Твер. (Шейн I, 282) нет ни *ус* ни бородушки. Щигр. (из песни, Хал. 66); — трое *чебот* изодрала Котельн. (Зел. Ск. 224) Обоян. (РФВ. 38, 123). — От слов сложенных с суффиксами: беленький тулупчик сшит без *рубчик* Курск. г. (Садовн. 67); рек и *ручеек* брала (Волга) и сметы нет Пуд. (Рыбн. III, 69); нет *листочак,* ни *кусточак* Ворон. г. (РФВ. 39, 180); *напиточек* сладкиих Онеж., Петроз., Пуд. (Гильф. 446, 1007; Рыбн. I, 192, 281 II, 171); Ен (платок) не долог — караток: адинáдцать *лакаток* Обоян. (РФВ. 38, 133); берет он *напиток* подорожныих Онеж. (Гильф. 972, 1149) Нолин. и Уржум. (Зел. Ск. 280, 361, 363); *ребетенок* не забудьте Смол. г. (Добров. 789) Никол. (Манс. 213); «86 *утенок*», — прочел он на косяке. Бун. Дер. I.

Эти данные в существенной своей части того же характера, что и приведенный выше параллельный материал из литературного языка. Можно в этом отношении, минуя частности, подчеркнуть особенную распространенность в диалектическом

---

[1] Ср. в угрорусском род мн. rukáu̯ (Брок 84).

[2] Ср.: и въ вотчинахъ *сусѣдъ* не было Приговор 1620 г. (А Кал. III, 30), но — а къ себѣ *сосѣдовъ* не пущати Купчая 1613 г. (ib. 395). То же колебание в украинском: до *сусідъ* Кв. I, 5, до *сусïдів* Шевч. I, 233.

употреблении формы *год*: она сохранилась в своем архаическом виде (ср. древне-русское *годъ*, род. мн.) благодаря своей тесной связи, по употреблению в речи, с числительными, т. е. как и указанные выше формы в роде *пуд, раз* и под. Такого же происхождения формы *ряд, суслон, чебот* и др. Колебание в род. мн. *магазин* при *магазинов* объясняется существованием двойственной формы слова в ед. числе — *магазин* и *магазина*, по муж. и ж. роду. Некоторые из примеров перечня носят вообще характер архаизмов, ощутимых языком. Ср. формы *лес, рукав*, также областную форму *обрóз* (церковнославянизм, внешне руссифицировавшийся в условиях акающей речи).

Имена существительные муж. рода мягкого различия образуют родительный мн. при помощи окончания *-ей*, перенесенного из старых основ на *-i (ср. *коней, царей*); эту же флексию имеют и существительные с основами на *ш, ж, щ, жд*: очевидно тип форм на *-ей* от данной группы имен существительных образовался в ту пору, когда указанные согласные, которыми заключалась основа существительных, звучали еще мягко, и следовательно отвердение их совершилось позднée, уже после образования данных форм род. мн. на *-ей*. Есть несколько случаев в рассматриваемой категории существительных с образованием формы род. мн. не при помощи *-ей*, а без всякой флексии, т. е. с сохранением соответственных архаических форм согласно исконным основам на *-jo. В старом языке так именно звучат формы род. мн. от имен на *-ичь*: отъ *вагуличъ* Гр. 1678 и 1686 гг. (А. Кал. II, 16 III, 354) *сродичь* своихъ Каб. закл. 1668 г. (ib. II, 12) и во всѣхъ мѣсто *пермичь* Отпись 1606 г. (ib. 599). Этот тип форм пережил Петровскую эпоху и додержался до Ломоносовской поры: изъ *москвичъ* и др. П. и бум. П. В. III 10, 15, 33, 60 V, 28, 43, 117 и др. (ср. *москвичей* IV, 10) отложившихся *псковичь* принудил военною силою к здаче Ломон. V, 216. Как архаизм, у Державина имеется подобная форма от существительного *страж*: Так власть насильственна над *страж* самих храненьем, Темный (V, 372), ср. здесь

же — вкруг *стражей* укрепя, с. 384. Собирательные имена существительные на *-ша* и под. рядом с формами род. мн. на *-ей* хранят из старины также формы без флексии: на берегу было много *чуваш* и под. Радищ. Дн. пут. из Спб., в курных избах *Чуваш* и Мордвы кормежки были нестерпимы Акс. Дет. г. 114, Сем. хр. 11, не люблю я *чуваш* и мордву М. Горьк. Трое, Лето; у *чукоч* Колым. (Богор. 93, 115), — ср. от *чукчей* Держ. II, 362. В областном языке встречаются еще единичные случаи подобных форм род. мн. без флексии: у желанных *родитель* Петроз. (Барс. II, 61);[1] — семь *кирпич* Печор. (Ончук. Ск. 46, 50); — пять *олени* Колым. (Богор. 10); — а лешой вырывает из *корéнь* деревья Котельн. (Зел. Ск. 11); — нам будет на век *лапóт* держать Онеж. (Смирн. I, 112) Кадник. (Ж. С. V, 3, 385); — тебе не сто *локоть* достаницьце Шенк. (пр. 235) сорока *локóть* Торопец. (Безс. I, 310) на тридевять *локоть* Сызран. (ib. V, 149) по *локóть* у чада руки в серебре Томск. г. (Пом. вир. н. 78),[2] — ср. 40 *локот* и под. Беломор. (Изв. VII, 3, 31) Онеж. (Пам. вир. н. 119; Ончук. Ск. 511) Печор. (id. Был. 117, 235) Петроз. и Пуд. (Рыбн. III, 150; Гильф. 410, 1070 и т. д.) Болх. (Безс. V, 157) Обоян. (РФВ. 38, 138) Судж. (Хал. 234) до *локот* Пуд. (Манс. 158) по *локóт* Печор. (Ончук. Был. 100, Ск. 24) Петроз. (id. Ск. 309) Котельн. (Зел. Ск. 2, 217) Екатеринб. (ib. 15), — ср. на 60 *локотов* Валд. (Безс. V, 154);[3] — из *ногот* только кровь пошла Онеж. (Смирн. I, 107), род. мн. *нокóт* Кадник. (Ж. С. V, 3, 385).

Наиболее характерными образованиями здесь являются последние формы — *лапот, локот, ногот*. Эти слова в старом русском принадлежали к основам на *-i, но по крайней мере одно из них, именно существительное *локоть* (впрочем, по-видимому и *ноготь*), в эпоху еще более древнюю относились к основам на согласные: ср. от первого слова нередкую

[1] Ср. в укр. — *приятель* мало (Шахм. III, 79).

[2] Ср.: 15 *локоть* Гр. 1551 г. (Арх. Строева I, 334).

[3] От род. мн. *локот* естественны были дальнейшие образования на *-ам*, *-ами*, *-ах*, ср. по *локотам* Онеж. (Гильф. 891, 918). — Здесь же отмечу искаженную форму род. мн. — (десяти) *локов* (от *лóкоть*), Варенц. 31.

в церковнославянских памятниках форму род. мн. лакътъ, также в тв. мн. лакты и ногътъı (Кульбакин, Энц. слав. фил. X, 66). Таким образом отмеченные диалектические формы род. мн. *локот, ногот* могут быть рассматриваемы, как сохранившиеся в областной речи формы глубокой древности; судя по форме *лапот*, можно и для нее предполагать такое же происхождение, т. е. думать, что и это слово первоначально склонялось по основам на согласные. Собственно это же предположение удовлетворительно объясняло бы и ряд прочих форм перечня — род. мн. *родитель, олень, корень*: эти формы, как и диал. род. мн. *локоть* (с палатальностью конечного согласного), могли возникнуть из первоначальных *родителъ, *оленъ, *коренъ, локътъ, с позднейшей заменой в данной форме конечных согласных твердых мягкими из иных падежных форм, где соответственные согласные почти всюду выступали в мягком виде. Необходимо отметить, что наиболее распространенная из отмеченных форм, именно род. мн. *локот* (*локоть*), по свидетельству источников почти всюду падает на случаи с положением формы после числительных, т. е. как в ряде иных указанных выше фактов подобного сохранения архаических форм родительного мн.; между прочим, таково же употребление в перечне форм *кирпичь, олень*. Характерен перенос ударения в род. мн. *локо́т, ноко́т, лапо́т* при ед. числе *ла́поть, ло́коть, но́готь*; ближайшие причины этого перенесения ударения не ясны, но одинаковый характер этого переноса в однородной группе имен существительных говорит как о древности самого переноса ударения, так и о древности данного типа форм, т. е. по системе склонения основ на согласные.

Имена существительные муж. рода с основами на -j- образуют род. мн. посредством *-ов* (*-ев*). Однако и здесь есть несколько отступлений с образованием формы без флексии. Ср.: полна хата *воробей* нагната Сибир. (Э. С. VI, 114); — сколько *грамотей* у нас развелось Фонв. Бриг. I, 1; — я думаю, что таких *ротозей* мало водится, id. Письмо к родным, 1777; — из *ручей*

з болот воды оны не пили Петроз. и Повен. (Безс. I, 165); — *соловей* твоих всех распустила Орловск. г. (Кир. VII, прил. 34); — у *Еврей* и у Греков Ломон. IV, 31 (ср. у него же — у *Евреев*, ib. 36). В современном литературном употреблении такова форма *комментарий* (без *комментарий*, Слов. Акад., своих *комментарий*, А Белый, Луг зеленый, 144) при старой — *комментариев* (*Комментариев* академических я имею восемь первых волюмов. Кантем. Письмо Партову, Майк. 191); впрочем, последняя форма, грамматически «правильная», возможна и для современной литературной речи (форма книжная).

Существительные муж. рода с основой, оканчивающейся на согласный *ц*, благодаря раннему его в говорах отвердению, усвоили в родительном мн. подобно именам твердого различия окончание *-ов* (*-ев*). Диалектически однако, именно там, где отвердение *ц* последовало соответственно в позднейшую эпоху, или там, где до настоящего времени *ц* произносится мягко, подобно именам мягкого различия флексией родительного мн. служит не *-ов* (*-ев*), а *-ей*. Ср. соответственные данные из Арханг. г. — *слопцей, столбецей,* (*слопец* = западня, *столбе́ц* = щавель, МАН. 4) *борцей-молодцей* (Кир. VI, 118); Беломор. — *купцей, гонцей, отцей* (Изв. VII, 3, 32); Онеж. — *отцей, огурцей, купцей, молодцей, месяцей* (рядом — *ов*, пр. 41) *борцей, отцей, купцей, заечей* (Гильф. 910, 924, 1191, 1267; Ончук. Ск. 540); Печор. — Ончук. Был., passim, Ск. 26, 44 и т. д.; Пинеж. — *огурцей, купцей* (МДК. XI, 8); Холмогор. — *глупцей, молодцей, месяцей* (пр. 50); Шенк. — *отцей* (пр. 80) *месяцей* (пр. 235). — Олон. г. Вытегор. у. — пр. 22; Каргоп. — *молодцей, месяцей* (пр. 106); Олон. — *отцей*-матерей (Ж. С. III, 1, 122); Петроз. — пр. 30, Ончук. Ск. 246, Гильф. 445, 751; Повен. — *купцей, отцей* (Ончук. Ск. 420; Гильф. 40); Пуд. — Манс. 148, АГО. XLII, 10, Рыбн. II, 27, Гильф. 376, 388. — Волог. г. Вельск. у. — *корминичей* (Э. С. V, 28) *молодцей* (Смирн. I, 142, 161); Верховаж. — *хлебопашцей, огурцей* (МАН. 30); Волог. — пр. 82, РФВ. 18, 239, МДК. XI, 74; Кадник. — пр. 25, 26, 31,

Смирн. I, 209, Ж. С. XIII, 3, 371; Тотем. — пр. 196, 198, 201; Ярен. — пр. 194. — Новгор. г. Белоз. у. — *молодцей, угурцей* («от некоторых имен с основой на *-ц*», Тр. МДК. II, 61) *отчей, огурчей* (пр. 162) *молодцей* (Бр. Сокол. 442); Кирил. — пр. 167, 186, Собол. Оп. 46, Бр. Сокол. 146, 175, 227, 246, 258; Устюж. — пр. 199; Черепов. — Герасим. 16 (= Ж. С. III, 3, 375), Ерем. 28, 30. — Костр. г. — *огурцей* (Еремин, 7); Макар. у. — *отцей, огурцей* (Даль LVII). — Вятск. г. Котельн. у. — *огурцей, месяцей* (пр. 35) *жеребчей, пальцей* (Зел. Ск. 123, 137); Малмыж. — *огурцей* (пр. 103); Нолин. — пр. 52, 68; Орл.-Вят. — пр. 42, 63; Слобод. — пр. 65, 141; Яран. — *огурчей, молодчей* (пр. 101). — Пермск. г. Верхотур. у. — *отцей, месяцей* (пр. 154); Красноуф. — *отчей* (пр. 137); Кунгур. — пр. 134; Соликам. — *песцей* (пр. 181). — Владим. г. Пересл. у. — *зайцéй, пальцéй* (Тр. МДК. IX, 76); Сузд. — *зайцэ́й* (Черпыш. 25). — Тверск. г. Бежецк. у. — *огурцей* (пр. 6). — Моск. г. Бронниц. у. — *канцей* (Изв. VIII, 1, 376). — Симб. г. Карсун. у. — *зайцей* (АГО. XXXVII, 27). — Сарат. г. Сарат. у. — *пальцей* (Slavia VII, 511). — Калуж. г. Мещов. у. — *месяцай* (Черпыш. 162). — Рязанск. г. Егорьев. у. — *огурцéй, пальцéй, кузнецéй* (пр. 133, 1); Касим. — *агурьцэй* (Будде, К ист. 337); Скопин. — *месяцей* (id., РФВ. 1913, 3, пед. отд. 74). По очевидной аналогии с этими именами и существительные с основой на -j- также получили возможность образования подобных же форм на *-ей*: *воробьей* Холмогор. (пр. 50) Нижнеуд. (Вин. и Черных, 25); — я убил *змеей* Печор. (Ончук. Ск. 42); — из вашыф *краей* Черепов. (Ерем. 29) Нижнеуд., Тунк. (Вин. и Черных, 25; Вин. 16); — *ручьей* Каргоп. (Гильф. 1302) Кирил. (Бр. Сокол. 274); — *ульей* (при *ульёв*) Устюж. (пр. 28) Черепов. (Ерем. 29); — *роей* Том. (Колос. Обз. 216, по Э. С.).

Явление уканных форм не исключительно великорусское: аналогичные образования наблюдаются, между прочим, в некоторых западно-украинских говорах, ср. в доливском наречии — *жéнцей, кóрцей* (Верхр. 65). На великорусской почве явление

произошло в ограниченной ее части, именно в пределах Архангельской, Олонецкой и Вологодско-Вятской групп северновеликорусского наречия. Ср. отсутствие соответственных указаний из западных частей Новгородской губ., из Костромской и Ярославской губ., из частей Вятской губ. Те спорадические свидетельства об этих формах, которые имеются из Владимирской губ. или из уу. Бежецкого, Бронницкого, Карсунского, Егорьевского и Касимовского, принадлежат смежной полосе с отмеченным районом, содержащим эти формы как типическую особенность, или области переходных говоров, и не могут иметь самодовлеющего значения: эти формы здесь — захожие элементы с севера, пришлые именно с отграниченных областей первоначального их возникновения, и главным образом с Вологодско-Вятской территории. Не могут не остановить на себе внимания Мещовская и Скопинская формы — *месяцей*. В ней свидетельство соответственного новообразования, принадлежавшего древнейшей поре, чем рассматриваемое диалектическое явление, и имевшего значительно более широкое распространение на территории русского языка. Ср. др.-русскую форму род. мн. мѣсяции, которая идет по памятникам с XIV в. и встречается, между прочим, в украинском Лук. ев. XIV в., в белорусской Четье 1485 г. и др. (см. Собол. 176); ср. также диал. (западноукр.) *мі́сьа́цьі* в Пряшевском говоре (Гнатюк, 52).

Окончание *-ей* выступает в формах род. мн. не только от имен с основами на палатальную согласную, но также в основах на твердую согласную, т. е. в именах существительных Iа типа (твердого различия). Здесь следует различать несколько групп имен существительных. В большинстве соответственных форм род. мн. на *-ей* следует усматривать образования, непосредственно воссозданные к формам именительного мн. этих существительных на *-и* или, реже, на *-ья*. Выше были приведены ряды имен существительных, образующих форму им. мн. числа на *-и*. От многих из этих имен существительных известны и формы род. падежа на *-ей*. Ср.: он богу докладчик через *ангелей*

Варенц. 113, тихих *ангалéй* Задон. и Землян. (Трост. 64); — 50 *бесей* возрадовались Варенц. 143, *бисей* (*бесей*) Пуд. (Манс. 157) Кадник. (Смирн. I, 212) Белоз. (Бр. Сокол. 92); — *бубней* (о карт. масти) Петрогр. (С. Обнорский); — *льней* Пуд. (Манс. 155, 166); — *крестéй* Детскос. (карт. масть, С. Обнорский); — *проторей* (также — *протор*) — см. выше, с. 100; — *соседей* общелит. (см. там же); — *тараканей* Мосал. (Шахм. III, 414); — *тетеревей* Бат. Отр. из письма о Финл., — Заонеж. (Рыбн. IV, 239) Костр. г. (Еремин, 7) Смол. г. (Добров. 465),[1] — ср. колебание *тетеревей* и *тетеревов* у Держ. II, 405 III, 298; — *холопей* Улож. А. М. XX, 9, — Мещов. (пр. 41, 1) Брян. (пр. 243), — ср. *холопов* и *холопьев* у Пушк. (см. выше, с. 66); — *чертей* общелит.

Имена существительные на *-анин*, *-арин*, давая в именительном мн. формы на *-ане*, *-аре*, *-аня*, *-аря*, *-ани*, *-ари*, *-аны*, *-ары* (*-ана*, *-ара*), могут в родительном оканчиваться 1) на *-ан*, *-ар*: таковы общелит. формы в роде *бояр*, *горожан* и под. (ср. *бар*, *татар*, *хресьян* и под. — Тотем., Брок 121); 2) на *-ань*, *-арь*: не надобно *барь*: да здравствует царь Держ. IV, 158, — *барь*, *дворянь* и под. Кашин. (Смирн. 84) *кресьянь* Юрьев. (Черныш. 4 и др.) *дворянь*, *кресьянь* Клин. (id. 19, 31) Моск. (id. 41) *мящань*, *дварянь* Мещов. (id. 161; пр. 268) Пореч. и Зубцов. (Изв. XVIII, 3, 271), *мищань* Смол. (Добров. 426) Судж. (Резан. 246);[2] 3) на *-аней*, *-арей*: *трояней*, *гражданей*, *римляней*, *дворяней* (рядом — *троян*, *римлян*) Княжн. Дид. I, 1 Вляд. и Яроп. V, 4, Софон. I, 4 IV, 1 V, 1, 3, Хваст. III, 8, — *боярей* Онеж. (Гильф. 1016) Симб. г. (Кир. IX, 48) Нижегор. г. (ib. I, 39) Обоян. (РФВ. 38, 121) *дворяней* Тульск. г. (Кир. X, 79), *мещаней* при *мещань*, также — *дворян* Медын. (пр. 263), ср. также — *цыганей* Луж. (РФВ. 40, 118).

Кроме отмеченных двух групп имен существительных Ia типа, дающих формы род. мн. на *-ей*, следует еще указать на сходный материал более или менее ограниченного диалектиче-

---

[1] Ср.: 30 *тетеревей* Гр. 1551 и 1592 г. (Арх. Строева. I, 332, 692).

[2] Ср. в белор. *мещань*, *дворянь* (Карский. II, 2, 189).

ского распространения: пасену̑ адин мужичок *гарбузий* Ельнин. (Добров. 120); — от всяких *ветрей* и от лихих людей Крестец. (Безс. VI, 235); — рабенык двух *годий* Смол. г. (Добров. 130); — Иосифе, не води в печаль *господей* своих Клин. (Безс. I, 200); — *зубе́й* Орл.-Вят. (пр. 63) Колым. (Богор. 10); — у добрых руже́й реме́шечки повыдергал, || у тугих *луке́й* тетивочки повыкусал Верхоян. (Худяк. 309); — свалися (красушина) с его костей, с его *моздей* Валд. (Майк. Закл. 459); — с *пылей* Арханг. г. (Доп. к Оп. 262); — *соколей* Заонеж. (Рыбн. IV, 299) ясных *соколей* Петроз. (ib. I, 2; Гильф. 553); — *солдатей* Слобод. (пр. 141); — с высоких бровей и с тридевяти *суставей* Валд. (Майк. Закл. 504).

Большую часть этих форм также следует объяснять выведением из соответственных форм именительного мн. на *-и*, как архаических остатков языка: от этих старых форм им. мн. *ветри мозди, пыли, соколи, сустави* явились нормальными образованиями приведенные от них формы на *-ей*, ср. от им. мн. *кони* — род. *коней*. Из прочих приведенных форм *господей* есть архаическая форма от слова согласно с его принадлежностью к исконным основам на *-ĭ (ср. *путей*). Форма *лукей* — случайного происхождения (по ритмической связи с формой *ружей* в соседнем стихе). Форма *зубей*, как остающиеся *гарбузий*, *годий*, *солдатей*, естественнее всего было бы вести от именительных мн. *зубья*, *арбузья* и т. д. При этом однако следует иметь в виду, что им. мн. *зубья* — форма реально существующая в языке, фактически отмеченная выше в соответственном материале форм на *-ья* (с. 80), что же касается прочих трех слов, то от них не документированы соответственные образования на *-ья*, и в этом смысле их следовало бы теоретически предполагать существующими. Впрочем, можно было бы в этом отношении ограничиться предположением существования лишь одной формы на *-ья* — *арбузья*, от которой соответственно род. мн. — *арбузий*, так как в остальных двух приведенных примерах на *-ей* (*годий* и *солдатей*) правильнее видеть новообразования к архаическим формам местного мн. *годѣхъ, *солдатѣхъ, о чем ниже.

Имена существительные ср. рода (II тип) образуют род. мн. в твердом различии без особого окончания, представляя в форме чистую основу, в мягком различии — посредством окончания *-ей*, вынесенного из старых имен с основами на *-i. Ср. *сёл, лиц, лож* с одной стороны, *полей, морей, горе́й* Богородиц. (Изв. III, 850) Земл. и Зад. (ИРЯС II, 1, 92) с другой стороны. Последние формы однако относительно поздни по происхождению: и в старом литературном языке, и в современных говорах, правда, исключительно северновеликорусских, наблюдаются соответственные старые образования формы, т. е. совпадающей с основой слов. Ср. род. мн. *моръ* у Кантем. I, 314, 320, Ломон. I, 21 (также — *морей*, ib. 52) и Держ. II, 409 III, 23, 74, IV, 427 (также — *морей* III, 106, 165), диалектически в Шенк. (Манс. 114) Петроз. (Барс. I, 54) Тотем. (*моръ*, Брок 33; *моръ* и *морей*, пр. 192); род. мн. *поль*[1] Улож. А. М. XVI, 40, Ломон. I, 20, 52, 73, 160, 232, 241 (также — *полей* ib. 54, 247), Держ. II, 407 III, 108, — Шенк. (Манс. 114) Петроз. (Шахм. IV, 89) Тотем. (пр. 192, 201; *поль* и *полей*, Брок 33) Кирил. (редко, пр. 167) Устюж. (пр. 195, 202) Черепов. (*поль* и *полей*, Ерем. 32) Кинеш. (*поль и полей*, пр. 66) Котельн. (*поль* и *полей*, пр. 35, 46) Нолин. (пр. 52) Орл.-Вят. (пр. 37) Соликам (иногда, пр. 181) Великол. (пр. 202) Мосал. (Шахм. III, 89). Имена ср. рода с основою на *-щ-* (имена на *-ище*) нормальной формой родительного мн. в современном языке имеют форму без флексии,[2] но у старых писателей встречаются соответственные формы на *-ей*. Ср. у Кантем. — грохот *зрелищей* I, 535, Ломон. — *сокровищей* II, 207, Сумарок. — *обиталищей* VIII, 16, Трутень 1770 г. — *гульбищей*, л. 6, Держ. — *сокровищей, туловищей* II, 3 III, 516 IV, 185, 190, 284 (также — *сокровищ* IV, 239), Радищ. — *сокровищей, чудовищей* I, 322 II, 30, Княжн. — *сокровищей, чудовищей*,

[1] Форма род. мн. *поль* обычна в актовом языке, напр. в Порядной 1576 г. (Арх. Строева I, 541, 542), в различных актах XVII в. (А. Кал. I, 27, 31, 257, 271, 339, 396, 509, 514, 678 II, 136, 168, 310, 340, 473 III, 106, 315, 424).

[2] По Черныш. 89 форма *голенищей* — единственная, свойственная современной речи.

страшилищей Россл. III, 3, Влад. и Яр. I, 2, Орфей I, II, Утро, Траур II, 1 (также — *сокровищ* Россл. V, 1 Орфей II bis), Стру-говщ. — *сокровищей* Водв. прав, Бат. — *логовищей*, *пугалищей*, *чудовищей* Отр. из посл. о Финл., В день рожд. N, Тиб. эл. XI (также — *чудовищ*, Отр. из п. о Финл.), Барат. — *урочищей*, Судьбой нал. цепи; диалектически подобные формы отмечены в Печор. — *по-прищей* (Ончук. Был. 212), Каргоп. — *издорищей* (Колос. Зам. 192), Семен. — *кладьбишьшей* (Изв. Нижег. У. II, 359). Очевидно, эти формы выросли на почве сильной мягкости в произношении *щ*. Характерна незначительность этих форм в живой народной речи при относительной распространенности их в языке литературном, с другой стороны знаменательно полное исчезновение этих форм в самом литературном языке к началу XIX века. Ниже будет видно, что сходный процесс зарождения и дальнейшей судьбы был и с формами род. мн. на *-ей* от известных групп имен существительных III типа. Очевидно, в одном и другом морфологическом явлении перед нами в существе единый морфологический процесс, вызванный к жизни одними и теми же условиями и протекавший в одинаковых хронологических рамках. Сходное явление с только что рассмотренным составляет образование форм на *-ей* и от существительных с основой на *ц* в условиях сильно палатализованного произношения этого согласного. Эти формы носят характер узко диалектических образований, выступая лишь в некоторых частях крайней северновеликорусской территории. Ср.: у *копей-чей* Печор. (Ончук. Был. 173) *кольцей* Вытегор. (Э. С. VI, 113 = Садовн. 155) и не гля сладких приду да *упиваньицей* Петроз. (Барс. II, 164). Одиноко стоит подобная форма род. мн. от имени с основою на -j-: *платьей* Курск. г. (Даль LXIV). Кроме отмеченного материала с формами на *-ей*, от слов ср. рода, можно еще указать на диалектические формы — *колесéй* и *пальтéй*. Первая форма отмечена в Котельн. у. Вятской губ. (явися мне корета без осéй и без *колесéй*, Зел. Ск. 15) и может объясняться как новообразование, обязанное возникновением памяти о старой форме

дв. числа — к о л е с ѣ, ср. род. мн. *коленей* при старой форме дв. числа к о л ѣ н ѣ, *плечей* при старой двойств. форме п л е ч и и под. Форма *пальтей* отмечена рядом с формой *пальт* при им. мн. *па́льта* и колебании в прочих падежах — *пальта́м* и *пальтям, пальта́ми* и *пальтя́ми, па́льтах* и *пальтях* — Холмогор. (пр. 50). Можно думать, что в процессе ассимиляции под влиянием палатального *л* первоначально к дат. тв. м. *пальтам, пальтами, пальтах* образовались новые варианты *пальтям, пальтями, пальтях*, которые естественно вызвали появление и в род. падеже соответственной формы на *-ей*: *пальтей*, ср. при *полям, полями, полях* род. мн. *полей*.

Имена существительные ж. рода на *-а* (III тип) по общей норме представляют в родительном мн. чистую основу: *жен, рож, груш, девиц, куч, рощ, жней, княгинь, бурь*. Однако в мягком различии (от имен с основами на палатальную согласную в современном ее значении и в историческом) нередко рядом с формами, согласными с отмеченной нормой, выступают формы на *-ей*, т. е. с тем же окончанием, вынесенным из старых имен с основами на *-i, о котором была речь выше в отношении имен существительных муж. и ср. рода. Чтобы отчетливее разобраться в соответственном материале, следует прежде всего выделить известные группы слов, пользующихся также в данной форме окончанием *-ей*, получившимся однако в них вследствие ряда особых причин. Так, родительный мн. *веждей* вм. ожидаемой формы *вежд* (не смыкая своих *веждей*, Радищ. Бова; спорхнул от *веждей* сон Держ. III, 10) есть новое образование к именительному *вежди*, т. е. первоначальной форме двойств. числа. В ряде случаев формы род. мн. на *-ей*, нередко чередующиеся с формами без флексии, объясняются наличностью парной формы соответственных слов в ед. числе — по III и по IV типу (см. соотв. материал выше). Наиболее типичными примерами этого рода могут служить формы род. мн. от существительных *басня, песня, яблоня, постеля*. Все эти слова известны также в форме существительных IV типа (повидимому, для всех

этих слов исконной вообще форме). Это объясняет колебание от них формы род. мн. то по III типу — с нулем флексии, то по IV типу — с окончанием *-ей*.

Басня: род. мн. *басень* Болот. I, 66, Жук. VII, 86; *басен* Бат. I, 210, Чех. Дома, М. Горьк. Ярм. в Г., — Петроз. (Барс. II, 168) Псковск. (Смирн. I, 355) Руз. (Дурново); колебание *басней* (I, 99 II, 182) и *басен* (II, 288) у Ломон. (у него же тв. ед. *баснею* III, 207), *басней* (III, 371 VIII, 27, 503) и *басень* (IX, 5) у Вяз. (у него же — *басня* есть уловка рабства IX, 25, с своеправной *басней* XI, 276); у пьянова *басней* не переслушать. Посл. XVII в. (Свм. 2305 = Снегир. 421). — *Песня*: род. мн. *песень* Болот. II, 132, В. Пушк. Смоковница, Струговщ. Поэзия жизни, Н. Павлов, Три пов. 47, Бенед. NN-ой, Одоевск. Салам. I, Рус. Ночи VIII; колебание *песень* и *песен* Крыл., Подолинск., Язык., Огар., Лейк., М. Горьк.; *песен* Чулк. I, Карамз. V, 77, Барат. I, 108 II, 138, Некр. I, 207 VII, 391, Гонч. Обл. I, 2, Бун. Дер. I; колебание *песен* (VIII, 23, 77) и *песней* (ib. 145 bis, 157) у Сумарок., также у Держ. — *песен* I, 281 II, 305, *песень* II, 209 и *песней* I. 358 II, 368, 437 III, 17, Жук. — *песень* XIII, 233 и 9 сл. *песней* (у него же — С похвалою великою люди той *песни* внимают Одисс. I, 347), Вяз. — *песен* III, 130 IV, 65 и *песней* III, 159, 166 VIII, 508 X, 137, Озер. — *песень* и *песней* Дм. Дон., посв., II, 3, Венев. — *песень* и *песней* I, 6, 78, Дельв. — *песень* (Дамон, На см. В-ва, Разочар.) и *песней* (Дамон), Пушк. — *песен* (Кавк. пл., эпил., Цыганы, bis, Пут. в Арзр. II) и *песней* (Русл. и Л. IV, Цыг., эпил., Гр. Нулин), у него же — как стих без мысли в *песне* модной Е. О. VII, 35, Гог. — *песен* (О малор. п., bis) и *песней* (ib., bis, Ганц Кюх. III), Козл. — *песен* I, 218 II, 337, *песень* I, 6 II, 300 и *песней* II, 110, А. Тлст. — *песен* (И. Дам. II, III) и *песней* (ib., Есть мн. зв., Кр. оч. XI); преобладает форма *песней* — П. и бум. П. В. IV, 151, Ломон. I, 270 IV, 226, Капн. На испр., Карамз. I, 12, 15, 219, Бат. Воспом., В день рожд. N, К Г-чу, Гез. и Ом., Давыд. О милый друг, Лерм. Демон (ред. 1829), насладилась честных *песней* херувимских Салт. I,

149, пойте нам из *песней* сионских Телешов, Между двух бер. (здесь же — по струны заливались особой *песней* — печальной), историческое положение *песней* Бояна Пыпин, Ист. рус. лит. III, 33; в говорах почти исключительно употребление формы *песен*: Беломор. (Изв. VII, 33) Онеж. (пр. 260) Петроз. (Ист. 209) Пуд. (Манс. 156) Никол. (id. 213) Тотем. (Брок 119) Кирил. (Тр. МДК II, 166) Новгор. (пр. 266) Черепов. (Ерем. 27) Казан. (РФВ. 48, 177) Руз. (Дурново) Жиздр. (Пик.) Мещов. (пр. 267; Черныш. 162) Колым. (Богор. 294), — ср. *песень* Дон. (пр. 41, 1) и *песней* Судж. (Резан. 249). — *Постеля*: в первой зале... стояло около двух сот *постель* Карамз. IV, 83 (ср. в. ед. *постелю*, ib. 85), тридцать (сто) *постель*, тридцать (сто) гостей Э. С. VI, 52 = Садовн. 251 = Снегир. 380, Новгор. г. (Новг. Сб. V, 3, 16) Ставроп. (Садовн. 3) Колым. (Богор. 329); нанес ей шуб и *постелей* и всево Соликам. (Зел. Ск. 399). — *Яблоня*: *яблонь, яблон* М. Горьк. М. Кожем. (XIII, 203, 208 и XII, 198), до самых отдаленных *яблонь* Бун. Дер. II; *яблоней* Телешов, Золотая осень, Акад. Весел. (Ж. М. Н. Пр. 1898, март, 16); в народной речи исключительна форма *яблоней* — Кирил. (Бр. Сокол. 279) Костр. (Виногр. 78) Муром. (Колос. Зам. 302) Сузд. (Черныш. 18) Кашин. (Смирн. 99) Моск. (Черныш. 54) Судж. (Резан. 219).[1]

В прочем материале имен существительных, принимающих в род. мн. окончание *-ей*, отдельно рассматриваются основы на исконно смягченные согласные (альвеолярные и аффрикаты), и отдельно основы на плавные и носовые, с разграничением в последних основах двух подгрупп в зависимости от того, предшествует ли в них плавной или носовой гласный звук или согласный.

Имена существительные с конечными *ж, ш* в основе:

1. Потянулись караваны огромных *баржей* Телешов, На тройках. — 2. Род. мн. *вельможей* (Перв. Рус. Вед. 19, Ломон. V, 300, 301) Бат. К П-ну, Озер. Державину, В. Пушк. Разг. Горация; колебание у Кантем. — *вельможей* I, 487, 499 и *вельмож* I, 491, Держ. —

---

[1] Ср.: 90 деревъ *яблоней* Купчая 1613 (А. Кал. II, 394).

вельмож I, 389 II, 37, 99, 327, 335 III, 41, 58 IV, 394 и *вельможей* I, 95, 219, 310, 436 II, 59 IV, 355,[1] Радищ. — *вельмож* Пут. из Пет. (I, 114) и *вельможей* Жит. Ушак., bis, Княжн. — *вельмож* Владис. III, 1 и *вельможей*, 6 случ., Вяз. — *вельмож* III, 67 и *вельможей* III, 67 IX, 78, Пушк. — *вельмож* Лицинию, Ист. замеч. и *вельможей* Восп. в Ц. С. — 3. Род. мн. *вожжей* Восток. 31, Бусл. 235, — *вождже*й Тотем. (Брок 118). — 4. Род. мн. *межей* Восток. 31, от *межей* и борозд Э. С. I, 83, Это царство не знает *межей* и пределов В. Иванов, По звездам, 30, — *межей* Шенк. (Оп. обл. слов.); колебание *меж* и *межей* Шахм. Оч. совр. рус. лит. яз. — 5. Род. мн. *ханжей* общелит. (напр., лжецов, *ханжей* и пустословов Держ. IV, 11). — 6. Род. мн. *виршей* А. Белый, Петерб. I, 54, сборники силлабических *виршей* Пыпин, Ист. рус. лит. III, 45, Корш в Сб. II Отд. 70, 7, 207. — 7. Род. мн. *грыжей* Пуд. (Манс. 159). — 8. Род. мн. *депешей* Фонв. Письма (Соч. 679, 882, 883, 888); колебание у Вяз. *депешей* IX, 121 XI, 323 и *депеш* XII, 19. — 9. Только трех *душей* не запущайте. Арханг. (Безс. VI, 168) Шенк. (пр. 235). — 10. Калошев мне не надо краденых, я не барин, *калошей* не ношу. М. Горьк. В люд. I. — 11. Род. мн. *крышей* Ефрем. (АГО. XLII, 15). — 12. Род. мн. *невежей* Кантем. Прим. к Сат. VII, Размножился у нас таких *невежей* род Фонв. Кор. I, 5. — 13. В виде *нишей* Лерм. Вадим XVIII. — 14. Едва заметные От *ношей* брошенных Следы осталися Венев. Кр. жизни. — 15. Наших *офицершей* Фонв. Бриг. IV, 2. — 16. По протекции *папашей* и дядюшек Чех. Без места — 17. На боях взято: *пашей* 27 человѣкъ П. и бум. П. В. I, 215, Держ. I, 86, 260, Вяз. XI, 98, Пут. в Арзр. IV. — 18. Не будьте похожи на тех *святошей* Гог. О театре. — 19. *Смотрительшей* не щиплю Пушк. Письма III, 47. — 20. Род. мн. *юношей* общелит. (Восток.); колебание у Кантем. I, 500, 527, Ломон. — *юношей* I, 152 III, 269, 277 IV, 299 и *юнош* I, 115 II, 260, Радищ. I, 270, 303, Карамз. I, 302, 356; ср. *юнош* род. мн.

---

[1] Характерен еще один случай формы *вельможей* у Держ. I, 121, исправленный Дмитриевым на — *вельмож*.

у Новикова (Бусл. 238), В. Майк. (Будде, Оч. 42), Держ. III, 32. — Кроме отмеченных слов по Ломоносову (Гр. § 167) и Востокову имена существительные *векша* и *верша* также образуют род. мн. на *-ей* (*векшей, вершей*).

Имена существительные с конечными *ч, щ* в основе:

1. Много *добычей* Перв. Рус. Вед. 96. — 2. Багряных *епанчей*. Кантем. I, 432, без *епанчей* Болот. IV, 268; по Ломон. колебание — *епанчей* и *эпанеч*. — 3. С *каланчей* раздавались протяжные оклики часовых. Одоевск. Салам. II. — 4. После военных *неудачей* Гриб. Письма (III, 215). — 5. В других же округах черных *онучей* совсем не носят. Будде в Изв. III, 856. — 6. Род. мн. *парчей* Кантем. Сат. II, 242, Ломон., Восток., Бусл., богатых *парчей* Гог. Тар. Б. III, — *парчей* у его косяками (т. е. много) Чердын. (Перм. Сб. I, 2, 18). — 7. В том-то и ошибка его и *предтечей* его Вяз. Письмо Пушкину (II, 272). — 8. Род. мн. *притчей* Восток., Бусл., Кантем. II, 30, Ломон. II, 263, на веку живет *притчей* много Посл. XVIII в. (Сим. 420), не буду *притчей* плесть Сумарок. IX, 76, Капн. Отр. из рит. I, Вяз. VIII, 18, «Сборник русских пословиц и *притчей*» Снегирева. — 9. Род. мн. *свечей* Дельв. В альб. В-ф, Гриб. Г. от у. III, 3 IV, 14, Козл. II, 89, Гог. I, 287 II, 130 III, 174, 224 IV, 11, Огар. Зимний путь, Акс. Сем. хр. 171, Некр. III, 16, Тург. Дв. гн. XXXIII, XXXIV, Л. Тлст. В. и м. I, ч. 2, гл. 9, От. Сергий III, Гл. Усп. 229, Куприн Яма XII, Лавры, Чех. Св. ночью, А. Н. Тлст. Хр. барин, Ибикус, — Шенк. (пр. 235) Смол. г. (Добров. 466) Ардат. (АГО. XXIII, 156) Карсун. (ib. XXXVII, 27) Ефрем. (ib. XLII, 15), ср. *свещей* Радищ. О челов., Озер. Дм. Дон. II, 1, — воску ярова *свещей* не затопляли Петроз. (Барс. I, 134, 252); колебание у Вяз. — *свечей* XI, 327 и *свеч* III, 39 XI, 235, Пушк. — *свечей* Зап. Нащ. и *свеч* К сестре, Е. О. VII, 51, Егип. ночи, Лерм. — *свечей* II, 122, 259 IV, 1, 42 и *свеч* II, 110, 379 IV, 100, Барат. — *свечей* II, 106, 154, 155 и *свеч* II, 182, Одоевск. — *свечей* II, 227 III, 23 и *свеч* III, 71, Гонч. Обр., ч. I, гл. 15 и IV, гл. 4, Лейк. — *свечей* Ямская, У суд. след. и *свеч* У суд. след.; ср. исключительно *свеч* в старом актовом языке (гр. 1551, 1567

и т. д., Арх. Строева I, 332, 459; А. Кал. I, 53 II, 210, 287, 632 III, 188, 201, 228, 263, 368, 389 и др.), в посл. XVIII в. (Сим. 939), П. и бум. П. В. III, 258 IV, 234, у писателей — Кантем. Сат. III, 35 V, 526, Ломон. II, прим. 12, IV, 400, Держ. I, 404 IV, 304, 472, Болот. II, 118, Карамз. — I, 249, V, 280, Жук. I, 119 II, 133 III, 97 XI, 257 и др., Крыл. Лжец, Дн. Вульфа 27, М. Горьк. Детство III, XII, Брюс. II, 214 III, 205, в сверканьи *свеч* Бальм. Шабаш (III, 204), в народном языке — Онеж. (Смирн. I, 89) Вельск. (ib. 138) Кадник. (ib. 211) наша сапала (лучина) что ваших десять *свеч* Устюж. (Оп. обл. слов.) Мокш. (пр. 232, 1) пара *свеч* Новоросс. (МАН. 187), ср. тѣхъ *свѣщъ* Котош. 30. — 10. Колебание — Ломон. *тучей* II, 121, 210, 214 и *тучъ* ib. 190, 230. — 11. Род. мн. *тысячей* Сумарок. IX, 123, Фонв. К уму моему, Жук. Наука, Вяз. Стар. зап. кн. IX, 78; колебание — *тысячей* и *тысяч* П. и бум. П. В. I, 244 II, 4, Княжн. — *тысячей* Хваст. II, 6, Чудаки III, 1 и *тысяч* От дяди стихотв., Крыл. Мельн., Бедн. богач, Ломон. — при собрании многих *тысящей* народа III, 253 и — осмь *тысячъ* IV, 398; ср. *тысящей* и *тысячей* Радищ. I, 3 II, 34, 60, *тысящей* Держ. III, 82, 221, 286; в народном языке — *тысячей* Арханг. (Кир. IV, 38) Арханг. г. (Марк. I, 70) Онеж. (Кир. I, 87; Гильф. 205, 847, 1052; ср. — *тысячь*, ib. 847) Печор. (Ончук. Был. 18, 27) Петроз. (Рыбн. I, 114 II, 238 и др.) Пуд. (ib. I, 29, 175 и др.) Каргоп. (Гильф. 1294) Повен. (ib. 20: *тысящей*) Кирил. (Бр. Сокол. 307) Казан. (Варенц. 46) Нижегор. г. (Кир. I, 35 VI, 190) Моск. (ib. VI, 3) Симб. (ib. I, прил. 6) Сарат. г. (ib. VII, прил. 71) Ворон. (АГО. IX, 23) Алтай (Кир. VI, 199) Ю.-З. Том. (Э. С. VI, 98), ср. также у К. Дан. 2, 3, 9, и мн. др. — 12. Ср. *кущ* Держ. I, 364 III, 128. — 13. Род. мн. *пищей* Ломон. Гр. § 167, вредных *пищей* и др. id. IV, 282, 388 V, 312, 357, — ат *пйшшей* Богородиц. (Изв. III, 892). — 14. От стука палиц, свиста *пращей* Жук. К Воейкову, Бат. I, 217. — 15. Род. мн. *рощей* Ломон. III, 119, Карамз. I, 272, и тихих *рощей* сени Жук. К Бат-ву, Бат. Эл. из Тиб., Подолинск. Див и Пери XVI, Смертъ Пери V, Козл. I, 46 bis, 186 II, 282, с заповедных *рощей*

(Герасим. Сб. II Отд. 87, 3, 3) *ращéй* Верейск. (Черныш., Изв. XIII, 132); колебание у Сумарок. — *рощей* VIII, 25, 33, 43, 49, 81 bis, 115, 348 и *рощь* ib. 16, 22, 46, Держ. — из-за *рощей* тихий гам II, 50 и — благоуханных *рощ* в прохладе, Вяз. — *рощей* III, 35, 116 XI, 212, 220 XII, 105, 128, 197 и — среди кудрявых *рощ*, под сению свободы III, 3, Пушк. — И дремлют *рощей* сени Песня 1812 и — В прохладе древних *рощ*, на берегу морском, Лицинию 1815. — 16. В этот день зятья везут *тещей* в гости. Герас. (Сб. II Отд. 87, 3, 92). — 17. Род. мн. *толщей* (Восток. 31).

Имена существительные, содержащие в исходе основы согласный *ц*, как и имена на -j-, не знают в литературной речи (как и вообще в значительной части великорусских говоров) форм род мн. на *-ей*.[1] Только от слова *мышица* встретилась форма род. мн. *мышицей* у Ломоносова (IV, 276) и Карамзина (по Черныш. 78). В употреблении этой формы сказалась диалектическая черта названных писателей, во всяком случае, Ломоносова. Именно, в части северновеликорусских говоров, как характерная диалектическая особенность, наблюдается тип образования родительного мн. от имен на *-ца* при помощи именно окончания *-ей*. Данная черта по свидетельству источников принадлежит следующим районам: Арханг. г. — *братьицей, сестрицей, утицей* (Марк. 35, 60, 78, 124; Майк. Закл. 546); Онеж. — *девицей, старицей, черноризицей* (Гильф. 1167, 1203); Холмогор. — А как мне будет звать *деверьицей* (Ист. 114) *овцей, птицей* (пр. 50); Шенк. — всех душей красных *девицей* (пр. 235); — Олон. г. Вытегор. у. — *ножницей* (пр. 22, попр.); Петроз. — *дверцей, сеницей* (Гильф. 506, 519, 664); Пуд. — *ножницей* (Манс. 159); — Волог. г. Тотем. у. — *овцей* (пр. 192); — Новгор. г. Белоз. у. — *овчей, ножничей* (пр. 162); Кирил. — У золовушек жить Да не у *сестрицей* (Бр. Сокол. 436); — Вятск. г. Котельн. у. — *катчей* (Тр. МДК. IX, 111), *птицей* «и т. д.»

---

[1] Форма род. мн. *руцей*, в пословице — зброк, сквозь трое *руцей* зорю смотрит, Снегир. 147, — есть образование к старой форме дв. числа *руць* (ср. выше *колесей* и под.).

(пр. 46); — Пермск. г. Кунгур. у. — *овчей* (пр. 134); Соликам. — *овцей* (пр. 207); — Тверск. г. Кашин. у. — *горницей* (АГО. XLI, 13), по Далю, XLVIII, также в Каляз. у.; — Псковск. г. Остров. у. — *девицей* (пр. 33); — Иркутск. г. Нижнеуд. у. — *ножницэй* (Вин. и Черных, 12). — Явление это находится в связи с указанным выше аналогичным явлением с именами муж. рода на *-ец*. Подобно тому, как имена муж. рода типа *купець*, благодаря сильно палатализованному произношению согласного *ц*, привели к новым формам род. мн. типа *купцей* (ср. от *конь* род. мн. *коней*), так имена ж. рода типа *овця*, с тем же мягким произношением *ц*, получили возможность образования новых форм род. мн. — *овцей* (ср. при ед. *свеча* род. мн. *свечей*). Оба эти морфологические процесса шли параллельно, хотя и получили различную степень распространенности, — в словах муж. рода широкую и необходимую для всей категории подходящих имен существительных, в словах ж. рода — относительно незначительную благодаря общей неровности, с какой вообще распространялась флексия *-ей* в именах ж. рода. О параллелизме обоих явлений свидетельствует, между прочим, и территориальное совпадение районов их распространения, определяющегося границами некоторых северновеликорусских областей и ближайшей соседящей полосы переходных говоров (ср. формы *горницей*, *девицей* в Островском и Кашинском уу.). Замечательно также, что как в именах муж. рода в связи с новообразованиями типа *купцей* явились подобные же формы от имен с основами на -j- (напр., *крайей* и под.), это же явление произошло и с именами ж. рода. Ср.: у *судьей* да у начальников Заонеж. (Барс. II, 91) оборони меня... от ковдунов и *ковдуньей* Кадник. (пр. 25). Между прочим, сходную форму Чернышев, Прав. 100, отмечает из газетного источника — род. мн. *гостьей* (от *гостья*, ж. рода); это — несомненный диалектизм по происхождению. Может еще встать вопрос о приведенных выше, также из северновеликорусских районов, формах род. мн. *грыжей, душей*, не являются ли и они формами такого же порядка, т. е. возникшими на одной почве и хронологически

одновременно с последним явлением новообразований на *-ей* от имен с основами на *-ц-*. На этот вопрос следует отвечать отрицательно: с одной стороны отмеченных двух северновеликорусских форм недостаточно для аргументации выставленного проблематически предположения, с другой стороны рядом с формами *грыжей, душей*, формами северновеликорускими, в перечне имеется и аналогичный факт из южновеликорусской области — род. мн. *крышей* из Ефремовского у. Тульской губ. Очевидно, формы на *-ей* от имен на *-жа*, *-ша* иной хронологии, и более древней, чем соответственные местного возникновения формы от имен на *-ца*, и служат одним из звеньев широкого, общего всем великорусским говорам, морфологического явления с образованием форм на *-ей* вообще у имен с основами на различные палатальные согласные.

Имена существительные с основой на смягченные н', р', л':

1. Куполы развалившихся *баней* Гриб. Пут. зап. (III, 70; здесь же — *бань*, с. 83), — *баней* и *бань* Шенк. (Манс. 113); ср. *бань* Дон. (пр. 42, 2). — 2. За *барыней* избранных Княжн. Посл. прелестн., — без *боярыней* Онеж. (Гильф. 1178, 1187) Симб. г. (Кир. VII, 52). — 3. Род. мн. *бронéй* Ломон. II, 213. — 4. Из этого мотива выработался далее тип *ведосоней* Шляпкин, Лекции по ист. рус. лит. I, 1, 262. — 5. Встречал лихих Полканов и *Добрыней* Пушк. Сон. — 6. Род. мн. *дыней* Земл. и Зад. (Трост. К изуч. 16) Терск. (Караул. 22). — 7. Для служенья *заутреней* и молебнов Болот. II, 93; ср. *заутрень* сельских дальний звон Козл. Кн. Долгор. II, 1, Лерм. Черкесы. — 8. Род. мн. *пустыней* Ломон. II, 191, жители *пустыней* сих Сумарок. VIII, 258, от гор, *пустыней* и морей Держ. I, 414, Радищ. Вольность, Гриб. Груз. ночь, средь муромских *пустыней* Пушк. Сон, — староверы со *пустыней*-то съезжаются Петроз. (Барс. I, 243); ср. шла же лисица из дальних *пустынь* Шадр. (Перм. Сб. I, 2, 127).[1] — 9. Москва священна

[1] Ср. от существительного *простыня* род. мн. — пять *простынь* шитые съ кружевами Рядная 1694 г. (А. Кал. III, 295), — *прóстынь* род. мн. Кашин. Смирн. 94).

для всех Русских… как залог *святыней* нашей веры Глаголев, Зап. рус. пут., с. 1823 по 1827 год, с. 3. — 10. Он не любит *тихоней* Акс. Сем. хр. 194; ср. *тихонь* мы знаем Смол. г. (Добров. 909).[1] — 11. Онуча отличается в некоторых местах от *чу́ней* Будде, в Изв. III, 874. — 12. И *бурей* спор Капн. Торж. песнь, крылатых *бурей* свист Жук. Гимн, от *бу́рей* Гриб. Письма (III, 166), *бурей* завыванье Венев. Сонет (I, 21), средь *бурей* Пушк. Нап. на Эльбе; колебание у Ломон. — *бурей* I, 3, 93 и *бурь* ib. 18, 102, Держ. — *бурей* II, 409 III, 221 IV, 531 и *бурь* I, 175, 326, Бат. — средь *бурей* жизни Воспом. и — от грозных *бурь* Вечер.[2] — 13. Среди *зарей* Ломон. II, 213, — 12 *зарей* Карач. (Будде 67); колебание у Держ. — *зарей* I, 426 III, 231 и *зарь* I, 36, 329, 522 II, 361, 404 IV, 330, 386; ср.: тетка Арина девять *зорь* ходила за кладом Горбун. 72, — на 12 *зорь* Брян. (Тихан. 169; Будде 88). — 14. Выпаўзли черви пз *норей*, ср. много лисьих *норь* и — *норе́й*, Смол. г. (Добров. 489). — 15. Независимый от частных *волей* язык не подвержен в судьбе своей случайностям Срезневский, Мысли об ист рус. яз. I; ср.: О правость *воль* неколебимых Держ. Истина. — 16. Съ дву *долей* Поручная 1605 г. (А. Кал. II, 833), *долей* общелит.; ср. а до нашихъ *доль*… дѣла жъ нѣтъ Дельная 1644 г. (А. Кал. I, 674), — 16 *доль* Моск. (Черныш. 59). — 17. Несколько *каракулей* Гриб. Письма (III, 166). — 18. Вспоминаем …про соловьев и красивых *козулей* Чех. Письма (II, 185), — ср. *казю́лей* род. мн. (= вшей) Смол. г. (Добров. 332); ср. много есть коз или *козюль* Радищ. Зап. пут. в Спб. — 19. И каменный бурак упал с *косулей* Бальм. Соне́ты Солнца. — 20. 75 *милей*, ездили мы верхом *милей* за шесть Вяз. IX, 181, 184, ср. — 5 *миль*, ib. 184. — 21. Род. мн. *неделей* Гог. (Ж. М. Н. Пр. 1902, июль, с. 13), вот *неделей* через пять Ерш. I, — Шенк. (Манс. 113).[3] — 22. *Пулей*

---

[1] Ср. от существительного *тоня* (напр., в гр. 1668 г., А. Кал. II, 251) род. мн. — съ ихъ дву *тонь*… рыбы не платить Кн. переп. 1669 г. (ib. 191) Память 1679 г. (ib. 705).

[2] Ср. в угрорусском род. мн. bur' и búrij (Брок 82).

[3] Ср. от *пилюля* род. мн. *пилюль* Акс. Сем. хр. 209; также — я мгновенно соскочил с декламаторских *ходуль*. Ib. 387.

фузейных великое множество Ломон. IV, 413, — Черепов. (Ерем. 27); колебание у Чулк. — *пулей* свист, среди бомб и *пуль* I, 154, 156. Кроме того по Востокову 31 существительные *воня́* и *пе́ня* образуют род. мн. также на *-ей* (*воней, пеней*).

Имена существительные с основой на группу «согласная + смягченное н', р', л'»:

1. Ср.: *Вафель* у нас не положено Салт. II, 135. — 2. Род. мн. *гра́блей* (и *грабле́й*) Костр. (Виногр. 79) новых *гра́блей* Брян. (пр. 259), *граблей* и *грабёл* (также в им. мн. *грабли* и *грабёла*) Холмогор. (пр. 50); ср. двое *гра́биль* Моск. (Черныш. 59), двое новых *грабель* Зубцов. (пр. 60) Цивил. (пр. 143) Мокш. (пр. 230, 2) Медын. (пр. 263) Мещов. (пр. 267) Мцен. (пр. 188) Егорьев. (пр. 133, 1) Касим. (пр. 111, а) Дмитр.-Кур. (пр. 125). — 3. Род. мн. *гуслей* общелит.; ср. трое *гусель* паламал Обоян. (РФВ. 38, 123). Слово, повидимому, было исконно именем ср. рода: суффикс *-сло* служил именно для образования существительных ср. рода, ср. в укр. — *гу́сла* знова загули Шевч. Княжна. — 4. Я лечу с *зе́млей* татарских Петроз. (Гильф. 740, 741, 742, 797). — 5. *Каплей* что-ли дать Измайлов (по Будде, Оч. 43), — ср. *капелей* Чернск. (Тр. МДК. I, 98); колебание у Ломон. — кровавых *каплей*, дождевых *капель* I, 89 IV, 318; ср. *капль* и *капель* Держ. I, 38 II, 347 IV, 291, Капн. На счастие, Жук. Взгляд на землю, Гриб. Г. от у. II, 11, Пушк. Письма III, 99, Лерм. Демон (первон. вар.), Тург. Накан. XVIII, Гонч. Обр. ч. I, гл. 15, Дост. 25, — ср. сонны́х *ка́пел* Бирск. (С. Обнорский). — 6. Род *кеглей* Гог. Вий; ср. два десятка *кегель* Некр. IV, 59. — 7. От мочки *коноплей* Акс. Сем. хр. 26. — 8. Дым с белых *кровлей* клонится к земле Одоевск. Рус. ночи II, — Черепов. (Ерем. 27); ср. *кровель* Жук. Дер. сторож, Пушк. Пут. в Арзр. IV, Ист. Пуг. б. VII, Гриб. Письма (III, 180), Барат. Цыганка. — 9. С рыбных *ловлей* Аристов, Пром. др. Руси, с. 30. — 10. Род. мн. *оглоблей* Гл. Усп. 75; ср. лошадь, трепля обломками *оглобель*, проскакала от него Л. Тлст. В. и м. III, ч. 2, гл. 31, Письмо Фету, 1865, на концах *оглобель* Куприн, Яма V, Телешов, На тройках, — а *оглобель*-то нету Кирил. (Бр. Сокол. 170). —

11. С *петлéй* сорвавшись Дверь наземь рухнула Жук. Ск. о Ив.-цар., Гог. Вий, Шинель; ср. ржавых *петель* М. Горьк. Ф. Горд. V; — ср.: ничего, и не такие двери у нас с *петел* соскакивали Лейк. Кус. хл. VII. — 12. Род. мн. *пуклей* Восток. 31; ср.: недавно завил он меня во множество *пуколь* Фонв. Письма (Соч. 936). — 13. Подалее висело несколько турецких *саблей*, да *саблей* чтобы никто не скидал Гог. Неск. гл. из неок. пов. III, Тар. Б. XI (у него же — разве у вас *сабель* не было, бряканье *сабель* Тар. Б. IV), — *саблей* Остров. (пр. 33); ср. окромѣ пушекъ, пищалей добрых и *сабель* П. и бум. П. В. III, 213, гром *сабель* Гриб. Г. от у. II, 5 (первон. ред.), Пушк. Будр. и его сын., Бор. Годун., Пут. в Арзр. V, Лерм. Изм.-бей, Вадим XIX, — от тысячки *сабель* Астрах. (Майк. Закл. 560). — 14. Близ *саклей*, из двух *саклей* Лерм. Кавк. пл., Гер. н. вр. I; колебание у Пушк. — У *саклей* псы сторожевые Кавк. пл. II, видел я несколько бедных *сакель* Пут. в Арзр. II. — 15. Род. мн. *соплей* общелит., — *саплей* утреть ня суменить Смол. г. (Добров. 860); ср. *сопéль* Пошех.-Волод. (Тр. Яросл. Пед. И. II, 3, 48), *сапéль* утереть не может Моск. (Черныш. 59), род. мн. *сóпиль* Ельнин. (Добров., Э. С. I, 436); ср. вариант слова по муж. роду — из носа льва выскачў *сапель* Смол. (ib. 239). — 16. Несчастие от *туфлей* Пок. Трудол. 1784 г. (Будде, Оч. 67), не стирая с *туфлей* прах Держ. II, 260, — да нет *тюфлей* гвоздисцатых Вельск. (Э. С. V, 27); ср.: с головы до желтых *туфель* Пушк. Пут. в Арзр. V, шлепанье *туфель* Тург. О. и д. XX, Лейк. Пред праздн. — 17. Род. мн. *цаплей* Ломон. Росс. Гр. § 170; ср. белых *цапель* Телешов, Белая цапля. — 18. Род. мн. *яслей* общелит.; — ср. из-под *есель* Тотем. (Ж. С. XXI, 2, 233), из-под *ясел* Борович. (Смирн. I, 265). — 19. Род. мн. *кудрей* общелит.; ср. молодецких *кудер* желтыих Петроз. (Барс. II, 2) он спимае с *кудёр* шляпоньку ib. (Ист. 185) Повен. (Гильф. 75) Черну шляпу с *кудер* сшибла Ветлуж. (Шейн I, 74). — 20. Род. мн. *ноздрей* общелит., — *нозрей* Кем. (Ончук. Ск. 162); ср. обоих *ноздер* Письма Андреева (Рус. Соврем. 1924, 4, 129), — из *ноздёр* ево искры сыплются Молож. (РФВ. I, 152) с *ноздёр* Смол. (Добров. 441). — 21. Род. мн. *распрей* Сумарок. VIII, 179, Пушк. Пут.

в Арзр I; колебание у Держ. — *распрей* II, 348 и *распрь* II, 205 IV, 336 (у него же от *пря* род. мн. — стихийных *прей* I, 239, 247). — 22. Род. мн. *барышней* Черепов. (Ерем. 27) Мещов. (Черныш. 162); ср. *барышень* — Держ. IV, 174, Пушк., Гог., Лерм., Акс., Тург., Салт., Гонч., Л. Тлст., Дост., Куприн, Поед. XIV, Муйжель, У моря, М. Горьк. Ф. Горд. VI, *барышень* и *барышен* — Лейк. Запут., Говельщ., Апр. IV, V, Чех. Письма II, 387, Панихида, *барышен* — Ф. Соллог. I, — Новгор. (пр. 266) Костр. (пр. 264) Мещов. (пр. 267) Обоян. (Резан. Матер. 65) Судж. (Резан. 249). — 23. У тѣхъ воротъ *башней* и затворовъ нѣтъ Сп. сдат. 1662 г. (А. Кал. III, 410; здесь же — *башенъ*, с. 419); ср. межу *башень* Роспись 1647 г. (ib. 177), Вяз. XI, 64, 277, Гриб. III, 32, 72, 77, 116, Венев. Перв. отр. из неок. поэмы, Одоевск. Рус. ночи VIII, *башень* и *башен* — Держ. III, 85 IV, 39, Подолинск. I, 151 II, 8, М. Горьк. XIII, 203 XVII, 41, *башен* — П. и бум. П. В. III, 101, Ломон. IV, 332, Карамз. II, 68, 167, Бат. Ѳиб. эл., Прог. в Ак. Худ., Озер. Финг. II, 2, Пушк. Восп. в Ц. С., Цыганы, Язык. Ау!, Огар. Африка, Некр. I, 215. — 24. Род. мн. *бредней* Вяз. XI, 410, Пушк. Письма I, 43, Крыл. Хмель, Одоевск. Привидение. — 25. Две пары *бродней* Чех. Сахал. XIX. — 26. Во время... *возней* с яровыми Муйжель, Наследство. — 27. Род. мн. *головней* Черныш. 97; ср.: *головён*-то в пече́ нет Перм. (С. Обнорский). — 28. Род. мн. *дерёвней* Остров. (пр. 33), *дерёвней* (в детском языке) и *деревéнь* Судж. (Резан. 219), *деревней* Ворон. (АГО. IX, 23); ср. *деревéнь* общелит., — Нолин. (пр. 52) Костр. (пр. 264) Мещов. (Черныш. 162), *дерёвень* — Холмогор. (пр. 50) Петроз. (пр. 134), ср. — И не надо мне-ка-ва *деревён* да со крестьянами Онеж. (Гильф. 884; пр. 41; Ончук. Ск. 525) Каргоп. (пр. 106) Петроз. (пр. 13) Пуд. (Манс. 156, 159) Никол. (id. 213) Новгор. и Луж. (РФВ. 40, 99 и 118), несколько *дерёвен* прошла Петроз. (Ончук. Ск. 276) Тихв. (Тр. МДК. II, 123), *дерёвен* и *деревён* Шенк. (Манс. 113) Олон. (Шахм. II, 341) Вытегор. (пр. 22), *деревён* Онеж. (пр. 260) Петроз. (пр. 30) Новгор. (пр. 266) Тихв. (С. Обнорский) Молож. (сицкари, Изв. XXX, 246). Котлас. (Тр. Вят.

Пед. И. III, 75)[1] — 29. Род. мн. *дровней* общелит., — ср. *дровей* (т. е. *дровней*) не завези Кирил. (Бр. Сокол. 205); ср. из-под *дровень* Барс. I, 312, *дровень* и *дровён* Кирил. (Бр. Сокол. 288), для *дровен*, вместо *дровен* Сказки бр. Соколовых, с. XI, Лопар. Самар. 120, *дровён* Соликам. (МАП. 137). — 30. Исчислил ли кто, сколько в мире *западней* Радищ. Дн. одной нед., Чех. От нечего дел. — 31. Род. мн. *квашней* Петрогр. (С. Обнорский); ср. *квашон* Ростов. (Волоцк. 8). — 32. Род. мн. *клешней* общелит., ср. *клешон* Ростов. (ib.) адин рак быў без *клюшон* Ельнин. (Добров. 324). — 33. Звон *лютней* и кимвалов грохот А. Тлст. Грешница; ср.: при звуке *лютнь* безпечно утешался Жук. Руст. и Зор. VIII. — 34. Органы же пассивные, играющие роль *наковальней* (зубы, небо...), имеют только второстепенное значение Бод. де-Курт. Отр. 7. — 35. Из *ножнéй* Бирск. (С. Обнорский); ср. из *ножон* общелит., — Ростов. (Волоцк.). — 36. Тьма *пашней* Гриб. Пут. зап. (III, 32), *пашнéй* (от *пашня́*) Корш, Изв. II, 476; ср. *пашень* Некр. III, 327, *пашень* и *пашон* Дон. (пр. 42, 2), для удобрения *пашен* Радищ. Оп. моего влад., Гог. Альфред I, М. Горьк. М. Кожем. I, Бун. Дер. III.[2] — 37. Кабацких *плутней* Глушков, Э. С. V, 57. — 38. Несколько *пожней* — обод, Майнов, Поездка в Обон. 127; ср. *пожень* и *поженъ* Гр. 1555 г. (Арх. Строева I, 376), *пожнь и пожнъ* Гр. 1566 г. (ib. 423), опроче *пожень* Меновная 1485 г. (ib. 61) Гр. 1448—68, 1540 гг. и др. (А. Кал. I, 125, 676 II, 43, 244, 380, 551), *поженъ* Гр. 1502, 1512 гг. (Арх. Строева I, 104, 141), Гр. 1510—11, 1526 гг. и др. (А. Кал. I, 465, 677 II, 355, 380, 576). — 39. А въ вышину отъ денныхъ матицъ (дощаника) до *порубней* по аршину съ четью Поручная 1677 г. (ib. II, 798). — 40. Мальчики, все сразу, молча вылезли из *пошевней* М. Горьк. Детство IX. — 41. Несколько *пригоршней* воды Куприн, Яма II, 12. — 42. Широкие полозья *розвальней* шаркнули по снегу М. Горьк. Сл. из ж. Мак.;

---

[1] Ср.: *деревенъ* и слободокъ Гр. Фед. Иоанн. 1590 г. (Арх. Строева I, 668, bis).

[2] Ср.: межь *пашень* Кн. доз. 1614—5 г. (А. Кал. II, 43) *пашенъ* Гр. 1622—3, 1669 гг. (ib. 245 III, 367).

ср.: затем он садился на полозья *розвален* Id. Супр. Орловы, — *розвалён* Перм. (С. Обнорский); ср. слово в форме ед. числа: ехали все шестеро на отлетаевской коляске-*розвальне* на охоту Чех. 29 июня. — 43. Ни *росказней* молвы столичной Не слушаешь Язык. К***. — 44. Горка перед окнами *спальней* Акс. Дет. г. 330, из *спальней* А. Н. Тлст. Овражки; колебание у Гриб. — Мне споры ваши все из *спальней* были слышны, Мол. супр. V, Гуляешь возле женских *спале́н* ib. I, 4 (муз. сп.); ср. из *спалень* Жук. Одисс. III, 412. — 45. Род. мн. *сплетней* Вяз. III, 95 XI, 428 XII, 356, Давыд. Я вас люблю, Гог. IV, 286 V, 106, Язык. К***, Одоевск. Кн. Мими, Ск. о том...; колебание у Пушк. — *сплетней* Чаадаеву, Арап П. В. I, Письмо Катенину 1822, *сплетень* Е. О. VII, 48 и *сплетен* Лорд Байрон, Письма II, 243, 350; ср. *сплетень* — Гриб. Письма (III, 163, 169), Акс. Сем. хр. 109, 112, Подолинск. Очерк, Салт. II, 267, Дост. 34, 96, 112, *сплетен* — Лерм. II, 5, Лейк. Апр. VI и др., М. Горьк. Мещ. III, А. Н. Тлст. Хр. бар., Ф. Соллог. VI, IX. — 46. Род. мн. *ставней* общелит. (вместо мрачных *ставней* Гог. Майск. ночь, в трещину *ставней* Лерм. Б. Орша), — ста́вни, *ставне́й* Кашин. (Смирн. 166); ср. гремели болты *ставень*, сквозь щели *ставень*, пятна расписных *ставень* М. Горьк. М. Кожем. I, Сл. из ж. Мак., А. Н. Тлст. Хр. бар., сквозь щели *ставен*, в щелях *ставен* Куприн, Яма XII, Чех. Печенег; ср. употребление слова в ед. числе а) по муж. роду — деревянный *ставень* Пушк. Метель, сквозь *ставень* темный Огар. Зимний путь, Герасим открыл один *ставень* Л. Тлст. В. и м. III, ч. 3, гл. 18, М. Горьк. М. Кожем. I, Заржавленный за зиму *ставень* Н. Мешков, Апр. вечер, Замятин, Инок Эразм (Рус. Соврем. 1924, 2, 45), — б) по ж. роду — между окном и *ставней* соловей свил себе гнездо Чех. Письма II, 113, в) с колебанием в роде у Гог. — петли у широкого *ставня* оторваны Майск. ночь, сквозь щель *ставня* Тар. Б. VI, прильнув к *ставне*... задумался, Отр. из неок. пов. II. — 47. Мы сходили со *сходней* Бальм. Зарево зорь, с. 21; ср.: доски *сходень*, у *сходень* М. Горьк. Ф. Горд. III, В люд. V, шумели у *сходен* А. Н. Тлст. Ибикус (Рус. Соврем. 1924, 4, 13); ср. слово в ед. числе: *сходня* (доска с судна

на пристань или на берег) Яросл. г. (Якушк.). — 48. Гремят с горы... пять *четверней* и шесть троек Л. Тлст. Тих. и Мал.; ср.: прислать сюда... 30 пуговъ, 30 *четверень*, 30 паръ П. и бум. П. В. II, 115 III, 197. — 49. Он думает, что я не вижу всех его *шашней* Гог. Майская ночь III; ср.: и дома не заводили у себя никогда никаких *шашен* с крепостными Л. Тлст. Дьявол II. — 50. Ср.: нѣсколько *шестерень* П. и бум. П. В. III, 528, одной из тех незаметных *шестерень* Л. Тлст. В. и м. IV, ч. 2, гл. 16.

Кроме отмеченного материала, по Ломоносову, Гр. § 170, от существительного *вишня* возможна двоякая форма в род. мн. — *вишен* и *вишней*, по Востокову, Гр. 31, *долбня́* и *возгря́*, также — *ро́хля*, образуют род. мн. на *-ей* (*долбней*, *возгрей*, *рохлей*), по Чернышеву, Прав. 98—99, от *купля, торговля* соответственная форма колеблется — *купль*, *торговль* и *куплей*, *торговлей*. Можно еще, наконец, указать на наличность образований род. мн. на *-ей* от имен существительных с основой на палатализованные *д'*, *т'*, *з'*: род. мн. *дядей* Ломон. V, 36, один из... *дядей* был Позняков Вяз. VIII, 160 (здесь — о двух *дядях* своих, с. 272), любезнейший из всех *дядей*-поэтов Пушк. Письмо к дяде, 1817 г., я полюбил обоих *дядей* Акс. Дет. г. 114 (здесь же — им. мн. *дяди* мои, с. 117), Гонч. Обр. I, гл. 7, Чех. Дома, — пригласил обоих своих *дядей* Белоз. (Колос. Зам. 74) трое *дядей* Тобол. г. (Смирн. II, 839; здесь же — к *дядям*), — ср. в старом актовом языке: и намъ мимо своихъ *дядь* тѣхъ своихъ земель не продати Правая гр. 1508 г. (Арх. Строева I, 133); — род. мн. *культе́й* (от ед. *культя́*) Восток. 31; — род. мн. *стезей* В. Майк. (по Будде, Оч. 53), в след твоих *стезей* Держ. I, 33 (вар.), от проложенных *стезей* Радищ. Жит. Ушакова.

С точки зрения истории языка рассматриваемое явление переноса флексии *-ей* из старых основ на *-i в имена на *-а* («общевеликорусское» по Шахматову, III, 431, и Дурново, Оч. 288) есть относительно поздиее явление. Древнейший, единичный, пример из памятников, форма *рабыней* приводится акад. Соболевским из Тактикона 1397 г. (Лекции 179); позднée

подобные факты выступают уже лишь со второй половины XVII века, и также в очень редких случаях: ср. в приведенном материале полное отсутствие их из Домостроя, из Уложения А. М., и единичные лишь примеры из грамот соответственной поры (XV—XVII вв.). Даже в Петровскую эпоху это явление по свидетельству непосредственных фактов представляется в очень слабом виде: в Письмах и бумагах Петра В., если не считать формы *тысячей*, находим единичное *пашей*, в Первых Рус. Ведомостях—единичное же *добычей* (форма несущественная, как и приведенная форма *тысячей*), у Кантемира оказывается полное отсутствие данных форм.[1] Рост данных форм наблюдается только с Ломоносовской поры. Сам Ломоносов в своей Грамматике (§ 170) уже нормирует данное явление, считая его безусловным для слов на *-жа, -ча, -ща* и относительным (т. е. с возможностью колебания форм на *-ей* и форм без флексии) для имен существительных с основами на «согласный + мягкие *л, н*». Эти нормы однако не исчерпывали реальной картины языка того времени, и в частности у самого Ломоносова встречаются формы на *-ей* от таких существительных, как — *броня, пустыня, буря, заря, пуля* (ср. еще у Сумарокова род. мн. *распрей*), т. е. в рядах слов, не покрывающихся принципами Ломоносовской нормы. Так же теоретична и еще менее определительна попытка Востокова установить правила употребления форм на *-ей*. Эти формы по Востокову свойственны 1) именам на *-жа, -ча, -ша, -ща* с предшествующей с о г л а с н о й, а такжа словам — *межа, паша, юноша*, и 2) «некоторым» именам на *-а* с основой на мягкую согласную, которые Востоковым и перечисляются в количестве 15 слов, а также с колебанием словам — *тоня, доля, стезя*. Нормы, определенные Востоковым, также не исчерпывают фактического состояния современной ему литературной речи. В языке писателей того времени были в употреблении

[1] Соболевский еще приводит из Посошкова единичный пример—*пулей* (ib.); что касается формы *тысячей* из Курбского и др., она, как будет ниже указано, особого происхождения (из исконных основ на *-i).

формы на *-ей* от ряда имен существительных, не предусмотренных группировкой Востокова, ср. родительные мн. *вельможей, депешей, тучей, свечей, рощей* и др., *зарей, бурей, петлей, пуклей, саблей* и т. д. Очень характерно у Востокова определение ограничительных условий образования форм на *-ей* от имен существительных на *-ша, -жа, -ча, -ща*: только слова, в которых еще содержится согласный перед *ш, ж* и т. д., могут по Востокову давать формы род. мн. на *-ей*. Между тем у писателей того времени были в ходу формы в роде отмеченных *вельможей, тучей, рощей* и под. Остается думать, что эти формы были поэтические, книжные, исчезавшие из живого литературного оборота, или может быть ему даже не бывшие свойственными. Во всяком случае значительная часть этого рода форм в последующей жизни литературного языка совершенно исчезла из употребления; ср. современные формы род. мн. не на *-ей* — *вельмож, депеш, калош, туч, рощ* и т. под. После Востокова в литературе предмета не последовало новой попытки нормировать интересующие формы. Самые формы за этот период времени отчасти, как отмечено, сузились в употреблении, в иных же направлениях употребление их расширилось. Впрочем, рост форм идет очень медленно. Так, если обратиться к цифрам, то они свидетельствовали бы о следующем: всего в приведенных перечнях имен существительных, могущих принимать в род. мн. флексию *-ей*, круглой цифрой 120; Востоков дает в своих перечнях 30 соответственных слов, причем, как сказано, фактически в языке его времени употребление форм было более широкое; наконец, что касается современной стадии речи, то из всего отмеченного материала в современном языке лишь до 60 слов могут иметь формы на *-ей*. Таким незначительным оказывается рост этих форм на протяжении последнего столетия. Ставя вопрос о происхождении этих форм и нормах их развития, следует иметь в виду недостаточность объяснения происхождения данных форм путем лишь указания на фактический исконный перенос одной флексии из основ на *-i на место другой флексии

в именах на *-а*. При таком одном указании остались бы неясными ближайшие причины распространения данной новой флексии в одних группах слов (имен существительных на *-а*) и незахождения ее в иные ряды сходных слов. В этом отношении, очевидно, в языке играли роль еще какие-то факторы, которые должно вскрыть, факторы, непосредственным образом вызвавшие появление новых форм в известных рядах имен существительных или содействовавшие расширению их употребления в кругу иных соответственных слов. В этом отношении, при анализе приведенного материала с формами на *-ей* в целом, обнаруживается группа имен существительных, отчасти заимствований, известных с колебанием в ед. числе то по III, то по I и IV типу в склонении. Ср. имя существительное *тысяча*: по свидетельству форм тв. ед. *тысячью,* тв. мн. *тысячьми* слово в приведенной форме было вторичным новообразованием из первоначальной формы **тысячь*, как имени существительного, принадлежавшего к основам на *-i. Отсюда исторически закономерная форма род. мн. *тысячей*, продолжавшая сохраняться в употреблении и тогда, когда уже в ед. числе форма **тысячь* исчезла, заменившись новообразованием по III типу *тысяча*. Ср. раннее употребление формы *тысячей* в памятниках письменности и широту ее распространения как в литературном языке, так и в народной речи. Точно также выше замечено о слове *гусли*, как о вторичном образовании, пошедшем по основам на *-i и вытеснившем старую форму слова, принадлежавшего к именам ср. рода (II типа в склонении). Такими же можно считать еще два слова в перечне — *ясли* и *грабли*, ср. наличие в обоих словах суффикса *-сло-*, характерного в образовании имен ср. рода, также отмеченную областную форму второго слова из числа названных — *грабёла*, сохранившую своим окончанием *-а* преемственность с предполагаемым ее предком, как существительным именно ср. рода. Для ряда слов, отчасти в свидетельствах старого языка, отчасти в данных современной речи, имеются указания на существование их в языке

в вариантах, как имен I и III, или III и IV типа. Ср. *вирш* и *вирша, нишь* и *ниша,* обл. *юнош* и *юноша, добычь* и *добыча, пращ* и *праща, ставень* и *ставня,* обл. *барынь* и *барыня, бронь* и *броня, пустынь* и *пустыня, доль* и *доля, вонь* и *воня, кегль* и *кегля, конопель* и *конопля,* обл. *сопель* и *сопля, туфель* и *туфля.* Можно думать также о существовании первоначально в языке форм *депешь, калошь* согласно с их французским источником, к которым как новые образования явились формы по III типу — *депеша, калоша* (ср. *нишь* и *ниша* и под.). Понятно, что во всех перечисленных именах существительных форма род. мн. на *-ей,* закономерно образовавшаяся согласно Iб или IV типу склонения, могла сохраняться и далее при создавшемся колебании склонения в ед. числе благодаря появлению новообразований и даже при возобладании в нем форм склонения по III типу, в конечном результате содействуя общему усилению роста форм на *-ей* от иных групп имен существительных III типа. Далее выделяются в приведенном материале форм на *-ей* ряды слов, либо принадлежащих к категории pluralia tantum, либо употребляющихся в нормальной речи преимущественно в одних формах мн. числа. Ср. такие имена существительные, как *сходни, шашни, пени, грабли, гусли, оглобли, пукли, сопли, ясли, кудри, ноздри, распри, бредни, бродни, дровни, клешни,* обл. *ножни, плутни, порубни, пошевни, розвальни, россказни, сплетни,* или обычно употребляющиеся лишь во мн. числе — *ставни, каракули,* также — *онучи, чуни, туфли* и др. Во всех этих группах имен существительных, с неупотребительностью или забвением от них формы именительного ед. числа на *-а,* исходная в склонении их форма, т. е. именительный падеж мн. числа на *-и,* естественно теснее связывала их с именами IV типа, в роде *кости,* и вызывала поэтому у них преимущественное распространение в родительном падеже флексии *-ей* (ср. *костей*). В современном языке pluralia tantum на *-и* по общей норме имеют в родительном мн. окончание *-ей,* которое заметно расширяется в употреблении в кругу имен

III типа, вообще употребляющихся в речи преимущественно в формах мн. числа. Ср., кроме отмеченных слов, в роде *онучи* и под., дающих в родительном мн. формы *онучей*, *чуней* и т. д., также примеры родительного падежа — *вишней, милей, каплей, вафлей, кеглей* и др., несомненно идущие не от именительных ед. числа *вишня* и т. д., а от обычных в живой речи форм им. мн. числа — *капли, вишни, вафли, кегли* и проч. В связи с выставленным положением о преимущественном распространении флексии *-ей* у имен существительных из категории pluralia tantum (в широком смысле) следует иметь в виду наличность в языке как областном, так и литературном, известной суммы внешне противоречащих фактов, именно с употреблением от названных групп имен существительных форм род. мн. без флексии, или этих форм в чередовании с формами на *-ей*. Однако на все соответственные случаи форм род. мн. без флексии следует смотреть формально как на архаизмы речи. В этом смысле должен лишь встать вопрос о причинах, содействовавших сохранению в языке этих рядов «архаических» образований. При анализе непосредственного материала этих форм, как они свидетельствуются самой живой речью, можно получить разрешение поставленного вопроса. Нельзя не обратить в этом отношении внимания на то, что соответственные формы род. мн. без флексии в большинстве своем выступают в связи с представлением о счетности, т. е. в положении данных форм после числительных или иных количественных слов. Ср. особенно характерные и широко распространенные формы как *грабель, гусель, оглобель*, но они обычны именно в сочетаниях *двое, трое грабель* и т. д.; ср. в литературном языке обычную форму род. мн. *капель*, не *каплей*, именно потому, что в живой речи форма обычно употребляется в счетном значении — *5, 10* и т. д. *капель*, ср. род. мн. *кеглей*, но — *два десятка кегель* и др. под. Эта тенденция в языке при выражении счетности сохранять архаические формы род. мн. числа и не идти по линии всяческих новообразований служит весьма характерной и действенной

чертой языка; она, помимо данного круга форм на *-ей* и без флексии, неоднократно подчеркивалась выше по поводу соотношения форм на *-ов* и без флексии у имен муж. рода и др.

Еще одна черта отчетливо выделяется в приведенном материале форм на *-ей*. Неподвижность именно ударения у имен существительных на флексии влечет за собой закономерность форм от этих существительных на *-ей*. Ср. родительные мн. *баржей, вожжей, межей, ханжей, пашей, эпанчей, каланчей, парчей, свечей, пращей, четверней, шестерней, возгрей, долбней, стезей, броней, зарей,* обл. *норей, воней* (по Востокову), *коноплей, соплей, ноздрей, возней, головней, западней, клешней,* обл. *ножней*. Как видно, в этой группе слов содержатся и старые русские по происхождению и заимствованные слова, заимствования, между прочим, даже позднего времени (ср. *баржей*). Последнее обстоятельство свидетельствует о всей жизненности и в современном языке трактуемой черты, т. е. ударяемости на флексии как особенности морфологизующего характера, определяющей в кругу рассматриваемых категорий имен существительных появление именно данных форм род. мн. на *-ей*. Об этом характере указанной черты говорит и образование от *культя́*, получающего также в род. мн. флексию *-ей*. Ср. этого же типа формы от *куря́, утя́ — курей* (Лифл. г., РФВ. 64, 307; Смол., Добров. 185; Скопин., Шейн I, 278; Чернояр., РФВ. 70, 128; Мещов., пр. 41, 1; Козлов., Тр. МДК. III, 67; Тул., Шейн I, 279; Брян., Тихан. 253; Курск. г., Даль LXIV, Пассек IV, см. 18; Дон., Сол. 10, пр. 42, 2; — ср. у Лейкина — *курей* разве пары две купить, В сочельник), *уте́й* (Курск. г., ib.; Дон. ib.).[1] Необходимо однако в связи с выставленным положением указать на две группы фактов, являющихся отступлениями от положения. Во-первых, некоторые имена существительные дают колеблющиеся формы род. мн., напр. от *межа́* род. мн. *меж* и *межей*, от *свеча́ — свеч* и *свечей*,

---

[1] Форма *курей* известна и в украинском (напр., у Квітки I, 8).

для слова *эпанча́* Ломоносов указывает двоякую форму род. мн. — *епанеч* и *эпанчей*, также от существительного *стезя́* по Востокову возможны в род. мн. — *стезь* и *стезей*. Не может однако быть сомнения в том, что указанные здесь формы *межь, эпанеч, стезь* — искусственные, книжные формы, оправдывающиеся самим характером слов, как заимствований (*эпанча* — восточного происхождения, *межа* и *стезя* — церковнославянизмы). Но также следует смотреть и на форму *свеч*, и видеть в ней ту же архаическую форму, сохранявшуюся в языке благодаря книжной традиции: ср. упорное сохранение формы *свеч* и в древних памятниках и в литературном языке до самого XIX века. Вторую группу отклонений составляют факты с именами существительными, имеющими ударение на флексии и образующими тем не менее формы род. мн. без окончания. Сюда принадлежит форма, по Востокову, *зарь* от ед. *заря́*; кроме того таковы имена существительные *земля́*, *душа́*, *нужда́*, от которых родительный мн. звучит *земе́ль, душ, нужд,* представляя чистую основу. О всех этих формах следует думать, что они являются формами книжного (церковнославянского), не русского, происхождения. В этом убеждает с одной стороны наличие для первых двух слов диалектических вариантов формы на *-ей* (*землей, душей*); с другой стороны последние два слова (*душа, нужда*) по своему значению представляются явными церковнославянизмами (слово *нужда* к тому же и по своему внешнему облику: ср. здесь *жд* вм. русского *ж*). О слове *земля*, слове столько же русском, сколько и церковнославянском, можно заметить, что формы мн. числа от него в живом (русском) словоупотреблении были вообще необычны, почему понятно, что в соответственном образовании от него родительного мн. закрепилась в языке по старой книжной традиции именно форма без флексии — *земль, земель*. Наконец, и относительно слова *нужда́* необходимо иметь в виду, что паконечное в нем ударение не первоначальное, почему от старого *ну́жда* (или *ну́жа*) родительный мн. получился в форме без флексии — *нужд*, каковая форма сохранялась

в языке и после возникновения новообразования в ед. числе *нуждá* вместо старого *нýжда*.

В анализе материала форм на *-ей* следует еще обратить внимание на два обстоятельства. Во-первых, образование форм на *-ей* свойственно было первоначально лишь именам с основами на исконно смягченные согласные, т. е. на *ж, ч, ш, щ,* также на смягченные *р', л', н'*. Поэтому в наличности в языке форм на *-ей* от слов с основами на иные согласные, не бывшие исконно мягкими согласными, следует усматривать продукт позднейшего сложения, позднейшего аналогического расширения основной нормы явления. Таковы отмеченные формы род. мн. *культей*, также *курей*, *утей*, вероятно, и *стезей* (несмотря на исконность здесь *з* из *дз*, как продукта именно смягчения первоначального *г*). Помимо этих форм, уже выше отмеченных, как форм позднейших по своему сложению, остается еще остановиться 1) на некоторых именах существительных на *-ня*, в роде *спальня*, *наковальня* и под., в которых *н* не было исконно смягченным, и 2) на форме род. мн. *дядей*. В первой группе имен существительных (на *-ня*) палатальность *н* развилась вторичным образом (в результате прогрессивной ассимиляции), и только с развившеюся палатальностью *н* получилась почва для возникновения в данной категории слов форм род. мн. на *-ей*. И действительно по указаниям непосредственных источников о данных формах на *-ей* можно видеть, что они, выступая вообще относительно в позднюю пору, составляют в языке поздний слой новообразований. Что касается формы *дядей*, то ее следует вести не от ед. числа *дядя* (формы вообще, подобно форме *тётя*, вторичной в языке — обе эти формы явились в процессе слоговой ассимиляции из первоначальных **дяда*, **тёта*, ср. старое *тетъка*), а от им. мн. *дядья*. Во-вторых, следует указать на значительное число заимствованных элементов в приведенном материале имен существительных, образующих форму род. мн. на *-ей*. Здесь имеются заимствования из тюркских наречий и вообще с востока и из западно-европейских языков, относительно старого периода и совсем поздней поры. Ср. *баржа*,

депеша, калоша, ниша, паша, эпанча, каланча, парча, чуня, каракуля, миля, вафля, кегля, пукли, сабля, сакля, туфля, ср. еще *вирша* (полонизм), также производные от заимствований — *офицерша, барышня, башня* и др. Особенно характерно употребление форм на *-ей* от заимствований из церковнославянского или старого книжного языка, которых также оказывается значительное число. Ср. *вельможа, межа, святоша, юноша, неудача, предтеча, притча, куща, пища, стезя, броня, заутреня святыня, пустыня, неделя, распря, вопя*, также производное от заимствования — *смотрительша*. В последнем ряде заимствований (из старого книжного языка), как замечено выше, рост форм на *-ей* начался с половины XVIII века, и они, просуществовав в книжном употреблении в течение столетия, почти все опять исчезли из языка (кроме тех случаев, в которых ударение в слове падало на флексию). Причины этого позднего зарождения новообразований и скорого их исчезновения из языка неясны.

Флексия род. мн. *-ей* распространилась не только на категорию имен на *-а* мягкого различия, но в единичных примерах также на соответственные имена твердого различия. Отдельные, формально подходящие сюда факты должны иметь свое особое объяснение. Так, в литературном языке родительный мн. *слюней* при ед. *слюна* обязан новообразованию в именительном мн. (*слюни*), ср. pluralia tantum на *-и*, которые в родительном нормально получают окончание *-ей*. Подобным образом от существительного *нерпа* именительный мн. в Колымском наречии звучит *нерпи*, откуда и родительный мн. *нерпей* (Богор. 91); ср. еще отмеченное выше *ножни, ножней* Шенк. и Петроз. (Кир. III, 17; Гильф. 661, 741) и под. Формы областной речи — род. мн. *комнатей* [Медын. (пр. 263) Мещов. (пр. 150, 267) Мцен. (пр. 188) Рыльск. (МАП. 95) Судж. (Резан. 249) Земл. и Зад. (ИРЯС II, 1, 92)] и *корéтей* [Вят. (Колос. Зам. 244) Котельн. (Зел. Ск. 47)], также *персоней* (Тотем., Колос. Зам. 342) — предполагают нормальные образования не от литературных *комната, карета, персона,*

а от диалектических их вариантов по IV типу *комнать, кореть, персонь*; ср. действительно соответственные указания диалектов — ед. *корѐть, корѝть* в Великоуст. (РФВ. 18, 263) Котельн. (Зел. Ск. 48), *кóмнать* в Судж. (Резан. 249), также *персóнь* в Петроз. (Барс. I, 107, 196). Не вполне ясны формы род. мн. *партéй* Слобод. (пр. 141) и *картéй* Вят. (Зел. Ск. 333) Котельн. (ib. 136) Слобод. (пр. 141). Повидимому, их следует вести от именительных мн. **карти*, **парти*, которые сами могли получиться под влиянием какой-либо аналогии, напр. форма *карти* (она отмечается в Вят., см. Васнец. 103) — под влиянием *вини, буби (бубни), крести* и проч. Кроме указанных разрозненных фактов, формально говорящих о наличности окончания *-ей* у некоторых имен на *-а* твердого различия, есть иные факты подобного рода, принадлежащие исключительно областной речи и свидетельствующие о более цельном и широком отражении явления на диалектической почве. Факты эти следующие: род. мн. *верьбéй* Петроз. (при им. ед. *вербá*, пр. 30) Котельн. (пр. 46) *козэй* Пореч. (Добров. 331), из *рукей* Весьегон. (Тр. МДК. II, 157), *свадьбéй* Холмогор. (пр. 50) Котельн. (пр. 46) Красноуф. (АГО. XXIX, 11) Алатыр. (пр. 32) Буин. (пр. 57) Карсун. (пр. 67), Тунк. (Вин. 16) *судьбей* Красноуф. (Даль LI), *сестрей* Пуд. (АГО. XXV, 10), даней-*пошлиней* Нижегор. г. (Кир. II, 92 = Пам. влр. н. 34), *хатей* (при *хат*) Земл. и Зад. (Тростянск. К изуч. 16).[1] Из этого материала должна быть обособлена форма *пошлиней*, как очевидная форма случайного происхождения (под влиянием непосредственно соседящей формы *даней*). Все прочие формы отражают неясный в ближайших своих причинах морфологический процесс новообразования. Территориально явление ограничивается областью северновеликорусского наречия и полосой переходных говоров, являясь совершенно чуждым районам чистых южновеликорусских говоров. Следует подчеркнуть, что

[1] Форма *вервей* у Чулкова (Насучи мне *вервей*... Чтоб *верьва* не рвалась I, 619), хотя и читается рядом с формой им. ед. (новой по образованию) *верьвá*, может рассматриваться нормальным образованием от *верьвь*, ж. рода IV типа.

за исключением слова *свадьба* все прочие примеры в именительном ед. числа имеют ударение на флексии, и во всех данных, не исключая и формы *свадьбе́й*, в родительном мн. также ударение падает на окончание. Повидимому, в данной группе форм сказалось ближайшее влияние новообразований типа *вожже́й* при им. ед. *вожжа́* и под. А. А. Шахматов указывает на аналогичное явление в диал. укр. форме *бабэј* (Курс III, 432).

Имена существительные на *-ня* рядом с формой род. мн. на *-ей* представляют ее также в виде чистой основы, причем конечное *н* формы в ряде показаний и старого и современного литературного языка может являться как в палатальном, так и в непалатальном виде. Некоторый соответственный материал был приведен выше — с теми именами существительными, от которых возможны в данной форме также образования на *-ей*. Здесь дополнительно приводится соответственный материал от слов, представляющих в родительном мн. лишь чистую основу.

1. Род. мн. *боенъ* Некр. I, 38, — Дон. (пр. 42, 2); ср. — проехали мимо *боен* Чех. Уч. слов. I. — 2. От *вечеренъ* то народ да разъезжаются Петроз. (Барс. I, 206); ср. — я с *вечерен* спал Горбун. 84. — 3. Род. мн. *вишенъ* Пушк. Вишня, Струговщ. Мудр., Лерм. Г. наш. вр. II (вар.), Гонч. Обр. II, гл. 11, Чех. Письма IV, 83, 108, — Дон. (пр. 42, 2); колебание у М. Горьк. — *вишенъ* М. Кожем. I и *вишен* Ф. Горд. IX, М. Кожем. I; ср. *вишен* Сумарок. VIII, 95. Радищ. Дн. пут. из Спб., Гог., Акс., Лейк. — 4. У *жаровенъ* Жук. Одиссея XVIII, 343; ср. — несло вонючим чадом жарких *жаровен* Бун. Дер. I. — 5. Ср. род. мн. *каменоломен* Аристов, Пром. др. Руси, 103. — 6. Ср.: у *колоколен* Перв. Рус. Вед. 143, Держ. III, 86, Язык. Жар-пт., Акс. Дет. г. 476, Лейк. Бирж. арт. VI, Некр. I, 238. — 7. От *конюшенъ* до столярной Акс. Дет. г. 384, Гонч. Обл. I, гл. 8, — у *конюшенъ* Арханг. г. (Марк. 89); ср. *конюшен* Крыл. Свинья, Лейк., М. Горьк., Бун., — Ром.-Борисогл. (Кузн. 4). — 8. Вышед из гладких *купаленъ* Жук. Одиссея XVII, 90; ср. от *купален* М. Горьк. Гор. Окуров. — 9. Ср. много видал я *королевишон* Пинег. г. (Пам. влр. н. 11). — 10. Кузнецы

из соседних *кузень* Л. Тлст. В. и м. III, ч. 3, гл. 23. — 11. Род. мн. *кухонь* Крыл. Свинья, Л. Тлст. В. и м. III, ч. 3, гл. 26 и IV, ч. 4, гл. 7. — 12. Ср. род. мн. *маслобоен* Э. С. I, 16. — 13. Город мостов и *набережень* (Лион) Вяз. X, 215. — 14. Ср. для глухова двух *обеден* не поют Снегир. 67, около ранних *обеден* Лейк. Похор., — до *обиден*, у *обиден* Петроз. (Барс. I, 207) Тихв. (МАН. 116). — 15. Ср.: *овчарен* особых они не имеют Радищ. Оп. м. влад. — 16. Ср.: запах *пекарен* Бун. Дер. II. — 17. Из *подворотень* М. Горьк. Пожар, — Бельск. (Смирн. II, 541). — 18. Ср.: еще больше е *причетен*-то церковных Петроз. (Барс. I, 297). — 19. Да семь *пъшень* Отп. список 1551 г. (Арх. Строева I, 336). — 20. Она с честью изъялась из презрительного общества *сводень* Радищ. Пут. из Пет. (I, 110). — 21. Ср.: *свѣтиленъ* куплено на шесть денегъ Кн. расх. Тур. острога 1622—3 г. (А. Кал. II, 304), слышен тихий треск *светилен* М. Горьк. Исповедь. — 22. Через несколько *скважень* Гриб. Пут. зап. (III, 48). — 23. Ср.: с *скотен* и *птичен* Держ. II, 405, 410. — 24. Черныхъ *сотень* Указ. 1620—1 г. (А. Кал. III, 453); ср. *сотенъ* Улож. А. М., предисл., Некр. I, 280. — 25. Съ кабаковъ и съ *таможенъ* Котош. 128^{об}, 133^{об}; ср. *таможен* Вяз. IX, 227. — 26. У *харчевень* Допрос 1680 г. (А. Кал. II, 518, 569), Горбун. 99; ср. съ *харчевенъ* Память 1697 г. (А. Кал. II, 713). — 27. Из девяти *часовень* М. Семевский, Ист.-этн. зам. о В. Луках, 106, Аристов, Пром. др. Руси, 85. — 28. Ср. род. мн. *челобитенъ* Гр. 1681, 1669 гг. (А. Кал. I, 327 II, 192), Котош. 163^{об} (здесь же — *челобитная*, по которой *челобитной*), Улож. А. М. X, 20 (здесь же — *челобитная*). — 29. Род. мн. *черешень* Гриб. Пут. зап. (III, 57), Чех. Дома, М. Горьк. Ярм. в Голтве; ср. *черешен* Гог., Лерм. — Ср. еще род. мн. *губерен* (при *губерней*) Шевч. (Манс. 113).

Общая причина данного чередования форм на *н* твердое и палатализованное коренится в особенностях самого словообразования этих групп существительных. Нельзя не обратить внимания на то, что ряд слов на *-ня*, оговоренных в материале выше, не знает вовсе форм род. мн. на твердое *н*, и лишь

в незначительной их части оказывается колебание соответственных форм на *-н* и на *-нь*. В случаях первого рода исконно имелись образования на -nj, ср. *богиня* и пр.,—в них поэтому сохранялась палатальность *н* во всех падежных формах, в частности и в родительном мн. (ср. *богинь*). Поэтому от данной группы существительных и в современной стадии языка отсутствуют формы род. мн. на твердое *н*. Второй ряд имен существительных составляли исконные образования на *-ъна*, т. е. с твердым *н*,—в них поэтому естественно должны ожидаться формы родительного мн. на *-ен*, только с твердым *н*. Ср. старые *бојьна—род. мн. *бојьнъ, откуда *боен*, или *вечерьна—род. мн. *вечерьнъ, откуда *вечерен*, и под. Однако в историческую пору жизни русского языка эти имена существительные заменились новыми образованиями на *-ня*,[1] т. е. со смягченностью суффиксального *н*, которая была вызвана ассимилирующим влиянием со стороны непосредственно предшествовавших мягких согласных. Возникли новые формы существительных типа *бойня*, *вечерня* и под. Естественно, что эти новые формы должны были вызвать и в родительном мн. новообразования типа *боень, вечерень* на смену старых *боен, вечерен*. Трудно сказать, насколько абсолютным было вытеснение последних форм с твердым *н* новыми формами на *-нь*. Возможно думать, что в известных словах, в тех или иных диалектах, сохранялись и старые формы на твердое *н*. С другой стороны эти старые формы, столкнувшись с новыми формами на *-нь* из иных диалектических групп, не исчезнув из речи, стали уживаться наравне с новыми формами на *-нь*. Несомненно, наконец, что диалектически в дальнейшем в результате чисто фонетического процесса отвердения конечных согласных эти новые формы на *-нь* снова

---

[1] Впрочем, диалектически сохранялись и старые образования на *-ьна*. Ср. сходные формы (*колокольна, купальна* и под.), отмечаемые Колосовым (Зам. 329) в разных местностях Арханг., Волог. и Перм. губб., форму *спальна* в Самар. г. (РФВ. 41, 32), *спальна, наковальна* в Яросл. (ib. 24, 44), *молотильна* в Сапожк. (Тр. МДК. III, 64), *колокольна* в Орл.-Вят. (МДК XI, 124), Покров. (рядом — *колокольня*, ib 55) Егорьев. (Трост. 92) и др.

заменились формами на *-н* твердое, как бы восстановив таким образом старый тип данных форм. Предположение о такой сложной прошлой истории данных форм объясняет большу́ю пестроту соответственных свидетельств современного языка. В современной стадии литературной речи, учитывая известную сумму колебания форм, доминируют все-же формы на твердое *-н.* Только в случаях ударяемости на конечном слоге более нормальными являются формы на *-нь,* ср. *деревéнь, четверéнь, шестерéнь.* А. А. Шахматов высказал предположение, что именно ударяемость данного слога обеспечила сохранность старого мягкого *н* во флексии. Но следует иметь в виду, что в ряде слов этот принцип не оправдывается. Ср. формы род. мн. *розвалён, головён, клюшóн* (т. е. клешон), *пашóн,* особенно же — как раз весьма распространенную в северновеликорусских говорах форму *деревён,* являющуюся противовесом литературной форме *деревéнь.* В этом отношении возможно и иное понимание форм, как *деревень* и под. Возможно именно смотреть на них как на унаследованные литературною речью южновеликоруссизмы. Повидимому, следует считать типичными северновеликорусскими формами родительного мн. от рассматриваемой категории существительных — формы на твердое *н,* напротив, характерным признаком южновеликорусского наречия служат соответственные формы на *-нь.* В пользу такого предположения можно привести следующие соображения. Во-первых, самая форма род. мн. *деревён* вовсе чужда южновеликорусским говорам, знающим лишь форму *деревéнь.* Далее, из приведенного материала форм на *н* и *-нь,* принадлежащего народной речи, извлекается много данных, относящихся к области северновеликорусского наречия, и здесь почти исключительными оказываются именно формы на твердое *-н.* Напротив, в материале, принадлежащем районам южновеликорусского наречия, формы на твердое *-н* редки; здесь, напротив, содержатся преимущественно указания на формы на *-нь,* правда, указания не очень многочисленные. В свидетельствах древней поры языка, в грамотах,

или в старом литературном языке, также формы на *-н* выступают очень неуверенно и в малом числе фактов. Ср. единичные примеры — *сотенъ* в Уложении А. М., *башенъ* в Письмах и бум. Петра В., *колоколенъ* в Первых Русских Ведомостях и т. д. Данные формы растут в литературном языке, начиная с Ломоносова, хотя, как замечено, представляют очень неодинаковую картину в последующих стадиях развития литературного языка, сильно колеблясь в разных направлениях под пером тех или иных отдельных писателей. Но замечательно, что при пестроте употребления тех и других форм у одних писателей, напр. у Державина, Вяземского, Пушкина, Крылова и т. д., у ряда писателей, северян по происхождению или по своей деятельности оказавшихся связанными с Северной столицей, доминируют формы на твердое *н*, напротив, у южновеликоруссов — на мягкое *-нь*[1]. Ср. исключительность или преобладание форм на твердое *-н* у Ломоносова, Радищева, Батюшкова, Языкова, Баратынского, Некрасова и др., напротив — исключительность или преобладание форм на *-нь* у Болотова, Жуковского, Грибоедова, Одоевского, Лермонтова, Аксакова, Гончарова, Л. Толстого и др. Эти показания весьма красноречивы и позволяют в пестроте употребления одних и других форм в литературном языке видеть след борьбы в нем двух разнородных течений — старого, московского, несшего формы на *-нь*, и позднейшего, северного, противопоставившего им формы на твердое *-н*. Конечно, необходимо вообще учитывать и влияние письменной традиции, осложнявшей картину фактического употребления (на письме) тех и других форм. Характерно в этом отношении колебание форм у М. Горького, северновеликорусса, от которого теоретически должно ждать употребления лишь форм на твердое *-н*. Их у него много,

[1] Характерно, что и Ломоносов и Востоков узаконили в качестве грамматической нормы формы на твердое *-н*, первый в безусловной форме (Росс. Гр. § 170: *лютен, сотен, башен, вишен*), второй — допуская формы на *-нь* лишь для слов *деревня, хлебня, рудокопня* и имен на *-мня*, напр. *каменоломня* (Рус. Гр. 23, 31). Как отмечено выше, Ломоносов и в непосредственном языке употребляет лишь формы на твердое *-н*.

ср. *сплетен, светилен, купален, конюшен, пашен, басен, развалён*, даже *яблон* — единично лишь из М. Горького известная, типически северновеликорусская форма, параллельная северновеликорусской же форме *деревён*. Однако у него же имеются случаи род. мн. на *-нь* — *ставень, черешень, подворотень*, или колебание форм *песен* и *песень, вишен* и *вишень, башен* и *башень*: в этих фактах несомненное отражение традиционного (колеблющегося) правописания данных форм. Этот же принцип объяснения приложим к фактам колебания форм на *-н* и на *-нь* и у иных современных писателей. Судя по тому, что у самых разнообразных писателей нашего времени, как напр. у Лейкина, Горбунова, Чехова, Бунина, Соллогуба и др., преобладающими или, у некоторых из них, исключительными в употреблении служат формы на твердое *-н*, следует их именно считать нормой современной литературной речи, относя соответственно факты с употреблением форм на *-нь* к пережиткам старого языка и правописания. К таким пережиткам принадлежит и форма *деревень*, единственное слово, которое употребляется в литературном языке только в этой форме, не зная употребления параллельного варианта на твердое *-н*. Упорное сохранение от этого слова его архаической, «московской» формы на *-нь*, и только одной этой формы, можно объяснять из старого употребления ее в языке приказных канцелярий, понятно именно в московском обличии, т. е. в виде формы на *-нь*. Отсюда особенное закрепление данной формы в литературном языке и живучесть ее до настоящего времени.[1]

С рассмотренной судьбой имен существительных на *-ня* оказалась связанной категория имен на *-ря, -ля*, с *р* и *л* отчасти исконно, отчасти вторично смягченными: от них диалектически, подобно именам на *-ня*, образовались в родительном мн. формы на твердые *р, л*, заменившие старейшие соответственные формы на *-рь, -ль*. Немногочисленный подходящий материал почти весь

[1] Иной взгляд на происхождение форм род. мн. на *-н* развит проф. Л. А. Булаховским (Slavia VI, 642 и слд.).

приведен выше. Сюда именно принадлежат формы род. мн. *кудер*, *ноздер* от *кудри*, *ноздри*, *ясел* от *ясли*, при обычных формах от этих слов, как pluralia tantum, на *-ей* (*кудрей, ноздрей, яслей*). Таковы же, и, повидимому, для ощущения языка являющиеся теми же pluralia tantum, отмеченные формы — с *петел* (дверных) у Лейк., сонных *капел*. Наконец, этого же рода форма род. мн. от существительного *земля* — из *земёл* Беломор. (Изв. VII, 3, 39). Почти все эти формы принадлежат области северновеликорусского наречия, где, как указано, именно являются нормальными соответственные формы на твердое *-н* от имен существительных на *-ня*.

Имена существительные ж. рода IV типа сохраняют по норме исконную флексию род. мн. *-ей*, которая, как было видно из предшествующего изложения, частично передалась иным категориям склонения. Однако в очень незначительном числе случаев под влиянием нормального склонения имен на *-о и на *-а, образующих родительный мн. без окончания, и здесь явились этого типа формы, сменившие первоначальные соответственные образования на *-ей*. Такова форма род. мн. *дебрь*, встречаемая у Державина — из-за кабаньих *дебрь*, средь *дебрь*, вкруг *дебрь*, навесисты скалы лесных бантийских *дебрь* III, 24, 46, 74 IV, 337, 527, даже в форме *дебр* (Что страж ты *дебр* хозяйских верный III, 306), ср. у него же лишь единичное *дебрей* (И *дебрей* сплетенье Вокруг меня везде IV, 140). Заимствованное слово *картечь* известно в ед. числе в двух разновидностях по III и по IV типу — *картеча* и *картечь* (ср. у Лерм.: Как град посыпалась *картеча*, Изм.-бей; рядом: Звучал булат, *картечь* визжала, Бородино): отсюда в родительном мн. колебание *картечь* и *картечей*. Ср.: 300 *картечь*, но — 50 *картечей* П. и бум. П. В. III, 231, 245, 466, множество бомб, *картечь*, ядер Рел. 1739 г. (Ломон. I, прим. 81), под градом неприятельских *картеч* Павлов, Три пов. 102, — на закусочку поставил каленых *картечь* Ефрем. (Кир. X, 1);[1] рядом — род. мн. *картечей* Черепов. (Ерем. 27).

[1] То же в украинском: А сливъ солоныхъ — для *картечъ* Котл. 159.

От имен существительных *ступень, пядень* имеем в родительном мн. формы — со *ступень*, каменных *ступень* (Червыш. 100), сорока *пядень* Сызран. (Безс. I, 324, 517). У Пушкина от заимствования *сирень* форма род. мн. звучит без флексии: Кусты *сирень* переломала Е. О. III, 38. Подобна же форма — с *антресоль* у Лейкина (С энергиею тигра вскочил Пьер с *антресоль*, Из зап. кн.). Ср. еще сходные образования из диалектического языка: род. мн. *лошад* Бельск. (Добров. 382); — У Глазковских *молодеж* Дома гроша не найдешь Твер. (Шейн. I, 59); — ат *мысиль* Пореч. (Добров. 424). Во всем приведенном материале в большинстве содержатся слова заимствованные (отчасти — церковнославянизмы); это известным образом объясняет явившееся колебание в образовании интересующей формы от указанного ряда существительных, частично нарушивших систему исконного склонения. Однако ближайшие причины и условия, в каких слагалось это нарушение унаследованных из старины норм склонения, не всегда ясны. В этом отношении причины колебания форм *картеч* и *картечей* выяснены.

Можно еще указать на отмеченные формы род. мн. *пядень, ступень*, с вероятием и *сирень*, также обл. *лошад* (которая, очевидно, с фонетическим отвердением конечного согласного из — *лошадь*); все они могли возникнуть в положении за числительными или количественными словами, ср. выше род. мн. *аршин, пуд* и др. под. Что последний момент, именно представление счетности, и здесь, у имен IV типа, сыграл роль и вызвал новообразования родительной формы по образцу соответственной «архаической» формы у имен муж. рода, можно видеть лучше всего из образований для род. мн. от существительного *сажень*. В современном языке родительный мн. от этого слова редко звучит на *-ей*: около 50 *саженей* Руч. дор. 6, маяк в 12 *саженей* вышины Гриб. III, 78, несколько *саженей* земли Одоевск. Рус. ночи, эпил., пустить лёску *саженей* в десять без грузила Чех. Мечты, она пробовала вообразить толщу воды в пятнадцать *саженей* Муйжель, У моря, — 12 *саженей* печат-

иних Онеж. (Гильф. 985) Пуд. (АГО. XXV, 10) двух *саженей* Кирил. (Бр. Сокол. 119) Новгор. (Сол. 8) Костр. (*сажэне́й*, Виногр. 79) несколько *саженей* Екатеринб. (Зел. Ск. 245) Судж. (Резан. 221). Обычная соответственная форма либо *сажен* — не надлежитъ... валу толще 3 или 4 *саженъ* быть П. и бум. П. В. II, 176, на тысячу *сажен* Ломон. IV, 221, в 27 *сажен* глубиною Карамз. II, 79, трех *сажен* удалец Гриб. Г. от у. III, 12 (муз. сп.), 200 *сажен* Одоевск. Хор. жалов., *сажен* в пять Некр. III, 40, *сажен* за 50 Гонч. Обл. I, 9, *сажен* в 300 Л. Тлст. В. и м. I, ч. 2, гл. 8, *сажен* пять Чех. Мечты; либо *сажень* — в 10 или 15 *сажень* Жук. Пут. по Сакс. Шв., сколько может быть глубина эта? — *Сажень* 15. Муйжель, У моря; либо *сажен* и *сажень* в колебании — въ пять *саженъ*, но — дале пяти *саженъ*, по тысечи *саженъ* Улож. А. М. VII, 4 XIX, 6, *сажен* за 100 до берега, но — на 100 кубических *саженъ* Радищ. I, 62 II, 65, приблизился к ним *сажень* на 50, но — около 50 *сажен* Лерм. Вадим. XXIII, Гер. н. вр. I, *сажен* 70, а иногда полверсты, несколько десятков *сажен* подальше, но — не более двух или трех *сажень*, *сажень* за 200 Акс. Сем. хр. 288, Дет. г. 71, 153, 156, тащи сюда... на пять *сажень* березовых дров, но — 13 *сажен* летел Лейк. У татар, Зв. вечер, *сажень* на 20 ниже, но — *сажен* полсотни, три пятка *сажен* М. Горьк. М. Кожем. I, Ледоход. Эти формы *сажен*-*сажень*, как формы родительного мн., несомненно возникли в полной аналогии с сочетаниями типа 10 *аршин*, 20 *пуд* и под., так как и это имя существительное употребляется в речи почти исключительно в сочетании с числительными. Что касается колебания форм на твердое -*н* и на -*нь* (*сажен* — *сажень*), то довольно широкое распространение последней разновидности формы (на -*нь*), которую, между прочим, как нормальную дает Востоков (Гр. 31), можно объяснять параллельным существованием в языке формы *саженей* (с палатальным *н*), несомненно задерживавшей процесс отвердения конечного *н* в новообразованной форме род. мн. *сажень*. В этом отношении народный язык является более выдержанным, чем литературный. В народном языке почти исключительна в упо-

треблении разновидность формы на твердое *-н*: *сажон* Беломор. (Изв. VII, 3, 33) *сажен* Печор. (Ончук. Ск. 38, Был. 134) Арханг. г. (Варенц. 96) *са́жон* Онеж. (пр. 41) *са́жен* и *сажо́н* Олон. (пр. 29) *саже(о)н* Петроз. (Безс. I, 498; Гильф. 803, 663, 682, 749 и др.) Повен. (Ончук. Ск. 413; Гильф. 154) Пуд. (Рыбн. III, 150; Гильф. 335) 5 *са́жон* Никол. (пр. 266) Тотем. (*са́жон*, пр. 201) 40 *сажен* Кирил. (Бр. Сокол. 250) *сажён* Новгор. (Сол. 8) *са́жен* и *сажо́н* Устюж. (пр. 28) 5 *са́жен* Кинеш. (пр. 66) 5 *сажо́н* Кологр. (пр. 58) *са́жэн* и *сажо́н* Костр. (Виногр. 79) 5 *са́жен* Макар. (пр. 86) 50 *сажен* Вят. (Зел. Ск. 308; Смирн. I, 370) 5 *са́жен* Нолин. (пр. 52, 68; Варенц. 101) 6 *са́жон* Орл.-Вят. (пр. 63) 5 *сажо́н* Слобод. (пр. 48, 120, 141; ср. 5 *са́жон*, пр. 53) 5 *сажо́н* Яран. (пр. 59) *сажо́н* Камышл. (пр. 89) 5 *сажо́н* Чердын. (пр. 258) *сажен* Шадр. (Перм. Сб. I, 2, 123) 5 *са́жен* и *сажо́н* Муром. (пр. 93, 100) Новолад. (Тих. и Милл. 274: *сажен*) *са́жан* Ростов. (РФВ. 65, 283) *сажо́н* Гдов. (пр. 11) 5 *сажо́н* Холм. (пр. 54) *сажен* Краснин. (Безс. I, 500; ср. *сажон*, Добров. 160) 40 *сажин* Моск. (Черныш. 102) *са́жън* Руз. (Дурново 231) *сажен* 200 будит Арзамас. (Ж. С. XX, 1, 52) *сажо́н* Самар. (пр. 40) *сажо́н* сто от нас Курмыш. (Мат. Варш. 144) *сажо́н* на́ пять Новосил. (Будде 16) *сажен* Одоев. (Безс. I, 399) Малоарх. и Орл. (ib. 315, 329, 404, 435) *са́жин* и *сажо́н* Судж. (Резан. 221) *сажо́н* 20 Стрaрооск. (Солод. 73) на сем *сажон* ви́дить Ворон. (Дикар. 156) 5 *сажо́н* Акмол. (пр. 75) на 10 *сажен* Колым. (Богор. 122), ср. у К. Дан. — трех *сажен*, шириною по 20 *сажен*, 75, 92. С колебанием в употреблении одной и другой формы можно встретиться не в непосредственной живой речи, напр. в сказках — *сажён* за 200, но — отошел *сажень* 10 Белоз. (Бр. Сокол. 42, 57), 12 *сажен*, но также — 12 *сажень* Курган. (Смирн. II, 784—5); то же в песенном языке — Арханг. (Кир. IV, 23) Пуд. (Тих. и Милл. 16—17). Понятно, что здесь возможны и одни формы на *-нь*: 17 *сажень Онеж.* (Ончук. Ск. 513) Заонеж. (Барс. II, 82) десяти *сажень* Петроз. (Рыбн. I, 36; Гильф. 727) 40 *сажень* Екатеринб. (Безс. I, 477) Уфим. (ib. 483). Однако

формы на *-нь* отмечаются и как формы, свойственные живой речи. Согласно с изложенной выше историей форм на *-нь* и *-н* от имен существительных на *-ня*, можно ожидать наличия формы *сажень* лишь в пределах южновеликорусского наречия. Ср. действительно подобные свидетельства из Мещов. — пять *са́жинь* (Черныш. 149), десять *сажень* Ю. Сибир. (МАН. 175); характерно, что этого типа формы обычны и в песнях, записанных в районах южновеликорусской речи: 40 *сажень* Звенигор. и Серпух. (Безс. I, 270, 317, 429) Моск. г. (ib. 395) Гжат. (ib. 424) Сызран. (ib. 413) Астрах. г. (ib. 486) Мцен. (ib. 283).[1] Следует иметь в виду, что слово в областном языке известно не только в ж. роде (IV тип), но и в мужеском (I тип), повидимому, исконном для него: *са́жень* — *са́жня* Холм. (С. Обнорский) 30 коп. от *сажня* Брян. (пр. 259) *сажо́н* цельный (дров) Смол. г. (Добров. 453); отсюда — род. мн. *сажне́й* Брян. (рядом и *сажён*, пр. 259).

Вторым основным типом образования родительного мн., кроме форм на *-ей*, были формы на *-ов*, окончание, вынесенное из первоначальных основ на *-u. Борьба этого типа образования формы со всеми прочими разновидностями ее была также очень длительна и в конечных результатах более успешна. В современном русском языке можно наблюдать особенно широкое распространение типа родительного мн. именно на *-ов*, получившего значительный рост и за счет старых форм без флексии и за счет старых форм на *-ей*. Так в самом литературном языке обнаруживается сильное расширение употребления окончания *-ов*, помимо слов муж. рода, особенно в именах ср. рода. В отдельных же говорах окончание *-ов* может обслуживать любую категорию имен существительных как мужеского, так женского и среднего рода.

---

[1] В старом актовом языке употребляются смешанно и формы типа *сажен* (напр. в гр. 1512, 1602, 1668, 1681 гг., Арх. Строева I, 141; А. Кал. I, 27, 137 II, 800) и формы типа *сажень* (напр. в гр. 1601, 1640, 1647, 1681 гг., А. Кал. I, 681, 683 II, 800 III, 80, 177).

Согласно истории языка первоначально флексия *-овъ* из основ на *-u распространялась лишь на имена с основами на *-o муж. рода. Здесь новая флексия, как замечено об этом выше, утвердилась во всей широте, являясь в современном языке общей нормой для имен муж. рода (Ia типа). Однако очень рано это же окончание *-овъ* стало переноситься и на иные существительные муж. рода, т. е. на имена с старыми основами на *-jo, также на позднее объединившиеся с последними первоначальные имена с основами на *-i. Оказавшись в положении после мягких согласных, которыми оканчивалась основа названных категорий имен существительных, флексия *-овъ* фонетически заменилась через *-евъ*. Новые формы род. мн. *-евъ*, откуда в случае ударяемости на окончании снова развивалось *-'овъ*, по памятникам известны уже с XII века (Собол. 173), и с каждым последующим столетием свидетельства о них все более возрастают. Эти формы вполне обычны в актовом языке вплоть до XVII века. Ср. напр. *волостелевъ* Жал. гр. 1450 г. (Арх. Строева I, 10) 100 *лещовъ* Гр. 1460 г. (ib. 26) 18 *рублевъ* Дв. купчая полов. XV в. (ib. 12) проводниковъ и *сторожовъ* не емлють Уст. гр. 1488 г. (ib. 75) у своихъ *сестричичевъ* Купчая 1526 г. (А. Кал. II, 358) во всѣхъ *товарыщовъ* своихъ мѣсто сказали Оброчная 1533 г. (ib. 559) а на березѣ шесть *рубежевъ* Разъезжая 1555 г. (Арх. Строева I, 377) *лещевъ, вотчичевъ* Жал. гр. 1556 г. (ib. 394, 399) и т. д. (А. Кал. I, 21, 688 II, 2, 631, 820 III, 15, 467). Этого типа формы составляли принадлежность и старого литературного языка. Однако в нем они просуществовали лишь до XVII века, сменившись новыми формами на *-ей* (по основам на *-i). Только от отдельных слов, напр. существительного *рубль*, или *товарищ*, соответственные формы (*рублев, товарищев*) продержались в этом своем «архаическом» виде несколько дольше, очевидно, более закрепившись в языке благодря техническому их значению и употребительности в канцелярском языке. В этом смысле те немногочисленные данные с формами на *-евъ* (кроме форм *рублевъ, товарищевъ*), которые изредка встречаются в литера-

турных источниках XVII и XVIII века, могут считаться архаизмами речи. Ср.: съ служекъ и съ *детенышевъ* всѣхъ монастырей по пяти *рублевъ* Улож. А. М. X, 162 (форма *рублевъ* здесь вообще частая), *товарыщевъ* Котош. 169 (здесь же часто — *рублевъ*), 60.000 *рублевъ* П. и бум. П. В. III, 65, вексель на сто *рублев* Письмо Черкасского к Кантемиру (Майк. 165), *шляхтичевъ* Перв. Рус. Вед. 18, *вождев, вихрев* Кантем. Сат. II, 264 VII, 194, из хореев и *дактилев*, от московских дворян *Кучковичев* Ломон. III, 8 V, 194, 500 *рублев* Сумарок. IX, 110, *алтарев, вождев, рублев, кадиев* Держ. I, 110 III, 244, 365, 370, *рублев* Фонв. Недор. III, 1, Письма 1787, *рублев, товарыщев* Чулк. I, 203, 670, *сродичев* моих Болот. I, 76; Апеллесов и *Праксителев* Капн. II, 592, *рублев* Судовщ. Песл. диво III, 4. Ср. у Вяз. в заимствованном слове *марш* — после несколько месячных *маршев*, контр-*маршев* мы опять вступили в этот городок, Стар. зап. кн. IX, 156. В современном языке писателями употребляются эти формы лишь в просторечии и в стилизованной народной речи: *рублев* по 400 Гог. Жен. I, 8 (слова Феклы), *благодетелев, зрителев, родителев, рублев* Остр. Не все коту, 25 *рублев* стоит (слова Захара) Гонч. Обл. I, 4, без *барышов*, *рублев* Салт. I, 247 II, 159, *рублев, фонарев* Л. Тлст. Вл. тьмы III, 14, Тих. и Мал., *рублев, глупостев, грубостев, осенев, покупателев, родителев, свидетелев, товарищев* Лейк, окромя *писателев* Леск. 15, *рублев* Горбун. 9, *сторожов* Чех. Недоброе дело, и под. В отличие от литературного языка, изжившего полностью эти формы на *-ев*, в диалектическом употреблении они имеют весьма широкое употребление.[1] Ср. их в Арханг. г. и у. — *рублёв* (МАН. 192), *сторожов, змеенышев* (Ист. 203; Марк. I, 62, 67); Беломор. — *рублёв, королевищёв* и др. (Изв. VII, 3, 32); Онеж. — пр. 41, Кир. I, 88 и др., Ончук. Ск. 539, Гильф. 159 и др.; Печор. — *богатырев, соболев, сторожов, товарищов, ершов, лешшов, рублев* (Ончук. Был. 187 и др.; Ск. 2, 57, 109); Кем. — *гужов*

[1] Формы известны также белорусскому (Карский II, 2, 191 и сл., 232) и диалектически украинскому языку (ср. в доливском говоре — *днів*, Верхр. 65, в мармарош. — *приятелюв*, id. 27, и др.).

воловьих (ib. 152); Холмогор. — *приятелев, рублев, ножев, кирпичев, углев,* — *дверев* (пр. 50); Шенк. — МАН. 9, пр. 235, Манс. 110. — Олон. г. Каргоп. у. — *приятелев* (пр. 106) *пнев* (Рыбн. II, 4) *богатырев* (ib; Гильф. 1328); Петроз. — *приятелев,* но — *родителей, ключей* и проч. (пр. 13) *грошев, рублев, королевичев, царевичев, сторожов* (Рыбн. I, 166 и др.) *богатырев, пастырев, гвоздев, поршнев* (Гильф. 437 и др.) *кораблев, кирпицев, медведях* много (Ончук. Ск. 214 и др.) *сродичев, звирев, писарев* (Барс. I, 5, 27, 152) *змееньшев* (Безс. I, 470 и др.); Повен. — *рублев* (Ончук. Ск. 352) *рублев, королевичев, князевичев, лаптев, писарев* (Гильф. 16, 23 и др.) *змееньшев, богатырев, кораблев, сторожов* (Рыбн. I, 166 и др.); Пуд. — Манс. 158, Гильф. 30 и т. д., Рыбн. I, 25 и др. — Волог..г. Вельск. у. — *рублев* (Смирн. I, 142); Волог. — *ключёв* (пр. 82); Грязов. — *родителев, свидетелев, ключёв, сторожов, харчёв* (Тр. МДК. III, 72, 77); Кадник. — *родителев, приятелев, рублев, ключов, ножов, кирпичов* (пр. 31) *рублев, ключев* — редко (пр. 26); Никол. — *приятелев, рублев, ключов, ножов, кирпичов* (пр. 266); Сольвыч. — *товарищов* (пр. 193); Тотем. — *рублеф, ножоф, огнеф, дожжоф* (РФВ. 18, 207, 208, 223) *клюцоф,* но о замке — *клюцей* (Брок 120) *рублёв* (пр. 198; Ж. С. XXI, 2, 228) *приятелев, рублев, ключов, ножов* (пр. 201); Ярен. — *приятелев, ножов, кирпичев* (пр. 194). — Новгор. г. Борович. у. — *рублев* (МАН. 112; Смирн. I, 280); Белоз. — *рублев, грошов, ножов, богачев* (пр. 166) *приятелёв* (пр. 162) *барышов, кораблёв, кирпичёв, перснёв* (Бр. Сокол. 6, 33, 60, 61, 86); Валд. — *кораблев* (Кир. VIII, 151);[1] Дем. — 40 *царев* (Безс. V, 90); Кирил. — *змееньшов* (Бр. Сокол. 302); Крестец. — *ключев* (пр. 160); Новгор. — Сол. 8, *ключов, ножов, кирпичов* (пр. 20) *дожжов* (РФВ. 40, 99); Устюж. — *рублев, ключов, ножов* (пр. 199) *ножов, приятелев* «и т. п.» (пр. 202); Черепов. — *богачев* (пр. 268) *кулеф, парнеф,*

---

[1] Неясны отмечаемые Колосовым в Валд. формы — *лебедёй, гостёй* (Зам. 14), являются ли они продуктами фонетического изменения из *лебедёв, гостёв,* или возникшими иным путем морфологической аналогии.

приятелёф, рублеф, днеф, но и формы на *-ей* (Ерем. 29 и др.). — Костр. г. Буйск. у. — *родителёв, кирпичов* (пр. 18; Ж. С. V, 3, 411); Галич. — *ножов, рублёв* (пр. 55); Кинеш. — *родителёв, царевичёв, неприятелев, рублев, ключов, ножов, кирпичов* (пр. 66); Кологр. — *приятелёв, рублёв, учителёв, смотрителёв, жителёв* (пр. 58) *приятелев, рублев, ключов, ножов, родителёв* (пр. 61); Костр. — *рублев* (пр. 264) *клешшов, грошо́в,* но и — *гро́шэй* (Виногр. 73, 93); Макарьев. — *родителёв, царевичёв, приятелев, рублев, кораблев, ключов, ножов, кирпичов, кряжов* (пр. 56) *дожжёв* нет (Ж. С. XV, 1, 48); Солигал. — *пустырёв, учителёв, кренделёв, ячменёв, днёв, лучов, богачов, сторожов, барышов* (Ж. С. VII, 3, 459); Чухлом. — *свидетелев, медведев, рублев* (ib. IX, 3, 334). — Яросл. г. Молож. у. — от *вихорев, дожжов* (МАН. 167; Э. С. I, 152); Мышк. — *рублёв* (пр. 78); Пошех. — Ж. С. III, 4, 509, *барышо́ф, ключо́ф, харчо́ф, карандашо́ф* (Тр. Яросл. Пед. И. II, 3, 47); Яросл. — *родителев, дожжов, богачёв* (РФВ. 24, 56). — Вятск. г. Вят. у. — *товаришшов* (Зел. Ск. 315); Глазов. — *рублёф* (Уч. Зап. Казан. У. 1896, 10, 33); Котельн. — пр. 35, 46, Зел. Ск. 37 и др., Майк. Закл. 563; Малмыж. — *ла́ндышов, кочнёв, карандашо́в* (пр. 105); Нолин. — *приятелёв, рублёв, ключов, ножов, кирпичов, людёв, карасёв, родителёв, царевичёв* (пр. 52, 68) *богатырёв* (Колос. Зам. 273); Орл.-Вят. — пр. 37, *ножов, ключов* (пр. 42) 12 *кораблев* (Смирн. I, 402); Слобод. — *ключев, ножов, кирпичов* (пр. 141) *богачов* (МДК. XI, 127); Яран. — пр. 59, 101. — Перм. г. Верхотур. у. — *рублёв, ключов, кирпичев* (пр. 154); Екатеринб. — *богачев, людев* (Даль LI) *сторожов, этажов, товаришшов, богатырев* (Зел. Ск. 58 и т. д.); Ирбит. — АГО. XXIX, 18; Красноуф. — *рублев, конев* (Даль LI); Кунгур. — id. (АГО. XXIX, 75); Охан. — *королев, царев, огнев, окунев, днев* (ib. 62); Перм. — *медведёв* (С. Обнорский); Соликам. — *ершов, ковшов, сторожов* (пр. 180); Чердын. — *огнев* (Даль LI); Шадр. — *дожжоф, гужоф, рублёф, приятелёф* (С. Обнорский) *товаришшоф* (Зел. Ск. 435). — Казан. г. Казан. у. — *суседов* (Сборн. Форт. 173) пять *рублёв* (пр. 92)

рублёв, днёв (пр. 94); Цивил. — *днеф, рублеф, гостеф*, но — *дней, рублей, гостей* (пр. 143); Чебокс. — *товарищев*, — *скатертев* (Магн. 46, 157); Чистоп. — без. *ключо́в* пришла (пр. 1). — Владим. г. Владим. у. — *ножо́в*, — *болезнев* (МАН. XVI, 10) *монастырёф, колодезяф* (Черныш. 30); Ковров. — *лошадев* много пришло (МДК. XI, 39); Меленк. — *ножов, кирпицо́в, приятелев*, но *рублёв* и *рублей, клюцо́в* и *клюцей* (пр. 247) *мощов* (МАН. 21); Муром. — *приятелев, рублёв, ножов* (пр. 93) *приятелев*, изредка — *мечев, огнёв* (пр. 100); Переясл. — *дожжёв, болезнев* «и т. п.» (МАН. 17) *дожжо́ф, рублёф, това́рищъф, болéзнёф* (Тр. МДК. IX, 76); Покров. — *ножов, кирпичов, приятелев, рублев, ключов* (пр. 10, 244); Сузд. — Черныш. 25 (от имен I и IV типа). — Ленингр. г. Луж. у. — *дожжоф, груздёф*, но — *окуней* (РФВ. 40, 110). — Лифл. г. — *угрёв* (Бобров 392). — Псков. г. — *гостев, ножов* (Даль XLVIII) *богатырев* (Ж. С. XXI, 2, 301); Великол. — *рублев, гусев, огнев* (АГО. XXXII, 15) *приятелев, рублев, ножов, кирпичов* (пр. 45); Новорж. — *приятелев, ножов* (пр. 39); Остров. — *огнев* (АГО. XXXII, 11) *родителев, царевицев, няктёв, рублёв, ключов, ножов, гусев* (пр. 33); Порхов. — *гостев, огнев, рублев, ножёв* (АГО. XXXII, 6) *медведев* (Смирн. I, 349); Псков. — *огнев, конёв* (АГО. XXXII, 26) *слепнев, богатырев* (Смирн. I, 360); Торопец. — *царев, князев* (Безс. I, 310); Холм. — *приятелев, рублев* (пр. 54) *рублев, ножов* (пр. 159). — Тверск. г. Весьегон. у. — *товаришшов* (Тр. МДК. II, 157); Вышневол. — *рублев* (АГО. XLI, 47); Кашин. — *огнев, фонарев* (ib. 13) *ножо́ф, днёф, дожжёф, приятелеф, родителеф, рублёф* (Смирн. 90); Новоторж. — *огнев* (АГО. XLI, 9); Ржев. — всегда *-ев* (Э. С. I, 241); Старпц. — *рублев* (АГО. XLI, 29) *лошадев* (Даль XLVII); Твер. — *монастырёф* (Черныш. 3). — Смол. г. Бельск. у. — *медведев, этажоу* (Смирн. II, 524, 548) *рублев* (Шейн I, 117); Гжат. — *конев* (Безс. I, 634); Дорогоб. — *товарищев, родителев* (Смирн. II, 556, 564); Краснин. — с *пнёу* (Добров. 303) трех *дочерёв* (Безс. I, 499); Пореч. — *гусёу, сабалёу, акунёу* (Добров. 154, 219, 528); Смол. — *огнёв* (МАН. 156)

мужой, писарёу (Добров.); Сеннин. — *медведев* (Шейн I, 277). — Моск. г. Бронниц. у. — *канёф*, трое *сторожоф* (Изв. VIII, 1, 377); Богородск. — *родителяф* (ib. V, 2, прил. 4); Верейск. — *дажъжёф* (Черныш., ib. XIII, 289) *саседяф* (id. 144); Дмитров. — *хресьяняф, дажжёф* (Изв. V, 2, прил. 2) *гусев, лебедев* гоню (Шейн I, 220); Клин. — *старажоф, сидняф, лежняф, попалзняф* (Черныш. 59, 84); Колом. — *фальшыф* (Сборн. Фортун. 506); Моск. — *ов, ев* от имен муж. и ж. рода (Черныш. 23, 41, 56 и др.); Руз. — *рублёф* и *рублей* (Дурново 128). — Нижегор. г. (с. Павлово) — *царевичов* (Пам. влр. н. 36 = Кир. I, 35); Ардат. — *сторожов, ножов* (АГО, XXIII, 156); Горбат. — *лещев, язев* (ib. 66); Лукоян. — *огнев* (Э. С. I, 37; Даль LVIII) *кирпичо́ф, къна́плёф* «и т. д.» (Arch. f. slav. Ph. 10, 351) *клюцов, плетнев, ножов*. — исключительно от двусложных имен существительных (АГО, XXIII, 96); Нижегор. — *огнев, перстнев, учителев* (ib. 157); Семен. — *рублёф, учителёф* (Изв. Нижег. У. II, 359) *грачев* (пр. 118) *дожжёф* (Ж. С. XV, 1, 42); Сергач. — *гусев, кирпичев, огнев* (АГО. XXIII, 126) *огнев, калачев, кирпичев* (ib. 14). — Самарск. г. — *товарищев, богачев, лекарев, углев*, — *дочерев* (РФВ. 41, 38); Самар. — *ножо́ф, кирпичоф* (пр. 40). — Симб. г. — *ключов, палачев, сухарёв* (Кир. VI, 61 X, 22; Майк. Закл. 532); Алатыр. — *приятелев, рублев, ключов, ножов, кирпичов* (пр. 32); Буин. — то же, но колебание *углев* и *углей* (пр. 57); Карсун. — *рублев, огнев* (АГО. XXXVII, 4, 27) *приятелев, ключев, кирпичев, рублев*, — *лошадев* (пр. 67); Сенгил. — *огнев, камнёв, углёв* (АГО. XXXVII, 9); Симб. — *рублёв, ножо́в* (Мотовил. 11). — Пенз. г. Инсар. у. — *днев, грачов, рублев, гостев* (пр. 231); Краснослоб. — *углёф, дожжоф* (Тр. МДК. IX, 95); Мокш. *грачов, рублёв* (пр. 230, 2) *днев, рублев, грачев, калачев* (пр. 232, 1); Чембар. — *рублев* (пр. 229). — Сарат. г. и у. — *рублев, фитилев, пушкарев* (М. и К. 10, 56; Пам. влр. н. 148 = Кир. VI, 4); Сердоб. — *дажжёф* (Уч. Зап. Сарат. У. VI, 3, 354); Ставроп. — *рублев, кошелев, зародышев* (Садовн. 122, 285, 248). — Астрах. г. Енотаев. у. — *рублёв* (МАН. 10); Царев. — *покупателев* (РФВ. 63,

15*

121).—Уфимск. г. Белеб. у.—*чеботарёв* (Изв. X, 2, 102); Уфим.—*ов, ев* от имен муж. и ж. рода (МАН. 166).—Калужск. г.—*огнев* (Даль LXIII) *рублев* (Неделино, Смирн. I, 504); Жиздр.—*гусев* (Тр. МДК., III, 83) *дьнёв, рублёв, грачов* (Ник. 324); Медын.—*огнев* (МАН. 70) *приятелев, рублев* (пр. 263); Мещов.—*учителёв* (пр. 41, 1) *приятеляв, нажов* (Черныш. 162) *рублев, гостев* (пр. 150) *приятелев, ключов, ножов, кирпичов* (пр. 267); Мосал.—*гусёв* (АГО. XV, 30) *калачёв, рублёв, линёв* (ib. 60); Перемышл.—*кремнёв* (ib. 27); Тарус.—*днёв* (Тр. МДК. I, 72).—Тульск. г.—*неприятеляв* (Безс. I, 281); Алексин.—*рублев, огнев* (АГО. XLII, 7); Богородиц.—*таргашоф, прышшоф* (Изв. III, 884, 891); Белев.—*рублёв, огнёв* (АГО. XLII, 34) ат *балезьняў* (Изв. III, 836); Венев.—*огнев* (АГО. XLII, 13) *жителев, лекарев,—болезнев, жердев* (ib. 2); Епифан.—*кулёв, чижев, рублев* (ib. 36); Кашир.—*рублев, журавлев* (ib. 31) *дажжоў* (Изв. III, 884); Новосил.—*днёв, рублёв, гостёв* (пр. 77); Черск.—*рублёв, ножёв* (АГО. XLII, 11, 17, 46).—Орловск. г. Брян. у.—*радитьляф* (Будде 84) колебание *рублёв* и *рублей* (пр. 259); Елецк.—*рублёв* (пр. 111); Малоарх.—*царев, князев* (Безс. I, 329); Мцен.—*днёв* (АГО. XXVII, 5) *дажжоў* (Будде 51) *зьмиёў зьмиёўичяў* (ib. 58); Севск.—*рублев* (Ж. С. XXI, 2, 314).—Рязанск. г.—*һрачóф, спасителеф, һостяф* (РФВ. 28, 25); Егорьев.—*радителяф, витизяф* (Трост. 98, 101) 12 *баһатырев* (Смирн. II, 61 = Шахм. 215); Зарайск.—*нажóф, óсяф,—матиряф* (Петр. 41, 35); Касим.—*днёф, рублёф* (пр. 47) *канаплёў, даж'жёф* (Будде, К ист. 135, 152) *рублёв* (пр. 111, а); Михайл.—*рублев, ключов* (АГО. XXXIII, 5); Раненб.—*змееньшев* (Безс. I, 539); Ряжск.—чужих *людёф* (Э. О. 1897, 4, 123); Скопин.—*рублёф, царевичаф* (Будде, 145, 147).—Курск. г. Грайвор. у.—*рублёв* (пр. 279); Дмитриев.—*вчителев* (Э. О. 1901, 3, 46); Льгов.—*рублев, грачов, днев* (пр. 76); Обоян.—*рублёв, видмядёв, йнтарёв* (МАН. 95); Рыльск.—*рублёв, зверёв* (ib.); Судж.—*карандашов, приятеляв, калиндарёв*, но—*рублей, ключей, нажей* (Резан. 247) колебание *калачёв* и *калачей* (Резан.

Матер. 6, 7); Щигр. — выпушшу трех *шшо́галяв* белых (Хал. 106). — Ворон. г. — *рублёф, канёф, һастёф, — лашадёф, костяф, напастяф* (Филат. 180, 271); Валуйск. — *медведёв* (пр. 261); Ворон. — *рублев* (АГО. IX, 23; Дикар. 72, 266); Ворон. и Коротояк. — *дажжо́ф, нажо́ф, кирънично́ф* (Ж. С. XV, 1, 104); Павлов. — *калачов, радитиляв, кренделяв* «и т. п.» (АГО. IX, 25). — Дон. обл. — *огнев* (ib. XII, 3) *ножов, ершов,* но — *грачей, гостей, гвоздей* (пр. 42, 2). — Терск. обл. — *тяжо́ф, гастёф,* но — *гостей,* колебание — *рублёф* и *рублей, днёф* и *дней* (РФВ. 44, 77) *неприятелев, оленев, лодырев, товарищев, кирпичов, камышо́в, усачо́в, карандашов, ломтёв, — сволочев,* без *кроватев* (Караул. 21, 23). — Кубан. обл. — *рублёв, днёв* (Ж. С. XIII, 3, 359). — Сибир. — *ершов, рублев* (Даль LX); Бирск. — *товаришшев* (С. Обнорский); Тобол. г. — *гвоздёв, приятелёв* (пр. 21); Том. — *конеф* (АГО. Б. VII, 27); Нерч. — *рублев* (МАН. 181) по семи *зародышев* (Э. С. VI, 45); Енис. — *родителев* (Э. О. 1916, 1—2, 104); Верхнеуд. — *дожжов, рублёв, товаришшев, жителёв* (Селищ. 84) *родителёѿ, свидетелеѿ, конёѿ* — в семейских говорах (id. 85); Нижнеуд. — *нажо́ф, ключо́ф, радитиляф* (Вин. и Черных, 12), *ко́няф* (Тунк. край, Вин. 16). — Ср. у. К. Дан. — *рублев,* двух удалых *Борисовичев, товарыщев,* 7, 14, 51.

Судя по представленному материалу, формы на *-ов, -ев* относятся ко всей области великорусского наречия. Но таково лишь внешнее впечатление от материала. При его ближайшем анализе вопрос о данных формах осложняется. Следует прежде всего обратить внимание на спорадичность и вообще неровность целого ряда свидетельств об этих формах. Следует далее отделить факты, принадлежащие непосредственной живой речи, от иных свидетельств об этих формах, почерпнутых из песенного материала или вообще из книжных источников. Наблюдение над последними данными действительно показывает, что круг соответственных форм очень ограничен и относится к известной совокупности слов, оказавшихся в народном обороте из

книжных источников. В этом смысле формы на *-ов*, *-ев* в означенном кругу материала, если они не подкрепляются кроме того показаниями иных свидетельств о наличии их в живой речи, должны считаться архаизмами речи. Но, обращаясь далее к свидетельствам о формах на *-ов, -ев*, извлекаемых из наблюдений над живой народной речью, и здесь приходится остановиться перед многочисленными указаниями наблюдателей на употребительность данных форм лишь от тех или иных единичных слов. В ряде местностей, напр., из форм на *-ов, -ев* оказывается известной живой речи лишь одна форма *рублёв*, — так напр., в уу. Боровичском, Костромском, Мышкинском, Глазовском, Котласском,[1] Казанском, Вышневолоцком, Старицком, Чембарском, Енотаевском, Севском, Елецком, Грайворонском, Воронежском, Касимовском, Нерчинском, — от всех же других соответственных имен существительных здесь употребляются нормальные формы на *-ей*. Точно также в Сольвычегодском, Чебоксарском, Весьегонском, Бирском уу. отмечена лишь форма *товарищев*, в Петрозаводском и Белозерском уу. лишь — *приятелев*, в Вологодском, Тотемском, Крестецком, Чистопольском только — *ключов*, в Череповецком и Слободском лишь — *богачев*, в Богородском и Брянском лишь *родителев*, в Коломенском — *соседев*, в Тверском — *монастырев*, в Дмитровском, Крапивенском, Мценском только *дожжов*,[2] в Царевском — *покупателев*, в Семеновском — *грачев* и т. д. Или даются соответственные указания на употребительность данных форм от двух, трех слов и под. Так, в Буйском у. отмечается лишь — *родителев* и *кирпичов*, в Холмском и Медынском — лишь *приятелев, рублев*, в Котельническом — *родителёф, государёв* (Тр. Вят. Пед. И. III, 53), в Верейском — *дожжов, соседев*, в Ардатовском — *сторожов, ножов*, в Богородицком — *торгашов, прышшов*, в Михайловском — *рублев*,

---

[1] Здесь подчеркивается характерность форм на *-ов* в среде «образованной части населения» (Тр. Вят. Пед. И. III, 75).

[2] То же в Котельн. (Тр. МДК. IX, 111), Сердоб. (Уч. Зап. Сар. У. VI, 3, 354).

ключов, в Казанском — *рублёв, днёв*, в Холмском — *рублев, ножов*, в Мещовском — *рублев, гостев*, в Мокшанском — *рублев, грачов*, в Семеновском — *рублев, учителев*, в Скопинском — *рублеф, царевичеф*, в Муромском — *приятелев, рублев, ножов* в одном районе, или — *приятелев, мечов, огнёв* в другом, в Соликамском — *ершов, ковшов, сторожов*, и проч. В ряде местностей по свидетельствам наблюдателей те или иные (единичные) формы на *-ов, -ев* чередуются с формами на *-ей* от этих же слов, или противополагаются обычным формам на *-ей* от иных соответственных имен существительных. Так в Петрозаводском у. при единичном *рублёв* обычны вообще формы на *-ей*, то же в уу. Лужском, Суджанском, в Донской и Терской области; в Череповецком у. приводятся от пяти слов формы на *-ёв*, но с замечанием, что эти формы чередуются с формами на *-ей*, — то же в Костромском у.; ср. еще сходные свидетельства из Меленковского, Цивильского и Буинского уу. В Рузском и Брянском уу. из форм на *-ов* отмечается единичная форма — *рублёв*, но и она чередуется с нормальной формой — *рублей*. Можно еще упомянуть о свидетельстве из Кадниковского у., где согласно пр. № 26 известны формы — *рублев, ключов*, но они вообще редки в употреблении; ср. еще данные с колебанием одних и других форм из Меленковского у. (по пр. № 100). Все сказанное наталкивает на предположение, что либо в этих формах на *-ов, -ев* перед нами остатки старой цельной системы их в данных говорах, постепенно разрушающейся, либо они являются наносными элементами в данных говорах, пришедшими отчасти из литературного языка, отчасти из иных районов, где данные формы служат нормальной чертой органического происхождения. Возможно, конечно, что эти причины в одних говорах действовали раздельно, а в других имели совместное действие. Задаваясь целью установить грани говоров, которым свойственно употребление данных форм как черта органическая, нельзя не отметить большой трудности для решения этой задачи. Трудность объясняется свойством самого материала, очень часто

не уясняющего, насколько широко или ограниченно оказывается употребление данных форм в тех или иных отдельных говорах. Однако, опираясь исключительно на показания, относящиеся к живой диалектической речи, и учитывая лишь те из них, которые говорят о сколько-нибудь широкой распространенности данных форм, можно следующим образом определить границы употребления этих форм. Они вообще должны считаться характерными для большей части северновеликорусской территории, а также для полосы переходных и смешанных говоров. Ср. их в части Архангельской губ., в Пудожском у. Олонецкой губ., в частях Вологодской и Новгородской губ. (в последней — уу. Белозерский, Новгородский, Устюжский), в частях Костромской и Ярославской губ., в Вятской, в части Пермской губ., во Владимирской губ., в частях Псковской и Тверской, Московской и Нижегородской губ., и далее в Поволжье — в Самарской, Симбирской, Уфимской, Пензенской губ. В южновеликорусской черте говоров эти формы в спорадическом употреблении отмечены в Мещовском и Мосальском уу. Калужской губ., в Веневском, Епифанском и Новосильском уу. Тульской губ., в Обоянском у. Курской губ., в Воронежском и Павловском уу. Воронежской губ.; из Терской области показания двойственного характера. В Сибири формы характерны для семейских говоров Верхнеудинского у. Иркутской губ., представляющихся говорами смешанного типа. Итак, повидимому, можно заключить об органичности данной черты лишь для восточно-Новгородской, Вологодско-Вятской и Владимирско-Поволжской групп северновеликорусского наречия. Те скудные свидетельства об этих формах, которые принадлежат черте южновеликорусских говоров, следует, очевидно, признать показаниями не исконного происхождения для южновеликорусской почвы, а вторичного, наносного. В этом отношении весьма показательна наличность черты на Московской территории, также принадлежность форм старому литературному языку, о чем сказано выше. Не может быть никакого сомнения в том, что очень многие данные из при-

веденных в перечне форм, данные характера спорадических форм или принадлежащие таким районам, где, можно думать, не были известны эти формы как формы органического происхождения, обязаны были возникновением своим именно влиянию литературного языка.[1] В этом, между прочим, убеждает и самый состав лексики, дающей примеры форм на *-ов*, *-ев*. Здесь много слов заимствованных, оказавшихся в народной речи только через посредство литературного языка. Весьма характерно, что именно этими заимствованными элементами в народной речи попреимуществу усваивалась новая флексия *-ов, -ев*: очевидно, в этой именно форме на *-ов, -ев* слова из литературного источника первоначально проникли в народное употребление, почему данный тип образований (на *-ов, -ев*), обобщившись, и стал в народном языке типичным для всяких вообще литературных заимствований в народной речи. Из числа этих «заимствований», дающих в народном языке формы родительного мн. на *-ов, -ев*, можно указать не только на слои непосредственных иноземных элементов, в роде, напр., слов — *куль, крендель, фонарь, фитиль, кошель, грош, барыш, ландыш, карандаш, этаж, камыш, кирпич* и под., но особенно на широкие по численности ряды просто литературных заимствований, отчасти церковнославянизмов, отчасти элементов старой канцелярской или вообще городской лексики. Ср. в числе церковнославянизмов имена существительные на *-тель, -арь, -ырь*, как — *приятель, неприятель, родитель* и проч., *пустырь, богатырь, монастырь, писарь, лекарь, пушкарь* и др., или слова в роде — *палач, рубль, товарищ, сторож, торгаш, король, царь, царевич, князь* и проч. Как видно, здесь также содержатся заимствования из иноземных языков. Еще на одну черту можно указать из рассмотрения лексики, от которой в диалектическом употреблении выступают формы на *-ов, -ев*. Это — обилие слов с основами на *-ш-, -ж-* (*-шш-, -жж-*), отчасти также на *-ч-*. Ср. *-нож,*

---

[1] Ср. ценное наблюдение, отмеченное в 1-м примечании на стр. 230.

грош, кряж, барыш, сторож, ландыш, карандаш, этаж, ерш, ковш, гуж, муж, зародыш, торгаш, чиж, камыш, далее — *товарищ, дождь, лещ, прыщ, клещи, мощи.* Необходимо думать о фонетическом моменте, сыгравшем свою роль в новообразованиях на *-ов, -ев* от данных групп существительных: твердость конечных согласных (*ш, ж*) в основе этих имен естественно повела склонение их по образцу существительных типа *стол, раб,* и в согласии с родительным мн. *столов, рабов* явились формы типа *ножов, дожжов* и под., особенно широко распространенные в показаниях приведенных диалектических свидетельств. Но большое относительно число и имен с основой на *-ч-* образует формы род. мн. на *-ов, -ев,* — ср. *кирпич, ключ, харч, богач, царевич, луч, палач, грач, усач* и др. Была ли и в этой группе слов ближайшая причина распространения новой флексии фонетическая, установить трудно.

Проникновение флексии *-ов, -ев* в категорию существительных женского рода (III типа) обнаруживается и в данных, относящихся к литературному языку, где однако это явление должно иметь свое особое объяснение, и в данных, принадлежащих диалектической речи. В литературном языке явление оправдывается главным образом свидетельствами из старого языка: 1. Но где же таковых царям *Агриппов* взять Держ. IV, 220; — 2. Противъ старыхъ *азбуковъ* Русскихъ П. и бум. П. В. V, 54, из этих цветников да *азбуков* понабрались кой-чего Салт. II, 157, — *азбуков* Орл.-Вят. (пр. 63); — 3. Тьма *арбов* Гриб. Пут. зап. (здесь же — несколько тысяч *арб,* III, 31, 34); — 4. Въ бросаніи *бомбовъ, бомбовъ* 3-х пудовыхъ, отпустить тысячу *бомбовъ* П. и бум. П. В. I, 28, 77 II, 136 III, 90, 247 IV, 102 V, 164 (ср. — метаніе *бомбъ* I, 38 III, 94); — 5. Что я, увы! сестра *братоубийцев*[1] двух Капн. Антиг. I, 3; — 6. *Брегантировъ* шесть, 10 *брегантиновъ* П. и бум. П. В. V, 33 VI, 35 (ср.: з десятокъ здѣлать новыхъ *брегантинъ* V, 98, на дѣло новаго маниру *брегантиръ* V,

[1] Ср. у М. Горьк.: здесь Окуровцы зарывали *опойц* и *самоубийц,* Матв. Кожем. I.

93); — 7. И скрипит *вереев* тюремных сталь Держ. IV, 472; — 8. Сверхъ указныхъ *взятковъ* и поборовъ П. и бум. П. В. V, 11, *взятковъ* Кантем. Сат. IX, 180; ради неправды и *взятков* Ломон. V, 216, не брали ли *взятков* Пам. зап. кн. Долгоруковой (Рус. Арх. 1867, с. 21), Трутень 1769, л. 9, из *взятков* задавал иным тычки Аблесим. Сказка VIII, Хемн. 197, 345, — ср. и для де своихъ *взятковъ* Гр. указная 1699 г., Наказ 1697 г. (А. Кал. I, 420 II, 535); — 9. Почто *витиев* правил Мне вьючить бремена? Держ. II, 280; — 10. И самихъ ихъ *забойцовъ* гражане побили Котош. 2^об; — 11. Будь щастлив теперь иною, Я не мышлю о тебе, И не чувствую *заразов* Ни малейших я в себе Чулк. I, 50; — 12. Нет ли тут каких недружескихъ *затеев*? Держ. IV, 134, а *затеев* и еще больше Аблесим. Мельн. I, 9 (ср. у него же — безо всех *затей*, Слов. суд); — 13. Нет *кикиморов* явленья Держ. I, 172; — 14. И *колбасов* не ем, и пиво я не пью Вяз. XII, 464; — 15. Насулил мне ягод и *конфектов* Болот. I, 7, это дороже всяких *конфетов* Лейк. Соч. IV, сколько я *конфетов*... перекушал Чех. Мечты, 5, — Каргоп. (Колос. Зам. 153) Екатеринб. (Зел. Ск. 52) Остров. (Шейн I, 213) Черепов. (Ерем. 25); — 16. Между саней, *кошевов* и коробов... не было возможности даже пробраться Нов. Вр. 1914 № 13933; — 17. Что во той во шкатуле 60 аршин *лентов* Чулк. I, 750, — Каргоп. (Колос. Зам. 153); — 18. Не смотря на толпу *мадамов* и детей тетушки Лерм. Кн. Лиг. V; — 19. Какое множество вы знаете *манеров* Ломон. II, 94; — 20. И с мачт (внемлет) ток *молниев* струей Держ. II, 424; — 21. Тѣхъ найденныхъ *монетовъ* Перв. Рус. Вед. 73, я ваших у себя *монетов* не имею Аблесим. Карт. обман; — 22. 8 русских и 2 *мордвов* Ф. З. 1877, 1, 10; — 23. 110 *мортировъ* П. и бум. П. В. I, 28 V, 164 (ср. здесь же ед. число по муж. роду — два *мортира* V, 323), из *мортиров* Чулк. I, 165; — 24. Из *незабудков* с васильками Капн. На счастие; — 25. 970 *портупеевъ* П. и бум. П. В. IV, 232, 475 V, 24, 40 (ср. — 2000 *портупей* IV, 100); — 26. Стреляют белку, соболей, выдр, *разсамахов* Радищ. Дн. пут. из Спб.; — 27. Подлость *риѳмовъ* не въ томъ состоитъ... Ломон. III, 9; — 28. Действие сверхъестественных сил,

духов, *сильфов*, гномов и им под. Жук. О басне и баснях Кр.; — 29. Эти вещи одним прикосновением наводили магнетический сон на *сомнамбулов* Одоевск. Салам. II; — 30. *Стихиев* споры, бунт, шум Держ. I, 79, 190 II, 78 IV, 6, 10; — 31. Незрел я льющихся благотворно *струев* Касталии и Ипокрены Радищ. Пут. из Пет.; — 32. Для выдачи *субсидиев*, возобновлена кондиция *субсидиев* Кантем. Рел. и Письмо Щербатову (Майк. 262, 271); — 33. Привези от него двух моих великолепных *таксов* Чех. Письма IV, 86; — 34. Оправдывая *убийцев* ее мужа Радищ. Пут. из Пет., казнил *убийцев* Ломон. V, 194, *убийцев* Титовых укорой бремени Княжн. Тит. милос. II, 6, бывает даже *убийцев* и то жалко М. Горьк. Тюрьма; — 35. В строении *фибров*, в состав нервов и *фибров* Радищ. О челов. (ср. — движением малейших *фибр* мировых; здесь же ед. число по ж. роду — в каждой *фибре*); — 36. А из-за *ширмов* раза два Такие слышал я слова Лерм. Казнач.; — 37. Без дальних *церемониев* Держ. IV, 444, без *церемониев* Судовщ. Несл. диво III, 15; — 38. И строй *чинаров* и рапп Язык. Хрипкову. — Из Черныш. Прав. 142 можно еще присоединить к предложенному материалу формы — *каверзов* (в колебании с *каверз*) у Вяз., *вокабулов* (в колебании с *вокабул*) у Фонвизина.

Как можно видеть, большинство слов приведенного перечня составляют заимствования. При этом они отчасти и в настоящее время известны с колебанием в роде, отчасти в старом языке были иного рода, именно мужеского, в отличие от современной стадии речи, которой они принадлежат уже лишь как имена женского рода. Об этом колебании в роде была речь выше. Это колебание в роде объясняет двойственность образования родительного мн. то по I, то по III типу склонения. Ср. *кикимора* и народный вариант слова по муж. роду **кикимор*, *конфе(к)та* и *конфе(к)т* (Форма *конфект* имеется у Болотова, см. Ч. 143), *мадама* и *мадам*, *манера* и *манер*, *монета* и *монет* и под. Для некоторых слов фактически неизвестны старые варианты их по муж. роду, но теоретически они мыслимы, напр. для форм род. мн. *бомбов*, *лентов*, *портупеев*, *рифмов* и др. Характерны формы на *-ов* от

имен существительных с наконечною (неподвижною) ударяемостью: здесь, можно думать, возникновение новых форм на *-ов́*, с ударяемой флексией, вызывалось именно постоянной ударяемостью окончания в иных падежных формах данных слов; ср. еще ниже формы *вереев, струев*. Помимо заимствований иноземных, имеются в материале также заимствования из старого книжного языка (церковнославянизмы): *братоубийца, вития, забойца, убийца*. Эти существительные также известны были в старом языке с колебанием в роде — по основам на *-о и на *-а. Приведенные формы от них на *-ев* следует соответственно вести от их предков, как существительных муж. рода (т. е. с принадлежностью к старым основам на *-о). Подобным образом родительный мн. *взятков* есть нормальное образование к старой форме слова *взяток*, по муж. роду.[1] Из прочего материала имена существительные *верея, зараза, затея, молния, незабудка, струя* имеют формы на *-ов, -ев* отчасти как книжные по происхождению слова (ср. *зараза, молния, струя*), отчасти в порядке диалектических новообразований. Впрочем, не вполне ясная в этом отношении форма — *незабудков*.

Почти все приведенные факты с колебанием в родительном мн. форм без флексии или с окончанием *-ов, -ев* составляют принадлежность старого литературного языка и современной литературной норме чужды. Но в литературном языке и в настоящее время есть аналогичные факты с колебанием в образовании родительного мн. — именно от существительных, употребляющихся преимущественно или исключительно во мн. числе. Вполне понятно, что в представлении этих имен существительных, как pluralia tantum, утратились старые родовые различия, что и послужило причиною появления двойственных образований в родительном мн. Некоторые подобные факты были отмечены выше. Ср.: 1. До *Альп* мой звук побед (раздается) Держ. IV, 310 (но — у подошвы *Альпов* Жук. Отр. из письма

[1] Напр. ср. у Хемн.: Ты *взяток* дашь ему, а он даст обещанье, Сат. II, 89 (у него же род. мн. *взятков*, см. выше).

о Шв.); — 2. Под резкими ударами частых *брызг* Тург. Руд. VII, в радуге из *брызг* водопада Жизнь П. И. Чайковского III, 52, паденье лунных *брызг* и др. Бальм. III, 119 V, 85, Ясень, 154, Сонеты, 196, — ср. от *брызгов* синий холм стоит Держ. I, 318, Капн. На см. Державина, Жук. к Б-ву, Царскос. леб., Письма к Гоголю, жужжа, кружится *брызгов* рой Вяз. XII, 225, среди *брызгов* пены Лерм. Г. наш. вр. I, целый поток *брызгов* Чех. День за гор., — *брызгав* Путивл. (Хал. 28), — ср. ед. число по муж. роду — под стеклянным *брызгом* волн Язык. Пловец; — 3. Род. мн. *дрязг* общелит., — ср. не слушай всяких-те *дрязгов* Пошех. (МАН. 171) Терск. (Караул. 59); — 4. Род. мн. *косм* общелит., — ср. *кóсмоф* Шадр. (С. Обнорский); — 5. 148 паръ *литавръ* П. и бум. П. В. I, 215, вместо *литавр* Болот. I, 9, средь грома музыки и *литавр* Держ. I, 278, звон *литавр* и клики Пушк. Полт. I, густой рев контрабаса, трех *литавр* с пением скрипки и флейты образуют великое целое Лерм. Панор. М., гром *литавр* Козл. Разб., — ср. раздавшийся бой *литавров* возвестил собрание рады Гог. Тар. Б. III (первон. ред.); — 6. Род. мн. *лясс* общелит., — ср. я *лясов* дядюшки изрядных наточу Судовщ. Несл. диво III, 11; — 7. Род. мн. *макарон* общелит., — ср. В те дни, как Мудрость среди тронов Одна не месит *макаронов* Держ. I, 173, несколько волокон *макаронов* Одоевск. Imbroglio; — 8. Род. мн. *мириад* общелит., — ср. и вкруг от *мириадов* звездных Держ. II, 9; — 9. Род. мн. *окóв*, — ср. от тяжких сих *оковов* Ломон. I, 283 III, 284; — 10. Род. мн. *пересуд*, — ср. я так боюсь этих всех *пересудов*, сплетней Одоевск. Кн. Мими; — 11. Без *прогон* Никол. (Манс. 213), — ср. можно без *прогонов* всю землю изъездить Одоевск. Живой мертв.; — 12. Между *рельс* Телешов, Мама, поперек *рельс* М. Горьк. Сказки II, — ср. с *рельсов* Вяз. XII, 300, Некр. IV, 121, Дост. 180, 493, Лейк. Кус. хл. VIII, Салт. II, 34, — ср. ед. число по муж. роду — они надеются непременно выдвинуть русское искусство на тот *рельс*... Стасов, Соч. I, 136, чтобы уложить шпалу и фиксировать к ней *рельс*, опытному мастеру нужно меньше минуты Чех. Огни; — 13. Средь *стогн* Венев. Знамения, — ср. *стогнов* в столице не греет огонь и др. Держ. II, 301, 302 IV, 196, несется он со

стогнов в домы Озер. На см. Ек. II; — 14. В таинственные часы *сумерок* Гог. Сор. ярм. X, до *сумерек* Акс. Сем. хр. 213, Гонч. Обр. I. гл. 11, — да *сумеряк* Касим. (Будде, К ист. 365), — ср. не дождавшись *сумерков*, пошел я в Англ. клоб Пушк. Письма III, 107, ср. колебание у Вяз. — в сердечной немощи я *сумерков* ищу XII, 291, когда, в час *сумерек*, перечислять мы станем друзей... ib. 536; — 15. Точно косточки *счет* М. Горк. Анекдот (Рус. Соврем. 1924, 3, 68), — ср. *счетов* общелит.; — 16. Грянули с *хор* музыканты А. Н. Тлст. Хр. барин, — ср. *хоров* общелит.; — 17. И ему тѣхъ своихъ *хоромъ* на межѣ сосѣда своего не ставити Улож. А. М. X, 277, из всех этажей высоких Парижских *хором* Вяз. II, 69, — у *хором* Петроз. (Барс. I, 27) Арханг. (Кир. IV, 6) из *хором* Елабуж. (Зел. Ск. 376), — ср. *хоромов* Восток. Гр. 26, из *хоромов* Екатеринб. (Зел. Ск. 6), сев. Смол. и Ржев. (Изв. XVIII, 3, 269)[1]. По Черныш. Прав. 142—143 можно еще указать на двойственность формы род. мн. — *кальсон* и *кальсонов*, *манжет* и *манжетов*, *панталон* (у Гонч.) и *панталонов*, *потуг* и *потугов* (по Далю), *спазм* (ср. вин. ед. *спазму* у Дост.) и *спазмов* (у Короленко), *шаровар* и *шароваров*, *экивок* и *экивоков*.

В особые группы выделяются pluralia tantum слов, осложненных суффиксом *-к-*, также имен с основою на -j. К числу первых относятся: 1. Род. мн. *высевок* и *высевков* Кашин. (Смирн. 21); — 2. Род. мн. *выселок* и *выселков* (обе формы у Тург., Ч. 143); — 3. С *запяток* общелит., — ср. он выскоцӯ с *запятков* Петроз. (Ончук. Ск. 244); — 4. *Зенок* не открыл Ветлуж. (Н. Тлст. Заволж. оч. 103); — 5. Род. мн. *нападок* и *нападков* (Ч. 144); — 6. Ср. без *оглядков* Судовщ. Опыт иск. XII; — 7. Род. мн. *опилок* и *опилков* (последняя форма у Л. Андреева, Ч. 144); — 8. Род. мн. *опорок* Клин. (Черныш. 16.); — 9. Ср. не могу *пожитков* я за-

---

[1] Ср.: всего въ Шуѣ оцѣнено *хоромъ* и животовъ Гр. 1646 г. (А. Кал. I, 264), а на немъ — т. е. дворе — *хоромъ*... Дело 1690 г. (ib. 590) безъ *хоромъ* Дело 1646 г. (ib. 645), — ср. а досталось съ дѣлу *хоромовъ* Дельная 1601 г. (ib. 684) Купчие 1613 и 1682 гг. (ib. II, 379, 390), — ср. колебание в гр. 1547 г.: опричь тѣхъ *хоромовъ*, но — что Иванъ *хоромъ* поставитъ, прибавитъ дворовъ и *хоромъ* (ib. I, 203).

весть Сумарок. IX, 124, 138, В. Майк. Вор и подъяч.; — 10. Род. мн. *поминок* общелит., — ср. посылается *поминковъ* на а̃ рублевъ Котош. 80[об], — ср. ед. число по муж. роду — *поминок* Э. С. II, 24; — 11. Род. мн. *порток* Кантем. Сат. III, 306, сверх *порток* Пушк. Ист. с. Гор., — без *порток* Каргоп. (Рыбн. II, 202) Петроз. (Тих. и Милл. 222; Гильф. 633) не сроии с себя *порток* Вязник. (Э. О. 1916, 1—2, 126) Крапив. (Изв. III, 879), — ср. да 16 пар *парточек* Обоян. (РФВ. 38, 138) нижнее платье мущин состоит из белой, или пестрядиной рубахи, и таких же *порт* Э. С. I, 39, — ср. без *портков* Кирил. (Бр. Сокол. 200) а *порткёв* на ногах не видает Петроз. (Гильф. 704), колебание у В. Майк. — без *порток* Елисей I, 205, *портков* схватить с собой с камзолом не успела ib. III, 374; — 12. Род. мн. *потемок* и *потемков* (последняя форма у Соллог., Ч. 144); — 13. *Спросонок* он действовал во время похищений очень неаккуратно Гл. Усп. 114, Шумахер, Из моск. зам., то же у Огар., Чех., Бальм., — ср. *спросонков* у Л. Тлст. (Ч. 144), — сы *прасонкаф* слова скажа Бобров. (Ворон. Юб. Сб. I, 612); — 14. Род. мн. *святок* общелит., — ср. *святкоф* (Ж. С. XX, 1, 45); — 15. Ср. еще в заимствовании — *фресок* и *фресков* (последняя форма у Гог., Ч. 143).

К группе pluralia tantum с основою на -j, колеблющихся в образовании формы родительного мн., принадлежат следующие имена существительные: 1. *Гобои* — род. мн. *гобой* и *гобоев* (первая форма у Лажечн., Ч. 143); — *завои* (род. женских онуч) — род. мн. *завоев* Тамб. г. (Оп. обл. слов.), ср. *завойки, завойков* Тульск. г., Скопин. (ibid.); — *обои* — род. мн. *обой* у кн. Щербатова (Ч. 144), на клочьях оборванных грязных *обой* (из песни) М. Горьк. Трое, — ср. Ни картин, ни *обоев.* Кантем. II, 26, *обоев* шум Козл. Ночь в з. Лары, стены без *обоев* М. Горьк. Детство XII, вонь слышишь из-за *обоев*? Ф. Соллог. XXVII, со стен висели клочки *обоев* А. Тлст. Ибикус (Рус. Совр. 1924, 3, 28); — *побои* — и надругательства бъ и *побой* никакихъ не чинили Котош. 176, я множество *побой* различных тамо зрел В. Майк. Елисей II, 327, и стук *побой.* Хемн. 123, столько этот парень *побой* принял Горбун. 195, глупой *побой* не

побоится Снегир. 417, — я со этих со *побой* || три неделюшки лежала Черепов. (Шейн I, 258) Вят. (Колос. Зам. 262),[1] — ср. *побоев* Кантем. I, 61, с *побоев* Лейк. Наши пит. V, дошло бы и до *побоев* Дост. 290, — от этыих *побоев* Петроз. (Барс. I, 273 II, 37 и др.), ср. колебание — от *побой* и от *побоев* Радищ. Пут из Пет. (по 2 случая), чтобы напрасных *побой* не принять Фонв. Недор. II, 4, но — да не умрет ли он от *побоев* Отр. (Соч. 869), от его *побой* и от *побоев* Акс. Сем. хр. 68, 83, много принесло мне *побой* это тяжелое чувство, но — что было горше *побоев* М. Горьк. Детство XII; — *помои* — род. мн. *помой* у Фонвизина (Ч. 144), окативши ушатом *помой* Некр. III, 318, взаимное излияние *помой* Дост. 304, — Лексеюшка *помой* не принимаеть Краснин. (Безс. I, 129) дала карови *памый* Пореч. (Добров. 17), — ср. шла баба с ведром *помоев* Лейк. Среди нищей бр., для *помоев* М. Горьк. Дело с заст., — полизала тех *помоев* Бельск. (Смирн. II, 515); — *трофеи* — И вижль среди твоих *трофей* Держ. III, 175, В. Майк. 264, — ср. но муза помолчи, помедли до *трофеев* Ломон. II, 220.

В объяснение колебания формы род. мн. от некоторых из приведенных имен существительных можно сослаться на факты употребления их в колеблющемся же виде в формах ед. числа, ср. *брызг* и *брызга*, *фреск* и *фреска*. Большая часть однако материала с точки зрения современного языкового ощущения является неосознаваемой со стороны рода. Иногда в этом отношении из истории языка извлекаются указания для определения принадлежности отдельных имен существительных к муж. или ж. роду. Так, к словам исконно муж. рода следует отнести имена существительные — *оковы*, *сумерки*, *счеты*, *хоры*, *хоромы* и др., к именам ж. рода — слова *литавры*, *стогны*, вероятно, и все, русские по происхождению, имена с основою на -j- — *завои*, *обои*, *побои*, *помои*. Поэтому в первом ряде примеров ожидаются в родительном мн. формы на *-ов* и соответственные варианты формы без окончания (*оков*, *сумерек* и т. д.) представляются

[1] Ср.: а отъ тѣхъ *побой* Челоб. 1582—83 г. (Арх. Строева, I, 596).

формами архаического вида, напротив, во втором ряде случаев нормальными формами родительного мн. должны быть формы без флексии и соответственные варианты на *-ов*, *-ев* являются позднейшими образованиями, возникшими на почве утраты родового различия данных имен существительных. Имена, осложненные суффиксом -к-, вообще представляются по своему происхождению именами муж. рода (ср. ед. ч. *зенок*, муж. рода, также adv. *спросонку*, с окончанием -у, возможным лишь в муж. роде), но они осложнились и затемнились в отношении родового различия благодаря влиянию категории слов с тем же суффиксом *-к-* у имен ж. рода, имевших значение абстрактных действий. Ср. *высевок* = продукт высеивания, но *высевка* = действие высеивания, и под. Это имело последствием общее колебание у данной категории pluralia tantum форм род. мн. без флексии и с окончанием *-ов*. Ср. выше форму род. мн. *незабудков*, обязанную, быть может, именно влиянию данной категории слов. Все прочие имена существительные, как чистые pluralia tantum, имеют колеблющиеся образования формы родительного мн. благодаря утрате представления о роде данных слов.

Если в литературном языке, кроме pluralia tantum, вообще неупотребительны формы на *-ов, -ев* от имен ж. рода, то они являются широко распространенными в диалектической речи. Как известно, подобные формы свойственны также белорусскому языку (Карский II, 2, 226) и диалектически украинскому языку (говорам батюков., буков., долив., лемк., мармар., угрор. — см. разные работы Верхр.), не чужды они и литературной украинской речи (напр., ср. у Шевч. — род. мн. *старостів* I, 159, 300 и др., см. Sm. St. 241 и слд.).[1] Но развитие этих форм на почве великорусского языка с одной стороны и белорусского или украинского языка с другой стороны было самостоятельное и не совпадало хронологически. В отношении великорусского языка можно думать, что происхождение здесь этих

---

[1] Эти же формы нормальны в н.-лужицком языке (Муке 356).

форм было относительно поздним. Об этом свидетельствует отсутствие ранних письменных показаний об этих формах, кроме того — отсутствие отражения этого явления в литературном языке.[1] В диалектическом употреблении формы известны из следующих районов: Арханг. г. Арханг. у. — *мурзов-бурзов* (Кир. IV, 39) *слугов* (ib. VI, 120); Печор. — от *слезов* его (Ончук. Был. 310); Холмогор. — *чашков, поварешков, лóжков, книгов* (пр. 50); Шенк. — *газетов, игрóв, ланцов, невестов, полосков, полянков, сказков* («главным образом во избежание стечения согласных», Манс. 113). — Олон. г. Петроз. у. — про *братенькóв* (Ончук. Ск. 283); Повен. — *просвиров* печи (Гильф. 151). — Волог. г. Великоуст. у. — *книгов, птицов, избов, чашков, ложков* (пр. 195); Грязов. — *искров* (Тр. МДК. III, 77); Никол. — *ягодоф, невестоф, избоф, лавкоф, усадьбоф, газетоф, барошнёф* (Манс. 213). — Новгор. г. Белоз. у. — ты не бойсе тех *угрозоў* (Бр. Сокол. 316); Дем. — *судьев* (Безс. V, 90); Новгор. — *колдуньев* (Майк. Закл. 534); Черепов. — *фабрикоф, ѝзбоф, зáработкоф, покупкоф, взяткоф, барышнёф, журайкоф* и *журайк* (Ерем. 25—27). — Костр. г. — *избов* (Ж. С. V, 3, 411) *избов, сварьбов* «и пр.» (Еремин, 7); Галич. — *ложков, птицов* (пр. 55); Кинеш. — *избов, газетов* (пр. 66); Костр. — без. *деньгóв* (Виногр. 78); Солигал. — *персонов* (Ж. С. VII, 3, 459); Чухлом. — *старостов, старшинов, квитанциев* (ib. IX, 3, 344). — Яросл. г. Пошех.-Волод. — *коньфéтов* (Тр. Яросл. Пед. И. II, 3, 47); Углич.—

[1] У писателей, конечно, встречаются подобные формы, но лишь в стилизованной народной речи. Ср. напр. — *авариев* Куприн, Мор. болезнь; надо бы вас, *анафемов*, по мордам М. Горьк. Ледоход; проедешь *верстов* пять. Id. Урядник Крох. (ср. у Квітки — *верстóвъ* съ чотирі I, 30, 45); вас, *ведьмов*, в омута бросать надо. Id. М. Кожем. I, Горбун. 80; как для *девушков* следовает Лейк. На Куленб; *калошев* мне не надо М. Горьк. В люд. I; у них, у *канальев*, так исстари заведено Салт. I, 264, Лейк. Апр. I; *молитвов* я не знаю М. Горьк. Трое; я всех *мужчинов* люблю. Id. Гор. Окуров, Лейк. В ялике; *причинов* для того многое количество М. Горьк. В ущелье; *тысчев* семь Лейк. Хр. нев., эпил., Кус. хл. II; таких *шельмов* губернаторы через палачей наказывали. Чех. Бесп. гость. — Форма *силов* (нет) М. Горьк. М. Кожем. II, Барнаул. (С. Обнорский) — особое образование, ср. выше тв. ед. *силóм*.

векшоф (Тр. МДК. IX, 103); Яросл. — мы дёржали *козо́в* (РФВ. 24, 56). — Вятск. г. Вят. у. — *и́гроф, гу́боф* (Тр. Вят. Пед. И. III, 32); Котлас. — барышнёф (ib. 75); Котельн. — *книгов, избов, птицов* «и т. д.», *деревнев* (ib. 53; пр. 46) из моих *усадьбов*, никаких *приметов* нет (Зел. Ск. 174, 195); Малмыж. — *книгов, птицов, палков, картинов* (пр. 79) *дугов* (пр. 103) *партов, бумагов* (пр. 105); Нолин. — *лампов* (пр. 52) *фабрикоф* (Уч. Зап. Каз. У. 1896, 10, 32) *прошшолыгов* мужиков (пр. 68); Орл.-Вят. — *ягодов, картов, картошков, ножницов, бумагов, пуговков, книжков, су́дьёв* (пр. 63) *баранков* (Смирн. I, 405); Сарапул. — *бомбов, тихонев* (С. Обнорский) *деньго́в* (Сб. II Отд. 99, 2, 80); Слобод. — *барков, барошнёв* (пр. 222); Яран. — *книгов, птицов, избов, палков, чашков, ложков, лопатов, звездов, книжков, рукавичков* (пр. 59). — Пермск. г. Екатеринб. у. — *книгов* (РФВ. 56, 222) *волно́в, матёрьев* (Зел. Ск. 33, 89); Камышл. — *ложков, чашков, иконов* (пр. 89); Красноуф. — *избов, книгов, птицов* (пр. 139); Кунгур. — *избов* (пр. 134); Охан. — *картов* (АГО XXIX, 62); Шадр. — *овцев* (пр. 211) *ста́ростоф, невё́стоф* (С. Обнорский); Чердын. — *книгов* (Даль LI). — Владим. г. Владим. у. — *ви́лков, кру́жков* (МАН. 10); Муром. — *лампав, избав* — редко, у детей (пр. 100); Переясл. — *ло́жков* (МАН. 17, 2; Даль LIV) *прибауткъф, лошкъф, болезнеф* (Тр. МДК. IX, 76); Сузд. — *ло́вляф, фабрикоф* (Черныш. 19, 25). — Казан. г. Цивил. у. — *ле́нтыф, комнытыф, песниф* (при — *песней*), *постелиф* (пр. 143); Чебокс. — *ду́шеф* много надо (Сборн. Форт. 174) чужих *жоныф* не любити (Магн. 122). — Ленингр. у. Ленингр. у. — *комнатаф* (Ж. С. XVI, 1, отд. I, 9). — Тверск. г. Весьегон. у. — *станциёв* (Тр. МДК. II, 157); Вышневол. — *племянницев* (АГО. XLI, 47); Кашин. — *линейков, комнатов* (ib. 13) *барышнеф, башнеф, книгоф, лошкоф, палкоф, полкоф, дыро́ф* (Смирн. 90); Ржев. — *спи́цов, птицов* (Э. С. I, 240); Твер. — *подушков* (АГО. XLI, 7). — Смол. г. — *ка́плив* (Добров. 311); Краснин. — *думо́ў* многа (ib. 192) *молитвов*, семь *заставов* (Безс. I, 121, 501); Сычев. — *вишниў* (Добров. 351). — Моск. г.

у *пилóв* зубья все перламалися, двое *судьёв* праведных (Безс. I, 394 V, 172); Бронниц. — *яготкоф, кýзницаф* (Изв. VIII, 1, 364, 376); Верейск. — *фабрикаф, гóраф, ябланяф* (Черныш. 139, 142) *рíгаф* (Изв. X, 2, 371) *нянев* (Смирн. I, 497); Воскрес. и Можайск. — *девъчкъф, лъшадёф* (Тр. МДК. IX, 122, 131); Дмитров. — *фабрикаф* (Изв. V, 2, прил. 2); Звенигор. — *бýряф* (Черныш. 150); Клин. — *торговляф* нет, *ножницаф, свадьбаф* (id. 16, 29); Моск. — *вёрстаф, бáняф, трýбаф, сваáдьбаф, кнíгаф, пáлкаф,* у *кузницаф, диривняáф, скаскаф, дáчаф, забаваф, клéткаф, звéздаф, трýбаф, гулякаф, улицаф, картаф* (id. 23, 41, 56, 73, 81; Изв. XIII, 169). — Нижегор. г. — *деревнев* (Кир. VIII, 38); Арзамас. — *сварьбоф, модоф* (Ж. С. XX, 1, 52); Лукоян. — *пляскаф* (ib. 51) *галков, палков* (Э. С. I, 37) *мóшкъф, птичкъф, ягъдъф* (Arch. f. slav. Ph. X, 351); Семен. — *кожоф, офцеф* (Изв. Нижег. У. II, 359). — Самарск. г. — *юношев, закусков,* с *дрожков, женков, королевнов* (РФВ. 41, 38); Сызран. — *слугов* (Кир. VII, 36). — Симб. г. — *боярышнев, дьяконицев* (Кир. VII, 52); Карсун. — *крысов, верстов, галков, козов* (АГО. XXXVII, 27) *ягодов* (Шейн I, 204); Курмыш. — давать ёму десть аль двацать *розгóф* (Мат. Варш. 139); Симб. — *деньгов* (АГО. XXXVII, 7) *сборков* (Мотов. 11) *лентъф, бусъф, девушкъф* (РФВ. 48, 167). — Уфим. г. Уфим. у. — *юношев* (Безс. I, 526) *свадьбов, невестов, песнёв, — милостев, кудрев* (МАП. 166). — Сарат. г. — *слугóв, ведьмов* (Э. О. 1916, 1—2, 71, 76) *козáченьков* (Кир. X, 32; М. и К. 84); Камышин. — *слугов* (М. Сокол. Влр. свад. п. 16); Петровск. — *барашняф, сударыняф, мамынькаф, тятинькаф, падружинькаф, свахаф* (ib. 10, 23, 49, 62); Сердоб. — *силоф, сутков* (Уч. Зап. Сар. У. VI, 3, 354). — Пенз. г. Инсар. у. — *деньгыв, песнив, пастелив, печкыв, рюмкыв, картошкыв* (пр. 231); Краснослоб. — *каплеф, песьнеф, рамаф, мущинаф, бабенкаф* (Тр. МДК. IX, 95); Мокш. — *комнатов, печков, деньгов, избов* (пр. 232, 1); Чембар. — *комнатаф, песняф, постеляф, печкаф, рюмкаф, деньгаф* (пр. 229) *ягодкав, комнатав, печкав* (пр. 228). — Астрах. г. — *избов, палков* (пр. 17) *пилов* (Безс. I, 486);

Царев. — *женшиныв* (РФВ. 63, 121). — Новоросс. — *складков* (МАН. 187). — Калужск. г. Боровск. у. — *хáтаф*, *рéкаф*, *баняф*, *губерняф* (Черныш., Изв. XIII, 278, 285); Жиздр. — *дяньгóв* (Ник. 324); Калуж. — платья бис *прóймаф* (Дурново 34); Мещов. — *кохточков*, *нахлебницав*, *девушкав*, *девачкав*, *менинницав*, *сваяв* (пр. 41, 1) *деньгов* (пр. 150) *йзбав* (пр. 267); Мосал. — *птицав* (АГО. XV, 30); Калуж. г., с. Неделино — *жонов* (ib. 26). — Тамб. г. Шацк. у. — ад *жóнушкаф*, *лихамáнкъф* (Изв. V, 928, 954). — Тульск. г. Алексин. у. — *кухняв*, *башняв* (АГО. XLII, 7); Крапив. и Тул. — *деньóв* (РФВ. 10, 34); Новосил. — *комнатав*, *песняв* (пр. 77) из *лендаў*, *лендачькаў* (Будде 19); Тул. — *судьев* (Шейн I, 46). — Орловск. г. — своих мягких *перинов* (Безс. I, 218); Брян. — *мушшинаў* (Будде 79) *деньгов*, стар. *квитанцыев* (Тихан. 8, 9); Елецк. — *мятлов*, *комнатав*, *песняв* (пр. 111); Карач. — ат *крйксаў* ат јетых (Будде 72); Севск. — 50 *каретов* (Шейн I, 364). — Рязан. г. — *комнатав*, *кухаркав*, *люлькёв*, *деньгаф*, *пушкаф*, *лентаф*, *рюмкаф*, *баранóф* (от борона), *печкёф*, *песняф*, *западнёф* — постоянно (РФВ. 27, 195); Егорьев. — *трубωф* (Шахм. 216) *фабрикаф*, *вадóф* (Черныш. 17, 19); Зарайск. — *деушкаф*, *птицаф*, *йагадаф*, *палкаф*, *кумóф* — господствующие формы (Петр. 37); Касим. — *комнатаф*, *пастеляф* (пр. 47) *комнатав*, *песнив* (пр. 111, а) *свадьбаў*, *дружкаф*, *бирескаф*, *мушшынаў*, *барышняф*, *капляф*, *старушкаф*, *банеф* (Будде, К ист. 72 и др.); Скопин. — бяш *шапкаф*, *девачькяф*, *лошкаф*, *тарелкаф*, *ћалкаф*, *варóнаф* (Будде 143, 147). — Курск. г. — тут и *цынóв* (т. е. порядка) ни найдешь (Хал. 376); Грайвор. — *комнатав* (пр. 279); Дмитриев. — *полатов*, *втехов* (Сперанский, 51, 55); Судж. — *мальчишкав* (Резан. 241, 249); Щигр. — 7 *манетав* принасил (РФВ. 5, 263). — Ворон. г. — *диричькяф*, *рыбаф*, *нянеф*, *маркаф*, *песняф*, *птицаф*, *дядев* (Филат. 180); Землян. и Задон. — *трубаф*, *старухаф*, *нявестаф*, *ягаткаф*, *куклаф*, *слугаф* и др. (ИРЯС II, 1, 92) *прасвируóв* (Трост. 25); Коротояк. и Ворон. — *песьняф*, *хáтаф*, *книшкаф*, *дóскаў* (Ж. С. XV, 1, 104); Нижнедев. — *вилов* (АГО. IX, 16). —

Дон. — *комнатав, удочкав, песняв* (пр. 42, 2) *кошков, бутылков, игрушков, барынев* (Сол. 10). — Терск. — *печкаф, рюмкаф, деньгаф, житницаф, пригоршняф* и т. п. (РФВ. 44, 78) *грушев, пáшнев, бабушков, настойков, рáмов, ножницов, сёстров, тряпков, лекáрков* и т. д. — обычные формы (Караул. 22; здесь же — 40 *монетов*, но и — 3 *монета*, ib. 80) *козаченьков* (Панкр. 10; Терск. Сб. II, 111). — Акмол. — *книгов, птицов, избов, палков, чашков, ложков, 7 верстов* (пр. 75); Бирск. — *ягодов, шашков* (С. Обнорский); Тобол. — *кишков, ножницов* (пр. 21); Том. — *старостóв* (Ж. С. V, 3, 417); Минус. и Канск. — *батюшков, осударынев*-матушков, *сестрицев* (Ж. С. XIII, 3, 337); Нижнеуд. — *мельницаф, ламйоф*, ис *тáйгаф, метрикаф* (Черных 368) *избóф, усадьбаф, картаф, балезняф* (Вин. и Черных 12) *офицаф, пакастяф, уздóф, дугóф* (Тунк. край, Вин. 16); Илим. — *школаф* (Черных, 12); Краснояр. (Приангарье) — *книгов, птицов, избов, палков, чашков, векшов, невестов, слугов* (Селищ. 84); Забайкал. — от 12-ти *кумухов*-трясуниц (Майк. Закл. 469); Колым. — 70 *верстов, подруженьков, сиротов, певицов* (Богор. 197, 227, 235, 240, 279).

В приведенном материале незначительная часть фактов должна быть выделена. Так, формы *братеньков, козаченьков* можно вести как от ед. ч. *братенька, козаченька*, так и от форм на *-ко* — *братенько, козаченько*. Равным образом форма *мальчишков* возможна и как образование от ед. *мальчишка*, и как форма от архаического ед. *мальчишко*; такова же форма — *бáтюшков*. В некоторых случаях флексия *-ов* может объясняться из существования вариантов отдельных имен существительных не по ж. роду (III тип), а по мужескому (I тип). Ср. род. мн. *баранков, юношев, монетов*, при которых известны в ед. числе — *баранок, юнош, монет*.[1] В приведенном материале в его целом

[1] Такова же двойственность форм род. мн. — *подпруг* Арханг. (Кир. IV, 40) Пуд. (Гильф. 359, 1032) Печор. (Ончук. Был. 81, 104), ср. *подпружков* Петроз. (Гильф. 735, 846), и — *подпругов* Онеж. (Кир. II, 101; Гильф. 161) Олон. г. (Кир. II, 24; Рыбн. I, 122) Петроз., Повен. и Пуд. (Гильф. 485 и др.; Рыбн. III,

обращает на себя внимание многочисленность форм на *-ов*, *-ев* от иноземных слов, или от книжных заимствований из литературного языка. Ср. в первом ряде такие слова, как — *газета*, *фабрика*, *картина*, *персона*, *комната*, *бумага*, *икона*, *мода*, *карета*, *палата*, *рама*, *метрика*, *тайга*, *карта*, *парта*, *бомба*, *лампа*, *лента*, *марка*, *барка* и др., или во второй категории (книжных заимствований) такие формы, как — *книгов*, *угрозов* (ср. выше — *заразов*), *приметов*, *думов*, *забавов*, *утехов*, *молитвов*, *заставов*, *сударынев*, *барынев*, *певцев*, *нахлебницев*, *менинницев* и проч. под. Факт этот необходимо связать с наличием подобных же форм от этих же категорий слов в старом литературном языке, о чем сказано выше. Отсюда должно с непреложностью заключить, что самый тип данных образований проник в народный язык из литературной речи и в дальнейшем уже распространился, обобщившись, между прочим, как норма соответственных форм в именах чужеродного происхождения. А. А. Шахматов обратил внимание (Курс III, 535) на большое количество форм на *-ов*, *-ев* от основ, в которых родительный мн. первоначально должен был содержать осложнение беглыми гласными *о*, *е* при образовании самой формы без окончания. Ср. формы в роде *ложков*, *лавков*, *палков*, *книжков*, *вилков*, *кружков* и проч. Однако в общем материале форм такие примеры не превалируют над прочими именами существительными (с простыми основами): первых примеров приблизительно до 80, вторых же свыше 100. Трудно поэтому думать, насколько эти новообразования на *-ов* были основными и направляющими в общем развитии данного морфологического явления. Как замечено выше, явление это относительно позднее и самостоятельно развивающееся в черте северновеликорусских и южновеликорусских говоров. Согласно с приведенным материалом, о развитии форм на *-ов*, *-ев* можно пока говорить для незначительной

---

60 IV, 61); ср. двойственность формы именительного ед. — *подпруга* Онеж. (Гильф. 1032) и *подпруг* Петроз. и Пуд. (ib. 485; Рыбн. II, 139 III, 144).

территории северновеликорусского наречия, для полосы переходных говоров и для незначительных же частей южновеликорусского наречия. В северновеликорусской области сюда относятся Холмогорский и Шенкурский уу. Арханг. губ., Великоустюжский и Никольский уу. Вологод. губ., отчасти Череповецкий у. Новгородской губ., главным же образом Котельнический, Малмыжский, Орловский и Яранский уу. Вятской губ. В полосе переходных говоров выделяются соответственно Кашинский у. Тверской губ., Московский у. Моск. губ., Лукояновский у. Нижегор. губ., Саратовская, Симбирская, Самарская, Пензенская и Уфимская губернии. В южновеликорусской черте говоров формы на *-ов*, *-ев* характерны для Мещовского (и отчасти Боровского) у. Калужской губ., для Рязанской губ. (уу. Зарайский, Касимовский и Скопинский), для незначительных частей Воронежской губ., Донской и Терской области. Из этого рассмотрения географического распространения интересующей черты особенно ясно, что самое явление, поздно зародившись, продолжает еще развиваться и далеко поэтому от отчетливых конечных своих результатов. Отсюда такая неровность в распространении черты как на чистом севере, так и на чистом юге великорусской территории. Нельзя при этом не отметить относительной сгущенности и широты отражения черты в средневеликорусской полосе говоров, в частности в Московском наречии. Этот факт находится в полном согласовании с высказанным выше общим утверждением о зарождении самого явления в народной речи на основе влияния литературного языка, т. е. бывшего именно московским в своей живой природе в пору зарождения данного морфологического явления. Следует однако сказать, что если понятно интересующее явление со стороны общих условий его возникновения, то линии дальнейшего его развития, ближайшие причины дальнейшего распространения его в известных группах имен существительных (помимо слов заимствованных), не вполне ясны. Можно указать в этом отношении на своеобразие форм род. мн. на *-о́в*, *-е́в* под ударением — с одной стороны от слов

с неподвижным ударением на окончании, с другой стороны с подвижною ударяемостью на основе. Ср. родительные мн. *деньго́в*, *игро́в*, *метло́в*, *дыро́в*, *думо́в*, *пило́в*, *деревнёв*, *розго́в*, *слуго́в*, *западнёв*, *кумо́в*, *дуго́в*, *уздо́в*, *старосто́в*, *просвиро́в*, сюда же литературные формы *вереёв* и под; ср. с другой стороны формы — *козо́в*, *волно́в*, *бороно́в*, *водо́в*, *трубо́в*, *цено́в*. Во всех этих словах ударяемость флексии в ряде падежных форм, в частности во всех прочих, кроме родительного, косвенных падежах мн. числа, легко могла содействовать замене старых форм род. мн. — без флексии и с ударяемостью соответственно на основе — новообразованиями, т. е. формами на *-ов*, *-ев*, принявшими естественно на себя также ударение. Далее следует отметить формы на *-ев* от имен существительных на *-ья* типа *судья*, *колдунья*: на этих формах могло сказаться влияние соответственных форм на *-ьев* от слов типа *сватья*, *зятья*, ср. от них также род. мн. на *-ев* (*сватьев*, *зятьев*). С формами же род. мн. *судьев*, *колдуньев* необходимо поставить в связь подобные образования от заимствований — *матерьев*, *квитанциев*, *станциев*, *губерниев*.

Особенно широкое проникновение флексии *-ов*, *-ев* наблюдается в именах ср. рода. И здесь соответственный морфологический процесс начался относительно в позднюю пору, но он пустил очень глубокие корни и в литературном языке и особенно в диалектах. В литературном языке, как, впрочем, и в диалектическом употреблении, следует в этом отношении прежде всего выделить категорию имен существительных на *-ье*, *-ие*, в которой заметно растет употребление новых форм на *-ев* за счет старых соответственных образований, представлявших собою именные основы на *-ей* (с отражением в виде *е* старого сильного ь-ря в суффиксальном элементе *-ьj-*).[1] Изучая соответственный

[1] В случае безударности, в редких же случаях и под ударением, это *-ей* может являться «по-церковнославянски» в виде *-ий*, напр. *копий*, *острий*, *ружий*. Ср.: но не уйдут вожди от *острий* сих удара Держ. IV, 424, Узлов, *острий*, их десять в жерлах сих Бальм. Ордалии (Ясень, 223); о формах *копий*, *ружий* см. в материале ниже.

материал форм на *-ев* от имен ср. рода на *-ѣе*, *-ие*, можно прийти к заключению, что распространение этой флексии в существительных ср. рода было параллельным и, очевидно, хронологически одновременным с распространением окончания *-ов*, *-ев* в рассмотренной категории слов ж. рода. Как и в именах ж. рода, и здесь новая флексия по свидетельствам литературного языка начинает расти лишь с половины XVIII века. Действительно, если обратиться к более старому языку, в нем явление выступает в совершенно спорадическом виде. Ср. в актовом языке наличность, как обычных, архаических форм на *-ей*, напр. — *ожерелей* Дух. Гр. 1690 г. (А. Кал. I, 564) *одоней* и скирдовъ ржаныхъ Раздельная 1518 г. (Арх. Строева I, 156) шесть *остожей* Купчая 1550 г. (ib. 312) *подмастерей* Гр. 1670 г. (А. Кал. I, 294) *помѣстей* Гр. 1561 и 1669 гг. (ib. 222, 529) *угодей* в актах 1578, 1625, 1700 гг. (ib. 43, 160, 232; Арх. Строева I, 548). То же в старом литературном языке, напр., в Улож. А. М. — *помѣстей*, *угодей* II, 7 X, 214, у Котош. — *помѣстей* 139, *угодей* 129, 133^{об}, в П. и бум. П. В. — 500 *копей* I, 68, образецъ ножовыхъ *лезей* III, 302,[1] *оружей* нашихъ I, 91, *подмастерей* I, 276 III, 283; у Кантем. те же формы, лишь в церковнославянской внешне оболочке, т. е. — на *-ий*: *зелий*, *званий*, *суеверий* (РФВ. 69, 57). Лишь в единичных примерах в рассматриваемую пору выступают соответственные новые образования на *-евъ*. Ср.: вверхъ до *плавьевъ* Кн. межевая 1640 г. (А. Кал. II, 146), у Котош. рядом с отмеченными случаями род. мн. *угодей* находим также — *угодьевъ*, 129. Приблизительно с половины XVIII века эти формы на *-евъ* начинают, как сказано, расти в литературном употреблении, при этом однако, как и в словах ж. рода, они не идут далее начала XIX века. Ср.: для частых *трактованиев* Письмо Бирона к Кантемиру (Майк. 94); во время стола, при зачатии *здоровьев*, играли в трубы Экстракт 1746 г.

---

[1] Интересно здесь же параллельное образование — 30.000 *лезивъ* багинетныхъ V, 123, 260, предполагающее в именительном ед. форму *лезиво*.

(Ломон. I, прим. 270); *украшениев* Промемория 1748 г. (ib. 352); новым словам не надобно старых *окончаниев* давать, которые не употребительны Ломон. III, прим. 11, от *устьев*, Волжских *устьев* id. V, 219, 369 (ср.: Пресильный вывесть флот из ледных *устий* I, 75); *подозрениев*, *странствиев* у Сумарок. (Будде, Оч. 90); *жалованьев*, *протираньев* Трутень 1769, л. 2, 33; *желаниев* В. Майк. Ода, счастие I; каких *весельев* ждет, *желаньев* своих Фонв. Альз. 2, 5 (ср.: не знал таких *веселий* злобных Кор. II, 2); особенно часто употребление этих форм у Держ. — *благодеяньев* III, 44, *бряцаниев* тимпанных IV, 300, *прельщеньев*, *восхищеньев* III, 202, *движеньев* сердец III, 367, *деяньев* III, 196, *желаниев* II, 382 IV, 347, велю — и *зданиев* разрушатся громады IV, 310 (ср.: вижу пристаней цепь, *зданий* III, 31), из хаоса *злощастьев*, *счастьев* III, 234, без *милосердиев* твоих III, 230, *объятьев* II, 369, *строениев* громады III, 374, *твореньев* III, 316, от *удовольствиев* сердечных III, 116, без *украшениев* сияют III, 185 (форма *алоев* III, 172 — от им. ед. *алой*, муж. рода, о чем см. вып. I, с. 64); ср. еще подобные формы у Капн. — из моих *объятиев* Антиг. III, 5; без *опорочениев*, во время питья *здоровьев* Болот. I, 23, 30, ср. у него же колебание *кушаньев* и *кушаний* I, 222, 237; *воскресеньев* Почта духов II, 131; *мученьев*, без *поместьев* Чулк. I, 304, 747; много *одоньев* хлеба, *путешествиев*, *сраженьев* Радищ. I, 257, 334 II, 382; *зданиев*, *занятиев* Вяз. (по Будде, Оч. 90); из бренных *листвиев* кто соплетает... Гриб. Отр. из Гете. У имен существительных ж. рода, как можно было видеть выше, окончание *-ов*, *-ев* проникло преимущественно в слова заимствованные (в том числе — в церковнославянизмы), причем в дальнейшем развитии литературной речи эти новообразования исчезли из языка; но они, очевидно, еще в ту пору, когда были живыми литературными формами, проникли в народную речь, в которой сохраняются до настоящего времени. Та же история была и с новообразованиями на *-ев* у слов ср. рода. Из предложенного материала можно видеть, что эти формы также падают почти исключительно на церковнославянизмы (ср. особенно формы от слов на *-ие*, не на *-ье*).

В последующей жизни литературного языка эти формы исчезли и в современном языке вообще отсутствуют. Но они проникли в народный язык и до сей поры служат в нем характерными образованиями от имен на *-ье*. Ср. в Шенк. — *прошеньюв, позволеньюв, наказаньюв, благородьюв* и т. п. (МАН. 9), в Солигал. — *новосельев, угощеньев, кушаньев, решеньев, правленьев* и под. (Ж. С. VII, 3, 459) *удовольствиев, имениев* и т. п. Дон. (Сол. 11); ср. еще — *владеньев* Борович. (Смирн. I, 241) *воскресеньёф* Пошех.-Волод. (Тр. Яросл. Пед. И. II, 3, 47) *гуляньёф* Арзамас. (Ж. С. XX, 1, 52) *замечаньев* ib. (АГО XXIII, 140) *заведеньев* Грязов. (Тр. МДК. III, 77) Сузд. (Черныш. 19) Бронниц. (Изв. VIII, 1, 364) *занятиев* Звенигор. (Черныш. 155) Моск. (id. 56) *зельёв* Екатеринб. (Зел. Ск. 14, 137) *именьеф* Казан. (РФВ. 32, 88) Кашин. (Смирн. 90) Макарьев. (Ж. С. XX, 1, 48) Коротояк. и Ворон. (ib. XV, 1, 104) Нерч. (МАН. 181) *наказáньёв* Шенк. (Манс. 114) *намереньев* Владим. и Переясл. (МАН. 16, 17) *ажирельев* Жиздр. (Дурново, Диал. раз. I, 70) от *оружьев*, у *оружиев* Петроз. и Пуд. (Барс. II, 186; Гильф. 406)[1] *отличиеф* Сузд. (Черныш. 25) *питьев* Петроз. и Пуд. (Барс. II, 243; Рыбн. II, 75; Гильф. 342; Ист. 62) Тобол. (Лопар. Самар. 134)[2] *напитиев* Моск. г. (Безс. I, 212) *освещшениев* Бирск. (С. Обнорский) *отделениев* Мещов. (пр. 41, 1) *подмастерьев* Симб. г. (Кир. VII, 49) *приклюценьяф* Егорьев. (Трост. 104) *полудружьяф* Зарайск. (Петр. 40) *селениев* Чухлом. (Ж. С. IX, 3, 344) Клин. (Черныш. 20) Моск. (id. 81) Венев. (АГО. XLII, 22) *сочинениев* Ворон. (ib. IX, 23) *стараньеф* Бронниц. (Изв. VIII, 1, 376) *челобитьев* Симб. г. (Кир. IX, 104); ср. еще в Брян. по старым (XVIII в.) записям формы *узаконениев, употреблениев, повелениев, имениев, издельев* (Тихан. 8).[3]

---

[1] Ср.: от *оружей*, у *оружей* Петроз. (Гильф. 541; Рыбн. I, 6).

[2] Ср. *питей* Онеж. (Гильф. 908) Петроз. (Тих. и Милл. 244) Пуд. (Гильф. 273; Безс. I, 139) Терск. (Караул. 59).

[3] Об употребительности форм на *-ев* в народной речи свидетельствует и нередкость аналогичных форм у писателей, отражающих народный стиль речи или городской мещанский жаргон. Ср., напр., без *безобразиев* Лейк. В Ливадии; тут *выраженьев* никаких нет Горбун. 295; *имениев* у них нет

В отмеченных рядах существительных ср. рода развитие форм на *-ев* было параллельным с соответственным явлением у имен ж. рода. Но было и отличие в течении одного и другого процесса. Новообразованные формы от слов ж. рода, как замечено, в литературном языке полностью вышли из употребления. В отношении же слов ср. рода следует указать напротив на повторное возобновление этого морфологического процесса в известных группах имен существительных. Почти все приведенные примеры форм на *-ев*, известные из языка старых писателей, в современном литературном употреблении отсутствуют. Но в языке обнаруживается тенденция к новому усвоению данного типа форм от одной категории тех же имен существительных, именно от слов на *-ье*, в отличие от имен на *-ие*, не дающих этого типа форм в современной стадии языка. Вообще обе эти категории имен существительных — и на *-ие*, и на *-ье* — составляют церковнославянское наслоение в нашем языке. При этом имена на *-ие* и ощущаются обычно как именно чужеродные элементы лексики. Имена на *-ье* представляют собою те же церковнославянизмы, лишь внешне видоизменившиеся по причине более широкого их употребления в речи и соответственно большего их усвоения языком, по причине большего их «обрусения». Понятно поэтому сохранение от имен на *-ие* старых, «церковнославянских» форм род. мн. на *-ий*, которые вытеснили прежние «обрусевшие» соответственные формы на *-ей*, известные в народной, северновеликорусской, речи. С другой стороны в именах на *-ье*, по мере большего их

Леск. 14; они от своих *мечтаниев* отказались Лейк. Первое марта; без *мучениев* Id. Из эп. V; лишишься своих *намерениев* М. Горьк. Супр. Орловы; каких только на человека *насланиев* нет! Лейк. В морозы; от меня *оправданиев* не услышите Остр. Не все коту I, 5; моровых *поветриев* Салт. I, 251; где же нам генеральских *понятиев* набраться Лейк. Семик; с *просоньев* (*спросоньев*) Салт. I, 131, 162; мы на счет *содержаниев* не постоим-с ib. II, 214; потому от городских *сословиев* приказ Лейк. Из. эп. IX; насчет *сражениев* Id. Перед военн. пов.; все-таки *страданиев* меньше Id. Из. эп. V; *строеньев* пяток скосит Id. На пожаре; на один дом двух *счастьев* не полагается Id. Первое марта; а потому и *угощеньев* не водится Салт. II, 255.

усвоения живою речью, старые формы род. мн. на *-ей* или *-ий* постепенно уступают место новым формам на *-ев*. В результате в литературных свидетельствах современной поры при отсутствии форм на *-ев* от имен на *-ие*, от имен существительных на *-ье* оказываются нередкими либо родительные мн. на *-ев*, либо эти же формы на *-ев*, но в колебании со старыми образованиями на *-ей* или *-ий*. Ср.: 1. Когда лед с *верховьев* пойдет М. Горьк. На реке; — 2. Признаки двух или трех *жильев* Э. С. I, 107; — 3. Не малая река Днепр, и много на ней *заводьев* Гог. Тар. Б. XII; — 4. Ковшей и *запястьев* Ibid. VIII; — 5. Род. мн. *захолустьев* у Салт. (Ч. 90; ср. в газетном источнике — *захолустий*, ib. 89); — 6. Лес *копьев* Держ. IV, 389, обломки *копьев* Гог. Тар. Б. IX, — от *копьев*-штыков Петроз. (Барс. II, 170) Накупите себе вострых *копиёв* Боровск. (Кпр. VII, 22) на сибе *копьив*-ран не видывал Раненб. (Безс. I, 537), — ср. *копей и копїй* П. и бум. П. В. V, 199, 223, *копей* Ломон. Росс. Гр. § 156, меж *копей*, шесть *копей* id. I, 237 V, 264, острых *копий* Лерм. Посл. сын вольн., Гог. (по Ч. 89), тысяча *копий* Лейк. Из зап. кн., — от всяких *копий* Астрах. (Майк. Закл. 570); — 7. Со стороны половецких *кочевьев* Голубовский, Печенеги, Киев 1884, с. 91, — ср. *кочевий* у Случевского (Ч. 89); — 8. Каких на свете нет *кушаньев* Гог. Веч. I, предув., Пов. о т., к. посс., Салт. I, 162, Э. С. II, 19, V, 19, то же (по Ч. 90) у Гонч., Жемчужникова, — Печор. (Ончук. Был. 199, 213) Петроз. (Барс. II, 15; Рыбн. I, 392, IV, 205; Ончук. Ск. 224) Пуд. (Манс. 159) Кирил. (Бр. Сокол. 152) Костр. г. (Еремин, 7) Котлас. (Тр. Вят. Пед. И. III, 75) Ефрем. (АГО. XLII, 15) Курган. (Смирн. II, 774) Тобол. (Лопар. Самар. 134), Нижнеуд. (Вин. и Черных, 12), колебание *кушаньев* и *кушаний* у Акс. Ал. цвет., Дет. г. 118, 207, 215, Лейк. При чт. аф., Уха, Печерского (по Ч. 89—90), — ср. *кушаний* Л. Тлст. В. и м. I, гл. 15, III, гл. 8, Гл. Усп. 7, — наклали ему *кушаний* Белоз. (Бр. Сокол. 105) з-за тыих ли *кушаней* медовыих Онеж. (Гильф. 1014); — 9. Род. мн. *лохмотьев* Пушк. Цыганы; — 10. Тень от развешанных *платьев* Гог. Пов. о т., к. посс., то же (по Ч. 90) у Тург. и Гонч., — *платьев* каличьих

Онеж. и Повен. (Гильф. 146, 944) Олон. г. (Кир. II, 25) Котлас. (Тр. Вят. Пед. И. III, 75) *платьёф* Руз. (Дурново 131), — колебание у Л. Тлст. (Ч. 90), — ср. *платий* у Дмитр. (ib.), А. Н. Тлст. Хр. Бар.; — 11. А сколько соберу там преданий, *поверьев*, песен Пушк. Письма III, 69, из народной метеорологии и *поверьев* Э. С. VI, библ. 57; — 12. Род. мн. *подмастерьев* общелит., — Симб. г. (см. выше), — ср. *подмастерий* в газетном источнике (Ч. 89); — 13. Он *поместьев* больших не имеет Гог. Мерт. д. IV, Тар. Б. VI, Радищ. (см. выше), — ср. *поместий* Озер. и Вяз. (Ч. 89); — 14. Метких поговорок и *присловьев* Олигер, Темной ночью; — 15. Из *ружьяв* Землян. и Задон. (Трост. 57) Колым. (Богор. 303), — колебание у Гог. — таких *ружьев* теперь не сыщете нигде Пов. о т., к. посс., но — пробная стрельба из *ружей* Тар. Б. IV, — ср. И *ружей* вдруг из семисот Осыпал вас огонь батальный Лерм. Валерик (вар.), Акс. Сем. хр. 307, — из трех *ру́жей* Котельн. (Зел. Ск. 5), — И *ружий* протяженный грохот Бат. К Н., И *ружий* сомкнутых дымилися костры Козл. Сон ратника; — 16. Целый магазин косметических *снадобьев* Гонч. Обр. I, гл. 2, из тех *снадобьев* Лейк. В апт., Ямская, — разных *надобьев* Моск. (Черныш. 132) Васильсур. (Майк. Закл. 519), — ср. как взяла она *надобей* здравых Пуд. (Гильф. 281); — 17. Род. мн. *терниев* у Надсона и др. (Ч. 90), — ср. посреди забот и *терний* жизни Бат. Речь о вл. л. поэзии, Вяз. XI, 17, 193, то же у Чюминой и Щепкиной (Ч. 90); — 18. А *угодьев*-то сколько! Живоп. 1772, л. 15, и других *угодьев* Акс. Сем. хр. 9, — *угодьёф* Кадник.) Ж. С. XIII, 1, 201) Пошех.-Волод. (Тр. Яросл. Пед. И. II, 3, 47) Васильсур. (Майк. Закл. 519), — ср. *угодий* у И. Акс., Салт. и др. (Ч. 90); — 19. Род. мн. *устьев* Бат. (Ч. 90), — да *устьев* (Волга) пустила ровно 70 Онеж. (Гильф. 1091) Каргоп. (ib. 1302), ср. то же у Ломон. (см. выше); — 20. Водопроводы с шумом извергаются из *ущельев* Гриб. Пут. зап., — ср. *ущелий* Лерм. Спор, то же (по Ч. 90) у Гонч., — из *ущелий* глубоких Терск. (Панкр. 41).

Этот круг слов мог бы быть еще увеличен отчасти приведенными примерами из старого литературного языка — ср. напр.

род. мн. *здоровьев*, *одоньев*, отчасти данными из диалектов, возможными и для живой литературной речи — ср., напр., род. мн. *ожерельев*, *подмастерьев*, м. б. и нек. др.[1] Судя по форме *лохмотьев* при им. мн. *лохмотья*, каковая форма предполагает и им. ед. по муж. роду *лохмот*, и им. ед. по ср. роду *лохмотье*, можно думать об общем отражении на данной категории слов, с новообразованием в род. мн. на *-ев*, имен существительных на *-ья* в именительном мн., от которых, как будет видно ниже, родительный мн. также нормален именно на *-ьев*. Действительно, формы в роде им. мн. *зятья*, *сватья* и под., имевшие в родительном падеже образования на *-ьев* (*зятьев*, *сватьев*), естественно вели к новообразованиям в род. мн. *верховьев*, *низовьев*, *запястьев*, *копьев* и проч. при именительных *верховья*, *низовья*, *запястья*, *копья* и под. Эта связь данных новообразований на *-ев* с именами существительными, образующими форму им. мн. на *-ья*, делает понятным отсутствие форм на *-ев* от слов ср. рода на *-ие*. Не только церковнославянский характер этих последних препятствовал проникновению в них флексии *-ев*, но и наличность у них в именительном мн. форм на *-ия*, не на *-ья*, лишившая возможности для круга этих слов войти в сферу воздействия на них имен на *-ья* и соответственно дать новый тип форм род. мн. на *-ев*.

Помимо имен существительных на *-ье*, могущих и в литературном, и в народном языке принимать в родительном мн. флексию *-ев*, следует также выделить группы имен существительных на *-ко*, *-це*, *-ище*. Но здесь, кроме того, особо должно оговорить некоторые случаи колеблющегося образования формы. Таково образование в род. мн. форм *облаков*, *яблоков* и рядом — *облак*, *яблок*. Это колебание форм находится в связи с отмеченным выше колебанием форм и в именительном мн. — *облаки*

---

[1] У Пушк. от *зимовье* родительный мн. звучит *зимовий*, Камч. дела, от *похмелье* по Ч. 90 Измайлов дает форму род. мн. *похмелий*; для литературной речи возможны были бы от обоих слов и формы на *-ев*.

и *облака, яблоки* и обл. *яблока*,[1] а в основе одного и другого колебания старое чередование форм названных имен существительных в ед. числе по I и по II типу — *облак* и *облако, яблок* и *яблоко*. От первого имени существительного современной литературной формой родительного мн. служит форма на *-ов*, известная в колебании с формой *облак* от конца XVIII века: превыше *облаков*, но — выше *облак* Радищ. Песнь ист., О челов.; Вихрь столбом до *облак* взвился, но — выше *облаков* несется Капн. На уныние, Мотылек; то же колебание форм у Гог. Ганц Кюх. I, XVII. Форма род. мн. *облак* употребляется в литературном языке включительно до Языкова (ср. ее, напр., у Держ. I, 199, 243 II, 328 III, 233 IV, 217, Чулк. I, 539, но курам никогда до *облак* не подняться Крыл. Орел и куры, И выше *облак* унесло Язык. Землетр.). От второго имени существительного до настоящего времени возможно колеблющееся образование в род. мн. — *яблок* и *яблоков*. Ср. форму *яблок* у Держ. III, 88, Радищ. Дн. пут. из Спб., М. Горьк. М. Кожем. II, Бун. Дер. III; ср. форму *яблоков* Гонч. Обр. II, гл. 2; колебание обеих форм у Лейк. Ямская, Наши пит. V. В народном языке, повидимому, почти исключительна в употреблении форма *яблоков* — Онеж. (Смирн. I, 3) Кадник. (ib. 216) Кирил. (Бр. Сокол. 279) Котельн. (Тр. Вят. Пед. И. III, 54) Козмодем. (Смирн. I, 434) Бельск. (ib. II, 507) Бунн. (пр. 57) Скопин. (Будде 146); колебание обеих форм отмечено лишь в Тобол. (Смирн. II, 847). Это же колебание форм перенесено и на случаи употребления уменьшительной формы слова, осложненной суффиксом *-к-*, ср. всяких *яблочек* Леск. VIII, но — *яблочков* Лейк. В сквере; в народной речи также преобладает последняя форма — пару *яблочков* несу Садовн. 220, Петроз. (Барс. II, 176) Ветлуж. (Шейн I, 185) Лукоян. (Arch. f. slav. Ph. X, 351), — ср. *ядлачик* пято́к

---

1 Форма им. мн. *яблока* постоянна также в старом актовом языке и в литературном языке древнейшей поры: *яблока* Тамож. гр. 1497 г. (Арх. Строева I, 95) *яблока*, груши, дули, вишни Кн. переп. 1669 г. (А. Кал. II, 192), а будетъ кто у кого въ саду съ яблоней *яблока* ощиплетъ насильствомъ Улож. А. М. X, 220, а *яблока* і вишни, и груши, и сливы собираютъ исъ царскихъ садовъ на Москвѣ и по селамъ Котош. 111 об.

Щигр. (Хал. 85) Земляп. (Филат. 4). Также особо должно оговорить церковнославянское заимствование — слово *войско*. В современном литературном языке это существительное принадлежит к категории имен ср. рода, подвижных по ударению; поэтому во мн. числе оно имеет формы — *войска́*, род. *войск*. В старом языке однако слово имело неподвижное ударение на основе, поэтому в им. мн. звучало в виде *войски* (см. материал выше); отсюда форма род. мн. *войсков*. Эта форма имеется в письме Кантемира к Щербатову (Майк. 253); данный же тип образования, повидимому, исключителен в употреблении в народной речи — уехаў *войськов* смотреть Кирил. (Бр. Сокол. 179) *войско́ф* Черепов. (Ерем. 32) Моск. (Черныш., Изв. XIII, 169) Самарск. г. (РФВ. 41, 38) Симб. (АГО. XXXVII, 7) Ворон. г. (Филат. 180); как стилизованная форма она читается у Л. Тлст. — мало ли *войсков* наших В. и м. III, ч. 3, гл. 23.

Колебание в образовании род. мн. от отмеченных слов, как вызванное своими особыми причинами, должно было быть поэтому выделено. Но кроме отмеченных случаев, такое же колебание форм, или исключительность образований на *-ов*, *-ев*, принадлежит вообще группе имен ср. рода на *-ко*, *-це*, *-ще* (с суффиксальными *-к-*, *-ц-*, *-щ-*).

Имена, осложненные суффиксом *-к-*: Сняты с *дре́вков* знамена Брюс. Венеция (первон. ред.); — род. мн. *очков, ушков* Восток. Гр. 35, *очков* Кантем. Сат. III, 268, М. Горьк. Детство VIII, — ср. род. *очек* Новоросс. (МАН. 187); — таких *ушков* (у гривны) налицо четыре Стасов, Соч. I, 110;[1] — *колёскъф* Руз. (Дурново 131), эфтих *батьков* Повен. (Ончук. Ск. 424), угостить надо ведь *дядков*-то Петроз. (Барс. II, 55), у соколов да моих *брателков* Кирил. (Бр. Сокол. 371);[2] — повидимому, сюда же принадлежит форма — двух *зайков* Пушк. Ск. о попе, несмотря на то, что здесь же рядом в ед. числе стоят формы по ж. роду — им. *зайка*, вин. одного *зайку*. —

[1] Ср.: выше *плечек* крыльем взмахивает Валд. (Шейн I, 132); у *озерокъ* Жалов. гр. 1546 г. (Арх. Строева I, 278).

[2] Ср. в украинском род. мн. *батьків* (Шевч. Сон).

Имена на *-ико*: род. мн. *колесиков, личиков, плечиков* общелит. (Ч. 83; Будде, Оч. 90), — со твоих со могучих со *плечиков* Петроз. (Барс. I, 108) у *воротиков* Арханг. г. (Марк. 80). — Имена на *-ечко*: пьют чай, звонко глотая его с *блюдечков* Лейк. Кое-что великоп., ср. громко схлебывая с *блюдечек* чай М. Горьк. Три дня; — в одном из приволжских *местечков* Лейк. Хр. нев. V; — *колечков* Ефрем. (АГО. XLII, 15),[1] *колечкоф, сердечкоф* Котлас. (Тр. Вят. Пед. И. III, 75). — Имена на *-ишко*: *сапожишков* нет Одоевск. Игоша, — *лучишков* Шенк. (Кир. II, 88) *толупишков* и т. д., *сынишкоф* Черепов. (Ерем. 31) *ребятишкаф* Клин. (Черныш. 31) Моск. (id. 41) Терск. (РФВ. 44, 78).[2] — Имена на *-ошко*: *окошков* Котельн. (Тр. Вят. Пед. И. III, 54) Нолин. (пр. 52) *окошков, лукошков* и пр. Нижегор. (АГО. XXIII, 157).[3] — Имена на *-ушко*: *бурлакушков, лесушков, матросушков, побоюшков, поворотушков, светушков, солдатушков, хлебушков, христианушков, ествушков* Петроз. (Барс. I, 43, 226 и т. д.; Гильф. 625)[4] *зверюшков* Повен. (ib. 89; ср. здесь же — *конюшек*, с. 102) *дедушкоф, серушков* Пуд. (Манс. 159; Рыбн. IV, 205) *батюшкоф* Черепов. (Ерем. 31) *генералушков* Звенигор. (Кир. IX, 120; ср. здесь же — *солдатушек-ребятушек* X, 475) *соловъюшков* Александров. (Шейн I, 244) *пёрушкау* Крапив. (Изв. III, 1293) *генералушков, солдатушков* Рязан. г. (Кир. VIII, 215) *атаманушков, генералушков, гренадерушков, канонерушков, есаулушков, офицерушков, майорушков* Дон. (ib. IX, 2, 90 X, 46, 50; Савел. 108—116).[5] — Имена на *-ышко*: со *хоромышков* соломы посры-

---

[1] Ср.: у *вороти (е, о) чек* Пуд. (Рыбн. III, 88) Сарат. г. (М. и К. 105) Енис. (Кривошапк. I, 83).

[2] Ср.: что у него ни есть *животишковъ* Дело 1682 г. (А. Кал. I, 597) моихъ дву *сынишковъ* Дело 1646 г. (ib. 646) *дворишковъ* Купчая 1643 г. (ib. II, 368) 10 *соболишковъ*, 5 *исподишковъ* Приезжая 1609 г. (ib. III, 76).

[3] Форма род. мн. (семь) *стакашков* Лейк. На перевозе может быть выводима от ед. числа *стакашек*, по муж. роду.

[4] Ср. здесь же — *соседушок*, из-за *лесушек*, пустых *разговорушек, горностаюшек, заюшек, конюшек* (Барс. I, 43, 143, 240; Рыбн. I, 2; Тих. и Милл. 129).

[5] Ср. здесь же — *генералушек* (Кир. IX, 263; Савел. 100) *заюшек* (ib. 160).

вало Петроз. (Барс. I, 250) 12 *гнездышков* Пошех. (Э. С. II, 75) *зернышков* Соликам. (Зел. Ск. 382) *зернушкоф, стеклушкоф* и т. д. Руз. (Дурново 131),[1] *крылышков* Земл. и Зад. (ИРЯС II, 1, 92).

Имена на *-ц-*. В литературном языке формы на *-ев* образуются от существительных *сердце, солнце*, в которых *-ц-* уже не сознается суффиксальным элементом: без *сердцов* знаешь, в шутку, потолкнул он меня в грудь Фонв. Бриг. IV, 2, ничего нет забавнее *сердцов* человека, который сердится сатирически Вяз. Фон-Визин, гл. X, от *сердцов*, с *сердцов* Id. III, 127 XI, 368, с *сердцов* Гриб. Мол. супр. XIV, Гог. Жен. II, 3, Лейк. Из эп. IV, Горбун. 94, — со тых *сердцёв* Петроз. (Ист. 185) *серцёф* Пуд. (Манс. 159) Котельн. (Тр. Вят. Пед. И. III, 54) из *сердцов* Солигал. (Ж. С. VII, 3, 459) с *серцо́ф* Кашин. (Смирн. 90);[2] — много *солнцев* в них пылающих сияет Ломон. II, 100, *солнцев* всех лампада Держ. III, 48 всех *солнцев* вид I, 44 бумажных *солнцев* треск Вяз. XI, 320, будто *солнцев* легион Подолинск. Отчужд. VII, светят как тысяча *солнцев* Одоевск. Салам. I. В диалектах подобные образования встречаются и от иных имен существительных: *лицёв* Шенк. (МАН. 9; Манс. 114) Ирбит. (АГО. XXIX, 18) Кунгур. (ib. 73) Порхов. (ib. XXXII, 6) Ржев. (Э. С. I, 240) Венев. (АГО. XLII, 2) Дон. (ib. XII, 12); *яйцо́в* Ржев. (Э. С. I, 240) Новоспл. (пр. 77) Тунк. (Вин. 16) *ицо́в* Нижнелом. (АГО. XXVII, 22) Терск. (Караул. 23); у ста столбов сто *кольцов* Садовн. 100, 285, Пошех. (Э. С. II, 80 VI, 121) *ко́льцов* Новоспл. (пр. 77); до моих *крыльцёв* Петроз. (Ончук. Ск. 280) мимо тещиных высоких *крыльцов* Валд. (Новгор. Сб. II, 164; ср. здесь же — вышла на *крылечек*, по муж. роду, с. 172). Особенно значительно колебание форм на *-ев* или без флексии оказывается и в литературной и в народной речи у имен осложненных суффиксом *-ц-*, ясно при этом сознаваемым ощущением говорящих. Ср. род. мн. *блюдец* и *блюдцев* общелит.,

---

[1] Формы род. мн. *враженьков* Сарат. г. (Кир. X, 92; М. и К. 85) *сапоженьков* Петроз. (Барс. II, 21) могут восходить к ед. ч. *враженек, сапоженек* муж. рода.

[2] Ср. диалектически в украинском — двох *серцьів* в говоре гал. лемков (Верхр. 118).

Устюж. (пр. 28); *веретенцев* Новгор. г. (МАН. 110); от троицких *деревцов* Куприн, Яма V, — ср. *деревецъ* яблонныхъ и вишневыхъ 20 Купчая 1579 г. (Арх. Строева I, 562) маленькихъ *деревецъ* П. и бум. П. В, V, 197; *зеркалец* и *зеркальцев* (Слов. Акад.), — ср. и шесть десятков *зеркалец* Бальм. Сонеты 111; *коленец* (отсутствие эффектных *коленец*, Куприн, Памяти Чехова, VII) и *коленцев* (без *коленцев*, без прикрас Дем. Бедный, Ск. складки 11, то же у Григор., см. Слов. Акад.); из *копытцев* Чебокс. (Магн. 51) Щигр. (РФВ. 6, 283); *полотенец* Э. С. V, 3, 32 и *полотенцев* ib. 191, ср. *полотенцёф* Пуд. (Манс. 159) Котельн. (Тр. Вят. Пед. И. III, 54), колебание форм в Устюж. (пр. 28).[1] — Имена на *-éцо*: *письмецóв* не пишет Белоз. (Бр. Сокол. 457) Симб. г. (Кир. IX, 104). — Имена на *-ице*: *оружьицев, питьицев, челобитьицев* Петроз. (Барс. II, 15, 80, 106, 216; Гильф. 477; Кир. III, 86; Рыбн. I, 58 II, 89, 280) *именьицев*, у *копьицов, крыльицов, оружьицев, питьицев, платьицев* Повен. и Пуд. (Гильф. 23, 80, 209, 328, 406; Рыбн. I, 378, 427 III, 280 и др.) от *ружейцев* Нолин. (пр. 52) *жерельицов* Орловск. г. (Оп. обл. слов. 11);[2] ср. с этими формами аналогичные образования от собирательных на *-ица*: *братьицов* Заонеж. (Барс. I, 30) Вытегор. (Пам. влр. н. 94; Рыбн. IV, 127) Петроз., Повен. и Пуд. (Гильф. 63, 277; Рыбн. I, 153, 258; Тих. и Милл. 226) Кирил. (Бр. Сокол. 436) у *деверьицев* Кирил. (ib.).

Имена на *-ище* дают формы на *-ев* лишь в диалектической речи. Единственная форма *деньжищев* (у тебя пропасть) Горбун. 226 содержится в подражании народному стилю, кроме того, что является собственно образованием от имени ж. рода. В народном употреблении формы на *-ев* от этой категории существи-

[1] Ср.: *белилец* купила Щигр. (РФВ. 5, 258); *воротец* Пуд. (Гильф. 365) Черепов. (Майк. Закл. 542) Нижег. г. (Нижег. Сб. IV, 221), у *воротецъ* Разъезжая 1548 г. (Арх. Строева I, 157); с алых *румянец* Петроз. (Рыбн. III, 389); ср. еще у plur. tantum — *дровец* Костр. (Виногр. 79). Отмечу здесь же формы — двери темных *сенец* Бун. Игнат III, из *сянéц* Ельнин. (Добров., Э. С. I, 345), *кудерец* Котельн. (Зел. Ск. 24), *дрожжец* Иваново-Вознес. (Гарелин 29) *дрождéец, щéец* Ростов. (Волоцк. 105).

[2] Ср.: без. *ружеец* Кир. VIII, 19.

тельных повсеместны: *поприщев, местищев, идолищев* Онеж. (Гильф. 336, 1216; Смирн. I, 5, 108) *детищев, поприщев, идолищов* Петроз. и Пуд. (Безс. I, 135; Гильф. 410; Тих. и Милл. 124) *блюдишшов* Печор. (Ончук. Был. 337) *огнишшов* Грязов. (Тр. МДК. III, 77) из *муравишшов, урочищев* (Трост. 73; Майк. Закл. 447) *побоишшов* Екатеринб. (Зел. Ск. 70) *ужыщеф* Сузд. (Черныш. 19) *детищев* Клин. (Майк. Закл. 748) *уланищев* Симб. г. (Кир. VI, 165) *кладбищев* Петров.-Сарат. (Э. О. 1916, 1—2, 79) *училищев* (АГО. IX, 23) *ребятишшав* Землян. и Задон. (Трост. 24) *кладбищев* Терск. (Караул. 35).[1]

Итак в отношении литературного языка можно говорить о процессе распространения в нем флексии *-ов, -ев* на имена на *-ко* и на *-це*. Формы на *-ов, -ев* в нем иногда чередуются со старыми формами без флексии, от некоторых же категорий слов преобладают в употреблении именно эти последние формы, — таковы имена на *-ошко, -ушко, -ышко*, представленные в отношении образований на *-ов* лишь в свидетельствах диалектической речи. Это обстоятельство однако должно расцениваться как случайное и должно объясняться книжным влиянием на литературный язык, в частности влиянием грамматик. Ср. московские формы род. мн., как *зернышков, колёсков* и проч., соответствующие и живой литературной речи, не находящие однако себе выражения в письменном языке по причине традиционной грамматической нормировки. По вопросу о хронологии рассматриваемого явления новообразований следует думать об относительно раннем его происхождении. Согласно данным памятников формы на *-ов, -ев* идут уже с XVII в., ср. отмеченные примеры типа *сынишков* и под. Есть еще основание, позволяющее считать данное морфологическое явление явлением иного типа и более древним, чем, например, распространение форм на *-ев* в категории имен ср. рода на *-ье*, или у существительных ж. рода III типа. Представляется именно

---

[1] Ср.: отъ тѣхъ *урочищевъ* Купчая 1686 г. (А. Кал. II, 434) *побоищев* в рукоп. был. XVIII в. (Тих. и Милл. 63).

несомненной генетическая связь данных форм род. мн. на *-ов*, *-ев* с новообразованиями от этих же категорий существительных в именительном мн. на *-ы*, *-и*, в соответствии с исконным их окончанием *-а*. Именно наличие новообразованных форм именительного мн. типа *колечки*, *окошки*, *ребятишки* и под. ввело ряды этих слов в орбиту воздействия на них имен муж. рода, и вслед за формами в роде *маки* — *маков*, *ножики* — *ножиков*, *отростки* — *отростков* и под. явились новые родительные *колечков*, *окошков* и т. д. Такого же происхождения и формы на *-ев* от имен на *-це* и на *-ище*, идущие непосредственно от новообразований для этих рядов имен существительных в форме именительного мн. на *-цы* с одной стороны, на *-щи* (*-шшы*) с другой стороны. Здесь может встать вопрос о полном отсутствии в литературном языке форм на *-ев* от имен на *-ище* при наличии этих форм в диалектах. В этом обстоятельстве однако нет противоречия с данным объяснением происхождения форм на *-ов*, *-ев* от имен на *-ко* и на *-це*. Дело в том, что, как указано выше, в этой категории имен существительных (т. е. на *-ище*) возникли в порядке новообразований иные формы родительного мн., именно формы на *-ей*. Очевидно, в эпоху распространения флексии *-ов* в словах ср. рода имена на *-це* звучали уже с отвердевшим *ц*, между тем как имена на *-ще* имели еще мягкое *щ*, что и служило препятствием к проникновению в последнюю категорию имен флексии *-ов* и напротив содействовало появлению здесь флексии *-ей* (по образцу *кони* — *коней*). Следовательно в отношении приведенных диалектических форм на *-щев* должно думать, что они явились в тех говорах и в ту эпоху, когда в соответственных диалектах *щ* звучало твердым, — ср. действительно в приведенном материале написания в роде — *блюдишшов*, *огнишшов*, *побоишшов* и под., с отражением совершившегося отвердения *щ*. Если сказанное о происхождении форм на *-ов*, *-ев* от имен на *-ко*, *-це* правильно, мы не должны ожидать форм на *-ов* от имен существительных с неподвижным ударением на окончании, так как новообразо-

вания от слов ср. рода в именительном мн. на *-ы*, *-и* были возможны лишь для имен с не наконечным ударением (в формах мн. числа). Подавляющее большинство приведенного материала форм на *-ов*, *-ев* действительно относится к примерам с ударяемостью не на окончании *-ов*, *-ев*. Есть однако несколько отклонений. Таковы среди имен на *-ко* формы литературного языка *очко́в*, *ушко́в*, в именах на *-це* (*-цо*) формы лишь областной речи — *лицо́в*, *яйцо́в*, *кольцо́в*, *крыльцо́в*, *письмецо́в*, наконец, таково же — *сердцо́в*. Происхождение первых двух форм — *очко́в*, *ушко́в* — не вполне ясно, как неясна вообще самая акцентологическая природа этих слов и принципы их словообразования. Возможно предполагать первоначальность ударения в этих словах на основе — *о́чька*, *у́шька*, откуда — *о́чки*, *у́шки* и далее род. мн. *о́чков*, *у́шков*. Замена ударения в **о́чки*, **у́шки* через *очки́*, *ушки́* (впрочем, сохраняется и форма *у́шки*) обязана влиянию простых, неосложненных суффиксом, форм слов — **очи́*, **уши́*, где такое ударение оправдывалось бы показанием литовского языка (akís, ausís), ср. также косвенные падежи *очéй*, *очми́*, *ушéй*, *ушми́*. В именах на *-ц-* следует выделить форму *яйцо́в*, как поздний диалектизм (южновеликоруссизм), также формы *кольцо́в*, *крыльцо́в*, появлению которых могли содействовать сохраняющиеся в диалектах варианты этих слов по муж. роду (*колéц*, *крылéц*). Таким образом остаются и требуют объяснения лишь формы *лицо́в* и *письмецо́в*. В отношении первой формы для южновеликорусских показаний о ней можно предполагать одинаковость происхождения с отмеченной формой *яйцо́в*, что касается данных об этой форме из северновеликорусских областей, то они, можно предполагать, вторичны по месту ударения. Слово вообще должно считаться не народным, притекшим в народную речь из литературного языка. В литературном языке форма мн. числа имеет ударение на основе — *ли́ца*, откуда диалектическое новообразование в род. мн. *ли́цев* и с переносом ударения (под влиянием форм ед. числа — *лицо́*, *лица́*, *лицу́* и т. д.) — *лицо́в*. В отношении формы *письмецо́в* можно предполагать

влияние бессуффиксной соответственной формы — *письмов*. Наконец, остающаяся форма *сердцо́в*, свойственная и литературному употреблению, в самом литературном языке является несомненным вкраплением из диалектической речи. Весьма замечательно употребление этой формы в литературном языке (судя по предложенному материалу) лишь писателями из южновеликорусской среды. Данную форму поэтому, имея в виду наличность ее в литературном языке, следует считать по происхождению южновеликорусским вкраплением в литературную речь; форма, очевидна, на самой диалектической почве позднего происхождения, возникла именно в черте южновеликорусских говоров, подобно отмеченным *яйцо́в* и др., и отсюда проникла с одной стороны в литературную речь, с другой стороны в северновеликорусские говоры, ср. употребление ее в черте последних преимущественно в песенном языке. В результате таким образом выставленное положение о тесной связи по происхождению форм род. мн. на *-ков, -цев, -щев* и новообразований в именительном мн. на *-ы, -и* от тех же групп существительных не имеет фактических нарушений, закрепляясь тем самым в полном реальном своем значении. Это положение весьма важно. Оно именно уясняет и относительную древность распространения флексии *-ов, -ев* в данных категориях слов ср. рода и живучесть и прочность этого типа новообразований, доживших до современной стадии речи, в отличие от иных типов образований на *-ов, -ев* (напр., в словах ж. рода, или в именах ср. рода на *-ие, -ье*), возникших на иной морфологической подоснове и в иную, хронологически позднейшую, эпоху.

Кроме названных категорий слов ср. рода (имен на *-ье*, имен на *-ко* и на *-це*), от иных категорий формы род. мн. на *-ов, -ев* в литературном языке вообще неупотребительны: от всех прочих существительных форма род. мн. совпадает с основой слова. Как единичные отклонения в этом отношении могут быть отмечены лишь следующие образования на *-ов*. В Улож. А. М. читается род. мн. *мытовъ* IX, 9, но эта форма находит себе

объяснение в колебании в этом же источнике ед. числа слова по I и по II типу — *мытъ* и *мыто*; таким образом форма *мытовъ* может рассматриваться как образование от *мытъ*, по муж. роду. У Кантем. имеется — (опасаяся) *тенетов* I, 481, видимо, от ед. ч. *тенет* вм. *тенето*. Равным образом встречается форма род. мн. *титлов* (превыше *титлов* всех Озер. Эд. в Аф. II, 1, высоких *титлов* Вяз. III, 381, *титлов* нет у англичан Некр. III, 340); при этом у Озерова же употребляется ед. число слова в форме ср. рода (вот *титло* дорогое Эл. к Абел., Эд. в Аф. II, 1). Но это существительное известно также в употреблении по ж. роду (*титла*), а кроме того по муж. роду (*титл*); таким образом род. мн. *титлов* объяснялся бы как форма от последней разновидности слова (*титл*), по муж. роду. Из прочих аналогичных форм можно еще отметить из Гог. форму *мясов* (крепость черных мясов Мертв. д. IV, Выд. из карм. кн.) и из Лерм. — *стадов* черкесских, Кавк. пл. Обе формы должно считать диалектизмами названных писателей. Как диалектическое явление, образование форм род. мн. на *-ов, -ев* от любых имен существительных ср. рода, помимо отмеченных их категорий, от которых употребительны эти формы в литературном языке, составляет явление весьма широкой распространенности.[1] Обращаясь к ближайшему его рассмотрению, необходимо особо оговорить в нем соответственные формы от двух имен существительных — *дело* и *место*, формы, имеющие особенно широкое распространение в диалектах, известные и в городском просторечии. Дело в том, что в ряде местностей в числе форм на *-ов* от имен существительных ср. рода только и отмечаются формы от этих двух слов (или от одного из них). Очевидно, в этом последнем случае, когда в говорах оказываются из форм на *-ов* лишь формы от отмеченных двух имен существительных, необходимо

[1] То же явление известно диалектически белорусскому (Карский II, 2, 193) и украинскому языку (напр. в буков. — *сéлів, гнъіздів*, до *небесів*, в батюк. — *сéльів, болотів, пúсьмів*, в угрор. — *óзерув* и др., см. работы Верхр., также Брок 87); ср. обычность окончания ow у слов ср. рода также в н.-луж. языке — słowow, mórjow, słuńcow и др. (Мuске 341).

предполагать влияние на диалектическую речь отдельных слоев говорящих из ближайшего городского центра и лишь при наличии в диалектах, помимо форм *делов*, *местов*, еще сходных образований от иных слов ср. рода можно усматривать органичность происхождения всех этих форм на *-ов*. Характерно, что в ряде источников, свидетельствующих о наличности в говоре форм *делов*, *местов*, замечается об общей редкости их употребления. В данном указании лишнее подтверждение пришлого характера этих форм в соответственных диалектах. Укажу на местности, которым известны из форм на *-ов* от слов ср. рода лишь формы *делов*, *местов*, или одна из них. Обе формы отмечаются в Онеж. (пр. 41) Кадник. (пр. 25) Арен. (пр. 194) Кологр. (редко, пр. 61) Чухлом. (пр. 62) Котельн. (иногда, пр. 35) Котлас. (Тр. Вят. П. И. III, 75) Нолин. (пр. 68) Муром. (пр. 93) Великол. (пр. 45) Холм. (пр. 159) Кашин. (Смирн. 90) Богородск. (Изв. V, 2, прил. 5) Самар. (пр. 40) Алатыр. (пр. 32) Мещов. (пр. 267; Черныш. 162) Тульск. г. (АГО. XLII, 48) Брянск. (пр. 259) Ворон. г. (Даль LXIV) Нижнедев. (АГО. IX, 15); одна форма *делов* указывается в Волог. (пр. 82) Юрьев. (Черныш. 4) Казан. (пр. 94) Семен. (пр. 118) Старор. (Колос. Зам. 42) Ростов. (РФВ. 65, 290) Зубцов. (пр. 60) Торжок. (АГО. XLI, 30) Клин. и Моск. (Черныш. 16, 42) Мокш. (пр. 232, 1) Чембар. (пр. 229) Смол. (МАН. 156) Медын. (Дурново, Диал. раз. I, 181) Козлов. (ib. 155) Алексин. (АГО. XLII, 7) Венев. (ib. 22) Черпск. (ib. 11) Новосил. (ib. 33) Карач. (Будде 77) Егорьев. (пр. 133, 1; Трост. 96) Касим. (пр. 109, 1; 111, а) Раненб. (Дурново, ib. 216) Дмитр.-Кур. (пр. 236) Ворон. (Дикар. 11) Задон. (Трост. 49; ИРЯС II, 1, 92) Тюмен. (пр. 27); одна форма *местов* отмечена в Мышкин. (АГО. XLVII, 18) Пореч. и Зубцов. (Изв. XVIII, 3, 271), Кубанск. (Ж. С. XIII, 3, 359). При такой распространенности этих форм в диалектической речи понятна широкая употребительность их и в языке писателей, отражающих народный или городской мещанский быт. Ср. эти формы у Остр. Не все коту II, 1 III, 3, Л. Тлст. Ходынка, Вл. тьмы I, 2, Лейк. (часто), Салт. II, 171, Бун. Хор. жизнь, Чех. Мечты, М. Горьк.

Мальва, Лето и др. Впрочем, форму *делов*, как диалектизм, можно отметить из писем Л. Толстого: может быть, вы охотник до этих *делов* (Лобов, Из ист. 138).

Формы род. мн. на *-ов, -ев* от имен существительных ср. рода, без ограничения их лишь соответственными образованиями от слов *дело, место*, наблюдаются в следующем виде: Арханг. г. Беломор. — *сукнов* (Изв. VII, 3, 32); Онеж. — *селов, чернилов* (Гильф. 196, 1011); Холмогор. — *креслов, пряслов, селов, окнов, делов* (пр. 50); Шенк. — *пивов* (пр. 80) *гнездо́в, дело́в, зерно́в* (и *зё́рён*), *окно́в* (и *о́кон*), *письмо́в* (и *пи́сём*), *жито́в, лека́рсвов, место́в, обшесво́в, полито́в* (от — *пальто*), *пиво́в, седло́в, сенов, телов, утро́в, коле́нов* (Манс. 114). — Олон. г. Вытегор. у. — из *устов* (Олон. Сб. I, 145); Каргоп. — рвет ногу из *ходилов* вон (Рыбн. II, 202); Петроз. — *местоў, телоў, сеноў, окноў* (редко, пр. 30) *селов* (Гильф. 767) *ходилов* (Тих. и Милл. 221) с этых *древов* (Ончук. Ск. 257); Пуд. — *бёрдоф, боло́тоф, брюхоф, правоф, семейсвоф, дитёф* (Манс. 159) *пивов* пьяных (Гильф. 384). — Волог. г. Волог. у. — из своих *устов* (Э. О. 1898, 3, 185); Грязов. — *по́лёв, мясов* (Тр. МДК. III, 77); Кадник. — *телов, местов, делов* (пр. 31) *телов, пивов, делов, местов* (и о не — *селов, окнов, полев*, пр. 26); Никол. — *пиво́в, дело́в, место́в* (пр. 266) *пивоф, письмоф, числоф, правоф, гумноф, седлоф, сеноф, полёф, лекарсвоф* (Манс. 213); Тотем. — *пивов, делов, полёв* (пр. 198) *телов, пивов, окнов, делов, местов, полёв* (пр. 201) *место́ф, тело́ф, пи́сьмоф* при *пи́сен* (Брок 122). — Новгор. г. Белоз. у. — *телов, спасибов* (Бр. Сокол. 26, 36); Дем. — не нашли таких *телов* (Новг. Сб. III, 7); Кирил. — *маслов*-то сколько (пр. 161) *делов, телоў*, из *устов* (Бр. Сокол. 156, 314, 376); Крестец. — *пивов, полев* (пр. 160); Новгор. — *копытов, болотов* (Майк. Закл. 432, 533); Устюж. — *дело́в, место́в, суднов, пи́сьмов, бельмо́в, боло́тов* (рядом — *дел, мест, су́дён, писем*, пр. 28) *телов, пивов, окнов, делов* (пр. 199); Черепов. — *жито́ф, письмоф* при *писём* (Ерем. 32). — Костр. г. Буйск. у. — *пивов, делов, сенов, полёв* и *полей* (пр. 18); Галич. — *местов, окнов*

(пр. 55); Кинеш. — *пивов, делов, местов, телов* и — *поль, полей* (пр. 66); Костром. — *средсво́в* (Виногр. 72); Макарьев. — *делов, местов* и редко — *пивов* (пр. 56) *словоф* (Ж. С. XX, 1, 48); Солигал. — *делов, местов, средство́в, полёв, пивов* (ib. VII, 3, 459); Чухлом. — *телов, пивов, местов, пи́сьмов* (ib. IX, 3, 344). — Яросл. г. Пошех. у. — *делов, обстоятельствов* (ib. III, 4, 509); Ром.-Борисогл. — с тех *стойлов* стоялых (Кузн. 4). — Вятск. г. Вят. у. — *се́ялов, средство́в* (Тр. Вят. Пед. И. III, 33); Котельн. — *дело́в, тело́в, сито́в, мыло́в, сено́в* (ib. 54); Малмыж. — *селов, окнов* (пр. 79) *сукнов* (пр. 103); Нолин. — *телов, делов, местов* (пр. 52) промеж *окнов* (Колос. Зам. 275); Орл.-Вят. — *одеялов* (пр. 63); Слобод. — *телов, пивов, делов, полёв, селов, корамыслов* (пр. 65, 222); Яран. — *полёв, телов, селов, пивов, окнов, делов, местов* (пр. 59). — Пермск. г. Екатеринб. у. — от *пери́лов*, меж *зерка́лов*, всяких *лекарствов* (Зел. Ск. 11, 70, 169); Красноуф. — *полёв, телятов* (пр. 138, 139); Соликам. — *общество́в, окно́в* (пр. 181), Чердын. — *окно́в, село́в, полёв* (пр. 258); Шадр. — *дело́ф, сретсво́ф, тело́ф, пиво́ф* (С. Обнорский). — Владим. г. Владим. у. — *полёф* (Черныш. 30) *полёв, стёклов* (МАН. 16); Муром. — *телов, сёлав, местов, стёклав, сукнав* (пр. 100); Переясл. — *сенов* (Тр. МДК. IX, 76); Покров. — *горев* не ведала (Э. О. 1911, 3—4, 194) *село́в, пиво́в, полёв, дело́в, тесто́в* (пр. 244); Судогод. — с этих ли *горев* (Э. О. 1911, 3—4, 195); Сузд. — *дело́ф, пальтоф, озёроф* (Черныш. 14, 19). — Казанск. г. Цивил. у. — *серцыв, дело́в, сёлыв* при *сел* (пр. 143). — Ленингр. г. Гдов. у. — *полёв* (пр. 11); Луж. — *полёф, местоф* (РФВ. 40, 110). — Псков. г. Остров. у. — *полёв, дело́в, место́в* (пр. 33). — Тверск. г. Вышневол. у. — *зеркалов, делов* (АГО. XLI, 47); Ржев. — *полёв* (Колос. Обз. 216); Твер. — *стеклов* (АГО. XLI, 7) *семяно́в, дзяло́в* (ib. 46) *место́ф, пиво́ф* (Черныш. 9) *место́в, делов, словов, блюдов* (Тр. МДК. III, 140). — Смол. г. — *сяно́в* (Добров. 899); Гжат. — *чадов* (Безс. I, 632); Ельнин. — сы *палёу* (Добров. 649); Краснин. — *чадов* (Безс. I, 119 IV, 110); Смол. — из *нутрёу* (Добров. 492). — Моск. г. — *де-*

ревов, чадов (Безс. I, 632, 691); Верейск. — *балатóф* (Изв. X, 2, 371) *симянóф, делóф, азярóф* (Черныш. 289, 133); Звенигор. — *средсваф, местóф, óзероф* (id. 147, 149); Можайск. — *пойлов* (Безс. I, 227); Моск. — *местóф, мастерсвóф, семянóф* (Черныш., Изв. XIII, 176) *чудясóф, римеслóф* (id. 56); Руз. — *дялóф, мястóф, зёрнаф* (Дурново 131). — Нижегор. г. — *селов* (Кир. VIII, 38); Нижегор. у. — *колесов* (АГО. XXIII, 157); Семен. — *полёф* (Ж. С. XX, 1, 42). — Самарск. г. — *окнов, естсов, пойлов,* (РФВ. 41, 38); Сызран. — *пойлов,* со *древов,* от *морёв* (Безс. I, 220 V, 125, 206); Бугн. — *полёв* и *полей, пивов, делов, местов* (пр. 57); Карсун. — *полёв* и *полей* (пр. 69) *óкнов, делóв, местов* (пр. 67). — Пенз. г. — *колесов* (АГО. XXVIII, 22); Городищ. — *окнов* (Сб. II Отд. 76, 4, 7); Инсар. — *дялов, гнястов, сялов* (пр. 231); Краснослоб. — *дялов, вёдрав, мястов, средствав* (Тр. МДК. IX, 95); Мокш. — *делов, гнёздыв, ремеслыв* (пр. 230, 2); Чембар. — *просóф* (пр. 229). — Сарат. г. Сердоб. у. — *дитёф* «и т. п.» (Уч. Зап. Сар. У. VI, 3, 354); Ставроп. — без *крылов* (Садовн. 207). — Уфим. г. Белеб. у. — *местóв, бердóв, семянóв* (Изв. X, 2, 102); Уфим. — *окнов* (Даль LVIII). — Астрах. г. Царев. у. — *летóв* (РФВ. 63, 121). — Калуж. г. Жиздр. у. — *дялóв, симянóв* (Ник. 324); Медын. — *делóв, местóв, окнóв, сукнóв* (пр. 263); Мещов. — *бревнов, болотов, средствов, симянов* (пр. 41, 1) *делóв, гнясдóв, сядлóв* (пр. 150). — Тульск. г. Венев. у. — *полев* (АГО. XLII, 2); Епифан. — *сялов, гнястов, дялов, мястов* (Дурново, ib. 127); Ефрем. — *зеркалов, кружевов, делов, телов* (АГО, XLII, 15); Новосил. — *дялов, гнястов, сялов, вяслов, вядров, óкнов* (пр. 77), ср. *писём* (Тр. МДК. I, 95). — Орловск. г. — *мылов* (Тихан. 9); Елецк. — *дялов, сялов* (пр. 111); Орл. — от *устов* его (Безс. I, 307). — Рязанск. г. — *дялóв, һнёздаф, сёлаф, бёрнаф* (при *бёрян*), *óкнаф, пётнаф* и др. (РФВ. 27, 195 и 28, 25); Зарайск. — *пúсьмаф, стёклаф, óкнаф* (при *окан, стекал,* Петр. 39); Касим. — *гнёздъф, дялóф* (пр. 47) *дзялóў, мястóф, пúсмаў,* из *устóў, правóф* (Будде, К ист. 72, 73, 341, 360); Егорьев. — *сянóф* (Изв. V, 2, прил. 14). —

Курск. г. — *зёрнав* (Хал. 14); Грайвор. — *дялóв, мястов, сядлов* (пр. 279); Дмитр. — *дялов, гнядзов, сялов* (пр. 125); Обоян. — *дялов, мястов, кружавов* (МАН. 95); Рыльск. — *делóв, озерóв, сенóв* (ib.); Судж. — *йимянóв, симянóв, дялóв, мястóв, кружавов* (Резан. 227, 249, 250). — Ворон. г. — *дялоф, тялоф* (Филат. 180); Валуйск. — *делóв, местóв, семянóв* (пр. 261); Ворон. и Коротояк. — *вéслаф, óкнаф* (Ж. С. XV, 1, 104). — Дон. обл. — *делов, склов, зеркалов* (Сол. 10). — Терск. обл. — *делóв, местóв* и т. п., *варóтов, гнядзóв* (РФВ. 44, 79; Караул. 23). — Сибир. обл. Бирск. у. — *вúнов* (С. Обнорский); Тобол. — *телов, селов, брёвнов, поленовъ* и т. п. (пр. 21); Краснояр. — *местóв, озеров* (Селищ. 84); Томск. г. — *сенов, семенов, средствов* (ib.); Верхнеуд., сем. говв. — *азёроw, сяноw, сряитвоw, палёw* (ib. 85); Нижнеуд. — *делоф, местоф, пóльтов* (Черных 368) *делов, местов, озерóв, лекарствов* (Вин. и Черных, 12); Илим. — *хозяевов* (Черных, 12).[1]

Трудно установить с определенностью ближайшие причины этого диалектического распространения флексии *-ов, -ев* в пределах имен существительных ср. рода. Судя по приведенному материалу, эти формы являются вообще повсеместными, свидетельствуя тем самым об общих условиях, которые имелись на всей великорусской территории и соответственно вели всюду к возникновению морфологического процесса данных новообразований на *-ов, -ев*. Только в отдельных незначительных районах как северновеликорусской, так и южновеликорусской области намечается более сильный рост этих форм. Таковы на севере — Холмогорский и Шенкурский уу. Архангельской губ., Пудожский у. Олонецкой губ., Никольский и Тотемский уу. Вологодской губ., Слободский и Яранский уу. Вятской губ., Покровский у. Владимирской губ.; в южновеликорусской полосе сгущение этих форм принадлежит лишь частям Тульской и Рязанской губ., также Терской области; ср. еще в области переходных говоров Твер-

[1] Из писателей в параллель к отмеченным выше формам *делов, местов* можно еще привести формы — *мылов* М. Горьк. Трое, *правов* Л. Тлст. Вл. тьмы I, 13, Фальш. куп. XVII, *чадов* Лейк. Тяжкий грех.

ской у. и Мещовский у., где также значительно распространены эти формы. В Сибири выделяются в этом отношении с одной стороны Тобольский край, северновеликорусского типа, с другой стороны Верхнеудинский у. Иркутской губ. с говорами (семейскими) смешанного типа.

Теоретически, объясняя происхождение этих форм, можно было бы думать о связи их с новообразованиями этих же рядов существительных в именительном мн. на *-ы, -и* (в соответствии с исконным окончанием *-а*). Но ближайшее сопоставление фактических данных того и другого явления говорит об их независимости развития, ср. несовпадение территориального распространения тех и других форм, в частности при широком наличии форм на *-ов, -ев* в Вологодской и Вятской губ. почти полное отсутствие здесь форм им. мн. на *-ы, -и*. Если обратиться к рассмотрению самого круга слов, от которых образуются формы род. мн. на *-ов, -ев*, не может ускользнуть от внимания наличность значительного числа (больше половины) таких слов, которые в народной речи служат пришлыми элементами из литературного языка. Ср. особенно такие слова, как — *древа, крыла, полена, чудеса; имена, семена,* или — *лекарства, мастерства, общества,* даже — *обстоятельства, семейства, средства* и под., или еще — *уста, блюда, вина, дела, кресла, лета, одеяла, перила, пива, письма, пальта, права, ремесла, судна, спасиба, тела, утра, чернила, числа, чада, ества* и др. Конечно, о многих из этих имен существительных следует иметь в виду, что они составляли также принадлежность народной лексики, но в последней являлись лишь в формах ед. числа, и формы мн. числа от них, иногда как новые лексические единицы, появились в обороте народного языка именно через посредство литературного языка. Ср. особенно мн. число слов, как — *лета, тела, пива, масла, мыла, мяса, числа, утра* и др. Естественно должен возникнуть вопрос о причине распространения новых форм на *-ов, -ев* в этих рядах имен существительных. В самом литературном языке от этих слов неизвестны формы на *-ов, -ев*, следо-

вательно, отсюда не мог развиться этот тип новообразований. В этом отношении следует обратить внимание на указанное выше подобное же явление распространения флексии *-ов, -ев* у имен существительных ж. рода: как выше отмечено, в именах ж. рода эта флексия также падает в значительной части на заимствованные слова из литературного языка, причем самое появление и рост в народной речи этих форм были соответственно объяснены влиянием литературного языка, которому были известны эти формы на *-ов, -ев* до самого начала XIX века. Таким образом возникает естественное предположение о связи этого процесса в развитии форм на *-ов, -ев* от имен существительных ж. рода с подобным же явлением в кругу рассматриваемых имен ср. рода, о первичном возникновении явления у имен ж. рода и лишь дальнейшем его захождении из категории слов женского в категорию имен среднего рода. Косвенным подтверждением правильности этого положения о связи обоих морфологических процессов может служить очень близкое территориальное совпадение распространения одного и другого явления: формы на *-ов, -ев* от имен существительных ж. рода падают преимущественно на те же части Архангельской и Олонецкой, Вологодской и Вятской губ., на Мещовский у. Калужской губ., на Рязанскую губ. и Терскую область, где отмечено сгущение аналогичных форм от имен ср. рода. Любопытная связь между обоими рядами новообразований, слов ж. и ср. рода, оказывается и в ударении. Ср. ударяемость флексии в формах как — *гнездóв, зернóв, окнóв, письмóв, политóв, седлóв, селóв, ремеслóв* и др. и аналогичные факты у имен ж. рода, отмеченные выше (с. 250). В заключение можно указать на характерность форм на *-ев* (*-ёв*) от существительных ср. рода мягкого различия — лишь для северновеликорусской области и полосы переходных и смешанных говоров. Ср. в перечне формы *полев, горев, морев, нутрёв*, также *дитёв*.

Окончание родительного мн. *-ов, -ев* проникло согласно всему, изложенному выше, не только в различные классы старого

склонения. Мы видим почти цельное проникновение этой флексии в различные ряды имен существительных, всех родов, от которых образуется форма именительного мн. на *-ья*. В диалектической речи в этом отношении господствует почти безраздельно флексия *-ьев*, в литературном языке она также является преобладающей, но в известных группах имен существительных здесь возможно и окончание *-ей* (в неударяемом положении *-ий*), окончание более старое, но вообще также вторичное, перенесенное из первоначальных основ на *i. В рассмотрении материала следует особо иметь в виду судьбу образований на *-гя* и на *-овья*.

Родительный мн. от имен существительных на *-ья*. ✕

1. *Алмазьев* не приму. Тобол. (Лопар. Самар. 127). — 2. Род. мн. *братьев* общелит., — Онеж. (Смирн. I, 8) Печор. (Ончук. Был. 268, Ск. 39) Пуд. (Манс. 158) Екатеринб. (*братьёв*, Зел. Ск. 88) Охан. (МАН. 130) Луж. (*братьёф*, РФВ. 40, 110) Кашин. (id., Смирн. 98) Дмитров. (id., Изв. V, 2, прил. 2) Моск. (id., Черныш. 21) Руз. (id., Дурново 128) Семен. (*братьёв*, Изв. Нижег. У. II, 359) Курмыш. (id. Мат. Варш. 140) Медын. (id., пр. 263) Мещов. (*бра́тьев* и *братьёв*, Черныш. 148) Судж. (Резан. 219, 247); ср. *братей* и племянниковъ Улож. А. М. VII, 17, любительныхъ *братей* и союзниковъ П. и бум. П. В. I, 358 IV, 457, сестру и *братей* моих обнадежила Кантем. Письмо Черкасскому (Майк. 81), *братей* Ломон. Росс. Гр. § 199 и очень часто в сочинениях (напр. II, 34, 54 и т. д.), — отмщай за *братий*, за отца Княжн. Влад. и Яроп. II, 2, *братий* жертвы Жук. Пери и анг., чад, *братий* наших кровь дымится В. Пушк. К жит. Н.-Новг., судьбою *братий* мне подвластных Лерм. Демон, двух любовников, как *братий* Подолинск. Отчужд., тела убитых *братий* Шумахер, Ручьи и реки, освободите *братий* наших, мусульман Л. Тлст. Х.-Мур. (первон. набр.), — в значении монастырской братии: звал *братий* к всенощне Лерм. В Воскрес., — ср. колебание: *братьев* (более употребительно) и *братий* у Сумар. X, 97, кровью *братий* двух земля обагрена, но — из *братиев* Капн. Антиг. I, 1, нежных *братий* и друзей, родителей, друзей и *братий* в нем имею, но — для *братьев*, ближних

и любезных Карамз. I, 96, 135, 287; в диалектах — *братéй* Шенк. (Манс. 110) Белоз. (id., Тр. МДК. II, 61; Бр. Сокол. 47, 339, ср. здесь же — *братьев*, с. 7—8) Переясл. (Тр. МДК. IX, 76) Котельн. (*брáтей*, Зел. Ск. 173) Твер. (*брáтей*, Черныш. 3) Бельск. (Смирн. II, 517, 520); — ср. на двух моих *братов* Кантем. Письмо к матери (Майк. 69), — 7 *братов* К. Дан. 32, 153, двенадцать *братов* Э. С. VI, 83, девять *братов* Онеж. (Гильф. 1228) Печор. (Ончук. Ск. 129) у *братов* Шенк. (Кир. II, 68) 39 *братов* Олон. г. (Олон. Сб. I, 2, 84) 8 *братов*, своих *братов* Вельск. (Смирн. I, 161, 183) Грязов. (Тр. МДК. III, 77) 12 *братов* Кирил. (Бр. Сокол. 279) двух, трёх *братов* Екатеринб. (Зел. Ск. 19, 55) *братóф* Владим. (Черныш. 30) 5 *братыў* Смол. г. (Добров. 39) браты́, *братоў* Росл. (id.) *брáтоф* и *братóф* Клин. (Черныш. 20, 28) *брáтоф* Моск. (id. 184) 5 *братоў* Жиздр. (Ж. С. VIII, 3, 389) Медын. (пр. 263) 11 *братóв* Мещов. (пр. 267; Черныш. 177) 6 *брáтоў* Касим. (Будде, К ист. 151) *братóў* мноһа (id. 85) 9 *братов* Севск. (Шейн I, 364) моих *братов* Обоян. (Резан. Матер. 72) 5 *братов* Ворон. (Дикар. 73) *братóф* Нижнеуд. (Черных 353);[1] — ср. в укр. *братíв* (напр. Шевч. Гамалія), диалектически в долив. *братíв* и *брáтій* (Верхр. 65). — 3. Род. мн. *брусьев* общелит., — Можайск. (Безс. IV, 239) Малоарх. (ib. 241). — 4. Род. мн. *вúчьев* Олон. г. (Доп. к Оп.). — 5. Род. мн. *волóсьев* Черепов. (Смирн. I, 316) Костром. (Виногр. 70) Псков. г. (Ж. С. XXI, 2, 300) Калуж. г. (АГО. XV, 25). — 6. Бросаясь с лаем на *вороньев*, которые сидели на падали. Л. Тлст. В. и м. IV, ч. 3, гл. 13. — 7. Ср. въ совокупленіи *времяній* П. и бум. П. В. II, 200. — 8. Сну *витьев* вить Петроз. (Ончук. Ск. 269) Обоян. (Э. С. V, 56) Щигр. (РФВ. 2, 254); ср. из *ветвий* сплетают кров Жук. К Делию. — 9. Род. мн. *глáзьев* Заонеж. (пр. 34). — 10. Род. мн. *гнётьев* Осташ. и Псков. г. (Доп. к Оп.). — 11. Род. мн. *гнéздьев* ibid. — 12. Рабеных двух *годий* Смол. г. (Добров. 130). — 13. В чаянии смоквей и *гроздей* Ф. Прокопович, Письмо к Кантемиру

---

[1] В актовом языке обычна форма *братей*, напр. в гр. 1681 г., в памяти 1697 г. (А. Кал. I, 326 II, 663); колебание *братей* и *братьевъ* в стат. сп. 1689 г. (ib. III, 441); ср. 12 *братовъ* Явка 1592 г. (Арх. Строева I, 685).

(Майк. 22), в виде виноградных *гроздей* Нов. Вр. 1914 № 13933; ср. из *гроздий* златых Дельв. Друзья, Вяз. Две луны, Гл. Усп. 243.— 14. Род. мн. *гуве́ньев* Псков. г. (Доп. к Оп.).—15. Нет *деверьев*, братьев Аблес. Сч. по жер.,—Холмогор. (Ист. 114) Чебокс. (Магн. 132) Шуйск. (Шейн I, 157) Чердын. (Перм. Сб. II, 2, 144) *деверьёв* Детскос. (С. Обнорский) Моск. (id., Сб. II Отд. 75, 2, 113) *деве́рьяв* Судж. (Дурново, Диал. раз. I, 83) Терск. (Тер. Сб. II, 136) Енис. (Кривошапк. I, 110); ср. *де́верей* Шенк. (Манс. 109) Кадник. (Ж. С. XIII, 3, 371) Черепов. (Э. О. 1905, 2—3, 225).— 16. Род. мн. *дере́вьев* общелит. (напр. И вихрь с *деревьев* листья рвет Капн. Утеш. в гор.),—Руз. (Дурново 131); ср. *дерев*[1] Ломон. II, 199 III, 94, Сумарок. VIII, 22, Чулк. I, 126, Фонв. Из. перв. загр. пут., Озер. Фииг. I, 3, Бат. Отр. из пис. рус. оф., Вяз. Стар. зап. кн. IX, 179, XI, 154, 235, 319 XII, 207, 224, Держ. I, 280, 426 III, 86 IV, 6, Пушк. часто (Гроб юноши, Метель, Дубр. и др.), Гог. Гл. из ист. ром., Веч. нак. Ив. Куп., Язык. Стр. сл., Лерм. часто (I, 20, 23, 27, 246, 344 II, 47, 133, 139, 314, 326, 419 IV, 58, 59, 74, 186), Подолинск. Див и Пери V, Прости, Греция, Огар. Зимний путь, А. Тлст. Уж ласточки, Слепой V, Гонч. Обл. I, 9, Телешов, Черн. ночью, Бальм. Сонеты, 193,—ср. колебание *дерев* и *деревьев* у Дельв. Идиллия, Цефиз, Акс. Дет. г. 10, 31, 151, Л. Тлст. В. и м. IV, ч. 3, гл. 10 и 11 (ср. еще—сучья *дерев*, вошел в парк старых *дерев* Х.-Мур., Нет в мире винов.);—ср. в диалектах—з *дерев* вершины попадали К. Дан. 94, Щепк. (*дерёв*, Манс. 115) шесть *дерёв* Олон. (пр. 29) *дирёф* Тотем. (Брок. 40) Орл.-Вят. (Смирн. I, 379) з *дерёф* Моск. (Сб. II Отд. 75, 2, 116) Моск. г. (Безс. IV, 245) Руз. (Дурново 130) *дерёф* Егорьев.

---

[1] Для суждения о произношении формы *дерев* (в виде *дерев* или в виде *дерёв*) имеют значение соответственные показания рифм. Таковы следующие свидетельства. У Ломон. — лев: *дерев*, Держ. — *дерев*: столпов, трудов, Озер. — рев: *дерев*, Вяз. — *дерев*: цветов, *дерев*: дев, *дерев*: напев, Пушк. — дев: *дерев*, Лерм. — *дерев*: холмов, *дерев*: без слов, *дерев*: пришлецов, *дерев*: цветов, *дерев*: кров, *дерев*: снегов, клев: *дерев*, *дерев*: листов, *дерев*: облаков, Подолинск. — *дерев*: богов, *дерев*: дев, Огар. — *дерев*: стволов, Некр. — *дерев*: берегов (I, 297), А. Тлст. — *дерев*: напев, посев, Бальм. — *дерев*: напев.

(Трост. 98) *дярей* Смол. г. (Добров. 165) Новосил. (пр. 77) Брян. (Тихан. 156), — ср. *деревей* Костр. г. (Еремин, 7), Мещов. (пр. 41, 1). — 17. Род. мн. *друзьёв* Петроз. (Тих. и Милл. 43) Охан. (МАН. 130) Смол. г. (Добров. 188) Обоян. (МАН. 95) Дон. (Кир. VIII, 44 = Савел. 109, 128) Ю.-З. Том. (Э. С. VI, 89) Нижнеуд. (Шейн I, 212); ср. *другов* Ломон. часто (I, 16 II, 135, 215 III, 322 IV, 289; *недругов* III, 159), — лучше ста рублев сто *другов* Снегир. 212, — *дру́гов* Тотем. (Брок 121) Черепов. (Ерем. 31) *друго́у* Смол. (Добров. 187); — ср. *друзей* общелит. (ср. *недрузей* Каптем. Сат. I, 129); — ср. *дружьев* братьцев Петроз. (Барс. II, 57) *дружьёв* Сольвыч. (пр. 193) *дружьёв* Верхотиш. (Оп. обл. слов.) *дружьев* к себе призывает Казан. (Варенц. 187) Моск. г. (Безс. I, 53) *дружьёв* Жиздр. (Ник. 324) Зарайск. (Петр. 38) Земл. и Зад. (ИРЯС II, 1, 92); ср. *дружéй*-брацпоф выспрашивает Слобод. (Зел. 50). — 18. Из *дрючьев* Чех. Ярмарка. — 19. С *дубьев* вершины посломалися Уральск. (Тих. и Милл. 67). — 20. Как бы на сапогах *дырьев* не сделать Салт. II, 250. — 21. Братьевъ или сестръ или *дядьевъ* Улож. А. М. XX, 25, Фонв. Письма к родн. 1777, Болот. Зап. I, 17, — *дядьёв* Краснояр. (Селищ. 84); ср. *дядей* Вяз. Стар. зап. кн. VIII, 160, Акс. Дет. г. 115, Гонч. Обр. I, 7, — у этой вдовы был сын и трое *дядей* Тобол. (Смирн. II, 839).[1] — 22. Род. мн. *жырдьёф* Пуд. (Манс. 152) *жéрдьяв* Жиздр. (Ник. 324). — 23. Послать мужиков *залешаньев* Пуд. (Рыбн. I, 76). — 24. *Зверьев* он постреливал Пуд. (ib. 22; Гильф. 227) Онеж. (ib. 1188) Одоев. (Безс. I, 400) Сызран. (ib. V, 206) *зверьёв* Дмитр.-Кур. (Сперанский 43) Мосал. (Дурново, Диал. раз. I, 175) Земл. и Зад. (ИРЯС II, 1, 92). — 25. Род. мн. *зеркáльёф* Пуд. (Манс. 159). — 26. Род. мн. *знамéньёв* Пуд. (Гильф. 375). — 27. Род. мн. *зу́бьев* общелит.; ср. *зубéй* Орл.-Вят. (пр. 63) Колым. (Богор. 10). — 28. Род. мн. *зятьёв* Аблес. Сч. по жер. VII, сыновей и *зятьев* благородных Жук. Одисс. III, 386, на *зятьев* не

---

[1] Ср. в актовом языке: мимо своих *дядь* тѣхъ земель не продати. Правая 1508 г. (Арх. Строева I, 133), *дядей* и племянниковъ Гр. 1681 г., Ск. 1686 г. (А. Кал. I, 323 III, 355).

напасешься Снегир. 244, — ровно семь *зятьев* Шуйск. (Шейн I, 254) Клин. (Черныш. 84) Руз. (Дурново 128) Ельнин. (Добров. 290) Жиздр. (Ник. 324) Балахн. (Ж. С. XX, 1, 38) Данков. (Шейн I, 253) Зарайск. (ib. 255) Обоян. (МАН. 95); ср. *зятей* Фонв. (по Ч. 113), у наших *зятей* много затей Снегир. 419, — *зетей* Шенк. (Манс. 109) Ворон. г. (Филат. 180). — 29. Род. мн. *ка-ме́ньев* общелит. (напр., у Держ. I, 266, Одоевск. Рус. ночи VII, Купр. Олеся), — Петроз. (Ончук. Ск. 231) Повен. (Гильф. 92) Сольвыч. (пр. 193) Кинеш. (пр. 66) Костром. (Виногр. 20) Макар. (пр. 56) Нолин. (пр. 52) Яран. (пр. 59) Руз. (Дурново 128) Судж. (Резан. 219);[1] ср. *камене́й* Сольвыч. (пр. 193) Акмол. (пр. 75); ср. он градом брани и *каменийз* || асыплет вас Вяз. XI, 442, — разных дорогих *камений* Кирил. (Бр. Сокол. 177);[2] ср. *камней* общелит. (напр. Пушк. Пут. в Арзр. IV, Письма I, 20, Чех. Мечты), — *кам-не́й* Онеж. (пр. 260) Тотем. (пр. 192, 201) Ярен. (пр. 194) Устюж. (пр. 199) Чухлом. (пр. 62) Слобод. (пр. 65, 120) Меленк. (пр. 247). — 30. Род. мн. *кли́ньев* общелит. (напр., без топора, без *клиньев*, без *подклиньев* Э. С. VI, 74). — 31. Род. мн. *кло́чьёв* общелит.; ср. в бахроме из снежных *клочий* Брюс. II, 238. — 32. За что-ж это *кнутьев*-то? Гл. Усп. 15; ср. удары извощичьих *кнутов* Лейк. Кус. хл. I. — 33. *Князьёв* со княгинями Онеж. (Гильф. 1106, 1237) Кунгур. (Э. О. 1899, 4, 90) Чердын. (Перм. Сб. I, 2, 60, 70) Казан. (Сборн. Форт. 172) Звенигор. (Кир. VI, 102) Клин. (Черныш. 20) Сызран. (Безс. I, 323) Петров.-Сарат. (М. Сокол. Влр. свад. п. 67) Тульск. г. (Кир. VIII, 45) Обоян. (МАН. 95) Барнаул. (Тих. и Милл. 77, 193); ср. *князе́й* общелит., — Шенк. (Кир. III, 9) Каргоп. и Петроз. (Рыбн. II, 14, 60; Гильф. 458, 614 и др.). — 34. Род. мн. *коло́сьев* общелит. — 35. Род. мн. *ко́льев* (напр. Бун. Дер. I). — 36. Род. мн. *колюцьев* Повен. (Ончук. Ск. 418). — 37. Род. мн. *ко́мьев* общелит. (напр. М. Горьк. Ф. Горд. IV, Бун. Дер. I). — 38. Род. мн. *коре́ньев* общелит. (о зелени, идущей в пищу), — без *кореньев* растет Садовн. 57, дубы с *кореньёв* по-

[1] Ср. в белор. *каменьняў* и др. (Карский II, 2, 244).

[2] Ср.: пять *каменей* въ ней (т. е. в гривне) Отп. гр. XVI в. (А. Кал. II, 633).

сломался Уральск. (Тих. и Милл. 278) Тульск. г. (Э. С. VI, библ. 16) Ряз. (ib. 63) *кор́енјьв* Руз. (Дурново 128) Новосил. (Шейн I, 213); ср. *корне́й* общелит. — 39. Род. мн. *коробьёв* Карсун. (пр. 67). — 40. Кроме становых *костьёв* Онеж. (Гильф. 1274) Петроз. (Ончук. Ск. 315). — 41. В хваленой капусте много гнилых *кочаньев* Снегир. 58. — 42. Род. мн. *коцотьёв* Меленк. (пр. 247). — 43. Род. мн. *кренде́льев* Буйск. (пр. 18). — 44. Род. мн. *кры́льев* общелит. (напр. Держ. II, 220); ср. *кры́лья, кры́лей* Вышневол. (Доп. к Оп.), — ср. *крылий* трепетанье Княжн. Вечер, Жук. Пери и анг., Венев. (по Ч. 114), Павлов, Три пов. 23, угасла страсть, мечта без *крылий* Подолинск. II, 139, взмахи серафимских *крылий* Брюс. II, 286 III, 147, Бальм. V, 89; — ср. без *крыл* летит, без ног бежит Э. С. VI, 112, Снегир. 245, Чулк. I, 568, в тени их *крыл* могучих Озер. Каменскому, Держ. I, 157, 169, 241, Жук. Ив. жур., Вяз. III, 443 XII, 124, под сенью тихих *крыл* Пушк. Посл. к Галичу 1815, а ты без *крыл* и слаб Крыл. Орел и паук, шум от *крыл* Гог. Вий, чернее враньих *крыл* Подолинск. Мелодия, Див и Пери XII, Тург. (по Ч. 113), опухоль между *крыл* Леск. II, блеск небесных *крыл* Брюс. III, 75, Муйжель, Вне жизни IV, — между сизых *крыл*, без *крыл* Дон. (Савел. 114; Кир. VIII, 86). — 45. Род. мн. *ли́стьев* общелит. (о растении); ср. *листе́й* Нижнеуд. (Вин. и Черных, 12); ср. *листо́в* общелит. (о бумаге, железе и под.), ср. с легким шумом колеблющихся *листов* Ломон. III, 123, меж *листов* Дождь крупный пробивался Жук. Вадим. — 46. Род. мн. *лохмо́тьев* общелит. — 47. Род. мн. *лошадьёв* Мосал. (АГО. XV, 30). — 48. Род. мн. *лукьёв* Терск. (Караул. 21). — 49. Род. мн. *мужьёв* Пушк. Е. О. V, 4, Ист. с. Гор., Отр. из ром., Ист. Пуг. б. V, хвост отставных *мужьев* Лерм. Булевар, она *мужьев* меняла в роде бы лакеев М. Горьк. Детство IX, — Черепов. (Ерем. 31) Екатеринб. (Зел. Ск. 192) Кунгур. (Э. О. 1894, 4, 92) за *мужьев* ушли Горохов. (ib. 1916, 1—2, 120) Смол. (Добров. 421) Жиздр. (Ник. 182) Данков. (РФВ. 28, 94) Зарайск. (Петр. 38) Касим. (Будде, К ист. 335, 343) Новосил. (id. 35) Курск. г. (МАН. 88) Обоян. (Хал. 256; МАН. 95) Обоян. и Судж. (РФВ. 21, 112) Щигр. (Хал. 83) Нерч. (МАН. 181);

ср. *мужéй* общелит. (у Фонв., Гриб., Пушк., см. Ч. 112). — 50. Род. мн. *обру́чьев* Костром. (Виногр. 77) шесть *обручьё́в* Котельн. (Зел. Ск. 94). — 51. Род. мн. *огузьев* Росл. (Оп. обл. слов.). — 52. Род. мн. *окуньев* Солигал. (Ж. С. VII, 3, 458) Нолин. (пр. 52). — 53. От суха дуба *отростьев* нет Терск. (Тер. Сб. III, 122; Панкр. 122). — 54. Род. мн. *пеньев* Шадр. (Перм. Сб. II, 2, 173) Колым. (Богор. 328). — 55. Род. мн. *пéрьев* общелит., — Повен. (Гильф. 121). — 56. Род. мн. *повóдьев* общелит.; ср. не шевеля почти и *поводов*, Конь слушался его лишь слов. Крыл. Конь и вс. — 57. Род. мн. *полóзьев* общелит. (напр. Лерм. Сашка, Гл. Усп. 133). — 58. Род. мн. *полéньев* общелит. (напр. Лейк. Рукоб. I, 5, Гл. Усп. 128), — Холмог. (пр. 50) Костром. (пр. 264); ср. сто *полен* в запасе, а на истопку не будет Э. С. VI, 39, четверо *полен* Холмогор. (пр. 50), колько *полен* Никол. (МАН. 32) охапку *полен* Белоз. (Бр. Сокол. 520). — 59. *Постельев* много Петроз. (Ончук. Ск. 223). — 60. Род. мн. *поéсьёф* Пуд. (Манс. 157). — 61. Род. мн. *пру́тьев* общелит. (напр. Лейк. Третья жена); ср. и дали им по 12 *прутов* железных Алексин. (Майк. Закл. 747). — 62. Род. мн. *путьёф* Руз. (Дурново 128). — 63. *Сватьев* засылати Чебокс. (Магн. 77) *сватьёф* Оренб. (РФВ. 56, 240) Лукоян. (Ж. С. XV, 1, 55) *сватьев* не было Петров.-Сарат. (М. Сокол. Был. 3) Терск. (Караул. 21); ср. *сватéй* Нижнеуд. (Вин. и Черных, 12); ср. *сватов* в дом приняли Бельск. (Смирн. II, 518) *сватóв* Мещов. (Черныш. 74) жди *сватов* к себе Тульск. г. (Э. С. VI, библ. 8) Колым. (Богор. 206). — 64. Налетала полан Дунай *селезьёв* Обоян. (РФВ. 38, 121). — 65. Сюртук нашего приятеля затемнял прочих *собратьев* своих Гог. Две гл. из ист. пов. I; ср. *собратий* ток лиет кровавый Капн. На счастие, Вяз. II, 11, Струговщ. Нар. писат., Бенед. Могила, Язык. Вульфу, Одоевск. Ск. о мерт. теле, Лерм. I, 87 III, 95, Гл. Усп. 267. — 66. Род. мн. *солдатéй* Слобод. (пр. 141). — 67. *Сóльев* полка верховата Орл.-Вят. (Зел. 148). — 68. Род. мн. *сту́льев* общелит. — со *стульев* Пуд. (Гильф. 318); ср. *сту́льеф* и *сту́лаф* Зарайск. (Петр. 40). — 69. Род. мн. *су́чьев* общелит. (напр. Бун. Зах. Вор.); ср. *сукьё́в* Терск. (Караул. 21). — 70. Род. мн. *сыньёф* Егорьев. (Шахм. 215)

сколька *сыньёф*-та жынила Касим. (Будде, К ист. 361). — 71. Род. мн. *тарака́ньив* Цивил. (пр. 143) Инсар. (пр. 231) Мокш. (*тараканьёв*, пр. 232, 1) Чембар. (пр. 229) Жиздр. (Ник. 324) Елецк. (пр. 111) Ряз. г. (РФВ. 28, 25); ср. *тараканьев* и *тараканей* Мещов. (пр. 150). — 72. Род. мн. *татьев* Болх. (Безс. VI, 104). — 73. Ср. род. мн. *тетеревей* общелит. (Держ., Бат., Тург. и др., см. Ч. 113); ср. бездна *тетеревов* Акс. Сем. хр. 17, Дет. г. 272. — 74. У *топорьев* по обух лезвиё обломалося Нолин. (Варенц. 101). — 75. *Тра́вьев* нет Петроз. (пр. 30). — 76. *Трубьёф* сколько Пуд. (Манс. 159). — 77. Род. мн. *у́гольев* Гонч. Обл. I, 8, Обр. IV, 12, — Петроз. (Ончук. Ск. 276) Белоз. (Бр. Сокол. 23) Костром. (Виногр. 20) Руз. (Дурново 128) Ворон. г. (Филат. 181); ср. *углей* Ломон. IV, 422 V, 29, Лейк. Стр. ср. удов., — *вуглей* Медын. (МАН. 70), *у́галей* Боровск. (Черныш., Изв. XIII, 278) *уголе́й* Мещов. (пр. 41, 1) *уһа́ллей* Мосал. (РФВ. 38, 192) *агуле́й* Обоян. (ib. 97). — 78. (Гуж) о семи *хвостьев* Красноуф. (Шейн I, 357). — 79. Род. мн. *холопьев* Пушк. Е. О. VII, 47, Ист. Пуг. б. VIII; ср. *холопей* Гр. 1680 г. и др. (А. Кал. I, 568 II, 124 и др.), Улож. А. М. XX, 9, П. и бум. П. В. I, 74, Сумар. X, 154; *холопей* считаете вы своим имением Радищ. Пут. из Пет., Пушк. V, 32, 176, — *холо́пей* Брянск. (пр. 258). — 80. Взгляни *черепьев* на костры Держ. III, 167. — 81. Род. мн. *чурба́ньев* Ветлуж. (Н. Тлст. Заволж. оч. 86). — 82. Род. мн. *шильев* Акс. Сем. хр. 526; ср. 150.000 *шилъ* по образцу П. и бум. П. В. III, 323. — 83. Род. мн. *шу́рьев* Восток. 36, — *шурьев* царь дарил К. Дан. 13, Шенк. (Ж. С. XII, 3, 506) Кирил. (Бр. Сокол. 379); ср. у *шурей* своихъ Росп. 1692 г. (А. Кал. III, 148), Шенк. (Манс. 109) Владим. (Влад. Сб. 40). — 84. Род. мн. *щельев* Усол. (Оп. обл. слов.) *щильев* Заонеж. (Рыбн. IV, 219). — Ср. еще постоянный род. мн. на *-ёв* у имен существительных типа *юнкерья, учителья, писарья, кучерья* и т. п. Доп. (Сол. 10). Напротив, в Терск. у имен, оканчивающихся в им. мн. на *-я*, постоянный род. мн. на *-ей*: *брате́й, корине́й, поижине́й* и т. д. (Караул. 21).

Распространение окончания *-ов*, *-ев* в данной группе имен существительных обязано аналогическому воздействию слов

муж. рода с основою на -j-, имеющих нормальными формами родительного мн. формы на *-ов*, *-ев*: бои — *боёв*, обычаи — *обычаев*. Самую эпоху сложения этих новообразований трудно установить с определенностью. В актовом языке, как и в старом литературном языке, новые формы на *-ов*, *-ев* очень редки; ср. единичные формы *братьев*, *дядьев* от периода XVII века. Новые формы шире выступают начиная с Петровской эпохи, особенно же со второй половины XVIII стол., окончательно с этой поры закрепившись в литературной речи. Ср. рекомендуемую у Ломоносова в грамматике форму род. мн. *братей*, и вообще полное отсутствие у него соответственных форм на *-ов*, *-ев*; напротив Востоковым нормируются уже формы последнего типа, напр. род. мн. *шурьев*. В настоящее время в литературном языке нормой служат формы на *-ов*, *-ев*. Но от отдельных слов возможно колебание форм на *-ов*, *-ев* и на *-ей*, или употребительны одни формы на *-ей*. Ср. только формы на *-ей* — *друзей*, *князей*, *мужей*, также — *обручей*, *тетеревей*, или возможность подобных же форм в случаях — *гроздей*, *дядей*, *зятей*, *углей*, *холопей*, также с написанием (по архаическому образцу) *-ий* вм. *-ей* — *(со)братий*, *гроздий*, *крылий*, *ключий*. *камений*. В диалектическом употреблении в большинстве этих случаев имеются формы на *-ов*, *-ев*. В этом смысле на отмеченные формы литературного языка должно смотреть вообще как на архаические формы. Причины их сохранения в отдельных приведенных фактах различны. В ряде форм следует усматривать остаток старых образований как наследие церковнославянского слоя в нашем языке (литературном). Сюда относится форма старого литературного языка *братий*, уступившая место в современной речи форме *братьев*; впрочем, и в настоящее время в значении членов монастырской общины употребительна еще в литературном языке архаическая форма *братий*. (ср. в этом же значении употребление в ед. числе *братия* рядом с *братья*). Далее сюда принадлежат формы *друзей*, *князей*, *мужей*. Такими же архаическими формами служат формы *крылий* и *каме-*

ний, причем последняя форма соответствует древне-русской форме от собирательного к а м е н и к и сохранение ее объясняется употреблением в особом значении (именно — в отношении драгоценных камней), первая же форма — *крылий* — явилась новообразованием к старой форме им.-вин. дв. числа к р ы л ѣ, ср. при п л е ч и, к о л ѣ н ѣ и под. — род. мн. *плечей, коленей* и т. д. Форма *клочий* также является архаической формой искусственного сложения, ср. обычную в литературном употреблении форму *клóчьев.* Все прочие примеры форм на *-ей* объясняются употребительностью в именительном мн. от соответственных существительных рядом с формами на *-ья* также форм на *-и.* Таковы — *гроздей* (*гроздий*), *дядей, зятей, углей, холопей, обручей, тараканей, тетеревей,* ведущие к именительным мн. *грозди, дяди, зяти, угли, холопи, обручи, таракани, тетереви.* Некоторые из этих последних форм (им. мн.) существуют и в современном литературном употреблении рядом с формами на *-ья,* напр. *грозди, угли, холопи,* ср. также форму *обручи,* только в этом виде известную в литературной речи (форма *обручья* свойственна лишь диалектам); в остальных случаях формы на *-и* либо были в употреблении в старом языке (напр. *дяди*), либо должны предполагаться существовавшими в нем теоретически (им. мн. *зяти, тетереви*). В диалектической речи, как замечено, в соответствии с приведенными формами на *-ей* обычно являются формы на *-ое, -ев,* которые, проникая при посредстве отдельных писателей в литературный оборот, постепенно вытесняют из него старые формы на *-ей.* Ср. формы *мужьев, холопьев* и др., вошедшие в оборот речи таких классиков, как Пушкин и Лермонтов. Однако и в диалектической речи известны от отдельных слов формы на *-ей* вместо ожидаемых форм на *-ов, -ев.* Ср. в приведенном материале формы *братей, деверей, дружей, зубей, муксуней, солдатей, шурей,* может быть, также *годий* (единичные формы *деревей* не ошибка ли вм. *деверей?*). Не во всех этих случаях можно говорить с уверенностью об образованиях от форм им. мн. на *-ья.* Так формы

им. мн. *годья, солдатья, максунья* неизвестны в источниках; поэтому для этих примеров с формами на *-ей* в род. мн. можно предполагать и наличность иных причин. Так в форме *годий* можно видеть образование на *-ей* и к именительному мн. **годи*, как к архаической форме на *-и*, ср. выше подобные случаи *ангели, беси* и проч., и к местному мн. *годѣхъ*, о чем речь ниже. Форма род. мн. *зубей* могла иметь подобное же происхождение. То же можно предполагать для объяснения род. мн. *муксуней, солдатей,* как образований от слов не русских, а заимствованных. В остальных примерах на *-ей* (*братей, деверей, дружей, шурей*) следует усматривать ту же основую причину, что и в отмеченных литературных формах на *-ей,* как *мужей* и пр., т. е. и в данных формах следует предполагать влияние книжной традиции, препятствовавшей возобладанию в языке новых соответственных образований на *ов. -ев.* Ср. наличие значительного числа свидетельств об этих формах на *-ей* из песенного языка, вообще сохраняющего много черт традиционного архаического характера. Интересно отметить преобладание употребления форм на *-ей* в области северновеликорусского наречия и отчасти в полосе переходных или смешанных говоров. В чистой южновеликорусской черте говоров отмечены лишь единичные факты с употреблением формы *братей* (в Воронежской губ. и Терской обл.). В этом отношении характерно и подчеркнутое выше отсутствие форм на *-ов, -ев* у Ломоносова, дающего в частности выдержанное употребление формы *братей.* В этой черте отразилась диалектическая особенность языка Ломоносова.

Родительный мн. от имен существительных на *-овья.*

1. Убил сорок *бояровей* Онеж. (Гильф. 931). — 2. Род. мн. *братовéй* Шенк. (Манс. 109) Никол. (id. 216; пр. 266) Тотем. (Брок 121) Кирил. (Бр. Сокол. 253, 432) Черепов. (Ерем. 31) Буйск. (пр. 18) Пошех. (Ж. С. VI, 2, 233) Котлас. (Тр. Вят. Пед. И. III., 75) Бирск. (С. Обнорский); ср. *братовьёв* Екатеринб. (Зел. Ск. 71, 167, 219) Шадр. (С. Обнорский) Краснояр. (Селищ. 84)

Енис. (Кривошапк. I, 119). — 3. Не надоть мне *даровьев* драгоценных Пуд. (Рыбн. I, 64). — 4. Не имей сто рублей, а имей сто *друговей* Шенк. (Манс. 109). — 5. Желанныих моих *дядевей* Повен. (Рыбн. III, 374). — 6. Род. мн. *зятевей* Черныш. Прав. 112, — Печор. (Ончук. Был. 196) Тотем. (Брок 121) Котлас. (Тр. Вят. Пед. И. III, 75) Смол. г. (Шейн I, 256) Луж. (Кир. I, 59; РФВ. 40, 112) Енис. (Селищ. 84); ср. *зятевъёв* Онеж. (Кир. IV, 75) Луж. (ib. I, 62) Красноуф. (Шейн I, 348) Екатеринб. (Зел. Ск. 63) Нижегор. г. (рядом *зятевей*, Пам. вяр. н. 50, 54). — 7. Соседей всех и *кумовей* Крыл. Кр. в беде; ср. *кумовьев* Л. Тлст. (по Ч. 112), — Сольвыч. (пр. 193) Обоян. (МАН. 95) Шадр. (С. Обнорский). — 8. Род. мн. *мужовéй* Шенк. (Манс. 109) Пуд. (id. 158) Никол. (пр. 266) Тотем. (Брок 121) Костром. (пр. 264) Котлас. (Тр. Вят. Пед. И. III, 75) Соликам. (МАН. 137); ср. *мужевьев* Колым. (Богор. 197). — 9. На *пановей* Арханг. г. (Кир. VI, 115) Пуд. (Рыбн. I, 429); ср. *пановьев* Пуд. (ib. II, 287; Гильф. 399). — 10. Знакомых да *сватовей* у него чуть не целый уезд Салт. I, 19, — Повен. (Ончук. Ск. 347) Пуд. (Рыбн. IV, 60) Буйск. (пр. 18) Ром.-Борисогл. (Кузн. 14) Шадр. (С. Обнорский). — 11. Род. мн. *сыновей* общелит.; ср. дерет за волосы женатых *сыновьев* Бун. Дер. II, — Онеж. (Кир. IV, 75; Гильф. 1192, 1237) Костром. (Виногр. 77) Екатеринб. (Зел. Ск. 157, 236) Шадр. (С. Обнорский) Цивил. (пр. 143) Оренб. (РФВ. 56, 240) Белеб. (Изв. X, 2, 102) Верейск. (Черныш., Изв. XIII, 134) Руз. (Дурново 128) Васильсур. (Нижег. Сб. III, 118) Мещов. (пр. 41, 1) Ефрем. (АГО. XLII, 15) Зарайск. (Петр. 41) Касим. (пр. 47) Скопин. (Будде 146) Обоян. (МАН. 95) Ворон. (АГО. IX, 23) Зад. и Земл. (ИРЯС II, 1, 102) Дон. (пр. 42, 2); — ср. у него шесть *сыновъ* Разбор 1675 г. (А. Кал. III, 91) четырехъ *сыновъ* Дух. гр. 1473 г. (Арх. Строева I, 39) 9 *сынов* К. Дан. 151, Онеж. (Гильф, 1265) Печор. (Ончук. Ск. 24) Вытегор. (Пам. вяр. н. 92) Петроз., Повен., Пуд. (Гильф. 121, 149, 554; Манс. 158; Рыбн. III, 102, 340 IV, 10, 45, 100) Каргоп. (Рыбн. I, 315; Гильф. 1311) Вельск. (Смирн. I, 161) Никол. (при числительных, Манс. 213) двух, трех *сынов* Кирил. (Бр.

Сокол. 11, 281) вного, 12 *сынов* Черепов. (Смирн. I, 323; Ерем 57) 5 *сынов* Яросл. (РФВ. 24, 56) трех *сынов* Слобод. (пр. 222) Юрьев. (Черныш. 4) Луж. (РФВ. 40, 118) Весьегон. (Тр. МДК. II, 156) 6 *сыно́ф* Клин. (Черныш. 20) Бельск. (Смирн, II, 532) 6 *сыноў* Смол. г. (Добров. 896) Медын. (пр. 263) трех *сынов* Мещов. (пр. 267; Черныш. 144, 172) 7 *сынов* Ряз. г. (Ж. С. IV, 2, 293) 9 *сыное* Обоян. (РФВ. 38, 131; Резан. 247) 9 *сынов* Щигр. (РФВ. 2, 282) Дон. (Харузин I, 73) 7 *сынов* Енис. (Э. О. 1916, 1—2, 88) Гжат. (Безс. I, 632) Сызран. (ib. 636) Моск. (ib. 641) Зарайск. (М. Сокол. Был. 16) Симб. (Кир. I, 92) Барнаул. (Тих. и Милл. 4), — та же форма у Ломон. I, 156 II, 7 V, 277, Держ. I, 158, 201 II, 11, Фонв. Письмо Елагину 1769, Радищ, I, 127, Жук. Песнь барда, Гриб. Давид, Пушк. Дон, Ост. автоб., Язык. Павловой, Салт. II, 173. — 12. Род. мн. *татаровей* Арханг. г. (Варенц. 99; Марк. I, 85) Шенк. (Кир. II, 88) Вытегор. (Рыбн. II, 36) Онеж. (Гильф. 177, 956, 1152) Петроз., Повен., Пуд. (id. 20 и др.; Кир. II, 119; Рыбн. I, 29 и др.) *татаревей* Онеж. (Гильф. 184) Пуд. (ib. 246, 299) Новолад. (Тих. и Милл. 275) *татареней* Онеж. (Гильф. 931); ср. *татаровьев* Пуд. (ib. 399, 409) *татаревьев* ib. (id. 705). — 13. Род. мн. *улановей* Арханг. г. (Кир. VI, 115) Онеж. (Гильф. 1216) Каргоп. (ib. 1315) Пуд. (Рыбн. I, 429); ср. *улановьев* Пуд. (ib. II, 287; Гильф. 399). — 14. Род. мн. *шуровей* Тотем. (Брок 121).

В литературном употреблении от имен на *-овья* в отличие от имен на *-ья* нормой родительного падежа, как видно, служит архаическая форма на *-ей*. В этом смысле единичные случаи литературного употребления форм *кумовьев, сыновьев*, можно считать диалектизмами. В самой диалектической речи однако также преобладают формы на *-ей*, особенно характерные для области северновеликорусского наречия. Правда, следует иметь в виду, что большинство приведенного материала из народного языка принадлежит не непосредственной живой речи, а песенному языку. Это последнее обстоятельство делает понятным сохранение здесь форм на *-ей*, именно как архаических, тради-

ционных форм, и позволяет выставить предположение об их влиянии на обобщении данного типа форм в прочем кругу имен существительных на *-овъя*, в частности на образованиях род. мн., как *братовей, сыновей, мужевей, сватовей, зятевей, шуровей*, которые свойственны живой народной речи.[1]

Еще одно замечание можно сделать в отношении обоих перечней форм род. мн. и от имен на *-ъя* и от имен на *-овъя*. От отдельных имен существительных употребляются формы род. мн. как нормальные образования на *-ов* или с нулем флексии, как образования от иной темы их, не совпадающей с темой, лежащей в основе их формы именительного падежа мн. числа на *-ъя*. Эти формы, вообще характерные для южновеликорусских говоров, известны и в полосе северновеликорусского наречия. И здесь и там по свидетельству приведенного материала они особенно часты в употреблении после числительных. Это обстоятельство весьма важно. Оно подтверждает правильность выставленного выше общего положения о происхождении форм им. мн. на *-ъя*, долженствовавших отражать оттенок собирательности, но не чистую множественность. Поэтому в положении после числительных, когда должна была быть выражаема чистая множественность, сохранялись старые типы склонения, представляемые в отмеченных формах типа *братов, полен, сынов* и под.

В связи с рассмотрением судьбы род. мн. от имен существительных, оканчивающихся в именительном мн. на *-ъя* и *-овъя*,

---

[1] А. А. Шахматов в объяснение различия в родительном мн. флексии *-ей* и *-ъев* у имен, оканчивающихся в именительном мн. на *-ъя* и *-овъя*, предполагает старое различие образований — с одной стороны собирательных на *-ъя* и *-ъе* ж. и ср. рода, имевших ударение на основе, с другой стороны собирательных на *-ъя* лишь ж. рода, с ударяемостью на окончании (на *-ъя́*). Первый ряд привел к формам род. мн. на *-ъев*, второй ряд — к формам на *-ей* (Оч. совр. рус. лит. яз. 119). Ср. с одной стороны — *братьев, сучьев, каменьев*, с другой — *мужей, друзей, сыновей*. Это положение однако представляется теоретическим и встречает противоречие в фактах на *-ей*, как *братей* и под., с одной стороны, и обратно в случаях в роде *мужьев* и под. с другой стороны. Самая категория собирательных ж. рода на ударяемое *-ъя́* вряд ли существовала: старые собирательные типа *дядья, князья* и под. звучали, как и собирательные типа *братья*, с ударением на основе.

следует заметить о соответственной диалектической форме род. падежа на *-ьей* или *-овьей*. Ср. в Арханг. г. — на многих *князьей* (Марк. 57); Беломор. — *братьей* (Изв. VII, 3, 32); Печор. — *бра́тьей* и *братье́й, сыновье́й, зятевьей, дружьей*-товарищев (Ончук. Ск. 41, 42, 59, 85, 112; Был. 57, 195, 196, 227); Шенк. — *бра́тьей* (Манс. 109). — Олон. г. Вытег. и Каргоп. уу. — *братьей* (Колос. Зам. 124); Каргоп. — много *князьей* (Гильф. 1301). — Волог. г. Кадник. у. — *зятьей, зятевьей* (Смирн. I, 205, 207); Сольвыч. — из *шурьей* дорогих (Ж. С. VI, 1, 102); Тотем. — *братьей* поминать (ib. XXI, 2, 226) *кнезье́й* (Брок 121). — Новгор. г. Белоз. у. — *князье́й, зятье́й* и т. п. (Колос. Зам. 24) *зятьей, братьей* (при *братей*, Тр. МДК. II, 61) *братьей, дру́жье́й, зятьей* (Бр. Сокол. 60, 70, 400, 489); Кирил. — у *дедьей* (ib. 221); Крестец. — *братьей* (Ж. С. V, 3, 449); Черепов. — *бра́тьей, кнезье́й, друзье́й* (Ерем. 31) *сыновье́й* (Герасим. 15). — Смол. г. Бельск. у. — *братье́й* (при *брате́й*, Смирн. I, 517). — Сибир. Барнаул. у. — *братье́й* (С. Обнорский).

Эти формы должны быть объединены с отмеченными выше (с. 179, 192) соответственными формами, как — *воробьей* и под. муж. рода, *судьей* и др. ж. рода. Территория распространения их одинакова: это — Архангельская, Олонецкая и Вологодская г. (в частях), также восточные уу. Новгородской губ. Соответственная форма из Бельского у. (*братьей*) стоит особняком: это, очевидно, захожая черта, пришедшая из Новгородской области. Впрочем, ср. еще отмеченную выше форму род. мн. *платьей*, известную в единственном устарелом свидетельстве Даля (О нар. LXIV), форму, также стоящую особняком за своей единичностью.

Из остающихся явлений, связанных с образованием родительного п. мн. числа, следует указать на диалектические формы род. мн. на *-х*. Имена существительные, оканчивающиеся в родительном мн. на *-ов, -ев*, звучат в живой речи либо в виде форм на *-оф, -еф*, либо в виде форм на *-оў, -еў*. Рядом однако в незначительных показаниях наблюдателей выступают соответ-

ственные формы на *-ох, -ех*. Ср. в Петроз. — гди *медведях* много (Ончук. Ск. 204); Тотем. — *рыжикох* (Сб. II Отд. 99, 2, 63); Орл.-Вят. — *товáрох* куда девать-то (Уч. Зап. Казан. У. 1896, 10, 33); Яран. — *векох, десяткох, начальникох* (Шахм. II, 652); Краснослобод. — *быкох, дворох, столох* (Тр. МДК. II, 33); Велик. кол. — у *гаспадáх*, в наших *девушках* (Собол. Оп. 31); Темник. — *пудох, купцох* (Тр. МДК. III, 36); Клин. — *домох* (МДК. XI, 190); Можайск. — с *небя́х* (= с небес, Слов. Акад.); Меленк. — *домох, столох, пирогох, блинох* (МДК. XI, 41); Касим. — *арехах* надо, на́ петь *дварох, зубох*-та нет, *патсулнушках, малышох, барышох* и др., *самоварах*, из *листкох* (Будде, К ист. 33, 72, 168, 361, 363, 365, 366), от *дехках* (пр. 111, а); Вост.-Сибир. — шесть *песцох, медведёх* (Селищ. 34), из *мешкох, прутьёх* (Собол. Оп. 67) *лапочкох, старикóх, теслóх* (Богор. 11) от *песцёх, лисицёх, медведёх* — Якут. обл. (Собол. Оп. 67).[1]

Повидимому, во всех данных формах результат не морфологического явления, а след фонетического изменения конечного согласного *ф* (из *в*) в направлении к *х*. В отношении ряда приведенных указаний можно действительно отметить, что соответственным говорам известно как общее фонетическое явление изменение *ф* в *х*. Ср. такой переход *ф* в *х*, отмечаемый наблюдателями в Петрозав. и Яран. уу., также в Вост. Сибир. области; имеются соответственные показания и для Касим. у. В фактах, приведенных из Великол. у., можно усматривать синтактическое явление, именно употребление формы местного мн. с функциями родительного падежа; такого же характера Можайская форма с *небях*. Неясны данные из Клин., Меленк., Темник. и Краснослоб. уу., также из Орл.-Вят. у. Вятской губ. Однако в виду показаний Яранского говора о наличности здесь перехода *ф* в *х*, можно теоретически предполагать наличие этой черты и в Орл.-Вят. у. (ср. здесь форму род. мн. *товарох*). Итак, кроме данных из Клин., Меленк., Темник. и Краснослоб. уу., все прочие факты

---

[1] Отсюда на аналогической почве формы местного мн. на *-ох*: о *солдатох*, о *дуракох* Малмыж. (Сб. II Отд. 99, 2, 80).

более или менее объясняются чисто фонетической почвой своего происхождения. Можно поэтому теоретически и в остающихся показаниях видеть тот же результат чисто фонетического взаимодействия звуков *ф* и *х*. Как известно, подобные формы и с той же фонетической их подосновой наблюдаются в диалектах украинского языка: в угрорусском (Брок 81 и др.; Верхр. Знад. II, 73 и др.), в пряшевском говоре (*рукох, панох,* Гнатюк 67), в говоре галицких лемков (*руснакох, сынох,* редко, Верхр. 118).

Из фактов, относящихся к образованию род. мн. от старых основ на согласные, можно указать на следующие.

Как остаток архаического образования формы следует отметить форму *дён*, ведущую к исконной соответственно форме *дьнъ*. Форма *дён* диалектически известна в белорусском (Карский II, 2, 232), но особенно широко она распространена в черте великорусских говоров. Ср. ее в Беломор. (Изв. VII, 3, 31) много *дён*, 5 *дён* Онеж. (Смирн. I, 14; Ончук. Ск. 578) тех *дён*, adv. Холмогор. (пр. 50) Шенк. (Манс. 110) 20 *дён* Каргоп. (Колос. Зам. 190) 10 *ден* Петроз. (Барс. II, 222; Гильф. 581; Рыбн. IV, 85, ср. также — теплых *ден*, ib. III, 440) 12 *ден* Повен. (Ончук. Ск. 443; Гильф. 133) Пуд. (Манс. 147; Рыбн. III, 87; Гильф. 308, 363) Никол. (пр. 266) с первых *дён* Кадник. (Ж. С. XIII, 3, 379) 9 *ден* Боровнч. (Смирн. I, 241) 7 *ден* Тотем. (РФВ. 18, 239) 6 *ден* Белоз. (Бр. Сокол. 65) 12 *ден* Кирил. (ib. 237) Новгор. (Сол. 8) тых *ден*, adv. Устюж. (пр. 199) 18 *ден* Черепов. (Э. О. 1905, 2—3, 200; Ерем. 21) Буйск. (пр. 18) Костром. (пр. 264) Чухлом. (Ж. С. IX, 3, 344) *ден* девять Пошех. (Э. С. II, 39) Яросл. г. (Якушк.) трех *дён* Котельн. (Зел. Ск. 170) 40 *ден* Нолин. (Варенц. 53) 6 *ден* Орл.-Вят. (Смирн. I, 409) тех *ден* Ярап. (пр. 59) Екатеринб. (Зел. Ск. 60) Шадр. (С. Обнорский) Владим. (МАН. 16) Мышк. (пр. 78) 30 *ден* Сузд. (Черныш. 19) Семен. (пр. 118) Гдов. (пр. 11) Луж. (РФВ. 40, 99) Весьегон. (Тр. МДК. III, 136) несколько *ден* Каляз. (Смирн. I, 484) Твер. (Тр. МДК. III, 142) трёγ *дён* Вязем. (ib. II, 80) Моск. (Собол. Оп. 12; Шахм. Оч. 135) Руз. (Дурново 137) с молодых *ден* Ардат. (Э. С. V, см. 30) Арзамас. (АГО. XXIII, 124) 14 *дён* Балахн. (Ж. С.

XX, 1, 40) 12 *ден* Нижег. г. (Пам. влр. п. 52) 5 *ден* Курмыш. (Мат. Варш. 135) Симб. (Мотов. 11) Сердоб. (Уч. Зап. Сар. У. VI, 3, 350) Жиздр. (Ник. 324) 6 *ден* Мещов. (пр. 267; Черныш. 161) Богородиц. (Изв. III, 853) Ливен. (Сб. II Отд., 99, 2, 26) 40 *ден* Новосил. (Будде 20; Тр. МДК. I, 96) Карач. (Будде 67) Зарайск. (Петр. 5, 41) 40 *ден* Раненб. (Безс. I, 538) 7 *ден* Грайвор. (пр. 279) Судж. (Резан. 246) Ворон. г. (Филат. 180) Валуйск. (пр. 261) до трех *дён* Терск. (Караул. 21) 5 *дён* Тобол. (пр. 21). Обращает на себя внимание преимущественное употребление этой формы в черте северновеликорусского наречия по сравнению с южновеликорусским наречием. Кроме того нельзя не отметить главенствующего употребления формы либо в застывших наречных сочетаниях (тех *ден* и др.), либо в соединении с числительными или вообще количественными словами. Это объясняет причину самого сохранения в языке данной архаической формы. Ср. выше сказанное о формах *аршин*, *пуд* и под., *братов*, *сынов* (не *братьев*, *сыновьев*) и др. Форма род. мн. *дён* до недавнего времени составляла принадлежность литературной речи, правда, являясь сравнительно редкой в употреблении. Ср. въ сколко *денъ* сюда поспѣли П. и бум. П. В. VI, 143; более 4 *ден* Хемн. 72; из этих *ден* я не забыл одни, прежде двух *ден* Лерм. Джюлио, Вадим XXIV; до девяти *ден* Акс. Дет. г. 222.[1] В современном языке у писателей форма возможна лишь в стилизованной на народный лад речи: 20 *ден* возили, не свозили всех мертвых-то Л. Тлст. В. и м. IV, ч. 4, гл. 8, десять *ден*, за пять *ден* Лейк. Из эп. VII, Кус. хл. VI, семь *ден* сидел Бун. Дер. II. И здесь, как видно, форма исключительно употребляется после числительных. Рядом с формой *дён* известен ее вариант с палатальностью конечного согласного: из *день* в день Кантем. Письмо Остерману (Майк. 2), — пять *день* Нижнеуд. (Шейн I, 264). Происхождение этой разновидности формы неясно.

Подобно сохранению архаической формы род. мн. от существительного *день*, аналогичные образования возможны и для

---

[1] Ср.: на колико *денъ*. Правая гр. 1518 г. (Арх. Строева I, 155).

имен существительных *полдень* и *будень*.[1] Ср.: а) после *полден* Журн. Ак. Наук 1721—22 г. (Майк. 297, 305) до *полден*, с *полден* Хеми. 398, 401, почти до *полден*, около *полден*, после *полден* Акс. Сем. хр. 38, Дет. г. 65, 75, 235, 347, 420, до *полден* Некр. I, 315, терялся луч больных *полуден* Брюс. II, 95, около *полуден* М. Горьк. Злодеи I, Ледоход, — до *полдён* спала Арханг. (МАН. 192) *полдён* и *полудён* Шадр. (С. Обнорский) с *полден* Покров. (Э. О. 1911, 3—4, 201) до *полдён* Новгор. (РФВ. 40, 99) *полдён* Руз. (Дурново 137) с *полудён* загорится да до ночи Петров.-Сарат. (Безс. V, 122) *палдён* Жиздр. (Ник. 324) с *полдён* Богородиц. и Крапив. (Изв. III, 878) ты ищо сьвиных *палдён* ни знайиш Ворон. (Дикар. 233); — б) Хозяин *буден*, хмурый зимний сон, Течет здесь *буден* светлая напевность Н. Мешков, Рахманову, В баб. флигеле, в счет будущих и прошедших *буден* Куприн, Свадьба. Рядом с этими формами более употребительными в литературной речи служат формы на *-ей*: после *полдней* Л. Тлст. Идиллия, в один из самых жарких *полудней* Чех., Пен. победа V, Рассветов, *полдней*, вечеров Бальм. V, 105; — род. мн. *будней* Восток. 27, — Костром. (Виногр. 78) Руз. (Дурново 137). Следует отметить и здесь существование разновидности формы с палатальностью конечного согласного: после *полдень* Журнал Ак. Наук 1722 г. (Майк. 305), — буду ждать тебя с *полдень* и со восходушки Покров. (Э. О. 1911, 3—4, 194). В обоих последних источниках, как видно, форма род. мн. *полдень* стоит обок с формой *полдён*.[2]

Имена существительные с основою на *-en, как было указано выше, под влиянием формы им. ед. числа на *-мя* и в косвенных падежах в старом русском языке заменили тему *-мен-* на тему *-мян-*. Отсюда соответственные формы родительного мн. на *-ян*, известные и в старых памятниках актового языка, напр. — *знамянъ* Жалов. гр. 1542 и 1579 гг. (Арх. Строева. I, 266, 565)

---

[1] От существительного *злыдни* род. мн. *злыдней*, напр. Тихв. (МАН. 116), и *злыден* Алтай (ЭС VI, 39).

[2] Неясно по образованию наречное сочетание *в полдён* Петроз. (пр. 30); ср. — весь этот гад *в полдён* засыпал на час времени Онеж. (Ончук. Ск. 564).

имянъ Гр. 1571 г. (ib. 515), и в старом литературном языке, напр. — *имянъ* ихъ не написано Улож. А. М. XVII, 16, *письмян* (при *письмен*), *семян* (при *семен*) Ломон. IV, 243, Росс. Гр. §§ 159, 188, некоторые ненавистники *письмян* нового вкуса утверждают Живоп. 1772 г., л. 3, *письмян* моих Держ. III, 322, всадник без *стремян* Радищ. Письмо к другу, *имян* нещастных || плачевну надпись сохрани Чулк. I, 38, дело нам не до *имян* Судовщ. Три брата-чуд., имя Дарьино милее всех Гомеровых *имян* Карамз. I, 254, нравы Владимира *времян* Бат. Мои пенаты, свой ряд *имян* пустили вы в огласку Вяз. XI, 115, окончание *имян* нарицательных Гриб. Зап. на рус. гр. Греча, хваленых дедовских *времян*, из *стремян*, ср. — позади *гумян* Пушк. Е. О. IV, 7, Нач. сказки, Скуп. рыц. I (у него же *знамян* по Будде, Ж. М. Н. Пр. 1901, февр. 413). Однако в литературном языке эти формы позднée оказались вытесненными первоначальными формами (церковнославянского типа) на *-ен*. Ср. в грамматике Ломоносова указание на возможность употребления от данной категории имен существительных род. мн. и на *-ян*, и на *-ен* (§ 188). Можно вспомнить также о нападках критиков на употребленную Пушкиным в Е. О. форму *времян* (Пушк. Крит. зам., т. V, 127): очевидно в данную пору уже прочно установилась норма этих форм, согласная с современной литературною речью, допускающая лишь от имени существительного *семя* в род. мн. форму *семян*, но от всех прочих слов этой категории знающая лишь архаического типа образования на *-ен*. В этом отношении народная речь вернее следует традиции старого литературного языка, широко употребляя именно соответственные формы на *-ян*. Ср. их в Арханг. г. Онеж. обл. — *имян, семян* (пр. 41); Шенк. — *имян, времян, пламя́н* (Манс. 95, 114); Холмогор. — *бремян, знамян, имян, времян* (пр. 50). — Олон. г. Вытегр. у. — *симян, имян* (пр. 22); Каргоп. — *имян, времян* (пр. 106); Олон. — *имян, времян, семян* (пр. 29); Петроз. — *имян, семян* (пр. 30). — Волог. г. Грязов. у. — *имян, времян, семян* (пр. 36; Тр. МДК. III, 75); Никол. — *времян, семян* (Манс. 207; пр. 266); Кадник. — *времян, семян* (пр. 25); Тотем. — *имян, времян* (пр. 198;

Брок 123). — Новгор. г. Белоз. у. — *имян, времян, семян* (пр. 162; Тр. МДК. II, 61); Устюж. — *имян, времян* (пр. 28, 200, 202); Черепов. — *времян, семян* (Ерем. 34, 37). — Костр. г. Кологр. у. — *времян, семян* (пр. 58). — Вятск. г. Котельн. у. — *имян, семян* (пр. 35); Нолин. — *имян, времян, сймян* (пр. 52, 68); Слобод. — *времян, имян* (пр. 120); Яран. — *времян, имян, семян* (пр. 59). — Пермск. г. Камышл. у. — *имян, времян* (пр. 89); Красноуф. — *имян, времян* (пр. 154). — Владим. г. Покров. у. — *имян, семя́н* (пр. 244). — Сибир. Тобол. у. — *времян, имян, семян* (пр. 21, 43); Тюмен. — с ковх *времян* (пр. 27).

Следует иметь в виду, что под влиянием литературного языка в отдельных говорах может быть колебание данных форм с формами на *-ен*, как оно действительно и отмечается в ряде приведенных свидетельств, напр. из Холмогор., Шенк., Вытегор., Олон., Никол., Котельн., Покров. уу. С другой стороны в отдельных говорах отмечается полное согласие форм с употребляющимися в литературном языке формами (т. е. на *-ен*), напр. в Тотем. (пр. 203), Устюж. (пр. 199), Буйск. (пр. 18), Кинеш. (пр. 66) Макар. (пр. 56), Орл.-Вят. (пр. 37, 63), Остров. (пр. 33), Алатыр, (пр. 32). Очень показательно полное отсутствие форм на *-ян* (очевидно, за исключением *семян*?) в южновеликорусских говорах: с этой чертой необходимо связать такое же отсутствие этих форм в литературном языке, обладавшем ими, но постепенно, к XIX-му веку, почти полностью освободившемся от их употребления. Наиболее устойчиво сохранявшейся формой на *-ян* была форма от имени существительного *семя*, сохраняющаяся в литературном языке и в настоящее время (ср. род. мн. *семян*). В говорах, не знающих вообще употребления форм на *-ян* от иных слов, естественно стремление к освобождению и от этой формы и к ее соответственной замене через *семён* (ср. *имён, времён* и под.). Эта последняя форма, действительно, отмечается в Кадник. у. (пр. 26), Слобод. у. (рядом с формой *семян*, пр. 222), Руз. (редко, Дурново 138), Медын. (пр. 263), Мещов. (пр. 267), причем во всех этих говорах нет иных форм род. мн. на *-ян*.

Следует иметь в виду, что мн. число от *время*, *семя* диалектически известно с ударением на начальном слоге. В этих случаях естественным оказалось образование формы род. мн. не на *-ян*, а на *-ен*, путем чисто фонетическим. Ср. *се́мэн* Меленк. (пр. 247) *се́мън* Руз. (Дурново) *се́мин*, *вре́мин* Карсун. (пр. 67). Ср. подобную форму в литературном употреблении: болезнь *семен* может перейдти в самые растения. Одоевск. Рус. ночи (I, 377). Впрочем, неясен характер этой формы в отношении ударения. Может быть, здесь следует читать форму *семён*, которая, как диалектизм, засвидетельствована Державиным: Благие в мире духи, злые Суть вечны чада сих *семен*, Бессм. души (т. II, 5).

В соответствии с отмеченными, характерными для северновеликорусской области, формами род. мн. на *-ян* типичными формами в южновеликорусском (также в полосе переходных говоров) служат формы на *-енов*.[1] Распространение в данной категории слов флексии род. мн. *-ов*, должно объясняться ненародностью самых тем этих имен существительных, т. е. с осложнением их суффиксом *-ен-*. Ср. *симяно́ф* Верейск. (Черныш. 289) *имено́ф* Воскрес. и Можайск. (Тр. МДК. IX, 131) из *струменов* Звенигор. (Безс. I, 533) *семяно́ф* Моск. (Сб. II Отд. 75, 2, 41) *симяно́ф* Руз. (Дурново 138) у *стременов* Самар. г. (Шейн I, 301) *семено́в* Петров.-Сарат. (Э. О. 1906, 1—2, 69) *симено́ф* Арзамас. (Ж. С. XX, 1, 50) *симяно́в* Мещов. (пр. 267; Черныш. 79) *семенов* Морш. (Дурново, Диал. раз. I, 158) Краснослоб. (Тр. МДК. IX, 95) *симяно́ў* Орл. (Будде 41) *семяно́в* Скопин. (Будде 30) *симяно́в* Курск. г. (Хал. 14) *йимяно́в*, *симяно́в* Судж. (Резан. 250) *семяно́в* Валуйск. (Дурново, Диал. раз. I, 200) *семено́в* Терск. (Караул. 24) Нижнеуд. (Вин. и Черных, 12). В северновеликорусской области этого типа формы являются в спорадических свидетельствах: от булатных от *стременов* Пуд. (Рыбн. II, 29) *семено́в*, *стремено́в* Слобод. (пр. 53) *симянов* Муром. (пр. 100); эти формы, видимо, захожие в северную полосу говоров южновеликоруссизмы.

---

[1] Эти формы известны диалектически в белорусском (Карский. II, 2, 246) и в украинском (ср. угрор. іменьів, сьіменьів, стременьів, Верхр. Знад. I, 69).

Имена существительные рассматриваемой категории (на *-мя*) в живой диалектической речи, как замечено об этом выше, не имеют осложнения темы суффиксом *-ен-* и в склонении следуют II или III основному типу. В соответствие с этим форма род. мн. может звучать либо а) с нулем флексии — *вымь, беремъ* Владим. (МАН. 16), либо, чаще, б) с вторичным окончанием *-ов, -ев* — *вре́мев, и́мев* Слобод. (Шахм. III, 542) *семё́ф* нет Казан. (Сборн. Форт. 169) *имё́в* Бупн. (пр. 57) *имё́ф* Семен. (Ж. С. XX, I, 45);[1] ср. аналогичный тип формы от существительного *дитя* — род. мн. *дитё́ф* Пуд. (Манс. 159).[2]

Если отдельные имена существительные на *-en дают в именительном мн. образование на *-ья*, то родительный падеж соответственно может оканчиваться либо а) на *-ьев* — *племе́ньёф* Никол. (Манс. 213), либо б) на *-ей, -ий* — *времений* (см. выше), и не может сам отогреться у его *пламеней* Вяч. Иванов, По звездам, с. 30, царица *пламеней*, свитки *пламеней*, от *пламеней* Бальм. Зарево зорь 41, 93, Ясень, 20.[3] Впрочем, последнюю разновидность формы (на *-ей, -ий*) правильнее вести не от формы им. мн. данных слов на *-енья*, а от новообразований этих имен существительных в ед. числе, именно от форм именительного ед. числа *времень, пла́мень*.

В категории имен существительных на *-es обращают на себя внимание формы род. мн., параллельные по образованию отмеченным формам от имен на *-en, именно с одной стороны формы на *-ов:* Черны вороны *телесов* их не таскают ли? Петроз. (Барс. I, 257) *чудесоу* много Бельск. (Смирн. II, 514) *чудясо́ф* Моск. (Черныш, 56) Зарайск. (Петр. 11), — с другой стороны форма на *-ей*: з-за *небесей* Повен. (Гильф. 35).[4] Рядом следует отметить формы мн. числа без осложнения суффиксом *-ес-*:

---

[1] Эти формы известны также диалектам белор. языка (Карский. II, 2, 246).

[2] Отмечу здесь встретившуюся у Кантемира искусственную форму род. мн. от *дитя* — для 60-ти *дитят*, Прим. к Сат. III.

[3] Подобное образование в угрорусском — stremenij (Брок. 92).

[4] Ср. в белорусском: а ци видзиў *чудасей* (Шейн I, 274).

Американцы здесь жесточе диких *чуд* Фонв. Альз. I, 1, моря . . . больших у малых тварей полны || и *чуд*, безчисленных числом Держ. I, 168, И ты, обитель *чуд*, бездонная пучина, И ведьм, и *чуд*, и великанов Жук. Гимн, К Воейкову, глотающие устерс, морских пауков и прочих *чуд* Гог. (по Будде, Ж. М. Н. Пр. 1902, июль, с. 21), Жизнь была как чудо *чуд* Бальм. Ясень, 65, — ср. в Смол. г. *чу́ды* = «праздник св. Михаила, воспоминание чуда, им свершенного»: пад *чу́ды* агня ни роскладай у авини — авин згарить (Добров. 991). Сюда же относится отмеченная выше форма с *небях* Можайск. (Слов. Акад.), — собственно форма местного мн. с функциями родительного падежа.

В именах с основами на *-ū обращает на себя внимание сохраняющаяся диалектически исконная форма родительного мн. (по основам на согласные): до божей до *церков* не хождали Дмитр.-Кур. (Сперанский 59) вместо *бров* было вдергивано по черныя лисичи Онеж. (Кир. II, 63; Гильф. 173, 952) Петроз. и Пуд. (Рыбн. II, 185, 318 III, 188, 249 IV, 56); ср. разновидность формы с палатальностью конечного согласного — И место *бровь* было кладено . . . Онеж. (Гильф. 977). Подобные формы известны также украинскому языку (з усїх *церко́в* Шевч. II, 166), и западно-укр. говорам (долив. *церько́в* Верхр. 68, батюков. *церко́в* id. 47, мармарош. *церько́в* id. 28). Возможно, впрочем, все эти формы выводить из новообразований в им. ед. на *-ва*, ср. в частности форму *церква* в разных великорусских говорах, также долив. и батюков. *церква*.

В заключение обозрения родительного падежа можно остановиться на вопросе о появлении у известных рядов имен существительных в данной форме беглых гласных *о*, *е*. Появление этих гласных иногда оказывается исторически закономерным, в некоторых же случаях оно неорганического (аналогического) происхождения. Имеется известный материал, представляющий колебание форм — с наличностью и отсутствием беглых *о*, *е*.

В именах ж. рода на *-ья* (*-ия*) в современном литературном языке родительный мн. оканчивается на *-ей* под ударением, или на *-ий* при ударенности основы. В старом литературном языке

и в случае ударяемости основы нормальными были формы на *-ей*. Ср. соответственное в безусловной форме установление форм род. мн. в роде — *бадей*, *келей*, *лодей*, *оладей* и проч. у Ломоносова (§ 169). Этот тип форм был обычным и в позднейших заимствованных словах: препонъ и *ѳакцей* никакихъ не учинено, противъ *порцей*, изъ нашихъ *армей* (впрочем, здесь же в ед. числе — изъ *армѣи*, въ *армею*), не *концелярей* (рядом — *концелярiй*) П. и бум. П. В. I, 164 V, 29, 62, 110, 245, 260, что касается до моих *реляцей*, в пользу электорских *претензей* Письма Кантемира (Майк. 33, 232). В областной речи сохраняется этот же тип образований: подошлю *куманей* Великол. (Шейн I, 332) и из *навей* встают (*навья* = мертвец) Мцен. (МАН. 126) нам *оладей* напекут Борович. (Э. О. 1905, 2—3, 223) Слобод. (Колос. Зам. 254).

Для прочих категорий имен существительных ж. и ср. рода с основами на согласные Ломоносов также дает норму образования родительного мн. с беглыми *о*, *е* (§§ 164—166, 200). Современная речь как литературная, так и диалектическая, в ряде случаев дает примеры отклонений от этой старой нормы образований. Ср. подходящий материал в порядке отдельных категорий имен существительных с основами, заключающимися известными группами согласных.

Основы на *-л-*: *вёсел* общелит. (напр. Лерм. Б. Орша); *ветел* Лерм. Все тихо, — *вётел* и *ветёл* Костром. (Виногр. 80), *ветёл* Владим. (Черныш. 30) Медын. (пр. 263) Брян. (пр. 259), — ср. отъ *ветлъ* Разъезд 1499—1500 г., по копии (А. Кал. III, 126); лес житных *игол* Гог. Неск. гл. из неок. пов. II, *игóл* Моск. (Сб. II Отд. 75, 2, 41) Ростов. (Волоцк. 8); *капель* общелит., — ср. колебание *капель* (I, 38) и *капль* (II, 347 IV, 291) у Держ.; *кресел* общелит. (напр. Лерм. Б. Орша, Отр. из нач. нов III), — ср. при свисте *кресл*, партера и райка Вяз. III, 85; *ловель* Гр. 1605 и 1669 гг. (А. Кал. I, 132 II, 251); *масел* и *масл* Ж. М. Н. Пр. 1914, авг., 133 и 143, — *масёл* Шенк. (Манс. 114); 12 *пряселъ* Купчая 1619—1620 г. (А. Кал. II, 397); *рукомесл* Э. С. I, 16; *сѣделъ* и *сѣдлъ* П. и бум. П. В. V, 24, 328 VI, 40; *стёкол* общелит., — ср. *стекел*

не сломал Заонеж. (Барс. II, 289); установление новых *тягол* Гог. Мерт. д. II, 3, десять *тягол* составляет пай Э. С. I, 16, — пять *тягóл* Ростов. (Волоцк. 8), — ср. вот посмотри, сколько *тягл* земли Гонч. Обр. II, 2; *чисел* общелит., — ср. колебание *чиселъ* и *числъ* в П. и бум. П. В. VI, 124, 199, ср. все возможные соединения *числ* Одоевск. Рус. ночи VI. — Основы на *-р-*: *вёдер* общелит., — ср. колебание *ведръ* и *ведеръ* П. и бум. П. В. III, 27, ср. вина 545 *вѣдръ* Росп. 1672 г. (А. Кал. III, 139); за пять *выдеръ* рубль Гр. 1603—1604 и 1684 гг. (ib. II, 278, 329), — ср. *выдр* общелит.; всех *игор* и не разберешь Фонв. Бриг. IV, 4, в шуме *игор* и затей Бенед. Сослуживцу, — ср. *игр* общелит.; *икор* Ломон. Росс. Гр. § 166, — ср. колебание *икор* и *икр* в общелит.; *рёбер* общелит., — ср. бочковатость *ребр* уму непостижимая Гог. Мерт. д. IV, из щучьих *ребр* Одоевск. Салам. I; *сестёр* общелит., — *сéстёр* Пуд. (Манс. 147), — ср. братей своих и *сестръ* Гр. 1677 и 1694 гг. (А. Кал. I, 21, 396), П. и бум. П. В. VI, 68, Кантем. Сат. I, 8, сиротство *сестр* моих Письмо М. Петрова к Кантемиру (Майк. 56), я слышу чистых *сестр* музыку, и девять *сестр* зовут Ломон. I, 12 II, 193, и *сестр* оставя обоих В. Майк. Сор., галка и соя, когда суровых *сестр* противно веретено Бат. Тиб. эл. III; *ядер* общелит. (напр. П. и бум. П. В. V, 164, Фонв. Бриг. III, 4), — ср. *ядр* летящих Ломон. I, 16. — Основы на *-м-*: Кроме . . . . . *корчем* Фонв. Письма к родным, 177; валяется множество *обойм* Воен. Телегр. № 39; сколько *пасем* Гог. Выд. из карм. зап. кн., — 6 *пасем* Тобол. (Смирн. II, 837). — Основы на *-н-*: *бајон* (от *байна*) Черепов. (Ерем. 26); И стол был отягчен избытком сельских *брашен* Бат. Тиб. эл., от пышных *брашен* Брюс. II, 5 III, 205; *брёвен* общелит., — *брёвен* и *бревён* Костром. (Виногр. 61, 79); *воен* Акмол. (пр. 75), — ср. *войн* общелит.; *гривен* общелит. (напр. рубль шесть *гривен* Гонч. Обл. I, 8); *гумен* общелит. (напр. С *гумен* гулкий стук цепов П. Мешков, Август),[1] — *гумён* Мещов. (пр. 267), — ср. позать *гумн* Курмыш. (Мат. Варш. 142); *зёрен* обще-

[1] Ср. у Пушкина *гумян* (Живет он, байбак, позади *гумян*, Начало сказки), форма, вызванная, повидимому, влиянием род. мн. типа *семян* и др. (см. выше стр. 294).

лит.,—*зерён* Медын. (пр. 263) Мещов. (пр. 41, 1; Черныш. 148) Брян. (пр. 259) Судж. (Резан. 219), — ср. *зерн* Кантем. Сат. III, 150, Радищ. Оп. м. влад., колебание — грызением *зерн*, но — ряды *зерен* у Ломон. III, 134; видно было много прошлогодних *копен* Акс. Дет. г. 49, на верху суслонов или *копён* Э. С. II, 59; из *ножен* извлекши Держ. II, 418 III 126, Лейк. Нов. год, и др., — Ростов. (Волоцк. 8); *о́кон* общелит., — *о́кон* и *око́н* Костром. (Виногр. 78), *око́н* Верейск. (Черныш., Изв. XIII, 144) Медын. (пр. 263) Мещов. (пр. 41, 1) Брян. (пр. 259) Судж. (Резан. 219); *сосен* общелит. (напр. верхушки *сосен* Гонч. Обл. I, 9),[1] — *сосён* Кашин. (Смирн. 98) Боровск. (Черныш., Изв. XIII, 277), — ср. под кровом черных *сосн*, в приюте *сосн* густых Жук. Сел. кладб., где *сосн* печальных тень густая Вяз. III, 368, И мрачных *сосн* суровый ропот, Берез высоких, *сосн* косматых Козл. К другу, Безумная II; *суконъ* и кумачей П. и бум. II. В. II, 2 V, 18; *устен* см. выше. — Основы на *-б-*: колебание *ароб* и *арб* у Пушк. Пут. в Арзр. I; *изоб* нет, везде палаты Пушк. Ск. о ц. Салт., — *изо́б* Белоз. (пр. 162) Мокш. (пр. 230,а) *изо́б* Остров. (пр. 33), колебание *и́зоб* и *изб* Брян. (пр. 259), — ср. *изб* общелит.; чтоб с *просеб* брали плату Судовщ. Несл. диво I, 11, — ср. *просьб* общелит.; а отъ *служебъ* не отбывать Улож. А. М. XVI, 44, — ср. *служб* общелит. — Основы на *-в-*: Наряди-ка, мила, *дратов* из дождевых капель, чтобы дратвы не дралися, башмачки бы не поролись Ю.-З. Том. (Э. С. VI, 90); *моли́тоф* Черепов. (Ерем. 25), — ср. *молитв* общелит.; *подошовъ* Роспись 1662 г. (А. Кал. III, 262), от лба до *подошев* Кантем. I, 543, — без *подошев* сапоги Петроз. (Барс. II, 276), — ср. *подошв* общелит.; *тыков* Ломон. Росс. Гр. § 166, — ср. *тыкв* общелит.; з-за тых за *естов* за сахарних Онеж. и Пуд. (Гильф. 342, 356, 411, 1007) лучше царских *ествов* Моск. г. (Безс. I, 212),[2] — ср. *яств* общелит. — Основа на *-з-*: Рабы корыстных *польз* уныли Грнб. Телешовой. — Основа на *-ш-*: *векош* Соликам. (Шахм. III, 108), — ср. *веки* общелит. — Основа на *-г-*: съ половины *шереногъ*

[1] Ср. в старом языке *сосонъ* в актах 1640, 1637, 1671 гг. (А. Кал. II, 143, 156, 250).

[2] Ср.: Отворопюсь я... От *есо́в*-то своих сахарных Марк. Арханг. мат. 117.

направо ряды здвой П. и бум. П. В. I, 351, 352. — Основа на *-к-*: *масок* общелит., — ср. признав меня в этом костюме одною из лучших *маск* Дн. Вульфа, 94. — Основы на *-ц-*: *яец* (редко) и *яиц* Холмогор. (пр. 50) *я́ец* Кашин. (Смирн. 94) *яец* и *яиц* Ельник. и Мосал. (РФВ. 38, 208) *яец* Курск. г. (Пассек IV, см. 18) *яе́ц* Мещов. (пр. 150) Путивл. (РФВ. 16, 220) *яец* Ворон. г. (*яѣцъ*, Даль, LXIV) *яец* и *я́иц* Акмол. (пр. 75) *я́ец* и *яе́ц* Тобол. г. (пр. 21),[1] — ср. *яи́ц* общелит., — в диалектах с иным ударением — *я́иць*, *я́иц* Онеж. (пр. 41) Шенк. (пр. 80) Олон. (пр. 29) Петроз. (пр. 13, 30) Волог. (пр. 24, 82) Грязов. (пр. 36) Тотем. (пр. 198) Ярен. (пр. 194) Новгор. (пр. 20; Сол. 23) Тихв. (Тр. МДК. II, 123) Устюж. (*ёич*, пр. 199; ср. *яи́ц*, пр. 195) Галич. (*я́иц* и *яи́ц*, пр. 55) Кинеш. (пр. 66) Кологр. (пр. 61) Костром. (*е́иц* и *еи́ц*, Виногр. 79) Чухлом. (пр. 62) Котельн. (Зел. Ск. 179) Полин. (пр. 68) Орл.-Вят. (пр. 37, 42, 63 — при *яи́ц*) Слобод. (пр. 53, 120) Верейск. (Черныш. Изв. XIII, 289) Руз. (*jájц* и *jии́ц*, Дурново 131) Тобол. г. (пр. 21) Тюмен. (*е́ис*, пр. 27).

Норма, выставленная для литературного языка Ломоносовым, в общем верно отражала современную Ломоносову речь; сохраняет она свое значение и для настоящей стадии литературного языка. Правда, сам Ломоносов в непосредственных произведениях своего пера вышел из норм установленных им правил: мы встречаем у него соответственный материал род. мн. не только с беглыми *о*, *е*, но и формы *ребр*, *ядр* в мерной речи, и колебание в прозе форм *зерн* и *зерен*. В этих его отступлениях от узаконенной нормы невольная уступка более книжной стихии современного Ломоносову литературного языка. Формы эти однако, можно думать, составляли принадлежность живой речи того времени, а не являлись элементами традиционного архаического наследия: ср. живучесть первой формы (*ребр*) до второй половины XIX стол. и наличность двух последних форм (*зерн*, *ядр*) в нашей современной речи. В современном языке, как ска-

[1] Ср. угрор. *яец* (Верхр. Знад. II, 75).

зано, нормальными формами служат формы с беглыми *о*, *е*. Но в известных категориях слов возможно колебание одних и других форм, или даже одно употребление форм без вставных гласных элементов *о*, *е*. К первой, незначительной, категории фактов колеблющегося употребления одних и других форм принадлежат слова, вообще редко употребляемые в литературной речи, или редко употребляемые в форме родительного мн. числа; в звуковом отношении слова эти характеризуются наличностью в исходе основы группы согласных (двух согласных), причем одною из них является плавная согласная. Ср. колебание *масел* и *масл*, *тягол* и *тягл*, *игор* и *игр*, *икор* и *икр*, *ядер* и *ядр*, *зерен* и *зерн*. Вторая группа слов, с исключительным от них употреблением форм родительного мн. без беглых *о*, *е*, обнимает либо книжные слова, ср. род. мн. *рукомесл*, *войн*, *просьб*, *служб*, *молитв*, *польз*, *шеренг*, *яств*, либо также слова, вообще мало известные в литературном употреблении, ср. род. мн. *выдр*, *обойм*, *подошв*, *векш*, *изб* и т. д. В этом отношении народная речь более последовательна, давая в ряде соответственных случаев ожидаемые формы с *о*, *е*, ср. *изоб*, *дратов*, *молитов*, *подошев*, *векош*, *ястов* (хотя в этом смысле неясна форма *гумн* в Курмышском у.). Последний тип образований в общем характеризует и старый язык, коль скоро он ближе отражает живую речь, ср. формы *прясел*, *ведер*, *подошов*, даже *шереног* в языке Петровской эпохи, *служеб* в Улож. А. М.; но ср. также в грамотах формы — *ветл*, *ведр*, *сестр*. В дальнейшем развитии литературного языка, начиная с Петровской эпохи, формы последнего типа, как формы архаические, постепенно выбывают из употребления, и к половине XIX века устанавливается общая норма интересующих образований, согласная с современной стадией литературной речи. Ср. в этом отношении форму род. мн. *капль* у Державина, форму *сестр*, дожившую лишь до Батюшкова, форму *сосн*, замершую вместе с Козловым, форму *чисел*, имеющую последнее употребление у Одоевского, и др.

Дательный, творительный, местный падеж.

Судьба форм дательного, творительного, местного мн. числа была несложною благодаря раннему в истории языка (Собол. 178) распространению в разные классы склонения одной флексии — *-амъ*, *-ами*, *-ахъ*, вышедшей из первоначальных имен с основами на *-а. Действительно, современная система форм названных падежей, если иметь в виду литературный язык, довольно проста и однообразна. В отношении ее для каждого падежа можно лишь отметить известную сумму форм, как остатков старой системы склонения, но не приходится говорить о каких-либо морфологических процессах новообразований. В живом народном языке история этих падежных форм несколько сложнее благодаря ряду возникших на почве отдельных диалектических групп морфологических изменений, приведших к новым разновидностям отдельных падежных образований.

Для судьбы дат. падежа следует указать на сохранение архаических форм на *-ом*, *-ем* от имен с исконными основами на *-о. Подобные формы, между прочим, известны диалектически в белорусском (Карский, II, 2, 196) и украинском языке (в западно-укр. говорах, напр. в угрорусском — *зу́бум*, *ко́нїм*, *роботникӧм* и под. Верхр. Знад. I, 63—64, в говоре гал. лемков — *стромі́м*, id. 115, и др.). Великорусскому языку, как живые формы, этого типа образования чужды. Они известны лишь в старом литературном языке как пережитки старины, и через посредство литературного языка проникли в единичных примерах в народное употребление. В старом литературном языке эти формы были в ходу до Петровской эпохи. Ср. их в Улож. А. М. — тѣмъ государевымъ *недругомъ* II, 2, государевымъ *бояромъ* и ближнимъ людемъ II, 19 и др.; особенно часты они у Котош., напр. не по *родомъ* и не по *чиномъ* и не по *мѣстомъ* 8, по *домомъ* 10, и царь прикладывается къ *образомъ* 10 (ср. молятся *образамъ* 11 об), и др. под. Кантемир дает примеры этих форм уже в единицах — *врагом*, *грешником*, *зубом*, и, что замечательно, не в сатирах,

которым чужды этого типа образования (РФВ. 69, 59). Единичные же примеры этих форм представляет современник Кантемира Ф. Прокопович — *врагом, селом, мостом* (Будде, Оч. 42). После Петровской эпохи формы особенно редки. Ср. у Сумарокова — И се струи Российских рек Во удивление *соседом* Млеком текут и медом, Песни и хоры, 161 (т. VIII, 343). В современном литературном языке единственным отзвуком этих форм служит наречное *поделом*, с окаменевшей архаической формой дат. мн. *делом*.[1] В народном языке отдельные примеры подобных форм встречаются в песенной (былинной) речи: князьям *бояром* Нижег. (Кир. VI, 190) по всем *городом* рассылает Чебокс. (Магн. 141) по темны́м *лесо́м* Беломор. (Изв. VII, 3, 32) по *стойлом* Кир. IV, 99 по *столом* Беломор. (Изв. VII, 3, 32) *татаришком* Олон. г. (Гильф. 714) ко тым *стремяном* да лошадиным Петроз. (ib. 579) *смехотворцем, душегубием* Малоарх. (Безс. V, 187—8) *князем*-боярам Шенк. (пр. 235) Петроз. (Гильф. 731; Рыбн. III, 99) к своим добрым *конем*, своим *товарищем* Тих. и Милл. 51, ср. еще — он и стал *гостем* кланяться Шенк. (Кир. VI, 153) *татем* Сузд. и Малоарх. (Безс. V, 187, 221). Все эти формы явные архаизмы, сохранившиеся благодаря традиционности песенного языка. Но есть все же известный материал этого рода форм, составляющий принадлежность живого народного употребления. Таковы формы — по *гряхо́м* Жиздр. (Ник. 324); *глазо́м* Мосал. (Сб. II Отд. 74, с. 35) пришла баба по *дялом* Бобров. (Филат. 180) па *сярцо́м* Смол. г. (Добров. 677) Жиздр. (Ник. 324); ср. еще в тексте сказки — я тебе привяжу к *плечом* два пузырька Бельск. (Смирн. II, 523). Данные формы по территориальному их распространению ограничены западными частями южновеликорусской области, т. е. районами диссимилятивно акающих говоров. Объяснение этих форм в отношении района их распространения находится в связи с анализом (ниже) форм на *-ём, -ёх*.

---

[1] Ср. еще подобное же наречие *кдело́м* — штабы эти нитки пъместить г *дяло́м* — Касим. (Будде. К ист. 57).

К числу архаизмов, затронувших одновременно дат. и местный падеж и получивших своеобразное развитие на диалектической почве, принадлежат современные формы дат.-м. на *-ом*, *-ох* (*-ём*, *-ёх*) от имен существительных с исконными основами на *-i. Эти формы ведут таким образом к старым соответственным формам дат.-м. на *-ѣмъ*, *-ѣхъ*. Аналогичные архаические образования, помимо великорусского языка, сохранились и в белорусском (*глазём*, *людзём*, *госцём*, *санём*, *дзяцём*, *ў госцёх*, *ў людзёх*, *ў лапцёх* и под., Карский II, 2, 197, 232, 238, 239, Колос. Обз. 219, 224), и в украинских говорах (*двéрем*, *дьітем*, *грýдех*, *двéрех*, *лю́дех* — в батюков., *гýсем*, *гýсех* и др. — в долив., также в мармарошском и угрорусском наречиях, см. Верхр., отд. статьи). Из великорусской области имеются следующие соответственные показания: Кинеш. — *лошадём* (МАН. 79); Ростов. — в *лаптёх*, на *санёх*, на *днёх* (Волоцк. 8; РФВ. 65, 284); Великол. — на навы́м *сянём* хóдила, у чужих *людёх* (Ж. С. VIII, 1, 82 и 89) *людём*, *гвоздём*, в *людёх* — редко (пр. 45) на *санёх* (Смирн. I, 341); Порхов. — в *сянёх* (Тр. МДК. II, 26); Торопец. — по *ночём*, *ў гостёх*, у *людёх*, *ў сянёх*, *гостём*, *людём* (пр. 233); Холм. — *гастём* (Шахм. III, 125); Ржев. — усем *людзём* (Э. С. I, 257), в *лаптёх*, в *людёх* (у сицкарей, Изв. XXXI, 312); Старид. — *лошадём* (АГО. XLI, 18); Бельск. — к *санём*, на *санёх*, *лошадём*, у *лаптёх*, у *гастёх* (Смирн. II, 550, 524; Добров. 382, 455); Гжат. — в чужих *людёх* (Собол. Оп. 29); Пореч. и Зубцов. — *детём*, *людём*, *касьтём*, *гасьтёх*, *людёх*, у *сянёх*, *канёх* (и *-ях*), *ннёх* (и *ннях*) (Изв. XVIII, 3, 268—9); Смол. — *дитём*, у *гастёх*, у *лаптёх* (Добров. 43, 169, 925); Смол. и Ржев. — *дачарёх*, *кастёх*, ува *снёх* (Изв. XVIII, 3, 269); Сычев. — на *сянём*, у чужих *людёх* (ib. 899; Собол. Оп. 29); Юхнов. — поверил *рячóм* (Добров. 807); *людём*, на *санёх*, на *грудёх* Смол. г. (ib. 126, 147, 427); Верейск. — *лашыдём* (Изв. X, 2, 371); Моск. — на двух *лашадёх* (Черныш., ib. XIII, 160); Руз. — *лъшыдём*, *санём*, *лъшыдёх*, *санёх*, рядом формы на *-ям*, *-ях* (Дурново 136); Жиздр. — в *радастёх* (Зел. Влр. гов. 258); Калуж. — *лашадём*, *лашадёх* (Собол. Оп. 15); Мосал. — у *людех* (Шахм.

III, 126); Медын. — *лошадем*, в *санёх* (Зел. Влр. гов. 250) *лошадём*, в *сенёх*, в *речёх* (пр. 263); Мещов. — *лышыдём*, у *синёх*, у *ричёх*, ны *санёх* (пр. 150, 267; Черныш. 8, 162); Морш. — *лошыдём* (Тр. МДК. III, 35); Касим. — *лъшадём*, *людём* (пр. 47); Богородиц. — в *санёх*, на *лашадёх*, у *синёх* (Тр. МДК. X, 62); Ефрем. — *лошадём* (АГО. XLII, 26); Новосил. — *лошадём*, на *лошадёх*, на *санёх* (Зел. Влр. гов. 277, 279; Тр. МДК. I, 95, 97); Брян. — *лашедём*, *лашедёх* (при *-ях*, Тихан. 21) в *сенёх*, в *речёх* (пр. 259); Кромск. — *гастём*, *лышадём*, *двирём*, на *лышадёх*, ю *лаптёх*, ю *санёх* (РФВ. 54, 41); Ливен. — *лашадём*, *лашадёх* (ib. 43; Сб. II Отд. 99, 2, 26); Мцен. — *лошадём* (при *-ям*, пр. 188); Орл. — в *лаптёх*, на *санёх* (Тр. МДК. III, 149); Курск. г. — *санём*, на *санёх*, *лошадём*, на *лошадёх* (Пассек IV, см. 17; Хал. 41: у саяпов); Грайвор. — на *санёх* (пр. 279); Дмитр. — *лошадём*, по *людём*, *лошадёх*, у *людёх* (пр. 125); Ворон. г. — на *санёх*, на *лашадёх*, у *людёх* и др., в *кахтёх* (Кр. Лог, Филат. 212, 185); Валуйск. — *дитём*, *лашадём* (пр. 261).[1]

Из приведенного материала прежде всего следует заключить, что перед нами явление специфически южновеликорусское. Поэтому на единичные отмеченные аналогичные факты из Кинешемского и Ростовского уу. следует смотреть как на пришлые в данные районы элементы из черты южновеликорусских говоров. Но, ближе анализируя материал, так же следовало бы относиться и к некоторым иным свидетельствам приведенного перечня. Если поставить общий вопрос о ближайших причинах сохранения этих архаических форм в живой диалектической речи, трудно было бы дать на него сразу определенный ответ.

[1] От приведенных фактов должны быть отделяемы случаи дат.-м. на *-ем*, *-ех* с ударением не на флексии: дать корму *лоша́дем* Кашин. (Смирн. 87) *лоша́дем*, *лоша́дех* Нерех. (Ж. С. V, 3, 401). Кроме того, особого происхождения формы на *-ём*, *-ёх* от числительных, начиная с 5, как — у *десятех* (при — *десятюх*), у *семех* Егорьев. (пр. 153, 2) *шестём*, *шестёх* Порхов или Псков. (пр. 175) у *питёх*; у *симёх*, у *двадцатёх*, у *шистёх* Инсар. (пр. 231), *двадцатёх*, *пятёх* Мокш. (пр. 230, 2) Брян. (пр. 259) и др., — ср. литературные формы *трём*, *трёх*, *четырём*, *четырёх*. Неясна форма дат. мн. *дитем* (рядом *дитям*), отмечаемая с Егорьев. (пр. 133,1).

Но приблизительные догадки на этот счет могут быть высказаны из анализа представленного материала. Данные формы, характеризуя вообще полосу южновеликорусских говоров в отличие от северновеликорусского наречия, на самой южновеликорусской территории выступают лишь в смежных областях с белорусскими говорами. Минуя данные, относящиеся к категории смешанных говоров (показания из Псковской и Тверской губ.), мы видим сгущенность явления в Смоленской губ., в частях Калужской губ. и особенно в Орловской губ., и еще лишь в очень незначительных районах Тульской губ. (Новосильский у.), Курской и Воронежской губ. Единичные свидетельства из Ефремовского у. Тульской губ., Моршанского у. Тамбовской губ. и Касимовского у. Рязанской губ. являются настолько обособленными и одинокими, что вполне могут считаться такими же случайными и наносными здесь элементами речи, как и упомянутые аналогичные факты из Кинешемского и Ростовского уу. Итак получается определенное указание на отсутствие данной черты в Рязанской области с сильным аканьем, в Тульской группе говоров с умеренным аканьем, напротив, обращает тем самым на себя внимание характерность этих форм в ряде областей, отличающихся диссимилятивным характером аканья. Мы в праве на этом основании предположить, что именно сложившаяся в эпоху образования аканья система форм от известных рядов существительных с первоначальными основами на *-i, в дальнейшем в черте диссимилятивно акавших говоров, с наступлением общего процесса проникновения во все классы склонения окончаний дат.-тв.-м. *-ам, -ами, -ах*, не была задета этим процессом. Причина, которая послужила препятствием к проникновению в эти ряды существительных в данных говорах новых окончаний *-ам, -ах*, была в установившемся уже произношении данных форм слов по нормам диссимилятивного аканья. Действительно, замена флексии *-ём, -ёх* через *-ам, -ах* в данных группах диссимилятивно акавших говоров, в отличие от прочих групп акавших (как и окавших) говоров, должна была нарушить все сложив-

шееся соотношение между отдельными слогами слова в данных формах, а не только сказалась бы на одном изменении, на одной замене конечного их слога, т. е. старой флексии *-ем*, *-ех* посредством новой флексии *-ам*, *-ах*. Вот почему распространение новых окончаний *-ам*, *-ах* (в указанной категории имен существительных) явилось легким в северновеликорусском наречии, или в областях с сильным и умеренным аканьем южновеликорусского наречия, но оказалось фактически затрудненным в тех южновеликорусских говорах, которые сохраняли диссимилятивный характер аканья. Любопытное подтверждение правильности высказанного предположения можно извлечь из анализа самых слов, дающих примеры форм на *-ём*, *-ёх*. Этими словами оказываются следующие имена существительные: *сани — саней*, *лапти — лаптей*, *лошади*, *гвозди*, *гости*, *кости*, *ночи*, *когти*, *двери*, *кони*, *сени*, *дети*, *речи*, *(груди)*, *люди* и *радости*. Все слова, кроме последнего, имеют во всем мн. числе за исключением именительного падежа ударение на окончании; относительно слова *радости — рáдостей*, слова не народного, проникшего в народный язык из литературного языка (ср. суфф. *-ость* и употребление во мн. числе), имеются основания предполагать передвижку на народной почве ударения на окончание, — ср. на *радостя́х*. Особенно замечательной дальнейшей чертой приведенных слов служит качество корневых гласных у них. Этими гласными, за единичным исключением в слове *люди* (также в *груди*), являются гласные ненапряженные (*а*, *о*, *е*, *ѣ*), долженствовавшие звучать в эпоху сложения аканья в диссимилятивно акавших группах перед ударяемыми *-ём*, *-ёх* в виде *а*, которое, если бы проникла в эти формы новая флексия *-ам*, *-ах*, фонетически необходимо было бы замещено редуцированным звуком. Но именно сложившийся тип произношения форм в роде *санём*, *санёх* и под. послужил препятствием к проникновению сюда новых окончаний *-ам*, *-ах*, так как их появление должно было бы вызвать возникновение совершенно новых произносимых целых в данных формах и в отношении конечного и в отношении предконечного

слога — *сынја̑м, сынја̑х* и под. Но были в языке имена существительные, однородные с указанными в отношении ударения, которые при этом содержали в корневом (предконечном) слоге одну из гласных напряженного типа (*ы, и, у*). Эти гласные полной редукции в условиях аканья, подобно гласным *а, о, е, ѣ*, не подвергались. В этой группе слов поэтому в исконных формах дат.-м. мн. числа черты аканья не отражались. Поэтому естественно, что в общую эпоху проникновения окончаний *-ам, -ах* в разные типы склонения, эта новая флексия в данные группы слов могла распространиться беспрепятственно во всех говорах, не исключая и южновеликорусских говоров с диссимилятивным аканьем. Мы имеем в приведенном материале указание на то, что действительно новая флексия *-ам, -ах* нашла себе распространение в отмеченных группах имен существительных, т. е. с напряженными гласными в основе при подвижном характере ударения: кроме форм *людём, людёх* (также единичного случая — на *грудёх*) в представленном материале о т с у т с т в у ю т иные подобные образования, являясь, очевидно, в языке именно в виде форм не на *-ём, -ёх*, а в виде форм на *-ам, -ах*. Ср. такие имена существительные, как *мыши — мышéй, груди — грудéй, пути — путéй*, от которых не оказывается форм типа дат. *мышом, путём, грудём*, м. *мышох, путёх, грудёх*, а существуют следовательно лишь формы нового типа — *мышам, мышах* и т. д. Как сказано, исключением в этом отношении являются лишь формы *людём, людёх*, если не считать единичного показания о форме — на *грудёх*. Все эти формы следует признать поэтому либо — для одних говоров — вторичными формами, позднée сложившимися по аналогии с прочими закономерными формами на *-ём, -ёх*, либо — для других говоров — формами неорганического в них происхождения и явившимися захожими элементами из иных областей, где в свою очередь они получились на почве позднейшего аналогического образования. Очень показательна картина диалектического распространения форм *людём, людёх*. Эти формы незначительны вообще по своему распространению и

между прочим, отсутствуют на коренной территории диссимилятивного аканья в Калужской и Орловской губернии. Последний факт, весьма знаменательный, не может быть случайным. В нем яркое подтверждение верности мысли о том, что формы на *-ём*, *-ёх* от слов, как *люди*, на территории с чистым диссимилятивным аканьем не были возможны. Эти формы, действительно, отмечены как вообще единичные примеры рассматриваемого явления в Касимовском у. (дат. *людём*), с оговоркой о редкости употребления форм в Великолуцком у. (*людём*, *людёх*), далее формы указываются в Торопецком у. Псковской губ., Пореченском у. Смоленской губ. и Дмитриевском у. Курской губ.; наконец, в Ржевском у. Тверской губ., Гжатском у. Смоленской губ. и Мосальском у. Калужской губ. из форм на *-ём*, *-ёх* вообще только и даны для первого уезда форма *людём*, для обоих последних уездов форма *людёх*. Спорадичность этих показаний не оставляет никакого сомнения в том, что в данных фактах — элементы не органического происхождения отмеченных местностей, что в них — пришлые элементы, напр. Касимовская форма *людём* — откуда-нибудь из южновеликорусской территории, где самые формы эти развились вторичным (аналогическим) путем, в большинстве прочих отмеченных данных — наносные факты из белорусского языка. Эти же формы отмечены в Воронежской губ., где приводится и ряд иных «закономерных» форм на *-ём*, *-ёх*: они также должны пониматься как образования поздние, аналогического происхождения. Если высказанные мысли в целом признать правильными, если считать, что формы дат.-м. *санём* — *санёх*, *лаптём* — *лаптёх*, *гастём* — *гастёх* и под. явились на почве диссимилятивного аканья, необходимо еще сделать вывод о характере самой флексии *-ём*, *-ёх* в данных формах. Хотя первичный ее предок содержался в исконной флексии *-ьмъ*, *-ьхъ* основ на *-i, эта флексия не могла непосредственно привести к типу отмеченных форм на территории диссимилятивного аканья: *-ьмъ*, *-ьхъ*, перейдя позднее в *-ём*, *-ёх* (т. е. в *-'ом*, *-'ох*), благодаря нисходящему характеру гласного *о* в данной флексии,

не могли сами по себе дать указанного вида форм в условиях диссимилятивно-акающей речи. Необходимо предположение, что флексия *-ѣмъ*, *-ѣхъ*, непосредственно или через посредство *-ем*, *-ех*, была замещена новою флексией *-ом*, *-ох*, с гласным *о* восходящего характера, откуда только и могли получиться представленные результаты форм по нормам диссимилятивного аканья. Для дат. мн. известно было окончание *-ом*, принадлежавшее основам на *-о, для м. мн. подходящей флексии *-ох* не было известно в языке. Таким образом в общем объяснении происхождения названных форм приходится предполагать, что первоначальное органическое образование рассматриваемого типа форм принадлежало лишь формам дат. мн.: в этой форме исконное *-ѣмъ* (или его поздний рефлекс *-ём*) было аналогически замещено флексией *-омъ* (или позднейшим рефлексом *-ом*) из основ на *-о и лишь по образцу данной формы дат. падежа была создана соотв. новая форма на *-ох* для м. мн. Что формы дат. мн. на *-ом* от основ на *-о держались долго, не заменяясь новыми образованиями на *-ам*, именно на почве диссимилятивно акавших южновеликорусских говоров, об этом свидетельствует приведенный выше (с. 305) соотв. материал, оказавшийся специфически характерным именно для территории диссимилятивного аканья. Правильность всего изложенного о происхождении великорусских форм на *-ём*, *-ёх* можно подтвердить и путем сравнения этого явления, как оно обнаруживается в великорусских говорах, с соответственными фактами белорусского и украинского языка. Судя по данным белорусских говоров (о них см. еще у Шахм. III, 125 и сл., 131, 428), происхождение здесь этих форм было одинаковым с их происхождением в южновеликорусском. Ср. здесь постоянную ударяемость форм на флексии, также наличность образований на *-ём*, *-ёх* от имен существительных с ненапряженными гласными в основе. Правда, здесь также имеются формы дат.-м. *людзём*, *людзёх* (по Шахм. также — *грудзёх*, без указания местности, см. Курс, III, 428), но они легко объяснимы, как и в великорусских говорах, таким же предположением вто-

ричности их происхождения путем аналогии или неорганическим путем (т. е. перенесением из иных районов, где в свою очередь они возникли путем вторичной аналогии). Итак и великорусские и белорусские формы на *-ём*, *-ёх* однородны и в самых фактах и по условиям своего происхождения. Обращаясь к соответственным показаниям украинских говоров, становится явной необходимость их отделения от параллельных белорусско-великорусских фактов и соответственного предположения иной в прошлом почвы, а для отдельных фактов и иной хронологии, развития интересующего явления. В украинских говорах, не знавших аканья, и теоретически приходится искать иных критериев для оправдания возникновения этих форм. И действительно для украинского языка, в котором формы сохранились лишь в западных окраинах общей украинской территории (в Прикарпатье и Угорской Руси), вполне естественно в оценке форм усматривать особое диалектическое сохранение архаических образований, как они здесь имеются и в отношении ряда иных черт и морфологии и фонетики. Самый внешний облик западноукраинских форм на *-ем*, *-ех* существенно иной, чем в великорусском и белорусском языке. Здесь прежде всего формы на *-ем*, *-ех* не имеют наконечной ударяемости. Кроме того здесь, как и естественно ожидать, нет различения групп имен существительных по наличности в основе их гласных того или иного качества, а формы на *-ем*, *-ех* могут являться от любых имен существительных, исконно оканчивавшихся в дат.-м. мн. на *-ѣмъ*, *-ѣхъ*. Ср. в батюковском говоре формы — *двéрем*, *дѣ́тем*, *двéрех*, *грýдех*, *лю́дех* (Верхр. 46), в долив. — *гýсем*, *двéрех*, *мы́шех* (id. 68), в мармарош. — *двéрьом*, *двéрьох*, *мы́шьом*, *грýдьом*, *мы́шьох*, *грýдьох* (id. 28), в угрор. — *гýсьом*, *гýсьох*, *кóстьом*, *кóстьох*, *гóстьом*, *тéстьом*, *двéрьом*, *дѣ́тьом*, *грýдьох*, *пýтьох* и др. (id. Знад. I, 67, II, 77); ср. кроме того отмечаемые во всех этих источниках формы *мáтерем*, *мáтерех* (в угрор. также — *матерьох*). В этих показаниях непосредственными заместителями соответственных форм на *-ѣмъ*, *ѣхъ* являются формы на *-ем*, *-ех*; в формах на *-ом*, *-ох*, особенно

типичных для угрорусских говоров, содержится уже вторичное наслоение. Выше было указано на черту белорусских и украинских говоров, сохраняющих у имен с основами на *o старые формы дат. мн. на *-ом* (откуда в украинском диалектически *-ум*, *-ім*). Но и белорусским и украинским говорам, из последних в частности угрорусскому наречию, свойственны также новообразования местного мн. на *-ох*, обязанные старым именам с основами на *-u, оканчивавшимся в м. мн. на *-ѣхъ*. Ср. в белорусском — по *мохох*, по *лясох* по *балотох* и проч. (Карский, II, 2, 267), в угрорусском — *зу́бох*, *лы́сох*, *кра́йох*, *гро́шох*, *о́зерох* и т. под. (Верхр. Знад. I, 63—65). В угрорусском наречии распространение этих форм на *-ох* такое широкое, что оно охватило и категорию имен существительных ж. рода на -а (ср. напр. *вербох*, *березох*, *рукох* и под., *мухох*, *дынёх* и т. д., ib. II, 76; Брок, 80—82). Нет никакого сомнения в том, что это же *-ох* проникло и в старые имена на *-i и привело к отмеченным диалектическим западноукраинским формам м. мн. типа *гусьох*, *костьох* и под. а по аналогии с этими формами местного падежа и к параллельным образованиям в дательном мн. (типа *гусьом*, *костьом* и т. д.). Таково одно наслоение на архаические формы дат.-м. на *-ем*, *-ех*. В батюковском говоре рядом с формами дат.-м. на *-ем*, *-ех* наблюдаются не формы на *-ом*, *-ох*, подобные указанным угрорусским, а формы на *-ім*, *-іх*. Ср. здесь дат.-м. *гу́сьім*, *гу́сьіх*. Здесь ясное наслоение иного рода: старые формы дат. мн. типа *гу́сем*, с *е* из ь, под влиянием форм в роде *лі́сім*, с *-ім* из старого *-омъ* (окончания первоначальных основ на *-o), естественно привели к новообразованию *гу́сьім*, откуда аналогичная форма и в местном падеже *гу́сьіх*. Ср. в мармарошском диалекте при обычных формах дат.-м. на *-ем*, *-ех* форму м. мн. *ко́стюх* (Верхр. 28) подобного же аналогического происхождения. В конечном результате становится очевидным совершенно различный характер развития старых форм дат.-м. *-ьмъ*, *-ьхъ* в западноукраинских говорах сравнительно с судьбой этих форм в белорусском и южновеликорусском.

В заключение рассмотрения судьбы форм на *-ём*, *-ёх* в великорусском следует сделать два дополнительных замечания. Во-первых в связи с рассмотренным материалом можно упомянуть о форме — по *деревнём* Юрьев. (Черныш. 10). Эта форма сама по себе неясная и собственно не связывается с приведенными фактами дат.-м. на *-ём*, *-ёх*, как форма от имени существительного III типа (на *-а*); но внешним образом здесь то же окончание *-ём*, что и в рассмотренных рядах существительных. Во-вторых следует отметить формы — на *радостех*, на *конех*, в *гостех* из Вельского у. Вологодской губ. (РФВ. 18, 215; здесь же — во *снях*, в *забытях*), к которым еще можно присоединить форму — на *санех* по Шахматову (III, 428). Здесь, как видно, часть примеров относится к старым основам на *-i, форма же на *конех* принадлежит к именам на *-jo и во всяком случае должна считаться непосредственно происшедшей из формы — на *конях*. Можно поэтому обобщить последнее наблюдение, и на все отмеченные формы смотреть как на факты с окончанием *-ех*, возникшим из первоначального *-ях*. Очевидно, здесь продукт изменения чисто фонетического характера — изменение *а* в *е* в положении после палатальных согласных, типичное явление известных групп северновеликорусских говоров, между прочим, и Вологодско-Вятской группы. Приведенные формы таким образом теряют абсолютное свое значение в кругу прочего материала, относящегося к изучаемому морфологическому явлению. И действительно, как указано выше, тип форм на *-ём*, *-ёх* отсутствует в северновеликорусском наречии и в существе своем чужд окающей его природе. В этом отношении нельзя согласиться с А. А. Шахматовым, поставившим отмеченные Вельские формы в один ряд с прочими данными форм на *-ём*, *-ёх*, как действительных остатков старых форм дат.-м. на *-ѣмъ*, *-ѣхъ*.

Другим диалектическим явлением, также охватившим две падежные формы — дательный и творительный падежи, служит распространение окончания *-м* у всех рядов имен существительных помимо дат. падежа также и на творительный,

и обратно — употребление флексии *-ми*, кроме творительного падежа, также в дательном. Наиболее цельным и широким по распространению служит первое явление, т. е. обобщение окончания *-м* и в дательном и в творительном падежах, причем в говорах, которым известно это явление, иногда в дательном падеже может являться и флексия *-ми*. Внешне таким образом рисуется картина смешения старых окончаний дат. и тв. падежа, употребление флексии дат. падежа *-м* на месте тв. падежа и обратно — окончания тв. падежа *-ми* на месте дат. падежа. Однако, считаясь с первичными условиями, вызвавшими данное явление, не точно было бы говорить о «смешении» окончаний одного и другого падежа. И действительно, если известны говоры, нормально употребляющие в творительном мн. флексию *-м*, а в дательном дающие формы на *-ми*, то нет, повидимому, говоров, знающих как нормальную флексию в дательном мн. окончание *-ми*. В этом соотношении употребления в языке одних и других форм ясное указание на первичность распространения лишь флексии дательного падежа *-м* на творительный падеж. Соответственное новообразование дательного падежа на *-ми*, на этот флективный элемент, первично характеризовавший творительный падеж, должно было поэтому возникнуть в языке хронологически позднее. Исходя из этих соображений, когда речь идет о причине данного явления в целом, о первоначальном моменте его зарождения, нельзя говорить о смешении или взаимной мене старых окончаний дательного и творительного падежей. Первоначально в дательном мн. было известно и сохранялось лишь окончание *-м*, эта исконная флексия данного падежа, зашедшая и в творительный падеж. И только с появлением новообразования в творительном падеже на *-м*, отчасти по памяти о старом существовании двух различных окончаний для обоих падежей, отчасти по причине колеблющихся форм самого твор. падежа на *-м* и (под влиянием литературного языка) на *-ми*, в известных говорах явилось новообразование и в дательном падеже на *-ми* вместо старой соответственной формы на *-м*. Итак разрешение вопроса

о происхождении данного морфологического явления определяется ответом на вопрос о распространении флексии *-м* из дательного падежа на творительный, об обобщении окончания *-м*, первоначально окончания одного дательного падежа, в двух падежных формах — в дательном и творительном падеже. В общем виде ответ на данный вопрос был дан в ином месте (см. Ztschr. f. slav. Ph. II, 76). Представляется именно несомненным источник этого обобщения флексии дательного мн. *-м* в двух падежах, дательном и творительном, искать в судьбах в русском языке категории двойств. числа. По системе дв. числа одно окончание, именно *-ма*, во всех классах склонения отвечало функциональному употреблению в двух падежах, и как раз в дательном и творительном. Поэтому, с утратой дв. числа и самых падежных форм по дв. системе, как воспоминание о старой черте ее — общности в ней окончания для дательного и творительного падежей — естественно было во множественном числе закрепление также одной флексии для обоих отмеченных падежей, каковою флексией и явилась флексия *-м*, т. е. первично окончание лишь дат. падежа мн. числа.

Обращаясь к рассмотрению фактического материала, относящегося к интересующему явлению, можно одновременно следить как за употреблением форм тв. мн. на *-м*, так и за распространением форм дат. мн. на *-ми*. Самые примеры одних и других форм, в виду их однообразия, сообщаются в ограниченном виде. Арханг. г. Кем. у. — везал (старика) *гужам* к лавки (Ончук. Ск. 152); Онеж. — тв. на *-м*; дат. на *-ми* не употребляется (пр. 41) с *деньгам* и др. (Смирн. I, 7, 17, 27; Гильф. 216; Ист. 228); Холмогор. — за *грибам*, ступать *ногам*, с красным *девушкам*; дат. на *-ми* редко у возрастных мужчин (пр. 50); Шенк. — с *рукам*, с *ногам*, с большим *сапогам* «иногда» (МДК. XI, 29). — Олон. г. Вытегор. у. — со *душам* со красным *девицам* и др. (Рыбн. IV, 121; Олон. Сб. I, 146, 148; Пам. вдр. н. 98); Лодейн. — *ногам* хмельным вытаптывая, *коленкам* друг в друга упираются (Рыбн. I, 312, 315); Петроз. — тв. на *-м* постоянно (пр. 30), дат. на *-ми* не

замечается (пр. 13, 30), с милым *девушкам* и пр. (пр. 34; Барс. I, 4, 21, 56, 105, 237; Ончук. Ск. 210, 233, 261, 301); Повен.— двуми *прутам* (ib. 438); Пуд. — стой за *кустам* и др. (Смирн. I, 236; Рыбн. I, 261 II, 134 III, 22; Безс. I, 506); смешение тв. и дат. крайне редко (Манс. 158). — Волог. г. Великоуст. у. — МДК. XI, 96; Вельск. — тв. на *-м* (Собол. Оп. 52) с милым *подруженькам* и др. (Э. С. V, 49; Смирн. I, 182), тв. на *-м*, дат. на *-ми* «изредка» (МДК. XI, 70); Волог. — ib. 74, 76, 78, 80, 92, *рукам*, *ногам*, за *де́ньгам* (пр. 24) с *лошадям* и т. п. (пр. 82; Сб. II Отд. 99, 2, 52) за *воротам*, за *ягодам* (Шейн I, 204, 229; Кир. V, 76); Верховаж. — тв. на *-м* всегда, (МАН. 30); Грязов. — тв. на *-м* всегда, дат. на *-ми* иногда в виде исключения — я *людьми* даў, по *буднями*, *детьми* давали (Тр. МДК. III, 77; Сб. II, Отд. 99, 2, 41) за *грибам* и др. (Смирн. I, 190, 204; Ж. С. V, 1, 92); Кадник. — тв. на *-м* (пр. 31; МДК. XI, 80) — «часто» (пр. 26; АГО VII, 38), «весьма употребительно» (пр. 25); дат. на *-ми* не употребляется (пр. 25); но по АГО. VII, 38 он «нередко» употребляется: благодарен *вами*; Никол. — тв. на *-м* всегда (Манс. 213; пр. 266; МДК. XI, 101) ходили лесова́ть за *рябка́м* (МАН. 32) с *рукам*, с *ногам* (МДК. XI, 104); Тотем. — с *лошадям*, под *ногам* (пр. 198) брать *рукам* и др. (пр. 201; МДК. XI, 84; Сб. II Отд. 99, 2, 63) *коктям* (Брок 111) *деверя́м* и др. (РФВ. 18, 250); Ярен. — с *лошадям*, брать *рукам* (пр. 194). — Новгор. г. — в зап. групше Новгор. говоров обычна форма тв. на *-м* (Тр. МДК. III, 101); Борович. — за *сапогам* (Ж. С. V, 3, 377; Собол. Оп. 34, 44) со *слезам* и др. (Смирн. I, 243, 247) тв. на *-м* часто (МАН. 112); дат. на *-ми* — *лошадьми* дай овса (ib.) подёмте с нам по *дорожками* гулять (Тр. МДК. II, 12); Белоз. — тв. на *-м* всегда (ib. 61) *палкам*, *рукам*, *ногам* и др. (пр. 162, 163, 166, 191; Бр. Сокол. 5, 6, 41); Валд. — пред *книжникам* и др. (Безс. I, 202 IV, 120; Майк. Закл. 511; Кир. III, 3; Шейн I, 250); Дем. — тв. на *-м* спорадически (Тр. МДК. II, 163) *рукам*, *ногам* (пр. 161) с голубым *глазам* (пр. 186) за *грибам* (Бр. Сокол. 170); Крестец. — По бокам (били) — *кулакам*, По загривку — *рукавам* (Шейн I, 65);

Новгор. — тв. на *-м* (АГО. XXIV, 3; РФВ. 40, 99; Собол. Оп. 44; Сол. 9; пр. 20) со крутым *бережкам* (Кир. VII, 54); дат. на *-ми* — по́ *камнями* ходить худо (пр. 20) очень *вами* благодарны — иногда, говорят преимущественно торговцы (Сол. 9); Тихв. — тв. на *-м* (АГО. XXIV, 30) с молодым *робятам* (МАН, 116) за *грибам*, за *бабкам* (Тр. МДК. II, 108) под *дугам* и др. (Садовн. 220; Оп. обл. слов. 14); дат. на *-ми* — *людьми* кланяйся, ср. ко *людьмы* (Собол. Оп. 35); Устюж. — тв. на *-м* (пр. 28; РФВ. 18, 224, 236, 250) под *ногам*, царапать *когтям* (пр. 195) с *деткам* (МАН. 34) с *лошадям*, с красным *девушкам* — редко (пр. 199); Черепов. — тв. на *-м* (Ерем. 24) с длинным *рукам*, большим *шагам* (Коровкин, Оп. Череп. у. 13; Герас. 17) своим *падогам* (пр. 268) с *коровушкам* и др. (Смирн. I, 298; Э. О. 1897, 2, 106, 108 и т. д.). — Костром. г. Буйск. у. — тв. на *-м* всегда (пр. 18; Ж. С. V, 3, 411), дат. на *-ми* иногда — сходить было к добрыми *людьми*, дать овса *лошадьми* (ibid.); Варнав. — дат. на *-м* всегда (МДК. XI, 177); Ветлуж. — дат. на *-м* всегда (ib 179) с пустым *рукам* (Н. Тлст. Заволж. оч. 85); дат. на *-ми* — задай корму *лошадьми* (Даль LVII); Галич. — с *рукам*, с *ногам*, с большим *сапогам* (МДК. XI, 156) брать *рукам*, за *полям*, с *лошадям*; дат. на *-ми* — по *полями*, к *нами*, подъезжать к *воротами* (пр. 55); Иваново-Возн. — тв. на *-м* часто (Гарелин 31); Кинеш. — тв. на *-м* (МАН. 79; пр. 66); дат. на *-ми* — к *нами*, разделим по *полами*, вам будет по *глазами* (МАН. 79); Кологр. — тв. на *-м* (пр. 58, 61); дат. на *-ми* — к *нами*, по *корнями*, да по *кочками* (пр. 58); Костром. — тв. на *-м* (пр. 264; МДК. XI, 159; Виногр. 56, 58, 59, 80); дат. на *-ми* — к *нами*, *госьми́* оста́фь (пр. 264); Макар. — с *рукам*, с *ногам*, с большим *сапогам* (МДК. XI, 172); Нерех. — с *рукам*, с *ногам*, с большим *сапогам* (МДК. XI, 165) пойдемте с *нам*, дат. на *-ми* — дай *нами*, подайте *людьми* (АГО. XVIII, 19); Солигал. — тв. на *-м*, дат. на *-ми* «иногда у щеголей» — на смех *людьми*, к *дверьми*, к добрыми *людьми*, дать корму *лошадьми*, очень *вами* благодарны (Ж. С. VII, 3, 459); Чухлом. — тв. на *-м* (ib. IX, 3, 344; МДК. XI, 167) с *вёдрам* (пр. 62). — Яросл. г. Молож. у. —

тв. на *-м* часто (Мус. Пушк. 10) с *вам* (Э. С. I, 145) горюцим *слезам*, восплесни *рукам* милыем и др. (МАН. 167; Пам. втр. н. 30; РФВ. 1, 150); дат. на *-ми* — по *полями* (Собол. Оп. 56) по *глазьми* (МАН. 167) дайте овса *лошадьми* (Мус.-Пушк. 10); Пошех. — тв. на *-м* (Э. С. II, 3; Ж. С. III, 4, 509) с *нам* и др. (МАН. 171; Э. О. 1897, 4, 120); дат. на *-ми* — пожалуйте к *нами* в гости, к нашими ко *дворами* (Э. С. II, 3) благодарен *вами* (Ж. С. III, 4, 509); Пошех.-Волод. — тв. на *-м* очень редок, дат. на *-ми* — к *нами*, к *вами* (Тр. Яросл. Пед. И. II, 3, 48); Ростов. — с *вам*, за *ягодам* (Колос. Зам. 303) с белым *грибам*, откуси нитку *зубам* (Волоцк. 12); дат. на *-ми* — по *грядами* (Колос. Зам. 304); Углич. — тв. на *-м* постоянно, реже дат. на *-ми* — по *лесами* и др. (Тр. МДК. IX, 102); Яросл. — тв. на *-м* «почти постоянно», дат. на *-ми* «иногда» (очень редко) — по *лесами* ходил, к *гостьми* то выди (РФВ. 24, 56). — Вятск. г. — тв. на *-м* (Зел. 12; Собол., РФВ. 55, 85: «особенность говора собственно вятчан, т. е. уу. Вят., Орл., Котельн., Нолин., юго-зап. ч. Слобод. и зап. ч. Глазов., отчасти Уржум. и Яран.»); Вят. у. — со своим *подруженькам* и др. (Ж. С. XXI, 2, 279; Зел. Ск. 307, 312; Тр. Вят. Пед. И. III, 32); Елабуж. — тв. на *-м* «очень часто» (Ж. С. XI, 1, 83; ср. Сб. II Отд. 99, 2, 80); Котельн. — тв. на *-м* (пр. 35, 46; Зел. Ск. 9, 11, 17); дат. на *-ми* — дать корму *лошадьми* (пр. 35) все роздал *детьми* (пр. 46); Малмыж. — тв. на *-м* (пр. 38, 79; МДК. XI, 123; Сб. II Отд. 99, 2, 80) сгребать *граблям* (пр. 105) накормила ево мать *лепешечкам* (Смирн. I, 373); дат. на *-ми* — МДК. XI, 123, поедем к моими *братьями* (пр. 105); Нолин. — тв. на *-м* (пр. 52, 68; Уч. Зап. Каз. У. 1896, 10, 32) *прутьям* калеными и др. (Варенц. 51, 167); дат. на *-ми* — по *полями*, к *людьми*, к *лошадьми* (пр. 68; МДК. XI, 125) по *полями* по *лугами* — «иногда» (пр. 52); Орл.-Вят. — тв. на *-м* (пр. 37, 42, 63) *горам* ехать и др. (Уч. Зап. Каз. У. 1896, 10, 33; Смирн. I, 381); дат. на *-ми* — по *полями*, *робятами* (пр. 42) дать корму *лошадьми*, к *людьми* (пр. 63) по *утрами* (Трост. 68) ходил по *полями*, дал корму *лошадьми*, подъехал к *лугами* — «только у лиц, желающих показать себя

просвещенными» (пр. 37); Сарапул. — тв. на *-м* «очень часто» (Ж. С. XI, 1, 89; ср. Сб. II Отд. 99, 2, 80); дат. на *-ми* — к *дверя́ми* (С. Обнорский); Слобод. — тв. на *-м* (пр. 32, 65, 141, 222) *горам* 400 вёрст и др. (Уч. Зап. Каз. У. 1896, 10, 33; Смирн. I, 418); дат. на *-ми* — по *полями*, дать корму *лошадьми* (пр. 141); Уржум. — дат. на *-ми* — к *лошадями* ходил, по *лугами*, по *зарями* (Магн. 26, 46); Яран. — тв. на *-м* (пр. 59, 101; Зап. Юрьев. У. 1902, 3, 15); дат. на *-ми* спорадически — ко *дверями* поло́жил (Зап. Юрьев. У. ib.). — Пермск. г. Богослов. зав. — тв. на *-м* (АГО. XXIX, 14), дат. на *-ми* — к *соседями*, к *дровнями* и проч. (ib. 22); Югов. зав. — тв. на *-м*, дат. на *-ми* «иногда» — отдаю *детьми*, продал дом *крестьянами* (ib. 19); Верхотур. у. — тв. на *-м* (ib. 17) комната заставлена *столам* (пр. 154); дат. на *-ми* — *нами́*, *вами́* (АГО. XXIX, 21) подошли к *столами*, ходили по *полями*, картины по *стенами* (пр. 154); Екатеринб. — тв. на *-м* (АГО. XXIX, 15) вся убрата золотым *иголкам* (Зел. Ск. 235); дат. на *-ми* — по *болотами* и по *лесами*, и по *лугами*, по *комнатами* и мн. др. (ib. 10, 11); Ирбит. — тв. на *-м*, дат. на *-ми* — *вами* известно, пожалуйте к *нами* (АГО. XXIX, 23) «старики грешат перед творительным пад., а молодые перед дательным» (пр. 204); Камышл. — *полям*, *ножам*, *рукам*, с *книгам* (пр. 89); Красноуф. — *ногам*, *рукам* (пр. 137) с *лошадям* (пр. 138, 154) отдай *рукам* — «иногда» (Даль LI);[1] Кунгур. — *когтям*, за *полям* (пр. 134); Охан. — тв. на *-м* (АГО. XXIX, 62); Соликам. — разнымя *кушаньям*, кормились значит *зернышкам* (Зел. Ск. 382, 384);[1] Шадр. — тв. на *-м* (МАН. 140) с *лошадям*, под *ногам* (пр. 258) с *ногам*, с *кохтям* (пр. 210) с долгим *возжам* (пр. 211). — Казан. г. Казан. у. — над его *кудрям* дивовалися (Э. О. 1907, 1—2, 80); Мамадыш. — тв. на *-м* (МАН. 59); Царевококш. — с *рукам*, с *ногам*, с большим *сапогам*, дат. — к *людьми* (МДК. XI, 140—154) с *грыбам* (АГО. XIV, 72); Цивил. — *рукам, глазам, гылавам, ногам* — при *руками*, *глазами* и т. д. (пр. 143). — Владим. г. Горохов. у. — за *грибам*,

[1] По Соболевскому здесь нет смешения дат. и твор. (РФВ. 56, 220, 223).

за *ягодам* (Даль LV) с тремя *дубинам*, за *закусочкам* (Собол. Оп. 37); Горохов. и Вязник. — тв. на *-м* (Изв. XI, 1, 254); Муром. — со всем *дочерям* (Даль LV); Мышк. — за *грыбам*, за *ягодам*, дат. на *-ми* — приходите к *нами* в гости (пр. 78); Покров. — с *рукам*, с *ногам*, с большим *сапогам* (МДК. XI, 52); Сузд. — пред всеми *евреям* со *иудеям* (Безс. IV, 206); Шуйск. — с *дочерям* (МАП. 21). — Ленингр. г. Ленингр. у. — за *грыбам*, торгут *слифкам*, *агурцам* (Ж. С. XVI, 1, отд. II, 9) с *арешкам* и др. (Шейн I, 277); Петергоф. — тв. на *-м* «почти всегда» (пр. 5); Гдов. — с *лошадям* «и др.» (пр. 11); Новолад. — тв. на *-м* (Собол. Оп. 47); Шлиссельб. — с *рукам*, с *ногам*, дат. — к *людьми* (МДК. XI; 186); Луж. — тв. на *-м* всегда (МДК. XI, 184) заливаэтца *слезам* (РФВ. 40, 121), дат. на *-ми* — *людьми* (ib. 184; Собол. Оп. 47). — Лифл. г. — со *слезам*, с *дровам* и под. (Бобров 394; РФВ. 64, 309). — Псков. г. — тв. на *-м* (АГО. XXXII, 37; пр. 45) с трем *дочирям* и др. (Ж. С. I, 3, 209); Новорж. — с *лошадям*, с *детям*, под *ногам* (пр. 39); Остров. — тв. на *-м* («*-ми* в твор. падеже не принято» пр. 33), дат. на *-ми* — к *нами*, к *вами* (АГО. XXXII, 12); Псков. — тв. на *-м* (ib. 26; Ж. С. I, 3, 207) с крутым *бережкам*, за *воротам* (пр. 175); Торопец. — со *царевичам*, со *князевичам* (Безс. I, 310) с *волочебничкам* (Шейн I, 341) *ногам*, *рукам*, за *воротам*, с крутым *бережкам* (пр. 239); Холм. — тв. на *-м* (пр. 54) со всем *девушкам* прощалася (Ж. С. XXII, 3, 309) тв. и дат. «смешиваются» (пр. 159). — Тверск. г. Бежецк. у. — тв. на *-м* (пр. 6; Еремин, 36) подарил двуми *пятакам* (АГО. XLI, 16); дат. на *-ми* — дал корму *лошадьми* (ib.; Ер. 36); Весьегон. — тв. на *-м* «господствует» (в нецок. гов., Тр. МДК. II, 152) со веселыим со *песенкам* (Э. О. 1897, 4, 117); Вышневол. — с *рукам*, за *грибам*, с *вам* (АГО. XLI, 47); Каляз. — с горькими слезами и *причетам* (Смирн. I, 489); Кашин. — тв. на *-м* (Смирн. 91)[1] за *вилам*, *граблям*, своим *рукам* (АГО. XLI, 31); дат. на *-ми* — редко (к *грудьми́*, к *людьми́*, по *полями*, к *ними*, и *людьми* не дают, Смирн. 92); Зубцов. —

---

[1] По АГО. XLI, 22 (сообщение П. Колтыпина) в Кашин. у. дат. вместо твор. «иногда» — *рукам*.

тв. на *-м* «всегда» (пр. 60); Новоторж. — мы *подарочкам* разменяемся (Шейн I, 207); Осташ. — с *рукам*, за *грибам* и др. (Тр. МДК, I, 43) горюцим *слезам* (Кир. VII, 8); Ржев. — тв. на *-м* «всегда» (Э. С. I, 241); Стариц. — с *рукам*, за *грибам* и др. (Тр. МДК. I, 43); Торж. — с *грибам*, с *духам* (АГО. XLI, 30). — Смол. г. Бельск. у. — с трем *ножкам, кишкам* (Добров. 323, 370); Пореч. — с *вам*, с *мущинам*, с *розга́м* (ib. 895). — Моск. г. Волокол. и Клин. уу. — тв. на *-м* «изредка» (Тр. МДК. I, 31) многи токи (слез) *струям* явилися Клин. (Безс. I, 199); Можайск. — тв. на *-м* очень редко (Тр. МДК. IX, 131); Серпухов. — со *царевичам*, со *князевичам* (ib. 269). — Нижегор. г. Ардат. и Арзамас. уу. — за *грибам*, с *рукам* (Тр. МДК. III, 173); Балахн. — пирог с *грибам* и *огурцам* (АГО. XXIII, 138) с *нам*, с *яблокам* (Собол. Оп. 40); дат. на *-ми* «иногда» — я иду *лошадями* месить (АГО. XXIII, 138); Макарьев. — тв. на *-м* (при — *детьми*, пр. 56) с *мужикам* и др. (Ж. С. XX, 1, 46; Нижег. Сб. VI, 145, 146); Нижегор. — с *сродникам* (МАН. 100); дат. на *-ми* — к *нами*, шью *детьми* рубашки «и т. п.» (Нижег. Сб. III, 153);[1] Сергач. — тв. на *-м* (АГО. XXIII, 118); Семен. — тв. на *-м* (МАН. 108; Изв. Нижег. У. II, 359) куда лезешь со своим *рукам* (пр. 118) за *ягодам* (АГО. XXIII, 81) *слезам*-то и умоёсса (Ж. С. XX, 1, 42); дат. на *-ми* — *детьми* спать (Изв. Нижег. У. II 360) пожалуйте к *нами* (АГО. ib.; МАН. 108); Васильсур., Балахн., Макарьев., Семен. уу. — дат. на *-ми* — жалуйте к *нами* (Даль LVII). — Симб. г. Саран. у. — за *дровам* (АГО. XXVIII, 13). — Уфим. г. Белеб. у. — тв. на *-м* «последовательно» (Изв. X, 2, 102). — Оренб. г. Троицк. у. — тв. на *-м* (АГО. XXVI, 16). — Астрах. г. Царев. у. — тв. на *-м* (с. Зубовка, РФВ. 63, 116). — Калуж. г. Калуж. у. — *рукам*, *ногам* (Тихан. 12); Медын. — тв. на *-м* (АГО. XV, 21) *ухватам* горшки таскають, блины пякуть *скъваро́дням* (Дурново, 32). — Рязан. г. Зарайск. у. — с *кружевам* (Тр. МДК. III, 18); Ряжск.

[1] По Нижег. Сб. II, отд. I, 199 та и другая черта известна в низменной части, за рекой Кудьмой (вв. Шолокшанская, Черпухинская, Слободская), но отсутствует в гористой части, по реке Волге.

(с. Ухолово) — страдаю *ногам*, с *кренделям* «и т. п.» (Будде, РФВ. 28, 47: «наносный элемент, ныне отсутствующий»); Раненб. — (попостится) верою и любовью, *кротостям* и смирением (Безс. VI, 71). — Тульск. г. — *рукам* (АГО. XLII, 48); Богородиц. у. — двум *тряпкам* (Изв. III, 1329); Крапив. — он бил *рукам, ногам, коленкам* (РФВ. 3, 294); Карач. — э́тым *хващáм* тру́ть палы́ (Будде 75). — Орловск. г. Кромск. — тв. на *-м* «обыкновенно» — с *нам* (РФВ. 54, 41); Малоарх. и Орл. — со *царевичам*, со *князевичам* (Безс. I, 306, 329). — Курск. г. Щигр. у. — Вдарил *шпорам* под бака́ (Хал. 81). — Сибир. — тв. на *-м* (Даль LIX); Тобол. — тв. на *-м* «часто» (АГО. Б. VI, 15) гляди *глазам*, режу *ножницам*, с *дровам* (пр. 21); Тюмен. — тв. на *-м* (Селищ. 278), дат. на *-ми* — к *татарами*, к *людями*, к *нами*, дать сена *лошадьми* (пр. 27); Курган. — тв. на *-м* и обратно дат. на *-ми* (МАН. 178); Курган., Ишим., Тар. — тв. на *-м* (Селищ. 278); Минус. и Канск. — со *князьям* и со *боярам* (Ж. С. XIII, 3, 342); Нижнеуд. — тв. на *-м* (Черных 369) *письмам* (Шейн I, 181); дат. на *-ми* — по *делами*, по *камнями* (Черных, ib.; у «бывалых крестьян», Вин. и Черных, 12); Верхнеуд. — с *книгам*, голым *рукам*, идти *полям*, дат. на *-ми* — пяти *столами* ножки починить, *коровами* сено понесли (верх. Лены, Изв. XXVI, 304) поди к *воротами*, дай пить *курицами* (между Ангарой и Леной, Селищ. 86), ср. *рукам, ногам*, с *рабятам* — в сем. говорах (ib.).

Приведенные свидетельства можно еще дополнить рядом указаний 1) на полную правильность взаимного употребления дат. и твор. падежей, отмечаемую в Олон. у. (пр. 29), в части Петроз. у. (пр. 13), югозап. ч. Пуд. у. («смешение твор. и дат. очень редко», Манс. 158), в Бронниц. у. (Изв. VIII, 1, 364), в окающих гов. Егорьев. у. (Тр. МДК. III, 167), в Переясл.-Зал. у. (ib. IX, 78), в окающих гов. Нижегор. и Симб. гг. (ib. 173), в местностях Сибири — Бараб. гов., Забайкалье, Колым. и Анадыр. обл. (Селищ. 86); об отсутствии смешения дат. и твор. говорится и в отношении Ростов. у. (Булычев, РФВ. 65, 290), хотя выше приведены иные свидетельства для него, как старой поры, так и современные. Во-вторых, в ряде показаний наблюдателей, отмечающих наличность в говорах форм

твор. мн. на *-м*, указывается на неупотребительность обратных форм — дат. мн. на *-ми*; таковы сообщения из Онеж. у. (пр. 41), Петроз. (пр. 30), Кадник. (пр. 25), Макарьев. (пр. 56), Белеб. (Изв. X, 2, 102), Тобол. (пр. 21).[1] Кроме того, в-третьих, из сводок, относящихся к указанию на распространение форм твор. мн. на *-м*, составлявшихся Московской Диалектологической Комиссией, эти формы (без фактических указаний) отмечены в Дем. и Старор. уу. Новгородской губ. (Тр. МДК. III, 119, 123), Данил., Любим., Ром.-Борисогл. и Рыбин. уу. Ярославской губ. (ib. 42, 45), Опоч. и Порх. уу. Псковской губ. (II, 20), Корч. у. Тверской губ. (I, 47), Свияж. у. Казанской губ. (II, 2), Юрьев. у. Владимирской губ. (I, 114), Ельнин. у. Смоленской губ. (II, 74) Васильсур. и Княгин. уу. Нижегор. губ. (ib. 145, 146), Мокш. и Чембар. уу. Пензенской губ. (ib. 30) Грайвор. и Рыл. уу. Курской губ. (I, 75). Наконец, в-четвертых, о взаимной мене форм дат. и твор., т. е. в частности об употреблении в дательном мн. окончания *-ми* дают общие указания, без приведения фактических примеров, Даль и Селищев: первый свидетельствует о наличности этих форм в Торжке Тверской губ., в Кунгурском и Осинском уу. Пермской губ. (Даль XLVII, LII), второй отмечает их в Глазов. у. Вятской губ. (Селищ. 234).

Наиболее случайный и неровный характер во всем приведенном материале присущ формам дат. мн. на *-ми*. В отношении этого материала имеется ряд указаний наблюдателей, подчеркивающих особую редкость или своеобразность в употреблении этих форм, оказывающихся иногда собственно принадлежностью известных местных жаргонов. Ср. напр. отмечаемую наблюдателями исключительную редкость пользования этими формами в Грязовецком, Ярославском, Яранском уу., также в Буйском у., далее в Холмогорском у., где эти формы свойственны лишь речи «возрастных мужчин»; в ряде местностей данные формы употребляются лишь известными слоями населения, как особенно

[1] Старое указание Соболевского (РФВ. 6, 216) на отсутствие дат. на *-ми* в «Вятском» говоре, согласно с данным выше материалом, неверно.

изысканные формы: в Ирбитском у. формами пользуется лишь молодое поколение, очевидно, щеголяя ими, напротив, в Холмогорском у., как замечено, их знают лишь пожилые лица из мужчин, или в Яранском у. формы слышны лишь в устах «особенно просвещенных лиц», в Солигаличском у. они редко вообще употребляются как признак щегольской речи, в Новгородском у. эти формы — принадлежность языка торгового класса, и т. д. Все это указывает косвенным образом на вторичность самого появления этих форм в языке. Они, очевидно, появились в результате влияния литературного языка на диалектическую речь, знавшую для обоих падежей лишь одни формы на *-м*: наличие в живой местной речи одних форм на *-м* для дательного и творительного и приток из литературного языка форм твор. падежа на *-ми* в преломлении народного языкового ощущения привели отчасти к непроизвольному распространению этой литературной флексии и на дательный падеж, отчасти к полусознательному ее употреблению в дат. падеже, каковое употребление ощущалось как признак особенно изысканной, смахивающей на литературный, городской лад речи. Показательны в этом отношении и такие, наиболее широко распространенные, словосочетания, как — *благодарен вами, жалуйте, пожалуйте к нами* и др., которые в целом своем виде проникли в народную речь из городского языка, или ср. еще случаи в роде *по утрами, по камнями, по корнями, по зарями* и под., формой мн. числа также указывающие на литературный источник своего происхождения. Самый вопрос о территориальном распространении форм на *-ми* в виду общей неровности их употребления не является особенно существенным. Вообще формы на *-ми* падают преимущественно на районы с соответственным широким употреблением форм твор. мн. на *-м*. Ср. их особенную распространенность в частях Вологодской и Новгородской губ., в Костромской, Ярославской, Вятской и Пермской губ., также в известных областях Сибири; в полосе переходных и смешанных говоров формы на *-ми* редеют в употреблении, ср. их лишь в незначительных частях Ленинград-

ской губ., Псковской и Тверской губ., наконец, в Нижегородской губ. Таким образом и это указание на распространение форм на *-ми* косвенным образом свидетельствует о вторичности самого происхождения данных форм: они явились лишь как отзвук первоначально иного морфологического явления, явления именно с формами на *-м* для обоих падежей, дательного и творительного. Из этой связи форм на *-м* и на *-ми* теоретически нельзя ждать существования таких говоров, которым были бы известны лишь формы дат. мн. на *-ми*, но не были бы известны формы твор. мн. на *-м*, но напротив возможно ожидать наличности диалектов, в которых были бы известны одни формы творительного на *-м*, но не были бы употребительны формы дательного на *-ми*. Говоров последнего типа, конечно, очень много, и это обстоятельство согласуется с изложенным характером взаимного развития одних и других форм. Но следует также заметить, что есть в приведенном перечне материалов и указания на местности, в отношении которых нам известно лишь о наличии в них форм дат. мн. на *-ми*. Таковы именно Демянский у. Новгородской губ. и Уржумский у. Вятской губ. Сведения эти однако недостаточны. Именно относительно первого означенного пункта (Демянского у.), по дополнительным сводкам Московской Диалектологической Комиссии, как отмечено, приходится заключить о существовании здесь и форм тв. мн. на *-м*; для Уржумского у. такое же глухое указание на существование здесь форм на *-м* имеется у Соболевского (это указание приведено выше), но, кроме того, существование форм на *-м* в Уржумском у. следует предполагать и чисто теоретически в виду окружения его территорией, знающей широкое употребление этих форм.

Формы тв. мн. на *-м* привлекли к себе внимание еще Потебни, старавшегося определить территорию их распространения и отграничить ее от районов смешанного употребления дательного на *-ми* и творительного на *-м* с одной стороны, от районов правильного взаимного употребления форм дательного на *-м* и творительного на *-ми* с другой стороны (Ф. З. 1865, 1, 84). К последним

районам Потебня относил Онежский край и Вельский уезд Вологодской губ.; для Онежской области выше даны свидетельства об употребительности форм на *-м*, в отношении Вельского у. указание Потебни, повидимому, правильно, так как приведенные в материале соответственные данные не принадлежат живой вельской речи, а извлечены из песен. После Потебни, начиная с Колосова (Обзор 223), определенно устанавливается положение о формах на *-м* как типичных северновеликорусских формах. По Колосову эти формы свойственны «большей части говоров северновеликорусского наречия». В наше время это положение формулируется немного точнее. Так в последней работе по истории языка Дурново отмечает принадлежность этих форм «большей части северновеликорусских и значительной части переходных говоров» (Очерк 289). Предложенный фактический материал с употреблением тв. мн. на *-м* позволяет в этом отношении еще точнее очертить круг распространения этих форм. Но в этом материале необходимо учитывать лишь данные, говорящие о принадлежности форм на *-м* живой речи, причем данные, не ограничивающиеся спорадическим употреблением форм в разных местностях от отдельных слов. Между тем в перечне именно очень много указаний на употребление данных форм (часто в единичных случайных примерах) лишь в песенной или сказочной речи тех или иных местностей, не исключая и областей южновеликорусского наречия. С другой стороны, значительное число свидетельств, говорящих об употреблении этих форм в живой речи, для отдельных мест дает указания на общую спорадичность их употребления, на нередкую наличность в говорах форм на *-м* всего от одного-двух отдельных слов. Конечно, все эти показания должны быть отделены от свидетельств об общем употреблении форм на *-м* в живой речи и должны быть расцениваемы особо. Повидимому, в большинстве этих показаний формы на *-м* не органического происхождения, а являются наносными элементами из иных районов, где они принадлежали языку именно как формы органические. Ср., напр., данные на *-м* по Вытегор-

скому, Лодейнопольскому, Повенецкому, Пудожскому уу. и т. д., или даже в южновеликорусской черте, или в полосе переходных говоров — по Лужскому, Торопецкому, Калязинскому, Новоторжскому, Серпуховскому, Раненбургскому, Малоархангельскому, Орловскому уу. и др., данные, относящиеся к песенной или сказочной речи. По этим данным, за отсутствием иных свидетельств, нельзя судить о наличии в очерченных районах форм на *-м*. В этих данных — окаменелые остатки форм, возникших в исходную пору развития явления в определенных местностях органическим путем, но далее сохранявшихся по книжной традиции в различных пунктах передвижения соответственного песенного или сказочного материала. Точно также известные свидетельства о принадлежности в некоторых местностях форм на *-м* живой речи, но лишь от отдельных слов, несомненно говорят о пришлом характере этих форм из иных смежных областей, знавших данные формы как явление органическое. Такие показания имеются и в полосе северновеликорусского наречия (ср., напр., данные по Тотемскому и Яренскому уу. Вологодской губ., по Кирилловскому у. Новгородской губ.; ср. двойственные показания из отдельных частей Петрозаводского у. Олонецкой губ., или Устюженского у. Новгородской губ. и др.), имеются они в бо̀льшем числе и в полосе переходных говоров (напр. из Ленинградского, Новоржевского, Вышневолоцкого, Бельского, Пореченского уу. и др.) и в черте южновеликорусского наречия (ср. данные по уу. Калужскому, Зарайскому, Богородицкому и др.). В последних двух рядах фактов по преимуществу следует предполагать естественное наслоение в языке этих форм из области северновеликорусской; ср., напр., особенно характерную Зарайскую единичную форму — с *кружевам*, очевидный захожий в Рязанскую губ. северновеликоруссизм. Для части переходных говоров западной полосы (губернии Псковская, Тверская, Смоленская) можно думать в данном случае о белорусском влиянии, ср. наличие форм на *-м* в белорусском, по Карскому (II, 2, 204) как раз в северных частях белорусской территории.

Если откинуть таким образом ряды свидетельств о формах на *-м*, зафиксированных в одних данных песенной или сказочной речи, или также выступающих в живом употреблении, но в спорадических словах или выражениях, то территория распространения этих форм определялась бы в следующем виде. Эти формы действительно являются типическими для бо́льшей части северновеликорусского наречия и незначительных областей переходных говоров. Они падают на отдельные уу. Вологодской и большую часть Новгородской губ., на Костромскую, Ярославскую, Вятскую, Пермскую губ., на отдельные места Казанской и Владимирской губ. (Мамадышский у. с одной стороны, Гороховецкий, Вязниковский уу. с другой стороны); в полосе переходных говоров формы свойственны частям Ленинградской, Псковской, Тверской губ., Волоколамскому и Клинскому уу. Московской губ., отдельным местам Нижегородской, Оренбургской и Уфимской губ. Характерно сгущение этих форм в пределах Новгородской (Западной) и Вологодско-Вятской группы северновеликорусских говоров, характерно почти совершенное отсутствие этих форм (как нормальных форм живой речи) в Архангельской и Олонецкой губ.,[1] наконец, имеет свое значение неровность и вообще незначительность распространения форм в полосе переходных говоров. Все это позволяет сделать предположение о первоначальном зарождении этих форм лишь на почве Западной и Вологодско-Вятской группы северновеликорусского наречия и соответственно о позднейшем распространении этой черты за пределы названных двух групп. Непонятно обособление от этой черты говоров крайнего Севера, особенно Архангельской губ., в виду связи, в особенности Архангельских говоров, по исконному их происхождению, с Новгородским наречием, которому формы на *-м* свойственны. Но это выделение говоров Архангельской и Олонецкой губ. отчасти можно объяснить 1) наличием здесь иных форм творительного мн. на *-ма* и *-мы* (о чем

[1] Здесь отмечены они лишь в Онежском крае и в частях Петрозаводского у.

речь ниже) и 2) предположением существования в самом Новгородском наречии в прошлом более сложного соотношения говоров, между прочим, и по употреблению данной черты. К сожалению, как ни много имеется сведений по Новгородской губ. в отношении употребления форм на *-м*, их недостаточно, не все они вполне отчетливы, и в результате без дополнительных расследований на местах не могут дать ключа к уяснению группировки этих говоров по данной черте. Во всяком случае следует отметить отсутствие форм на *-м* в ряде уездов юга Новгородской губ. (уу. Валдайский, Демянский, Крестецкий, Старорусский);[1] характерно далее разнообразие указаний, то утверждающих, то отрицающих наличность форм на *-м*, или отмечающих их спорадичность в частях уу. Боровичского, Кирилловского, Устюженского.

Признание за формами на *-м* типичной северновеликорусской особенности[2] встречает противоречие в наличии их в пределах южновеликорусского наречия. Как замечено, спорадические случаи употребления здесь этих форм в живой речи, или примеры их из песенного языка не могут иметь значения. Но здесь выделяются два района — Медынский у. Калужской губ. и Кромский у. Орловской губ., в отношении которых наблюдателями утверждается нормальность употребления форм на *-м*. В исследовании проф. Зеленина однако (см. Влр. гов. 195, 249) можно видеть, что состав населения той и другой области не чисто

[1] Хотя по сводкам Московской Диалектологической Комиссии, как выше отмечено, в Демянском и Старорусском уу. указывается наличие этих форм, но не ясно, насколько они широки и постоянны, или, напротив, не спорадичны ли.

[2] Как типичная северновеликорусская черта, формы на *-м* отсутствуют в литературном языке. Если у писателей они иногда встречаются, то как подражание народному стилю, к тому же в отношении северновеликорусской среды действующих лиц. Ср., напр., у Лейк. — Вот как оболью *щам*-то, так будешь знать. Апр. IX, у М. Горьк. — А муж да двое деток *грибам* объелись, помирают, М. Кожем. I; у Ерш. — С бородою и с *усам*, Кон.-Г. I — форма *усам* есть диалектизм (сибирская черта). Северновеликоруссизмы проникли и в Песенник Чулкова: Не водись Сила с *ребятам* I, 480, сизым *крыльям* обнималися ib. 58. Ср. еще пословицы — за *морямъ* корова по деньги (sic!) да провозъ дорогъ. Посл. XVII в. (Сим. 1018), под *дугам*, *дугам* висит яблоко с *кругам* Садовн. 222.

южновеликорусский. Медынский у. состоит из выселенцев Тверской губ., Кромский у. колонизован в прошлом кореляками. В черте тв. мн. на *-м* здесь таким образом очевидный пришлый элемент речи, ср. здесь и иные наносные черты, особенно в Кромском у. такие северновеликоруссизмы, как твердое *-тъ* в 3 л. наст. вр. и др.

В истории форм тв. мн. на *-м* еще одно обстоятельство привлекает к себе внимание. Как замечено, в ряде местностей эти формы, не являясь сколько-нибудь частыми и нормальными в речи, выступают в употреблении от отдельных слов или в отдельных выражениях. И здесь, к сожалению, имеющийся материал еще недостаточен для твердых из него обобщений. Однако и в представленном материале нельзя не обратить внимания на общую ограниченность и однообразность самого круга слов, дающих примеры форм на *-м*, на повторяемость известных имен существительных в формах на *-м* в различных местностях. Так, особенно часты в употреблении формы на *-м* от имен существительных — *нога, рука, лошадь, гриб, ягода, коготь* и немн. др. В этом отношении, подходя к ближайшему анализу данных перечня, можно прийти к наблюдению о преимущественном употреблении форм на *-м* — 1) от имен с исконными основами на *-i и 2) от имен существительных, употреблявшихся прежде особенно часто в двойств. числе. О первом явлении говорят, помимо отмеченной особенно широкой распространенности в говорах формы тв. мн. *лошадям*, такие факты, как наличие только этой формы (с *лошадям*) в Красноуфимском у., или аналогичные указания на употребление только формы — *коктям* в Тотемском у., только формы — с *дочерям* в Муромском и Шуйском уу., и др. Объяснение этой особенности трудно; ее, повидимому, следует поставить в связь с какими-то морфологическими процессами, имевшими место на диалектической (северновеликорусской) почве с судьбой старого окончания *-ѣми* соответственных групп существительных. Особенно ярким в показаниях диалектов выступает второе явление — преимущественное употребление форм на *-м*

лишь от слов, употреблявшихся ранее вообще главным образом в двойств. числе. Можно указать в этом отношении, помимо отмеченной общей распространенности в говорах форм тв. мн. *ногам, рукам* (в старом языке не в единств. числе слова *рука, нога* являлись преимущественно в двойственном, а не во множественном числе), на следующие факты. В ряде местностей среди спорадических случаев употребления форм на *-м* отмечаются лишь примеры, ведущие к старым соответственным формам в двойств. числе. Так, все единичные данные, относящиеся к употреблению форм на *-м* в 1) Лодейнопольском, 2) Повенецком у. Олонецкой губ. и 3) Крестецком у. Новгородской губ., — только этого рода: 1) с двуми *прутам*, 2) *ногам, коленам*, 3) *кулакам, рукавам*. Таковы же и многие иные свидетельства: в Кирилловском у. отмечено только — с голубым *глазам*, в Боровичском у. только — за *сапогам*, также в Моложском у. лишь — с *вёдрам* (т. е. с парой ведер), в Шадринском у. — с долгим *возжам*, в Бежецком у. — подарил двуми *пятакам*, в Псковском у. — с крутым *бережкам*, за *воротам*, даже в Богородицком у., в черте южновеликорусского наречия, находим единичное — двум *тряпкам*, или в Щигровском у. — единичное (в песне) *шпорам*. В ряде местностей из форм на *-м* мы встречаем только примеры — *ногам, рукам* (Кирилловский, Красноуфимский, Семеновский уу.; даже в южновеликорусской черте — в Калужском у., ср. также лишь — с крутым *бережкам*, за *воротам, ногам, рукам* в Торопецком у., бил *рукам, ногам, коленкам* в Крапивенском у.), или эти примеры с подобными же формами от имен с основами на *-i: только формы — под *ногам*, с *лошадям* отмечаются в Тотемском, Яренском и Шадринском уу., только — под *ногам*, с *лошадям*, *детям* в Новгородском у., только — под *ногам, когтям* в Устюженском и Шадринском уу., только — *рукам* и *лошадям* в Галичском у., и под. Все эти непосредственные свидетельства живой речи не могут быть случайными. Эти факты, очевидно, коренятся в особенностях самого образования в прошлом данных форм на *-м*. В этом отношении

в приведенных свидетельствах следует усматривать фактическое доказательство правильности высказанного положения о ближайшей связи появления новообразований тв. мн. на *-м* именно с общей утратой категории двойств. числа. Новые формы тв. мн. на *-м*, явившиеся непосредственным отзвуком исчезновения из языка двойственных форм, естественно в первой стадии должны были заменить изжившие двойственные формы на *-ма* и соответственно оказаться лишь в словах, ранее употреблявшихся в двойств. числе, и только позднее, во второй стадии, могли распространиться и обобщиться в языке. В приведенных свидетельствах, дающих примеры на *-м* лишь от слов с первоначальным употреблением их в двойств. числе, иллюстрируется таким образом первая стадия развития данного морфологического явления, причем, повидимому, на этой стадии развития морфологическое явление в данных говорах и задержалось, не расширившись в дальнейшем употреблении и не дав форм тв. мн. на *-м* как общей нормы склонения.

В ближайшей связи с рассмотренным диалектическим явлением тв. мн. на *-м* находится диалектическое отражение этой же формы в виде образований на *-ма* и *-мы*. Формы тв. мн. на *-ма* непосредственно ведут по своему происхождению к старым соответственно формам дательного-творительного двойств. числа на *-ма*. Эти же формы диалектически сохранились и в белорусском и в украинском языке. В белорусском они довольно широки в употреблении (см. Карский II, 2, 146—147), в украинском они в остатках сохранились в южноукраинском (напр. *усимá* у Квітки, *очи́ма, уши́ма, плечи́ма, двери́ма* у Шевч.), или также в скудных следах в говоре галицких лемков (ср. з *грошима* при — *грошами*, Верхр. 119), в батюк. говоре (*молодицéма, граблéма* — «иногда», id. 45), несколько шире — в угрорусском наречии (ср. *зубóма, товаришóма*, с *попóма, языкóма, вовкóма, лысóма* и т. д., но рядом — *лысами, товаришами*, id. Знад. I, 64). В великорусском эти формы широко известны лишь в некоторых местностях крайнего Севера и в скудных остатках, в употреблении от

отдельных слов, встречаются в некоторых иных диалектах. Ср. в Арханг. г. — *помойма* келью поливают (РФВ. I, 177); — Холмог. — *рукама, ногама*, за *людяма* (пр. 50); — Шенк. — со белыма со *лебедушкима* (Лавровский, О яз. сев. рус. летоп. 50), тв. мн. на *-има* или *-ыма* (Колос. Обз. 333) *лопатыма, вилыма, чернилыма, шабкима, перьима* и проч. (но — *руками, ногами, станками, ножами, сапогами* и пр., МАН. 9) *бра́тьима, ко́нима, монахима, проездыма, товарыма, бабыма, банима, глупостима* и т. д. — с отсутствием ударения на окончании, но — *огнéми, дверя́ми, ногáми, клюкáми, столáми* и т. д. (Манс. 111, 113) за *конима*, но — с *лошадям*, под *ногам*, ср. с *собаками* (пр. 80) с *робятыма, ложкима* (пр. 83) с *робятома*, с *девкима*, с *пристяжкима* (пр. 235) с большима *лапыма*, ящик с *бутылкима* (МДК, XI, 31) со *деткама*, со *девкама* (Кир. I, 77) со своима *товарищима* (ib. V, 12); — Онеж. — божьима *венцéма* обвенцели (Ист. 7) со этыма *доспехома* богатырьскима (Кир. II, 110) со *дверма* (Гильф. 908) *орехима, молебнама* (ib. 700, 712); — Олон. — *медама* всё стоялыма (Ж. С. III, 1, 132); — Петроз. — *рукама, ногама* — в речи о двух ногах, руках, но — с *работникамы* и др. (пр. 34) ухватил он сумочку обема *рукама* (Рыбн. I, 33) под *ногама, ногама*-то выступывают (Барс. I, 195 II, 34) со *братцима* крестовыма (Гильф. 815) с малыма *ребятама*, за *плечама*, за солдацкима, желтыма *кудеркама*, за *мхама* за дыбучима, за темныма *лесама* и под. (Барс. I, 41, 90, 156, 195, 259 II, 2, 12, 14, 37, 186, 200; ср. здесь же формы на *-мы*) *яблокама* и т. д. (Пономарев 14; ср. здесь же формы на *-мы*) над *родительма*, чорт с *рогама*, разныма *напиткама*, за *обновкама*, с *кресьянма*, с *робятма*, за *ворот(ы)ма*, с *дубиныма*, с разныма *кушаньяма* и др. (Ончук. Ск. 203, 206, 222, 224, 251, 264 и т. д., 305, 424, 427; ср. здесь же формы на *-мы*); — Повен. — белодубовыма *дверма* перезаперла (Гильф. 154; ср. здесь же — *дверми*, с. 153); — Сольвыч. — *чашкима, ложкима, книгима, девкима, деньгима, работникима, сарафаныма, огородыма, конима* (Колос. Зам. 333; Обз. 322) тв. на *-ма* (пр. 266) с *работникама*, с *ребятама*, ср. — ехать *двоима, троима*

(пр. 14) со *ягодыма*, со сахарныма (Ж. С. VI, 1, 66); — Белоз. — обима *рукама*, вашима, чужима *рукама* жар загребают (пр. 166); — Устюж. — за *коровыма*, за *конима* (пр. 202); — Котлас. — за *ягодыма*, с *робятыма*, *кофтыма*, *полотенчима*, *ящикима*, *вилкима*, даже — *рукима* (Тр. Вят. Пед. И. III, 74); — Чердын. — с *палкима* и с *палкыма*, с *лодкыма*, *деньгима* все купишь, с *девкыма* весело, а со *старухыма* не баско, за *коняма*, с *работникима* и с *работникыма*, *собакима*, *разбойникима*, *свахима*, *дорогима* (пр. 258); — Руз. — абема *рукама* (при — обеими *руками*, Дурново 133); — Верхнеуд. и Нижнеуд. — *женама* (Селищ. 86; Черных 369), *рукама*, *ногама*, схватив *зубама* (в речи старика, Илим. край, Черных, 12).

Об этих формах на *-ма*, как остатках старой системы двойств. числа, сказано вскользь в особой статье (Ztschr. f. slav. Ph. II, 76). Было отмечено, что среди говоров, знающих употребление этих форм, следует выделить особо такие, в которых формы известны лишь в словах, употреблявшихся в старом языке преимущественно в дв. числе. Так, в Петрозаводском у., согласно ответу на пр. № 34, при общеупотребительных формах тв. мн. на *-мы*, лишь в словах *рукама*, *ногама* — сохранение старой флексии *-ма* (по двойств. числу). То же в Белозерском у., где отмечается лишь форма *рукама* с флексией *-ма*. Наконец, даже в Рузском у., далеко отстоящем от граней чистого северновеликорусского наречия, отмечена эта же форма — обема *рукама*. Повидимому, к этой же группе данных должно отнести форму *дверма*, единственную форму, которую приводит наблюдатель из Повенецкого у. Во всех этих фактах следует таким образом усматривать непосредственные остатки старой двойств. системы, сохранившиеся как архаизмы речи. Во всех прочих приведенных данных — второй слой образований на *-ма*, иного происхождения и в чисто морфологическом и, надо думать, в хронологическом отношении. Следует обратить внимание на то, что почти все эти формы на *-ма* принадлежат существительным, имеющим в данной форме ударение не на флексии, а на основе. Эта особенность для Шенкурского у. подмечена и оговорена самим наблюдателем

как основной принцип этих образований на *-ма*; ср. здесь в случаях ударяемости флексии — нормальные формы на *-ми*. Правда, есть в этом отношении некоторые отступления. В Холмогорском у. имеется форма — за *людяма*, в Онежском у. — *венцёма* (т. е. *венцяма*), в Олонецком у. — *медама*, в Петрозаводском у. — *ногама*, *плечама*, за *мхама*, *лесама*, *рогама*, в Котласском окр. — *рукйма*, в Чердынском у. — за *коняма*, в Сибири — *женама*. Но в этом материале особняком стоит за своей единичностью показание из Холмогор. у. (за *людяма*): кроме этой формы и двух примеров *ногама*, *рукама*, как особых остатков старой двойств. системы, здесь нет иных случаев тв. мн. на *-ма*; возможно поэтому считать эту форму пришлой из местностей, где имеется вообще более широкое наличие форм на *-ма*. В прочих показаниях, повидимому, результат вторичных образований по типу первоначальных форм на *-ма* с ударяемостью основы. Так можно смотреть на данные Петрозав. и Чердынского уу., также Котласского окр., где много иных форм на *-ма* основного типа, т. е. с ударяемостью основы. Олонецкая (единичная вообще форма *медама*, или Онежская — *венцема* (обе формы из песен), очевидно, такие же захожие элементы речи. То обстоятельство, что формы на *-ма* ограничиваются по указанной норме лишь образованиями от слов с ударением в тв. мн. на основе, само по себе уже свидетельствует об общей вторичной почве этих образований. Каковы же были ближайшие причины появления этих новообразований? В этом отношении следует обратить внимание еще на две черты, принадлежащие данным материала, отчасти связанные с отмеченной уже их особенностью. Во-первых, доминирующей флексией в приведенном материале форм на *-ма* служит собственно *-ыма*, *-има*, но не *-ама*. В очень редких случаях, правда, встречается еще разновидность флексии *-ома*, напр. в Шенк. у. — с *робятома*, в Онеж. у. — *доспехома*, или *-ама*, напр. в том же Шенк. у. — *деткама*, *девкама*, в том же Онеж. у. — *молебнама*, или еще в Петрозав. у. — *ребятама*, *кудеркама*, *яблокама*, *напиткама*, *обновкама*, *кушаньяма*, в Сольвычегод-

ском у. — *работникама*, *ребятама*, в Чердынском у. — с *работникама* (но рядом и — с *работникима*). Но эти формы (или написания) отражают, можно думать, полукнижное грамматическое произношение тех или иных отдельных слов, ср. колебание их с преобладающими однородными примерами написаний на -*ыма*, -*има*, или, особенно, в Чердынском, напр., уезде, чередование от одного и того же имени примеров одного и другого типа — на -*има*, и на -*ама* (*работникима* и *работникама*). Во-вторых, очень большое количество приведенного материала форм на -*ма* принадлежит образованиям от имен существительных, имеющим рядом в согласовании форму имени прилагательного, оканчивающегося при этом также на -*ыма* или -*има*. Обе эти черты, как и отмеченная выше особенность образований на -*ма*, характеризующихся нормальною ударяемостью на основе, не на флексии, находятся во внутренней взаимной связи и дают нить к разгадке самого происхождения интересующих форм на -*ма*. Имена существительные с неконечным ударением, если в старом языке имели в живой речи преимущественное употребление в формах двойств. числа, продолжали диалектически сохранять старую свою флексию тв. падежа на -*ма*, ср. *ногáма*, *рукáма*, *плечима* или далее — *плечама*, и под. Также в числительных *два*, *оба*, *три*, *четыре* в ряде местоимений отчасти сохранялись, отчасти аналогически вновь образовались формы на -*ма*, ср. *двéма*, *обéма* и под., *нама*, *вама*, *има*, и т. д.[1] Отсюда флексия -*ма* естественно распространилась на категорию прилагательных, у которых явились соответственно формы тв. мн. на -*ыма*, -*има*. Понятно после всего сказанного, что только с образованием последних форм на -*ма* в категории имен прилагательных явился стимул к распространению этих форм и в категории имен существительных. Так как однако большинство имен прилагательных характеризуется вообще наличностью ударения на основе, и в новых сложившихся у них

[1] Замечательна особенность Мамадышского у. Казанской губ., в котором при нормальных формах тв. мн. на -*м* сохранилась и единичная форма на -*ма* но лишь в местоимении — с *има* (МАН, 59).

формах тв. мн. на *-ыма*, *-има* ударение по большей части падало не на флексию, естественно было аналогическое проникновение окончания *-ма* от прилагательных лишь в ряды имен существительных, имевших ударение также не на флексии, а на основе. Что в происхождении этих новообразований на *-ма* у имен существительных руководящую роль сыграли именно прилагательные,[1] ясно из двух следующих соображений. Во-первых, как уже замечено, характерной новой флексией имен существительных в тв. падеже оказывается не *-ама*, а *-ыма*, *-има*, ср. *лопатыма*, *конима*, *братьима*, *девкима* и т. под. Следует поставить вопрос, откуда получился этот гласный элемент *-ы-*, *-и-* во флексии *-ыма*, *-има*? Объяснение его каким-либо предположением фонетического изменения из *-а-* (в *-ама*) для северновеликорусской области было бы невероятным. Эта замена обязана следовательно воздействию аналогического порядка. В этом смысле естественным объяснением и служило бы предположение о влиянии категории прилагательных, передавших полностью категории имен существительных свое окончание *-ыма*, *-има* на смену их первоначальной флексии *-ама*. Замечательно, во-вторых, иное диалектическое явление в образовании тв. мн. числа, образование именно форм тв. мн. на *-ими* вместо *-ами*. Соответственный материал представляет довольно пеструю картину. Ср. в Холмогор. у. — с *кошкими*, с *палкими*, с *девкими* — очень редко (пр. 50); — Сарапул. — с *поискими* (С. Обнорский); — Красноуф. — *собакими*, *свахими* (пр. 209); — Казан. — с *подрушкими*, со *голупкими* (Сборн. Форт. 171) *святкими*, также — *окными*, *шляпыми* (пр. 94); — Цивил. — *ниткыми*, *деньгыми*, *булафкыми*,

[1] Ср. показательные в этом отношении свидетельства наблюдателей, отмечающих употребительность в некоторых говорах форм на *-ма* лишь у прилагательных (и местоимений), напр. в Арханг. — с *большима* ногами, с *има* (МДК. XI, 3), Пинеж. — с *широкима* рукавами, *долгима* днями и под. (ib. 6, 23), Шенк. (ib. 27), Каргоп. (ib. 86), Великоуст. (ib. 98), Сольвыч. (ib. 104, 106, 109, 115, 117). В некоторых случаях подчеркивается при обычности форм на *-ма* от прилагательных редкость соотв. форм от имен существительных (напр. в Шенк., МДК. XI, 25; Сольвыч., ib. 111), или колебание в употреблении от имен существительных и форм на *-ма* и форм на *-ми* (напр. в Шенк., ib. 29).

святкыми (пр. 143); — Вязем. — *деньгими* (Тр. МДК. X, 12); — Верейск. — з *девкими* (Черныш., Изв. XIII, 130);[1] — Колом. — за *веникими* (Сборн. Форт. 506); — Петров.-Сарат. — *акошкими, колечкими, малодушкими, девушкими, падружинькими* (М. Сокол. Влр. свад. п. 7, 51, 63); — Сердоб. — *рагаточкими* (Уч. Зап. Сар. У. VI, 3, 357); — Краснослоб. — *деньгими* (Тр. МДК. X, 48); — Мокш. — *ниткими, деньгими, ножкими* (пр. 230,2, 232,1); — Чембар. — *святкими, девкими* (пр. 228); — Жиздр. — *вутими, гусими, дядими, тетими* (ср. также дат. мн. — *дядим, братьим*, Ник. 238); — Медын. — *ниткими, деньгими, булавкими, девкими, святкими, грабелькими, ломтикими*, — также — *саблими, банями* и др. (пр. 263); — Мещов. — с *книгими, шапкими, баранкими, ломтикими, коркими*, также — *болезними, камними* (пр. 41,1) *ниткими, деньгими, булавкими, святкими, грабилькими, ломтикими*, также — *саблими, банями, писателими, вутими, гусими, лебидими* (Черныш. 62, 162) *санкыми, дорогыми, крохыми* (пр. 150) *ниткими, булавкими, святкими, грабилькими, ломтикими, кусочкими, деньгыми, шапкыми*, также — *саблими, банями* и др. (пр. 267); — Щацк. — за *уткими* (Изв. V, 926); — Рязанск. г. — *коркими, вилкими, банкими, ћоловкими, палкими, тряпкими, бумажкими, ниткими* и проч., также — *яйцыми, перьими, стульими* и под. (РФВ. 27, 227 и 28, 31); — Егорьев. — *ниткими, булавкими, святкими* (пр. 133,1); — Зарайск. — *внукими, рюмкими, падрућими, арехими, мошкими, деушкими, ухими, дароґими, дыркими*, также — *банями, песними, платьими, стаканьими, паежжаними, паленьими* (при — *братьями, стаканьями, долями*, Петр. 14, 32, 42, 46); — Касим. — *святкими, деньгими* (пр. 47) *пирилинкими, склаткими, баркими, пятрофькими*, за *азёркими, клеткими, дароћими, падружкими* (Будде, К ист. 66, 99, 336) *ниткими* (пр. 111,а); — Ряз. — с *кисемькими* (Шахм. II, 741, по Будде); — Скопин. — *кучькими*, з *дефькими, яблакими, лошкими* (Будде 145, 147) *булафькими* (id., см. Шахм.

---

[1] Отсюда далее и в местном мн. — ф *чулочких* Верейск. (Изв. X, 2, 371).

II, 564); — Богородиц. — з *банкими* (Изв. III, 1329); — Ефрем. — *книгыми, палкыми*, также — *имениими* (АГО. XLII, 15); — Орл. — *ђраблими* (Будде 42); — Обоян. — *зорькими, капейкими* — «после йота и еря», ср. здесь же — род. ед. *бойкига* (МАП. 94); — Ворон. — *пяткими* засьвиркал (Дикар. 203); — Земл. и Зад. — *дравишкими, клеткими, палоскими, ротственникими, дефкими* и др. (ИРЯС II, 1, 92 и 102); — Коротояк. — *твяточкими, платочкими* (в единичных случаях, ib. III, 569). — Терск. — *ниткими, булафкими, деньгими, святкими, доскими, трапинкими, лягушкими, чирипахими, подружкими, дефькими* и т. п., — также — *княгиними, пулими, саблими* (РФВ. 44, 78); — Барнаул. — *подсвешникими* (С. Обнорский).[1]

В отношении этих форм, попутно с самыми указаниями их, были высказаны различные предположения, касающиеся их происхождения. Так, Дурново Шацкую форму за *уткими* считает обязанной «подражательному смягчению». Согласно Петровской, Зарайские формы возникли по аналогии с формами именительного мн. приведенных рядов существительных. О Жиздринских формах Никольский высказывает суждение, как о происшедших по аналогии с формами творительного мн. имен прилагательных. Из этих мнений первые два недоказательны. Оба они гипотетически вполне возможны, но их нельзя опереть какими-либо иными оправдывающими доводами. И только последнее из высказанных предположений, предположение Никольского о связи данных форм на *-ими* с окончанием *-ыми, -ими* категории имен прилагательных, представляется наиболее близким к истине, правда, в принципиальном своем виде, в отношении общего разрешения вопроса о происхождении данных форм на *-ими*, а не в применении к частным Жиздринским формам, могущим с большею вероятностью объясняться и иначе. В этом отношении бо́льшая

[1] В Перв. Рус. Вед. 7 читается: со взятыми французскими *войскими*. Форма *войскими* должна объясняться здесь из принадлежности в старом языке этого имени существительного к числу субстантивированных прилагательных. В данной форме таким образом — архаическое образование по типу склонения прилагательных.

правдоподобность именно последнего предположения находит себе оправдание в связи данных форм на *-ими* с выше указанными формами на *-ыма, -има.* Ни предположение Дурново, ни объяснение Петровской не приложимы к северновеликорусским фактам на *-ыма, -има.* Между тем связь этих последних и форм на *-ими* очевидна. Эта связь, между прочим, согласуется и с характером несомненной древности и, видимо, хронологической общности происхождения тех и других образований. Ср. в первых образованиях наличие элемента *-ма,* говорящее об общем возникновении форм с данным флективным элементом в ту пору, когда старые двойственные формы на *-ма* не истерлись еще совсем из языковой памяти. Ср. во второй группе образований — формы на *-ими* после *г, к, х,* свидетельствующие об общем своем возникновении в эпоху, относительно не далеко отстоявшую от периода известного фонетического изменения *кы, гы, хы* в *ки, ги, хи.* Итак именно связь форм на *-ыма, -има* с одной стороны, форм на *-ими* с другой стороны делает наиболее правдоподобным предположение об общем сложении того и другого типа диалектических новообразований приблизительно в одну эпоху и в условиях действия одной общей причины — влияния адъективного или, шире, местоименного типа склонения (в данной падежной форме) на склонение именное. Все сказанное в результате подкрепляет правильность данной выше картины постепенного развития диалектических форм тв. мн. на *-ма.*

Следует иметь в виду, что в отношении приведенного материала форм на *-ими* помимо общей указанной причины, вызывавшей эти новообразования, в отдельных диалектических группах могли иметь значение и некоторые иные факторы. Так, Обоянские формы *зорькими, копейкими,* в виду наличия здесь же формы род. ед. *бойкига,* могут считаться особыми образованиями фонетического происхождения (со смягчением *к* под влиянием предшествующих палатальных звуков). Также в случаях типа *гусими, саблими* и т. д., свойственных различным южновеликорусским говорам, можно усматривать наличность фонетического же фактора —

ослабления (редукции) послеударного *а* (в окончании *-ами*), давшего в положении после непалатальных согласных — *ы*, после палатальных согласных — *и*. Этот последний принцип объяснения нельзя однако обобщать для всей совокупности приведенных южновеликорусских фактов, а тем более для суммы северновеликорусских и южновеликорусских форм на *-ими*. С одной стороны для северновеликорусской почвы этот принцип не приложим, так как в северновеликорусском неизвестно явление редукции неударяемых гласных. С другой стороны в южновеликорусском этот фонетический фактор не был повсеместным, а потому и вообще, если имел свое значение, то не в качестве основного, определившего данное морфологическое явление, фактора, а в качестве содействующей причины, закрепившей тот основной тип новообразований, который получился здесь, в южновеликорусском, так же, как и в северновеликорусском, в результате отражения иного общего начала, именно чисто морфологического воздействия на именное склонение склонения типа местоимений и прилагательных.

Возвращаясь к формам тв. мн. на *-ма*, остается отметить редкую разновидность их, именно в виде форм на *-мя*. Эти формы отмечены лишь в Пермской губ. — *цветочкимя* аленькимя (Изв. XXIV, 1, 226, по Будде), с *каретыля* Чердын. (Ончук. Ск. 495). Данная разновидность образования творительного мн. особенно ясно свидетельствует о связи вообще форм на *-ма*, *-мя* с местоименным склонением. Пермские формы возникли на почве контаминации исконных форм двойств. числа на *-ма* с формами мн. числа на *-ми*. Ср. подобное происхождение литературных форм — *двумя, тремя, четырьмя*. Употребление отмеченных Пермских форм находится в связи с распространенностью здесь, и вообще на востоке северновеликорусской территории, форм дательного-творительного типа *имя, всемя* и под. — Особо должно отметить известную Касимовскую форму — з двумя́ с *рибя́тъмя* (Будде, К ист. 70). Об ней было много суждений (ср. В. В. Виноградов, Изв. XXIV, 1, 231), причем единичность этой формы, к тому же

наличность за пределами чистых северновеликорусских говоров, которым вообще свойственны формы на *-ма*, *-мя*, заставляли исследователей искать фонетического ее оправдания. Эти попытки однако мало убедительны, а потому вряд ли правильны. Наличие этой формы, между прочим, в соединении с формой на *-мя* числительного имени (з *двумя* с *рибятъмя*) подсказывает предположение о морфологической почве ее образования, т. е. заставляет и в этой форме видеть явление, параллельное с отмеченными Пермскими формами на *-мя*. Конечно, форму не необходимо вести к предку ее именно на *-мя* (см. Дурново, Очерк 215); этим предком могла быть нормальная старая форма по двойств. числу — *ребятома*, которая в условиях непосредственного соседства с числительной формой *двумя*, видоизменившись, и могла дать разновидность — *ребятъмя*.

Как можно было видеть из приведенного материала с формами на *-ма*, последние вообще имеют очень незначительное территориальное распространение, чередуясь при этом в отдельных местах или, можно думать, уступая место иным формам — формам тв. мн. на *-мы*. Собственно, если откинуть показания о формах на *-ма*, принадлежащие одним книжным источникам (песням, сказкам), также свидетельства о спорадическом употреблении этих форм только от слов, употреблявшихся в старом языке преимущественно в двойств. числе, то территория распространения этих форм на *-ма* оказывается очень незначительной. Собственно живой речи формы на *-ма* принадлежат лишь в Шенкурском у. Архангельской губ., в Сольвычегодском у. Вологодской губ. и Чердынском у. Пермской губ. Многочисленные примеры этих форм из Петрозаводского у. Олонецкой губ., отчасти из Онежского края, все падают не на непосредственную живую речь, чередуются в показаниях самых песенных и сказочных источников с формами на *-мы*, являющихся, как будет ниже видно, именно нормальными живыми формами в отмеченных местностях. В этом смысле приведенные данные из этих местностей с формами на *-ма* должны рассматриваться как «архаизмы»

речи сравнительно с выступающими параллельно к ним формами на *-мы*.

Формы тв. мн. на *-мы* имеют относительно более широкий район распространения. Они отмечены в Арханг. у. — Собол. Оп. 51; — Кем. — *деньгамы, грибамы, сельдямы* (пр. 104) со *змеямы*, под *ногамы, хребтамы, когтямы* (Ончук. Ск. 151—159) с *дружьямы* (Ист. 187); — Онеж. — вяжет *свясточкамы* шелковыма, *топорамы* вострыма, за *плечамы* (Кир. II, 101, 105, 107) *пановьямы, улановьямы* (Гильф. 985) под *ушмы*, меж *глазмы* (Кир. I, 87); — Олон. г. — *подаркамы* и т. д. (Потебня, Ф. З. 1865, 1, 83) *воротмы* (Кир. II, 34); — Вытегор. — за *ягодмы, лошадьмы*, менял *конямы*, ходил за *деньгáмы, рукáмы, лопатамы, слезмы*, но чаще формы на *-м* (пр. 22); — Петроз. — с *людямы*, с *коровамы, деньгамы*, за *камнямы*, за *дровамы*, за *грибамы*, за *ягодамы* и проч., но чаще формы на *-м* (пр. 30) с *работникамы*, с *робятамы*, за *коньмы*, за добрыма *людямы* (пр. 34) за *горáмы*, за темныма *лесамы*, за *мхамы*, меж *дворамы*; *деламы*, со *крестьянамы, разговорамы*, этыма *снежечкамы*, худыма *топоренкамы*, черныма *черниламы*, со *дитямы*, со желанныма *родительмы*, со бедныма *людямы*, за *ягодмы*, горючима *слезамы* (и — *слезмы*), с *суседмы* (Барс. I, 33, 43, 90, 95, 144 и т. д.) *розсказамы, родителямы* (Пономарев 14) с *овсамы*, с *быкамы, веревкамы* и т. д., *клещмы* (и — *клещамы*) над *воротмы* (Ончук. Ск. 213, 222 и т. д., 312, 313) *слезмы*, со *князмы*, с сорока *королямы-королевичмы* (Рыбн. I, 389, 391 III, 205) *клюхамы* калпчьима, *косицямы, долонямы*, со *полкамы*, с конныма *егерямы, болотамы*, малыма *чинамы*, мелкима *селамы* (Кир. III, 85, 88 VIII, 44—45) *слезмы* (Ист. 199) двумя *градмы*, целыма *тысящмы*, под *грудмы* (Гильф. 533, 615, 779); — Повен. — *зубамы* (Ончук. Ск. 429) и со всема *князьямы* и *боярмы* (Рыбн. IV, 84) добрыма *комоньмы*, с *робятмы* (Гильф. 67, 153); — Пуд. — тв. на *-амы* в югозап. части уезда (Манс. 158) *воротмы, рядмы, царевичмы, королевичмы*, целыма *тысячмы, улицмы* (Рыбн. I, 63, 210, 431 II, 137 III, 205) со могучима *богатырмы*, резвыма *ногмы* (Гильф.

234, 247); — Новгор. г. — тв. на *-мы* в некоторых говорах восточной группы Новгородского наречия (Тр. МДК. III, 101); — Белоз. — *рукамы, ногамы* (пр. 166), но по пр. 191 формы на *-мы* отсутствуют; — Новгор. — *людьмы*, ср. также дат. мн. — *лошадьмы, людьмы* (Колос. Зам. 20, 23) с *людьмы*, за *грибамы* — изредка, при обычных формах на *-м* (пр. 20), ср. отрицание существования форм на *-мы* в Новгор. у. по Соловьеву (Сб. II Отд. 77, 7, 4); — Тихв., Устюж. и зап. части Черепов. у. — тв. на *-мы* рядом с формами на *-м* (Тр. МДК. III, 102); — Чердын. — *слезамы* и *слезмы* (пр. 258); — Казан. — тв. на *-мы* рядом с формами на *-м* (Тр. МДК. II, 3); — Муром. — *слезмы́* (пр. 93); — Вышневол. — с добрым *людьмы*, рядом формы на *-м* (АГО. XLI, 47); — Торж. — с *грибамы*, с *духомы*, рядом формы на *-м* (ib. 30); — Твер. — в поговорке: не мы одны́ с *кало́шамы* (Черныш. 9); — Путивл. — с хорошимы *баярмы*, сы *баярмы*, с *казакамы* (Хал. 118, 120, 169) с *саньмы*, гарючимы *слизамы* (РФВ. 16, 222); — Сибир. Илимский край — *ногамы, рукамы, вазамы*, з *грибамы*, з *дефченкамы* и др. при обычных формах на *-м* (Черных, 12; ср. здесь спорадические фф. на *-ма*).

Путивльские факты на *-мы*, само собою разумеется, должны быть выделены: они в основе не морфологического происхождения, а фонетического, — причина их — изменение гласного *и*, перешедшего (под влиянием украинских говоров) в звук среднего ряда. Точно также в единичных формах на *-мы*, отмеченных в Тверской губ., можно видеть белоруссизмы; ср. диалектические белорусские формы *рукамы, ногамы* (Карский, II, 2, 227; Шахм. III, 544). Во всем прочем материале форм на *-мы* результат органического их происхождения на тесной северновеликорусской почве. Эти формы именно принадлежат главным образом Архангельской и Олонецкой губ., также восточным частям Новгородской губ.; прочие свидетельства о них (из Чердынского у. Пермской губ., Муромского у. Владимирской губ. и Казанского у.) за своей отрывочностью не показательны. Самое происхождение данных форм на *-мы* имеет двоякое объяснение. Согласно Собо-

левскому (РФВ. 6, 219; Лекции 178) в них старое окончание *-ми* заменилось через *-мы* под влиянием форм того же творительного мн. на *-ы* у имен с основами на *-о. Но мы не имеем иных подтверждающих аргументов для принятия этого объяснения: следов сколько-нибудь долгого сохранения этих старых форм тв. мн. на *-ы* от основ на *-о в живой народной речи не сохранилось, и думать поэтому об особой морфологической значимости в прошлом этого окончания *-ы* и отсюда о его соответственном влиянии на изменение флексии *-ми* (между прочим значительно более широкой в старом склонении, ср. ее в основах на *-а, на *-u, на *-i, отчасти также в основах на согласные), было бы слишком теоретическим. В этом отношении более убедительным представляется взгляд на эти формы на *-мы* у Шахматова, объясняющего их образование на фонетической почве именно путем отвердения начального *м* в старой падежной флексии *-ми*, вызванного влиянием, с одной стороны, форм дат. мн. на (твердое) *-мъ*, с другой стороны форм дательного-творительного на *-ма* по системе двойств. числа. Особенно ценной в этом объяснении Шахматова представляется однако вторая его часть, признание связи по происхождению данных форм на *-мы* с старыми формами дв. числа на *-ма*. Связь эта несомненна; об ней свидетельствует фактическое существование говоров, употребляющих рядом с формами на *-ма* формы на *-мы*. Но в приведенном материале можно видеть также указания на наличность в говорах чередования форм на *-мы* с формами тв. мн. на *-м*. Возникает вопрос, каково же соотношение этих форм на *-м*, *-ма* и *-мы*, в частности — формы на *-мы* имели ли ближайших своих предков в формах тв. мн. на *-м* или в формах дат.-тв. двойств. числа на *-ма*. В этом отношении территориальное взаимное распределение всех этих разновидностей форм позволяет с уверенностью выводить формы на *-мы* не из форм на *-м*, а из форм старой двойств. системы на *-ма*. Формы на *-мы* типичны лишь для Архангельской и Олонецкой губ. и частей Новгородской губ., но именно выше была подчеркнута характерность этих районов по признаку отсутствия в них форм

на *-м*. Напротив, в ряде местностей, где особенно типичными являются именно формы на *-м*, как в Вологодской губ., Вятской и т. д., оказывается как раз совершенное отсутствие следов форм на *-мы*. Это фактическое свидетельство определенно вынуждает в освещении вопроса о происхождении форм на *-мы* отграничивать их от какой бы то ни было связи с формами на *-м*. Предками форм на *-мы* должны были таким образом явиться лишь старейшие формы дв. числа на *-ма* и мн. числа на *-ми*. Отсюда естественное объяснение форм на *-мы* предположением происхождения их контаминационным путем: старейшие формы дв. числа на *-ма*, распространившиеся на множественное число, вступив в связь с собственно формами мн. числа на *-ми*, дали фонетически закономерный контаминационный результат в виде форм на *-мы*, т. е. с твердым согласным элементом исконной флексии мн. числа. Кроме изложенных соображений, можно привести еще ряд косвенных указаний, влекущих к тому же предположению о предках форм на *-мы* именно в старых формах дв. числа на *-ма*. Ср. данные, отмеченные выше, с колебанием в отдельных говорах форм на *-ма* и на *-мы*, ср. в приведенном последнем перечне материала форм на *-мы* обилие примеров с сочетаниями форм имен существительных на *-мы* с согласуемыми с ними именами прилагательными обычно в форме на *-ма* (добры*ма* людя*мы* и под.), ср. наличность единичных примеров форм на *-мы* в Белозерском у. Новгородской губ. (по указанию пр. 166) лишь в случаях *рукамы*, *ногамы*, т. е. случаях, непосредственно ведущих к предкам их в виде форм дв. числа на *-ма* (*рукама*, *ногама*). Необходимо в заключение заметить, что относительно широкому и после всего изложенного понятному факту известного колебания в говорах форм на *-мы* и на *-ма* противостоят сравнительно незначительные явления с чередованием форм на *-мы* и на *-м*. Случаи последнего колебания форм оказываются главным образом в Вытегорском и Петрозаводском уу. Олонецкой губ., и в частях Новгородской губ., и должны объясняться позднейшим проникновением в названные районы флексии *-м* из

смежных говоров, которым свойственны эти формы на *-м*. Это захождение форм на *-м* за пределы первичного их органического сложения особенно заметно на говорах Новгородской губ.

Остальные явления дательного, творительного, местного[1] падежей мн. числа носят характер частных явлений того или другого в отдельности падежа.

В отношении творительного падежа можно отметить долгое сохранение в языке старых форм на *-ы*, *-и* от имен с основами на *-о. Эти формы, сохранившиеся диалектически в украинском (напр. в угрорусском наречии — *зубы*, з *го́рцікы*, *хло́пы*, трьома́ *го́ды́*, Верхр. Знад. I, 63, 65 и др., см. Шахм. III, 64, 86), в живой великорусской речи (как и в белорусском) отсутствуют. Но эти формы долгое время существовали в литературном языке, из которого проникли и в книжное народное употребление, ср. нередкость их в былинах. В литературном языке формы можно наблюдать с самой ранней поры: ср. *имяны́* прежереченными в Домостр. VIII, 24; много этих форм в Улож. А. М. (напр. бити *батоги* I, 6 и др., съ *недруги* II, 2, сыскивати всякими *сыски* II, 9 и др., никоторыми *дѣлы* IX, 9, съ тяжелыми *возы* не ѣздити IX, 14, и проч.) и у Котош. (со многими своими *князи*, и зъ *бояры*, со

---

[1] Как и в ед. числе, форма винительного падежа мн. числа с точки зрения морфологии не вызывает замечаний: форма вин. падежа и здесь совпадает со старой формой либо именительного, либо родительного падежа — в первом случае у неодушевленных, во втором случае у одушевленных имен существительных. Только в известных сочетаниях, как — поставлен в *игумены*, взят в *солдаты* и под. (Ломон. Росс. Гр. § 201), в языке от одушевленных имен существительных сохраняется архаическое употребление старой формы именительного падежа (по происхождению собственно-винительного). Отчасти старый язык, отчасти областная речь представляет более широкий круг сходных форм. Здесь приводится соответственный фактический материал: 1) относящийся к старому литературному языку — на *ко́ни* сѣсть. Перв. Рус. Вед. 71, 2) принадлежащий областной речи — ты *дева́рья* зови братцами Кирил. (Бр. Сокол. 386); наезжали на *змеи* на вогненны Орл. (Безс. I, 438); как про вногие *князи*, всё про бояра Печор. (Ончук. Был. 52); из грязи попал в *князи́* Дон. (МАН. 49); ср. еще в пословице — взят из грязи, да посажен в *князи* Снегир. 32; и скоро ведут *лошади* богатырския Тих. и Милл. 50 (по рукоп. XVIII в.); А где девки? — За *мужья* ушли. Лаишев. (Ж. С. I, 4, 224); кады твои братья найдуть *нивесты* Зарайск. (Петр. 37); ловить, варить, исть *раки* Дон. (пр. 42,2).

многими *войски*, съ ихъ *государствы*, надъ прежними *княжествы*, съ *Поляки*, даже — съ *Поляцы*, с *сѣдлы* и съ *наряды*, зъ *знамены*, съ *кружевы*, а ловятъ тѣхъ зверей *тенеты*, съ *товарыщи* и др., лл. 1, 4^{об}, 5, 88^{об}, 89^{об}, 101^{об}, 123, 18, 84^{об}). Известны формы в Петровскую эпоху: со всеми *войски*, съ распущенными *знамены*, двумя *полки*, съ *припасы*, съ *товары*, всякими *способы*, съ *сосѣды* своими и др. — П. и бум. П. В. I, 22, 38, 90, 158, 192, 193, 474 II, 156 V, 209, 212, *браки*, *греки*, *поступки*, *слоги*, *товарищи* и т. д. у Кантем. (РФВ. 69, 61—62); нередко употребляет их и Ломоносов: со многими *народы* I, 123, твоими *персты* II, 215, тремя, разными, всевозможными *образы*, *способы* III, 69, 245, 267 V, 4, 310, с *роды* своими V, 249, 296, с новгородскими *войски* V, 336, с *товарищи* своими V, 218, со *внучаты* своими V, 318. Ломоносов был последним писателем, с известным простором пользовавшимся этими формами. В дальнейшем течении жизни литературного языка формы окончательно исчезают из языка. Так у Фонвизина они носят уже характер форм спорадических: всеми моими *чувствы*, *достоинствы*, *кресла* Бригад. II, 2 III, 3, 6 IV, 4; у Державина находим единственный соответственный случай — И Цельты с *Мидяны*, с *Египтяны* попраны IV, 189.[1] В народном языке, за исключением единственного свидетельства, — со *кресты* пойдут на воду Боровнч. (МАН. 112), принадлежащего пословичной речи, — впрочем, данная пословица носит все признаки заимствования из церковного языка, — все прочие случаи употребления интересующих форм имеют отпечаток некоторой архаичности и принадлежат преимущественно былинам: со *богатыри* Луж. (Кир. I, 63 и др.) за мхами за *болоты* Сарат. г. (М. и К. 32) со *бояры* Пуд. и др. (Кир. II, 60; Гильф. 234 и проч.) ты почуй . . . за *вороты* Колым. (Богор. 272) малыми *ветры* Петроз. и др. (Безс. I, 241, 243, 244) двумя *грады* Петроз. (Гильф. 822) со *драгуны* Сарат. г. (М. и К. 31) девятью *замки* Вельск. (Смирн. I, 177) копья *кольцы* попригнулись, со трема *кольцы*

[1] Пример — с дубовыми тесовыми *вороты* у Пушк. (Бусл. 231) объясняется подражанием народному (книжному) стилю.

Пуд. (Рыбн. III, 57) Колым. (Богор. 270) под *колены* Нолин. (Варенц. 112) за тремя красны *крылечки* Ковров. (Шейн I, 89) *лесы* брынскими Нижег. г. (Кир. I, 36) желтыми *пески* Тульск. г. (Майк. Закл. 505) со цёсныма своима *родители* Арханг. г. (Марк. 123) аль тебя жаловать *селы* с приселками Пуд. (Рыбн. II, 220) со святыми *серафимы*, *херувимы* Малоарх. (Безс. VI, 191) со *товарищи* Колывань (Кир. II, 60); ср. еще в старых песенных записях (XVII—XVIII в.) *меды* сладкими, *товары* заморскими, со *товарищи* (Тих. и Милл. 26, 27, 51 и др.), у К. Дан. — со *мужики* новгороцкими, со своими *князи бояры*, *каменьи* самоцветными, перед злыми *дни* 11, 12, 31, 162, у Чулк. — за мхами за *болоты*, за *вороты*, со *драгуны*, с добрыми *молодцы*, с *товарыщи*, копьями *знамены* I, 164, 165, 168 и т. д. И в старом литературном языке и в народном (песенном) языке аналогически эта флексия *-ы*, *-ы* распространилась на некоторые имена существительные ж. рода III типа. Ср. *карты* и зернью играютъ Улож. А. М. XXI, 21, съ сахаромъ и съ *ягоды* Котош. 28[об], поздравляемъ васъ толикими *викторiи*, съ *ножны* и съ *портупеи* П. и бум. П. В. II, 83 IV, 46 V, 182; с молодыми . . . *девы* Кантем. I, 374; — со *вдовы* честны многоразумными К. Дан. 4, с гостиными *жены* Нижегор. (Колос. Обз. 222), *палицы* Беломор. (Изв. VII, 3, 32), горючими *слезы* заливается Владим. и Нижегор. гг. (Кир. 41, 58 VII, прил. 76).[1] Ближайшие условия, вызвавшие это колебание в образовании формы, не вполне ясны. Можно думать, что формы тв. мн. *викторiи*, *портупеи*, также *карты*, возникли из предполагаемого чередования этих имен существительных в ед. числе по муж. и ж. роду (I и III типа), т. е. из предположения наличности в прошлом в языке рядом с формами слов *виктория*, *портупея*, *карта* по ж. роду также вариантов их по муж. роду — *викторий*, *портупей*, *карт*. Отмеченные формы тв. мн. *ягоды*, *палицы*, *слезы* необходимо поставить в связь с приводимыми ниже иными вариантами формы —

---

[1] Ср. в актовом языке — зернью и *карты* не играть Гр. 1640, 1668, 1687, 1693 гг. (А. Кал. II, 514, 579, 696, 805), конми *затьи* Мировая 1648 г. (ib. 464), съ рыбными *ловли* Меновная 1649 г. (ib. 492).

ягодми, палицми, слезми; связь эта сама по себе неясна, но во всяком случае особая пестрота в образовании формы тв. мн. от названных имен существительных (*ягоды, ягдми, ягодами* и под.) заставляет предполагать известную исконную неустойчивость их основ и соответственное колебание самых типов склонения этих слов.

Протекавшая из категории имен с исконными основами на *-a в прочие типы именного склонения флексия тв. мн. *-ами* медленнее всего овладевала категорией существительных с старыми основами на *-i, упорно державшихся своего окончания *-ьми*. В результате и в литературном языке (в старой его и современной стадии) и в народном языке имеется известная совокупность слов, держащихся еще старой своей флексии *-ьми* или колеблющихся в употреблении старой флексии *-ьми* и новой *-ами*. Это явление можно наблюдать также в диалектах белорусского и украинского языка. Ср. при обычных в белорусском формах тв. мн. на *-ами* также — *косьми́, гвоздьми* (Карский, II, 2, 223, 227), или диалектические украинские формы в роде — *кістьми́, ма́терми, дверми́, гусьми́, людьми́* в батюков. говоре (Верхр. 46, 48), *мышми́, дверми́, гусьми́, ма́терьми* в долив. (ib. 68, 70), *дверьмы́, ма́терьмы* в мармарош. (id. 28), *кістьми́, гусьми́, го́лубми, ді́тми* в угрор. (id. Знад. I, 67 II, 78), *кістми, грудми, дверми, людьми* в говоре гал. лемков (id. 122). В великорусском эти формы имеют более значительное распространение. Особенно широки они по употреблению в литературном языке, где однако по мере приближения к современной стадии они постепенно убывают, уступая место формам на *-ами*. В последнем обстоятельстве можно убедиться из рассмотрения соответственного материала в хронологическом порядке (по употреблению форм отдельными писателями). Ср. у Котош. — всякимі *податми, сѣнми* (л. 90, 128об); — П. и бум. П. В. — дикими *степьми, ночми* I, 17, 42; — Кантем. — *дверьми, мозольми, матерми, страстьми* (РФВ. 69, 61), ср. в письме М. Петрова к Кантемиру — *ведомостьми* (Майк. 55); — В. Майк. — *песньми, мысльми,*

смертьми, страстьми, зверьми, Подр. пс., Нак. вор., Лев, Агр. IV, 5; — Ломон. — *ветвьми*, I, 5, 116, *речьми* ib. 81, *басньми* ib. 87, *свирельми* ib. 163, *отрасльми* ib. 165, *челюстьми* ib. 166, Демоф. V, 6, *страстьми* Демоф. I, 7, *смертьми* ib. IV, 1, *слабостьми*, II, 92, *добродетельми* III, 16 IV, 25, *частьми* III, 20 IV, 281, *площадьми, пристаньми* III, 121, *сластьми* ib. 329, *вещьми* IV, 30, *вольностьми* ib. 298, *мысльми* ib. 275, с *сольми* V, 28, ср. — ветхий *деньми* I, 88, — ср. *ветвями* I, 165, *вещами* IV, 399, *мыслями* ib. 262; — Сумарок. — *гортаньми, мысльми, радостьми, тварьми, вещьми, степеньми* VIII, 104, 221, 338 IX, 220, 250 X, 131; — Держ. — *браньми* I, 216, 351, *бровьми* III, 366, *ветвьми* III, 74, *гусльми* III, 116, *доблестьми* III, 389, *добродетельми* II, 415, *медальми* I, 434, *надписьми* III, 105, *напастьми* II, 165 III, 223, *плетьми* III, 363, *почестьми* II, 11 III, 385, *прелестьми* I, 419 III, 405, *пригорщми* IV, 246, *приятностьми* I, 5, *песньми* II, 354, *свирельми* II, 389, *слабостьми* III, 221, *сластьми* II, 407, *страстьми* I, 305, 433 II, 2 *сетьми* II, 408, *хитростьми* IV, 293, *цепьми* I, 191 II, 389 IV, 242, *зверьми* III, 14, *когтьми* II, 353 III, 236, — ср. *речами* III, 89, *гостями* III, 413, *зверями* III, 49; — Капн. — *горестьми* На др., *печальми* На над., *теньми* На см. друга, *челюстьми* Яб. I, 7; — Фонв. — *глупостьми* Брнг. II, 2, *пропастьми* Письма. — Болот. — *браньми, корыстьми, цепьми, милостьми, потребностьми, прелестьми, пещьми, плетьми, дочерьми, дверьми, лошадьми* (Лобов, Из ист. 172); — Хемн. — с *саньми*, Соч. 255; — Чулк. — *мысльми, матерьми, напастьми, прелестьми, радостьми, тварьми, гвоздьми* I, 65, 98, 309, 317, 558, 566, 678, 730; — Струговщ. — *плетьми, слабостьми, страстьми* Песл. д. II, 4, III, 16; — Карамз. — *скатертьми* (Ч. 96). — Бат. — дни мои я *радостьми* считал Тиб. эл., котомкой с *желудьми* сушоными ссудил Стр. и дом.; — Вяз. — и девы, *прелестьми* венчанны III, 47, *медальми* (Лобов, Из ист. 172); — Давыд. — О вы, которые здесь *прелестьми* гордитесь, Возьмите меч; — Жук. — Жадно питаяся там *желудьми* Одисс. XIII, 409, с хвостом, *когтьми*,

рогами Громоб., ср. здесь же — с разверстыми *когтями*; — Гриб. — Мой муж *ведомостьми* был занят, а не мной Мол. супр. III, он мне после угождал взорами, *речьми* Студ. I, 7. — Пушк. — гремит *костьми* Ск. рыц., *дочерьми* Е. О., *плетьми* Ист. пуг. б., за государственными *печатьми* Мат. для ист. П. В., *страстьми* томимой Пир. во вр. ч., Полт., *речьми* Письма, II, 209, — ср. *костями* Череп; — Крыл. — Ни славою, ни *почестьми* не льстится Ор. и нч., Так мне с *гостьми* не мудрено ужиться Вор. и кур., Кого *зверьми* владеть поставила природа Восп. льва; — Язык. — И с кроткими *зверьми* за панибрата Стр. случай; — Козл. — Но память и о них *страстьми* отравлена Подр. Мицк.; — Лерм. — между двумя высокими *печьми* Вад. III, гоняться за *зверьми* ib., *страстьми* земными не смущаем Казнач., *Когтьми* хватает вдруг Кавк. пл., — ср. Пустыню усыпает их *костями*, В бою мы рады лечь *костями* Изм.-б., колебание *дверьми* и *дверями* (*дверьми* в начале литературной деятельности, колебание форм в последующей деятельности, Лобов. Архаизмы, 100); — Салт. — с такими *речьми* II, 175, и *прелестьми* житейскими возгнушался ib. 169, вооруженная всеми подписями, *печатьми* и скрепами ib. 35, которыми *вещьми* хощет увязати . . . ib. 154, за *дверьми* (Ч. 95); — Акс. — *дочерьми*, за *дверьми*, с *сетьми* (Ч. 95—96); — Некр. — постегали *плетьми* I, 21; — Тург. — *лошадьми*, — ср. за *дверями* дважды (Ч. 95); — Гонч. — *дверьми* и *дверями* (ib.); — Леск. — *дочерьми* (ib. 96), *плетьми* Мел. арх. ж. II, — ср. монах ошибся *дверями* ib. VII; — Дост. — разыщут и накажут *плетьми*, 476; — Л. Тлст. — *дверьми*, — ср. *дверями*, *сетями* (Ч. 95—96). — Ср. еще по Ч. 95—96: с *властьми* у Грановского, стуча *костьми* у Фофанова, с другой стороны — стучал *дверями* у Чирикова, за *дверями* у Гол.-Кутузова, *дочерями* у Куприна, с *гостями* у Лейк. Наши пит. XII, перед *гостями* у М. Горьк. Мой спутн. II.[1]

---

1 Здесь же должны быть упомянуты формы — *плечьми, очьми, ушми*, известные и в старом литературном и в народном употреблении. Подробности об этих формах и самый материал о фактическом их употреблении в языке см. в отдельной статье, Ztschr. f. slav. Ph. II, 71 и слд.

В результате к современной стадии литературной речи осталось уже немного существительных, могущих пользоваться в творительном мн. архаической флексией. Это именно слова — 1) *дверь*, *дочь*, *кость*, *плеть*, *речь*, *сеть* ж. рода и *гость*, *зверь* м. рода, также существительное *дети*, — все они при этом могут оканчиваться в тв. мн. на *-ами*, и 2) существительные *лошадь*, *люди*, знающие в тв. мн. лишь формы на *-ьми* (*лошадьми*, *людьми*).

В народном языке круг слов с формами тв. мн. на *-ьми* приблизительно однородный: *вестьми* Кирил. (Шейн I, 140) Чердын. (РФВ. 6, 180); *ћрудьми́* карьми́ла Новосил. (Будде 15) под *грудмы́* Петроз. (Гильф. 615); *даньми* тяжкими Варенц. 196; за *двéрьми* Петроз. (Ончук. Ск. 220), *кистьми* Кирил. (Шейн I, 140) Чердын. (РФВ. 6, 180); *клещьмы* (рядом — *клещамы* крепкима) Петроз. (Ончук. Ск. 312, 313); *костьми* Грязов. (рядом — *костями*, Сб. II Отд. 99, 2, 41) Медын. (пр. 263) Судж. (Резан. 247) Терск. (иногда, Караул. 23); *лошадьми* Грязов. (Сб. II Отд. 99, 2, 41) Владим. (МАН. 16) Мещов. (Черныш. 162) Судж. (Резан. 249); *плетьми* Петров.-Сарат. (М. Сокол. Был. 21), Смол. и Ржев. (Изв. XVIII, 3, 269); *пустошми́* Кашин. (Смирн. 87);[1] *речьми* хорошими Шенк. (Кир. V, 4) Чердын. (РФВ. 6, 180) Влади́м. (МАН. 16) Смол. г. (Добров. 447) Ливен. (Тр. МДК. III, 148) Дон. (Кир. IX, 224); под *саньми* Медын. (пр. 263) Мещов. (пр. 41,1, 267; Черныш. 162) Судж. (Резан. 249) Обоян. (РФВ. 38, 130) Путивл. (ib. 16, 222) Венев. и Ворон. (ib. 47, 136 прим.); *сеньми* Кем. (Майк. Закл. 502) Малоятросл. (Шейн I, 229);[2] со двенадцатьми *чепьми* железнами Одоев. (Безс. I, 400) Дмитр.-Кур. (Сперанский 43); ковром одет, *гвоздьми* прибит Садовн. 181, Арханг. г. (Варенц. 54) Звенигор. (Безс. IV, 129) Сарат. г. (М. и К. 26) Енис. (Кривошапк. I, 42); *гост(ь)ми* Грязов. (рядом — *гостями*, Сб. II Отд. 99, 2, 41) з *гасьми́* Моск. (ib. 75, 2, 41) Сарат. (Варенц. 72) Медын. (пр. 263) Судж. (Резан. 247)

---

[1] Ср.: съ *пустошми* Гр. жалов. 1448 г. (Арх. Строева I, 6), Гр. ввозная 1643 г. (А. Кал. I, 70), и др.

[2] Ср. в статье Машкина: У бедных же крестьян избы состоят из одного покоя с *сеньми*, нередко плетневыми. Э. О. V, 3.

Колым. (Богор. 230); *гусьми* Терск. (иногда, Караул. 21); *зверьми* Пермск. г. (Майк. Закл. 551) Можайск. (Безс. I, 720) Руз. (рядом — *зверями*, Дурново 135); *криньдельми́* Цивил. (рядом -*ля́ми*, пр. 143); *лебедьми* Чебокс. (Магн. 33); *людьми* Руз. (Дурново 135 — при *людями*). Как видно, в большинстве своем материал относится к песенной речи, что делает понятной относительную живучесть здесь старой флексии. Формами, свойственными живому употреблению в народной речи, согласно материалу являются лишь — *грудьми, костьми, лошадьми, пустошми, речьми, саньми, сеньми, зверьми, людьми́*. Однако этим формам можно было бы противопоставить ряд образований от сходных или однородных слов на -*ами*, являющихся, между прочим, особенно характерными для южновеликорусской области или полосы переходных говоров. Ср.: межу *лошадеми* Каргоп. (Колос. Зам. 120), *дитями* Шенк. (Манс. 114), *лошадями* Тотем. (Сб. II Отд. 99, 2, 63), *людями* (при *людьми*), *лошадями, дочерями, дверями* и под. Шадр. (С. Обнорский), *лошедями* Сузд. (Черныш. 19), *дочерями* Луж. (Кир. I, 63), *детями, лошадями, людями*, ср. еще *ве́щими* Моск. (Сб. II Отд. 75, 2, 40; Изв. XIII, 179; Кир. IX, 252), *людями, зверями* Руз. (при формах на -*ьми*, Дурново 135), за *клетями* Твер. г. (Садовн. 101) с *дятёми* Смол. (Добров. 895), тремя *дверями* железными Астрах. (Майк. Закл. 559), *людями, лышадями, дъвирями, дитями* Мещов. (Черныш. 149), со двумя *чепями* со железными Малоарх. (Безс. I, 405).

Долгое сохранение в языке у имен существительных с основами на *-i старой формы тв. мн. на -*ьми* вызвало в свою очередь распространение этого окончания в различные иные категории имен существительных и вытеснение у них первоначальной флексии -*ами*. Много следов этого возобладания первой флексии над последнею содержится в источниках старого литературного языка, но постепенно эти новообразованные формы на -*ьми* исчезли из литературной речи, продержавшись однако в ней (у некоторых отдельных слов) до XIX века. Влияние флексии -*ьми* естественно прежде всего должно было сказаться на кате-

гории имен существительных I типа мягкого различия: именительный ед. числа в этом типе склонения полностью совпадал с именительным ед. старых основ на *-i (ср. *конь* и *гость*). Подходящий материал носит характер исключительно книжного происхождения новообразований, через посредство литературного языка однако отразившихся и на народном языке, но также на книжном стиле его. Ср. сходные свидетельства литературного языка: у Котош. — *соболми*, л. 9[об], у Кантем. — *крайми* Сат. VIII, 100 (рядом — *краями* Сат. V, 24), у В. Майк. — *жительми* Елисей I, 118, у Ломон. — *жительми* Демоф. II, 5, *приятельми* II, 278 IV, 388, *учительми* III, 157, *обладательми* IV, 257, *любительми* ib. 294, *мореплавательми* V, 126, *писательми* ib. 161 (ср. у него же — *любителями* наук V, 92), у Фонв. — *избавительми*, *победительми*, *правительми* Альз. I, 1, 3 V, 7, у Держ. — *коньми* III, 105, со *рыцарьми* IV, 75, у Чулк. — *приятельми*, *егерьми* I, 415, 566. С XVIII веком эти формы закончили свое существование в литературном языке. Подобного же характера, в большинстве своем чуждыми собственно живой речи являются свидетельства этих форм из народного языка: со *андельми* Судогод. (Э. О. 1911, 3—4, 198) *богатырьми* Печор. (Ончук. Был. 9, 21) Пуд. (*богатырмы*, Гильф. 234) *клецми́* Смол. г. (при *клеца́ми*, от ед. ч. *клец* = заостренная палочка у граблей, Добров. 325) *ключьми* Чердын. (РФВ. 6, 180) Казан. г. (Э. О. 1907, 1—2, 119) Смол. г. (Добров. 326) Мещов. (Черныш. 172) Колым. (Богор. 270) *князмы* Петроз. (Рыбн. I, 389) *комоньмы* Повен. (Гильф. 67) *коньми* Пинеж. (землю *коньми*, свадьбу людьми МДК. XI, 11) Онеж. (ib. 921, 1222) Петроз. (за *коньмы*, пр. 34; *коньми* топчут, Рыбн. III, 100) Новг. (за *коньми*, пр. 20) Твер. (Черныш. 5) Смол. и Ржев. (Изв. XVIII, 3, 269) Терск. (иногда, Караул. 21) *королевичмы* Петроз. (Рыбн. III, 205) *родительмы* ibid. (Барс. I, 202) не хвались *родительми*, хвались добродетельми Пошех. (Э. С. II, 68) *собольми* гостья обвешаная Сибир. (Зап. и зам. о Сиб. 101) *царевичмы* Пуд. (Рыбн. III, 205). Колебание форм *клецми* и *клецами*, как в слове заимствованном, имеет в этом смысле себе оправдание. Неясна,

принадлежащая и живой речи, форма *ключьми*. Характерна устойчивость формы *коньми* (ср. также *комоньми*) в областной речи, между прочим, как диалектизм, встречающаяся у Державина (см. выше). Можно поставить вопрос, не говорит ли эта устойчивость в употреблении формы *коньми* в народной речи об исконной принадлежности слов не к основам на *-jo, а к основам на *-i. Значение великорусских показаний, между прочим, усиливается наличностью подобной же формы на *-ми* в диалектах белор. (Карский II, 2, 203) и укр. языка (*кінми* в говоре гал. лемков, Верхр. 119, *куньми* и *кіньми* в угрорусском наречии, id. Знад. I, 65).[1]

Захождение флексии *-ъми* в рассмотренные имена с основами на *-о мягкого различия (в основы на *-jo) само по себе, как было об этом замечено, ясно. В этом смысле непонятными на первый взгляд представляются и соответственно требуют особых объяснений факты с этим же окончанием *-ъми* у различных групп имен существительных твердого различия, при этом безразлично, к какому бы роду они ни принадлежали.

Формы тв. мн. на *-ъми* (*-ми*) от имен существительных I и II типа в склонении. Данные литературного языка: и за *зубми*[2] шепчет Кантем. I, 483; Меня || Он проклял *идолми* своими Гриб. Давид; *проторми*, см. выше (с. 101); *соседми* Котош. 228^об^, ср. эту же форму в гр. 1697 и 1699 гг. (А. Кал. I, 573 III, 282—285); *устьми* Кантем. Сат. III, 104; *холоп(ъ)ми* Котош. 22, 58, 187^об^; баба эта || была царица над *чертьми* В. Майк. Нак. вор. — Свидетельства областной речи: *братьми* Инсар. (пр. 231) Мещов. (Шахм. III, 415) Терск. (ib.); *воротми* Арханг. г. (Майк. Закл. 446) Петроз. (Гильф. 754; *ворóтмы* и *воротма*, Ончук. Ск. 213) Пуд. (*воротмы*, Рыбн. I, 63) за *воротьми* Вятск. г. (МАII. 44) перед

[1] Из белор. и укр. диалектов можно еще привести материал сходных форм на *-ми*. Ср. в белор. — *грошми*, *ключми*; *пожми*, *вугальми*, *гужми* и др. (Карский, ib.), в украинском — *грішми* Котл. Вирг. Ен. 98, в говоре гал. лемков — *пальцми*, з *горцми*, *пінязми*, *приятельми* (Верхр. 119), те же формы в угрорусском (id. Знад. I, 65 II, 75, 78).

[2] В примечании к стиху — за *зубами*.

воротми Дмитр.-Кур. (Сперанский 53); промежду де *глазьми* его целый аршин Печор. (Ончук. Ск. 316) Онеж. (меж *глазмы*, Кир. I, 87) *глазмі* не вижу Костром. (пр. 264) по *глазьми* (= по глазам) Молож. (МАН. 167) я видел это своими *глазьми* Вятск. г. (МАН. 44) болен *глазьми* Арзамас. (АГО. XXIII, 140); двумя *градмы* Олон. г. (Рыбн. I, 301) Петроз. (Гильф. 779); с *робятмы* Повен. (ib. 153) *робятма* Петроз. (Ончук. Ск. 264, 265); погнали добрых коней *стадмы*-стадом, добрых молодцев *рядмы*-рядом Пуд. (Рыбн. I, 431); *словми* Чебокс. (Магн. 144); *суседмы* Петроз. (Барс. I, 43, 82 II, 252); ср. еще — *боярмы* Путивл. (Хал. 169) Повен. (Рыбн. IV, 84), с *кресьянмы*, с *кресьянма* Петроз. (Ончук. Ск. 302 — 305), с *друзьми* Колым. (Богор. 302) с *дружми* Енис. (Селищ. 86).

Последние приведенные формы (*боярмы* и т. д.) и некоторые иные сходного типа образования (*градмы, робятмы* и др.), как формы чуждые непосредственной живой народной речи, явного книжного происхождения. Ср. этого рода форму *идолми* у Грибоедова. Можно еще привести подобные искусственного сложения формы, напр. — Хованской с *сыновми* у Ломоносова (II, 202), даже от имен на *-ие* ср. рода — многими *доношенми* П. и бум. П. В. II, 194, не сокращай *стенаньми* век Держ. II, 275. Имеются однако в приведенном материале формы, являющиеся отзвуками нормальных древних образований, по разным причинам исчезнувших позднее в истории языка. Ср. форму *рядмы* (по образцу которой образована в соседнем стихе форма *стадмы*); это — остаток исконной принадлежности имени существительного *рядъ* к основам на *-u. Особенно замечательны старые литературные формы — *проторми, соседми, холоп(ь)ми, чертьми*. О всех этих именах существительных была в своем месте речь выше как об именах, от которых сохранились старые формы именительного мн. на *-и* (*протори, соседи, холопи, черти*), причем было дано объяснение последних форм как остатков исконной принадлежности этих имен существительных к основам на *-i. Отмеченные формы тв. мн. на *-ьми* от этих же слов, являющиеся закономерными для имен с основами на *-i, подкрепляют в этом отношении

высказанное положение. Но после всего изложенного естественно рождается вопрос, не являются ли и отмеченные в живой диалектической речи формы тв. мн. *воротьми*, *глазьми* теми же остатками былой принадлежности и этих имен существительных к основам на *-i. Для второй из названных форм это предположение может считаться несомненным: ср. в параллель к форме тв. мн. *глазьми* указанные выше формы дат.-м. *глазём*, *глазёх*, см. также ниже о местном мн. *гла́зех*, *гла́зях*. Для формы *воротьми* предложенное объяснение также имеет известную вероятность: великорусская форма находит опору себе в параллельном образовании в украинском языке, ср. за *ворі́тьми́*, під *ворі́тьми́* у Шевч. I, 330 II, 363.[1]

Формы тв. мн. на *-ьми* (*-ми*) от имен существительных III типа в склонении. Данные литературного языка: В блаженстве б я себя с *богиньми* равну зрела Сумарок. VIII, 56; *латми*, под *виршми*, *грушми* подчует Кантем. Соч. I, 437, Сат. III, 320 (первон. ред.), Разн. ст. IV, 104; *свечьми* Карамз. и И. Акс. (по Ч. 96), *свечьми* озарена А. Тлст. Портрет; с пятью *тысячьми* пехоты Ломон. V, 322, Держ. I, 240 III, 242; враг попран || твоих *удачьми* славных дедов Ломон. I, 26. — Свидетельства областной речи: *душми́* Цивил. (при *душами*, пр. 143) Касим. (пр. 47; РФВ. 28, 31) Грайвор. (пр. 279) Дмитр.-Кур. (пр. 125); резвыми *ногмы* Пуд. (Гильф. 247); ай ударились они *палецьми* боёвыма Арханг. г. (Марк. 55) Каргоп. (Колос. Зам. 124) Петроз. (Тих. и Милл. 124); *помойма* келью поливают Арханг. г. (РФВ. 1, 177); улей с *пцалми́* Касим. (Будде, К ист. 336); обема *рукми* Печор. (Ончук. Был. 25, 74) хватил он камень конечь *рукми* Петроз. (Рыбн. II, 77) делано *рукми* Малмыж. (пр. 103), — ср. *рукми́* в белорусском (Карский II, 2, 228); *свечьми́* Кашин. (Смирн. 87) Руз. (Дурново 134) Медын. (пр. 263) Мещов. (пр. 41,1, 267; Черныш. 162)

---

1 Из белор. и укр. диалектов можно еще привести материал сходных форм на *-ми:* в белор. — за *дровми*, *сырми́*, *сусі́едзьми* (Карский, ib.), *штаньми* рыбу ловив (Шейн I, 274); в украинском — *чобі́тьми́* Квітка I, 35, в говоре гал. лемков — з *братми* (Верхр. 119), в угрорусском наречии — *зу́бми*, *вулми* (id., Знад. I, 63, 65).

Судж. (Резен. 249), — ср. *свячми* в белорусском (Карский, ibid.); похороны *слезьми*, а пьянство дракой Снегир. 452, горючми *слезми* Чулк. I, 173, 196, горючьми *слезьми* Шенк. (Кир. IX, 127) Печор. (*слезми*, Ончук. Был. 361) Кем. (id., Ист. 193) Вытегор. (*слезмы*, пр. 22; ср. горюцьми *слёзьми*, Ж. С. III, 3, 391) Петроз. (Барс. I, 188 и др.; Рыбн. I, 391; Ист. 170, 199) Молож. (Э. С. I, 148) Малмыж. (*слезми*, пр. 103, 105) Нолин. (пр. 52) Слобод. (пр. 222) со *слезьми* Екатеринб. (Зел. Ск. 17, 104, 169, 209) горючьми *слезьми* Чердын. (Перм. Сб. I, 2, 38, 39; ср. *слезамы* и *слезмы*, пр. 258) горючьми *слезьми* Казан. (МАН. 58) Цивил. (пр. 142) горючьми *слезми* Чебокс. (Магн. 152; ср. горкими *слезьми*, с. 63) *слезьми* Владим. (МАН. 16) Муром. (*слезмы́*, пр. 93) Покров. (пр. 10, 244) *слезмы* Кашин. (Смирн. 87) Краснин. (*слезьми*, Безс. I, 121) Смол. (Добров. 75; Шейн, I, 375) горюц'ми *слезми* Бронниц. (Кар. 380) Верейск. (Изв. X, 2, 374) Звенигор. (*слезьми*, Кир. V, 157) Клин. (id., Черныш. 55) Моск. (id., ibid. 104; *слезми*, Кир. V, 157 VI, 209) Руз. (*слезми*, Дурново 134) Нижегор. г. (id., Кир. III, 35) *слёзми́* Бунн. (пр. 57) *слязми* Карсун. (пр. 67) *слязьми* Петров.-Сарат. (М. Сокол. Влр. св. п. 64) Оренб. г. (*слезьми*, Кир. IX, 244, 247) со *слезми* Новоросс. (МАН. 187) *слезми* Жиздр. (Ник. 226; ср. *слезьми*, id. 325) *сьлизьми* Мещов. (Черныш. 162; пр. 267) Медын. (пр. 263) Касим. (пр. 47, 111,а; РФВ. 28, 31) Тульск. г. (Ж. С. VI, 2, 246) Тул. (Шейн I, 135) Венев. (ib. 195) Ливен. (Тр. МДК. III, 148) Болх. (Безс. V, 189) Грайвор. (пр. 279) Дмитр.-Кур. (пр. 125) Судж. (Резан. 249) Щигр. (Хал. 65) Задон. (Трост. 128) Дон. (иногда, пр. 42,2) Терск. (только в песнях, Караул. 22) Тобол. (*слезми*, пр. 43) Тюмен. (id., пр. 27) Кирен. (id., Селищ. 86) *слезьми* Нижнеуд. (Шейн I, 231) *слезми* Колым. (Богор. 257), — ср. у Л. Тлст.: Я за свои грехи страдаю, сам заплакал горючьми *сле́зьми* В. и м. IV, ч. 3, гл. 13, — ср. *слезьми́* в белор. (Карский II, 2, 227), также в украинском (*слізьми* Котл. Вирг. Ен. 115, за *слізьми́* Кв. II, 8, *слї́з(ь)ми́* при *сльоза́ми* Шевч. I, 245, 247 II, 44, 114 при I, 283 II, 132); целыма *тысячмы*, *тысящмы* Петроз. и Пуд. (Гильф. 538; Рыбн. I, 210), — ср. в старом белор.

тисѣчьми Катех. 1562 г. (Карскій, ibid.); *улицьми* (*улицьма*) Печор. (Ончук. Был. 224, 225) *улицмы* Пуд. (Рыбн. II, 137); *ягодмы* Вытегор. (пр. 22) Петроз. (Барс. I, 259) кормили *ягодми* Малмыж. (пр. 103).

В приведенном материале форм на *-ми* можно некоторые примеры выделить как случайные образования, сложившиеся в условиях метрической речи (в стихотворном языке). Таковыми можно считать формы *богиньми*, *удачьми* у Ломоносова, *латми* у Кантемира. Можно выставить предположение, не такого ли происхождения и форма областного языка *улицьми*, известная только из песенных источников, а также — *ягодми*, форма, отмеченная и из живой речи, но могшая первоначально сложиться лишь в мерной речи. Впрочем, ср. сказанное выше об ином варианте тв. мн. от последнего имени существительного, именно о форме — *ягоды*. Творительный мн. *тысячьми* должен быть объединен с отмеченными выше параллельными образованиями от этого имени существительного, именно — тв. ед. *тысячью*, род. мн. *тысячей*: все эти показания ведут к предположению старой принадлежности слова к основам на *-i. Прочие приведенные данные тв. мн. на *-ми* не вполне ясны. В них выделяются формы *рукми*, *ногми* — очевидные новообразования к предкам их *рукама*, *ногама*, как формам дв. числа. Можно думать, что вытеснение в последних формах флексии *-ама* (откуда далее — *-ами*) через — *-ьми* (*-ми*) произошло под аналогическим воздействием ряда иных имен существительных, относящихся также к обозначению парных частей тела и имевших в старом языке флексию *-ьма* (откуда далее *-ьми*). Таковы именно формы — *очьми*, *ушьми*, *плечьми*, может быть, согласно с изложенным выше, и *глазьми*. Вовлечение по семасиологической близости в круг этих образований форм *ногама*, *рукама* (или позднейших разновидностей их — *руками*, *ногами*) и привело к новому типу форм — *рукми*, *ногми*. О форме *слезьми*, имеющей особенно широкое распространение в областном языке, правда, почти исключительно в песенной речи, имеющей кроме того параллели и

в белорусском и в украинском языке, проблематически можно думать как о форме, сохранившейся от существовавшего исконно варианта слова по IV типу (*слезь*).[1] Возможно ли такое же понимание форм *душми*, *свечьми*, трудно сказать. Правильнее наличность этих форм поставить в связь с формами родительного мн. от этих существительных на *-ей* (диал. *душей*, литер. *свечей*): наличие у названных слов флексии *-ей* в родительном мн., исконно характеризовавшей лишь категорию имен с основами на -*i, облегчало проникновение сюда и в творительном мн. флексии *-ьми*, принадлежавшей тем же именам на *-i. Отмеченная диалектическая форма *пчалми* (из Касимовского у.) неясна.

В отношении местного падежа мн. числа можно прежде всего оговорить относительно долгое сохранение в литературном языке старых падежных образований: на *-ѣхъ* (*-ехъ*) у имен с исконными основами на *-о, на *-охъ* у старых основ на *-u, на *-ехъ* у основ на *-i и на согласные. Частично эти архаические образования проникли в народное употребление (в книжный народный стиль). Формы на *-ѣхъ* (графически также *-ехъ*) очень широко употреблялись в языке еще в XVII веке. Их можно в большом количестве встретить в языке грамот (ср. въ малыхъ *лѣтѣхъ*, въ примѣрныхъ *дѣлѣхъ*, на цѣлыхъ *мѣстѣхъ*, въ обѣихъ *селехъ*, въ прошлыхъ *годѣхъ*, въ сороки *алтынехъ* и под. в различных актах XVII в., А. Кал. I, 4, 16, 59, 61, 62, 68, 71 и т. д.), у Котошихина (въ *городѣхъ*, въ *чинѣхъ*, на тѣхъ *столпѣхъ*, въ прежнихъ своихъ *мѣстехъ*, на *дворѣхъ*, въ *послѣхъ*, въ *приказѣхъ*, о *боярехъ*, о *дворянехъ*, о *діякѣхъ*, въ *рейтарехъ*, въ *солдатехъ*, на *съѣздехъ*, въ окрестныхъ *государствехъ*, о *дарѣхъ*, въ большихъ своихъ *искѣхъ*, въ младыхъ суще *лѣтехъ*, ср. даже — *князехъ*, *королѣхъ*, о *покоехъ* царскихъ, о *жилцѣхъ*, *монастырѣхъ*, по *государехъ*, по *царѣхъ* и др., лл. 4, 8, 11, 18, 19 и т. д.),[2] в Уложении Алексея Мих. (ни о

[1] Ср. тв. ед. *слезью* в песенном тексте — он *слезью* заливая — Бобров. (РФВ. 40, 9).

[2] В виду такого обилия форм на *-ѣхъ*, *-ехъ* у имен муж. и ср. рода (I—II типа) понятно захождение этой флексии даже в имена ж. рода (III типа): при королѣхъ и *царицѣхъ*, л. 81об.

каких своих *делехъ* I, 8, въ *городпъхъ* и въ *полкпъхъ* II, 20, въ государевыхъ *прудпъхъ* III, 8, въ таможняхъ и на *кабакпъхъ* IX, 6, во *крестьянпъхъ* II, 13, и т. д., даже — во *дьяцпъхъ* X, 12, въ *послуспъхъ* X, 246). С Петровской эпохи употребление этих архаических форм заметно идет на убыль. Ср. в Письмах и бум. П. В. — солдаты стояли на 5 *мпстпъхъ* I, 146, о протчихъ же належащихъ *дпълехъ* ib. 475, въ дву *полкпъхъ* III, 110, у Кантемира в пределах сатир лишь единичная форма — *домех* Сат. III, 87, V, 132, 501 (у него же не в сатирах заведомые церковные формы — *веџех*, *человеџех*, ср. в сатире VIII, 101 — *веках*).[1] У Ломоносова имеется одна подобная форма — в *градех* IV, 250, находящаяся в похвальном слове Ел. Петровне и объясняющаяся соответственным приподнятым стилем слова; только от имен существительных на *-анин* у него чаще встречаются архаические формы на *-ех*: *зырянех*, в *полянех*, о *славянех* V, 184, 186, 290, 292. После Ломоносова эти формы вообще уже не встречаются в литературных памятниках, и, как можно было видеть из приведенного материала, они уже с Петровской эпохи должны были ощущаться архаизмами речи. Еще более редки в литературном употреблении формы на *-ехъ* от имен существительных с исконными основами на *-i. Ср.: *дочерехъ*, при многихъ *людехъ* у Котош. $8^{об}$, $39^{об}$ (у него же — въ *саняхъ*, на *лошадяхъ* $42^{об}$), *путех* у Кантемира (не в сатирах, РФВ. 69, 63). Отражение всех отмеченных типов форм местного мн. в народном языке (на *-пъхъ*, *-ехъ*, *-охъ*) незначительно. Ср. пословицу — лучше быть в *попех*, чем в *холопех* Снегир. 209, или поговорку — на *ятех* сидеть (в игре в бабки) Ростов. (Волоцк. 51); данные из песенной речи: да ложился Дунаюшко да во *шатрих* спать Петроз. (Гильф. 584), на *радостех* К. Дан. 15, на белых *грудех* Тих. и Милл. 8 (запись XVIII в.), в последних *днех* Нолин. (Безс. IV, 222), в зеленых *садох* Олон. г. (Колос. Обз. 224), в *устох* Ром.-Борисогл. (Кузн. 23). Из живой разговорной речи можно привести единственную подходящую

[1] Ср. еще некоторые свидетельства об этих формах из памятников начала XVIII в. у Будде, Оч. 42.

форму — по старых *правех* Царев. (РФВ. 63, 127), ср. еще — на *конéх* Холм. (пр. 54), но неясно, следует ли возводить эту последнюю форму к **коньхъ*, форме, заместившей старейшую форму *конихъ*, или в данной форме содержится результат влияния образований типа *санёх*, о которых шла речь выше. По поводу отмеченных архаических форм местного падежа, в особенности от имен с старыми основами на *-о и на *-u, следует заметить, что при общей утрате их, как живой морфологической нормы, в великорусской области, они относительно хорошо сохранились в белор. и укр. языке. Ср. Карский II, 2, 201—208, Шахм. III, 64, Верхр. Знад. I, 64—65, и др.; о следах в белор. и укр. старых форм на *-ъхъ* сказано выше. Влиянию белор. соответственных форм обязаны сев. Смоленские и Ржевские — на *кнох*, *бярнóх* (также *бёрнах*), Пореченское ў *панóх* (Изв. XVIII, 3, 269).

Если, согласно с изложенным, в великорусском языке не находится непосредственных следов старых форм местного мн. на *-ѣхъ*, *-охъ*, *-ехъ*, то первая и последняя разновидности флексии (у имен с исконными основами на *-о и на *-і) все же сохранились, но в измененном виде благодаря сказавшимся на формах процессам с одной стороны морфологического, с другой стороны фонетического порядка. Формы на *-ѣхъ*, подвергшись воздействию со стороны обычных форм местного мн. на *-ахъ*, явились в новом виде как формы на *-яхъ* (т. е. на *-ахъ*, но с сохранением мягкости предшествующего согласного основы, палатализовавшегося в связи с положением перед старым окончанием *-ѣхъ*), формы на *-ехъ*, в условиях ударяемости на флексии необходимо подвергшись чисто фонетическому процессу изменения, явились как новые формы на *-ёх*. О последних формах была речь выше. Здесь соответственно следует остановиться на новых сложившихся формах м. мн. на *-ях*. Фактический материал этих форм следующий: 1. в *вечерях* Беломор. (Изв. VII, 3, 32) Онеж. (Ончук. Ск. 14) Вытегор. (пр. 22) Петроз. (пр. 30) Кирил. (пр. 163, 164) Красноуф. (пр. 137); — 2. в *видях* украл Костром. (пр. 264); — 3. на*взглядях*, adv. Слобод. (Зел. 94); — 4. повис на *воздусях*

Горбун. 283, — она на *вóздусях*, сама на вознесях Варенц. 23, Повен. (Безс. I, 289; Ончук. Ск. 456); — 5. штобы она дьявол не на *глáзях* окаянная жила (т. е. не на виду) Слобод. (Зел. 94) в *глáзях* Владим. и Сузд. (МАН. 16) уж в *глáзех* стал врать Кашин. (Смирн. 6) у *глазях* стоит прялка Росл. (здесь же им. мн. *глáзы*, Добров. 126), — ср. у *глазе̑х* надул Духовщ. (ib. 925) Жиздр. (Ник. 325) Брян. (в *глазе̑х* и в *глáзах*, пр. 259), — ср. в белор. *глазём*, *глазёх* (Карский II, 2, 127); — 6. *назадя́х* adv. Осташ. и Псков. г. (Доп. к Оп.); — 7. в *лузях* Холмогор. (пр. 50) во *лýзях* (из плача, пр. 235) вó *лузях* (из песни) Онеж. (пр. 41) Каргоп. (из песни, Кораблев 65) Петроз. и Повен. (Безс. I, 167) Грязов. (из песни, пр. 36) Кадник. (пр. 25) Белоз. (из песни, Бр. Сокол. 413) Устюж. (пр. 28) Нолин. (из песни, пр. 68) Слобод. (пр. 120) Чебокс. (из песни, Магн. 113) Симб. г. (Кир. VIII, 43 IX, 85) Ефрем. (ib. X, 1) Тул. (РФВ. 10, 26; ср. ва *лузья́х*, ib. 3, 291); — 8. в *лисях* Олон. г. (Оп. обл. слов. 37) в *лéсях* Петроз. (пр. 34; в *лисях* пр. 30; Барс. I, 318 II, 133, 159; Ончук. Ск. 221, 250) Повен. (ib. 352; Гильф. 99, 987; Рыбн. IV, 276) *ли́сях* Пуд. (Манс. 159) я была в *лесях* Белоз. (пр. 166) в *лесях*, черти в *ли́сях* Тихв. (МАН. 114; Тр. МДК. II, 122 III, 126) в *лéсях* Луж. (МДК. XI, 185); — 9. на *последях* велит во всю прыть мимо окон скакать Лейк. Наши пит. XI, на *последя́х*, adv. Спасск. (МАН. 161), ср. *наследя́х*, adv. Осташ. и Псков. г. (Доп. к Оп.); — 10. сама-то, кажется, опять на *сносях* Лейк. Ямская, — быть на *сносях* Яросл. г. (Якушк.); — 11. не даром я сегодня во-*снях* видел, что меня медом мазали Ф. Соллог. XX, — во *снях* Белом. (Изв. VII, 3, 32) Арханг. г. (Варенц. 48) Арханг. у. (Оп. обл. слов.; Безс. VI, 168) Кем. (пр. 104) Холмогор. (Оп. обл. слов.) Шенк. (Манс. 114) Онеж. (пр. 41; Гильф. 188; Ончук. Ск. 514) Вытегор. (пр. 22; Олон. Сб. I, 153; Рыбн. IV, 119) Каргоп. (Колос. Зам. 122) Петроз. (пр. 30; Барс. I, 27, 219; Ончук. Ск. 248; Рыбн. I, 5, 369; Гильф. 554) Повен. (Ончук. Ск. 350; Рыбн. III, 305) Пуд. (Манс. 159; Рыбн. I, 227) Вельск. (Э. С. V, 45; РФВ. 18, 215) Кадник. (пр. 26) Белоз. (пр. 162; Бр. Сокол. 421) Валд. (Безс. VI, 162) Кирил. (Бр. Сокол. 332)

Крестец. (Безс. VI, 235) Новгор. (пр. 20; Сол. 9) Тихв. (МАН. 117) Устюж. (пр. 28, 195) Кологр. (пр. 58) Белеб. (Изв. X, 2, 102) Гдов. (пр. 11) Лифл. г. (Бобров 390) Великол. (Смирн. I, 337) Новорж. (пр. 39) Остров. (пр. 33) Холм. (пр. 54) Ржев. (Э. С. I, 281) Бельск. (Добров. 91), — ср. во *снёх* Бельск. (Смирн. II, 512) Дорогоб. (ib. 572, 583) Пореч. (Добров. 49), — ср. белор. во *снях* (Карский II, 2, 206); — 12. *второпях*,[1] adv., общелит., — в *торопях* Петроз. (Барс. I, 94) Пуд. (Гильф. 293), — ср. *второпах*, adv. Пореч. (Добров. 87), ср. в *вотарапу́* вышну у сенцы Ельнин. (Добров. 87); — 13. *начасях*, adv. (= наготове) Осташ. и Псков. г. (Доп. к Оп.), — ср. в белор. пы *часёх* (Карский, ibid.); — 14. в *воро́тях* Владим. и Сузд. (МАН. 16),[2] — ср. в белор. на *вороцех* (Карский, ibid.); — 15. *вмистя́х*, adv. Арханг. г. (МАН. 1; Даль LII; РФВ. 1, 177) *вми́стях* и *вмистя́х* ibid. (Оп. обл. слов.) *вме́стях* и *вместя́х* Арханг. у. (ibid.) Беломор. (Изв. VII, 3, 32) *вместя́х* Кем. (МАН. 5) па *местях*, *вместях* Холмогор. (пр. 50) *вместя́х* Шенк. (МАН. 8, 9; Манс. 114; по Оп. обл. слов. — *вме́стя́х*) *вместя́х* Печор. (Ончук. Ск. 104; Был. 193) Онеж. (id., Ск. 538; Смирн. I, 77) Петроз. (Барс. II, 98, 268; Ончук. Ск. 224) Повен. (ib. 452) Пуд. (Манс. 159) *вместя́х* Сольвыч. (МДК. XI, 112) Тотем. и Устюж. (ib. 89) *вмистя́х* Верховаж. (МАН. 30) *вме́стях* Дем. (Колос. Зам. 24) *вме́стях* Тихв. (МАН. 114; по Оп. обл. слов. — *вме́стя́х*) *вместя́х* Устюж. (пр. 28) Котлас. (Тр. Вят. Пед. И. III, 76) ф трёх *местя́х* Белеб. (Изв. X, 2, 102) Луж. (Ж. С. XXI, 2, 288) *вме́стих* Псков. г. (ib. 298; Доп. к Оп.) *вмесьтя́х* Новоторж. (Тр. МДК. III, 138) *вми́стя́х* Вышневол. (Оп. обл. слов.) Твер. (Тр. МДК. III, 140) Бельск. (Смирн. II, 518; *уместих*, Добров. 71) *вместя́х* Росл. и Юхнов. (ib.) *вместя́х* Брян. (Тихан. 40), — ср. *умястёх* Жиздр. (Ник. 325) Козельск. (Тр. МДК. X, 73) Мосал. (РФВ, 75, 259) Брян. (пр. 259), — ср. в белор. *уме́стих* и *умясцёх* (Карский, ibid.); — 16. ў *рёбрях* Смол. и Ржев. (Изв. XVIII, 3, 269); —

[1] Ср.: удивляюсь еще, как я в таких *торопях* ничего не забыл в трактире Карамз. II, 18.

[2] Отсюда — тв. мн. за *воротями*, дат. к *воротям* Вятск. г. (Зел. Вяр. гов. 17).

17. *вутрях,* adv. Арханг. г. (Оп. обл. слов.) Беломор. (Изв. VII, 3, 32) Арханг. у. (Ист. 98) Кем. (пр. 104) Холмогор. (пр. 50) в *утря́х* Печор. и Онеж. (Ончук. Ск. 69, 85, 514, 543; Смирн. I, 50) *вутря́х* Шенк. (Манс. 114) приду в *утрях* Кирил. (пр. 164) в-*утря́х* Тихв. (МАН. 116; Доп. к Оп.) Устюж. (пр. 195).

Все приведенные формы в основе своей являются архаическими формами местного мн. на *-ѣхъ*. Архаический характер некоторых из них ясен отчасти из самой внешней стороны их (напр. на *воздусях* — ср. *воздух*, на *лузях* — ср. *луг*), отчасти из их значений, выдающих основной литературный (книжный) источник ряда этих форм (напр. на *видях*, в *утрях* и др.); кроме того в ряде случаев ударение, падающее на основу, ведет к соответственным именно архаическим образованиям на *-ѣхъ*, характеризовавшимся в словах подвижно ударяемых сохранением ударения на основе, — ср. в приведенном материале формы *гла́зях, ле́(й)сях, сно́сях, вме́(й)стях.* Однако в большей части диалектических показаний формы звучат с ударением на флексии. Это обстоятельство должно объяснять вторичным переносом ударения с основы на флексию. Перенос ударения вызван был утратой для ощущения языка морфологической структуры этих форм, как архаических образований, и в соответствии с этим переходом их в наречные сочетания. Собственно почти все приведенные данные в перечне являются чистыми наречиями, в которых именная часть не сознается как определенная падежная форма. Вполне понятно таким образом, что, обратившись в наречия, эти формы легко подверглись аналогии (в отношении ударения) с иными наречными образованиями на *-ах* (*-я́х*), характеризовавшимися вообще именно ударяемостью на конечном слоге. Ср. такие наречные формы, как — *вдаля́х* Арханг. г. (Доп. к Оп.) Юрьев. (Черпыш. 14), на *воля́х* Новгор. (Колос. Зам. 24), в *забытя́х* Вельск. (РФВ. 18, 215), в *осеня́х* Кинеш. (МАН. 79) Вятск. г. (ib. 42) Малмыж. (пр. 105) Нижегор. г. (Бусл. II, 195) *наполдня́х* Козмодем. (МАН. 56) *нарыся́х* Казан. г. (Доп. к Оп.) и под. Став таким образом наречиями на *-ях*, при том с нормальною ударе-

мостью на конечном слоге, все приведенные формы на *-я́х* в дальнейшем в свою очередь оказали влияние на возникновение иных сходных наречных образований, содержавших в составе второго элемента их сложения те же формы на *-ях* от имен прилагательных или от существительных, но ж. рода (III типа). Так явились наречные формы — в *головя́х* Беломор. (Изв. VII, 3, 32) Холмогор. (пр. 50) с одной стороны, или с другой стороны — *наголях* (= безо всего, ср. прилаг. *голый*) Осташ. и Псков. г. (Доп. к Оп.), на *первях* ibid. (ib.) Нижегор. г. (Оп. обл. слов.) *нарозня́х*, *на раня́х*, *напорозня́х*, *наполня́х* Осташ. и Псковск. г. (Доп. к Оп.) и др., ср. еще подобное наречное образование *вгоряча́х* Вят. (Зел. Ск. 320), проникшее и в литературное употребление: Кажешь кукиш *в-горячах* Вяз. Дун. песни (т. XI, 114).

К данному выше материалу местного мн. на *-ях* (*-ах*), образовавшегося из соответственных архаических форм на *-ѣхъ*, следует еще сделать несколько отдельных замечаний. Существительное *глаз* дает согласно перечню форму местного мн. *гла́зех*. Но ранее были отмечены формы от этого имени существительного — дат. *глазём*, тв. *глазьми*, м. *глазёх*, объяснение которых вызвало предположение о существовании в прошлом диалектически варианта слова с основой на *-i, к которому и должны возводиться отмеченные формы на *-ём*, *-ьми*, *-ёх*. Но содержащаяся в последнем материале форма *гла́зех* должна быть отграничиваема от приведенных выше форм *глазёх*. Форма *гла́зех* своим ударением на основе ведет к именительному ед. *глаз*, как существительному с основой на *-o. Далее, форма на *воротях* может считаться архаической формой местного мн. от основной формы (им. мн.) *ворота*, по основам на *-o, но может быть объединена и с данными выше формами тв. мн. *воротьми*, как с образованием от варианта имени с первоначальной основой на *-i. Нельзя, наконец, не обратить внимания на то, что все приведенные формы местного мн. на *-ях* (*-ах*) по свидетельству диалектов оказываются принадлежащими исключительно северновеликорусской области (или полосе переходных говоров). В южновеликорусском

в соответствии с этими формами изредка являются образования на *-ёх* (*глазёх, снёх, местёх*) и лишь в областях граничащих или не подалеку соседящих с белорусскими говорами, которым известны эти формы. Таковы свидетельства из Жиздринского и Мосальского уу. Калужской губ., Брянского у. Орловской губ. и из отдельных частей Смоленской губ. Эти формы должны поэтому считаться белорусским наслоением в названных великорусских говорах.

Приведенный тип архаических форм местного мн. на *-ях* от основ на *-о твердого различия естественно мог вызывать и в прочих падежах мн. числа новые варианты форм со смягченными конечными согласными основы, т. е. формы дат. на *-ям*, тв. на *-ями*, а далее и род. мн. на *-ей*. Выше приведены такого происхождения формы *воротям*, *воротями* из Вятской губ. Этого же типа образования можно видеть в формах *дровями* Котельн. (пр. 46), по *дворям* Владим. г. (Шахм. III, 417), предполагающих следовательно существование форм местного мн. *дровѣхъ*, *дворѣхъ*, *дровях*, *дворях*, к которым и оказались естественно воссозданными эти новообразования для дат. и тв. падежей. Равным образом указанные выше областные формы род. мн. *годий*, *солдатей* (с. 182) вполне объяснимы как образования к архаическим местным мн. *годѣхъ*, *солдатѣхъ* (ср. последнюю форму у Котошихина). Указанный процесс новообразований, шедший от архаических форм местного мн. на *-ях*, помимо творительного, дательного, даже родительного падежей, мог коснуться и **именительного** падежа мн. числа и соответственно для него дать новый вариант формы. Ср. в Уржумском у. Вятской губ. не только тв. мн. *местя́ми*, но и им. мн. *местя́* (Магн. 35); ср. еще — по́ этих *месь* Семен. (Изв. Нижег. У. II, 357).[1]

---

[1] Диалектические формы дат. мн. *зубям* Орл.-Вят. (пр. 63), тв. мн. *картями* Слобод. (пр. 222) являются нормальными образованиями к родительным мн. *зубей*, *картей*, отмеченным в своем месте выше. Котельнические формы *собакями*, *разбойникями*, *мужикями* (пр. 46), которые Д. К. Зеленин считает возникшими по аналогии с *бровями* (см. Впр. гов. 17), правильнее признавать выросшими аналогически, но не по образцу форм типа *бровями* (предположение такой ана-

Диалектическою чертой местного мн. служит наличность форм с конечным согласным *ф* вместо *х*. В формах м. мн. на *-аф* (в прилагательном и местоименном склонении соответственно на *-ыф, -иф, -еф*) отразился фонетический процесс — переход *х* в *ф*. Явление это диалектически ограничено известными районами лишь северновеликорусского наречия и незначительными частями областей переходных говоров. Так мы имеем сведения о существовании этих форм в В о л о г. г. Никол. у. — в *окошкаф*, на *дубаф* (пр. 266); — Н о в г о р. г. Белоз. у. — пр. 162, Тр. МДК. II, 58, Бр. Сокол. 8, 11, 30 и т. д. (часто); Кирил. — на *дроваф*, па *поляф*, на *лугаф*, на *столаф*, в *синя́ф*, на *рукаф*, в золотыф *каретаф* (пр. 164, 186, 272; Тр. МДК. II, 163, 172); Устюж. — *лукошкаф*, *садаф*, *двораф* (пр. 28); Черепов. — пр. 268, Ерем. 25 и др., Герас. 17, Э. О. 1897, 2, 104, 106; — В я т с к. г. Нолин. у. — на трех *дубав* (Колос. Зам. 226); — Я р о с л. г. Молож. у. — в *долинаф*, *равнинаф* (МАН. 167) *людзяф* (Потебня, Ф. З. 1865, 1, 90); Пошех. — в *окошкаф*, ср. *этеф*, *теф* (Даль LVI; Потебня, ibid.; Тр. Яросл. Пед. И. II, 3, 48); — В л а д и м. г. Меленк. у. — Шахм. II, 759; — Т в е р с к. г. Бежецк. у. — при *делаф*, на *заводаф*, в *озераф* (Еремин 31); Весьегон. — в *леса́ф* (н е ц о к. г о в., Тр. МДК. II, 150); Твер. — на *рукав*, на *санкав*,

логии нельзя было бы подтвердить ближайшей аргументацией), а по образцу многочисленных фактов с мягким суффиксальным *к* в этом говоре, ср. типичность в Котельн. у. мягкого *к* (Зел., ib. 383 и сл.), наличность его в частности даже в таких случаях, как *сахаркю* (где перед мягким *к* твердые звуки), *Орлосъкёй* (те же условия, с вторичным изменением, т. е. палатализацией *с* под влиянием мягкого *к*) и под. — Отмечаемый А. А. Шахматовым пудожский тв. мн. *зимямы* (Курс, III, 432) и проблематически объясняемый подобно формам *зубям, картям* (ср. род. мн. *зубей, картей*) встречает затруднение в фактическом отсутствии указаний на род. мн. *зимей*. Форма может быть понимаема как продукт своеобразного диссимиляционного процесса, затронувшего два соседние конечные слога: первоначальное *(*зи*)*ма* + *ми* в процессе диссимиляции привело к (*зи*)*мя* + *мы* (т. е. к *зимямы*). Ср. выше действительно наличность форм на *-мы* в Пудожском у., но лишь в его югозападной части; к сожалению, неизвестно, из какой ближайшим образом территории Пудожского у. приведена данная форма Шахматовым. Повидимому, сходный процесс имел место диалектически с формой тв. мн. **ноздрямы*, давший в результате форму — *ноздрами* Онеж. (Гильф. 905), — ср. и здесь отмеченное выше наличие форм тв. на *-мы*.

на *тетрадяв*, на *ношкъф* (Тр. МДК. III, 141, 142); — Моск. г. Богородск. у. — в *куфаркаф* (под Гжелью, Изв. V, 2, прил. 7); Бронниц. — Кар. 364; Волокол. и Клин. — Шахм. II. 759; Клин. — Черныш. 16; Верейск. — на абех *фабрикаф* (Черныш., Изв. XIII, 289); — Калужск. г. Боровск. у. — ап семи *фантихаф* (кофта) (id. 278); — Ряз. г. Егорьев. у. — Изв. V, 2, прил. 11, 17, 19, Трост. 83, 85, Шахм. 181, 209, Тр. МДК. III, 167, пр. 133,1; Касим. — ф *Сакольникаф* (Тр. МДК. I, 123); — Тульск. г. Богородиц. у. — в *домаф* (не всегда, МДК. XI, 187); — Сибир. обл. Верхнеуд. у. (Ангара) — на *лицаф*, на *рукаф* (Селищ. 35); Нижнеуд. — в *юртаф* (id. 10) на *лицаф*, *пляцаф* (Черных 384).[1]

В отношении форм дательного, творительного, местного мн. следует заметить в заключение об особенностях склонения имен на *-ū (*-ъв*) и на *-en.

Имена на *-ъв-* рядом с нормальными в литературном языке формами на *-ам*, *-ами*, *-ах* дают изредка в литературном (разговорном), чаще в областном языке варианты форм на *-'ам*, *-'ами*, *-'ах* (*-ям*, *-ями*, *-ях*), со смягчением суффиксального *в*, вызванным влиянием прочих падежей ед. и мн. числа, где всюду основа этих существительных звучит с мягким *в*. Ср. формы дат. мн. — *церквамъ* у Котош. 28[об], Держ. III, 83, Тург. Нак. XXXIV, Дост. 54, Лейк. Театром., — в народном языке в Архан. г. (Марк. 62) Петроз. (Безс. I, 294; Ист. 21) Устюж. (пр. 28) Нолин. (Варенц. 114) Звенигор., Серпух., Торопец., Сызран., Малоарх., Мцен. (Безс. I, 270—331) Смол. г. (Варенц. 12); рядом — *церквям* у Лейк. Совесть оч. (в речи действ. л.), — в народном языке — в Печор. (Ончук.

---

[1] Зарайские формы (Петр. 37—43) — на *жо́наф*, ап *сёстраф*, на *телегаф*, ап *кумо́ф*, в *лафкаф* и т. д. (рядом — на *шашках*, ф *шапках*) ввиду обычного здесь употребления род. мн. с функцией местного падежа (ср. аб *делоф*, на *калёс*, аб *дитей* и проч.), а также широкого распространения в род. мн. флексии — *оф* (см. выше), должны приниматься за формы (по происхождению) родительного падежа. Ср. подобное употребление род. мн. с функцией местного падежа — у *лошадях* сена нету и др. Смол. г. (Добров. 925), с богом баяла об телесных *душ* Козельск. (Шейн I, 285). Известно обратное явление — функциональное расширение местного мн. за счет родительного — с *небя́х* (= с небес) Можайск. (Слов. Акад.) и др.

Был. 207) Пинеж. и Холмогор. (МАН. 41) Повен. (Безс. I, 290) Мещов. (пр. 41,1); — тв. мн. — *церквями* П. и бум. П. В. VI, 47, — в народном языке — Варенц. 23, Пинеж. и Холмогор. (МАН. 41) Вязем. (Тр. МДК. IX, 12); — местн. мн. во всѣхъ *церквахъ* Котош. 14, — в народном языке — в Онеж. (Гильф. 1192) Нолин. (Безс. V, 239) Луж. (ib. 229) Дмитр.-Кур. (Сперанский 47); рядом — *церквях* Пинеж. и Холмогор. (МАН. 41) Устюж. (пр. 28) Малмыж. (пр. 99) Вязем. (Тр. МДК. X. 12) Мещов. (Черныш. 61) Малоарх. (Безс. V, 225). То же явление колебания форм наблюдается в белор. языке (Карский II, 2, 242); ср. также у гал. лемков — *церквiям*, *-iями*, *-iях*, *хоругвiям*, *кроквiям* и проч. (Верхр. 123). Ср. форму *церквямъ* в гр. 1574 г. (Шахм. III, 432).[1]

Имена на *-en, согласно с представленным выше материалом для прочих падежей, и в дат.-твор.-местном образуются с опущением в основе суффиксального элемента: в *беремях* Петроз. (Рыбн. III, 329) *имёв* всяких много, дат. *времям*, тв. *времями*, м. *времях* Бунн. (пр. 57) дат. *врёмям*, м. о *времях*, о *семях* Кологр. (пр. 58).[2] Ср. у Вяземского: Разлитое струями злато Волнуется на *темях* гор, Вес. утро, 1815. Аналогично образование — с *небях* Можайск. (Слов. Акад.), о котором см. выше. Напротив, в форме з *дитятеми* К. Дан. 29 — искусственного типа образование, с распространением книжной основы ед. числа *дитят-* на множественное число.

---

1 Форма тв. мн. *бровами* Касим. (РФВ. 28, 26) может объясняться из новообразования в ед. числе *брова* (ср. *церква* и под.). Такого же характера формы — дат. мн. *червам* Варенц. 145, Петроз. и Повен. (Безс. V, 270) *церьвам* Петроз. (Ист. 17) весь ф *чарвах* Терск. (РФВ. 44, 72), — т. е. от ед. ч. *черва*.

2 То же в белорусском (Карский, II, 2, 246).

Приложения.

I. Особенности ударения во мн. числе.

1. Имена существительные муж. рода с колеблющимся ударением в форме им. мн.

Бáлы и *балы́*: *бáлы* Держ. II, 282, Гриб. Г. от у. I, 5, ср. по *бáлам* ib. III, 20, Крыл. М. и пч., на *бáлах* Гриб. Св. семья II, 4, постоянно у Пушк. и Лерм.; *балы́*, *балóв* у Некр. III, 330 IV, 33, 58. — *Бóи* и *бои́*: *бóи* Пушк. Е. О. V, 37, ср. *бóев* Держ. I, 230, 276, 304, 424 II, 65, 77, 419 III 114; Дм. На конч. Салт., Пушк. I, 128, 257 II, 83, Лерм. I, 80. — *Брáты* и *браты́*: см. выше. — *Бéсы* и **бесы́*: род. *бесóв*, дат. *бесáм* у Пушк. II, 12, 116 III, 57. — *Вáлы* и *валы́*: *вáлы* Фонв. Альз. II, 5. — *Ви́ды* и *виды́*: А мы видали *ви́ды* Пушк. II, 146. — *Вóлки* (общелит.) и *волки́*: *вовки́* Пореч. (Добров. 79) Медын. (пр. 263) Мещов. (пр. 150) Брян. (пр. 259) Мцен. (пр. 188) Грайвор. (пр. 279) Терск. (РФВ. 44, 84). — *Вóры* и *воры́*: *вóры* Пушк., Лерм., Некр., — Тотем. (пр. 201) Нолин. (пр. 52, 68) Макар. (пр. 56); *вóры* и *воры́* Холм. (пр. 54, 159); *воры́* Моск. (Сб. II Отд. 75, 2, 40) Медын. (пр. 263) Брян. (пр. 259) Валуйск. (пр. 261). — *Вéки* и **веки́* (*векá*): в кон *вéки* общелит., ср. *вéков* Держ. I, 119 II, 406, 409 III, 253. — *Вéтры* и **ветры́* (*ветрá*): ср. *вéтров* Держ. I, 268 IV, 84, Бат. Тень др., Эпигр., *вéтров*, *вéтрами* Лерм. I, 70, 253; ср. *ветрóв* Держ. I, 150, 236, 318 IV, 113, Бат. Вечер, с *ветрáми* буйными в раздоре Кольц. Отв. на вопр. — *Грóбы* и **гробы́* (*гробá*): *грóбы* Пушк. Чернь; ср. *гробóв* Держ. I, 246. — *Грóмы* и **громы́*: ср. *громóв* Пушк. I, 103 II, 316, *громáм* Дм. Освоб. М., Некр. III, 60,

в *громáх* Крыл. Подр. на пс. 37 и 43, Блаж., Ода Ек. II, Пушк. I, 64, с *громáми* Бат. К Н., Пушк. I, 69, то же почти постоянно у Держ. I, 222, 238, 239, 246 и т. д. (21 случ.) при *грóмами* II, 176. — *Гóрны* и **горны́* (*горнá*): ср. *горнáми* Держ. I, 522. — *Дáры* и *дары́*: *дáры* Держ. II, 225, 347, 360 IV, 265, — Сибир. (Селищ. 135). — *Дóлы* и *долы́*: И горы и *долы́* повсюду освещает Сумарок. Екл. (VIII, 55, 111), ср. *дóлам* Пушк. II, 256; *долáм* Лерм. Спор. — *Дóмы* и *домы́* (*домá*): см. выше. — *Дýбы* и *дубы́*: *дýбы* Держ. I, 345; ср. *дубóв* ib. II, 408. — *Дýхи* и *духи́*: ср. *духóв*, *духáм* Держ. I, 84, 496 III, 43, Пушк., Лерм., — не в *духáх* Кашин. (Смирн. 99). — *Дéды* и *деды́*: *деды́* Медын. (пр. 263) Брян. (пр. 259). — *Клóпы* и *клопы́*: *клóпы* Колым. (Селищ. 135). — *Клю́чи* и *ключи́*: *клю́чи* Забайк. (ibid.). — *Кóни* и *кони́*: *кóни* Тотем. (РФВ. 18, 239) Белоз. (Бр. Сокол. 408) Луж. (РФВ. 40, 112) Твер. (Черныш. 8) Росл. (Добров. 341); колебание у Держ. — *кóни* I, 105 III, 107 IV, 647 и *кони́* IV, 118, 646; *кони́* Хемн. Лен. и рет. к., Крыл. М. и дор., Лерм. I, 5, 215, — Слобод. (пр. 141) Егорьев. (Шахм. 215) Илим. (Черных, 11); колебание в косвенных падежах *кóней*, *кóнях* I, 372 bis II, 200, 353, 405 и *конéй* I, 520 у Держ., *кóней* и *конéй* у Бат. Счастл., Перех. через Р., *кóней*, *кóнямь* Пушк. II, 99, 347 III, 504, о *кóнях* удалых Лерм. I, 11, — на *кóнях* при *конéй* Петроз. (Ончук. Ск. 222, 275; ср. здесь же — куды мне *кóня* класть? с. 214), *кóней*, на *кóнях* (пр. 79) при *конéй* (пр. 103) в Малмыж., *кони́*, на *конях́* (пр. 141) при *кóней*, на *кóнях* (пр. 48, 65, 53, 120, 222) в Слобод.; *кóней*, *кóням*, *кóнями*, на *кóнях* Пинеж. (МДК. XI, 7) Холмогор. (пр. 50) Шенк. (пр. 80; Манс. 114) Онеж. (пр. 41; Смирн. I, 43) Вытегор. (пр. 22) Каргоп. (пр. 106) Петроз. (пр. 13, 30) Повен. (Ончук. Ск. 354) Пуд. (Манс. 169) Волог. (пр. 82) Кадник. (пр. 26, 31) Сольвыч. (пр. 193) Тотем. (пр. 196, 198, 201; РФВ. 18, 236) Яренск. (пр. 194) Белоз. (Колос. Зам. 22; пр. 166) Кирил. (Бр. Сокол. 178, 228) Новгор. (Сол. 23) Тихв. (Тр. МДК. II, 112) Устюж. (пр. 28, 195, 199, 202) Черепов. (Герас. 9) Кологр. (пр. 58, 61) Котельн. (пр. 46; Зел. Ск. 48, 146) Полин. (Колос. Зам. 227; пр. 5, 68; Зел. Ск. 277) Орл.-Вят.

(пр. 37, 63) Уржум. (Зел. Ск. 363) Яран. (пр. 59, 101) Пошех. (Смирн. I, 461) Екатеринб. (Зел. Ск. 67, 192) Гдов. (пр. 11) Луж. (РФВ. 40, 112) Остров. (пр. 33) Зубцов. (Тр. МДК. X, 2) Кашин. (Смирн. 94) Ржев. (РФВ. 75, 253) Твер. (Черныш. 3, 8; Тр. МДК. III, 142) Бельск. (Смирн. II, 508) Пореч. (Добров. 341) Балахн. (Ж. С. XX, 1, 37; Нижег. Сб. III, 154, прим.) Макар. (пр. 56) Семен. (Изв. Нижег. У. II, 359) Мещов. (Черныш. 149) Ефрем. (РФВ. 76, 284) Коротояк. (ИРЯС III, 567) Корочан. (Тр. МДК. III, 51) Ардат. (ib. 88) Скопин. (ib. 83) Спасск. (ib. 66) Тобол. (пр. 21) Курган. (Смирн. II, 780) Нижнеуд. (Черных 366). — *Ку́мы* и *кумы́*: *кумы́* Кубан. (Ж. С. XIII, 3, 359). — *Ми́ры* и *миры́*: *ми́ры* Держ. I, 56, 131. — *Мо́лоты* и **молоты́*: ср. *молота́ми* Цивил. (пр. 143) Моск. (Черныш. 22) Мокш. (пр. 230,2) Жиздр. (Ник. 329) Мещов. (пр. 150) Мцен. (пр. 188) Касим. (пр. 47) Дмитр.-Кур. (пр. 236). — *Мо́ты* и *моты́*: *моты́* Медын. (пр. 263). — *Пе́рсты* (*пёрсты*) и *персты́*: *пёрсты* Онеж. (Смирн. I, 84) Слобод. (Куроптев 205). — *Пла́ны* и *план(т)ы́*: *планты́* Моск. (Сб. II Отд., 75, 2, 40). — *Пла́ты* и *платы́*: колебание в Костром. (Виногр. 92). — *Плу́ги* и *плуги́*: колебание в Верейск. (Черныш. 141); ср. *плуго́в* Держ. II, 69, *плуга́ми* Моск. (Черныш. 22). — *Пру́ты* и *пруты́*: *пруты́* Мещов. (пр. 42,1). — *Ра́ки* и *раки́*: колебание в Костром. (Виногр. 76); ср. *рако́ф* Сузд. (Черныш. 25). — *Ски́рды* и *скирды́*: ср. *скирдо́в* Держ. II, 408. — *Скла́ды* и *склады́*: *склады́* Моск. (Сб. II Отд. 75, 2, 40). — *Слу́хи* и *слухи́*: ср. *слухо́ф* Кашин. (Смирн. 98) Моск. (Черныш. 83), по *слуха́м* Пересл. Зал. (Тр. МДК. IX, 76) Мокш. (пр. 230,2) Мещов. (пр. 150; Черныш. 148) Жиздр. (Ник. 329) Мцен. (пр. 188) Дмитр.-Кур. (пр. 125) Терск. (РФВ. 44, 84). — *Сле́ды* и *следы́*: *сле́ды* Держ. I, 243 III, 240. — *Смо́тры* и *смотры́*: Люблю красивые *смотры́* Барат. I, 52, ср. *смотра́м* Гриб. Г. от у. III, 6. — *Сме́хи* и *смехи́*: *смехи́* Моск. (Черныш. 83). — *Со́ты* и *соты́*: ср. в *сота́х* Хемн. Пч. и кур. — *Со́ки* и **соки́*: ср. *сока́ми* Моск. (Черныш. 22). — *То́рги* и *торги́* (*торга́*): *торги́* Держ. I, 89 III, 102, 232, Крыл. Раздел, ср. *торго́в*, *торга́м*, *торга́х* Держ. III, 258, 348 IV, 401, 402. — *Угли* (*у́голья*) и *угли́*: ср. Он перед

у́глями сидит Пушк. II, 348. — *Усы* и *усы́*: *у́сы* Онеж. (пр. 260) Котельн. (Тр. Вят. Пед. И. III, 59), ср. колебание в косвенных падежах *у́со́в*, *у́са́м* Костром. (Виногр. 77). — *Хо́лмы* и *холмы́*: *хо́лмы* Крыл. Подр. пс. 96, Выб. из П. Ц. Солом.; колебание у Бат. (*хо́лмы* Восп. 1807 г., Вечер, Радость, *холмы́* Умир. Т., ср. только *холмо́в*, *холма́м*, *холма́ми* Перев. Боало, Паст. и сол., Восп. 1807 г., Вечер, Сон войнов, Перех. через Р., На разв., Мечта, вар.), Дмитр. (*хо́лмы* К Волге, Ерм., Посл. к Кар., ср. *холмо́в*, *холма́х* Осв. М., Посл. Попа), Пушк. (*хо́лмы* 8 случ., *холмы́* II, 329, *холмо́в* постоянно, *хо́лмам*, *-ами*, *-ах* 7 сл., *холма́м* и под. 5 сл.), Лерм. (*хо́лмы* I, 250 II, 382, на *хо́лмах* I, 4 II, 90 при обычных формах с ударением на флексии). — *Че́лны* и *челны́*: *челны́* Бат. Отр. из Шилл. — *Шка́фы* и *шкафы́*: *шка́фы* Пушк. Е. О. II, 3.

Предложенный материал не нуждается в особом объяснении. Он должен служить дополнением к многочисленным данным этого же рода, представленным выше в связи с рассмотрением вопроса об образованиях им. мн. на *а́-*, *-ья* и др. Выше было дано и общее объяснение фактов им. мн. на *-ы*, *-и* с колеблющимся ударением то на основе, то на флексии. Подобного рода колебание ударения и в большинстве фактов данного материала, принадлежащих литературному языку. Ср. им. мн. **бо́и*, откуда косвенные падежи *бо́ев* и т. д., *ве́ки*, откуда *ве́ков* и проч., *ве́тры* *гро́мы* и т. д. с ударением на основе согласно старейшей форме им. мн. этих слов на *-и*, вытесненной позднее формой вин. падежа на *-ы́*, *-и́*, но не сменившей своего ударения на наконечное благодаря влиянию книжной традиции. Позднее в ряде этих форм возобладало все же ударение на конечном слоге (таково было ударение старого вин. мн. в отличие от им. мн. у подвижно-ударяемых основ), ср. литературные *бои́*, род. *ветро́в* (от им. мн. *ветра́* и **ветры́*), дат. *грома́м* (от **грома́* и **громы́*), тв. *горна́ми* и т. д. Понятно отсюда, что во многих примерах с неперенесенным на флексию ударением еще ясно ощущается архаический характер соответственных форм, между прочим, и свидетельствуемых нередко лишь писателями старой поры. Ср. *бо́ев*, *ве́ков*,

да́ры, ду́бы, ми́ры, сле́ды и др. — формы преимущественно старого литературного языка. Из примеров с ударением на основе в приведенном материале следует выделить — 1) группу заимствований с первоначальными формами ударяемости именно на основе и соответственно вторичными их вариантами с наконечным ударением, ср. форму *ба́лы*, лишь в половине XIX в. сменившуюся формой *балы́*, также *шка́фы* и *шкафы́*, *пла́ны* и обл. *планы́* и др.; 2) форму *ко́ни*, откуда косвенные падежи как изредка в литературном, так особенно в диалектическом употреблении (преимущественно в северновеликорусских говорах), — *ко́ней*, *ко́ням* и т. д.; форма неясная; может быть, следует исходить из предположения существования в прошлом варианта слов с ненаконечным ударением (*конь* — *ко́ня*; или, по основам на *-i, *конь* — *ко́ни*, о чем см. выше), откуда были бы понятны формы мн. числа — *ко́ней*, *ко́ням*, не *коне́й*, *коня́м* (*о* в основе слова было восходящего характера, т. е. ударение с него не подлежало бы переносу на следующий слог); 3) диал. *у́сы* соответствует по месту ударения диал. укр. формам *у́са*, *ву́са*, как остаткам дв. числа (см. об этом Ztschr. f. slav. Ph. II, 62); но, повидимому, в великорусской форме, форме мн. числа, ударение вторичное, перенесенное или из форм ед. числа, или из старой формы им. мн. (*у́си*); 4) диал. формы *кло́пы*, *клю́чи*; эти формы ведут к диалектическим вариантам слов в ед. числе с ударяемостью на основе — *клоп*, *кло́па*, *ключ* — *клю́ча* (см. об этом выше). Из примеров с ударением на флексии большая часть относится к материалу диалектического характера. В части этих форм (от слов с подвижным характером ударения) ударяемость флексии свидетельствует о том, что в данных формах старые винительные падежи, ср. *слухи́*, *смехи́*, *соки́*, также *воры́*, *волки́*, *деды́*; но подобные примеры оказываются и в словах заимствованных (напр. *балы́*, *платы́*), и в словах с истинно восходящим типом ударения на основе (ср. *раки́*, *склады́*). В данных фактах результат аналогического перенесения ударения. В двусложных и многосложных именах существительных колебание

ударения незначительно. Здесь из фактов, принадлежащих литературному языку, можно выделить архаическое употребление форм — ка́мни — *ка́мней*, *ка́мням* и т. д. Держ. I, 172 III, 116, Хемн. Лош. с воз., Два сем., Бат. К Дашкову, На разв., Крыл. Мой отъезд, Уед., Безб., Дмитр. Возд. б. (ср. *камне́й* Ермак), Пушк. (часто), Лерм. I, 269 II, 52, 83, 198, 275, 344 (ср. *камне́й* и т. д. — часто), также — ко́рни — *ко́рней* Держ. III, 48, 221 IV, 531, по *ко́рням* Лерм. II, 336, — ср. у Кольц. — И моются *корни́* лесов, К реке Гайд.; далее род. *кня́зей* Дмитр. Черв. и пол., род. *медве́дей* Держ. II, 416 III, 74, 80, Крыл. Пуст. и м., Медв. в с., Лев, Лисица проп., Лерм. II, 160, Некр. I, 109. Вторичным же ударением можно считать в случаях род. *тате́й* Держ. III, 39, Дмитр. Перел. 49 пс., тв. *вихря́ми* Держ. III. 243, над *улья́ми* Крыл. Медв. и пч. (здесь же — к *у́льям*), тв. *парня́ми* Держ. III, 309. От церковнославянизма по происхождению, существительного *гражданин* употребительная в языке старых писателей форма мн. числа *гражда́не* более «правильна», чем современная литературная форма *гра́ждане* (ср. *дворя́не*, *селя́не* и под.). Ср. *гражда́не*, *гражда́н* у Фонв. Альз. (6 сл. при 2 сл. *гра́ждан*), Держ. I, 148, 226, 311, 378, 432, 508 II, 194, 214, 295 III, 56, 243, 369 IV, 183, 343 (у него же единично — чрез *гра́ждан* II, 260), Хемн. Письмо Барнв., Бат. Стр. и дом., Умир. Т. (у него же — и *гра́ждане* счастливы, Из греч. ант. V), Крыл. Блаж., Дмитр. Придв. и Пр., История (ср. у него же — Служу отечеству, *согра́жданам* своим, Отец с сыном), Пушк. I, 220, 358 III, 54 (ср. *гра́ждане* III, 74), Лерм. I, 64, 148, Некр. I, 203 (ср. I, 204 и др.). Напротив от существительного *прихожа́нин* как вторичное образование является форма *прихо́жане*: *Прихо́жан* поучал на добрые дела Крыл. Прихож. Отмечу старое ударение в *росси́янин*, *росси́янка* Держ. I, 271, 276 II, 220, Дмитр. П. на день кор. Ал. I. В областной речи следует отметить случаи аналогического перенесения ударения в — *то́нцы* Буни. (пр. 57), ср. в Брян. — ед. *тано́к* — мн. *то́нки* (Тихап. 25), *ко́нцы* Курск. г. (Хал. 367); род. *зве́рей*, дат. *зве́рям* (под влиянием ед. числа) Котельн. (Зел. Ск. 33—35);

род. *зайцóв* Борович. (Тр. МДК. II, 12) Сергач. (АГО. XXIII, 126), *пальцóв* Борович. (Тр. МДК. II, 12) Белоз. (Колос. Зам. 22) *пальцáми* Тобол. г. (Селищ. 135), — ср. *концóв*, *купцóв* и под. Творительный мн. *заступáми* Сузд. (Черныш. 18) сохраняет закономерное исконное ударение, с перенесением его на окончание с коренного нисходяще-долгого гласного; неподвижность ударения в этом слове (на префиксе) в литературном языке вторична по происхождению. Может быть, дрéвнее место ударения сохраняется в форме им. мн. *пъдалы́* (подол у юбки) Богородиц. (Изв. III, 891), если вести эту форму к старому дв. числу — *подолá*. В ряде показаний из областного языка, относящихся к форме им. мн., с отличием в ударении от литературного языка, отражается различное от литературного ударение (неподвижного характера) в ед. числе соответственных слов. Ср. *музалú*, *музулú* Мещов. (Черныш. 153) *мазалú* Касим. (Тр. МДК. III, 56); *аващú* Звенигор. (Изв. XIII, 147); *окунú* Сузд. (Черныш. 25); *оленú* Уржум. (Магн. 41); *омшеникú* Сузд. (Черныш. 25); *кафтаны́* Медын. (пр. 263) и др.; *траканы́* Касим. (пр. 111, а); *рыбáки* Перм. (С. Обнорский); ср. в pluralia tantum — *предкú* Чернояр. (РФВ. 70, 128), тв. *ножницáми* Тобол. г. (Селищ. 135). Неясна наконечная ударяемость в формах мн. числа у имени существительного *орех*. Такое ударéние слова известно лишь в южновеликорусских говорах: *орехú*, *орехóв* и проч. Ельнин. и Смол. (Добров. 535) Жиздр. (Ник. 329) Медын. (пр. 263) Мещов. (пр. 150; Черныш. 74) Брян. (пр. 259) Мцен. (пр. 188) Касим. (пр. 47, 111, а; Будде, К ист. 344) Скопин. (РФВ. 28, 60) Дмитр.-Кур. (пр. 236) Грайвор. (пр. 279) Льгов. (пр. 76) Тимск. (пр. 246, 249) Коротояк. (ИРЯС III, 567). На почве сложной аналогии явились формы мн. числа *сапóги*, род. *сóпог* Брян. (Сб. II Отд. 99, 2, 19).

2. Имена существительные ж. рода с колеблющимся ударением в формах мн. числа.

а) Имена существительные III типа в склонении. Колебание в именах с односложными темами: *Бéды* и *беды́*: Все, словом, кон-

чатся у нас теперь *бедь́* В. Майк. Ляг., прос. о ц., Держ. I, 44, 404 II, 334 III, 222 IV, 134, Фонв. Альз. II, 4 III, 1, я рад бы все *бедь́* терпеть Чулк. I, 553, *Бедь́* со всех сторон! С ней скоро все *бедь́* и горе забывает Крыл. Два гол., Филом. I, 2, Лент. I, 2, Дмитр. Ах! когда б, Пушк. I, 89 II, 75, Некр. III, 205, — просто *бедь́* Новгор. (Сол. 20) *бедь́* как пить хочу и под. Вятск. г. (Васн.), ср. *бедáм* Дмитр. Ода Бек., *бедáми* Пушк. Русл. I, *бедáх* Фонв. Альз. II, 3, Держ. I, 237, Дмитр. Ода Бек., Посл. Попа. Крыл. Подр. пс. 17, Пушк. I, 30. — *Ви́лы*: ср. *вилáм* Луж. (пр. 12) *вилáм* Петроз. (пр. 30) Холм. (пр. 159), колебание *вилáми* Покров. (пр. 10). — *Ви́ны* и *виньі́*: Вот все *виньі́* мои Гриб. Мол. супр. V, Некр. Мать. — *Вóды*: ср. *водáм* Держ. I, 152 II, 213, Пушк., Лерм., Некр., *водáх* Дмитр. Подр. Гор., Пушк., Лерм., Некр. — *Вóлны* и *волньі́*: *вóлны* Держ. I, 403; *Волньі́* за волнами бегут Хемн. Ода на поб. при Ж.; колебание у Пушк. — *вóлны* I, 12, 15 и др., *волньі́* I, 1; ср. *волнáм* Хемн. Реб. своев., Пушк., Лерм., Некр., *волнáми* Держ. I, 238, Пушк. Е. О. I, 50, Ск. о ц. Салт., ср. *вóлнами* Хемн. Ода на поб. при Ж., Лерм. I, 33, *волнáх* Пушк. Ск. о ц. Салт., ср. колебание *вóлнáх* Лерм. I, 6, 19. — *Глáвы* и *главьі́*: *главьі́* Держ. I, 245, 403 II, 358; *Главьі́* к коленам их склонились Дмитр. См. Потемк., Пушк., Лерм. — *Гóры*: ср. *горáм* Пушк. I, 16, А море вздымалось, я помню, *горáми* Бат. Песнь Гар. См., Лерм. II, 13, *горáх* Держ. I, 268, 322, 325, Пушк. II, 331, колебание у Лерм. I, 3, 9. — *Грóзы* и **грозьі́*: Ты умерла... Смирились *грóзы* Некр. I, 65. — *Дóли*: ср. его расхитят по *долям* Гриб. Отр. из Г. — *Дóски* и *доскú*: Ударив об *доскú*, зарости мхом, железны Держ. II, 410 (у него же — на *дóски* II, 407), ср. по *доскáм* Лерм. Сашка XII. — *Дýги* и *дугú*: *дугú* Держ. I, 48, ср. над *дугáми* Крыл. Тр. медв., Беш. семья III, 4. — *Дýши*: ср. *душáм* Держ. I, 31, 279, *душáх* Пушк. Е. О. VIII, 25, — в их *дýшах* Лерм. I, 241, в худых *дýшах* Колым. (Селищ. 135). — *Жёны* и *женьі́*: Любовницу себе в *женьі́* такую взять Хемн. Лев сват, — *женьі́*, *жоньі́* Шенк. (Макс. 127) Тотем. (Брок 118); колебание *жёны* Держ. III, 364 IV, 100; ср. *женáм* Держ. II, 59 III, 262 IV, 115, Что будто нежности в *женáх* нельзя сыскать Хемн.

Вдова, — Де́лим *же́нам* ожере́лье Гриб. Хищн. на Ч., Некр. III, 222. — *Зве́зды* и **зве́зды́*: ср. *звезда́м* Держ. II, 201, Лерм. I, 278, с *звезда́ми* да с чинами Гриб. Г. от у. I, 5, Пушк., Некр., *звезда́х* Пушк. III, 118, Некр. III, 226. — *Зе́мли*: ср. *земля́ми* Дмитр. Элегия, *земля́х* Крыл. Ст. и трое мол. — *Зи́мы* и *зимы́*: *зимы́* теплые стали Сузд. (Черныш. 18). — *Зме́и* и *змеи́*: *змеи́* Юрьев. (id. 13). — *Игры* и *игры́*: Кончаются *игры́* и смехи, Не кончились *игры́* и пляска на лугу Сумарок. VIII, 56, 199, Держ. II, 406, 407 III, 201; ср. Те, кои зная вкус в *игра́х* богини сей Хемн. Послание, колебание *и́гра́х* Держ. IV, 67, 71, — Дайте руку *и́грам*, смехам Дмитр. Юность, Состарилась не в *и́грах*, не в заботах Гриб. Груз. ночь I. — *Избы*: ср. по *изба́м* Некр. III, 53, в *изба́х* Семен. (Изв. Нижег. У. II, 360), — *и́збам* Пушк. I, 59, Некр. III, 164, 194. — *Ко́зы* и *козы́*: *козы́* Мокш. (пр. 232,1). — *Ко́сы* и **косы́*: ср. *коса́ми* Пушк. II, 280, — Моск. (Черныш. 54), *коса́х* Крапив. (Изв. III, 1284). — *Красы́* и обл. *кро́сы*: *кро́сы* южновеликор. (РФВ. 44, 158). — *Ли́сы* и *лисы́*: ср. чернобурыми *лиса́ми* Пушк. Ск. о ц. Салт. — *Лу́ны* и *луны́*: Новы *луны́* изо тьмы дальной воззвало пред нас Радищ. Осьмн. стол., — У краснова солнышка *лу́ны* светлые Белоз. (Колос. Зам. 49). — *Ме́жи* и *межи́*: В полях росистые *межи́* Запахли горькою полынью Н. Мешков, Ночн. дорога, — *ме́жи* Шенк. (Оп. обл. слов.). — *Но́жны* и *ножны́*: колебание у Лерм. II, 108, 122. — *Но́ры* и *норы́*: Но любите свои *Норы́* и темны кельи Бат. Мои пен. — *Орды* и **орды́*: *о́рды* Держ. I, 242, 325 II, 198. — *Пли́ты* и *плиты́*: И на могильные *плиты́* Некр. I, 219, 231. — *По́ры* и *поры́*: А в те *поры́* все важны! Гриб. Г. от у. II, 2, Пушк. Ск. о ц. Салт. — *Ро́сы* и **росы́*: Не столько *ро́сы* теплые Некр. III, 151. — *Ру́ды* и *руды́*: сѣрные *руды́* Перв. Рус. Вед. 29; ср. Владей во всей земле ты *ру́дами* златыми Дмитр. Подр. Гор. — *Ре́ки*: ср. *река́ми* Пушк. I, 57 III, 509, Как ломок лед в *река́х* весною Крыл. Подр. пс. 37. — *Све́чи* и *свечи́*: *свещи́* Держ. I, 126, *свечи́* Лерм. II, 413, 438, — Каргоп. (Колос. Зам. 151), Сибир. (Селищ. 135). — *Сёстры* и *сестры́*: *сестры́* Держ. IV, 9, *Сестры́* и тетушка вокруг ее постели Дмитр. Причудн., Элегия, Лерм. II, 94, — *сестры́* Шенк. (при род. *сёстёр* Манс. 127)

Тотем. (Брок 118) Белеб. (Изв. X, 2, 299); ср. *сестра́м* Держ. I, 457, Некр. I, 9, И матери скажи с *сестра́ми* Дмитр. Чиж. и зябл., Бат. Кн. Шаликову, Пушк. I, 10, III, 97. — *Ска́лы* и *скалы́*: *скалы́* Держ. I, 320 III, 74, *скалы́* чувствительны к свирели Бат. Подр. др., Мечта, Пушк. I, 9, 71 III, 540; колебание *ска́лы́* Подолинск. Ночь, Сон, Пери XI, Лерм. (*скалы́* 8 сл., *ска́лы* 5 сл.); ср. по *скала́м* Пушк. I, 12, *скала́ми* Держ. I, 218, Пушк., Лерм., *скала́х* Лерм. I, 4. — *Ски́рды* и *скирды́*: Шумят огромные *скирды́* (р. плоды) Ломон. II, 262; ср. *скирда́ми* Пушк. I, 205, Некр. I, 191, 306. — *Ску́лы* и *скулы́*: Вцепились за *скулы́* Некр. III, 54. — *Слу́ги* и *слуги́*: *слуги́* Верхнеуд. (Стар., Селищ. 136); ср. *слуга́м* Пушк. II, 151, *слуга́ми* Фонв. Кор. I, 9. — *Сно́хи* и *снохи́*: *снохи́* Тотем. (Брок 34). — *Со́вы* и *совы́*: *со́вы* Некр. I, 162, — *совы́* Держ. II, 358. — *Со́хи*: ср. *соха́ми* Пушк. II, 300, — Моск. (Черныш. 54). — *Стези́* Держ. III, 193. — *Сто́пы* и *стопы́*: *стопы́* Держ. III, 168. — *Стра́ны* и *страны́*: *страны́* Держ. I, 63, 228, 488, 529 III, 115, 234, 237, 313, Пушк. II, 350 III, 10. Е. О. I, 51; ср. *страна́м* Фонв. Альз. I, 2 II, 2, Держ. I, 328 III, 107. — *Стру́ны* и *струны́*: ср. *струна́м* Дмитр. Ст. на Гесл., Стар. люб., Пушк. I, 35, *струна́ми* Пушк. I, 55, 133 II, 343, *струна́х* Пушк. I, 152; колебание *стру́на́м* Держ. II, 344 III, 23 и I, 494 II, 203, Лерм. II, 420, ср. *стру́нах* Лерм. II, 147. — *Стру́и* и *струи́*: *струи́* Держ. I, 151, Пушк., Некр.; ср. *струя́ми* Пушк. I, 16. — *Стре́лы* и **стрелы́*: ср. *стрела́ми* Держ. I, 522, 531 II, 213, Крыл. Подр. пс. 37, Гриб.***, Пушк. I, 166, 275, 287; *стре́лами*, *стре́лах* Лерм. I, 11, 243. — *Сте́ны* и *стены́*: *стены́* Держ. IV, 156; ср. *стена́м* ib. I, 283 IV, 113, Дмитр. Причудн., *стена́ми* Держ. III, 244, Гриб. Хищн. на Ч., Пушк., Лерм., Некр., *стена́х* Пушк., Лерм.; колебание *сте́на́м* Лерм. I, 199 II, 35. — *Су́мы* и *сумы́*: Несем пустые лишь *сумы́* Дмитр. Мышь, уд. от св. — *Се́чи*: ср. по *сеча́м* Верейск. (Черныш., Изв. XIII, 130). — *То́лпы* и *толпы́*: *толпы́* Держ. I, 79, 105, 323 III, 244 IV, 10, Где вы, отважные *толпы́* богатырей Бат. На разв., Стр. и дом., вар., Гриб. Г. от у. II, 5 (муз. сп.), Пушк., Лерм., Некр.; ср. *толпа́ми* Держ. III, 242,

Дмитр. Возд. б., Посл. Попа, Пушк., В *толпа́х* людей — *толпы́* невежд Кольц. Разувер., Пушк. — *Тра́вы*: ср. какие *травы́* Семен. (Изв. Нижег. У. II, 360), Да на каких-то гадает *трава́х* Некр. I, 291. — *Тро́пы* и *тропы́*: *тро́пы* Держ. III, 23, — *тропы́* Некр. III, 181, 246; ср. *тропа́м* Держ. II, 53. — *Тру́бы* и *трубы́*: *трубы́* Держ. I, 267. — *Узды* и *узды́*: Подковы, *у́зды*, чепраки Пушк. III, 137. — *Хвалы́*: Держ. IV, 120, Крыл., Некр. — *Че́рты* и *черты́*: *черты́* Держ. IV, 427. — *Чу́ни*: ср. в *чюня́х* Моск. (Черныш. 22). — *Ше́и*: ср. по *шея́м* Некр. I, 295, — Кашин. (Смирн. 98). — *Ще́ки*: ср. *щека́ми* Пушк. I, 134, Уже поблекли розы, Что на *щека́х* цвели Дмитр. К Хлое, Пушк. I, 60, Некр. I, 20.

Тот же характер колебания свойствен и многосложным (исторически) темам имен существительных: *бре́дни*: ср. *бредня́ми* Моск. (Черныш. 22). — *Во́йны* и *войны́*: Ты станешь возжигать *войны́* (р. тишины́) Крыл. Ода Ек., колебание *во́йны́* Держ. III, 73, 113; ср. *война́м* Лерм. II, 200. — *Вдо́вы* и *вдовы́*: И не останутся *вдовы́* без обороны В. Майк. Ляг., прос. о ц., *вдовы́* Держ. IV, 118, Дмитр. Обм. — *Высо́ты* и *высоты́*: *высоты́* Держ. I, 491, Пушк. I, 332, Некр. III, 234, 338; ср. *высота́м* Держ. I, 284 III, 97, Пушк. I, 11 II, 162, в (на) *высота́х* Крыл. Подр. пс. 14 и 96, Пушк. I, 127. — *Глуби́ны* и *глубины́*: *глубины́* Держ. III, 13, 172, И видел ада *глубины́* (р. вины́) Крыл. Подр. пс. 97; ср. *глубина́х* Держ. I. 50. — *Де́ньги*: ср. *де́ньгам*, *ами*, *ах* — И к *де́ньгам* был ничуть не падок Крыл. К др. моему, Беш. с. I, 1, Богатый *де́ньгами* товарищу смеялся Хемн. Два купца, Кольц. Пов. м. любви, Что в *де́ньгах*, если хлеба нет Хемн., ibid., Крыл. Бочка, Беш. с. III, 2, Лерм. Сашка II, Некр. I, 282 III, 341 IV, 13, 15, — *де́ньгами* Тихв. (Тр. МДК. II, 109) Инсар. (пр. 231); колебание *де́ньгя́м* Костр. (Виногр. 78), *де́ньга́ми* Цивил. (пр. 143), ср. *деньга́ми* Моск. (Черныш. 22) Мокш. (пр. 230,2) Чембар. (пр. 229) Жиздр. (Ник. 329) Мещов. (пр. 150; Черныш. 149) Новосил. (пр. 77) Мцен. (пр. 188) Егорьев. (пр. 133,1) Касим. (пр. 47) Грайвор. (пр. 279) Дмитр.-Кур. (пр. 125, 236) Дон. (пр. 42). — *Добро́ты* и *добро*ты́*: *добро́ты* Держ. III, 184, 227, 232 (у него же в ед. числе *добро́та* I, 281 II, 230 III, 45, 279,

по единично: Душ *добротой* твои родители цвели III, 347). — *Кислоты* и **кислоты*: ср. *кислотах* Держ. I, 464. — *Колбасы* и *колбасы*: Коптить голландцам *колбасы* (р. усы) ib. I, 172. — *Копны* и *копны*: ср. *копнами* Моск. (Черныш. 54) Орл. (Будде 40); ср. в род. мн. — Нагребу *копен*, Намечу стогов Кольц. Косарь. — *Красоты* и *красоты*: *красоты* Держ. III, 269, 301, 349 IV, 46, 49, Рассеял мрачные и нежны *красоты* (р. мечты) Бат. К Тассу, Привид., Пушк. I, 125 II, 221, 323, Лерм. I, 261; ср. *красотам* Держ. I, 258 II, 150 IV, 115, Дмитр. Посл. к Кар., Пушк. II, 188. — (*Крутизны*: *крути*(*з*?)*ны* Держ. III, 240). — *Купины*: Держ. III, 82. — *Похвалы* и *похвалы*: *похвалы* Держ. I, 351 III, 239, Некр. IV, 35. — *Проймы*: ср. сарафан на *проймах* Боровск. (Черныш., Изв. XIII, 277). — *Пустоты* и *пустоты*: *пустоты* Держ. III, 186. — *Песни*: ср. с *песнями* Нижегор. (С. Обнорский) Муром. (пр. 100). — *Семьи*: Держ. II, 11; ср. *семьями* Сузд. (Черныш. 25) Черноср. (РФВ. 70, 128). — *Сироты* и *сироты*: *сироты* Держ. IV, 380, — Владим. (Черныш. 30); ср. *сиротам* Держ. I, 257. — *Скорлупы*: *скорлупы*-то золотые Пушк. Ск. о ц. Салт. — *Старосты*: ср. ф *старостах* Верейск. (Черныш., Изв. XIII, 289). — *Судьбы* и *судьбы*: *судьбы* Держ. III, 249 IV, 309, слепо мы делим ваши *судьбы* (р. рабы) Бат. Отр. из Шилл., Дмитр. К лире, Державину, Пушк. II, 180, 191 III, 414, Некр. III, 274; ср. *судьбами* Держ. I, 172 II, 13, 180 III, 109 Пушк. I, 129, 178 и др. — *Судьи* и *судьи*, И трудятся здѣшніе *судьи* Перв. Рус. Вед. 10, 204, *Судьи*, дьяки и прокуроры Держ. I, 174, 193, 195 IV, 101, Бат. Перев. Боало, Хемн. Два сос., Лев учр. сов., Добрый ц., Сат. I, Крыл. Троеж., Щука; ср. колебание у Грнб. — *судьи* всему везде, а *судьи* кто? Г. от. у. II, 5 (ср. также муз. сп.). — *Седины* и *седины*: *седины* Дмитр. Посл. Попа, В *сединах* бодр и сановит Id. Освоб. М. — *Тройки*: ср. *тройками* ездили Моск. (Черныш. 54). — *Тюрьмы* и *тюрьмы*: *тюрьмы* битком набиты Пушк. III, 63. — *Деревни*: ср. *деревням* Лерм. I, 236, *деревнями* Фонв. Кор. I, 5, Некр. III, 243.

В именах существительных ж. рода на *-а* следует в отношении ударяемости форм мн. числа различать также две основные

группы — слова с неподвижным характером ударения или на основе или на флексии и слова подвижно ударяемые. В последней группе слов ударение падало на основу лишь в формах вин. ед. числа и им. мн. (и лишь диалектически еще в дат. ед., а вслед за ним и в местном ед. — дат. *сте́не*, м. на *сте́не*), во всех же прочих падежах оно согласно закону Фортунатова-Де-Соссюра оказалось перетянутым на флексию. Таким образом эта категория имен существительных отличалась от категории существительных с неподвижною ударяемостью на окончании лишь в двух падежных формах — в вин. ед. и в им. мн., ср. *рука́* — *ру́ку*, *ру́ки*, *рука́м*, и *хвала́* — *хвалу́*, *хвалы́*, *хвала́м*. Эта близость в отношении ударяемости обеих категорий имен существительных неизбежно должна была повести к взаимному влиянию их одной на другую. Слова типа *рука́* под влиянием слов типа *хвала́* получали новообразования — вин. ед. *руку́*, им. мн. *руки́*, и обратно в словах типа *хвала́* развивались новые формы — вин. ед. *хва́лу*, им. мн. *хва́лы*. Колебание ударения в приведенном перечне фактов в существенных чертах должно объясняться из этого процесса взаимного влияния одного и другого рядов имен существительных. Важно указать при этом на одно обстоятельство. По данным перечня, принадлежащим по большей части старому литературному языку, этот последний характеризуется бо́льшей чистотой, бо́льшей верностью исконным нормам ударения. Следовательно то значительное колебание в ударении, которое свойственно современной стадии русской речи, относительно недавнего происхождения. Собственно самый процесс взаимного влияния унаследованных из старых типов ударения в интересующей категории имен существительных, начавшись в недавнюю пору, именно для современного текущего периода жизни литературного языка должен считаться имеющим все свое реальное значение. Анализируя ближайшим образом представленный материал, можно даже обнаружить те основные линии, по которым идет развитие новых форм склонения, т. е. новых разновидностей ударения склоняемых форм. Весьма замечательно, что ряды слов, принадле-

жавшие исконно к типу подвижно ударяемых, в форме им. мн. числа вообще подверглись незначительному изменению. Немногие данные этого рода с ударением на флексии, не на основе, на которую в им. мн. исконно падало ударение, принадлежат либо словам не народным, а заимствованиям из церковнославянского, либо формам собственно не именительного, а винительного падежа, который первоначально характеризовался (в отличие от им. мн.) именно наличием ударения на окончании. Ср. в свидетельствах старого литературного языка с одной стороны формы — *волны́*, *главы́*, *страны́*, *стопы́*, *стены́* и др., с другой стороны именно формы вин. падежа *доски́*, *норы́*, *поры́* и под.[1] В последующем развитии языка эти формы уступили место закономерным с точки зрения исконных акцентных норм формам (как формам им. мн.), именно с ударением на основе — *во́лны*, *гла́вы*, *стра́ны* и т. д., и лишь в форме *стопы́* (церковнославянское заимствование) сохраняется еще архаический тип ударения на окончании. Ср. еще форму *межи́* у Мешкова. В диалектической речи особняком стоит форма *зимы́*, которую можно принимать за форму, обязанную книжному влиянию (нормальный pluralis от существительного *зима* невозможен), и еще южновеликоруссизм — *козы́*.

Если таким образом в им. мн. существительные подвижного типа в отношении ударения не подверглись воздействию со стороны имен существительных, имевших неподвижный тип ударяемости на флексии, то эти последние испытали на себе влияние со стороны имен типа подвижно ударяемых. Но замечательно, что в старом литературном языке существовал еще исконный тип ударения у этих групп существительных, т. е. последние носили еще ударение на флексии, и лишь в направлении к нашему времени произошла передвижка ударения с флексии на основу, т. е. получилось подравнение с типом подвижно ударяемых имен существительных. Таковы именно последовательные формы им. мн.

[1] Поэтому Котельническую форму — в *клещи́* заберу (Зел. Ск. 149) можно также считать акцентологически закономерной, как форму винительного мн.; ср. впрочем *клещи́* в Краспококш. (МДК. XI, 143).

в языке старых писателей в роде — *беды́, вины́, дуги́, жены́, игры́, луны́, руды́, свечи́, сестры́, скалы́, совы́* (хотя в сербском иной тип ударения в этом существительном — сȍва), *струны́, струи́, толпы́, трубы́, хвалы́, черты́*, также в именах существительных с двусложными темами — *вдовы́, высоты́, пустоты́, сироты́, глубины́, похвалы́, судьбы́, судьи́* и др. В известной части (незначительной) и современному языку свойственны эти формы, напр. *струи́, хвалы́, черты́*, но известны ему от большинства примеров и формы с колеблющимся то на флексии, то на основе, или же лишь новые формы с ударением на основе, напр. только — *ду́ги, жёны, и́гры* и т. д. Замечательно сохранение старого типа форм, как *жены́, беды́, свечи́, сестры́, слуги́, снохи́* в диалектах, где однако находим и *лу́ны, кро́сы* (искусственные формы, как и отмеченная выше форма *зимы́*).

В дательном, творительном, местном мн. числа слова как подвижно ударяемые, так и имевшие неподвижное ударение на флексии, звучали одинаково — с ударением на *-а́м, -а́ми, -а́х*. Ср. в приведенном материале как примеры типа — *вода́м, вода́ми, вода́х*, или *волна́м, гора́м, душа́м, звезда́м, земля́м, коса́м, река́м, соха́м, стрела́м*, (по) *шея́м, щека́м*, так и примеры типа — *беда́м, дуга́м, жена́м, игра́м, сестра́м* и т. д. Однако в очевидной связи с влиянием в им. мн. категории подвижно ударяемых существительных на имена с неподвижною ударяемостью на окончании и с общим соответственным расширением круга слов, дающих формы им. мн. с ударением на основе, возник процесс влияния формы им. мн. этих рядов существительных на косвенные — дательный, творительный, местный — падежи, приведший к новым рядам форм последних падежей — с ударением на основе. Так вслед за им. мн. *во́лны* явились дат., тв., м. *во́лнам, во́лнами, во́лнах*, вслед за *жёны* — новообразования в косвенных падежах *жёнам, жёнами, жёнах*.[1] Начало этого процесса можно просле-

[1] Ср. иной пример, иллюстрирующий то же явление морфологической аналогии: форму без *по́хорон* у Лерм. П. о к. Кал. I (ср. у него же — *похоро́ны* II, 351); она обязана влиянию им. мн. *по́хороны*.

дить уже в памятниках старого литературного языка, ср. у Державина тв. *ру́дами*, у Грибоедова дат. *жёнам*, колебание у Хемницера — *во́лнам* и *волна́м*, у Державина — *и́грах* и *игра́х* (то же у Дмитриева), *стру́нам* и *струна́м*, ср. еще у Дмитриева — *седи́ны*, *седи́нах*. Но, как можно видеть из всей совокупности приведенного материала, только в последующие эпохи в жизни литературного языка этот процесс получил особенно широкое развитие, ср. в современном языке возможность колеблющихся форм то с ударением на окончании, то с ударением на основе, от большинства приведенных примеров, засвидетельствованных в старой литературной речи с преобладающим типом ударяемости лишь на флексии. Следует при этом заметить, что в живой народной речи, но, повидимому, в пределах лишь южновеликорусского наречия, сохраняются еще старые формы с ударяемой флексией, причем этот тип ударения для дат., тв., м. стал, видимо, здесь обобщаться и в частности проникать даже в слова с исконным неподвижным ударением на основе. Ср. южновеликорусские формы — *вила́ми*,*пройма́х*, *песня́ми*, *староста́м*, *тройка́ми*, *чуня́ми*. Различное отношение к образованию этих форм в северновеликорусских и южновеликорусских говорах особенно хорошо заметно в употреблении косвенных падежей от имени существительного *де́ньги*: старый литературный язык, как и северновеликорусские говоры дают только одни соответственные примеры форм с ударяемостью на основе, в черте южновеликорусских говоров, напротив, исключительными оказываются формы — *деньга́м*, *деньга́ми*, *деньга́х*.

Тип ударения в им. мн. на основе от слов с подвижным характером ударяемости, очевидно, в языковом ощущении говорящих выделялся своей бо́льшей значимостью и яркостью с морфологической стороны, чем типы иных именительных падежей с одинаковым ударением, проходящим по всем иным падежам и падавшим либо всюду на основу, либо всюду на флексию. Это предположение делает понятным самый факт распространения данного типа форм за счет старых форм им. мн. с ударением

на окончании от исконных существительных с неподвижным характером ударения. Можно еще указать на одно явление, сходного же характера, оправдывающееся той же морфологизующей силой отмеченного типа форм им. мн. (с ударением на основе при ударяемости прочих падежных форм на окончании). Это именно — проникновение данного типа форм в категорию заимствованных слов, имевших наконечное ударение. Из относящегося сюда материала, почти сплошь принадлежащего диалектической речи, к литературному языку имеет отношение одна форма — *брóзды*, у Державина (И бурно *брóзды* опенял, I, 191). Форма эта однако есть очевидная диалектическая черта, оброненная Державиным, нашедшим ее в собственной живой речи. Самое возникновение формы объясняется церковнославянским характером слова *браздú*. Из данных собственно диалектических, и именно — исключительно южновеликорусских, здесь же можно отметить формы — *зóпадни* (трудная для образования форма мн. числа от ед. *западня́*) Брян. (Тихан. 25); — *кóймы* — Ткут полотенцы с красными *коймами* Радищ. Оп. м. влад., Цветная слюда перемешена с резьбою и с наклейными *коймами* — это окна Гриб. Пут. зап. 1819, — *кóймы* Руз. (Дурново 158) Сарат. г. (Э. О. 1916, 1—2, 71) Мещов. (Черныш. 150) Брян. (пр. 259) Судж. (Резан. 223) назат *коймы* завяжу Бобров. (Ворон. Юб. Сб. I, 613) Тимск. (пр. 246, 249); — *кóлынчи* (от ед. ч. *каланчá*) Мещов. (пр. 267; Черныш. 150) Дмитр.-Кур. (пр. 236) Тимск. (пр. 246, 249); — *прóсвиры* Печор. (Ончук. Ск. 51); — *сóтоны* (от ед. ч. *сатанá*) Мещов. (пр. 41,1); — *скáмьи, скóмьи* — *скáмьи* Домостр. 162, *Скáмьи* были все покрыты Рытым бархатом, парчами, Радищ. Бова, — *скóмьи* Инсар. (пр. 291) Руз. (Дурново, 158) Мокш. (пр. 232) Чембар. (пр. 228) Жиздр. (Ник. 242) Медын. (пр. 263) Мещов. (пр. 41,1, 150; Черныш. 150) Брян. (пр. 259; Тихан. 25) Мцен. (пр. 188) Егорьев. (пр. 133,1) Ряз. г. (РФВ. 27, 187) Льгов. (пр. 76) Судж. (Резан. 223) Тимск. (пр. 246, 249) Дон. (пр. 42,2); — *стóршины* (от ед. ч. *старшинá*) Мокш. (пр. 232) Жиздр. (Ник. 242, 329) Мещов. (пр. 150; Черныш. 150) Брян.

(пр. 250) Мцен. (пр. 188) Дмитр.-Кур. (пр. 236); — *ста́тьи* Пуд. (Манс. 162).

б) В именах ж. рода IV типа (старые основы на *-i) также различались два типа по ударению — носившие неподвижное ударение на основе, напр. нить — род., дат., м. *ни́ти*, мн. *ни́ти*, *ни́тей*, *ни́тям*, и имевшие подвижного характера ударение на основе, переносившееся соответственно (согласно закону Фортунатова-Де-Соссюра) на флексию в местном ед. и во всем мн. числе, начиная с род. падежа, ср. кость — род., дат. *ко́сти*, м. *кости́*, мн. *ко́сти*, *косте́й*, *костя́м*. Так как последнего типа существительных (из числа односложных тем) было относительно много, они стали типом доминирующим и отразили влияние на категории имен существительных с неподвижным ударением на основе, получившей новые формы мн. числа (начиная с род. падежа) с ударением на флексии. Этим объясняется известное количество колебания одних и других форм, наблюдаемого как в литературном языке, так и в диалектах. Ср. *ве́рви*: *веря́м* Держ. II, 174. — *Ве́тви*: колебание *ветвя́х* I, 151, 167, 470 II, 201 и *ве́твях* II, 103, 258 (и вар.) у Держ., в *ветвя́х* густых и на *ве́твях* у Бат. Отр. из Осв. Иер., Паст. и сол., Пушк., Лерм. — *Гру́ди*: *груда́м* Держ. I, 126 IV, 281. — *Гу́сли*: с *гусля́ми* Лерм. I, 147. — *Две́ри*: *дверя́ми* Мещов. (Черныш. 149); колебание *две́рям* Костром. (Виногр. 80), ср. *две́рях* Держ. I, 56, — Колым. (Селищ. 135). — *Зы́би*: *зыбе́й* Держ. I, 44, 192, Бат. Посл. Мур.-Апост., Дмитр. К Волге Подр. Гор., *зыбя́м*, *зыбя́х* Держ. I, 79, 160, 497 III, 11. — *Ку́дри*: *кудря́м* Хемн. В сат., *кудря́ми* Бат. Пев. в Бес., Лерм. I, 222, *кудря́х* Дмитр. К Хлое; колебание — *ку́дрям* II, 87 и *кудря́ми* III, 230 у Держ., *ку́дрей* На новый г., Ночь и *кудря́ми*, *кудря́х* Утро, Выб. из П. П. Солом., Блаж. у Крыл., *ку́дрей*, *ку́дрями* I, 10, 37 и в *кудря́х* II, 358 у Пушк., *ку́дрям*, *ку́дрях* и *кудря́м*, *кудря́ми* у Кольц. Лих. Кудр., Путь; ср. *ку́дрей* Гриб. Отр. из поэмы. — *Мы́сли*: по *мысля́м* Кашин. (Смирн. 98) Терск. (РФВ. 44, 84) Белеб. (Изв. X, 2, 99). — *Свя́зи*: *связе́й* Лерм. Сашка XXXVI. — *Ско́рби*: ср. *ско́рбей*, *ско́рбям* Держ. I, 404 II, 430,

Бат. Воспом. (вар.). — *Сна́сти*: ср. *сна́стей* Бат. Гнедичу. — *Се́ни*: И между тем в *сеня́х* с лакеями толчися Хемн. Сат. II; колебание — *се́ней* III, 137, *се́ням* Е. О. VIII, 30 и в *сеня́х* III, 110 у Пушк., — *се́ня́м* Костром. (Виногр. 80), ср. на *се́ним* (рядом — на *сянё́м*) Сычев. (Добров. 899). — *Ту́фли*: Халата у него и *ту́флей* вовсе нет Крыл. Лентяй I, 2. — *Те́ни*: В жилище мрачное *тене́й* Крыл. Соч. о разб.; колебание — *те́ней* I, 167, 194, 201 III, 106 IV, 226 и *теня́ми* II, 328 IV, 281, *теня́х* I, 176 у Держ., *те́не́й* у Пушк. и Лерм., ср. К безмолвным *те́ням* воспою Дмитр. Грусть, в *те́нях* Гриб. Мол. супр. XIV. — *Ясли*: в *яслё́х* Белеб. (Изв. X, 2, 99). В большинстве этих примеров современному литературному языку свойственно ударение на флексии. Ср. еще сходный материал из диалектов: тв. *ве́щими* Моск. (Сб. II Отд. 75, 2, 40), *гра́блими* Моск. (ib.), дат. *но́чам* Брян. (ib. 99, 2, 19), тв. *ре́чими* Смол. г. (Добров. 807).[1] Обратный тип форм свидетельствуется следующими данными: род. *мазе́й* Юрьев. (Черныш. 7); — Где камней и *меле́й* премножество встречают Хемн. Два сем., дат. *меля́м*, Держ. II, 50; — дат. *персям* id. III, 220; — род. *рысе́й* Котельн. (Зел. Ск. 66); — И шляпкам, и *шаля́м*, и платьям счету нет Гриб. Св. семья II, 4; — в многосложных темах: *болесте́й* Кашин. (Смирн. 9); — *заповеде́й*, *заповедя́м*, *заповедя́х* Держ. I, 192 III, 50, 130 IV, 136, 380; — Се путь, изрытый *пропастя́ми* Крыл. Утро; — род. *саженей*, дат. и м. *саже́ня́м*, *саже́ня́х* Костром. (Виногр. 79); — *скатерте́й*, *скатертя́х* Держ. II, 51, 405; — *яблоне́й* Муром. (Колос. Зам. 302) Сузд. (Черныш. 18) *яблоне́й*, на *яблоня́х* Кашин. (Смирн. 99) *яблоне́й* Моск. (Черныш. 54), колебание *я́блоней* и, чаще, *яблоне́й* Костром. (Виногр. 78). В последнем ряде примеров некоторые являются акцентологически закономерными, ср. *мазе́й* и род. *ма́зи*, м. на *мази́*, или *меле́й*, *меля́м*, ср. род. *ме́ли*, м. на *мели́*; но большинство фактов все же с аналогической передвижкой ударения на флексию в результате обобщения именно такого типа ударе-

---

[1] Одиноко стоящая форма род. мн. *ко́стей* Мещов. (пр. 41,1), повидимому есть наносная белорусская черта.

мости; ср. особенно случаи такого перенесения ударения на окончание в словах с неподвижным характером ударения на начальном слоге в многосложных темах, напр. *са́жень — саженéй, за́поведь* (церковнославянизм) — *заповедéй, бо́лесть — болестéй, ска́терть — скатертéй, я́блонь — яблонéй*, и др.

Здесь же можно заметить о колебании ударения в немногих словах муж. рода, исконно принадлежавших также к основам на *-і. Главным образом сюда относятся формы склонения существительных — *люди* и *дети*. При почти исключительной ударяемости у них флексии в диалектической речи, в литературном языке наблюдается колебание ударения, причем это колебание известно и старому языку. Факты ударяемости основы у этих слов, очевидно, должны считаться архаической чертой данных форм, вынесенной из книжного языка более старшего периода. Эти формы очень медленно начинают проникать в народный язык. Ср. соответственный материал: *груздя́ми* Держ. II, 104; — в *го́стях* Петроз. (пр. 30) Черепов. (Герас. 8) Балахн. (Нижег. Сб. III, 154, прим.); *детя́м, детя́ми, детя́х* Онеж. (пр. 260) Шенк. (Манс. 114, 127) Новгор. (Сол. 23) Котельн. (Тр. Вят. Пед. И. III, 59) Юрьев. (Черныш. 7) Белеб. (Изв. X, 2, 99) Оренб. (РФВ. 56, 239) Инсар. (пр. 231) Мокш. (пр. 230,2, 232,1) Чембар. (пр. 228, 229) Кашин. (Смирн. 99) Верейск. (Изв. X, 2, 374) Клин. и Моск. (Черныш. 15, 176) Смол. (с *дятёми,* Добров. 895) Жиздр. (Ник. 329) Мещов. (пр. 150; Черныш. 149) Карач. (Будде 76) Новосил. (пр. 77) Мцен. (пр. 188) Егорьев. (пр. 133,1) Касим. (Будде, К ист. 336) Дон. (пр. 42,2) Терск. (РФВ. 44, 84), колебание *дéтям* II, 51 IV, 367, 374, 377 и *детя́м* II, 415 IV, 361 у Держ., — *дéтя́м* Костром. (Виногр. 73) Казан. (пр. 94) Цивил. (пр. 143); — *людя́м* Онеж. (пр. 260) Шенк. (Манс. 127) Котельн. (Тр. Вят. Пед. И. III, 59) Кашин. (Смирн. 98) Верейск. (Черныш., Изв. XIII, 289) Моск. (id. 21) Руз. (Дурново 135) Мещов. (Черныш. 149), колебание — *лю́дям* II, 138 IV, 104, 106 и *людя́м* I, 164 (и вар.) II, 199, 237 III, 88, 422 у Держ., — *лю́дям* и, чаще, *людя́м* Костром. (Виногр. 79), ср. *лю́дям, лю́дях* Бат. К Фил., Перев. Боало,

Крыл. Мор зв., Под. и паук, Дмитр. Пч., шм. и я, Вербл. и носор., — *лю́дями* Тихв. (Тр. МДК. II, 109).

В заключение приведу некоторые случаи имен существительных, являющихся неподвижно ударяемыми, но отличающихся от литературного языка местом ударения: *лоша́ди, лоша́дей* Бежецк. (пр. 6; Тр. МДК. III, 134) Кашин. (Смирн. 94); *санки́* Сарапул. (С. Обнорский) Тобол. г. (Селищ. 135) Верхнеуд. (сем. гов., id. Заб. ст. 64); в этой форме слово, как диалектизм, встречается у Державина — Летом в лодочке на взморье, На *санка́х* зимой по льду, Царь-девица (т. III, 86). Сюда же можно отнести форму — в *дере́внях* Новгор. (РФВ. 40, 102).

3. Имена существительные ср. рода.

Имена существительные ср. рода с ударением на основе в ед. числе, если в основе находился гласный краткий или нисходяще-долгий, в именительном мн. представляли форму с ударением, перетянутым на флексию. Диалектически в позднейшую эпоху и от имен с ударением на основе (в ед. числе) восходящего типа образовались формы им. мн. на ударяемое *-а́*. Характерно, что фактов обратного рода и образования от подвижно ударяемых имен ср. рода формы им. мн. с ударением на основе не наблюдается. Это говорит об общей, сложившейся уже позднее в сознании говорящих, морфологической значимости именно типа форм им. мн. с переносом ударения на флексию, если в ед. число слова имели ударение на основе (независимо от исконного, восходящего или нисходящего, характера этого ударения). Материал для односложных тем незначительный: *бе́рдо: берда́* Котельн. (Зел. Ск. 165). — *Боло́то*: *болота́* Моск. (Черныш. 22, 54) Мещов. (id. 148) Дмитр.-Кур. (пр. 125, 236), ср. в украинском — *болота́* (напр. Шевч. I, 246 II, 43). — *Го́ре*: *горя́* Богородиц. (Изв. III, 850). — *Горло*: *горла́* Колым. (Богор. 40). — *Ди́во*: *дива́*, ср. в украинском (Шевч. I, 243 II, 73, 334). — *Де́рево*: *дерева́* см. выше (с. 90), ср. *древа́м* Держ. I, 167. — *Жа́ло*: ср. м. мн. *жала́х* Держ. II, 175. — *Жи́то*: *жита́* Шенк. (Манс. 114) Черепов. (Ерем. 32) Юрьев.

(Черныш. 13). — *Ле́то*: *лета́* Держ. I, 273; ср. *ле́тами* id. IV, 124, 434, не по *ле́там* Гриб. Г. от у. I, 4, то же колебание у Пушк., Лерм.[1] — *Ма́сло*: *масла́* Шенк. (Манс. 114). — *Пи́во*: *пива́* Шенк. (ib.) Белоз. (Колос. Зам. 21) Тихв. (МАН. 116) Сузд. (Черныш. 18) Клин. (id. 18) Енис. (Селищ. 83), ср. укр. *пива́* Шевч. II, 154. — *Пле́со*: *плеса́* Колым. (Богор. 108). — *Про́со*: *проса́* Касим. (Будде, К ист. 341) Ряз. г. (РФВ. 28, 25). — *Се́но*: гречи, *сена́*, овса и проч. не сходили у нас с языка Гл. Усп. 256, — Шенк. (Манс. 114) Костром. (Виногр. 77) Казан. г. (дер. Белая, РФВ. 71, 8) Лаишев. (Будде, К ист. 112) Руз. (Дурново 130) Бобров. (id., Диал. раз. I, 160). — *Ество*: *ества́* Сибир. (Селищ. 136). Большинство этих форм с наконечным ударением в им. мн. закономерно. Ср. в сербском подобные факты переноса, напр. им. мн. бр̏да, ма̀сла, или указания на наличность нисходящей исконной интонации коренного гласного в ряде слов, как *горе*, *дерево*, *пиво*, *просо*, *сено*. Но есть отклонения. Русское *боло́то* в согласии с сербским *бла̏то* имело восходяще-долгий гласный в основе (под ударением), поэтому во мн. числе не должно было быть переноса ударения на флексию, ср. нормальную соответственную литературную форму *боло́та*. В форме им. мн. *болота́*, типичной для южновеликорусских говоров, свойственной, между прочим, и укр. языку, имеется таким образом ясное позднейшее образование. Таковы же формы *жита́*, *лета́* (ср. серб. *жи̏то*, *ље̏то*). От последнего имени существительного, как видно из материала, в языке старых писателей употреблялись и формы мн. числа с ударением на основе; сохранение этих форм вероятно поддерживалось влиянием книжной (церковнославянской) стихии на литературный язык. Характерна в перечне форма *горла́*: по свидетельству серб. *гр̏ло* слово исконно имело наконечное ударение, поэтому ударение в русском в ед. числе на основе (*го́рло*) — новое, создавшееся именно к форме мн. числа *горла́*, ср. *се́на́* — *се́но*, откуда при *горла́* — ед. числа *го́рло*.

[1] Ср. упрек Сумарокова по адресу Ломоносова за то, что последний ввел «провинциальное произношение» — *лета́* (Сумарок. X, 7).

Примеры форм с двусложными темами *зéлье*: ср. с *зелья́ми* Екатеринб. (Зел. Ск. 171); — *óзеро*: Умолкли *озера́* и реки и дубрава Сумарок. VIII, 44, 46, Аблес. Ск. I, Озер. Эл. к Абел., Козл. Бренда, Пушк. III, 506, 565; — *пла́тье*: *платья́* Онеж. (пр. 41) Холмог. (пр. 50) Шенк. (пр. 80) Петроз. (пр. 30) Кадник. (с колебанием, пр. 25) Сольвыч. (с колеб., пр. 193) Устюж. (с колеб., пр. 28) Котельн. (пр. 35) Малмыж. (пр. 103) Орл.-Ват. (пр. 63) Яран. (пр. 59) Муром. (Колос. Зам. 302; пр. 100) Макар. (пр. 56); — *пóило*: *поила́* Холмогор. (Селищ. 231); — *срéдство*: *средства́* Пинеж. (МДК. XI, 7) Костром. (с колеб., Виногр. 70) Сибир. (Селищ. 136); — *стояло*: *стояла́* Скопин. (Будде. К ист. 116); — *ту́лово*: *тулова́* Каргоп. (Колос. Зам. 192).[1] Литературному языку из этого наречия форм свойственна лишь форма *озера́*, к тому же лишь в старой стадии языка. История этой формы, отсутствие ее в частности в современном литературном языке при наличности в языке старшего периода неясны. Весь прочий материал принадлежит областной, почти исключительно северновеликорусской речи, свидетельствуя об аналогическом распространении в кругу слов с неподвижным типом ударяемости на основе основного типа форм с переносом ударения на флексию в словах подвижно ударяемых. В ряде примеров соответственные слова — не народного вообще, а литературного (книжного) источника, ср. в особенности формы *сред-*

---

[1] В некоторых случаях подобный перенос ударения отсутствует, напр.: *блю́да* Пушк. Е. О. II, 35, Некр. I, 248 IV, 79; — *крéсла* Пушк. I, 27, 98 III, 225 Е. О. I, 20, на мягких *крéслах* Лерм. II, 123; — им. мн. *пра́вы*, тв. *пра́вами* Фонв. Альз. IV, 3; ср. еще выше — им. мн. *бла́га* и др.; ср. род. мн. *зéркал* Пушк. II, 18 — форма, предполагающая существование в им. мн. *зéркала*. Как можно видеть, данный тип форм носит характер форм книжных и свойствен вообще словам заимствованным, в частности из церковнославянского языка. В этом смысле, быть может, и форму *блю́да*, с этим устойчивым ударением на основе, по данному признаку следует принимать за заимствованное из церковнославянского языка. Как церковнославянское заимствование, слово *войско* в старом литературном языке имело неподвижное ударение на основе, поэтому во мн. числе ударение не переносилось на флексию. Ср. москóвскіе *вóйска* Перв. Русск. Вед. 3, 6, 9, 82, *вóйски, вóйскам, вóйсками* постоянно у Держ. I, 200, 239, 321 II, 213 III, 292 IV, 51, 58, 123, 128, 257, 388, 535, С своими *вóйсками* соседа своего Сложились выгнать вон. Хемн. Три мужика, см. еще материал для им. мн. выше.

ства́, платья́, с которыми можно сопоставить аналогичную форму — *кушанья́* Белоз. (Бр. Сокол. 105). Может здесь остановить на себе внимание форма *платья́.* Замечательно полное отсутствие ее в литературном языке и, напротив, чрезвычайная устойчивость ее в диалектах, притом исключительно в черте северновеликорусского наречия. Необходимо, кроме того, обратить внимание на нормальную употребительность слова в народном языке лишь в виде pluralia tantum. Отсюда следует сделать заключение, относящееся к происхождению самой формы. Форма *платья́*, видимо, была в основе своей нормальным образованием на *-ья* от имени существительного *плат;* ср. в народной форме *платья́* сохранение старого значения чистой собирательности. Литературная форма им. мн. *пла́тья* и создавшееся к ней ед. число *пла́тье*, повидимому, позднейшие на литературной почве образования.[1]

Имена на *-ен* исконно характеризовались в формах мн. числа ударяемостью на флексии, ср. литературные формы — *имена́, племена́, стремена́, времена́, семена́* (серб. сjѐмена, племѐна, рамѐна). В старом языке такое же ударение было у слов *знамя, рамя.* Ср. *знамена́ми* Держ. II, 151 IV, 120, *рамена́* Ломон. II, 91 Держ. II, 12, 143, 293. Но рано появились у этих двух слов новообразования в отношении ударяемости — *ра́мёна, зна́мёна*, причем их причина не вполне ясна (от именительных ед. *рамено́, знамено́?*). С соответственным колебанием форм для последнего имени существительного мы встречаемся уже у Ломоносова — ср. у него *знамена́* I, 150 и *зна́мёна* I, 187, 231, то же колебание форм продолжается далее до Лермонтова включительно, ср. у Бат. — *знамена́* К Тассу, Пуст. Петр и *знаме́на* Пуст. Петр, у Дмитр. — *знамена́* Глас патр. и *знаме́на* Элегия, у Пушк. — *знамена́* I, 70, 82, 252 II, 131, *знаме́на* I, 257 III, 37, у Лерм. — *знамена́* I, 179, 262, ср. колебание *знаме́на́* в ст. Бородино. Та же

---

[1] Подтверждение этого предположения содержится в показании Пошех. словаря: здесь форма (им. мн.) *платья́* означает «платки», но при этом известна и форма (ед. ч.) *пла́тье* в значении «юбка» (Доп. к Слов. Якушк.).

судьба наблюдается с формой *рамена*: на *раменáх* при *рамéна* у Бат. Стр. и дом., Сон воинов; у Лерм. уже новая форма — Копье *рамéна* прободает, Черкасы. Можно отметить подобное же колебание форм еще для имени существительного *стремя*: *стременáх* при *стремéна* у Лерм. I, 343 II, 121, ср. *стремёна* в Терск. (РФВ. 44, 84). Имя существительное *семя* в ряде северновеликорусских говоров представляет формы мн. числа с ударением на начальном слоге (под влиянием ед. числа?): *сéмена* Кадник. (пр. 26) Тотем. (пр. 201) Белоз. (Тр. МДК. II, 55) Устюж. (пр. 199) Малмыж. (пр. 38, 193) Полин. (пр. 52, 68) Слобод. (пр. 141, 222) Яран. (пр. 59, 101) Муром. (пр. 93) Покров. (пр. 10) Макар. (пр. 56). В ряде говоров данная форма чередуется с формой *семенá* (под очевидным влиянием литературного языка, т. е. языка ближайших городских центров), но вообще данный тип образования должно рассматривать как наносный элемент в народной речи, так как живою в ней формою была и служит форма *семя́*. Из иных случаев колебания ударения следует указать на существительное *ворота*, звучащее по Далю (О нар. XXXIV) двояко — в виде *ворóта* «в северном и восточном наречиях» и в виде *воротá* «в южном и западном наречиях». В литературном языке обе формы одинаково употребительны (ср. одну и другую форму в басне Волк и Кот у Крыл., то же колебание форм у Пушк. и Лерм.); из областной речи можно отметить то же колебание в великорусском, ср. *ворóта* Пинеж. (МДК. XI, 7) Шенк. (ib. 31) Инсар. (пр. 231) Егорьев. (пр. 133,1) Брян. (пр. 239) и *воротá* Мокш.[1] (пр. 232,1) Мцен. (пр. 188) Дмитр.-Кур. (пр. 125) Судж. (Резан. 213). Слово по своему происхождению, повидимому, есть форма дв. числа от существительного муж. рода *вóротъ*, сохраняющемся и в современном языке в ед. числе, но в иных значениях. В этом отношении акцентологически закономерной должна считаться форма *воротá*, к которой разновидность *ворóта* создалась под влиянием

---

[1] Но по пр. 230,2 в Мокш. колебание форм *ворóта* и *воротá*, ср. то же в Чембар. (пр. 229) и др.

формы род. мн. *воро́тъ*. Ср. отношение старых им. ед. *во́ротъ* и род мн. *воро́тъ* с отношением им. ед. *во́лосъ* при род. мн. *воло́съ*.

Нерешенным вопросом (см. Шахм. Оч. древн. пер. 74—75, также Оч. совр. русск. лит. яз. 193) служит вопрос о передвижке ударения с флексии на основу у имен ср. рода с неподвижным ударением на окончании. Ср. в *го́внах* Печор. (Ончук. Ск. 117); — Пшеницы полны *гу́мна* их Ломон. I, 108, — *гу́вна* Семен. (пр. 118); — ср. укр. I всї *до́бра* землї Шевч. II. 383; — *кры́ла* Держ. I, 163, 164 и др. (см. выше); — *тѣ́үла* Спасск. (Будде, К ист. 142); — Покрыты *че́ла* их шеломами златыми Бат. Пуст. Петр; — ср. в укр. В тяжкї *я́рма* Шевч. I, 353. То же в случаях с двусложными темами: *кле́йма* Некр. III, 105; — *ко́льца* — *ко́лец* Держ. II, 334, Пушк. Е. О. III, 6; — Обшаркал начисто все *кры́льца* бар почетных Вяз. III, 364, род. *кры́лец*, дат. по *кры́льцам* Держ. I, 176, 216 III, 434, род. *кры́лец* Лерм. II, 282; — В топорах *лё́зья* приламалися Дмитр.-Кур. (Сперанский 41); — В фарфоре, кристале чужие *пи́тья*, снеди Держ. I, 282, род. *пи́тий*, *пи́тей* ib. III, 306, 349; — род. *ру́жей* ib. I, 364 II, 308, Бат. К Мур., Дмитр. Ласт. и пт., Гриб. Хищн. на Ч., Пушк. III, 492, Лерм. II, 494; — ср. еще — И сон от *о́чей* отгоняя Лерм. Кавк. пл. I; на *пле́чах* Некр. I, 39 III, 245.[1] В отдельных случаях подобный перенос ударения отсутствует: им. мн. *бревна́* Нижнеуд. (Черных 366); — И на подушки сквозь *окна́*... (р. луна́) Пушк. I, 146; — им. мн. *плеча́*, Держ. III, 266, и др. (см. материал в Ztschr. f. slav. Ph. II, 69); — им. мн. *колеса́* Жиздр. (Ник. 329) Моск. (Черныш. 76, также Изв. XIII, 176) Грайвор. (пр. 279) Дмитр.-Кур. (пр. 125, 236) Судж. (Резан. 219). В этих отступлениях форма *плеча́* имеет ударение из старейшей формы дв. числа *плечи́*, см. в отмеченной отдельной статье. О форме, как видно

[1] Если, согласно со сказанным выше (с. 395), предполагать исконное существование слова *горло* в ед. числе с наконечным ударением, то форма мн. числа от него ожидалась бы в виде — *го́рла*. Ср. у Сумарокова, употребляющего принципиально (Соч. X, 98) безударную флексию от слов ср. рода в им. мн. в виде *-ы*, *-и*, написание — огнедышущие *горлы* (IX, 236).

из материала, лишь южновеликорусской — *колеса́* следует думать как о закономерной форме от предка слова в ед. числе — *коло*, род. *колесе*; ср. *небо*, *чудо* (*слово*) — мн. *небеса́*, *чудеса́* (*словеса́*), откуда при *коло* — *колеса́*. Поэтому литературная форма *коле̃са* есть новое образование к ед. числу *колесо*, ср. выше — *знамёна*, *рамёна*, *стремёна*. Неясна диал. форма *бревна́*; впрочем, ее можно было бы считать закономерной от ед. числа предполагаемого варианта слова с ударением на основе. Особняком еще стоит форма и в конечном итоге остается неясной — параллель к литературной форме *внуча́та*, звучащая с ударением на начальном слоге — *вну́чата*. Эта последняя форма известна исключительно в черте северновеликорусского наречия. Она отмечена в Онеж. (пр. 41, 260) Шенк. (пр. 80) Каргоп. (пр. 106) Олон.[1] (пр. 29) Петроз. (пр. 13, 30, 34) Волог. (пр. 82) Кадник. (пр. 25[1], 26) Никол. (пр. 266) Тотем. (пр. 198, 201) Устюж. (пр. 28[1], 195, 199) Буйск. (пр. 18) Кологр. (пр. 58) Котельн. (Тр. Вят. Пед. И. III, 59) Малмыж. (пр. 38, 103, 105) Нолин.[2] (пр. 52) Орл.-Вят. (пр. 37[1], 63) Слобод. (пр. 53, 120, 141, 222) Яран. (пр. 59) Камышл. (пр. 89) Чердын. (пр. 258) Луж. (РФВ. 40, 119) Тюмен. (пр. 27) Тобол. г. (пр. 21). Следует еще отметить колебание *вну́чата* и *внучата́* в Холмогор. (пр. 50), а также указать на параллельное образование к *вну́чата* — *я́гнята* в Холмогор. (ib.) и Петроз. (пр. 34). В форме *вну́чата* слово единично встречается в языке писателей: Оне и отдаленных *вну́чат* Геройским подвигам научат Вяз. III, 47. Форма *вну́чата*, служа образованием от старого *внуча*, должна была бы во мн. числе иметь ударение на суффиксе *-ат-*, ср. *жеребя́та*, *порося́та* и под.; образование же *я́гнята*, можно думать, отражает старину: ср. ед. число *я́гня* (в церковном произношении) и серб. ја̏гње, с восходящею долготою в корне, при нисходящей долготе в ждри̏јебе, пра̑се и др. В отношении ударяемости формы *вну́чата* остается, повидимому, лишь думать о влиянии родствен-

[1] Здесь же известна и форма *внуча́та*.
[2] Но по пр. 68 здесь указывается форма *внуча́та*.

ных слов *внук, внука, внучка*, с постоянной ударяемостью на корневой части.

В дательном, творительном, местном падежах ударение следует именительному падежу. Однако в южновеликорусских говорах в связи с отмеченным выше расширением здесь форм на ударяемые *-áм, -áми, -áх* в именах ж. рода, наблюдается преобладание этого типа форм и у слов ср. рода независимо от их формы в им. мн. числа. Ср. в Богородском у. — в *селáх* (Изв. V, 2, прим. 8), в Верейск. — на *гувнáм* (Черныш., ib. XIII, 289), далее — *акнáми, кальцáми* в Моск. (Сб. II Отд. 75, 2, 40), *видрáми*, пы *сялáм* (пр. 41,1; Черныш. 149) *рашатáми* Белев. (Изв. II, 836) по *селáм, ведрáми* Брян. (пр. 259) *зярнáми* Орл. (Будде 40) па *силáм, видрáми*, у *видрáх* Судж. (Резан. 219); ср. еще из черты переходных говоров форму тв. мн. *копытáми* (при им. ед. *копы́то*) Детскос. (С. Обнорский). Однако и в литературном языке единично попадаются этого рода формы. Ср. *гумнáх* у Держ. II, 103, в *ремеслáх* у Крыл. Посл. о н. стр., с двумя светлыми *окнáми* у Кольц. Домик лесн., по *ребрáм* костей, в *селáх* (рядом — в *сёлах*), *копьями* острыми пронзен у Лерм. I, 6, 9, 11 II, 135, по торговым *селáм* у Некр. I, 19. Здесь Крыловская форма *ремеслáх* есть старое образование от формы им. мн. *ремеслá*, которая лишь позднее уступила место новой форме *ремéсла*. Приведенный материал из Кольцова и Лермонтова должен иметь значение диалектических форм, привнесенных названными писателями, как уроженцами-южновеликорусами. В формах *гумнáх* и *селáм* у Державина и Некрасова, не южновеликорусов по происхождению, сказалось, очевидно, то же воздействие южновеликорусской стихии, но прошедшее через посредство средней полосы великор. говоров. Отмечу в заключение обратное явление с передвижкой ударения к началу слова (на основу). Такова форма тв. *стáдами* Моск. (Сб. II Отд. 75,2, 40); эта форма однако с отпечатком книжного образования (существительное *стáдо* в живой народной речи не употребляется во мн. числе) и отражает соответственно влияние ед. числа.

4. Перенос ударения на предлоги с существительных — а) муж., б) ж., в) ср. рода.

а) *За́ волосы* общелит.; — *во́ веки* веков Грибо. Г. от у. I, 5, Некр. III, 98, — Терск. (Караул. 36); — И ко мни *во́-глазы* родитель не обхаживат Петроз. (Барс. II, 43); — *на́ годы* Моск. (Черныш. 53); — *во́ лбы*-те Котельн. (Зел. Ск. 23); — *за́ роги* Терск. (Караул. 36); — *по́д углы* Моск. (Черныш. 22); — *на́ холмы* Лерм. I, 232; — что *за́ люди*, mon cher! Грибо. Г. от у. IV, 4, Некр. III, 111, — Терск. (Караул. 36); *по́ людям* Моск. (Черныш. 22) Терск. (РФВ. 44, 85) Колым. (Богор. 41), *при́ людях* Кашин. (Смирн. 96), ср. Ин вы у бога *не́ люди* Некр. III, 114; — *на́ полдни* Семен. (пр. 118) Медын. (пр. 263) Терск. (РФВ. 44, 85).

б) *На́ воды* Лерм. II, 480; — *за́ вожжи* Терск. (Караул. 36); — Леший *за́ горы* уйдет. Кольц. Бегство, *на́ горы* Лерм. I, 11, *до́ гор* Муром. (Колос. Зам. 302), *по́ горам* Терск. (Караул. 36); — *за́*, *на́*, *по́д ноги* общелит. (напр. у Пушк., Лерм., Некр., — Он *по́д ноги* не стлал ковров Персидских Крыл. Посл. о п. стр.); — ср. в укр. Піду собі світ-*за́-очі* Що буде те й буде Шевч. II, 209; — *за́ полы* Пушк. Русл. I; — Взяв. *за́ руки* меня, подводят ко цветам Дмитр. Картина, Кому бы *на́ руки* дитя свое отдать Хемн. Восп. Льва, Метаф., И *по́д руки* его берут Id. Бог. и бедн.; — *на́ брови* Лерм. II, 332, 374; — *по́ кудрям* Лерм. I, 232; — *на́ сани* Моск. (Сб. II Отд. 75,2, 40).

в) *по́ брюхи* Терск. (Караул. 36); — Кафтанишка рваной *На́ плечи* натянешь Кольц. Лих. Кудр. (у него же — И *на пле́чи* накинь шаль с каймой расписной, Посл. поцелуй), Лерм. Сашка CXXII; — *за́ уши* Пушк. I, 120, Е. О. VII, 44, Детина *по́ уши* в красавицу влюбился Хемн. Сч. Муж, Крыл. Свинья, Волк и лис., — Терск. (Караул. 36), ср. *на́ ухи* Новосил. (Будде 26).

Этот материал дополняет соответственные данные, приведенные выше для форм имен существительных в ед. числе, и в этом смысле особых замечаний не вызывает. Отмечу случаи кажущегося обратного явления, с ударяемостью конечного слога в некоторых наречных сочетаниях. Таковы формы — *взаймы́*

(напр. у Хемн. Бог. и бедн.); — То оные стихи бывают все в *смехй* Держ. III, 366; — *взаправдй*, adv. Кашин. (Смирн. 16). Но в первых двух примерах ударяемость флексии закономерна, так как здесь в основе винительные падежи мн. существительных, ср. выше случаи в роде об *доскй* и др.; ср. еще подобную форму из диалектической речи — из двери в *дверй* Каргоп. (Колос. Зам. 123). Форма *взаправдй* есть образование аналогическое, явившееся по образцу наречных форм типа *взаймы́* и под.

II. Остатки старого склонения у имен с основами на *-es.

Как было замечено, в литературном языке от этой категории существительных сохраняются формы мн. числа лишь для двух слов — *небо* и *чудо*. В народной речи и эти формы (*небеса*, *чудеса*) чужды собственно живому употреблению, ср. здесь склонение последнего имени существительного в формах мн. числа с тем же опущением в основе суффикса *-ес-*, какое имеется в склонении слова и в литературном языке в формах ед. числа; что касается имени существительного *небо*, то мн. число от него в народном языке не употребляется. Однако в старом литературном языке сравнительно долго (до половины XIX столетия) изредка употреблялись архаические образования на *-ес-* еще от некоторых иных имен существительных в тех же формах одного мн. числа. Таковы именно формы мн. числа от существительных *дерево*, *око*, *ухо*, *слово*, *тело*. Ср. подходящий материал: И отрасли свои пустили *древеса* Сумарок. V, 5, 27, 32 и мн. др., Иль милая в тени *древес* меня целует Держ. I, 167 II, 116, Под густую тень *древес* Чулк. I, 28, 92, *Древес* под зыбкой тенью Жук. К Б-у, Вадим, В зеленом сумраке развесистых *древес* Бат. Мщение, Тавр., Эл. из Тиб., Или в тени *древес* пастушки с волосами Вяз. III, 3 (ср. у него же в стихотворениях Прощ. с Ниццею и Забыть ли, 1859 и 1865 гг., т. XI, 319 XIII, 197), В восторге *древеса*, казалось, трепетали В. Пушк. Зав. соловья, И соловей во мгле *древес* Напевы звучные заводит Пушк. Е. О. III, 16, Кавк. пл., Сквозь темный свод *древес*

Лерм. Черкесы, В тени *древес*, во мраке сада, Барат. Пиры, Вершины вековых *древес* Некр. IV, с. L; — В твои пресветлы *очеса* Ломон. I, 132, Где взоры голубых *очес* Держ. I, 71 II, 9, 10, С нее в лазоревую ночь Не сводим мы *очес* Барат. I, 174; — чтобъ и впредь Господь богъ . . . напвящею радостію *ушеса* ваши наполнял П. и бум. П. В. I, 216, Склони ко мне свои, читатель, *ушеса* В. Майк. Елисей IV, 254, Клоню вперенны *ушеса* Держ. III, 77, а двери уст и *ушес* отверзли бы к слышанию символа веры. Гог. Разм. о бож. лит.; — Они вещают нам родные *словеса* Вяз. XI, 242 (ст-ние 1856 г.); — род. мн. *телес* у Кантем. (не в сатирах, РФВ. 69, 57), огромнейшие в мире *телеса* повинуются в течение своем исчислению Радищ. I, 38 II, 14. В источниках народного языка эти формы естественно могут встретиться в произведениях книжного стиля, в песнях, сказках и под.: *древеса* и каменья Гжат. (Безс. V, 199); от *очес* божиих Моск. г. (ib. I, 274); Говорил таковы *словеса* Петроз. (Гильф. 842) Каргоп. (Колос. Зам. 173) Буйными *словесами* похвалятися Чулк. I, 569, 474, ср. *славясá*, *славясóф* Ворон. г. (Филат. 186); Покажитесь *телеса* мне-ка бездушныи Петроз. (Барс. I, 28, 250) Звенигор. (Безс. I, 318) там *телес* мёртвых поуный подноу лежит Петроз. (Ончук. Ск. 248) и́хни *телесá* разбросал Котельн. (Зел. Ск. 173) Спмб. (Мотов. 11); *чудеса* — см. материал выше. Из всех этих форм только одна — форма *телеса* может употребляться в современном языке (при том в особом значении тучного тела).

Заключительные положения.

1. Принцип аналогии, так широко практикуемый в объяснении фонетических и морфологических (и иных) языковых явлений и несомненно имеющий свое большое значение в течении морфологических процессов, должен однако быть ограничен в применении именно к истолкованию явлений морфологии: воздействие аналогии в развитии тех или иных морфологических процессов само должно иметь свои причины и оправдываться наличностью известных факторов, обыкновенно фонетического порядка. Только вскрытие этого рода факторов, как стимулов к возникновению действия аналогического процесса, делает вполне достаточным и оправданным объяснение того или иного морфологического явления предположением аналогии.

2. Исследование некоторых явлений русского именного склонения (как, напр., образования форм родительного-местного ед. числа на *-у*, или именительного мн. числа на *-á* и на *-ья*, и др.) ведет к непреложному заключению о том, что в эпоху сложения «великорусского» единства в языке сохранялись еще унаследованные из старейших эпох интонационные различия в ударении.

3. Органическое развитие русского литературного языка находится в теснейшей связи с развитием живой народной (диалектической) речи и протекает в условиях необходимого и непрерывного воздействия со стороны последней. Обратное воздействие литературного языка на народный язык, хотя и является действующим так же непрерывно, но вместе с тем относится к известным лишь сторонам языка (особенно к лексике) и не носит обычно характера органически действующей силы, дающей напра-

вление известным общим процессам, в частности морфологическим процессам, в развитии народной речи. Как редкое исключение из последнего положения выдается обозначившийся процесс диалектического образования форм родительного мн. числа на *-ов*, *-ев* от имен существительных муж. рода мягкого различия (типа *рублев*), от имен ж. рода на *-а* (типа *книгов*) и ср. рода на *-ие* (типа *занятиев*), процесс, обязанный в момент своего зарождения именно влиянию литературного языка на народный язык; ср. еще формы дат. мн. на *-ми*.

4. В истории русского литературного языка вслед за длительным и более или менее устойчивым и однородным периодом влияния на него живых элементов московского наречия, начиная с Петровской эпохи выступают иные, более сложные пути соответственных на него влияний, в частности и продолжение старого московского воздействия, и расширение его влиянием из иных районов южновеликорусской территории (ср. такие явления литературного языка, *южновеликорусские* в своей основе, как — формы род. ед. на *-у* от имен ср. рода, формы м. ед. на *-у* от имен с неподвижной ударяемостью на окончании, напр. в *песку́*, на *песку́*, формы им. мн. на *-а́* от слов ж. рода IV типа, напр. *зеленя́*, форма род. мн. *сердцо́в*, ударение у имен ср. рода в дат., тв., м. мн. числа типа *села́м, -а́ми, -а́х* и др.), и, наконец, довольно значительное отражение чистой северновеликорусской народной стихии (ср. такие, *северновеликорусские* в своей основе, явления литературного языка, как — сохранение имен существительных на *-ко, -ло* со склонением их по II типу, отсутствие в литературном языке следов образований род. ед. от имен на *-а* типа *жене́*, совпадение норм употребления форм родительного и местного ед. числа на *-у* от имен муж. рода с соответственной картиной употребления этих форм в северновеликорусских говорах, ограничение употребления форм им. мн. на *-а*, согласно с северновеликорусским наречием, лишь от неодушевленных имен существительных, употребление форм им. мн. на *-овья*, напр. *кумовья* и др., употребление в старом литературном языке форм

им. мн. типа *бара*, *татара*, *дворяна*, исчезновение форм им. мн. от слов ср. рода типа *сёлы*, употребление в старом литературном языке форм род. мн. типа *поль*, или *мышцей*, или *братей*, распространение и общее закрепление как литературной нормы форм род. мн. на твердое *-н* от имен ж. рода на *-ня*, закрепление в языке существительных *боль*, *капель*, *моль*, как имен *ж.*, не *муж.* рода, сохранение старой ударяемости на основе в форме дат., тв., м. *де́ньгам*, *-ами*, *-ах*, и др.).

5. Изучение великорусского именного склонения в его целом позволяет ближайшим образом уяснить прошлое тех или иных морфологических процессов в пределах общевеликорусского языка, или отдельно северновеликорусского или южновеликорусского наречия, или иных входящих в их состав более мелких диалектических группировок.

6. Черты типически северновеликорусские в формах именного склонения.

Особенности северновеликорусских говоров: 1) архаические образования в им. ед. типа а) *барони* (откуда — *баронья*, *барона*, *баровна*, *баронъ*), б) *мати*, *дочи*, в) *колоколо*, г) *Александро*, *Михайло*, *батюшко* и др. (со склонением по II типу), д) *мировая судья* (с согласованием по ж. роду);

2) новые образования в им. ед. типа а) *свекрова*, б) *девченко* и под.;

3) род. ед. *рубли*;

4) тв. ед. типа *саблёй*, *девицой*;

5) им. мн. на *-ова*, *-ева*;

6) им. мн. на *-овья* от одушевленных имен существительных (*братовья* и под.);

7) им. мн. типа *бара*, *татара*, *крестьяна*, также *цигана*;

8) им. мн. *опята*;

9) род. мн. *пуд*;

10) образование род. мн. на твердое *-н* от имен ж. рода на *-ня*, также формы типа *кудер*, *ясел* и др.;

11) род. мн. типа *времян*;

12) особенности в ударении: а) им. ед. *сóсна, óльха*; б) дат. (откуда и м.) ед. типа *стóроне*; в) им. мн. *сестрý, женý* и др., *платья́, сéмена, внýчата*; г) формы мн. числа *пальцóв, зайцóв*.

Особенности северновеликорусского наречия и полосы переходных говоров: 1) преобладание в склонении известных групп существительных тем полного вида (с о, е на месте старых ъ, ь), напр. *лоб — лоба*, также *лед — леда, заяц — заяца, пепел — пепела*, но *олень — ольня*, мн. *урки*;

2) новое образование в им. ед. *ангель*;

3) им. мн. типа *бары, крестьяны*;

4) мн. число типа *поросенки — поросенков*;

5) род. мн. *человеков*;

6) род. мн. типа *свадьбéй* (от имен ж. рода IIIа типа);

7) род. мн. на *-ов* типа *полёв* (от имен ср. рода IIб типа);

8) род. мн. на *-ей* типа *братей* (от существительных, оканчивающихся в им. мн. на *-ья*).

Особенности Олонецкой группы северновеликорусского наречия (в ее части): 1) им. мн. на *-ья* от имен существительных ж. рода (III и IV типа);

2) род. мн. типа *кольцей* (от имен ср. рода на *-ц-*).

Особенности Архангельской, Олонецкой и Вологодско-Вятской группы северновеликорусского наречия: 1) род. мн. типа *купцей, девицей*, также *князьей* и под. (от слов муж. и ж. рода); 2) архаические формы род. мн. *моръ, поль*.

Особенности Олонецкой и Вологодско-Вятской группы северновеликорусского наречия: 1) им. мн. на *-а* от слов ср. рода на *-ко*, также общее отсутствие форм им. мн. на *-ы, -и* от имен существительных ср. рода;

2) тв. ед. типа *костьей* (от имен ж. рода IV типа).

Особенность Новгородской (в части) и Вологодско-Вятской группы северновеликорусского наречия: тв. мн. на *-м*.

Особенности Восточно-Новгородской, Вологодско-Вятской, Владимирско-Поволжской группы северновеликорусского наречия

и полосы переходных говоров: род. мн. типа *рублёв* (от имен муж. рода Iб типа).

Особенности Вологодско-Вятской группы северновеликорусского наречия: 1) им. ед. типа *имё*;

2) дат.-м. ед. типа *крове* (от имен ж. рода IV типа);

3) дат. и тв. мн. на *-ма*.

Особенность Вологодско-Вятской и Владимирско-Поволжской группы северновеликорусского наречия: отсутствие форм род. ед. типа *стене* и дат.-м. ед. типа (к, на) *стены*.

Особенность Восточной группы северновеликорусского наречия (Пермского края): дат.-тв. мн. на *-мя*.

7. Черты типически южновеликорусские в формах именного склонения.

Особенности южновеликорусских говоров: 1) архаическое образование в им. ед. — *свекры́*;

2) новые образования в им. ед. — а) *свекра́*, также *свекровья*; б) существительные *путь, мыш, корь, капель*, как имена муж. рода (со склонением по I типу, ср. род. *путя́* и под., м. ед. в *корю́*); в) *стуло*; г) *дохтарь, комарь, комнать*;

3) утрата ср. рода, в частности образования типа *Александра, Михайла, батюшка* и др. (со склонением по III типу);

4) расширение образований родительного-местного на *-у*, в частности а) род.-м. на *-у* от одушевленных имен существительных, б) род.-м. на *-у* от имен существительных с неподвижной ударяемостью на основе или на окончании, в) род. на *-у* от слов ср. рода;

5) архаические формы дат.-м. на *-и* типа (к, на) *зари* (от имен ж. рода IIIб типа);

6) вин. ед. типа *дочерю, лошадю* (от имен ж. рода IV типа), откуда в им. ед. *дочеря, лошадя*;

7) архаические формы с преобладающим или исключительным употреблением тв. ед. на *-ою, -ею* (от имен ж. рода III типа);

8) им. мн. на *-а́* от одушевленных имен существительных (*жука́* и под., *соловья́* и др.);

9) им. мн. на -*ья*, как — а) *сынья́*, б) *дочерья* и др. (от имен ж. рода), в) *стаканья, тараканья* и др. (от многосложных имен существительных муж. рода);

10) отсутствие образований им. мн. на -*овья* от одушевленных имен существительных;

11) им. мн. типа *баря, крестьяня*, также *хозяя* (при *хозяи*);

12) архаический род. мн. *зуб* при новообразовании *разо́в*;

13) род. мн. на -*нь* от имен ж. рода на -*ня*, также *сажень*;

14) род. мн. на -*о́в* от имен ср. рода на -*цо* (-*це́*), типа *яйцо́в, сердцо́в*;

15) род. мн. типа *стременов*;

16) особенности в ударении — а) *туча́, роща́, чаща́, пашня́*; б) *волк — волка́*, мн. *волки́*, *вор — вора́*, мн. *воры́*, *медведь — медведя́*; в) мн. *орехи́, деды́, колеса́, дро́ва*; г) им. мн. *ко́ймы, ско́мьи* и др. (от имен ж. рода с неподвижным ударением на окончании); д) дат., тв., м. мн. типа *села́м, а́ми, а́х*, также по *слуха́м, молота́ми, вила́ми, пройма́х* и др., *деньга́м, а́ми, а́х*.

Особенности южновеликорусского наречия, не принадлежащие однако Рязанскому говору: 1) м. ед. на -*у* от слов ср. рода, как с ударением на основе, так и с ударением на окончании;

2) им. мн. на -*а́* от имен существительных ж. рода (III и IV типа) — *староста́, деревня́, зеленя́* и под.;

3) архаическое *сажень*, как имя существительное муж. рода (род. *сажня*);

4) особенности в ударении — а) вин. ед. типа *ногу́, руку́*; б) им. мн. *болота́, уга́лья*.

Особенность Тульской группы южновеликорусского наречия и полосы смешанных говоров: тв. ед. на -*уй* (от имен ж. рода III и отчасти IV типа).

Особенности Орловской группы южновеликорусского наречия (с диссимилятивным аканьем):

1) преобладание или исключительность форм им. мн. на -*ы́* -*и́*, а не на -*а́*, также — *браты́, сваты́* и др.;

2) дат.-м. мн. на -*ём*, -*ёх* типа *санём, санёх*;

3) архаические формы дат. мн. типа (по) *гряхо́м* и др.

Особенности рязанского наречия: 1) наличность лишь форм род. ед. типа *стене́* при отсутствии форм дат.-м. типа (к, на) *стены́* (то же в Донской, Кубанской и Терской области);

2) отсутствие форм м. ед. на *-у* от имен ср. рода с ударением на окончании (то же в Воронежской губ. и Донской области);

3) отсутствие форм им. мн. на *-ы*, *-и* от имен ср. рода.

